

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ОБРАЗОВАНИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ПОЛИТОГЕНЕЗ И ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ**

**От локальной потестарности
к глобальной мир-системе**

Под редакцией Л. Е. Гринина

Москва
Издательство «Учитель»
2019

Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной постарности к глобальной мир-системе: коллективная монография / под ред. Л. Е. Гринина. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. – 608 с.

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография охватывает огромный временной интервал (не менее 7–9 тыс. лет): от неолита и даже позднего мезолита до современности; в ней проанализированы все типы политической эволюции, от среднесложных обществ ранних земледельцев и скотоводов через стадии вождества (и его аналогов) и раннего государства (и его аналогов), развитых и зрелых государств до надгосударственных союзов и Мир-Системы в целом. В монографии представлен анализ разных по политическому режиму, административным характеристикам и иным параметрам типов государств как в древности, так и в период модерна и современности. Одна из главных идей монографии – наличие в любой период времени не одного, а целого ряда путей социополитического обществ развития (то есть многолинейность). Присутствует как генерализующий анализ, так и исследование конкретных народов, обществ и государств в определенные эпохи, при этом анализируются общества как Старого (Евразии, Африки), так и Нового света, и т. д.

В монографии представлен целый ряд теорий и подходов, которые проливают новый свет на политическую историю, антропологию и в итоге дают возможность прогнозирования того, как будет формироваться новый политический порядок в мире. Монография является результатом трехлетней работы по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

ISBN 978-5-7057-5748-0

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

Оглавление

Введение	5
Часть I. Теория политогенеза	
<i>Глава 1</i> Начальные фазы политогенеза (<i>Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев</i>).....	6
<i>Глава 2</i> Потестарность как архаическое лидерство: архетипы и модусы (<i>В. А. Попов</i>)	77
<i>Глава 3</i> Вождества и другие среднесложные политии (аналоги) и их социально-политические институты (<i>Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев</i>)	93
<i>Глава 4</i> Проблемы формирования ранних государств и политических институтов. Ранние государства и их аналоги (<i>Л. Е. Гринин</i>).....	119
<i>Глава 5</i> Феномен вторичного политогенеза и парapolитейность в предколониальной Африке (<i>В. А. Попов</i>)	142
<i>Глава 6</i> Особенности политогенеза в историко-археологической динамике (<i>Н. Н. Крадин</i>)	158
Часть II. Некоторые варианты и аспекты политогенеза	
<i>Глава 7</i> Образование раннего государства из сложного вождества. На примере Гавайев (<i>Л. Е. Гринин</i>)	181
<i>Глава 8</i> Механизмы и формы надлокальной интеграции в славянском мире в VII–X вв. в контексте политогенеза (спорные вопросы современной историографии) (<i>Д. Е. Алимов</i>)	200
<i>Глава 9</i> Политическая организация иранских номадов в древности (<i>Е. В. Вдовченко</i>)	235
<i>Глава 10</i> Раннее государство и демократия (<i>Л. Е. Гринин</i>)	266
<i>Глава 11</i> Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (на африканском материале) (<i>В. А. Попов</i>)	318
<i>Глава 12</i> Становление вторичной государственности на Дальнем Востоке в Средние века (<i>Н. Н. Крадин</i>)	334
Часть III. Тысячелетние политические тренды и прогнозы	
<i>Глава 13</i> От Афроевразийской мир-системы к глобальной мир-системе (<i>Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев</i>)	361
<i>Глава 14</i> От раннего государства к зрелому. Динамика политической организации (<i>Л. Е. Гринин</i>)	402
<i>Глава 15</i> Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем (<i>Л. Е. Гринин</i>)	440

<i>Глава 16</i>	Логико-математическое моделирование социальной самоорганизации и эволюции политических систем (<i>С. Ю. Малков</i>)	473
Часть IV. Современные политические аспекты и прогнозы		
<i>Глава 17</i>	Изменения в институтах государства за последние 100–150 лет (<i>Л. Е. Гринин</i>)	489
<i>Глава 18</i>	Вожества: вчера и сегодня (<i>Л. Е. Гринин, А. В. Кортаев</i>)	504
<i>Глава 19</i>	Экономический рост и дестабилизация современных социально-политических систем и институтов (<i>А. В. Кортаев, И. А. Васькин, С. Э. Билюга</i>)	512
<i>Глава 20</i>	Зависимость между длительностью существования государственных институтов и опасностью нестабильности (<i>Л. Е. Гринин, А. В. Кортаев, С. Э. Билюга, А. Л. Гринин, Д. А. Быканова</i>)	539
<i>Глава 21</i>	От мир-системы к мир-организму: результаты моделирования социально-политической эволюции (<i>С. Ю. Малков</i>)	562
Сведения об авторах		607

Введение

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография охватывает огромный временной интервал (не менее 7–9 тыс. лет): от неолита и даже позднего мезолита до современности; в ней проанализированы все типы политической эволюции: от среднесложных обществ ранних земледельцев и скотоводов через стадии вожества (и его аналогов) и раннего государства (и его аналогов), развитых и зрелых государств до надогосударственных союзов и Мир-Системы в целом. В монографии представлен анализ разных по политическому режиму, административным характеристикам и иным параметрам типов государств как в древности, так и в период модерна и современности. Одна из главных идей монографии – наличие в любой период времени не одного, а целого ряда путей социополитического развития обществ (то есть многолинейность). Присутствует как генерализующий анализ, так и исследование конкретных народов, обществ и государств в определенные эпохи, при этом анализируются общества как Старого (Евразии, Африки), так и Нового света, и т. д.

В отношении вожества и особенно государства, несмотря на, казалось бы, изученность этого института, существует много неясностей и дискуссионных проблем. Много неизвестного и спорного в том, как и почему они возникли. Существуют сотни сильно различающихся между собой определений государства. В то же время не удалось выделить общепринятых критериев, согласно которым государство можно четко отличить от догосударственных и негосударственных политий. Поэтому неудивительно, что в политической антропологии в последние десять-двадцать лет дискутируется вопрос о том, являлись ли греческие полисы и Римская республика государствами или они были особыми безгосударственными политиями. Недостаточно разработана теория эволюции и эволюционных типов государств. Наконец, неясен вопрос о сегодняшнем состоянии государства. Некоторые политологи говорят, что оно укрепляется, в то время как другие считают, что в результате глобализации происходит ослабление государства, которое перестает выполнять многие присущие ему функции. Тем более нет единства в отношении того, каково будущее государства: сохранится оно, исчезнет или трансформируется в нечто иное. В настоящей статье сделана попытка обобщить и по-новому взглянуть на некоторые аспекты этого большого пласта проблем. Многие из указанных проблем будут достаточно полно рассмотрены в настоящей монографии.

Монография будет состоять из введения и четырех частей: «Теория политогенеза»; «Некоторые варианты и аспекты политогенеза»; «Тысячелетние политические тренды и прогнозы»; «Современные политические аспекты и прогнозы»¹. В книге представлена 21 глава. Соответственно, часть I состоит из 6 глав, как и часть II; часть III – из 4 глав; часть IV – из 5 глав.

В монографии представлен целый ряд теорий и подходов, которые проливают новый свет на политическую историю, антропологию и в итоге дают возможность прогнозирования того, как будет формироваться новый политический порядок в мире.

¹ См. также базу данных «Эволюция государственности и государственных политических институтов»: <https://www.socionauki.ru/news/1902742/>.

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ ПОЛИТОГЕНЕЗА

Глава 1. Начальные фазы политогенеза

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глава является вводной к целому ряду других глав монографии. В ней будет проанализирован макроэволюционный процесс, который имел место в течение очень длительного периода. В ней представлен общетеоретический анализ процессов и моделей формирования и развития политий, начиная от уровня сложности простых вождеств и их аналогов до ранних государств и их аналогов. Весь этот макроэволюционный процесс в целом назван авторами эпохой первичного (или начального) политогенеза. В процессе политогенеза выделен в качестве его составной части *государствогенез*.

Первичным политогенез назван потому, что на процессе формирования ранних государств он не останавливается, а продолжается в течение всей эволюции государственности от раннего к развитому и даже зрелому государству. Эпоха первичного политогенеза делится на две субэпохи: 1) период формирования вождеств и их аналогов, или догосударственный период; 2) формирование и развитие ранних государств и их аналогов, или раннегосударственный период. Достижение каждого из эволюционных уровней (вождеств и их аналогов, ранних государств и их аналогов) рассматривается авторами в качестве социальных ароморфозов. Социальные ароморфозы – это эволюционно редкие качественные макроизменения, которые значительно повышают сложность, приспособленность и уровень взаимного влияния обществ, а также впоследствии открывают новые направления развития многим социумам.

В главе высказывается следующая важная идея. Эволюционные процессы, модели и направления эпохи первичного политогенеза дают возможность сделать вывод о том, что в течение довольно длительного периода ни функциональная дифференциация внутри социальных систем, ни политогенез, ни формирование социальных групп и классов, ни другие процессы не были четко выражены и не были как-то отделены друг от друга и других эволюционных процессов. Они представляли собой единый процесс, в рамках которого существовали разные аспекты развития. При этом в каждом обществе складывался свой неповторимый вариант развития, где тот или иной аспект формирующихся среднесложных и сложных обществ был развит сильнее и/или преобладал, а другие аспекты развития могли быть выражены слабо или сильно отставать. Поэтому, с одной стороны, мы видим, что в различных поздних архаических обществах есть много общего, а с другой – что нельзя говорить в целом (в рамках социальной эволюции) о преобладании тех или иных линий развития

в этот период. В каждом обществе это могло быть очень индивидуальным. Поэтому не только можно, но и необходимо говорить о многолинейной социальной эволюции.

Только очень постепенно процессы социогенеза, политогенеза, генезиса цивилизаций, этногенеза и т. д. стали более или менее дифференцироваться. После этой начальной дифференциации можно наблюдать другую волну дифференциации уже в рамках более зрелого политогенеза, когда идет процесс дифференциации собственно раннегосударственной и административной линии в рамках формирования разнообразных аналогов ранних государств.

Аграрная революция, или, точнее, ее первая фаза, была связана с переходом к примитивным земледелию и скотоводству. Данный переход ознаменовался глубокими социодемографическими изменениями. При этом важно, что возрастание численности населения и демографического давления (как и рост размеров поселений и общин) вели к возрастанию значимости потестарно-политических (то есть властных) отношений как внутри социумов, так и в межобщественных отношениях, включая военные столкновения. Таким образом, даже на этом уровне сложности можно говорить о протополитогенезе, в частности о потестарных отношениях (см. подробнее в главах 2 и 5).

Однако для того чтобы такие общества, аналоги которых зафиксированы в этнографических наблюдениях наиболее традиционными социополитическими системами Новой Гвинеи, могли развиваться в более сложные организационные формы, они должны были, по образному выражению Ж. Бурдо, «вылечить власть» от паралича безличности, то есть требовалось формирование института власти вождя или его аналогов (в том числе и в виде демократических органов). Поэтому достижение момента, когда формирование первых политий достигло уровня вожеств или их аналогов, было одним из наиболее важных макроэволюционных сдвигов.

В главе предварительно рассматриваются среднесложные общества, при этом с учетом сложившихся концепций они условно делятся на простые вожества и их многообразные аналоги. Формы социополитической организации этого уровня могли быть довольно разнообразными: более или менее централизованные вожества, самоуправляемые гражданские или гражданско-храмовые общины; децентрализованные безвожеские достаточно сложные по структуре племена, так же как и другие различные среднесложные политические системы (подробнее эта тема рассматривается в главе 3). Что касается сложных вожеств, то они относятся к аналогам ранних государств. Этот аспект подробнее будет рассмотрен в главах 4 и 7.

В главе рассматриваются конкретные проявления многолинейности в политогенезе и вариации социополитических форм. Анализируются основные причины, которые определяют политогенетические пути данного общества. Исследуемые факторы включают в себя размер политики, ее экологическое (природное) и социальное окружение, войны и др. Важный вывод заключается в том, что политогенез никогда не сводится только к эволюционному пути, ведущему к государственности. Напротив, формирование раннего государства – только один из многих вариантов развития сложных архаических социальных систем.

Эти сложные системы авторы определяют как аналоги раннего государства. Аналоги раннего государства являлись реальной альтернативой ранним государствам в течение длительного времени, в то же время в определенных экологических маргинальных зонах (аридных территориях и т. п.) они могли соперничать с государствами вплоть до недавнего времени. То есть, *только в конечном счете государство стало ведущей формой политической организации сложного общества*. Сами пути к государствогенезу можно представить в двух моделях: вертикальной и горизонтальной. В рамках первой модели формирование государства шло как бы прямым путем, то есть путем объединения мелких догосударственных политий. В рамках горизонтального пути сначала шло образование аналогов ранних государств, которые могли быть сравнимы с государством по размерам и сложности, а позже из аналога(-ов) возникало раннее государство. При этом некоторые аналоги трансформировались в государство при достижении населения в 10 000–15 000, другие – когда они достигали размера в многие десятки тысяч человек, а были и такие, которые трансформировались в государство, имея население уже в сотни тысяч человек. Это зависело от природной среды, в которой формировался аналог, плотности населения, плотности контактов с другими обществами и исторических особенностей. В главе кратко упоминаются разные типы аналогов ранних государств (эта тема будет подробнее проанализирована в главе 4).

Здесь анализируется также соотношение политогенеза и военного фактора. Сделан вывод, что для рождения государства, как правило, требуется появление особых, необычных, новых условий и обстоятельств, экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни, необходимостью новых решений и реформ. По мнению авторов, именно война чаще всего играла роль «спускового крючка» в процессе возникновения таких экстремальных ситуаций, особенно в рамках горизонтального пути государствогенеза.

ЭПОХА ПЕРВИЧНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА И МАКРОЭВОЛЮЦИЯ

Образование первых, еще догосударственных, политий уровня простых вожеств и их аналогов (то есть социально-политических систем средней степени сложности), без сомнения, явилось одним из самых важных ароморфозов социальной макроэволюции (сходные оценки высказывал и Р. Л. Карнейро, впрочем, не упоминая при этом про аналоги [Carneiro 1981]). Образование первых ранних (архаичных, примитивных) государств и их аналогов стало еще одним крупнейшим ароморфозом. В настоящей главе мы хотим остановиться на теоретическом анализе процессов формирования догосударственных политий значительного уровня сложности, а также ранних государств и их аналогов. Этот макроэволюционный процесс условно назван здесь первичным (начальным) политогенезом. Мы уже касались вопросов политического развития в более ранних наших публикациях (см., например: Гринин, Кортаев 2009). Одна из задач данной главы –

показать соотношение между процессами политогенеза, с одной стороны, и различными макроэволюционными процессами – с другой, в течение догосударственного и раннегосударственного периодов развития Мир-Системы.

Некоторые замечания о политогенезе

Термин «политогенез» получил признание в отечественной науке в 1970–1980-е гг. Предложил его Л. Е. Куббель, он же начал активно использовать этот термин. Но Л. Е. Куббель, как и многие из тех, кто сегодня пользуется этим понятием, приравнивал политогенез к процессу формирования исключительно государственности (см., например: Куббель 1988б: 3). Поэтому для догосударственных обществ властные отношения было предложено называть *потестарными*, что, на наш взгляд, в целом не выглядит вполне оправданным, хотя в отдельных ситуациях и представляется допустимым. Такие воззрения вытекали из господствующего тогда и очень распространенного до сих пор, но тем не менее устаревшего однолинейного взгляда, заключающегося в следующем: а) все негосударственные формы по определению являются догосударственными; б) развитие политических институтов и форм вело прямой дорогой к образованию государства; в) любое самое неразвитое государство, естественно, сложнее любого негосударственного общества; г) политические отношения возникают только с появлением государства. Однако политогенез невозможно свести только к образованию государства хотя бы потому, что параллельно с государством существовали и развивались сложные политии негосударственного типа, которые по уровню развития никак нельзя отнести к догосударственным (см.: Гринин, Коротаяев 2009: 429–469). Следовательно, необходимо констатировать подмену более широкого процесса складывания различных политических форм и институтов, то есть политогенеза, более узким (и более поздним) – формированием государства. Между тем, как справедливо заметил Г. Льюис, существует огромное богатство организационного разнообразия негосударственных обществ по всему миру (Lewis 1981: 206). Для того чтобы избежать этих натяжек и ошибок, нами разработаны новые подходы к концепции политогенеза (см.: Коротаяев и др. 2000; Гринин 2007а, 2007б, 2007в; Бондаренко и др. 2006; Bondarenko *et al.* 2002; Grinin 2003, 2004с; Grinin, Korotayev 2006).

Для процесса образования собственно государства было предложено (Гринин 2001, 2001–2006, 2006а, 2007в; Grinin 2002) ввести особый термин. В настоящей главе в качестве такого специального понятия нами используется термин *государствогенез*¹.

¹ В процессе обсуждения настоящей монографии ее авторам высказывались претензии, что данный термин (как и предложенный ранее термин *стейтогенез* [Гринин 2001, 2006, 2007; Grinin 2002]) вроде бы нарушает принятые правила образования научных терминов, согласно которым нельзя образовывать новый термин, используя для этого форманты из разных языков. Единственным более или менее приемлемым вариантом аналогичного термина, согласно данному правилу, могло бы быть *государствообразование* (этот термин используется, в частности, в сборнике научных трудов *Государства в политическом пространстве современности* [Мельвиль, Миرونюк 2007]). Однако он все же слишком неудобен в произношении. Другими альтернативами выступали еще более громоздкие словосочетания типа «процесс возникновения госу-

В западной антропологии также наблюдается тенденция сводить широкие политические процессы к более узким. Но терминологически ситуация здесь как бы зеркальная. Понятие политогенеза там отсутствует (по крайней мере, в англоязычной литературе), поскольку политические антропологи считают достаточным термин *state formation process*². Поэтому было бы очень хорошо, если бы словарь западной политической антропологии пополнился термином «политогенез» (*politogenesis*), который можно было бы использовать для обозначения процесса формирования любого типа сложной политической организации (см. по этому поводу: Vondarenko *et al.* 2002: 66–67).

Таким образом, политогенез должен выступать как более общее понятие, описывающее генезис политической подсистемы сложного общества, а государствогенез – как особый тип политогенеза, ведущий именно к возникновению государственной организации. В результате государствогенеза в управлении обществом все большую роль начинают играть административные, силовые и правовые методы, применяемые новыми типами военных и гражданских профессиональных управленцев-администраторов.

Очевидно, что государствогенез «моложе» политогенеза. И подобно тому, как сам политогенез выделяется из общего процесса социального (в широком смысле слова) развития, так и на определенном этапе политогенеза начинается отпочкование от него государствогенеза. Стоит отметить, что государствогенез,

дарства», в результате чего текст становился трудночитаемым из-за возникавших при этом «многоэтажных» конструкций. Углубившись в данный вопрос, мы, однако, нигде не нашли такого правила. С другой стороны, хотя, действительно, существенно большее количество терминов образовано с использованием формантов одного и того же языка, наше небольшое исследование показало, что есть и немалое количество терминов, а равно и обычных слов, образованных формантами из двух (а иногда даже более) языков. Наиболее ярким примером является здесь *социология* – термин, составленный из латинского слова *societas* – общество и греческого *λόγος* [*logos*] – слово, учение, понятие). При этом нельзя не обратить внимание на то, сколько различных сложных слов и терминов образовано с русским формантом, происходящим от слова «государство», и формантами из других языков. Например, госструктура, госкомиссия, госаппарат от латинских слов (структура – от лат. *structura* – расположение, порядок; комиссия – от лат. *commissio* – поручение; аппарат – от лат. *apparatus* – оборудование). А госкомитет, госконтроль – уже от французских слов (комитет – от фр. *comité*, в свою очередь произошедшего от лат. *committo* – поручаю; контроль – от фр. *contrôle*). Мы не говорим уже о таких словах, как *госкомстат*, *госнарконтрль* и т. п., состоящих из трех и более формантов из разных языков. Приводим еще некоторые примеры (взяты из словаря *Новейший словарь иностранных выражений*. Минск: Харвест, 2001). Во-первых, это научные термины, немалое количество которых образовано от латинских и греческих формантов: алкалоиды (от средневеков.-лат. *alkali*, в свою очередь произошедшего от араб. *ал-килий* – щелочь + др. греч. *είδος* [*eidos*] – вид); гемоглобин (греч. *αἷμα* [*háima*] – кровь, лат. *globus* – шар); моноцентризм (греч. *μόνος* [*monos*] – один; лат. *centrum* – средоточие, центр); пиротермия (греч. *πῦρ* [*pyr*] – огонь, селекция от лат. *selectio* – отбор). Но есть и масса слов со славянским формантом «ведение» и формантами разных языков (металловедение, машиноведение, киноведение и т. п.). Во-вторых, и слова, используемые за пределами научных теорий, могут быть образованы формантами из разных языков: например, мотоцикл (от лат. *moto* – приводить в движение и греч. *κύκλος* [*kyklos*] – круг, колесо), мотоспорт (от лат. *moto* и англ. *sport* – спорт), лаун-теннис (англ. *lawn* – лужайка и фр. *tenez* – вот вам, берите), киножурнал (гр. *κινέω* [*kinéo*] – двигатель, фр. *journal* – дневник). Число примеров можно увеличить многократно, особенно за счет таких формантов, как электро-, альфа- и т. п.

² Такие вполне удачные и емкие термины, как «сложное общество» (*complex society*), «социокультурная сложность» (*sociocultural complexity*) и т. п., все же не решают проблему полностью.

как правило, требует гораздо больших территорий, населения, ресурсов для своего начала, чем иные политогенетические процессы, ведущие к образованию политических среднего уровня (типа простых вожеств и их аналогов), и в среднем даже больше, чем для образования аналогов ранних государств. Постепенно государствогенез становится ведущим, а затем и вообще доминирующим направлением политогенеза. Поэтому и создается впечатление, что политогенез и есть собственно процесс формирования государства как политического института. Однако это совсем не так.

Государствогенез не только «моложе» политогенеза. Даже когда появились первые ранние государства, политогенез никогда не сводился только к одной – государственной – линии. Напротив, таких линий было много, и государственная среди них была сначала исключением, а затем длительное время достаточно редким случаем. Мало того, само образование государств только в некоторых случаях происходило как бы прямым путем, то есть непосредственно от небольших догосударственных политий к примитивному государству (примером является государство зулусов, см.: Гринин, Коротаев 2009). В других случаях сначала образовывались аналоги раннего государства, а уже потом эти аналоги трансформировались в государство (примером здесь может служить гавайское государство, образовавшееся в конце XVIII – начале XIX в.). Первый путь можно называть вертикальным, второй – горизонтальным.

Р. Коэн прав в том, что к государству ведет множество путей (см. об этом также: Годинер 1991: 63; Hallpike 1986). Однако это множество путей заключается не только в том, что существует несколько моделей «вертикального» перехода к государству от более простых политических систем, а еще и в том, что к государству общество может перейти и «горизонтально», то есть уже от политической системы, сопоставимой по своей сложности с государством (то есть от аналога раннего государства к раннему государству [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2009: 452–469]).

В соотношении политогенеза и государствогенеза нужно указать еще на одно обстоятельство. Циклы централизации и децентрализации государств, которые являются одними из самых важных исторических процессов в древней и средневековой истории (см., например: Usher 1989; Goldstone 1991; Chu, Lee 1994; Малков 2002, 2003, 2004: 118–139; Малков и др. 2000; 2002; Малков С. Ю., Малков А. С. 2000; Малков, Сергеев 2002, 2004а, 2004б; Малков и др. 2005; Нefeldов 2002а, 2002б, 2005; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003, 2005а, 2005б; Nefedov 2004; Turchin, Korotayev 2006; Гринин 2001–2006, 2007б, 2007в; Нefeldов, Турчин 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007), в каких-то случаях можно интерпретировать и как оппозицию государствогенеза и политогенеза (Гринин 2001–2006, 2007в). В самом деле, распад крупных (особенно незрелых) держав на мелкие части нередко приводил к появлению политий такого типа, которые нельзя отнести к государству по причине как их малого размера и слабости аппарата, так и неопределенности их суверенитета.

Поэтому неудивительно, что у исследователей порой возникают большие расхождения в том, как классифицировать политии таких децентрализованных

культурно-политических ареалов. Например, в доиспанской Мексике и Андах продукты распада ранних государств одни определяют как вождества, а другие – как малые государства или города-государства (Chabal *et al.* 2004: 50). Если же учитывать различия между процессами политогенеза и государствогенеза, проблема разрешается проще. Политогенез рождал разные политические формы, но развитие, как правило, через какое-то время вновь возвращалось на дорогу государствогенеза.

Исходя из нашей концепции, **политогенезом можно считать процесс выделения в обществе политической стороны как самостоятельной и частично автономной, процесс появления особых властных форм организации общества. Все это, естественно, связано с концентрацией власти и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных групп или слоев.**

Здесь стоит остановиться на разнице в объеме содержания понятий **политогенез** и **политика**. Политика, особенно внешняя, намного древнее политогенеза, поскольку улаживать отношения с соседями и принимать решения, связанные с управлением, передачей лидерских функций и т. п., приходилось всегда (в некотором смысле «политика» есть даже у социальных высокоорганизованных животных; см., например: Дольник 2007). Но пока сообщества были небольшими, все это не выступало как особая институционализированная сфера деятельности, а значит, отсутствовала возможность для устойчивой профессионализации в области административной деятельности. И очень долго потребность в систематическом профессиональном управлении была слабой. Социумы не испытывали нужды в особой управляющей суперструктуре, обходясь иногда традиционной властью старшинства и авторитета, иногда сакрально-ритуальной властью, иногда неформальными политическими действиями членов общин, а иногда иными такого рода механизмами и их сочетаниями в самых разных комбинациях. Нередко даже ирригационные работы велись самостоятельно сельскими общинами без участия вождей или иных правителей надобщинного уровня (см., например: Родионов 1994; Claessen 2004: 79). Государственную власть вполне могло заменить, скажем, установление новых (и развитие старых) видов социальной стратификации.

Таким образом, **если рассматривать политогенез в ряду с другими современными ему макроэволюционными процессами, его следует считать одним из важнейших путей решения объективно вставшей эволюционной задачи: найти новые формы организации усложнившегося общества и отношений с другими обществами.** Но в каждом обществе в зависимости от множества причин главными на тех или иных этапах развития могли быть разные процессы (скажем, религиозные или разного типа стратификационные – в том числе и процессы имущественного расслоения). Иногда решающее значение мог иметь и политогенез. Но, по всей видимости, **длительное время (по крайней мере, до образования государств) в немалом числе случаев он играл подчиненную роль.** Да и сама политическая власть часто была производной от других форм организации общества и других видов власти, например, сакральной или

основанной на личных качествах руководителя, и только постепенно обретала самостоятельность.

Но для понимания эволюции позднепервобытного периода в целом и ее политической составляющей в частности исключительно важно иметь в виду рост объемов общества и усложнение межобщественных контактов. Ведь эти процессы неизбежно вызвали потребность в управлении, контроле, принятии норм, политических и административных решений³. И все это создавало объективную необходимость в институционализации политической власти. А увеличение роли войн как способа решения межобщественных проблем и способа концентрации и перераспределения ресурсов способствовало профессионализации военного дела. В результате этих изменений политогенез выделяется как особый, самостоятельный процесс, который при благоприятных условиях в некоторых случаях может стать ведущим в развитии общества.

Для перехода общества на новую стадию политогенеза нужны особые условия, а также катализаторы, то есть обстоятельства, которые хотя и не относятся прямо к политогенезу, но облегчают и ускоряют его ход. Такими условиями могут, например, выступать:

- появление очень большого прибавочного продукта (в доиндустриальных обществах это могло наблюдаться лишь в течение более или менее длительных периодов, вплоть до заполнения экологической ниши, расширенной в результате внедрения новых технологий⁴, однако как раз в эти промежутки нередко и происходили значимые политогенетические сдвиги);

- быстрый рост населения (см. комментарий к предыдущему пункту);

- участие в выгодной торговле и контроль над торговыми путями (сухопутными и морскими). Многие государства и иные сложные политии развились во многом именно благодаря такой деятельности, и с уходом торговли многие из них исчезали или хирели;

- появление выдающихся личностей в нужный момент;

- счастливый случай (например, удачная война) и т. п.

К числу катализаторов можно отнести:

- изменение социального окружения (появление богатого, более культурно развитого или опасного соседа, включение в сложную политическую и военную игру);

³ Впрочем, здесь надо отдавать себе отчет, что мы имеем дело с динамическим отношением между рассматриваемыми переменными, которое нельзя анализировать в простых категориях «причина – следствие», так как один процесс (например, рост размеров социальных систем) является одновременно и причиной, и следствием другого процесса (в данном случае процесса усложнения организации соответствующих систем). Действительно, рост размеров социальных систем создавал определенные стимулы к усложнению их организации. С другой стороны, усложнение структуры данной социальной системы, как правило, создавало определенные предпосылки и условия для роста размеров соответствующей социальной системы (которая, имея более низкий уровень сложности, не могла бы дорасти до соответствующего размера, не развалившись [Carneiro 1967, 1987b]). Представляется, что мы можем говорить здесь даже о механизме нелинейной положительной обратной связи между двумя рассматриваемыми переменными, что в долгосрочной тенденции должно было бы вести к их гиперболическому росту (отметим, что предварительное тестирование этой гипотезы дало положительные результаты [см. Гринин, Коротаев 2009: Гл. 3; см. также: Korotayev *et al.* 2006: 147–162]).

⁴ Так называемый эффект «мальтузианской ловушки» (см. подробнее, например: Коротаев 2006a; Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001).

- заимствование некоторых культурных/социальных элементов и систем (религии, развитых форм денежного обращения, письменности и т. п.);
- появление определенных технических, технологических или производственных новаций (например, металлургии/металлических орудий или верховых животных), что позволяет преодолеть потолок, задаваемый географической средой, или дает преимущества в военной сфере⁵.

Формирование новых форм неравенства⁶, отделение власти и управления от населения на разных стадиях и при разных вариантах политогенеза

Практически во всех догосударственных позднепервобытных обществах с течением времени наблюдается заметное развитие новых форм социального неравенства либо в чисто социальном плане (появление особых рангов, более или менее высокого статуса), либо в плане материальном (владение имуществом, участие в престижной экономике, количество жен и детей и т. п.), либо, чаще, в обоих планах одновременно. Но, естественно, это неравенство еще, как правило, не было антагонистично, поскольку сохранялись многие традиции эгалитарности и/или демократии. Если же говорить о чисто политических аспектах, то их существенное развитие было характерно далеко не для всех обществ. Однако во многих случаях **власть все же концентрируется у меньшинства и начинается ее отделение от основного населения**. Но это отделение обычно очень неполно, а сама власть пока слабо дифференцирована. Только ретроспективно угадывается выделение политической и административной власти из общих властных функций. Отделившаяся власть держится еще на стержнях, которые связаны с авторитетом религии, личным влиянием, родовитостью, силой традиции. *Поэтому власть в обществах этого уровня сложности остается больше согласительной (консенсуальной), чем принудительной⁷.*

На раннегосударственной стадии вместе с увеличением размеров обществ усиливается **необходимость закрепить и институционализировать новые ви-**

⁵ Например, каждое продвижение в использовании лошади могло влиять на подобные процессы. Появление боевых колесниц изменило военное дело. Появление конницы, а затем изобретение седла и стремян резко усилили военные и политические возможности кочевников. Изобретение хомута существенно изменило земледелие, а также транспорт.

⁶ Необходимо подчеркнуть, что в процессе политогенеза вообще и государствогенеза в частности, как правило, происходит не возникновение социального неравенства *ex nihilo*, а трансформация одних форм социального неравенства в другие либо вытеснение новыми формами социального неравенства старых. Действительно, выраженные формы социального неравенства могут развиваться уже у неспециализированных (и тем более специализированных) охотников-собирателей (см., например: Артемова 1987, 1989, 1991, 1993; Аверкиева 1978; Шнирельман 1986). С другой стороны, для несравненно более развитых социальных систем раннеземледельческого Ближнего и Среднего Востока (таких как Чатал-Хююк, Иерихон или Алтын-Депе) был характерен уровень социального неравенства даже несколько меньший, чем, скажем, для специализированных охотников-собирателей северо-западного побережья Америки, притом что социокультурное развитие в первом случае шло скорее через наращивание функциональной дифференциации, чем через усиление социального неравенства. Отметим, впрочем, что в тенденции (но только лишь в тенденции) общий уровень социального неравенства в процессе политогенеза (и в особенности в процессе государствогенеза) все-таки, как правило, растет.

⁷ Отметим, что никакого строгого тестирования этого утверждения, насколько нам известно, не проводилось, поэтому пока оно должно рассматриваться только как предварительная гипотеза.

ды неравенства, создать для этого особые общественные формы. В итоге возникает уже система отношений, институтов и идеологии, которая закрепляет новые формы неравенства и социальной стратификации. Принудительный характер власти постепенно становится все более и более заметным.

В результате активно формируется политическая подсистема общества, идет дифференциация видов власти, и в целом отделение власти от населения усиливается. Фактически в большинстве случаев власть реально отделяется от народа. В каких-то обществах это отделение временное, то есть население или его значительная часть еще обладает важными полномочиями, но делегирует их определенным лицам или семьям (так, народные собрания избирают правителей и магистратов). В других обществах это отделение власти имеет прочный, стабильный характер, то есть власть переходит к каким-то слоям (аристократии), корпорациям, родам, семьям или лицам окончательно (по крайней мере, в рамках соответствующей системы), и для этого создаются более или менее прочные идеологические и традиционные институты. Но само управление в таких обществах далеко не всегда переходит в руки особого слоя администраторов. Поэтому считаем важным подчеркнуть, что отделение власти и отделение управления – не полностью совпадающие процессы. И если в обществах раннегосударственной эпохи власть так или иначе уже отделяется от населения, то **процесс отделения от общества управления** в ранних государствах, по сути, только начинается. Лишь очень постепенно управление становится *особой функцией целой группы людей, организованных специально для ее выполнения*. Этот момент принципиально важен для понимания того обстоятельства, что для раннего государства не является обязательным наличие особого развитого аппарата управления.

Усложнение обществ неизбежно связано и с усложнением отношений между ними. А это делает войны и в целом внешнюю политику (а нередко и вообще внешние сношения, включая торговлю) делом прежде всего элиты, что усиливает новые формы неравенства и способствует новой структуризации обществ.

Политическая и другие виды власти

Любой вид накопления и концентрации ресурсов так или иначе связан с **накоплением и концентрацией власти**. Поэтому власть может концентрироваться не только в политической, но и в иных сферах: прежде всего в экономической и духовной. И очень долгое время полного разделения видов власти могло не происходить. На основании сказанного один из авторов монографии сформулировал следующее положение: *чем яснее отделяется власть от общества, чем прочнее она надстраивается над обществом и чем шире ее функции, тем заметнее в этой власти ее политическая и управленческая составляющие; тем заметнее эта верховная власть становится властью политической* (см.: Гринин 2007в: 106–107). Естественно, что какие-то моменты сочетаются с концентрацией политической власти, а какие-то ей противоречат⁸.

⁸ Например, без концентрации населения она затруднена, так как природные и технические ограничения не позволяют эффективно управлять на расстоянии. Поэтому «существует предел раз-

Таким образом, по мере роста общего уровня неравенства и необходимости его поддерживать, развития специализации, усложнения или обострения межобщественных отношений **идет процесс выделения политической стороны власти и отпочкования от власти вообще собственно политической власти**. И хотя «всегда была какая-то степень централизации решений во всех человеческих культурах» (Crumley 2001), описанная выше политическая власть вызревала очень долго.

В дифференциации видов власти, за которыми стояли те или иные элиты, большую роль играла их конкуренция. Соперничество богатства (то есть экономической власти) и политической власти, духовных и военных лидеров, родовитости и личной преданности, традиции и новации легко увидеть в ранней истории многих обществ. Мы считаем, что в целом для земледельческих обществ полная дифференциация видов власти нехарактерна, чаще встречается какой-то устойчивый симбиоз, когда политическая власть неразрывно спаяна с другими ее видами, например, с сакральной; военной; с особыми правами определенных групп родов и семей на какую-то деятельность или должности; с имущественной властью, особенно с правами на землю или на торговые монополии; с властью авторитета, в частности с родовитостью и знатностью; с социальной властью (в виде жесткого деления на определенные социальные слои или касты); возможностью опираться на поддержку определенных корпораций, групп или территорий и т. п. Такой симбиоз является более прочным, чем чисто политическая власть, подобно тому как чистая медь уступает по прочности ее сплаву с оловом – бронзе⁹. Но во всех таких симбиотических «сплавах» постепенно все же на первое место выходит именно управленческо-контрольная сторона.

ДОГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭПОХА ПОЛИТОГЕНЕЗА

Предварительные замечания. Проблема термина «племя»

В данном параграфе речь идет о **стадиально (принципиально) догосударственных формах**, то есть образованиях с социально-политической сложностью не выше простых вождеств, сравнительно небольших самоуправляемых (или имеющих автократического правителя) городских общин, крупных сельских общин с какими-то органами управления, племен или крупных кланов (и их первичных конфедераций), коллективов, возглавляемых авторитетными людьми (например, бигменами), примитивных полисов (гражданских общин) и т. п. Иными словами, речь идет об общественно-политических формах, которые никак не сравнимы с государством ни по сложности, ни по размерам, ни по выполняемым функциям.

Средняя численность населения обществ данной стадии колеблется очень сильно: от нескольких сотен человек до нескольких десятков тысяч. Однако более или менее централизованные или компактные образования типа простых (не

меров территории, над которой вождь может сохранять эффективный контроль» (Spencer 2000: 155).

⁹ Выделение политической власти в чистом виде доходит до завершения только в современности в развитых демократиях, а в древности политическая власть в относительно чистом виде существовала только в небольших демократических полисах.

слишком крупных) вожеств, небольших гражданско-храмовых общин и т. п. по населению располагаются в менее разбросанном интервале – от нескольких сотен человек до нескольких тысяч. Например, вожества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек (Шнирельман 1988: 200). А. Джонсон и Т. Ёрл описывают как типичные простые тробрианские вожества, население каждого из которых было в районе 1 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 267–279). Таким образом, можно исходить из оценки Т. Ёрла, что население вожества в пределах централизованной региональной структуры – это тысячи человек (Earle 1987). Думается, что десять тысяч – уже самый верхний предел, даже достижение которого, а тем более выход за него, очень редко возможен для простого вожества¹⁰. Территория также не могла быть слишком большой. Некоторые даже считают, что наиболее подходящие размеры для такого образования – это территория с радиусом в полдня пути от центрального поселения (Spencer 2000: 155–156). Конечно, размеры зависят и от транспортных возможностей (одно дело – пешая ходьба, иное – конный транспорт; поэтому у скотоводов-кочевников, имевших довольно низкую плотность населения, но обеспеченных, как правило, верховыми животными, территориальные размеры простых вожеств были несравненно больше, чем у оседлых земледельцев).

Население же рыхлых образований вроде нецентрализованного племени или группы этнически родственных племен, не имеющих общей политической организации, но тесно контактирующих между собой, могло достигать нескольких десятков тысяч человек (и даже больше). Иногда при большой войне, крупном переселении и других переломных обстоятельствах они могли образовывать временную политическую конфедерацию, но обычно непрочную. Относительно же оформленные «политические» сегменты таких общностей – племена, кланы – включают в себя не больше нескольких тысяч человек, а обычно намного меньше.

Стоит остановиться на очень нечетком содержании понятия «племя». С одной стороны, все еще «удерживается – явно или неявно – отношение к племенным образованиям как к определенному, однородному и единообразному типу социальной организации» (Следзевский 1991: 27). А с другой – все больше исследователей отмечают, насколько неоднозначно толкуется термин «племя» (см. об этом, например: Helm 1967; Fried 1967b, 1975; Бромлей 1982; Шнирельман 1982; Гиренко 1991; Следзевский 1991; Куббель 1988б; Ольдерогге 1977; Тишков 1990; п'Битек 1979: 27–32; Коротаев 2006: 18, 114–120; Гринин 2007в). И это создает значительное противоречие между имплицитно предполагаемым смыслом и накопившимся в науке материалом. Уже с самого начала этнографических описаний повелось, что племенем часто называли и небольшую группу в десять-двадцать человек (то, что сегодня обозначают как локальную группу, состав которой каждый сезон может меняться, но временно во главе ее стоит признанный остальными руководитель, которого и принимали за вождя), и сообщество

¹⁰ Ю. Е. Березкин замечает, что доиспанские вожества в Латинской Америке демографически были близки к населению одного из современных департаментов в горной Гватемале, которое составляло 8 тыс. человек (Berezkin 1995: 76). То есть они были уже весьма крупными и приближались к указанному пределу.

в сотни и тысячи людей. А историки называли племенем крупные негосударственные народы в сотни тысяч и миллионы человек. В результате термином «племя» обозначают, с одной стороны, политии (и при этом более чем одного типа), а с другой стороны, некоторые типы этнических групп. В связи с этим Б. Малиновский даже предлагал различать *tribes-nations* (то есть племена как этнические объединения, которые могут и не иметь абсолютно никакого политического единства) и *tribes-states* (то есть племена как политические единицы, политии) (Malinowski 1947: 252–261). «Таким образом, термин “племя” довольно рано получил двойкий смысл» (Шнирельман 1982: 209).

Проблема осложняется многими обстоятельствами. Во-первых, как мы уже упоминали, понятие «племя» одновременно используется и в политическом, и в этническом смысле (см. об этом также: Бромлей 1982; Fried 1967b). При этом в политическом аспекте уже давно выработано представление о племени как о какой-то группе во главе с определенным политическим лидером (которого, однако, не всегда возможно или оправданно обозначать как вождя). В то же время этнически родственные группы могут иметь общее племенное название, общую территорию и даже общее самосознание, то есть все три признака, которые считаются присущими племени (хотя в конкретных случаях те или иные признаки могут отсутствовать [см., например: Шнирельман 1982]), но не иметь никаких надплеменных органов, никаких особых людей над племенем, никакой централизации. Например, Э. Э. Эванс-Причард (1985) описывает племена нуэров, у которых нет вождей, нет практически никакой политической организации (если не считать возрастных классов и некоторых подобных институтов), в обычное время полностью разобщенных, хотя они также могли объединяться для организации военного набега. Однако он указывает на моральное обязательство объединяться для ведения войны и улаживать споры внутри племени путем посредничества. А это можно считать уже высоким уровнем самосознания. Зато австралийские протоплемена объединяются в основном только для совместного совершения обрядов и празднеств. Поэтому такие «племена» нередко называют соплеменностями, «максимальной общиной». Характеризующиеся более высоким уровнем социокультурной сложности новогвинейские племена чимбу описываются как более или менее *временный* союз соседних родов, то есть как нечто непостоянное (Шнирельман 1982: 227).

Во-вторых, то, что называют племенем в более развитом догосударственном обществе, часто является политически организованным сообществом, которое имеет советы, политических лидеров, достаточно строгую организацию. Классическим примером являются племена ирокезов, описанные Л. Г. Морганом (1983 [1851])¹¹. Наконец, племенами часто (особенно в исторической традиции) называют крупные догосударственные (или аналоговые государству) союзы типа земледельческих германских (франков, готов), кельтских (эдуев, гельветов) или кочевых (гуннов, аваров) союзов, которые имели большую численность, сложное

¹¹ В то же время этнически близкие общины часто разделяются политически, будучи объединены под главенством отдельных вождей в вождества. Это могут быть как примитивные вождества (типа новозеландских), так и более крупные социально стратифицированные вождества некоторых архипелагов Полинезии.

устройство, сложную иерархию лидеров или иных органов управления (о некоторых из них см.: Гринин, Коротаев 2009: 429–451).

В-третьих, различаются также племена догосударственные и существующие в рамках государства как часть его политической системы. О последних, например, У. Айронс пишет: «Для меня “племя” – это группа людей с общим названием, собственной политической организацией, что позволяет группе поддерживать внутренний порядок и организовываться в собственных военных целях, отдельно от государства» (Irons 2004: 473).

В-четвертых, племя нередко рассматривают как некий уровень развития, как особую эволюционную универсальную форму, через которую проходят социумы в своем развитии. Вместе с тем здесь наблюдается много вариаций. Традиционный подход рассматривает племя как промежуточную стадию. Правда, одни считают его звеном между локальными группами охотников-собирателей и вождеством, а другие – между локальными группами и государством (см., например: Cohen, Schlegel 1967). Иной подход подразумевает, что племя и вождество эволюционно находятся примерно на одном уровне развития. Поэтому племя можно рассматривать как альтернативу вождеству (см., например: Коротаев 2000а, 2000б, 2006а) или даже его «инобытие» (см., например: Белков 1991: 40–41) и т. п. Ранее мы уже высказывали нашу точку зрения на эту проблему, базирующуюся на том, что племя в раннеаграрных среднесложных обществах вполне может рассматриваться как аналог вождества (см.: Гринин, Коротаев 2009). Словом, вариаций очень много в зависимости от уровня развития, географических условий и других вещей, например, влияния более культурных соседей. М. Фрид, например, высказывал точку зрения (воспринятую многими антропологами), что классические племена (со стройной организацией и иерархическим управлением во главе с вождем) являются «вторичными», то есть они возникали уже в результате влияния европейцев на «первобытную» периферию (Fried 1975).

Существенно усложняет ситуацию и многозначность понятия «вождь», которым часто обозначают любое лицо, обладающее правом управления. «В это число включаются те, кто управляет клановым подразделением, деревней, всем кланом. Между тем природа их власти принципиально отличается от власти, получаемой путем избрания» (Томановская 1977: 112). В первом случае это, скорее, просто авторитет, приобретаемый за счет старшинства, во втором – уже политическая власть над низовыми структурами.

Общее направление развития в догосударственной фазе политогенеза

Существует сложная динамика соотношения политогенеза и других линий усложнения позднепервобытных обществ. Но следует учитывать, что в каждом обществе все его сферы не могут изменяться с одной скоростью. Напротив, в каких-то из них происходят очень значительные перемены, а в каких-то – сравнительно небольшие. И отставшая подсистема порой подтягивается очень

долго, а то и никогда не догоняет более развитую. Таким образом, даже находясь на одинаковых этапах этой фазы, общества могут существенно уступать друг другу в политическом, социальном или культурном развитии. Поэтому важно подчеркнуть, что заметное выделение политической сферы в ту эпоху было хотя и нередким, однако вовсе не обязательным явлением. Но даже там, где политогенез задерживался, в социумах, тем не менее, в большинстве случаев шла выработка механизмов принятия общих решений, росла роль войн и торговли, и в результате усложнения общественной структуры увеличивалась потребность в развитии политической сферы.

Но в любом случае достаточно универсальной чертой развития обществ этой фазы эволюции можно считать появление и оформление новых видов социального неравенства и выработку первичных механизмов его закрепления.

Это выражалось, в частности, в следующем.

Во-первых, в переходе от относительной эгалитарности или разных видов первобытного социального неравенства (см., например: Артемова 1987, 1989, 1991, 1993) к неравенству, оформленному уже на новых социальных началах¹². Это означает, что очень по-разному, но происходит выделение элит или новых элит. Возникают разные новые виды и линии социального неравенства, в том числе по признакам родovitости, богатства, должности, статусу, квалификации или способности использовать для своих целей общественные ресурсы и возможности. Появляются рабы и неполноправные. Отметим, что процесс этот крайне сложный и неоднолинейный, так как, с одной стороны, рабство и неполноправие могут достигать достаточно развитых форм уже среди специализированных охотников-собирателей (см., например: Аверкиева 1978а; Шнирельман 1986), а с другой стороны, они могут оставаться в зачаточном состоянии даже через много тысяч лет после перехода к земледелию (как это наблюдалось среди большинства групп папуасов Новой Гвинеи [см., например: Бутинов 1968, 1980, 1995, 2000]).

Во-вторых, наблюдается тенденция к аккумуляции и новому перераспределению прибавочного продукта на общие пиры, работы и постройки, содержание руководителей и жрецов, войны. Значительная часть прибавочного продукта идет в центр (например, вождю) и элите. Усиливается значение дани и военного грабежа. Расцветает престижная экономика, для функционирования которой требуются усилия выдающихся людей или администраторов.

В-третьих, наблюдается тенденция к росту общественного разделения труда, которая выражается в появлении полупрофессиональных или профессиональных управителей, воинов, жрецов, древних «интеллектуалов», ремесленников, торговцев, слуг. Углубляется и межобщественное разделение труда.

Среди указанных направлений развития можно выделить и политические аспекты, тесно связанные с другими.

¹² Используя терминологию Мортон Фрида, можно было бы сказать, что шел процесс перехода от эгалитарных обществ к ранжированным, то есть от социумов, в которых нет изначальных социальных ограничений для получения определенного статуса среди людей одного возраста и пола, к таким социальным системам, в которых такие ограничения есть, хотя они еще не ведут к ограничению доступа к наиболее важным ресурсам общества (см.: Fried 1967а: 33, 109, 186).

В целом в этой фазе начинается отделение власти от основного населения и отпочкование политической власти от иных ее видов. При этом роль накопления богатства, престижных товаров и торговли в развитии политических структур была велика (Earle 1997; Ekholm 1977; Webb 1975; Sahlins 1972b), хотя значение военных и религиозных факторов могло быть еще выше. Ведь во внешних сношениях и самые отсталые социумы вынуждены были играть по политическим правилам. Здесь стоит сказать немного о войнах в период до образования государства и о взглядах на этот вопрос. Вооруженные столкновения между различными группами, по-видимому, столь же стары, как и существование обществ, хотя вопрос о том, можно ли называть такие стычки охотников и собирателей между собой войнами, является дискуссионным, так же как, впрочем, и вопрос о причинах первобытных войн (см., например: Harris 1991; Lorenz 1966; Brown 1987; Keeley 1996; Лоренц 1994). Но хотя споры о том, были ли первобытные общества (по сравнению с цивилизованными) более мирными или, напротив, более агрессивными, являлись ли первобытные войны вполне реальными и достаточно кровопролитными или в основном ритуальными, все еще имеют место (анализ взглядов см., например: Keeley 1996), все же представляется вполне правдоподобным, что в целом (в тенденции) войны среди охотников-собирателей были несколько более редким явлением (см., например: Коротаяев, Комарова, Халтурина 2007: 121–168; Гринин 2007e), а у ряда народов, в частности у некоторых групп эскимосов, андаманцев и др., по мнению некоторых авторов, отсутствовали вовсе (Lesser 1968: 94). Говоря словами М. Харриса, любой антрополог может перечислить добрую дюжину «первобытных народов», о которых сообщается, что они никогда не вели войн (Harris 1991)¹³. Правда, «миролюбивых» народов среди охотников и собирателей также было меньшинство, а большинство охотников и собирателей, известных современным наблюдателям, практиковали определенные формы вооруженных межгрупповых столкновений, в которых отряды воинов сознательно пытались убить друг друга. В. Дивале, в частности, выделил 37 таких групп (см.: Harris 1991). И все же среди «цивилизованных» народов вряд ли удастся назвать хотя бы три общества, о которых можно сказать, что они никогда не вели войн.

Мы полагаем, что в процессе первичного политогенеза, с образованием и развитием земледельческих и скотоводческих обществ, роль войн выросла уже по причине увеличения населения (и его плотности), а также из-за появления большего количества ресурсов, которые можно было захватывать во время войн. Общеизвестна роль войн в процессе образования вождеств и их укрупнения. Существует подтвержденная эмпирическими тестами гипотеза, согласно которой общества, в которых население имеет больший уровень политического участия, воюют между собой реже, чем те, где население имеет меньший уровень политического участия (см., например: Ember *at al.* 1992). Если эта гипотеза успешно пройдет и дальнейшие эмпирические тесты, то это только дополни-

¹³ Также наблюдается взаимосвязь между экстремальными условиями существования и низким уровнем агрессивности (см.: Казанков 2002). Поэтому бродячие охотники и собиратели, которые живут в экстремальных условиях, относятся к относительно миролюбивым обществам.

тельно подтвердит вышесказанное, поскольку в вождествах политическое участие населения в выработке решений ниже, чем в локальных группах охотников-собирателей. С другой стороны, существует и имеющее определенные основания мнение, что именно в период так называемой военной демократии интенсивность войн возрастает (а военная демократия предполагает достаточно широкое участие населения в политике).

Так или иначе, но во многих случаях войны становились непрерывными¹⁴. А вместе с этим нередко развивались военный грабеж и эксплуатация побежденных, разнообразные военно-политические союзы и конфедерации. Развитие политической подсистемы обществ, с одной стороны, обуславливалось интеграцией обществ, с другой – само способствовало их интеграции. А так как размеры политий в тенденции росли, новые уровни интеграции вели к централизации или по крайней мере объединению людей в политических акциях (Earle 2001: 105). Рост интеграции также обострял борьбу за роль центра, что всегда являлось важнейшим источником политического развития, распадов и объединений.

Но все же отделение власти еще не есть отделение управления. И фактически устойчивость власти в большинстве политий зависела от опоры на силу религии, магии, традиции, авторитета, поддержку родовых групп, личные способности. Все это и определяло главные механизмы власти. Как таковой какой-либо административный аппарат отсутствовал¹⁵. Могли быть, конечно, небольшие частные или вождеские дружины, но они, как правило, создавались для нападения на соседей и грабежей, а не для господства над соплеменниками.

Пути политогенеза в догосударственную эпоху

В зависимости от плодородия почв, изобилия хозяйства в целом и развития новых форм неравенства можно говорить о *разных* путях отпочкования политогенеза от общих процессов (подробнее см.: Гринин 2001, 2001–2006, 2007*а*).

1. В некоторых случаях на плодородных почвах даже примитивное земледелие в потенции могло давать в течение значительных промежутков времени (вплоть до достаточно полного заполнения экологической ниши) очень большие объемы прибавочного продукта. Тогда нередко возникала необходимость найти эффективные способы его аккумуляции и распределения, а иногда (в зависимости от сельскохозяйственной технологии) и контроля над производством или прямого управления им. В этом случае легче выделяется организаторская сторона, поскольку на данный процесс оказывает сильное влияние производственная необходимость, и в то же время меньше потребности в поиске богатства на стороне,

¹⁴ Этому могло способствовать, по мысли К. Р. Холлпайка, то, что варварские общества, порой вовлекаясь в военные действия, не всегда способны остановиться. Ведь, не имея центрального правительства, они не могут договориться о прекращении борьбы, поскольку для любой группы прекратить защищать себя означало бы самоубийство (см.: Keeley 1996). Действительно, например, длительная, продолжающаяся десятилетиями кровная месть между родовыми группами также не всегда может быть прекращена, в нее проще быть вовлеченным, чем выйти из этой ситуации.

¹⁵ Редким исключением могли быть, как нам кажется, ситуации, когда в рамках какой-либо организации, особенно храмовой, имелся некоторый штат, необходимый для учета и контроля. Возможно, некое подобие аппарата (в виде штата домашних слуг или рабов) иногда имелось в крупных хозяйствах. Но это был в любом случае не политический аппарат.

за пределами общества. По крайней мере, немало исследователей делают упор именно на экономической стороне деятельности вождей (см., например: Earle 1997; Sahlins 1972*a*, 1972*b*; Wittfogel 1957; Claessen 2004: 76–77). Правда, часть этих политий относится уже к обществам, которые следует рассматривать скорее как аналоги ранних государств, чем как догосударственные политии (см.: Гринин 2007*e*). Здесь, однако, надо иметь в виду, что само производство прибавочного продукта не всегда было причиной, но нередко скорее следствием процессов роста политической централизации и социальной стратификации (см., например: Коротаев 1991*a*; Гринин 2001–2006, 2007*e*). По-видимому, и здесь мы в реальности имеем дело с динамическим отношением, а возможно, и с нелинейной положительной обратной связью между соответствующими переменными.

2. Иногда в случае появления достаточного объема прибавочного продукта и сложения особой системы религии (идеологии) в роли организаторов интеграции обществ и аккумуляции прибавочного продукта выступают служители культа. Тогда управленческая сторона выделяется как добавочная к обслуживанию интересов религиозных лидеров и корпораций. В каких-то обществах в роли «зачинщиков» отделения политических аспектов могли выступать иной раз тайные союзы, создаваемые нередко с целью найти возможность оторваться от общинно-родовых традиций и защититься от их давления более состоятельную или более неконформистскую часть населения (см., например: Новожилова 2000; Белков 1993: 94–97; Куббель 1988*a*: 241).

3. Начало политогенеза может быть связано с поиском внешних источников богатства. Неорганизованная внешняя эксплуатация очень характерна для первой стадии политогенеза¹⁶. А поскольку война всегда связана с определенной иерархией и необходимостью командовать и подчиняться, равно как и с неизбежным проявлением личной инициативы, она способствует развитию политогенеза и военной элиты.

4. Несельскохозяйственная деятельность: торговля, ремесло, мореплавание – может способствовать особому типу политогенеза. Так, торговля часто обеспечивала вождя необходимым богатством, что позволяло ему привлекать сторонников (Webb 1975).

В торгово-ремесленных обществах значительно сильнее продвигается процесс специализации, а это означает, что потребность в механизмах горизонтальных связей усиливается. Будет ли таким механизмом рынок, престижная экономика, система корпораций или что-то иное – в любом случае идет выраженное структурирование общества и развитие прежних или появление новых форм социальной стратификации и функциональной дифференциации. Торговля и ремесло неизбежно требуют самоуправления, выработки более или менее ясных

¹⁶ Но, разумеется, сами по себе войны не всегда ведут к качественному развитию, а могут быть просто образом жизни и средством «регулирования» численности населения. Так было, скажем, у папуасов нагорья Новой Гвинеи, которые за тысячи лет не сумели сделать качественный рывок от простого аграрного общества к сложному (и даже среднесложному) аграрно-ремесленному, от простых независимых общин к уровню хотя бы простых вожеств (см., например: Бутинов 1968, 1980, 1995, 2000).

правил принятия и исполнения решений. Кроме того, в торгово-ремесленных поселениях, как правило, выше концентрация населения, что облегчает организацию управления и нередко способствует отделению политической стороны от других. Наконец, торговля дает богатства, которые требуется защищать. А это может сильно сплачивать население.

Мореплавание резко увеличивает число контактов и их плотность. В среде морских народов часто возникают корпорации и формируются вооруженные отряды, которые могут явиться ядром политических процессов (при захвате, переселении, приглашении на службу и т. п.). Стоит отметить, что естественно ограниченная территория заметно облегчает подчинение острова, особенно небольшого, единой власти.

5. Политогенез, который можно назвать вынужденным, связан с экстраординарной ситуацией. Речь идет об обороне от агрессии, переселении и т. п.¹⁷ В этих случаях часто ломаются традиции и принимаются жесткие решения. Политогенез подталкивается нуждой и становится способом выживания всего общества.

РАННЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭПОХА ПОЛИТОГЕНЕЗА

Достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму (см.: Гринин, Коротаев 2009: 429–469). В частности, в социуме может быть очень высоким уровень социальной стратификации, но отсутствовать государственность. Известно множество примеров политий, которые по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличаются от раннего государства, однако вполне сопоставимы с ним по сложности организации, решаемых задач и выполняемых функций. Эти альтернативные раннему государству формы были названы **аналогами** раннего государства. По всем характеристикам их вполне можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами (см.: Коротаев и др. 2000; Гринин 2007а; Grinin 2003).

Общие и политические процессы раннегосударственной эпохи

Прежде всего отметим, что размеры и населенность обществ на данной стадии по сравнению с догосударственной эпохой возрастают на порядок-два. Численность населения политий колеблется в амплитуде от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч человек. А в конце этой стадии некоторые ранние государства (например, империя инков) могли насчитывать миллионы человек. Ранние государства благодаря новым способам управления оказались потенциально

¹⁷ Одним из вариантов такого развития является ситуация, проанализированная Р. Л. Карнейро: демографическое давление (в условиях средовых или социальных ограничений миграции вовне) и как следствие нехватка земли и ресурсов и интенсификация войн за них (см., например: Carneiro 1970; Карнейро 2006).

способными объединить в рамках единой политики существенно больше населения, чем аналоги ранних государств.

Длительное время и в период государственной эпохи политогенеза, то есть во многих зачаточных и даже типичных ранних государствах (а также в определенном типе их аналогов), оставалась объективной проблема (эволюционная «задача»), как **сделать поддержание новых форм неравенства и функциональной дифференциации достаточно устойчивым и легко воспроизводимым**. Противоречия проистекали уже из того, что сам переход к государству и его развитие требовали достаточной гибкости, изменчивости, развития. А в традиционных обществах «святость» той или иной формы неравенства проистекает в значительной мере из ее неизменности, нерушимости. Чем древнее институт, чем меньше подвергся он изменениям, тем легче он воспринимается как справедливый и обязательный. Между тем молодая государственная власть очень часто должна была бороться с аристократизмом элиты, брать себе в помощь всякого рода людей (в том числе и с очень низким статусом – вплоть до рабов), что, естественно, меняло основания неравенства, устоявшуюся иерархию и функциональную дифференциацию (подробнее о такого рода направлениях изменений в ранних государствах см.: Гринин 2007б; Grinin 2003)¹⁸. Конфликты или противостояния между правителем и его родом также были обычным явлением. Подобно франкскому королю Хлодвигу, усилившиеся правители порой уничтожали своих родственников поголовно. Естественно, это сильно подрывало старые традиции, а новые еще должны были устояться. Но даже при простом оттеснении родственников с первых ролей в управлении правитель должен был заменить критерий аристократизма и близости к родственной линии вождя новым критерием преданности. Так, по словам Т. Барфилда, Чингисхан поставил лично преданную ему новую и разноплеменную элиту над собственной семьей, в результате чего монгольская военная организация стала не кульминацией раз-

¹⁸ См. о роли царских слуг в управлении в Египте в Древнем царстве: Janssen 1978: 223. Роль слуг была заметной повсеместно. Хозяйствами древнерусских и первых московских князей обычно управляли особые холопы, дворские, которые также выполняли различные государственные и политические поручения (см., например: Платонов 1994: 129). В королевстве Ойо в Африке рабы-иноплеменники держали в своих руках большинство ключевых позиций в столице и провинциях (Кочакова 1986: 255). Для Тропической Африки в период трансатлантической работорговли рабы вообще стали играть исключительно важную роль. Они и зависимые люди часто составляли охрану и особые войска. В частности, «резервом для формирования царских дружин в раннефеодальных государствах Африки были домашние рабы», иногда включавшиеся в состав войска тысячами. Нередко они выполняли также и полицейские функции (Кобищанов 1974: 168–169; см. также: Годинер 1982: 94–96; Киселев 1985: 98–102; Орлова, Львова 1978: 253). В свою очередь, новая элита стремилась обзавестись зависимыми людьми, что достигалось нередко за счет невольников и захваченных в плен (см.: Киселев 1985: 101–102; Куббель 1976: 107–108). Это было распространено и в Киевской Руси (см., например: Ключевский 1937; Фроянов 1999). Можно вспомнить также, что аббасидские (а затем фатимидские) халифы комплектовали свои войска из иноземных рабов-гулямов (затем ставших чаще обозначаться как мамлюки), которые впоследствии захватили власть и стали правящим квазисословием в целом ряде стран Ближнего Востока (см., например: ‘Абд ад-Дайим абд ал-Азиз 1996: 29–43; ‘Ашур С. 1959: 9–25; 1965: 1–22; ‘Ашур Ф. 1995; Бадави 1996; Заклама 1995: 17–49; Кадырбаев 2006; Касим 1998: 11–24; Семенова 1995: 239; Ayalon 1981: 46–50; 1987; 1994: 1–39; Goldschmidt 1994: 178–179). В книге Ф. Рено и С. Даже (1991: 46–48) описаны различные случаи использования рабов в качестве воинов. Например, султан Исмаил в Марокко в годы своего правления (1672–1727) создал из них огромную «черную» армию численностью в 150 тыс. человек. При этом армия фактически обеспечивала свое демографическое воспроизводство, поскольку солдаты женились на соплеменницах, а рожденные мальчики заранее предназначались для военной службы (Там же: 46).

вития степной традиции, а отклонением от нее (см.: Barfield 1992: 197; Крадин, Скрынникова 2006: 457–458).

Однако в любом случае поддержание различных форм неравенства должно было сочетаться с обеспечением внешней безопасности (или достижением военного превосходства над соседями). Внутренние и внешние отношения нередко подкрепляли друг друга. Обязанность защищать свой социум давала элите мощное обоснование для своего особого положения, а основное население, как правило, из двух зол предпочитало меньшее, то есть своих эксплуататоров чужим. И то и другое неизбежно усиливало политическую сферу.

Постепенно из отношений, поддерживающих сложившиеся и складывающиеся новые формы неравенства, вырастает первичная **система** институтов, идеологии и традиций, которая в конце концов окончательно закрепляет это неравенство. Точнее говоря, возникают разные системы, имеющие общее в том, что они направлены на институционализацию тех или иных форм неравенства, которое в каждом обществе могло иметь свои значимые особенности и специфические формы (об этих формах см., например: Семенов 1997). В некоторых (более редких) случаях права и преимущества закреплялись только в отдельных отношениях, например, в доступе к управлению, в других они одновременно закреплялись в разных отношениях (например, имущественных и статусных), а в третьих шли по всем линиям: имущественной, статусной, правовой, сакральной, линии участия в управлении и др. Так или иначе, в обеспечении неравенства происходили следующие изменения:

а) перераспределение должно теперь устойчиво направлять излишек (а то и часть необходимого продукта) в пользу элиты и на нужды управления, храмов, на войны и прочее; соответственно идет формирование новых источников дохода властных структур и/или знати;

б) структура общества, как правило, приобретает более выраженный стратифицированный вид. Оно уже ясно делится на элиту и простонародье, также возникают заметные промежуточные группы, а также группы, находящиеся ниже обычного статуса простолюдина (рабы и прочие неполноправные);

в) помимо развития ремесла и торговли, общественное разделение труда ясно проявляется в том, что управление, многие сакральные виды деятельности, определенные специализированные виды культурной активности, а также военная сфера частично или полностью монополизируются;

г) возрастает роль идеологии, например, значение родословных, развивается архаизация генеалогий, то есть искусственное их удревление (о Греции см., например: Курбатов 2006: 115). Те Ранги Хироа (1959: 109) говорит по этому поводу, что генеалогии не играли большой роли до тех пор, пока не началось расслоение общества и вожди не испытали потребности укрепить свое положение при помощи длинных родословных. Когда же такая потребность возникла, с нею вместе появились и поддельные генеалогии¹⁹;

¹⁹ Отметим, впрочем, что не во всех архаических обществах сверхглубокие генеалогии были обязательно поддельными. Научные проверки иногда демонстрируют удивительную аутентичность части этих генеалогий при вызывающей поддельности некоторых других (ср., например: Коротаев 2006б: 121–124; Robin, Gajda 1994).

д) помимо того, что усиливаются идеологические обоснования сверхсакрализации правителя (см.: Claessen 1981; Muller 1981; Claessen, Oosten 1996a, 1996b), также возрастает ритуальная сторона процесса, сложность церемониала, а в ряде случаев контакты правителя с народом становятся крайне затрудненными (см., например, разнообразные варианты этого в Африке: Claessen, Oosten 1996a, 1996b). В любом случае церемониальная, ритуальная или иные стороны общения верховных правителей и народа, правителя и элиты принимают особые формы (иногда и показательно демократические). В ряде обществ возникает и особая идеология, подчеркивающая всяческие положительные отличия аристократии от простонародья как благородных происхождением и духом, совершенных характером людей, имеющих совсем отличные от народа ценности и интересы (см., например, о Древней Греции: Курбатов 2006).

В отношении политическом изменения связаны с тем, что отделение власти усиливается и окончательно закрепляется, а отсечение каких-то групп и слоев от доступа к власти становится жестче. Начинается выделение из властных функций административной и некоторых других (внешнеполитической, военной, судебной) функций, хотя такая дифференциация идет очень долго. Во многих случаях семья (род, линидж) правителя приобретает совершенно особый и не сравнимый ни с каким иным статус (см., например: Claessen 1981; Muller 1981). Идет мощная интеграция, поэтому военно-политические союзы, конфедерации, различные объединения и договоры становятся нормой.

Таким образом, роль политической сферы существенно возрастает. И все же политическая власть еще полностью не оторвалась от других видов власти. Особенно это заметно в аналогах раннего государства. Поэтому управление только в части политий стало сферой деятельности некоей группы (слоя), реже – особого аппарата, частично или полностью специализирующихся на управлении. Но и в этом случае политической власти еще требуются крепкие подпорки (в виде института сакральности правителя; наличия ранней сословности; особой системы и идеологии родовитости, а также основанных на них собственности и богатства). Поэтому власть часто не может просто диктовать, а нуждается в согласительных процедурах, поиске консенсуса, консультациях и т. п. если не во всем обществе, то в той группе населения, которая при необходимости составляет войско социума или его наиболее ударные военные части, либо по крайней мере в верхней страте, местных правящих кланах, клане правителя (обычно весьма большом).

Значение указанных подпорок постепенно (хотя и медленно) все же уменьшается, а роль чисто управленческой и/или силовой стороны увеличивается. В тех же случаях, когда политогенез идет в направлении от наличия единоличной власти правителя к той или иной форме демократии (как это было в Афинах, других греческих полисах, Риме, Карфагене), растет роль правовых и процедурных сторон выделения политической власти (о демократическом варианте политогенеза см. подробнее: Гринин 2006б, 2007б; Grinin 2004a, 2004b).

Соотношение политогенеза и других процессов

Анализ изменений, которые совершались в политической, социальной и других сферах различных обществ в течение догосударственного и раннегосударственного периодов, дает основания для следующих выводов: а) указанные изменения разных сфер можно увидеть практически в любом обществе, б) но величина, значимость и пропорции этих изменений исключительно разнообразны, в) это и создает огромное множество комбинаций и моделей. Мы также считаем, что хотя в каждом обществе соотношение развитости различных сфер могло быть очень различным, но **во многих случаях политогенез длительное время скорее шел за другими процессами, чем инициировал их.** Это, правда, относится к ситуации, когда политогенез вызывается прежде всего внутренними причинами, вызревая в результате усложнения общества. Политогенез, ускоренный внешними обстоятельствами, намного быстрее способствует выделению политической сферы.

По мере развития и усложнения общества и межобщественных отношений политогенез становился более самостоятельным процессом. Но даже в обществах раннегосударственной стадии он не всегда играл ведущую роль. Такая ситуация характерна не только для аналогов, но даже и для ряда ранних государств. Примером такого соотношения является история Индии, где социальные и религиозные процессы играли ведущую роль по сравнению с политическими.

Политогенез и этногенез

Политогенез и этногенез взаимосвязаны очень тесно. С одной стороны, языковая и культурная близость общин способствовала тому, что эти коллективы объединялись в племена, группы племен, конфедерации, вожества, религиозные союзы и т. п. С другой – политическое единство в огромной степени формировало этносы. Без сомнения, роль войн и конфликтов всегда была важной не только для политогенеза, но и для этногенеза. Например, именно этническая близость облегчала объединение сегментарных обществ для военных действий против соседей. Войны также способствовали сгону с каких-либо территорий прежних обитателей, установлению отношений господства – подчинения, на основе которых порой складывались новые этнические группы.

Насильственные действия играли очень важную роль в жизни архаичных земледельцев и скотоводов. Такие действия нередко были важнейшим способом выдвинуться, значимо повысить свой социальный статус. По этому поводу есть смысл еще раз процитировать Н. А. Бутинова (1995: 62), который пишет о папуасах: «Было два пути продвижения в большие люди: мирный и военный; второй, видимо, преобладал. Претендент на статус большого человека собирал группу мужчин. Под его руководством люди нападали на соседнюю деревню, грабили, убивали, подчиняли оставшихся в живых своей власти. Причину для набега нетрудно было придумать (черная магия, кража свиней, похищение женщин, споры о земле и т. д.). Убийство “ненаших” не надо было оправдывать –

это считалось хорошим делом. Межобщинные войны велись часто»²⁰. Важную роль обычно играли войны и в процессе создания даже простых вождеств (см.: Carneiro 1970, 1981, 2004).

Но, поскольку численность населения социумов длительное время оставалась небольшой, а уровень производства еще не позволял постоянно жить за счет военной добычи и дани, в догосударственную эпоху политогенеза, по всей видимости, интеграция шла не только военным, но и достаточно часто мирным путем, так как важную роль играли идеологические, культурные и материальные составляющие интеграции. Это наблюдалось, во-первых, потому что общины располагались в сравнительной близости; во-вторых, потому что различные процессы и общие нужды требовали той или иной формы объединения. И этой «мирности» интеграции могла способствовать близкая этничность соседних социумов. Сам престижный обмен подарками помогал переводить соперничество между общинами и вождествами в мирное русло, препятствовал усилению конфликтов, как отмечали М. Мосс, М. Д. Салинз, К. Леви-Стросс и другие исследователи (см., например: Мосс 1996; Салинз 1999), хотя обиды, возникающие в процессе такого обмена, могли приводить и к насильственным действиям (см., например, об ительменах: Крашенинников 1948: 190). Разная же этничность племен и общин, живущих вперемешку, чаще провоцировала военные конфликты и способствовала военной интеграции общин. Так, в частности, складывались вождества у бини в Бенине (см.: Бондаренко 2000: 20). Эти же процессы укрепляли коллективную солидарность («асабиййу») племен (см., например: Турчин 2007; Гринин 2007в).

По мере усложнения обществ, особенно на предгосударственном этапе, роль войн в политогенезе даже при близкой этничности, по всей видимости, возрастает. Но следует подчеркнуть, что военное объединение этнически близких социумов способствовало большей прочности новых политий как за счет централизации, так и за счет культурно-религиозной близости.

В результате социополитических процессов на раннегосударственной стадии начинает образовываться то, что можно назвать примитивными народностями. Это хорошо видно на примере Европы поздней Античности, когда в III–IV вв. н. э. германские «племенные военные союзы превратились в более обширные и прочные племенные союзы, которые стали длительно занимать определенные территории и основывать на них более или менее устойчивые политические образования» (Неусыхин 1968: 602; см. также: Корсунский 1965: 66; Буданова 2000). Нередко они выступали под старыми названиями и «в качестве отдельных племен, но в действительности образовались из смешения при слиянии мелких племен в одно племенное целое, хотя могли делиться на разные ветви и подразделения» (Неусыхин 1968: 602).

Итак, с одной стороны, рост этничности способствовал интеграции и появлению крупных образований. С другой стороны, там, где начинали пролегать

²⁰ Личная храбрость и «свирепость» были важными качествами для выдвижения и у южноамериканских яномама, у которых человек, убивший воина, уже имеющего на своем счету убитого врага, получает «звание» храбреца (см., например: Chagnon 1968; Ember *et al.* 1992; Биокка 1972). Это было характерно и для многих других социумов.

политические границы, а власть становилась достаточно прочной, политогенез резко усиливал этничность. При этом «общностью более высокого порядка могла выступать то этническая, то политическая» (Куббель 1988б: 182).

Уже в рамках ранних государств политическая власть стала играть роль оброчей, которые как бы скрепляли этнос, пока он не становился достаточно прочным (см. подробнее: Гринин 2001, 2001–2006, 2003а, 2007в; см. также: Гринин 2006в)²¹. «Потестарные или политические структуры выступают в качестве того ядра, вокруг которого консолидируется общность-эсо (этносоциальный организм. – *Авт.*). Они играют роль арматуры, скрепляющей этот эсо», и характер «этнического процесса... оказывается диалектически связан с характером... политической организации общества», – справедливо отмечал Л. Е. Куббель (1988б: 170, 172; см. также: Куббель 1982; Крюков 1982). По-видимому, не лишена смысла и идея Л. Н. Гумилева (см., например: Гумилев 2004), что многие этнические трансформации могут начинаться с формирования консорциев, то есть не слишком многочисленных групп, объединенных особой (но обычно не только родственной) связью или исторической судьбой, часто сплотившихся вокруг военного или религиозного лидера. В качестве примера он приводит группу сторонников Мухаммада, деятельность которых во многом превратила арабов, по сути, в этнос нового типа (Там же: 60), и группу сторонников Чингисхана на начальном этапе («людей длинной воли»), которая составила ядро будущего самостоятельного субэтноса, давшего затем импульс новым этническим процессам среди кочевников монгольских и иных евразийских степей (Там же: 464–465 и др.).

По мере роста размеров обществ, плотности их контактов, войн и передвижений народов в политогенезе возрастает роль смешения этнических элементов. В частности, распространенным случаем было возникновение между обществами с разной этничностью даннических и иных зависимых отношений. Бывало также, что какой-нибудь этнос (или даже вооруженная группа чужеземцев) захватывал иноэтничные территории. В этих случаях иногда завоеватели становились правящей верхушкой или привилегированной частью социума. Различная этничность социальных групп способствовала обособлению слоев общества, разрушению родовых обычаев²² и переходу к соседским поселениям нового типа, становлению государственной эксплуатации и государственного аппарата²³. Порой на роль управленцев или воинов специально приглашались иноплеменники или покупались иноэтничные рабы (примеры см. выше). При объединении

²¹ Разумеется, в формировании этноса огромную роль играли и другие процессы (религиозные, культурные и прочие), но здесь мы не имеем возможности на этом останавливаться (см. подробнее: Гринин 1997–2001 [4/1997]).

²² Конечно, в тех обществах, где вообще была родовая организация, не имевшая, напомним, универсального распространения ни на одном уровне социокультурной сложности (см., например: Мёрдок 2003; Коротаев 2003а, 2003б).

²³ «...Непосредственная связь этнической стратификации с социально-потестарной и социально-политической вообще может считаться типичной чертой доколониальных африканских обществ», но «Африка не выделяется сколько-нибудь заметно среди других континентов» (Куббель 1988б: 180).

разных народов под эгидой сильного вождя иногда происходило как бы сплавление различных составных частей и возникал новый этнос (нередко так было у кочевников).

Судьба этносов-завоевателей в разноэтничных государствах могла быть различной. Нередко малочисленные иноэтничные завоеватели растворялись в массе завоеванного населения и исчезали как этнос, как произошло, например, с болгарами в Дунайской Болгарии (см.: Никитин 1954; Каждан 1954) или с монголами в населенной кипчаками (половцами) большей части территории Золотой Орды (см., например: Кульпин 2006; Гумилев 2004). Но иногда таким небольшим этносам-завоевателям удавалось не только сохраниться, как это было, например, в Литовском государстве (Петкевич 2006: 306) или Венгрии (Там же), но и ассимилировать часть завоеванных этносов, как случилось в Венгрии или во многих областях современного арабского мира.

Не только политические процессы способны сформировать ранний этнос. В ряде случаев это могло происходить и за счет таких «обручей», как первичные сословия, если эта система была достаточно прочной и четкой. Примером являются саксы до завоевания их Карлом Великим, которых вполне можно считать примитивным этносом – народностью. Они «делились на три социальных слоя (за исключением рабов): родовую знать (эделингов-нобилей), рядовых равноправных свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов» (Неусыхин 1968: 608).

Отметим, что даже очень близкая этничность (равно как и близкие природные и социальные условия, религия и т. п.) не ведет к тому, что в каком-то регионе устанавливаются только однотипные политические формы правления и режимы. Например, в Полинезии в пределах даже одного только архипелага «на разных островах архипелага (в данном случае островах Тувалу. – *Авт.*) были разные формы правления: на одном острове один “король”, обладавший абсолютной властью, на другом – “король” и совет вождей, то есть совет глав каинг (семейно-родственных групп. – *Авт.*), на третьем – два “короля” с равной властью, на четвертом – “король” и вождь, который формально был подчинен “королю”, но на деле благодаря силе характера являлся реальным правителем» (Бутинов 1982: 54). Весьма разные политические режимы были также среди галльских народов: от деспотической власти вождя до сложных систем сдержек и противовесов аристократических республик. Давно замечено, что нередко генетически разные общества демонстрируют удивительные сходства в определенных моментах, но в то же время близкие во всех отношениях общества обнаруживают сильные различия (Claessen 1989; см. также о различиях аравийских городов и племен: Dostal 1984).

ПОЛИТОГЕНЕЗ, ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Политогенез, производство и демографические процессы

В целом многие исследователи единодушны в том, что появление систематического производства прибавочного продукта, повышение производительности

труда и/или земли являлись важнейшими факторами политогенеза²⁴ (см., например: Куббель 1989; Коротаев 1991а; Гринин 2003а). При этом производственные инновации или внедрение новых технологий могли играть очень важную роль. Это касается, в частности, ирригации (см.: Earle 1997; Sahlins 1972а; Wittfogel 1957; Gunawardana 1981). В целом появление или распространение каких-то важных технологических инноваций (тем более ароморфозов) способно вести к серьезным изменениям в политогенезе, становиться его катализатором. В результате в тех местах, где он до этого сильно задерживался или был вовсе невозможен, начинаются интенсивные политические процессы. Такими катализаторами могли быть, скажем, распространение железа, прогресс в использовании верховых или тягловых животных. Появление конницы, оружия из железа и т. п. способствовало также интенсификации военных действий, усиливало роль войн в политогенезе. Классическим является пример, когда вождь зулусов Чака применил новый вид холодного оружия, особого рода копье (ассегай), на древке которого длиной в один метр был насажен обоюдоострый стальной клинок длиной 15 см и шириной 2–3 см, благодаря чему ассегай стало возможным использовать в ближнем бою, тогда как раньше копья использовались только для дальнего боя. Это оружие во многом способствовало успехам его армии и образованию империи (Риттер 1968; Ратцель 1902, т. 2: 116). В результате из догосударственной эпохи зулусы вошли в государственную. Также общеизвестно, как изменилась военная сила степняков-кочевников с изобретением седла и стремени. Без последнего «никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться конным воином» (Кардини 1987: 264).

Огромное значение имеют и демографические показатели (на их важность указывал ряд исследователей; см., например: Carneiro 1970, 1978; Claessen, van de Velde 1985; Chase-Dunn, Hall 1994; Fried 1967а, 1967b; Service 1975; Коротаев 1997, 2003а, 2003б; Гринин 2001, 2007е; о демографических изменениях в период аграрной революции см.: Козинцев 1980; Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 173–175). Сочетание демографических характеристик Х. Й. М. Классен называет «социетальным форматом» (*societal format*). Это понятие включает в себя численность населения, допустимое демографическое давление на занимаемую им территорию и пространственное распределение населения (Claessen 2000: 3). Очевидно, что чем больше численность населения и выше его плотность, тем интенсивнее идут процессы, хотя, конечно, при желании можно найти общества с довольно высокой плотностью населения и довольно низким уровнем социальной стратификации и политической централизации (ифугао Филиппин, чимбу Новой Гвинеи, некоторые сообщества Микронезии) (см., например: Коротаев 1991а: 150).

В некоторых случаях, прежде всего в ситуации, когда удобной и плодородной земли не хватало, высокая плотность населения способствовала усилению

²⁴ Хотя в то же самое время систематическое производство прибавочного продукта в большой степени является результатом политогенеза (см., например: Sahlins 1972b; Коротаев 1991а; Гринин 2001–2006, 2007е), речь в данном случае идет о динамической положительной обратной связи, которую нельзя однозначно рассматривать в не всегда гибких категориях «причины» и «следствия».

социальной стратификации, а также и политической иерархии. Эти процессы усиливались при концентрации в этих местах переселенцев, которые нередко вынуждены были жить на землях худшего качества и зависеть от тех, кто жил на лучших землях (Service 1975; Kottak 1972; Claessen 1989). Как указывает Х. Й. М. Классен, в такой ситуации налицо комплексное взаимодействие ряда факторов: рост численности населения в ограниченной области – на острове – неизбежно приводил к давлению на средства к существованию. Некоторые люди жили в лучших по сравнению с другими местах благодаря более высокому месту в иерархии родства. Возникающее в результате неравенство узаконивается родственными статусом, а право контроля и преобладания в экономике начинает выражаться в терминах родства. Система родства, таким образом, действует как отношения производства. В то же время родство является идеологическим фактором, глубоко влияющим на экономические, социополитические и демографические факторы. В свою очередь, идеология родства глубоко затрагивается изменениями других факторов (Claessen 1989).

Велико значение демографического роста и в увеличении роли войн в отношениях между обществами. А войны также могут вести к развитию новых политических форм (поэтому мы вынуждены обращаться к этому аспекту неоднократно). Недаром Р. Л. Карнейро постоянно подчеркивает, что возросшее демографическое давление может приводить к войнам и завоеваниям, в результате чего в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах возникает государственная организация (Carneiro 1970, 1978, 2000a, 2002; см. также: Lewis 1981). Высокое демографическое давление нередко приводило к переселениям и войнам и среди аналогов ранних государств (в качестве примера вновь напомним, что огромная полития вестготов уже при Германарихе в середине IV в. н. э. страдала от относительной перенаселенности [Щукин 2005: 219; см. также: Лавров 1999: 182–183], что и было важнейшей причиной попыток переселения вестготов в Византию; этот момент особенно интересен тем, что его часто рассматривают как начало эпохи великого переселения народов).

Иные отношения складываются в районах с низкой плотностью населения. Она существенно задерживала процессы интеграции и политогенеза, подобно тому как низкая концентрация исходных веществ затрудняет протекание химической реакции. Однако были факторы, которые могли частично компенсировать недостаток населения или низкую его плотность. Среди них обеспеченность транспортными средствами (включая верховых и упряжных животных) и мобильность, которые вместе позволяют значительно легче преодолевать расстояния. Эти качества существенно выше у кочевников, у мореходов и там, где реки являлись важнейшей транспортной артерией. Вновь укажем на то, что, согласно нашим исследованиям, для учета интенсивности некоторых политических процессов фактически число жителей у скотоводов, мореходов и жителей судходных речных долин надо увеличивать на коэффициент их мобильности и индекс обеспеченности средствами коммуникации (Гринин 2001–2006 [2/2002: 40]). Не менее важна и интенсивность контактов (см.: Он же 2007в). Поэтому-то в городских обществах, где плотность населения и род занятий сильно способствуют росту плотности контактов, по сравнению с чисто аграрными социумами

политогенез имеет заметные особенности (см., например: Крадин 1992, 2001а, 2001б, 2002; Крадин, Бондаренко 2002; Гринин 2001, 2007в).

На социальную структуру и политическую форму может влиять также межобщинная и иная специализация. В некоторых случаях она способствовала формированию кастовых или квазикастовых систем, что было весьма характерно, например, для многих африканских обществ (см. об этом, например: Кобищанов 1978: 254–260). Касты и квазикасты существовали в ранних государствах и их аналогах средневековой Аравии, Древней Индии и Индокитая, догосударственных и парадгосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки и Сахары (Kobischanov 2000: 64). Таким образом, касты – это отнюдь не чисто индийский институт. Как справедливо указывает Д. Квигли, распространенное представление, будто касты характерны только для Индии или индуизма, крайне затрудняет их сравнение с другими социальными формами. Он также отмечает, что все институты, которые ассоциируются с кастами, присутствуют в различной степени в других обществах в различные периоды истории (Quigley 2002: 146, 153; см. также: *Idem* 1999: 114–169; 2000: 105–106).

Направленность хозяйства существенно влияет на политогенез, ход которого, скажем, очень различен у оседлых земледельцев и специализированных кочевых/полукочевых скотоводов. Но как среди тех, так и среди других политические процессы в зависимости от особенностей хозяйства могут протекать по-разному. В этом плане коренным образом различаются, например, общества с зерновым и незерновым земледелием. В последнем случае развитие государственности затруднено, а переход к развитому государству, по всей видимости, и вообще невозможен (см. также: Гринин 2007б).

Большие различия наблюдаются и у скотоводов. Например, Л. Н. Гумилев писал о кочевниках, живущих западнее и восточнее Джунгарии: «Для всех народов восточной половины степи было характерно наличие сильной политической власти... На западе мы наблюдаем цепь конфедераций – племенных союзов» (Гумилев 1993: 261). Он объясняет это разными способами выпаса скота. На востоке скот пасся в степях, и пастухи, постоянно встречаясь друг с другом, выработали привычку общения. На западе, в предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатая, скот летом выгоняли на горные пастбища. Но подъем шел по узким долинам, каждая из которых принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, где пасся скот. По мнению Л. Н. Гумилева, изолированные методы ведения хозяйства отразились на характере политических образований (Гумилев 1993; о различиях в хозяйстве скотоводов см. также: Колесник 2007).

В догосударственной фазе хозяйство сильно усложняется, так как накапливаются новые виды деятельности, идет специализация, расширяется обмен. Все это ведет к усложнению социальной и политической жизни. При этом формируется петля положительной обратной связи, а именно намечаются тенденции, когда политическая сфера в свою очередь начинает влиять на направленность хозяйства. В этом плане можно согласиться с М. Салинзом в том, что рост власти и положения вождя часто становился одновременно и фактором развития производительных сил (Sahlins 1972b: 140; см. также: Коротаев, Кузьминов 1989; Коротаев 1991а; Гринин 2007в). Правда, престижная экономика, выделение знати

и администраторов, имущественное расслоение, появление сакральных и укрепленных пунктов и т. п. в целом, за отдельными исключениями, еще не трансформируют хозяйство радикальным образом²⁵.

Политогенез догосударственной эпохи связан обычно с экстенсивным сельским хозяйством, в котором могут быть элементы интенсивного, но зато уже политогенез раннегосударственной эпохи гораздо чаще основывается на интенсивном сельском хозяйстве (о нашем понимании различий между архаическим экстенсивным и развитым интенсивным земледелием см.: Гринин, Коротаев 2009: Гл. 6). В зонах древнейшего появления государств переход к государственности совершенно однозначно связан с созданием высокопродуктивного земледельческого хозяйства. И в дальнейшем очень многие государства создавались именно на базе интенсивного (поливного и/или плужного неполивного) земледелия. Этот путь условно можно считать магистральным не только для государствогенеза, но и для образования ряда аналогов государства.

Но были и иные варианты. В раннегосударственную стадию макроэволюции общество могло вступить и на базе примитивного сельского хозяйства. Однако все равно должны были быть и интенсивные отрасли: торговля, ремесло, мореплавание либо военная деятельность. Последняя может выступать как квазипроизводство, быть своего рода интенсивным и динамичным сектором экономики, если она позволяет аккумулировать достаточный объем прибавочного продукта чужих обществ. И все же в таких обществах регулярное создание нужных объемов прибавочного продукта и тем более возможность роста богатства и престижных благ в течение какого-то достаточно длительного времени всегда находились под вопросом. И в случае изменения ситуации или исчерпания ресурсов роста развитие политики, перешедшей на раннегосударственную стадию, затормаживается. Зато там, где практически вся экономика становится интенсивной, политические и социальные процессы идут более широко и эволюционных возможностей существенно больше.

Значительный рост производства прибавочного продукта, а также усложнение обмена и перераспределения влияют на все социальные процессы. В свою очередь, воздействие социально-политической сферы на хозяйство приводит к серьезным трансформациям в нем. Нередко происходит разделение экономики на два сектора: **экономику обычную и экономику элитарную** (см.: Гринин 2001, 2007*а*). Последняя может выступать в виде крупных аристократических, храмовых или вождеских хозяйств, в виде руководства обязательными коллективными работами, в форме монополизации наиболее доходной деятельности, особенно торговли.

Но во многих случаях эксплуатация шла не через производство, а через распределение, в частности, возникали обязанности подношения подарков, выплаты налогов, дани, права кормления и гостевания правителей за счет местного населения; перераспределение также шло за счет престижного потребления или

²⁵ Однако такие случаи все-таки известны, причем не все из них позитивны. Так, Т. К. Ёрл приводит пример, когда в Дании в бронзовом веке (от 1700-х до 700-х гг. до н. э.) местные вожди расширяли скотоводство, чтобы иметь животных для торговли, но интенсификация привела к деградации региона, превращению пастбищ в пустоши, а полей – в засыпанные песком неудобья (Johnson, Earle 2000: 27).

внешней эксплуатации. Поэтому в качестве более универсального вывода, на наш взгляд, точнее будет говорить о выделении в экономике **двух полюсов: производящего и потребляющего** (см. подробнее: Гринин 2007*в*).

Политогенез и распределение ресурсов

Проблеме выяснения связи между распределением и политогенезом уделяли большое внимание многие исследователи (Б. Малиновский, К. Поланьи, М. Салинз, М. Фрид, Т. Ёрл, Х. Классен и другие [Polanyi 1968; Sahlins 1972*b*; Fried 1967*a*; Earle 1997; Claessen 2000; см. также: Гринин 2007*в*]). Нередко изменения в распределении ресурсов выдвигают как важнейшую характеристику стадий политогенеза. И это совершенно оправдано, поскольку от объема относительно избыточного продукта и форм его распределения напрямую зависят скорость и направленность политических процессов.

Начальная эпоха политогенеза связана с преодолением наследия присваивающей первобытности, когда накапливать было трудно, накопление было редкостью и общество его не поддерживало (см. подробнее: Гринин 2003*a*, 2007*a*). В результате перехода к сельскому хозяйству и появления регулярных излишков в ряде регионов мира наблюдалась тенденция перехода от уравнительного к трудовому распределению, а накопление благ (до определенного объема, разумеется) нередко становилось нормой.

Поэтому, по всей видимости, наиболее универсальные макроэволюционные изменения в распределении в догосударственный период политогенеза связаны с усложнением системы распределения по сравнению с присваивающей экономикой, углублением имущественного неравенства, процессами концентрации богатства и престижных благ, предметов и ресурсов. Разумеется, было много и других изменений, в число которых входят, скажем, появление первичных денег и регулярной торговли во многих местах, а иногда и достаточно развитой частной собственности. Там же, где еще не перешли к индивидуальному накоплению, львиная часть относительно избыточного продукта порой превращалась в колоссальные ритуальные центры, создававшиеся иногда в течение сотен лет²⁶.

Здесь стоит сказать несколько слов о широко используемых терминах реципрокции (или реципрокации) и редистрибуции. Оба этих понятия – среди тех, кто их разрабатывал, особое место принадлежит К. Поланьи (см., например: Polanyi 1968) – характеризуют процессы движения и перераспределения ресурсов. Однако *реципрокция* более характерна для эгалитарных обществ, в которых перераспределение носит в целом относительно равноценный, эквивалентный характер (например, престижного обмена, взаимных угощений, взаимопомощи и т. п.). Престижный обмен (включая пиры) являлся важным инструментом отношений между общинами и племенами, способом установления хороших или мирных отношений (см., например: Sahlins 1972*b*; Рэдклифф-Браун 2001: 132–133). Однако в некоторых случаях он сам мог применяться как орудие экспансии

²⁶ Мы не думаем, что есть какая-то универсальная закономерность, когда создание таких центров предшествует переходу к частному обогащению. Но в ряде случаев такая последовательность, по-видимому, все же имела место. Например, в неолитической Европе как в обществах, так и у лидеров преобладала направленность на церемониальную деятельность, а в Европе бронзового века стал, по-видимому, доминировать интерес к личному богатству и персональному статусу (см., например: Wason, Balda 2000: 142).

и давления на соседей. Особенно это возможно в случае, когда военные действия по каким-либо причинам оказываются запрещенными (это нередко наблюдалось, например, при колониальной администрации²⁷; или существовали сверхъестественные санкции, запрещающие пролитие крови между определенными народами [см., например: Рэдклифф-Браун 2001: 132–133]). «Раньше мы воевали копьями, а теперь воюем пищей», – говорил по этому поводу некий меланезиец (см.: Бутинов 1995: 66).

В более сложных обществах вместе с появившимися новыми формами неравенства нередко возникает и *редистрибуция* – процесс, связанный с перемещением значительной доли благ в центр для обеспечения различных нужд и с дальнейшим распределением этих благ через центр. Это можно видеть нередко уже на уровне общины (деревни) или крупной семейно-родовой группы (клана). Но более важным такой процесс становится в иерархически организованных обществах с властным центром. В частности, редистрибуция правомерно считается обязательной для вождества. Конечно, вождь в целом оказывается в более выигрышном по сравнению с рядовыми общинниками положении, причем чем более развитым и крупным является вождество, тем заметнее этот выигрыш. Однако его перераспределительная деятельность является обременительной обязанностью, хотя нередко и весьма общественно полезной. Именно поэтому она так широко и распространилась. По образному выражению Б. Малиновского, «вождь везде действует как племенной банкир, накапливающий пищу, хранящий ее, оберегающий и затем использующий на благо всего сообщества... Если лишить вождя его привилегий и финансовых преимуществ, кто пострадает более всего, как не племя целиком?» (цит. по: Салинз 1999: 174). И это действительно так. Хотя вождь многое имеет, он многое и раздает. А это стимулирует производство сверх обычных домашних нужд²⁸. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что в подобных обществах нередко «политическая жизнь служит стимулом к производству» (Салинз 1999: 130). И постепенно циркулирование материальных ценностей между вождями и их подданными становится циклическим и непрерывным (Там же: 134).

Конечно, редистрибуция была лишь одним из вариантов новых перераспределительных систем, однако вариантом, который имел большое будущее (о системе распределительных отношений в рамках макроэволюции в целом см.: Гринин 1997–2001 [4/1997]; 2003а, 2003б).

На основе увеличения объема перераспределяемого продукта создается та почва, на которой расцветают различные виды неравенства. По мере накопления богатства усиливается и борьба за него, как внутренняя, так и внешняя, как мирная, так и вооруженная. Но неравенство еще не столь велико, а во многих обществах и вовсе относительно слабое. Поэтому только в отдельных случаях борьба за долю в распределении принимает какие-то острые или ярко выраженные формы. Ведь даже там, где неравенство и эксплуатация стали уже неотъемлемой частью жизни, интересы элиты и власти, с одной стороны, и основной

²⁷ Как замечает Л. Кили, обычно этнографы XX века проводили свои полевые исследования среди народов, которые уже были пацифицированы западными колониальными властями, поэтому в отношении военных столкновений им приходилось полагаться лишь на воспоминания своих информантов (Keeley 1996).

²⁸ Но следует опять же иметь в виду, что описываемые Б. Малиновским отношения уже были существенно модифицированы под влиянием политики, проводимой колониальными властями.

массы населения – с другой, нередко в целом еще не антагонистичны, не полярны.

Гораздо более антагонистичными могут быть отношения внешние, связанные с внешней эксплуатацией и подчинением соседей. Многие исследователи подчеркивают, что очень часто эксплуатация начинается не внутри, а вне общества, поскольку чужака не защищают ни традиция, ни обычай. Внешняя эксплуатация усиливает неравенство и, без сомнения, способствует развитию политогенеза²⁹.

Таким образом, уже на догосударственной стадии рост возможностей аккумулировать ресурсы и влиять на перераспределение их потоков становился очень важным источником приобретения и институционализации власти и формирования элиты. В отдельных обществах этой стадии вожди или элита устанавливали экономическую власть, основанную на возможности ограничить доступ к ключевым производственным ресурсам или особо дорогим и ценным товарам (см.: Earle 1997: 7, Ch. 3). Торговля, по мнению М. Уэбба, обеспечивает вождя необходимым богатством, чтобы позволить ему привлечь сторонников (Webb 1975).

Но вообще эффективное ограничение доступа к производственным ресурсам еще не было широко распространено, поэтому экономическое неравенство (обычно не слишком сильное) чаще возникало на основе социальных преимуществ и различного статуса, личных качеств, монополизации какой-либо деятельности, идеологии и возможности влиять на распределение общественного продукта³⁰.

В раннегосударственную эпоху в связи с большим ростом территории и населения обществ происходят качественные изменения во многих отношениях. В целом на этой стадии происходит как бы поляризация распределительной системы (за счет редистрибуции, престижного потребления элиты, эксплуатации соседей, разделения на производителей материальных объектов и производителей услуг, включая торговцев). Просматривается, согласно М. А. ван Бакелу, разделение населения на две части: народ – производителей средств к существованию, и элиту – потребителей «излишков» производства³¹ (см.: Кочакова 1999: 42). Это иногда приводило к серьезным конфликтам между народом и вождями, даже восстаниям, как, например, неоднократно происходило на Гавайях, когда правители начинали «чрезмерно упиваться властью» и до предела усиливать тяготы повинностей и «подарков». Правда, инициаторами восстаний всегда становились другие вожди, стремящиеся достигнуть власти на гребне волны народного гнева. Но так или иначе, система крупного вожества подвергалась децентрализации, экономические потребности власти и повинности населения на ка-

²⁹ Но в определенных случаях может затем выравнять неравенство в самой общине эксплуататоров (как, скажем, было у спартиатов).

³⁰ Характерно, что Т. К. Ёрл приводит примеры сильной экономической власти вождей чаще именно сложных вожеств (см.: Earle 1997: Ch. 3), поскольку в простых вожествах такие случаи более редки.

³¹ Но, не будем забывать, вместе с тем производителей многих важных социальных услуг.

кое-то время снижались. А затем цикл мог повторяться (см.: Салинз 1999: 137–141).

Таким образом, возникший **мощный полюс элитарного потребления** **начинает все заметнее переориентировать экономику, внешнюю политику, идеологию.** Такое перераспределение в пользу элиты может обходиться и без особой политической власти, например, при жестком доминировании аристократии. В этом случае статус обеспечивал дополнительные возможности приобретения богатства, а богатство облегчало повышение статуса (Куббель 1988а: 240).

В зависимости от системы хозяйствования, объемов прибавочного продукта, системы власти и характеристик элиты формы соотношения власти и распределения были очень разными: иногда политическая власть становилась орудием для поддержания престижного потребления, или, наоборот, именно для укрепления власти усиливалась экономическая база. В ранних государствах, как бюрократических, так и тех, где главная задача власти была связана с войнами, распределение все сильнее перестраивается на обслуживание государственных нужд и интересов. В некоторых аналогах государства создавалась система монополии одновременно на власть и на землю, как это было во многих случаях в Полинезии, в известной мере также в Галлии. Так было, впрочем, и в феодальной Европе. В других аналогах не политические лидеры, а храмы и религиозные корпорации успешно контролировали хозяйство или перераспределение произведенного продукта, а также организовывали массы на различные строительные работы. В экономически бедных аналогах ранних государств, в которых создавалось мало относительно избыточного продукта, усилия элиты были устремлены на внешние источники обогащения.

Таким образом, в зависимости от степени изобилия хозяйства идет борьба за внутренний или внешний прибавочный продукт, за право собирать натуральный продукт или за контроль над торговлей. Например, «вся средневековая Гана со всей пышностью двора ее правителей и их богатствами была как бы громадной внешнеторговой надстройкой над обществом» (Куббель 1990: 72)³². И таких «внешнеторговых», как и «военно-грабительских», надстроек было немало.

В качестве важного условия образования раннего государства ряд исследователей выдвигают «господство и контроль над экономикой» со стороны власти (Claessen 2000: 2). Действительно, в ранних государствах политическая власть в той или иной мере осуществляла контроль над экономикой. Правда, степень его полноты очень различалась. В ирригационных государствах он был достаточно велик. Более поздние по срокам возникновения ранние государства часто оставались надстройкой, удовлетворявшей какими-то повинностями, контролем над некоторыми важными источниками богатства и престижных ресурсов, такими как военная добыча, дань, внешняя торговля, монополия на ценное сырье или товары. Они практически не вмешивались в обычную хозяйственную

³² «Монополизация государством торговых источников, экзотического импорта и торговые пошлины были важнейшим альтернативным (налогам и дани. – *Авт.*) источником накопления» (Chase-Dunn, Hall 1997: 236). Распространенность монополии на внешнюю торговлю в государствах Африки (особенно с приходом туда европейцев) даже дала основание французской исследовательнице К. Кокри-Видович говорить об особом **африканском** способе производства.

жизнь. Но едва государство укреплялось, оно неизбежно начинало глубже проникать в производство, например, распределяя земельный фонд, вводя налоги на каждое хозяйство, изменяя обычное право и т. п. (о соотношении производства и государства на протяжении всего исторического процесса см.: Гринин 1999, 2007а). В некоторых государствах с ярко выраженным идеологическим обоснованием превосходства элиты существовал контроль элиты над добычей, обменом, обработкой и распределением престижных материалов (см., например, о майя: Beliaev 2000; Беляев 2002).

Однако контроль над экономикой не является признаком только раннегосударственной формы политогенеза, но присущ и ряду аналогов раннего государства. Скажем, в Полинезии за счет контроля над распределением земли и возможности принуждать к труду сословие вождей контролировало экономику. В других же аналогах иногда контроль был очень слаб, а то и вовсе отсутствовал либо, как в некоторых торговых обществах, оставался функцией самоуправления. Кроме того, сами необходимость и степень контроля над экономикой во многом зависят от экологических и технологических особенностей общества и исторического момента. В частности, представляется интересной и заслуживающей внимания мысль Ю. В. Андреева, что широкое внедрение железа в экономику Греции в гомеровский период сделало невозможным ее возвращение вспять к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи, соответствовавшей бронзовому веку (Андреев 1985: 23).

Поэтому **в целом для обществ раннегосударственной эпохи точнее говорить о том, что власть и элита устанавливают контроль над распределением, степень которого возрастает.** Но и этот контроль требует определенной системы власти. И по мере потребности в усилении перераспределения в свою пользу элита все заметнее стремится к *контролю над политическими функциями.*

ПОЛИТОГЕНЕЗ И РЕЛИГИЯ

Особые функции религии. Религия и политика

Роль религии в политогенезе выглядит очень значимой³³. И это замечено давно. В частности, еще Дж. Фрэнгер делал вывод о том, что «во многих частях света верховный правитель происходит по прямой линии от древнего мага или знахаря» (Фрэнгер 1980: 107). Но огромная роль религии в политогенезе объясняется не только особым положением древнего служителя культа и его способностью внушать уважение и страх. Такая роль, по всей видимости, во многом проистекает от того, что религия выполняла не только идеологическую и объяснительную функции, но и целый ряд других важных функций, которые мы далее постараемся систематизировать и сформулировать (см. также: Гринин 2001, 2007б).

Охранная и производственная функции. Религиозные, ритуальные и магические действия выступали как средство уберечься от различных несчастий,

³³ Хотя некоторые исследователи вполне правомерно разделяют магию и религию, в данном курсе для удобства мы рассматриваем их как единое явление.

в том числе и от таких, как неурожай, падеж животных и прочие. Такие действия, следовательно, выступали в каком-то смысле как часть производственной технологии. Мы рискнули бы сравнить это с сегодняшним обязательным страхованием. Несмотря на неразвитость многих элементов культуры, первобытные люди, тем не менее, часто мыслили вполне рационально. Если благополучие зависит от сверхъестественных сил, значит, почитание духов и соответственно людей, которые могут влиять на них, представляет собой очень важное дело³⁴. Огромные ритуальные сооружения, вполне возможно, также были попыткой обеспечить эффективное воспроизводство общества.

С охранной и производственной функциями неразрывно связана и та, которую условно можно назвать **функцией делегирования права на общение с высшими силами**, поскольку господствовало убеждение, что далеко не каждый может правильно и удачно общаться с иным миром. А когда общение с высшими силами сосредоточивается в руках определенных людей, тем более правителя, неразумно жалеть средства для поддержания необходимого ритуала. Тем самым религия начинала выполнять **управленческую функцию**, поскольку служители культа и руководители, совмещавшие светскую и духовную власть, выступали в роли «аппарата» по исполнению велений высших сил. А аппарат всегда можно использовать для других целей. И он часто начинал обслуживать свои собственные интересы. Функция делегирования права на общение с высшими силами нередко перерастала в то, что М. Годелье называл монополией на средства производства Вселенной и жизни. А монополия на эти мнимые средства производства, согласно А. Саутхоллу, вполне могла превратиться в монополию на материальные средства производства (Godelier 1978: 767; Саутхолл 2000: 130–131; Кочакова 1999: 41–42).

Как уже говорилось выше, некоторые тайные союзы представляли собой зачатки будущего аппарата управления и репрессий. Но их роль была велика и в плане формирования вообще институтов будущей государственной власти. Например, Л. Е. Куббель считал, что они были очень эффективной формой институционализации власти, а у многих африканских народов и вовсе стали той структурой, из которой непосредственно вырастала сакральная верховная власть: иерархия внутри союза была параллельна иерархии органов такой власти за счет господства и там и здесь знати (Куббель 1988a: 241). Между тем сакрализация правителя, а также та или иная доля секретности, которая окутывала его жизнь и пребывание у власти, являлись важнейшей особенностью африканской монархии.

Внешнеполитическая функция. Религия издавна выступала как форма межобщественных отношений, как способ объединения социумов для совместных важных действий. Магия же в общественном сознании могла считаться способом нанесения ущерба соседям и соответственно вызывала ответную реакцию.

³⁴ Сверхъестественные силы, в частности духи предков, могли рассматриваться людьми как истинные хозяева земли. Так было, к примеру, у бенинских общинников, которые воспринимали ритуальные действия не как пустую трату времени, но как неотъемлемую и важнейшую часть производственного процесса (см.: Бондаренко 2000: 99).

Регулирующая и карательная функции. Религия выступала также как карательное и регулирующее средство, способ запретить и запугать, а кое-где даже и прямо как орудие наказания путем психологического давления. Известны случаи, например, когда люди умирали, только узнав, что нарушили табу или что они должны погибнуть от вредоносной магии. Предполагаемый гнев духов нередко вполне заменял угрозу применения властью силы. Он даже имел определенные преимущества, раз люди верили в неотвратимость наказания. Угроза применения вредоносной магии была у многих первобытных народов силой, удерживающей от причинения вреда другим или от нарушения обязательств.

Очень важной функцией религии является **объединительная, интеграционная**. Через религиозные действия легче объединить людей. Во многом именно таким образом создавались грандиозные культовые памятники, храмы и т. д. Это позволяло интегрировать, а то и прямо объединять значительные территории и население достаточно мирным путем.

Здесь мы могли бы особо отметить, что вышеуказанные **функции религии во многом совпадали с теми функциями, которые выполняла политика** (см. подробнее: Гринин 2007*в*). С учетом этого аспекта неудивительно, что религия зачастую могла длительное время в какой-то мере подменять политическую деятельность в плане, например, интеграции общества или аккумуляции его ресурсов. В некоторых случаях именно жречество было той элитой, которая давала толчок государствогенезу. Могло, конечно, быть и наоборот, когда религия выполняла роль «служанки» политики. Религиозная сторона могла и вовсе не требоваться для политогенеза, например, когда он шел в основном военно-политическим путем.

Тесную связь религии и политики можно увидеть и в том, что у очень многих народов имелось представление, будто вожди и власть каким-то особым образом связаны с высшими силами, духами или богами. Даже там, где вообще не было жречества, могла существовать более или менее сильная вера в особую связь вождя (царя) и высших сил, а также в то, что свою благодать и удачу вождь способен переносить на других и на весь народ³⁵.

По причине сходства функций религия и политика часто выступают вместе, поддерживая друг друга. Распространенным случаем был их симбиоз, например, в виде сосредоточения высшей сакральной и политической власти в руках вождя или царя. Этот путь, думается, длительное время был эволюционно ведущим, хотя и далеко не единственным. Однако если политическая и сакральная власти не совпадали, образование государства могло иногда затрудняться по причине недостаточной власти правителя или, напротив, слишком большого влияния жрецов.

Однако пропорция политического и сакрального, равно как и взаимоотношения правителя и жречества, могла быть очень различной, что создавало многочисленные варианты политогенеза и большое своеобразие конкретных политий³⁶.

³⁵ Так было, например, в древней Норвегии (см.: Гуревич 1980: 128–132).

³⁶ При чрезмерной сакрализации правителя (как в ряде африканских государств, где он не мог свободно общаться с подданными) управление затрудняется, что может стать препятствием для государствогенеза. Иногда подобная ситуация вела к тому, что сакральная и политическая стороны разделялись своеобразным путем: за монархом оставался почет, а управление сосредото-

Религия и фазы политогенеза

В результате перехода к сельскому хозяйству постепенно начался и процесс перехода от охотничье-собирательских культов к аграрным. В итоге стали формироваться религии, способные объединить гораздо больше обществ и людей, чем прежде, и сплавить локальные группы в протоэтносы. Таким образом, росла объединительная сила религии и дополнительно выделялся ее управленческий аспект. Нередко также «статусная иерархия и лидерство развивались как побочный продукт чего-либо, созданного по религиозным причинам» (Wason, Baldia 2000: 142). Монополизация религиозных действий в определенных руках оказывала значительное влияние на формирование новых форм неравенства и потоки перераспределения ресурсов.

Кое-где создаются религиозные корпорации. А корпорации – это уже определенный аппарат, способный подчинить себе значительные массы. Тем более если такой аппарат формировался из представителей различных групп (а не состоял только из членов строго определенных родов и иных родственных групп). Тем самым закладывался административный принцип управления, важный для будущего государства.

На второй – раннегосударственной – стадии религия в тенденции становится более организационно развитой. Формируется ее идеологический слой, в значительной степени предназначенный для объяснения и оправдания сложившихся новых форм неравенства и установившейся власти. В ряде обществ религия превращается в локомотив политических процессов, поскольку религиозно-культурная власть была древнее и более общепризнанной, чем политическая, поэтому религия становится во многих случаях наиболее существенной частью официальной идеологии (см., например: Дандамаев 1985: 3). После появления мировых религий новая элита нередко стремилась сменить религию, чтобы стать более независимой от прежних традиций, чтобы иметь идеологию, которая бы оправдывала ее господство. Христианство и ислам часто вводились именно с таким расчетом. Так, в частности, приняв ислам, поступила знать народа фульбе (современная Гвинея в Африке), чтобы стать полновластной хозяйкой области Фута-Джаллон в центральной части Гвинеи и подчинить себе все ее население (см.: Козлов 1976: 64–65).

В целом нам представляется, что в указанном выше симбиозе религии и политики именно религиозная сторона во многих обществах длительное время шла впереди и, образно говоря, «тащила» за собой политическую, пока последняя не обрела достаточной зрелости. Такой симбиоз был желателен и для того, чтобы обеспечить легитимность политической власти. Но в достаточно крупном обществе неизбежно возрастает значение и бремя политических и административных функций, а следовательно, возрастает роль светских управленцев. К тому же жречество не способно, по определению, обеспечить защиту от внешней угрозы.

чивалось в других руках (единоличных, как у сегуна в Японии, или у коллегиальных органов, как в ряде африканских обществ). Подобные примеры имеются также в Полинезии (в частности, так было на островах Тонга [Токарев 1958: 136]) и в других регионах мира (см., например: Фрэнгер 1980).

Поэтому оно так или иначе уступает роль лидерам политикам, администраторам и воинам. Классическим примером является возглавлявшееся *энси* жречество месопотамских городов, уступившее место политикам-воинам во главе с светским правителем-лугалем (Дьяконов 2000: 51; см. также: Виткин 1968: 432; Саутхолл 2000: 134–136).

Можно согласиться, что чем больше развивается раннее государство, тем слабее в нем роль идеологических компонентов и все большую роль играют политическая администрация и редистрибуция (Claessen, Skalník 1978: 633). Таким образом, рано или поздно религия в некоторой степени отделяется от государства даже там, где политический лидер одновременно был и духовным лидером. Поэтому религиозная сторона не является обязательной для *развитых* государств. В этот период симбиоз между религией и политикой не нужен, а требуется только сотрудничество (см.: Гринин 2007б).

Политогенез и становление цивилизаций

Процесс образования самых первых государств на Ближнем Востоке во многом неясен. Однако для Месопотамии можно предположить, что в симбиозе сакральной и политической стороны в начальной стадии политогенеза первая все-таки преобладала. А поскольку в этих обществах развитие религии привело к складыванию первых цивилизаций, то правомерно думать, что и процесс формирования цивилизаций (его условно можно назвать **цивилигенез**) шел какое-то время несколько впереди политогенеза. Что касается Египта, то если предположить (с высокой долей вероятности), что здесь сакральная и политическая стороны соединились в лице вождя-жреца, они, возможно, развивались в тесном симбиозе.

В истоках цивилигенеза везде лежал процесс оформления новых верований, создания особой идеологии и культа. Нередко огромную роль играло появление нового типа религиозных корпораций, организованных не хуже тайных обществ, но имеющих возможность открыто, а не тайно влиять на население и элиту. Все это позволяло древним идеологам воздействовать на всю жизнь социума и интегрировать общества³⁷. Когда же у месопотамских жрецов появилось новое мощное средство – письменность, открылись невиданные прежде идеологические возможности. Таким образом, и письменность, и административный аппарат, возникнув для решения каких-то практических задач, стали могучим орудием влияния и развития (как это и свойственно крупным ароморфозам).

С появлением письменности можно уверенно говорить о возникновении первичных цивилизаций. С этого времени стал устанавливаться тот баланс между религией (культурой) и государственностью, который теперь нам представляется естественным и который, по крайней мере в течение двух с половиной тысяч лет, эволюционно был удачным. Религиозная и государственная культуры оказались очень тесно связанными, объективно поддерживающими друг друга (см., например: Дандамаев 1985; Гуляев 1993). Без письма развитие ранних

³⁷ Похожие процессы формирования таких религиозных корпораций были у многих народов, например у галлов и вообще кельтских народов, хотя результаты их интеллектуальной деятельности обычно сохранялись в устной форме.

государств Ближнего Востока замедлилось бы очень существенно, а возможности государственного перераспределения оказались бы сильно ограниченными. С другой стороны, без создания государственного института писцов, хранилищ текстов и прочего цивилизации Ближнего Востока оказались бы куда менее яркими.

Культурно-религиозные элементы и артефакты, свойственные цивилигенезу, такие как ритуальные центры, крупные гробницы, скульптуры, ювелирные изделия, сложная мифология и т. д., имелись во многих обществах раннегосударственной (и даже иногда догосударственной) эпохи. Но вот письменность встречается редко. Например, скифы в некоторых отношениях создали высокую культуру, но не имели письменности (см., например: Гуляев 2005; Райс 2004). Поэтому говорить о цивилизациях для большинства ранних государств в том же смысле, как мы говорим о них применительно к ранним государствам Египта, Месопотамии, Китая или Индии, невозможно (см.: Гринин 2007*e*).

Это означает, что **цивилизгенез был не единственным, а одним из направлений культурно-религиозных изменений**, но именно ароморфным направлением, за которым оказалось великое будущее. Для вторичного государствогенеза цивилигенез мог уже не требоваться. В государствах, возникших на периферии (в лесах и степях), процессы государствогенеза могли длительное время опережать процессы роста в культурной сфере. В лучшем случае варварские державы после сотен лет отсутствия письменности начинали заимствовать те или иные элементы более развитых культур, поскольку рано или поздно государствам какая-то достаточно развитая идеология все-таки требовалась. Так, при Чингисхане монголы заимствовали староуйгурскую письменность (восходящую через согдийскую к арамейской) (см.: Хара-Даван 1996: 135; Эгль 2004: 492), на которой, по-видимому, была записана и знаменитая *Яса* Чингисхана (Хара-Даван 1996: 135; Мухаметов 2007). Со временем уйгурский алфавит стал использоваться в дипломатической переписке (Крадин, Скрынникова 2006: 458).

Следовательно, хотя в социальных организациях раннегосударственной стадии культурные изменения, связанные с усложнением общества, должны были быть непременно, обязательное появление именно цивилизации требовалось только для первичного государствогенеза, то есть для рождения самых первых в истории государств и появления государств без воздействия более развитых государств-соседей.

Выше шла речь о цивилизациях, которые условно можно назвать государственными, поскольку их формирование и расцвет связаны с формированием определенных государств. Рождение же цивилизаций более высокого типа, связанных с мировыми религиями, требовало иных условий. Связь с политогенезом здесь гораздо более опосредованная (о стадиях развития цивилизаций в масштабах макроэволюции см.: Гринин 1997–2001).

ПОЛИТОГЕНЕЗ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Общие процессы

По мере усложнения социумов все более заметную роль помимо половозрастных начинают играть и собственно социальные характеристики людей. Сначала

они определяли только положение конкретного индивида, но (за некоторыми исключениями) не его потомков, позже во многих случаях социальный статус становится наследственными. Новые формы организации обществ и межобщественных отношений неизбежно открывали новые возможности для повышения социального статуса. В частности, различные вступительные взносы, выкупы, приданое, участие в престижной экономике и т. п. уже в догосударственной фазе существенно влияли на приобретение или повышение статуса. Этого можно было достигнуть, например, разбогатев, вступив в какую-либо корпорацию или тайный союз и приобретя там высокое положение; заняв какую-нибудь должность; совершив выдающееся деяние и т. п.³⁸ Весьма часто такой статус удавалось закрепить в поколениях. Тем самым какие-то группы приобретали постоянные преимущества. В результате всех этих изменений социальная структура существенно усложнялась и приходила в несоответствие с более ранними институтами и установками.

Догосударственная эпоха политогенеза связана с закреплением за людьми определенных социальных характеристик, и уже на этой стадии – особенно к ее концу – **намечается разделение социума на элиту и основную массу**³⁹. Такое деление, конечно, часто было весьма нечетким и далеко не везде играло большую роль, равно как новые формы социального неравенства и различные связанные с ним преимущества могли быть не слишком существенными. Однако кое-где элита начинала сосредоточивать в своих руках ключевые и наиболее престижные виды деятельности, среди которых управление и война занимали важное место.

Раннегосударственная эпоха в целом связана с процессом разделения общества на достаточно устойчивые социальные группы, слои или части. Существовали самые разные способы реализации этого. Например, механизм жесткого закрепления статуса в потомстве вместе с особым правом старшего сына (своего рода «майоратом») и другими традициями отсекал большинство людей от высокого статуса и привилегий. Нередко та или иная социальная иерархия институционализировалась. Имущественное неравенство играло большую роль. Но, как уже говорилось ранее, богатство чаще совмещается с рангом, статусом, сословным или должностным положением, что само по себе становится главным условием неравенства. При этом богатство и высокий формальный статус могли и не совпадать⁴⁰.

³⁸ Например, согласно описаниям У. Риверса, некоторые меланезийские тайные союзы являлись сложной организацией, посредством которой приобреталось богатство. А так как продвинуться в этих корпорациях могли только богатые люди или имеющие богатых друзей, то эта организация служила средством закрепления и демонстрации социального ранга, который зависел от обладания богатством (см.: Куббель 1988а: 267).

³⁹ Хотя, как мы помним, такое разделение может возникать уже среди специализированных охотников-собираателей; однако среди охотников-собираателей такое разделение развивалось только в исключительных условиях, а вот для развитых интенсивных земледельцев исключительным уже было, скорее, отсутствие такого разделения (см., например: Коротаев 1991а).

⁴⁰ Например, на Гавайях, где существовала система наследственных рангов, было немало богатых людей, не имеющих высокого ранга (см.: Earle 2000: 80). Поэтому Э. Сервис подчеркивает, что во многих случаях для достижения персональной политической власти личного богатства не требовалось (Service 1975: 8).

Формы общественных образований и конкретная конфигурация социальной структуры могли быть весьма и весьма разнообразными. Это могло зависеть и от того, какие принципы, иерархические или неиерархические, были заложены в организацию общества. Кроме того – и это очень важно подчеркнуть, – **достаточно часто значительное развитие социальной стратификации (и особенно ее жесткость) блокировало появление развитых политических структур** (см.: Гринин 2007а, 2007в).

Иначе говоря, там, где быстро складывается государство, не требуется жесткой социальной структуры. Независимая аристократия, равно как и слабая социальная мобильность людей, будет в известной мере помехой складывающейся самодержавной власти и бюрократии. В ранних ирригационных государствах крепкая политическая власть препятствовала возникновению жестких сословий. Характерным примером являются Египет, Китай или Индокитай, где сословные перегородки во многие периоды были слабыми⁴¹. Лишь на более поздних стадиях политогенеза (и то далеко не везде) возникло органичное сочетание централизованной власти и сословного деления. Как мы уже продемонстрировали в (Гринин, Коротаев 2009: Гл. 6), развитое сословное деление при централизованной государственной власти – это уже обычно признак не раннего, а развитого государства.

Там же, где до появления государства складывается заметное сословное деление, можно говорить об образовании аналогов ранних государств, которые превращаются в собственно государства много позже. В таких аналогах политические процессы играют в целом подчиненную роль по сравнению с процессами социальной стратификации, а сословные крепления вполне заменяют политические и административные (подробнее об этом см.: Гринин 2007в; Grinin 2003). Указанные аналоги могли достигать больших размеров и численности населения, иногда в сто-двести тысяч человек. Но развитие их было замедленным по сравнению с ранними государствами, поскольку здесь гораздо сложнее (иногда просто невозможно) было создать нового типа систему администрации (включая и профессиональных управленцев). Мало того, когда в таких обществах выбирали верховных правителей, то нередко ограничивали их полномочия, усложняли возможность передачи власти по прямой линии, выбирали соправителей и т. п.

Вообще сословность могла образовываться разными путями: иной раз завоеватели становились высшим сословием; иногда интегрировались между собой наиболее привилегированные группы (линиджи) кланов и общин; порой верхние сословия образовывались из немногих привилегированных родов, у которых главные линии становились высшим сословием, а боковые – вторым по значимости, и т. д. Правила родovitости были иногда очень сложными и/или жесткими, в результате чего потомки знатных людей попадали в различные группы (см., как это было, например, у качинов в Бирме [Leach 1970] или на островах Тонга [Токарев 1958; Токарев, Блинов 1956]). Такие ситуации являлись порой основой для формирования весьма громоздкой социальной системы. Запутанность и сложность правил также являлись источником постоянных трений и давали

⁴¹ «Неустойчивость социальных перегородок» характерна для вьетнамского общества (Вьетнам) и большинства обществ Юго-Восточной Азии (см.: Деопик 1994: 5). Но, разумеется, не во все эпохи и не во всех обществах этого региона. Не подходит к данному утверждению, например, ситуация в Ангорской империи (см., например: Седов 1967).

возможность для оспаривания прав на престол, а также иногда позволяли влиятельному аристократу сравнительно легко изменить что-либо в свою пользу в собственной генеалогии (Leach 1970: 166).

Нужно также учитывать, что представление об особой родovitости требовало заключать браки с узким кругом лиц, что закрепляло аристократический статус. Таким образом, идеология превосходства (в частности, в придании особого значения родovitости) и материальные интересы знати и аристократии объективно толкали ее на путь превращения в замкнутое (эндогамное) сословие⁴².

Во многих случаях меняется система учета родства. Например, там, где учитывалось родство только по одной, скажем, отцовской линии, теперь в некоторых случаях возникает неоднолинейный принцип учета родства, когда принимается в расчет одновременно и отцовская, и материнская линия. Иногда это сильно затрудняло женитьбу на женщинах из более низких классов, в результате чего начинали развиваться эндогамные аристократические круги и сети (Claessen 1978, 1989; Bott 1981).

В некоторых случаях было три сословия (саксы, некоторые кельтские и италийские народности; в целом это особенно характерно для индоевропейцев, где система трех сословий, возможно, развилась из системы трех возрастных классов [см., например: Дюмезиль 1986; Коротаев 1991б; Иванчик, Кулланда 1991; Кулланда 1995]) или даже четыре (индоарии, где складывается система четырех варн за счет добавления к трем базовым индоевропейским протосословиям нижней варны шудр)⁴³, плюс внесословные категории (рабы и т. п.). Лидерствовать могло как жречество (у индоариев, по крайней мере, согласно брахманской, но не кшатрийской, традиции), так и родовая аристократия (например, у ряда германских племен). Такого рода стратификация, естественно, закрепляла все должности за знатью, которая обзаводилась своими дружинами, клиентелой, источниками дохода и контролировала политические процессы. Например, знатные галлы (перед завоеванием Юлия Цезаря) имели по несколько сотен, а самые знатные – по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов (см.: Бессмертный 1972: 17; Тевено 2002: 136–137).

В обществах, организованных иерархически, сословия могли представлять пирамидальную систему во главе с имеющим сильную власть правителем. Такая ситуация была, в частности, в некоторых полинезийских обществах. Здесь политическая, экономическая, сословная, а часто и сакральная власти объединились в очень крепкий сплав.

В ранних государствах, не основанных на интенсивном и высокопродуктивном земледелии (например, в Тропической Африке), сакрально-политическая власть сочеталась с образованием подобия сословий. Но они не были столь креп-

⁴² О том, как возникали эндогамные сети аристократов, чтобы защищать экономические и политические интересы, например в ранней Шри-Ланке или среди качинов, см.: Gunawardana 1981, 1985; Friedman 1979.

⁴³ Варна шудр, скорее всего, возникла позже трех высших (брахманов, кшатриев и вайш) (см., например: Бонгард-Левин, Ильин 1969: 167). Не менее четырех социальных групп было, по материалам раскопок погребений, и в древнем малоазийском городе Канише (II тыс. до н. э.): знать, чиновничество, воины, рядовые граждане, включая купцов (Алексин 1986: 24).

кими, как в Океании. Зато вся суперструктура опиралась на сложный конгломерат корпораций, вождеств, сельских и городских общин, каст, объединявших порой много общин. Между собой эти единицы различались по статусу и привилегиям.

В ряде обществ (например, у некоторых кочевников) элита представляла собой родовую верхушку, обычно имевшую богатые хозяйства с зависимыми или наемными работниками, хотя встречалась и обедневшая знать. Порой здесь возникали достаточно устойчивые политические образования во главе с верховным вождем, где элита контролировала в основном внешние источники обогащения (войну и торговлю) и внутренняя эксплуатация была относительно слабой, а аппарат управления почти отсутствовал. Иногда на такой базе появлялись и крупные политические образования (особого рода аналоги государства), внешне напоминавшие крупные государства или империи (см. об этом, например: Крадин 1992; Хазанов 2006; Барфилд 2006).

В отдельных местах возникают городские общества. Если они были торговыми, то социальное разделение шло по имущественному признаку, который, однако, нередко закреплялся и особым статусом. Городские общины достаточно часто были самоуправляемыми, нередко распространяли влияние на окружающую сельскую территорию⁴⁴. В них создавался различный тип управления: аристократический, олигархический со светской или религиозной верхушкой, а иногда демократический. В некоторых местах, где территория вождества (или резиденция вождя) превратилась в город, сам вождь становился царем. Но власть царя обычно не была тиранической, а порой, как в Риме, напоминала конституционную монархию или вовсе была, по выражению Фукидида, «отеческой царской властью». Наряду с царем важную роль могли играть различные советы, как это было, например, в древнейших гражданско-храмовых общинах 1-го тыс. до н. э., где даже царские декреты к таким общинам обращены «к народу и совету» (Лундин 1977: 34). Иногда некоторые гражданско-храмовые общины даже приглашали правителей или оказывали серьезное влияние на выбор преемника надобщинного лидера, «царя» (подробнее см., например: Лундин 1969, 1971; Loundine 1973a, 1973b; Коротаев 2006б; Korotayev 1996)⁴⁵.

Смена элит и политогенез

Ряд позднепервобытных процессов, особенно развитие и закрепление неравенства, ход и направление политогенеза, напрямую связаны со сменой элит (см.: Гринин 2001; 2007г)⁴⁶. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что

⁴⁴ См., например, о таком контроле над сельской округой со стороны месопотамского города Урук во второй половине III тыс. до н. э.: Джонсон 1986: 101–102. Типичный город-государство в центральной Мексике накануне испанского завоевания состоял из центральной городской общины (то есть столицы) и зависимых от нее сельских общин (Гуляев 1986: 84).

⁴⁵ Отметим, что сам А. Г. Лундин здесь говорит о «городе», переводя таким образом древнейшее понятие *hgr*. Однако такой перевод не всегда вполне оправдан. Почти все древнейшие «города» (*'hgr*) представляли собой поселения менее 1000 человек с преимущественно сельскохозяйственным населением. Такого рода тип организации представляется корректнее обозначать как «гражданскую» или «гражданско-храмовую общину», а не как «город» (Коротаев 1988, 2006б; Beeston 1971; Korotayev 1996).

⁴⁶ В литературе неоднократно высказывалась мысль, что направление хода политогенеза может сильно зависеть от того, кто, какая элита находится во главе общества. Такие идеи, в частности, высказывали Л. Е. Куббель и А. М. Хазанов (см., например: Куббель 1988б; Khazanov 1978).

на пути к вождествам, городам, храмовым образованиям и тем более государству происходила неоднократная смена и/или трансформация элит (см. подробнее: Там же). Она вызывалась как усложнением и увеличением обществ, объемов производства и прочего, так и конкуренцией и прямой борьбой элит. На положение элиты могли влиять различные обстоятельства: перемены в размерах и направленности хозяйства, изменения в религии, отношения с другими обществами и т. п.⁴⁷ И наоборот, борьба элит, их соперничество влияли на ход многих процессов, включая рост или упадок производства⁴⁸.

В отношении элиты очень верным будет утверждение о том, что конкуренция и соперничество – могучие движущие силы развития. Для поддержания и укрепления своего положения нередко необходимо было бороться. И такая борьба, происходившая в самых разных формах, играла важную роль в развитии политогенеза и других процессов. Соперничество элит следует рассматривать не только как внутреннее явление, но и как конкуренцию между социумами, которыми руководили элиты, за доминирование и лидерство.

Но выстроить какую-то четкую линию смены элит затруднительно, поскольку в каждом обществе это зависело от множества обстоятельств. Поэтому в общезволюционном смысле о порядке смены элит можно говорить только в самом абстрактном виде. Естественно, что и обобщенные названия элит, которые даются ниже, в высокой степени условны (подробнее см.: Гринин 2007в).

В догосударственную эпоху просматриваются две макроэволюционные трансформации социальной структуры общества. У ранних земледельцев и скотоводов чаще всего уместно говорить о выделении элиты, которую можно условно назвать **элитой авторитета и традиций**. Она представляет собой достаточно пеструю смесь людей, по каким-либо причинам особо уважаемых, внушающих страх или так или иначе выделившихся: религиозных деятелей, глав групп и руководителей разного рода, профессионалов (включая ремесленников, артистов и мыслителей), людей, совершивших выдающиеся деяния, разбогатевших, обладающих необычными способностями; тех, кто имел какие-то особые привилегии (например, привилегии первооселенцев) или статус. Главная особенность этой элиты – она очень сильно связана с личными качествами людей, а привилегии чаще всего не слишком значительны, даже если они и воспроизводятся в поколениях. Но нередко у всех членов одного поколения и пола возможности были формально более или менее равными.

По мере укрупнения обществ, появления большего прибавочного продукта, более выраженного имущественного неравенства, роста числа и роли лидеров

⁴⁷ Например, усиление роли войн могло способствовать переходу руководства от старшего возрастного класса к средним (к молодым или средних лет мужчинам), ведь люди в возрасте не могли соперничать в силе и воинской доблести с более молодыми. Естественно, что и лидеры общества начинали выдвигаться из воинов. Так происходило, в частности, у бини (Бенин), где военный лидер, будущий глава вождества, выделялся из среднего возрастного класса, что уменьшало роль старшего поколения (см.: Бондаренко 2000: 21–22). Похожие процессы шли у зулусов (Риттер 1968) и, по-видимому, у части древних индоевропейцев (Иванчик 1988; Иванчик, Кулланда 1991; Кулланда 1995).

⁴⁸ Например, на Гавайях, где среди вождей было соперничество за контроль над населением, вожди внедряли такие капитальные инновации, как рыбные пруды, ирригационные системы, введение в оборот новых земель за счет различных улучшений, для того чтобы увеличить свой доход и за счет этого свою военную мощь (Johnson, Earle 2000: 27).

в разных областях жизни возникает элита, которую можно назвать **элитой лидерства и статуса** (см.: Гринин 2007*в*), представители которой все заметнее отличаются своим статусом, все прочнее закрепляют личные и групповые преимущества в поколениях, **все более из неформальных лидеров становятся формальными**. В таких обществах могло быть и прямое соперничество вплоть до физической или вооруженной борьбы между разными лицами и группами, претендующими на лидерство, например, между политическими и духовными руководителями, между родами и т. д. Можно согласиться с Ж.-Ж. Руссо, что институт лидерства с лидером как центром общины имел для этой стадии особое значение (Rousseau 1985; см. также: А. С. Хоцей [2000], который говорит об особом «лидерском» периоде).

В раннегосударственную эпоху условно можно говорить о формировании **элиты власти и богатства**, привилегии которой могут быть основаны на родovitости (аристократия), авторитете идеологии, занимаемых должностях, военной силе, праве завоевателя и т. д. В некоторых случаях авторитет элиты становится таким, что она берет в свои руки все: управление, войну, религиозные дела, суд и нормотворчество, идеологию. Но достаточно распространенной была и профессионализация, то есть формирование отдельных элит: духовной, plutократической, административной, военной, между которыми идет соперничество, борьба за лидерство, работников, последователей и сторонников. Конкретные результаты борьбы зависят во многом от конкретных обстоятельств. Например, даже там, где, казалось бы, власть вождя непререкаема, иной раз вперед выходит жречество⁴⁹. Но в тенденции все чаще начинает побеждать военная и/или административная элита.

Нередко происходит борьба между вождями разных типов: мирными, исполняющими административные и/или жреческие обязанности, и военными. Например, М. Б. Щукин (2005: 207) предполагает, что у восточных готов в период до их переселения в IV в. н. э. вождь Атанарих был представителем старой родовой аристократии вождей-жрецов, а более известный Германарих – вождем военных. Этнологи и обществоведы очень часто в качестве такого примера упоминают ирокезов, подчеркивая, что у них значимость мирных вождей-сахемов уменьшалась, а военных вождей – соответственно росла. Например, П. Ф. Преображенский даже был убежден, что если бы развитие ирокезов шло без вмешательства правительства США, совет военных вождей вообще бы заменил совет сахемов (Преображенский 2005: 157).

В аристократических полициях, какими были, например, многие галльские территории (*civitas*, по терминологии римлян), конкуренция в высшей страте часто выражалась в борьбе между аристократией в целом, с одной стороны, и отдельными ее наиболее богатыми или энергичными представителями, стремящимися к установлению личной власти, – с другой. Последние у галлов порой при-

⁴⁹ Даже в Полинезии, где, «как правило, управление хозяйственной и социальной жизнью было сосредоточено в руках вождей», «жрецы иногда подчиняли себе верховного вождя и фактически захватывали власть над островом. Так, Э. Граффе отмечал, что островом Нанумеа, где было два вождя и семь жрецов, управляли последние. На Фунафути жрец пользовался большим влиянием, чем верховный вождь (*алики*)» (Бутинов 1982: 33–34).

обретали опасное влияние, способное поколебать власть самых крупных магистратов. При этом такие деятели часто пытались использовать в своих целях недовольство народа (см., например: Тевено 2002: 136–137), то есть действовали аналогично тому, что описывал М. Салинз в отношении Гавайев. Естественно, что борьба между элитами или среди элиты очень часто шла за право занимать какие-то должности или контролировать те или иные функции. А результаты этой конкуренции нередко затем могли конституироваться в особенностях политических и социальных режимов.

Однако в других ситуациях элиты достаточно часто консолидировались и создавали **политическую** в широком смысле верхушку, которая могла становиться частью военного и/или административного аппарата или контролировала его в своих целях (как, скажем, афинская аристократия VII–VI вв. до н. э. использовала суды).

На раннегосударственной стадии борьба элит в тенденции становится еще более напряженной. Во-первых, по сравнению с прежними временами ставки существенно повышаются, поскольку власть дает огромные преимущества и привилегии тем, кто ее захватил. Во-вторых, соперничество элит – это часто и борьба различных претендентов на престол или титул, например младших и старших ветвей родов или династий. В ранних государствах (и в их аналогах) долго идет борьба между родовой (не сменяемой с наследственной должности) аристократией и новой знатью: военной, служивой, дворцовой, а также между правителем и аристократией; правителем и жречеством; жречеством и военной знатью. Например, в Древней Индии за руководящее положение в обществе возникала борьба между брахманами и кшатриями (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 169), а за право распределять подати – между брахманами и раджами (царями), которые сами чаще всего были кшатриями (Шарма 1987: 117).

Даже там, где власть в обществе представлялась абсолютной, более поздние исследования обнаруживают существенно иную картину. Работа Г. Стейна «Структура и соперничество социальных групп в ранних месопотамских государствах» (Stein 2001) посвящена анализу такой ситуации в Древней Месопотамии. Автор опровергает представление, что это общество в раннединастический период было «гомогенным, высокоцентрализованным», в котором правительство «контролировало фактически каждый аспект экономики, политики и социальной жизни» (*Ibid.*: 205). Он считает, что в центр внимания исследователей в поиске решающих факторов, взаимодействие между которыми и определило строение месопотамского общества, следовало бы поставить роль гетерогенности, случайности и *соперничества* между различными частями общества и групповыми интересами (Stein 2001: 207).

Политическая борьба очень часто имела следствием изгнание или добровольный уход части людей во главе с предводителем, которые либо устранились на новых незаселенных местах, либо захватывали чужие территории. Важно отметить, что все это способствовало развитию политических форм и режимов и их многообразию, поскольку на новом месте очень часто люди не просто копируют старое, а рафинируют и изменяют его, устраняя отжившее, утратив-

шее в новых условиях свою эффективность, приспособлявая к конкретным условиям. Так, согласно преданию, в XIII в. до н. э. под давлением неясных обстоятельств переселились шанцы (один из древнекитайских этносов) во главе с правителем-ваном Пань Гэном. И с этого момента начался новый этап в развитии Древнего Китая (Васильев 1983: 97–100).

ПОЛИТОГЕНЕЗ И ВОЙНА

Роль войн

По поводу роли войн в процессе государствогенеза какого-либо согласия нет. Многие исследователи, как уже указывалось, не считают войну фундаментальным фактором этого процесса (см., например: Классен 2000). В споре о возникновении государства, как считает Дж. Амброзино, «роль и воздействие внешних социальных факторов, то есть таких стимулов, которые создаются контактами с чужими обществами, практически игнорировались» (Ambrosino 1995: 54). Из современных исследователей теорию влияния войн на политогенез и появление государства наиболее систематично и последовательно разрабатывает Р. Карнейро (см.: Carneiro 1970, 1978, 1981, 1987a, 2000a, 2000b, 2002, 2003, 2004; Карнейро 2000, 2006; см. также: Годинер 1991). Однако эти теоретические разработки не стали достаточно общепризнанными. И если роль торговли, культурных и иных заимствований и влияний в политической антропологии учитывается в той или иной мере адекватно, то значение войн для процессов политогенеза и государствогенеза многие, если не большинство исследователей, занижают.

Повторим, что в конце XIX – начале XX в. роль войн в процессе образования государства оценивалась значительно выше. Марксизм был скорее исключением среди других направлений мысли этого периода в данном отношении (как, впрочем, и в целом ряде других отношений), поскольку он делал упор на внутриобщественные, классовые антагонизмы, а государство рассматривал как продукт такого антагонизма. Но даже последовательный марксист К. Каутский (1931) вопреки доктрине в конце концов был вынужден признать, что завоевание является важнейшей причиной возникновения государства. Наиболее же известными авторами, считавшими, что государство рождается из простого завоевания одного народа другим, были Л. Гумплович и Ф. Оппенгеймер. Стоит также упомянуть и Г. Ратценхофера (Gumplowicz 1883; Oppenheimer 1926; обзор теорий насилия см., например: Carneiro 1970; Карнейро 2006). Впоследствии такие подходы были справедливо отвергнуты как совершенно недостаточно учитывающие сложность исторической реальности. Но, вновь повторим, ошибки столетней давности не означают, что войны не играют важнейшей роли в политогенезе. Совсем напротив. **Отсутствие военного фактора (в каком-либо виде) в процессе образования и формирования раннего государства, по нашему мнению, является предельно редким исключением.** Под военным фактором мы понимаем ситуацию, так или иначе связанную либо с ведением войн

(агрессивных или оборонительных), либо с подготовкой к ним, либо с прямым завоеванием (подчинением) каких-либо социумов с помощью военной силы⁵⁰.

Однако важно отметить (поскольку этот момент, как правило, недоучитывается в спорах о роли войн в процессе образования государств): речь вовсе не идет о том, что в государствогенезе военный фактор всегда имеет определяющий характер. Утверждать это было бы неправомерно и неправильно. Мы говорим лишь о том, что военный фактор почти всегда присутствует в этом процессе, однако его вариации и степень влияния в разных ситуациях и обществах сильно разнятся. Иными словами, иногда он является решающим для государствогенеза, иногда – только одним из главных, иной раз – сопутствующим.

Для прояснения вышесказанного стоит дополнительно сформулировать ряд положений относительно роли военного фактора в политогенезе (подробнее см.: Гринин 2007в). Никакой фактор – в том числе и военный – не может быть не только единственным, но даже основным для протекания в целом политогенеза и государствогенеза, хотя в отдельных конкретных случаях те или иные причины могут доминировать. Для перехода к качественно новому состоянию эволюция требует развития разных сторон и сфер. Но, как уже выше указывалось, в конкретных обществах обычно существует диспропорция: какие-то сферы и процессы развиваются сильнее и быстрее, а какие-то намного слабее и медленнее. Поэтому комплексное развитие в целом достигается за счет взаимодействия многих обществ, и то далеко не сразу. Иными словами, за счет взаимных влияний и соперничества социальных групп и организмов отдельные достижения разных обществ предшествующих исторических генераций постепенно входят в систему многих конкретных обществ следующих генераций. Война в этом отношении значительно способствует подготовке необходимых условий для эволюционного рывка.

Кроме того, военный фактор имеет ряд особенностей по сравнению с другими. Во-первых, он может выступать одновременно и как внутренний, и как внешний, чего не скажешь, например, о сословном или классовом неравенстве. Во-вторых, он едва ли не чаще, чем остальные, требует разрыва с традицией, а переход к ароморфно новому без такого разрыва почти невозможен или затруднен. В-третьих, война лучше остальных факторов заставляет общества и элиты мобилизовывать силы и ресурсы, напрягаться и активизироваться, менять стратегии. Поэтому война является наиболее жестким и быстрым орудием социального отбора (правда, в ходе этого отбора отнюдь не всегда выживают именно более ароморфные формы). Войны ведут к разнообразным комбинациям, в результате чего время от времени находятся перспективные варианты. В-четвертых, при внутренней подготовленности и благоприятных обстоятельствах война – наиболее быстрый способ интеграции, кратчайший путь к решению многих проблем. Нельзя забывать, что войны способствуют концентрации населения в определенных местах. Наконец, как только война становится распространен-

⁵⁰ Во всяком случае, заслуживают внимания высказывания о том, что государство создает войну, а война создает государство (Tilly 1990), или «Полисы создавали войну, а война создавала полисы» (Hansen 2002: 39).

ной и почетной, процесс начинает сам себя подпитывать и усиливать. На какое-то время включаются положительные обратные связи, и война порождает войну⁵¹.

Роль войн исключительно важна уже и для догосударственной эпохи политогенеза, в которой нередко идет переход от неупорядоченных, сумбурных военных столкновений к тому, что война становится постоянным фактором и важным источником приобретения социального статуса. Для внутренней стратификации войны зачастую еще не имели решающего значения, но они создавали возможность интеграции обществ в будущем в крупные политии.

По мере образования самоуправляемых крупных обществ и общин, вожеств и иных политий размером до нескольких тысяч человек обнаруживался предел интеграции мирным путем. Конечно, бывало, что социумы могли мирно интегрироваться, например, вокруг храма или города до очень крупных размеров⁵². Но в большинстве случаев склонить соседей к подчинению или объединению было весьма трудно. И в интеграции все более важную роль играли войны. Возможно, именно поэтому данная эпоха начального политогенеза часто отражается в эпосе именно как «героическая», «богатырская», как время великих подвигов, воинов и героев. Можно считать, что скопление мелких конкурирующих политических организмов в определенных местах повышало роль войн в государствогенезе.

Таким образом, без постоянного соперничества, без военных побед и поражений социальная макроэволюция обычно шла относительно медленно⁵³. Ведь если с помощью религии или традиции можно заставить основное население подчиниться несправедливости и эксплуатации, то эти средства уже не годятся в отношении равного тебе по статусу правителя или суверенной политии. В последнем случае заставить подчиниться способна прежде всего сила либо общая угроза, которая требует совместного объединения или поиска покровительства. Вокруг сакрального центра можно в отдельных случаях объединить даже сотни тысяч людей, но обычно он не спасает от грозных врагов⁵⁴. Разумеется, и одной силы было также недостаточно, требовались и другие условия, в том числе нужная идеология, ментальность, концентрация этничности, экономическая или иная выгода и прочее.

⁵¹ Война, впрочем, может и достаточно эффективно блокировать арогенную эволюцию (прежде всего – через депопуляцию, но также через уменьшение реальной емкости среды и сужение каналов престижной социализации). Вспомним, например, как систематические войны, ведшиеся папуасами нагорья, достаточно эффективно заблокировали арогенную эволюцию этих сообществ, которые за многие тысячи лет после перехода к земледелию не смогли выйти по своей социально-политической сложности даже на уровень простых вожеств и/или их аналогов (см., например: Бутинов 2000).

⁵² Например, по мнению Ричарда Шедла, доинкское вожество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек, и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

⁵³ Но надо учитывать, конечно, готовность обществ к переменам под влиянием изменившихся условий. Там, где война является лишь неотъемлемой частью жизни, она может не вести ни к каким изменениям, а просто поддерживать статус-кво. Вот почему, как мы уже упоминали об этом выше, на Новой Гвинее развитие шло исключительно медленно как раз при высоком уровне военной активности (см., например: Бутинов 2000).

⁵⁴ Правда, иногда всякого рода святилища одновременно выполняли и роль военных центров, подобно тому как средневековые монастыри зачастую становились крепостями. См. об одном таком древнем святилище в Гурнэ у галлов в III–II вв. до н. э.: Брюно, Бюкзеншюц 1990: 137.

Вместе с тем в развитии любой политики (или группы политий), как правило, можно проследить чередование мирных и военных периодов, связанных, помимо массы разных обстоятельств, с циклами ее динамики, когда фазы экспансии (миграций или внешних агрессивных войн) чередуются с такими фазами, когда общество в основном занято решением внутренних проблем, интегрированием завоеванных территорий и т. п., в том числе и в связи с исчерпанием потенциала экспансии (относительно мирный период или период преимущественно оборонительной военной активности)⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что в течение догосударственной эпохи в обществах накапливаются различные формы неравенства. А неравенство для своего поддержания, укрепления и развития требует обладания какой-либо властью, создающей у одних уверенность в правомерности своего превосходства, а у других – убежденность в необходимости подчиняться. Переход на раннегосударственный этап политогенеза связан с заметной концентрацией и монополизацией власти (Гринин 2007в). Все это вело к заметному росту значения войн как среди аналогов ранних государств, так и среди ранних государств. Жизнь большинства как земледельческих племен и вождеств (например, ирокезов, кельтов, германцев), так и кочевых (скифов, половцев и многих других) наполнена войнами, грабежами, походами. Ранние государства начинались войнами и в редких случаях не вели их практически бесконечно. Само рождение государства, как мы видели выше, так или иначе напрямую связано с военными действиями.

Однако развитие политических форм, и особенно государства, всегда является сложной комбинацией внутреннего развития и внешних влияний. Поэтому война и даже завоевание без внутренней готовности хотя бы одного из враждующих обществ к такой трансформации не образуют государства. Простое вождество даже при самой удачной войне не станет государством, если для этого нет нужных экономических, идеологических и социальных предпосылок. Во многих случаях сотни лет соперничества и войн между политическими образованиями так и не приводили к образованию государств (а в Новой Гвинее, как уже сказано, не привели даже к образованию вождеств). Поэтому заслуга Р. Карнейро состояла в том, что он показал некоторые из возможных ситуаций, в которых война способна дать новый результат, в частности ситуацию, когда нехватка ресурсов и демографическое давление в местностях с определенным, например, горным ландшафтом, как в Перу, может вести к образованию государства (Carneyro 1970). Вместе с тем примеры Р. Карнейро в смысле их реальной значимости все-таки вызывают определенные сомнения, поскольку возможности войны влиять на процесс государствогенеза гораздо шире, чем только ситуация жесткой нехватки ресурсов.

Совершенно очевидно, что для перехода к раннему государству нужны определенный объем прибавочного продукта и престижных благ, численность и плотность населения, достаточная его культурная однородность, наличие более или менее развитой идеологии. Все это – та питательная среда, внутри которой только и могут с достаточной силой идти процессы социального расслоения, ак-

⁵⁵ Подробнее об этих фазах экспансии – консолидации и их связи с фазами «вековых» социально-демографических циклов см.: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 121–168; см. также: Гринин 2003а, 2003б, 2007в.

кумуляции ресурсов, возникновения центров власти. Естественно, что сама по себе война не может ни создать относительно избыточный продукт, ни увеличить население. Поэтому подготовительная работа идет в основном за счет невоенных процессов.

В связи со сказанным роль войны выглядит по-разному для первичного и вторичного государствогенеза. Если война, военный грабеж и военная эксплуатация становятся основой «политической экономии» общества⁵⁶, главным источником обогащения, главным сектором интенсивного «хозяйствования», их роль в процессе политогенеза существенно повышается. Поэтому война нередко становилась основой создания материальной базы для вторичного и третичного государствогенеза, когда она начинала выполнять псевдопроизводственную роль для паразитирующего на ней общества. Роль войны повышается также по мере формирования государственных институтов и их распространения у соседей, а также с развитием военного дела. В этом плане чем позднее шел государствогенез, тем заметнее в большинстве случаев была в нем роль войн (см. подробнее: Гринин 2007в). Есть много примеров, когда именно завоевание (или мобилизация для обороны, часто переходящей в захват) и является тем переломным моментом, который позволяет образовать государство. Характерным является уже упоминавшееся выше государство народа фульбе (Западная Африка, территория современной Гвинеи) в XVIII – начале XIX в. В результате этнических процессов, когда фульбе стали преобладать на данной территории, а также после принятия ислама частью знати и возникшего раскола общества начались войны за доминирование в стране, которые и завершились победой исламизированной знати и образованием государства (Козлов 1976: 69 и др.).

Первичный государствогенез в зоне ирригационного хозяйства проходил в условиях относительно высокопродуктивного сельского хозяйства. И поскольку внутренний продукт был относительно велик, внешние источники обогащения играли меньшую роль. Но в условиях производства большого излишка и тем более демографического подъема или даже взрыва неизбежно возникали соперничество и борьба за первенство между образовавшимися политиями (см. обзор мнений по этому поводу для Египта: Прусаков 1999: 61–63). Мы считаем, что **война, образно говоря, в таких ситуациях играла роль своего рода формовочного процесса, который придавал уже готовой массе определенную форму, а изменениям – определенное направление**⁵⁷. Иными словами, войны в этих случаях способствовали быстрой трансформации аналогов государства

⁵⁶ А. У. Джонсон и Т. К. Ёрл выделяют экономику жизнеобеспечивающей деятельности и «политическую экономику», связанную с особыми интересами элиты и ее воспроизводством (Johnson, Earle 2000: 22–27). О роли военного грабежа и прочих распределительных отношений, связанных с войной, в жизни определенных обществ в процессе социальной макроэволюции в целом см.: Гринин 1997–2001 [4/1997].

⁵⁷ И вновь можно согласиться с Дж. Амброзино, что при анализе возникновения первичных государств воздействие на них других обществ (а война – важнейшее из таких воздействий. – *Авт.*) многие исследователи теоретически выпускают из вида (Ambrosino 1995: 54). Мы бы даже сказали, что внешнее воздействие особенно игнорируется для первичного государствогенеза, поскольку роль заимствований и войн для вторичного государствогенеза более очевидна (см.: Гринин 2007в).

в государство, увеличивали роль административных и силовых рычагов в управлении обществом (несколько понижая роль сакральных)⁵⁸.

Поэтому мы не согласны с идеей Х. Й. М. Классена и других исследователей исключить войну и завоевания из числа важнейших факторов, которые направляют процесс социально-политической эволюции к образованию раннего государства (Claessen 2000: 3). Представляется, что во взглядах Классена имеется противоречие (см. подробнее: Гринин 2007в). С одной стороны, он заявляет, что, помимо четырех основных причин для образования государства: нужного количества населения, определенной территории, продуктивного хозяйства и идеологии, – необходима еще такая, которая явится толчком для того, чтобы государство сформировалось. Он очень верно отмечает, что эту причину можно рассматривать как пятое необходимое условие. К таким условиям он относит угрозу нападений, как это было, например, с бецилео на Мадагаскаре в XVII в.; недостаток продуктов и товаров, как в случае с ацтеками; появление новых идей и убеждений, как это было характерно для ранних государств Юго-Восточной Азии (см.: Claessen 2004: 80–82). Но среди таких провоцирующих нужное развитие причин он как-то упорно обходит войну. А какая еще подобного рода причина может быть более распространенной, чем война? Мы, во всяком случае, такой не знаем.

Библиография

- ‘Абд ад-Дайим ‘абд ал-‘Азиз М. 1996. *Миср фи ‘аср ал-мамалик ва-л-‘Усманийийин (Египет в эпоху мамлюков и Османов)*. Каир: Мактабат нахдат аш-Шарк (на арабском языке).
- Аверкиева Ю. П. 1978. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты). *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 318–360. М.: Прогресс.
- Алексин В. А. 1986. Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов). *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Массон, с. 21–29. Ташкент: ФАН.
- Андреев Ю. В. 1985. К проблеме послемикенского регресса. *Вестник древней истории* 3: 9–29.
- Артемова О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1989. К проблеме первобытного эгалитаризма. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока* / Ред. С. И. Блюмхен и др., ч. 3, с. 3–5. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 44–91. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.

⁵⁸ Есть смысл по этому поводу привести и мнение Т. Холла: «Около семи тысяч лет назад началось развитие мир-систем вождеств. Эти системы имели более четко выраженную иерархию и, в определенной степени, разделение на центр и периферию. Конфликты между этими системами, а также их динамика дали начало первым государствам и данническим мир-системам, которые появились приблизительно пять тысяч лет назад» (Холл 2006: 446; см. также: Hall 2001).

- Артемова О. Ю. 1993.** Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля* / Ред. В. А. Попов, с. 40–70. М.: Вост. лит-ра.
- ‘Ашур Са‘ид ‘Абд ал-Фаттах. 1959.** *Миср фи ‘аср давлат ал-мамалик ал-бахриййа (Египет в эпоху бахритской династии мамлюков)*. Каир: Мактабат ан-нахда ал-мисриййа (на арабском языке).
- ‘Ашур Файнд Хаммад Мухаммад. 1995.** *Ал-Джихад ал-исламийй дидда ас-салибиййин ва-л-мугул (Исламский джихад против крестоносцев и монголов)*. Триполи (Ливан): Джаррус Брис.
- Бадави Дж. 1996.** *Ас-Са‘алик ‘ала ‘ари Миср (Бандиты на египетском престоле)*. Каир: Аз-Захра’ ли-л-и‘лам ал-‘арабийй (на арабском языке).
- Барфилд Т. Дж. 2006.** Мир кочевников-скотоводов. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 415–441. Волгоград: Учитель.
- Белков П. Л. 1993.** Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе. *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 71–97. М.: Вост. лит-ра.
- Беляев Д. Д. 2002.** Древние майя (III–IX н.э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, с. 130–155. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бессмертный Ю. Л. 1972.** Возникновение Франции. *История Франции* / Ред. А. З. Манфред, т. 1, с. 9–68. М.: Наука.
- Биокка Э. 1972.** *Яноама*. М.: Мысль.
- п’Битек О. 1979.** *Африканские традиционные религии*. М.: Наука.
- Бонгард-Левин Т. М., Ильин Г. Ф. 1969.** *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 2000.** *Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006.** Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 15–36. Волгоград: Учитель.
- Бромлей Ю. В. 1982. (Ред.).** *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука.
- Брюно Ж.-Л., Бюкзеншюц О. 1990.** Новые исследования кельтской цивилизации во Франции. *Вестник древней истории* 3: 131–142.
- Буданова В. П. 2000.** *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1968.** *Папуасы Новой Гвинеи*. М.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1980.** Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии). *Ранние земледельцы. Этнографические очерки* / Ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов, с. 110–143. Л.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1982.** *Полинезийцы островов Тувалу*. М.: Наука.

- Бутинов Н. А. 1995.** Папуа Новая Гвинея: властные структуры. *Этнические аспекты власти* / Ред. В. В. Бочаров, с. 51–78. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т.
- Бутинов Н. А. 2000.** *Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству)*. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)*. М.: Наука.
- Виткин М. А. 1968.** Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 425–454. М.: Наука.
- Гиренко Н. М. 1991.** *Социология племени*. Л.: Наука.
- Годинер Э. С. 1982.** *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.
- Годинер Э. С. 1991.** Политическая антропология о происхождении государства. *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения* / Ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков, с. 51–78. М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 1997–2001.** *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]
- Гринин Л. Е. 1999.** Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник Московского университета*. Сер. 12. *Политические науки* 1: 17–27.
- Гринин Л. Е. 2001.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). Ч. 1. *Философия и общество* 4: 5–60.
- Гринин Л. Е. 2001–2006.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29; 2/2006: 20–67.
- Гринин Л. Е. 2003а.** *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2003б.** *Философия, социология и теория истории*. 3-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006а.** Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006б.** Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006в.** Насилие и исторический процесс. *Насилие и толерантность: история, современность, перспективы* / Ред. У. Навотный, А. П. Назаретян, О. В. Андреева, с. 46–50. М.: Изд-во РУДН.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.

- Гринин Л. Е. 2007в.** *Государство и исторический процесс. Эпоха образования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса /* РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, с. 1425–1432. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем /* Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е. 2016.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции /* Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем /* Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Гуляев В. И. 1986.** Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. *Древние цивилизации Востока /* Ред. В. М. Массон, с. 81–85. Ташкент: ФАН.
- Гуляев В. И. 1993.** Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя. *Вестник древней истории* 4: 45–60.
- Гуляев В. И. 2005.** *Скифы: расцвет и падение великого царства.* М.: Алетейя.
- Гумилев Л. Н. 1993.** *Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации.* М.: Прогресс.
- Гумилев Л. Н. 2004.** *Русь и Великая степь.* М.: АСТ.
- Гуревич А. Я. 1980.** Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII вв.). *История Норвегии /* Ред. А. С. Кан, с. 126–151. М.: Наука.
- Дандамаев М. А. 1985.** Государство и религия на Ближнем Востоке. *Вестник древней истории* 2: 3–9.
- Деопик Д. В. 1994.** *История Вьетнама:* в 2 ч. Ч. 1. М.: МГУ.

- Джонсон Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Массон, с. 92–103. Ташкент: ФАН.
- Дольник В. Р. 2007. *Непослушное дитя биосферы*. М.; СПб.: Петроглиф, КДУ, Паритет.
- Дьяконов И. М. 2000. Города-государства Шумера. *История Востока*. 1: *Восток в древности* / Ред. В. А. Якобсон, с. 45–56. М.: Вост. лит-ра.
- Дюмезиль Ж. 1986. *Верховные боги индоевропейцев*. М.: Наука.
- Заклама А. 1995. *Ал-Мамалик фи Миср (Мамлюки в Египте)*. Каир: Мактабат Мадбули (на арабском языке).
- Иванчик А. И., Кулланда С. В. 1991. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 192–216. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Кадырбаев А. Ш. 2006. Царица Египта Шаджарат ад-Дурр: 1249–1250 гг. (Повествование о тюркской рабыне, ставшей императрицей и основательницей государства Мамлюков). *Египет, ближний Восток и глобальный мир* / Ред. А. П. Логунов, с. 108–112. М.: Кранкэс.
- Каждан А. П. 1954. Принятие христианства в Болгарии. *История Болгарии* / Ред. П. Н. Третьяков, т. 1, с. 71–75. М.: Изд-во АН СССР.
- Казанков А. А. 2002. *Агрессия в архаических обществах (на примере охотников-собирателей полупустынь)*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Кардини Ф. 1987. *Истоки средневекового рыцарства*. М.: Прогресс.
- Карнейро Р. Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 84–94. М.: Логос.
- Карнейро Р. Л. 2006. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 55–70. Волгоград: Учитель.
- Касим А. К. 1998. *‘Аср салатин ал-мамалик, ат-тарих ас-сийасийй ва-л-иджтима‘ийй (Эпоха мамлюкских султанов, социально-политическая история)*. Каир: ‘Айн ад-дирасат ва-л-бухус ал-инсаниййа ва-л-игтима‘иййа (на арабском языке).
- Каутский К. 1931. *Материалистическое понимание истории*. в 2 т. Т. 2. М.: ГИЗ.
- Киселев Г. С. 1985. *Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки)*. М.: Наука.
- Классен Х. Й. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 6–23. М.: Логос.
- Ключевский В. О. 1937. *Курс русской истории*. Ч. 1. М.: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Кобищанов Ю. М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. *Африка: возникновение неравенства и пути развития* / Ред. Л. Е. Куббель, с. 85–290. М.: Наука.
- Кобищанов Ю. М. 1978. Системы общинного типа. *Община в Африке: проблемы типологии* / Ред. С. А. Токарев, Ю. М. Кобищанов, с. 133–260. М.: Наука.

- Козинцев А. Г. 1980.** Переход к земледелию и экология человека. *Ранние земледельцы* / Ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов, с. 6–33. Л.: Наука.
- Козлов С. Я. 1976.** *Фульбе Фута-Джаллона. Очерки этнической, политической и социальной истории.* М.: Наука.
- Колесник В. И. 2007.** Экономические возможности кочевых обществ. *Вопросы истории* 4: 142–152.
- Коротаев А. В. 1988.** К становлению городских структур в Южной Аравии (начало I тыс. до н. э. – VI в. н. э.): термин *hgr* в древнейеменской эпиграфике. *Город на традиционном Востоке* / Ред. К. З. Ашрафян, Р. В. Хабаева, с. 37–41. М.: Наука.
- Коротаев А. В. 1991а.** Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 136–191. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 1991б.** Узловые проблемы социологии развития архаических обществ. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 3–43. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 1997.** *Факторы социальной эволюции.* М.: ИВ РАН.
- Коротаев А. В. 2000а.** От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 224–302. СПб.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2000б.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 265–291. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 2003а.** Джордж Питер Мёрдок и школа кросс-культурных исследований. *Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм* 3: 19–74.
- Коротаев А. В. 2003б.** Джордж Питер Мёрдок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований. *Социальная структура* / Ред. Дж. П. Мёрдок, с. 478–555, 588–606. М.: ОГИ.
- Коротаев А. В. 2006а.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006б.** *Социальная история Йемена.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Коротаев А. В., Кузьминов Я. И. 1989.** Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ. *Народы Азии и Африки* 3: 67–77.

- Кортаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Корсунский А. Р. 1965.** О социальном строе вестготов в VI в. *Вопросы древней истории* 3: 54–74.
- Кочакова Н. Б. 1986.** *Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)*. М.: Наука.
- Кочакова Н. Б. 1999.** *Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»)*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н. 1992.** *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001а.** *Империя хунну*. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001б.** Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2: 108–137.
- Крадин Н. Н. 2002.** Структура власти в кочевых империях. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко, с. 109–125. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. 2002. (Ред.).** *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006.** *Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.
- Крашенинников С. 1948.** *Описание земли Камчатки*. М.: ОШЗ.
- Крюков М. В. 1982.** Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 147–163. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1976.** Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана. *Становление классов и государства* / Ред. А. И. Першиц, с. 87–123. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1982.** Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 124–146. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988а.** Возникновение частной собственности, классов и государства. *История первобытного общества. Эпоха классовообразования* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 140–269. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988б.** *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Куббель, Л. Е. 1989.** Производящее хозяйство и политическая организация. *Вестник древней истории* 1: 117–118.
- Куббель Л. Е. 1990.** *«Страна золота» – века, культуры, государства*. М.: Наука.
- Кулланда С. В. 1995.** Царь богов Индра: Юноша – воин – вождь. *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 104–125. М.: Вост. лит-ра.
- Кульпин Э. С. 2006.** *Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства*. М.: КомКнига.

- Курбатов А. А. 2006.** Аристократия Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. *Вопросы истории* 10: 115–123.
- Лавров В. В. 1999.** Переселение готов в Причерноморье. *Вестник древней истории* 3: 170–183.
- Лоренц К. 1994.** *Агрессия*. М.: Прогресс.
- Лундин А. Г. 1969.** Городской строй Южной Аравии во II–IV вв. н.э. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока* 5: 55–57.
- Лундин А. Г. 1971.** *Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат)*. М.: Наука.
- Лундин А. Г. 1977.** Город в древней Южной Аравии. *Древние города* / Ред. В. М. Массон, с. 32–35. Л.: Наука.
- Малков С. Ю. 2002.** Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2003.** Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен* / Ред. И. Л. Жеребцов, т. 2, с. 190–214. М.: МГВП КОКС.
- Малков С. Ю. 2004.** Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социальной и экономической динамики* / Ред. М. Г. Дмитриев, с. 76–188. М.: РГСУ.
- Малков С. Ю., Ковалев В. И., Малков А. С. 2000.** История человечества и стабильность (опыт математического моделирования). *Стратегическая стабильность* 3: 52–66.
- Малков С. Ю., Косе Ю. В., Бакулин В. Н., Сергеев А. В. 2002.** Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах. *Математическое моделирование* 14(9): 103–108.
- Малков С. Ю., Малков А. С. 2000.** История в свете математического моделирования. *История за и против истории* / Ред. Ю. М. Осипов, И. В. Бестужев-Лада, Е. С. Зотова, Г. Р. Наумова, кн. 2, с. 54–76. М.: Центр общественных наук.
- Малков С. Ю., Селунская Н. Б., Сергеев А. В. 2005.** Социально-экономические и демографические процессы в аграрном обществе как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 70–87. М.: КомКнига/URSS.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2002.** Математическое моделирование социально-экономической устойчивости развивающегося общества. *Стратегическая стабильность* 4: 54–61.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004а.** *Математическое моделирование экономико-демографических процессов в аграрном обществе*. М.: Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004б.** Оценка устойчивости социальных систем на основе экономико-демографического моделирования. *Проблемы управления безопасностью сложных систем* / Ред. Н. И. Архипова, В. В. Кульба, с. 356–359. М.: РГГУ.
- Мельвиль А. Ю., Миронюк М. Г. 2007. (Ред.).** *Государства в политическом пространстве современности*. М.: ИНИОН РАН.
- Мёрдок Дж. П. 2003.** *Социальная структура*. М.: ОГИ.

- Морган Л. Г. 1983 [1851].** *Лига ходеносауни, или ирокезов.* М.: Наука.
- Мосс М. 1996.** *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии.* М.: Вост. лит-ра.
- Мухаметов Ф. Ф. 2007.** Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана. *Вопросы истории* 5: 150–155.
- Неусыхин А. И. 1968.** Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 569–617. М.: Наука.
- Нефедов С. А. 2002а.** О теории демографических циклов. *Экономическая история* 8: 116–121.
- Нефедов С. А. 2002б.** Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV–начало XX века.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007.** Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 153–167. М.: КомКнига/URSS.
- Никитин С. А. 1954.** Протоболгары. *История Болгарии* / Ред. П. Н. Третьяков, т. 1, с. 54–59. М.: Изд-во АН СССР.
- Новожилова Е. М. 2000.** Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (постарные аспекты функционирования). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 109–122. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- Ольдерогге Д. А. 1977.** Проблемы этнической истории Африки. *Этническая история Африки* / Ред. Д. А. Ольдерогге, с. 3–17. М.: Наука.
- Орлова А. С., Львова Э. С. 1978.** *Страницы истории великой саванны.* М.: Наука.
- Петкевич К. 2006.** Великое княжество Литовское. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 304–334. Волгоград: Учитель.
- Платонов С. Ф. 1994.** *Лекции по русской истории.* Т. 2. М.: Владос.
- Преображенский П. Ф. 2005.** *Курс этнологии.* М.: УРСС.
- Прусаков Д. Б. 1999.** *Природа и человек в Древнем Египте.* М.: Московский лицей.
- Райс Т. Т. 2004.** *Скифы. Строители степных пирамид.* М.: Центрполиграф.
- Ратцель Ф. 1902.** *Народоведение:* в 2 т. СПб.: Просвещение.
- Рено Ф., Даже С. 1991.** *Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом.* М.: Наука.
- Риттер Э. А. 1968.** *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи.* М.: Наука.
- Родионов М. А. 1994.** *Этнография Западного Хадрамаута.* М.: Вост. лит-ра.
- Рэдклифф-Браун А. 2001.** *Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции.* М.: Вост. лит-ра.
- Салинз М. Д. 1999.** *Экономика каменного века.* М.: ОГИ.

- Саутхолл Э. 2000. О возникновении государства. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 130–136. М.: Логос.
- Седов Л. А. 1967. *Ангорская империя. Социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.* М.: Наука.
- Семенов Ю. И. 1997. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве. *Философия и общество* 1: 156–217.
- Семенова Л. А. 1995. Государства Фатимидов и Айюбидов. *История Востока*: в 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, с. 233–239. М.: Вост. лит-ра.
- Следзевский И. В. 1991. Проблема интерпретации племени в африканском обществе и формационная теория. *Племя и государство* / Ред. Ю. М. Ильин, В. А. Попов, И. В. Следзевский, с. 21–35. М.: Институт Африки АН СССР.
- Тевено Э. 2002. *История галлов.* М.: Весь мир.
- Те Ранги Хироа (Бак П.). 1959. *Мореплаватели солнечного восхода.* М.: Гос. изд-во географической лит-ры.
- Тишков В. А. 1990. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе. *Вопросы философии* 12: 3–15.
- Токарев С. А. 1958. Происхождение общественных классов на островах Тонга. *Советская этнография* 1: 120–152.
- Токарев С. А., Блинов С. П. 1956. Общественный строй полинезийцев в прошлом. *Народы Австралии и Океании* / Ред. С. А. Токарев, С. П. Толстов, с. 607–621. М.: Изд-во АН СССР.
- Томановская О. С. 1977. О древних общественных структурах у народов Нижнего Конго (опыт реконструкции). *Этническая история Африки. Доколониальный период* / Ред. Д. А. Ольдерогге, с. 91–137. М.: Наука.
- Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/URSS.
- Фроянов И. Я. 1999. *Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя.* СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Фрэйзер Дж. Дж. 1980. *Золотая ветвь: исследование магии и религии.* М.: Политиздат.
- Хазанов А. М. 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 468–489. Волгоград: Учитель.
- Хара-Даван Э. 1996. Чингис-Хан как полководец и его наследие. *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.)* / Ред. И. Б. Муслимов, с. 73–276. М.: ИНСАН.
- Холл Т. Д. 2006. Монголы в мир-системной истории. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 442–467. Волгоград: Учитель.
- Хочей А. С. 2000. *Теория общества. 2: Становление бюрократии. Цивилизация.* Казань: Матбугат Йорты.
- Шарма Р. Ш. 1987. *Древнеиндийское общество.* М.: Прогресс.
- Шнирельман В. А. 1982. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 207–252. М.: Наука.
- Шнирельман В. А. 1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей. *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины* / Ред. Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, В. А. Шнирельман, с. 236–426. М.: Наука.

- Шнирельман В. А. 1988.** Канаки. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 200. М.: Советская энциклопедия.
- Щукин М. Б. 2005.** *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Эванс-Причард Э. Э. 1985.** *Нуэры*. М.: Наука.
- Эгль Д. 2004.** Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат. *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, с. 491–530. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН.
- Ambrosino J. N. 1995.** Inter-Societal Contact and the Rise of the State: A Brief Note from Work in Progress. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 54–59. Vladivostok: Dal'nauka.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.
- Ayalon D. 1981.** From Ayyubids to Mamluks. *Revue des etudes islamiques* 49: 43–58.
- Ayalon D. 1987.** Mamluk Military Aristocracy: A Non-Hereditary Nobility. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 10: 205–210.
- Ayalon D. 1994.** *Islam and the Abode of War. Military Slaves and Islamic Adversaries*. Aldershot: Ashgate.
- Barfield T. J. 1992.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Beeston A. F. L. 1971.** Functional Significance of the Old South Arabian «Town». *Proceedings of the Seminar for the Arabian Studies* 1: 26–28.
- Beliaev D. D. 2000.** Classic Lowland Maya (AD 250–900). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 128–154. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Berezkin Yu. E. 1995.** Alternative Models of Middle Range Society. “Individualistic” Asia vs “Collectivistic” America? *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 75–83. Vladivostok: Dal'nauka.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.
- Bott E. 1981.** Power and Rank in the Kingdom of Tonga. *The Journal of the Polynesian Society* 90: 7–83.
- Brown S. 1987.** *The Causes and Prevention of War*. New York, NY: St. Martin Press.
- Carneiro R. L. 1967.** On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234–243.
- Carneiro R. L. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. L. 1978.** Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. *Origins of the State* / Ed. by R. Cohen, E. R. Service, pp. 205–223. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues.
- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press.
- Carneiro R. L. 1987a.** Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
- Carneiro R. L. 1987b.** The Evolution of Complexity in Human Societies and Its Mathematical Expression. *International Journal of Comparative Sociology* 28(3–4): 111–128.

- Carneiro R. L. 2000a.** Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 52–58. Vladivostok: FEB RAS.
- Carneiro R. L. 2000b.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Carneiro R. L. 2002.** Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? *Social Evolution & History* 1(1): 80–100.
- Carneiro R. L. 2003.** *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, CO: Westview.
- Carneiro R. L. 2004.** Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 28–45. Volgograd: Uchitel.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2017.** Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chagnon N. A. 1968.** *Yanomamo: The Fierce People*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. 1994.** The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chabal P., Feinman G., Skalnik P. 2004.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 46–60. Volgograd: Uchitel.
- Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994.** Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.
- Claessen H. J. M. 1978.** Early State in Tahiti. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, p. 441–467. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 1981.** Specific Features of the African Early State. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 59–86. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 1989.** Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.

- Claessen H. J. M. 2000.** Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 1–11. Vladivostok: FEB RAS.
- Claessen H. J. M. 2004.** Was the State Inevitable? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 72–87. Volgograd: Uchitel.
- Claessen H. J. M., 2010.** *On Early States – Structure, Development, and Fall. Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2018.** Sacred Kingship: Cases from Polynesia. *Social Evolution & History* 17(2): 3–26.
- Claessen H. J. M., Oosten J. G. 1996a. (Eds.).** *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Oosten J. G. 1996b.** Introduction. *Ideology and Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 1–23. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Skalník P. 1978.** Limits: Beginning and End of the Early State. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, p. 619–636. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., van de Velde P. 1985.** The Evolution of Sociopolitical Organization. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, E. M. Smith, pp. 1–12. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Cohen R., Schlegel A. 1967.** The Tribe as a Socio-Political Unit: A Cross-cultural Examination. *Essays on the Problem of the Tribe* / Ed. by J. Helm, pp. 120–149. Seattle, WA: American Ethnological Society.
- Crumley C. L. 2001.** Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 19–33. New York, NY: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Dostal W. 1984.** Socio-Economic Formations and Multiple Evolution. *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* / Ed. by W. Dostal, pp. 170–183. Vienna: Horn & Wien.
- Earle T. K. 1987.** Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.
- Earle T. K. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Earle T. K. 2000.** Hawaiian Islands (A.D. 800–1824). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 73–86. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Earle T. K. 2001.** Institutionalization of Chiefdoms. Why Landscapes Are Built. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 105–124. New York, NY: Kluwer.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Ekhholm K. 1977.** External Exchange and Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems* / Ed. by J. Friedman, M. Rowlands, pp. 115–136. London: Duckworth.
- Ember C. R., Ember M., Russett B. 1992.** Peace between Participatory Polities. *World Politics* 44: 573–579.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Fried M. H. 1967a.** *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology.* New York, NY: Random House.
- Fried M. H. 1967b.** On the Concepts of “Tribe” and “Tribal Society”. *Essays on the Problem of Tribe* / Ed. by J. Helm, pp. 3–20. Seattle: American Ethnological Society.
- Fried M. H. 1975.** *The Notion of Tribe.* Menlo Park: Cummings Publishing Company.
- Friedman J. 1979.** *System, Structure and Contradiction: The Evolution of ‘Asiatic’ Social Formations.* Copenhagen: National Museum of Copenhagen.
- Gibson D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Godelier M. 1978.** Infrastructure, Society and History. *Current Anthropology* 19: 763–771.
- Goldschmidt A. jr. 1994.** *Historical Dictionary of Egypt.* Metuchen, NJ: Scarecrow.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin L. E. 2002.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation.* Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.

- Grinin L. E. 2004b.** Early State and Democracy. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 419–463. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2004c.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization.* Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2015.** On the Models of the Early State Formation. *Conference Proceedings of the International Symposium on the Theories and Methods for the Studies of the Origin of States.* Shanghai, China, November 14–15, 2015, pp. 38–76. Shanghai: Research Centre on Ancient Civilizations.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Gumplowicz L. 1883.** *Der Rassenkampf.* Innsbruck: Wagner.
- Gunawardana R. A. L. H. 1981.** Social Function and Political Power: a Case Study of State Formation in Irrigation Society. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 219–245. The Hague: Mouton.

- Gunawardana R. A. L. H. 1985.** Total Power or Shared Power? A Study of the Hydraulic State and its Transformation in Sri Lanka from the 3rd to the 9th century A. D. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, E. M. Smith, pp. 219–245. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Hall T. 2001.** Chiefdoms, States, Cycling, and World-Systems Evolution: A Review Essay. *Journal of World-Systems Research* 7(1): 91–100.
- Hansen M. H. 2002.** Was the *Polis* a State or a Stateless Society? *Even More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. by T. H. Nielsen, pp. 17–47. Stuttgart: Steiner.
- Harris M. 1991.** *Cannibals and Kings*. New York, NY: Vintage Books.
- He Nu 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.
- Helm J. 1967. (Ed.).** *Essays on the Problem of Tribe*. Seattle, WA: American Ethnological Society.
- Irons W. 2004.** Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, p. 466–475. Volgograd: Uchitel.
- Janssen J. J. 1978.** The Earle State in Ancient Egypt. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik, pp. 213–234. The Hague: Mouton.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Keeley L. 1996.** *War before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- Khazanov A. M. 1978.** The Early State Among the Scythians. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, p. 425–439. The Hague: Mouton.
- Kobischanov Yu. M. 2000.** The Community-Caste Systems. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. International Conference* (Moscow, June 15–18, 2000). Abstracts / Ed. by D. M. Bondarenko, I. V. Sledzevsky, pp. 63–64. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Komlos J., Nefedov S. 2002.** A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.
- Korotayev A. 1996.** *Pre-Islamic Yemen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Korotayev A., Malkov A., Khalitourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.

- Kottak C. P. 1972.** Ecological Variables in the Origin and Evolution of African States. *Comparative Studies in Society and History* 14: 351–380.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Leach E. R. 1970.** *Political Systems of Highland Burma*. Boston, MA: Beacon Press.
- Lesser A. 1968.** War and the State. *War: the Anthropology the Armed Conflict and Aggression* / Ed. by M. Fried, M. Harris, R. Murphy, pp. 92–96. Garden City, NY: The Natural History Press.
- Lewis H. S. 1981.** Warfare and the Origin of the State: Another Formulation. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 201–221. The Hague: Mouton.
- Lorenz K. 1966.** *On Aggression*. New York, NY: Harcourt Brace.
- Loundine A. G. 1973a.** Deux inscriptions sabéennes de Marib. *Le Muséon* 86: 179–192.
- Loundine A. G. 1973b.** Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe – IIIe siècles de notre ère. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 3: 26–28.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600-900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Malinowski B. 1947.** *Freedom and Civilization*. London: George Allen.
- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Muller J.-C. 1981.** “Divine Kingship” in Chiefdoms and States. A Single Ideological Model. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 239–250. The Hague: Mouton.
- Nefedov S. A. 2004.** A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.
- Oppenheimer F. 1926.** *The State*. New York: Vanguard.
- Polanyi K. 1968.** *Primitive, Archaic and Modern Economics*. New York: Anchor.
- Quigley D. 1999.** *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.
- Quigley D. 2000.** Kingship against the State: Caste Organization and the Exemplary Centre. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. International Conference Moscow, June 15–18, 2000. Abstracts / Ed. by D. M. Bondarenko, I. V. Sledzevsky, pp. 105–106. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences.

- Quigley D. 2002.** Is a Theory of Caste still Possible? *Social Evolution & History* 1(1): 140–170.
- Robin C., Gajda I. 1994.** L'inscription du Wadi 'Abadān. *Raydān* 6: 113–137, pl. 49–60.
- Rousseau J. 1985.** The Ideological Prerequisites of Inequality. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith, pp. 36–45. South Hadley MA: Bergin & Garvey.
- Sahlins M. D. 1972a.** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Sahlins M. D. 1972b.** *Stone Age Economics*. New York, NY: Aldine de Gruyter.
- Schaedel R. 1995.** The Temporal Variants of Proto-State Societies. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 47–53. Vladivostok: Dal'nauka.
- Service E. R. 1975.** *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York, NY: Norton.
- Skalnik P. 2017.** Chiefdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. 2016.** Mind and Vision: Social Evolution and the Origins of the Political. *Social Evolution & History* 15(1): 126–163.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.
- Spencer C. S. 2000.** The Political Economy of Pristine State Formation. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 154–165. Vladivostok: FEB RAS.
- Stein G. 2001.** “Who Was King? Who Was Not King?” Social Group Composition and Competition in Early Mesopotamian State Societies. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 205–234. New York, NY: Kluwer.
- Steinmann G., Komlos J. 1988.** Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Stocker T., Jianyi Xi'ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Tilly C. 1990.** *Coercion, Capital, and European States. A.D. 990–1990*. Cambridge, MA: Basil Blackwell.
- Tisdell C., Svizzero S. 2017.** Optimization Theories of the Transition from Foraging to Agriculture: A Critical Assessment and Proposed Alternatives. *Social Evolution & History* 16(1): 3–30.

- Turchin P. 2003.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P. 2005a.** Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.
- Turchin P. 2005b.** *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. New York, NY: Pi Press.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.
- Usher D. 1989.** The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.
- Wason P. K., Baldia M. O. 2000.** Religion, Communication, and Genesis of Social Complexity in European Neolithic. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 138–148. Vladivostok: FEB RAS.
- Webb M. C. 1975.** The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade* / Ed. by C. Lamberg-Karlovski, J. Sabloff, pp. 155–210. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.

Глава 2. Потестарность как архаическое лидерство: архетипы и модусы

Попов В. А.

Вводные замечания

Предметом рассмотрения данной главы станет феномен потестарности (властвования) и основные факторы его генезиса и исторической динамики. Если потестарность трактовать как волевое доминирование, то под потестарными отношениями следует понимать те отношения между людьми и их коллективами, в которых отражается принцип иерархичности. Эта иерархичность, или асимметричность, потестарных отношений возникла на самых ранних стадиях антропосоциогенеза и была обусловлена функциональными различиями индивидуальных ролей, а также психологическими механизмами властвования/подчинения. В процессе политогенеза общение людей, относительно равных по потестарному статусу, сменяется отношениями господства и подчинения, опирающихся на административный аппарат принуждения и насилия, то есть на политические институты и прежде всего – государство, если исходить из классово-государственной модели политогенеза (государство осуществляет также руководство, управление, координацию, контроль и другие потестарные функции, применяя такие средства осуществления власти, как авторитет, убеждение, манипуляция, запрет).

Ключевой фигурой политогенетических процессов становится потестарный лидер, поэтому в главе значительное внимание будет уделено систематизации и обобщению существующих в политической антропологии точек зрения на генезис и историческую динамику архаического лидерства, основанного на личном авторитете, а также ведущим факторам становления и укрепления авторитета таких лидеров. Предполагается исследовать феномен родства как основы для появления и становления архаического лидерства, причем акцент будет сделан на источниках и механизмах легитимности архаической власти (исторические типы систем родства и свойства, брачные и династийные системы, возрастные, генеалогические и генерационные принципы) и способах ее персонификации. Будут выявлены и исследованы корреляции между конкретными типами систем родства и половозрастной стратификацией, между системами терминов родства и возрастными институтами (возрастными группами, возрастными степенями и возрастными классами).

Основное внимание будет уделено половозрастному разделению / объединению труда – основе «первичной» стратификации общества, социально-родственным (родовые, общинные, большесемейные, племенные), социально-возрастным (возрастные классы и возрастные группы) и социально-половым, или гендерным (мужские союзы, мужские дома, женские ассоциации, тайные союзы, традиционные военные институты и организации) объединениям и их

взаимодействиям. Прежде всего будут охарактеризованы тайные общества (союзы), которые служили повышению статуса, престижа, власти и обогащения своих членов. В тайных обществах начинали функционировать новые принципы социальной стратификации, так как различия между членами возникали в соответствии с рангом, должностью, имущественным состоянием или взносом, заслугами и т. п.

Предполагается исследовать также такие принципы организации социальных отношений внутри родственных коллективов, как линейность и латеральность и прежде всего соотношение их матри- и патриформ, авторитет возраста и социально-возрастной конфликт в традиционных обществах, специфику управления в общинных и родственных объединениях. Ведь на ранних этапах антропосоциогенеза родственные отношения в первую очередь структурировали минимальные территориальные группы, а также связи этих групп между собой. Именно к родственным и возрастным отношениям восходят архетипы потестарности, прежде всего такие, как старшинство (предковость), чуждость, харизматичность. Все они взаимосвязаны и часто взаимообусловлены и, по сути, являются социально-психологическими коррелятами инстинктов. Для них к тому же характерны одни и те же модусы потестарности: аномальность, священный трепет (амбивалентное чувство любви/страха), эзотеризм, потлачевидность.

Архетипы потестарности выступают как инструменты манипулирования в целях воздействия на иррациональные пласты мышления человека, что и обуславливает его подчинение власти лидера. То есть архаическая власть осуществляется в архетипических формах и вне их невозможна.

Значительная часть главы будет посвящена характеристике архетипов чуждости (власти чужака) и харизматичности. Власть чужака (неродственника) восходит к посреднической функции архаического лидера – главной функции первичного лидерства. Архетип чуждости часто проявляется в маркировании властителей атрибутами странников с воспроизводством страннических стереотипов поведения. Архетип харизматичности – это фактически культ исключительной личности, наделенной экстраординарными способностями («даром божьим»), необычными качествами и даже магической силой. Именно за харизматиками признавались исключительные права на властвование, при этом не имеет особого значения, в чем состоит харизма лидера – решающим является то, как к ней относятся последователи, то есть харизматическое лидерство имеет исключительно личностный характер. В итоге это приводит к сакрализации харизматического лидера и культу его личности. О роли чужаков в формировании ранних государств будет сказано также в главе 4.

Архаическое лидерство и власть традиции

Ключевой фигурой политогенетических процессов является потестарный лидер, влияние которого на коллективы людей (включая воздействие на поведение и сознание людей, а также отношения между индивидами и между социальными общностями) первоначально основано на личном авторитете, но в процессе деятельности этот авторитет личности укрепляется и трансформируется во властвование (подчинение).

Как известно, становление потестарных отношений между людьми находится в корреляции с формированием социальных норм. Поскольку следование норме всегда есть подчинение, то ее нарушение предполагает наказание со стороны всего общества или отдельной его части, включая и потестарных лидеров. Другими словами, решение вопроса о происхождении властвования в известной мере взаимосвязано с проблемой генезиса первых социальных норм (ср.: Кейзеров 1973: 91).

В раннепервобытных социальных организациях отсутствовали институированные средства физического принуждения, которые бы применялись к нарушителям норм поведения. Однако это не означает, что принуждение не использовалось, просто оно было относительно редким явлением. Главными механизмами, обеспечивавшими порядок в первобытных социумах, были психологические. Поэтому поведение индивидов в таких обществах, в которых соблюдались нормы и практически отсутствовало физическое принуждение, часто определяют как подчинение «обезличенной власти традиции». Традиция же проявлялась в форме обычаев, ритуалов, этикета, выступавших в качестве императива по отношению к индивиду. Как констатировал Г. Спенсер, «самый ранний и самый общий вид правительства, возобновляющийся всегда самопроизвольно, есть правительство обрядов, обычаев и общественных церемоний, которое мы называем “обрядовое правительство”» (Спенсер 1898: 111). Судя по всему, именно власть традиции и аккумулировала те первоосновы потестарных отношений, которые и по сей день сохраняются в социально-политических системах. Рассмотрим социально-психологические механизмы потестарности, их становление и функционирование в системах различных стадийных уровней, но прежде всего в так называемых традиционных обществах, функционирующих с помощью механизмов традиции.

В традиционных обществах реализация социальных норм осуществлялась индивидом, как правило, бессознательно. Так, Э. Э. Эванс-Притчард отмечал, что «африканцы ничего не знают о силах, определяющих их социальное поведение. Они не думают о тех интересах, которые руководят ими, институтах, посредством которых они организуют коллективные действия, и структуре групп, в которые они организованы... Социальная система трансформируется у них в виде священной необходимости, а элементы, ее составляющие, не подлежат критике или пересмотру» (Evans-Pritchard 1935: 17). Когда же европейские исследователи задавали вопросы, пытаясь установить мотивы того или иного поведения, то слышали в ответ обычную формулу: «так принято», или «это закон наших предков». Известная доля бессознательного или автоматического поведения присуща и представителям современных индустриальных обществ (подробнее см.: Бочаров 2017).

Фактически в любом социуме, на какой бы стадии эволюции он ни находился, индивиду приходится сталкиваться с определенным набором стандартных ситуаций, что избавляет его от необходимости каждый раз затрачивать интеллектуальные усилия в поиске оптимального поведения. Однако совершенно очевидно, что психологические процессы, определяющие это поведение, имеют качественно иную природу, нежели те, которые лежали в основе поведения людей

в эпоху первобытности или в архаических обществах. Ведь индивид развитого индустриального общества, бессознательно реализующий в своем поведении ту или иную социальную норму, всегда объяснит, почему он поступает именно так. При этом он расскажет о мотивах, целях и способах деятельности, хотя многие нормы в поведении человека индустриального общества наследуются от прошлых поколений в раннем возрасте и без критического их осмысления (нормы этикета, морали и т. д.). Это свидетельствует о рефлексии и анализе, характерных для менталитета современного человека. В то же время в детской психологии можно наблюдать наличие, по выражению Л. С. Выготского, «поведенческих документов» прошлого, что объясняется определенными соответствиями между онто- и филогенезом.

Исследования в области исторической психологии выявили слабый уровень теоретического мышления у человека доиндустриального общества, а также иную функцию слова. «Слово, выполняющее в теоретическом мышлении функции абстракции и кодирования предметов в понятийные системы, здесь служило средством воспроизведения наглядно-действенных ситуаций и установления связей между предметами, входящими в наглядно-действенную ситуацию» (Лурия 1974: 105). Процесс мышления первобытного человека приводил его к некоторым умозаключениям в области практической деятельности, однако они не находили отражения в понятийно-логических категориях. Социальные нормы поведения формировались без участия слова как регулятора поведения. Поэтому вряд ли возможно найти истоки первых социальных норм в мировоззренческих представлениях.

В общеметодологическом дискурсе представляется наиболее перспективным подход В. Д. Плахова к объяснению возникновения социальных норм поведения в результате общесистемного отбора, который мог быть только эвристическим (Плахов 1982: 198). Ф. Боас также полагал, что «многие обычаи возникли без какой-либо сознательной деятельности» (Боас 1926: 121). Определяющим же психическим механизмом, обеспечивавшим превращение некоего случайно возникшего поведенческого акта в общественную норму, является *внушение*. Внушаемая информация «становится внутренней установкой, которая направляет, регулирует и стимулирует психическую и физическую активность, реализуемую при той или иной степени автоматизма» (Куликов 1978: 26). Процессы внушения активнее протекают там, где индивид сильнее всего интегрирован в коллектив, что было характерно для архаических людей. «Коллектив оказывает влияние на все стороны психологии и поведения индивида. Это влияние может быть сильным и слабым, положительным и отрицательным – все зависит от взаимоотношений между индивидом и коллективом» (Там же: 20).

Специфика развития психических процессов на ранних стадиях социогенеза такова, что процесс внушения (и взаимовнушения) сводился к *подражанию*. Посредством подражания случайно воспроизведенный поведенческий акт мог закрепиться в качестве общественной нормы, поскольку такой акт служил источником заражающей эмоции. Сначала положительная эмоция возникала у индивида, совершившего поведенческий акт, приведший к удовлетворению той или иной потребности. То есть эмоции выступали гарантами воспроизводства дей-

ствия, некогда приведшего к переживанию положительных эмоций и, таким образом, закрепления его в качестве привычного действия. Именно такой механизм, по всей видимости, лежал в основе формирования традиций. Согласно К. Лоренцу, «в самом процессе возникновения традиции срабатывают какие-то инстинктивные механизмы. Главный из них – потребность следовать привычке» (Лоренц 1969: 48). Связь социальных норм с эмоциональными процессами посредством психофизиологического механизма привычки и обеспечивала ту власть традиции, которой индивид архаического общества беспрекословно подчинялся.

Привычки играют важную роль и в подчинении индивида политической власти в современных авторитарных государствах, в которых политическое поведение людей ограничено жесткими стереотипными ситуациями, и усваивается оно с раннего детства, как правило, бессознательно. Поэтому всякие изменения в таком обществе приводят к психологическому дискомфорту, вплоть до стрессовых ситуаций. Об этом свидетельствуют переживания многих представителей российского общества, особенно старшего поколения, в эпоху перестройки. Именно зрелые и пожилые люди как наименее способные к изменению поведенческого стереотипа, испытывают самые сильные отрицательные эмоции от политических реформ.

Иными словами, отсутствие политической динамики как в архаических обществах, так и в авторитарных и тоталитарных, обуславливает значимую роль привычки в регуляции политического поведения людей. А. А. Богданов в свое время писал: «В старые времена людям жилось лучше, то есть, собственно, не лучше, а легче. И не в том смысле легче, чтобы меньше было труда и страданий, – нет, всего этого было более чем достаточно, – а думать людям не приходилось. За них думали другие – но и эти другие, собственно, тоже не думали, потому что и за них думали третьи, а за третьих, таким же образом, четвертые и т. д. Казалось бы, что в этой цепи “недумания” должны были на самом конце оказаться какие-то “думающие”, но и этого не было. Дело в том, что цепи конца не было. Цепь живых людей в своем целом соединялась с цепью мертвых, и за живых думали мертвые: это называлось заветами предков» (Богданов 1906: 4). Привычка как регулятор политического поведения действует на иррациональном уровне, обуславливая неприятие новаций даже тогда, когда они соответствуют интересам людей.

Становление потестарного лидерства: амбивалентность запретов и «священный трепет»

Власть традиции, которая эффективно управляла индивидами архаического общества и продолжает в известной степени определять их политическое поведение в наши дни, опиралась и на такие нормы поведения, как запреты (табуации). Эти запреты также оказывают психофизиологическое воздействие и обеспечивают определенные эмоциональные переживания, главным из которых является чувство страха. Однако эмоцией страха не ограничивалась та часть власти традиции, которая была заключена в культурной норме запрета. Другой важной составляющей (вследствие действия того же психофизиологического механизма)

является положительная эмоция, которой сопровождается тяга индивида к запрещенному действию. Таким образом, чувства, переживаемые субъектом в процессе табуации, носят амбивалентный характер. З. Фрейд охарактеризовал чувство, вызываемое запретом, как «священный трепет» (Фрейд 1923: 32).

А. Брайант так описал «священный трепет» у зулусов: «Обычай табу, общий для всех первобытных народов, является воплощением священного ужаса... Зулусское слово “уквесаба” обычно переводится глаголом “бояться”, но означает больше, чем страх, – это сложное чувство – соединение страха и почтения. Поэтому слово “ужас” подходит больше» (Брайант 1953: 145). Ф. Боас также отмечал, что «значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях: с одной стороны, оно означает святой, священный, с другой – жуткий, опасный, запретный, нечистый» (Боас 1926: 36).

Таким образом, наличие страха как первостепенной психологической составляющей власти было связано не с возможностью использования физического принуждения, а непосредственно с самими социальными нормами, что, собственно, и делало это чувство социальным в отличие от страха животного (подробнее см.: Абрамян 1979: 106–117).

Процесс возникновения табу нельзя рассматривать в отрыве от процесса становления так называемых положительных норм поведения (относительно табу, которые выступают в этом случае как отрицательные нормы). Иными словами, возникновение положительных норм в то же время осознавалось как запрет на их нарушение. Осознание сложившегося поведения как нормального, а значит, и возникновение запрета на его нарушение могло происходить лишь на фоне случаев отклонения от такого поведения. Кто же нарушал эти нормы, особенно если принять во внимание эффективность внутреннего психологического контроля, формировавшегося в процессе их становления? Ф. Боас справедливо заметил: «Можно было бы думать, что в первобытном обществе вряд ли может представляться повод сознавать сильное эмоциональное сопротивление нарушениям обычаев, так как их строго придерживаются. Однако существует такая форма общественной жизни, в которой обнаруживается тенденция поддерживать консервативную привязанность к обычным действиям в умах народа, а именно воспитание юношества. Ребенок, который не усвоил себе поведения обычного в окружающей среде, усвоит путем бессознательного подражания. Однако во многих случаях его образ действий будет отличаться от обычного, его будут поправлять старшие... и далее, – чем большее эмоциональное значение имеет обычай, тем сильнее окажется желание внедрить его в умы юношества» (Боас 1926: 123).

Таким образом, запрет был отражением реально действовавшей нормы поведения, то есть своего рода формальным закреплением ее. Он же мог вызывать внушающий эффект у лиц, на которых запрет распространялся, в плане ориентации на его нарушение, или тяги к его нарушению («запретный плод сладок»). Это явление в психологии определяется как внушение через запрет. «При внушении через запрет формула объективно выглядит как запрещение совершать то или иное действие или поступок. Только запрет не имеет обоснования, совершенно не аргументирован... При таком условии запрет может получить значение

стимула к совершению действия» (Куликов 1978: 34). Именно такой механизм, скорее всего, обеспечивал эмоциональные переживания, связанные с действием психофизиологического механизма запрета, хотя это и не означает, что запрещенное действие некогда на самом деле осуществлялось.

Можно предположить, что запрет как норма поведения сформировался прежде всего в процессе взаимодействия старших и младших, что свидетельствует о его изначальной социально-дифференцирующей функции. Собственно, социально-дифференцированными были формировавшиеся поведенческие нормы, запрет же был способом фиксации этой дифференциации. В результате запрет выступал как основа власти старших над младшими, поскольку психофизиологический механизм запрета обеспечивал психологическое преимущество старшим, вызывая у младших то смешанное чувство страха и почтения к ним (то есть, по сути, *преклонения*), которое служило психологической предпосылкой навязывания своей воли старшими.

Общим местом уже стало положение о том, что первые нормы поведения на ранних этапах социогенеза складывались в связи с распределением ограниченных пищевых ресурсов и с упорядочением процесса удовлетворения полового инстинкта, что было обусловлено необходимостью биологического воспроизводства коллективов (Брайант 1983). Поэтому внутри коллектива могли формироваться группы, различающиеся по количеству потребляемой пищи. Большая и лучшая доля должна была доставаться тем возрастным группам мужчин, которые выполняли наиболее трудоемкие работы, остатки же распределялись между женщинами и подростками. Это вело к возникновению поведенческих норм в сфере распределения еды, а, следовательно, и к возникновению запретов. Таким образом, развивалась социальная функция пищи, которая отчетливо прослеживается на этнографических материалах, собранных у народов, стоявших на ранних стадиях социально-экономической эволюции. Именно у них социальная функция пищи выступает в наиболее дифференцирующем варианте, служит одним из основных знаков социальной иерархии. В этих обществах еда, предназначенная для употребления представителями высших социальных страт, является запретной для всех остальных, причем эти запреты, как правило, совпадали именно с социально-возрастной иерархией. У бушменов, например, «половозрастная стратификация находит свое выражение в пищевых табу, запрете людям разного возраста и пола в критические периоды их жизни – во время обрядов инициации, в периоды беременности и т. д. – принимать некоторые виды пищи» (Shapera 1930: 97–101). У некоторых аборигенных народов Австралии женщинам, детям и младшим мужчинам нельзя было есть мясо и яйца эму, а также мясо и яйца дикой индейки. Старшие мужчины тщательно следили за тем, чтобы эти запреты соблюдались (Howitt 1904: 769). При этом запрет на употребление мяса отдельных животных совпадал с социально-возрастным статусом индивида, а число налагаемых запретов было обратно пропорционально статусу. Старейшины, например, полностью освобождались от запретов (Goldenweiser 1923: 235).

По мере социально-политического расслоения общества в ходе его исторической эволюции пищевые запреты продолжали оформлять иерархию и, таким

образом, социальная функция пищи сохранялась, сохраняется она в этой же функции и сегодня. Функция контроля за соблюдением этих запретов всегда находилась в руках управляющих. Так, у аканов и зулусов праздником урожая официально открывался период потребления пищевых продуктов нового урожая. До этой церемонии «никому не разрешалось приступать к потреблению своих собственных продуктов до того, как верховный вождь первым не сделает почина во время этого праздника. Если кто-либо нарушил запрет, ему грозила серьезная кара, вплоть до смерти» (Брайант 1953: 311).

Связь между властными отношениями и пищей является, по-видимому, глубинным пластом человеческого менталитета, уходящим своими корнями к социогенезу, но отчетливо фиксируется в современных политических культурах различных народов мира, особенно там, где сохраняется архаический социальный субстрат в виде всякого рода общинных отношений. Например, для народов Тропической Африки характерно совпадение пищевых запретов с социально-политической иерархией в обществе. Так, в Танзании членам правящей партии в деревнях разрешалось варить пиво, в то время как остальным это было запрещено (Бочаров 1992: 264).

Другим универсальным запретом, также определявшим процесс складывания социальных норм на самых ранних стадиях социогенеза и сохранившим свое значение в организации властных отношений современного общества, является сексуальный запрет (и прежде всего – запрет на инцест). Иными словами, половая жизнь членов социума была строго регламентирована в соответствии с социально-политическим статусом индивида, причем более высокие в статусном отношении страты обладали правом контроля над соблюдением этих норм рядовыми членами общества. Так, у многих народов добрачная половая жизнь не запрещалась, но на нее накладывались определенные ограничения со стороны старших социально-возрастных групп. Это могло отражаться в этикете, который требовал, чтобы половая жизнь происходила втайне от родителей, а рождение внебрачных детей сурово осуждалось. Наконец, вступление в брак, означавшее не только передвижение по социальной лестнице, но и освобождение от многих сексуальных ограничений, также зависело от старших, ибо они обеспечивали молодежь необходимыми материальными средствами (выкуп или приданое).

Помимо половых и пищевых запретов, было много и других запретов, количество которых возрастало по мере усложнения социально-политической структуры социума. Однако сексуальные и пищевые запреты играли, по всей видимости, базовую роль, так как на их основе сформировался сам алгоритм организации общества через запрет (как отражение процесса возникновения поведенческих норм на самых ранних этапах социогенеза). Эти запреты играют определенную роль на всех стадиях эволюции социально-политических отношений, формируя как психологию подвластных, так и психологию властвующих. Отметим здесь же, что базовые запреты связаны с самыми сильными биологическими инстинктами человека, поэтому их торможение не могло и не может не оказывать сильнейшего воздействия на психическую сферу человека, на силу переживаемых им эмоций (Абрамян 1979: 106–117).

Алгоритм, в соответствии с которым поведенческая модель высших звеньев управления включала в себя нормы поведения, запретные для низших, управляемых, характерен для всех первобытных и большинства архаических социумов, но особенно ярко проявляется в обществах с развитой военной организацией, где был высокий удельный вес отношений, построенных на господстве и подчинении. В них, как показывают этнографические материалы, оформление власти верховного вождя осуществлялось по тому же принципу, в соответствии с которым вождь после нарушения табу сам становился табу, что и обеспечивало ему в таких потестарных системах поведение вождя выделялось на фоне остальных возможность психологического воздействия на подданных. членов общества, на что, в частности, обратил внимание З. Фрейд: «Властелинам представляются большие права, совершенно совпадающие с запрещениями табу для других. Они являются привилегированными особами, они могут делать то и наслаждаться тем, что, благодаря табу, запрещается всем остальным. В противовес этой свободе имеются для них другие ограничения табу, которые не распространяются на обыкновенных лиц» (Фрейд 1923: 61). Причем такое поведение наблюдалось этнографами в различных регионах. Например, О. С. Томановская сообщает о народах Нижнего Конго: «В прошлые времена коронации предшествовал еще один акт, смысл которого не поддается простому толкованию. Непосвященный преемник вождя должен был убить кого-нибудь из своих клановых родичей, а иногда даже и нескольких, или совершить иные поступки, запретные или необычные для остальных: инцест, гомосексуальный акт и т. д.» (Томановская 1977: 114). Хотя такого рода табуированные действия могли совершаться для того, чтобы отделить будущего властителя от своих родственников, сделать его чужаком, чтобы он мог более эффективно выполнять посреднические функции.

На этой стадии эволюции потестарно-политических систем степень табуации лидера была наиболее высокой, что выражалось не только в жесткой регламентации сексуального и пищевого поведения подчиненных, но и в строгом нормировании поведения зрительного, вербального, пространственного и т. д. «Ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смеют смотреть на правителя Лоанго во время еды или питья» (Там же: 227).

В результате сильной концентрации запретов вокруг персоны лидера возрастала и степень психологического воздействия или, точнее, принуждения, оказываемого на управляемых. Основным составляющим, обеспечивавшим это принуждение, был страх, испытываемый по отношению к вождю-табу вследствие известного психического механизма. Так, далеко не робкие мужчины народа свази (Южная Африка) жаловались, что, находясь вместе с королем (то есть верховным вождем. – *В. П.*), они начинают испытывать дрожь и трястись (Beidelman 1966: 395).

Возрастные и родственные аспекты потестарного лидерства

В традиционном обществе права и обязанности индивида определялись прежде всего его возрастом. Именно возраст регламентировал поведение людей во всех сферах жизни. При этом старшие занимали более престижное положение, обла-

дая правом принимать управленческие решения, именно они решали все вопросы, связанные с жизнедеятельностью социума. Иными словами, социальная иерархия строилась на возрастном принципе. Она сложилась естественным образом вследствие изначально возникшего разделения / объединения труда, основанного на половозрастной стратификации. Этнографические материалы позволяют утверждать, что «когорта зрелых и наиболее дееспособных мужчин занимала лидирующие позиции в социально-возрастной иерархии первичного социума» (Бочаров 2001: 65–66). Более того, новейшие данные, повсеместно выявленные антропологами в XX в., позволяют сделать вывод, что первичный социум строился на системе так называемых возрастных классов. «Социумы данного типа являют собой пример полномасштабной реализации возрастного принципа в организации социальной иерархии и, соответственно, правоспособности. Они же являют собой архетип, или матрицу, которая во многом определяет человеческую культуру на всем протяжении ее истории. И в современных сложных обществах люди в той или иной мере продолжают соизмерять свои социальные роли, а вместе с тем свои права и обязанности с возрастом. Практически в каждой культуре можно выявить “возрастную карту” в сознании ее носителей, которая регламентирует их жизненный путь, увязывая достижение социального статуса с определенным возрастом, и служит им жизненным ориентиром» (Там же: 31–32).

Основные права старших проистекали из идеологии культа предков, который в той или иной форме обнаруживается повсеместно. По сути, этот культ является сакрализацией умерших старших представителей социума, которые обретали таким образом наивысший социальный статус предков. В результате они получали практически неограниченные возможности влиять на судьбы живых потомков. Последние могли чувствовать себя в безопасности, опираясь на поддержку первых, только в том случае, если свято соблюдали завещанные предками нормы поведения. Отклонение же от установленного ими порядка влекло карательные санкции. Фактически в рамках культа предков умершие родственники наделялись сверхъестественными возможностями влиять на судьбы потомков.

Действительно, поведение младших (пищевое, сексуальное, пространственное и т. д.) было табуировано относительно старших: запрещалось делать то, что было дозволено лидерам (старшим). Иными словами, старшие воспринимались своего рода табу, что и порождало соответствующие эмоции (страха и почтения). В результате их естественные преимущества, связанные с практическими знаниями, жизненным опытом, неизбежно расценивались архаическим мышлением в качестве особых (сверхъестественных) дарований. Считалось, что с возрастом возрастали и сверхъестественные (магические) возможности человека. Смерть же рассматривалась как дальнейшее продвижение в социально-возрастной иерархии, после которой подобного рода возможности индивидов (предков) многократно увеличивались. Они продолжали диктовать потомкам способ жизнедеятельности, которому те обязаны были следовать. Озвучивали волю предков старшие социально-родственных образований, позднее – потес-

тарные лидеры, которые правили, опираясь на авторитет предков своего (правлящего) рода.

С культом предков тесно связано и право на власть и наследование имущества. Глава рядового рода совершал ритуалы на могиле своих предков, легитимируя свое лидерство. В более поздние времена монархи, как представители священных родов, также «получали власть от своих предков». Вся история Средневековья полна примерами подделок генеалогий узурпаторами, которым для утверждения своего права на власть необходимо было подтвердить свою связь с сакральными предками. То есть, представление о непрерывающейся цепи жизни, воплощенной в потомках, сформировало принцип первоначального наследования должности, а потом и собственности. Как правило, наследником является старший мужской потомок, который ближе всех по возрасту находится к предку (или – первоначально – брат, точнее, классификационный брат, то есть мужской сиблинг или ортокузен), а значит, наиболее эффективно может осуществлять контакт с ним, обеспечивая тем самым благополучие живым. Поэтому и рождение мальчика у большинства народов вызывает радость родителя, так как культ предков – это всегда мужской культ, и рождение мужского потомка гарантирует отцу комфортное пребывание на «том свете»: теперь есть кому совершать ритуалы на его могиле.

Культом предков и сейчас во многом определяет правосознание людей, прежде всего на Востоке, где огромные массы населения сохраняют элементы традиционности как в социально-хозяйственном укладе, так и в психологии. Эти представления используются современными политиками и африканских стран. Так, во время выборов президента в Зимбабве в 1980 г., выступая перед крестьянами, Роберт Мугабе говорил: «Были времена, когда Музорева присылал много своих самолетов... но дети (партизаны. – В. П.) выжили. Кто посмеет теперь сказать, что не существует духов предков? Эта страна принадлежит предкам... Если вы будете подкуплены и проголосуете за Музорева, предки отомстят вам... Наши предки слишком хороши, чтобы их предать» (цит. по: Бочаров 1992: 253).

Наряду с возрастным принципом в основе социальной структуры традиционного общества лежал также принцип родства, формировавший определенные правила и нормы поведения. Системы родства оформляли общности людей, внутри которых осуществлялись наиболее плотные социальные взаимодействия, регламентировавшиеся соответствующими взаимными обязательствами (обычно-правовыми нормами), то есть структурировали минимальные территориальные группы, а также связи этих групп между собой и определяли правила легитимности наследования статуса и имущества. На чужаков эти обязательства-нормы не распространялись. Именно поэтому главным потестарным лидером часто становился именно чужак (неродственник), поскольку он не был связан с необходимостью соблюдать традиционные социальные нормы. По сути, власть чужака восходит к посреднической («миротворческой») функции архаического лидера – главной функции первичного лидерства.

Чуждость – необходимый атрибут правителей во многих архаических обществах, как и так называемый эпос миграций, то есть мифы о неаборигенном происхождении правящих династий и отдельных лидеров, возводящих свое проис-

хождение к какому-либо престижному культовому или потестарно-политическому центру (подробнее см.: Белков 1996). (Не исключено, что именно поэтому элита во многих странах иноэтнична и иноязычна.) Архетип чуждости фактически приводит к переносу отношений к чужакам на власть имущих, а сами властители часто маркируются атрибутами странников (главным из которых является посох) и воспроизводят страннические стереотипы поведения (см., например: Щепанская 1996).

Харизматичность, или модус аномальности потестарного лидера

Все изложенное выше относительно запрета наводит на мысль, что в осознании социально-психологической роли табу в его исторической перспективе лежит ключ к пониманию власти традиции в той ее части, которая обеспечивала подчинение за счет возникновения у подчиненных эмоции страха, то есть феномена психологического принуждения, являвшегося важным компонентом власти вообще на всех этапах общественной эволюции. Возникнув как организующее начало на ранних этапах социогенеза, запрет сразу же выступал в качестве основного социально дифференцирующего признака. Будучи результатом естественно сложившихся норм поведения, запрет маркировал вновь возникшую иерархию социального организма. Особенно наглядно социально-дифференцирующая роль запрета обнаруживает себя в современных «этнографических» обществах (хотя и синполитейных), в которых, по всей видимости, первоосновы социальности, сформировавшиеся в период ее становления, проявляются в предельно развитом виде. Здесь табуации особенно отчетливо реализуются в поведении людей, принадлежащих к различным социально-политическим стратам. Г. Спенсер заметил, основываясь на материалах таких обществ: «Закон (то есть традиция. – В. П.) не поощрял сходства между действиями высших и низших лиц, а, напротив, требовал несходства: что делает правитель, то не может делать управляемый, а управляемому приказано делать именно то, что не должно делать правящее лицо» (Спенсер 1969: 223).

Эта формула поведения, характерная для представителей традиционных обществ и легко фиксируемая в поведении людей современных индустриальных обществ, обеспечивала психологическую асимметрию, в результате чего правители получали психологическое превосходство над управляемыми и могли навязывать им свою волю. Превосходство выражалось в том, что управляемые испытывали к властвующим весь комплекс эмоциональных переживаний, который обуславливал психофизиологический механизм запрета, включавший наряду с положительной эмоцией, определяемой как любовь, уважение, расположение и т. д., также страх. Другими словами, речь идет о фрейдовском «священном трепете». Однако каким образом чувства, вызываемые у индивида психофизиологическим феноменом запрета, адресовались властвующим, или почему индивид (подчиненный), поведение которого отделено от поведения другого индивида (господина) культурной нормой табу, неизбежно испытывает к последнему сложное чувство любви и страха? Ответ на этот вопрос возможен, если проанализировать те пласты мышления, которые определяли индивидуальное восприя-

тие действительности на ранних этапах социальной эволюции и которые в известной мере сохраняются в менталитете современного человека.

Прежде всего следует обратить внимание на многочисленные наблюдения этнографов относительно того, как легко представители архаических обществ переносят в своем сознании свойства одних предметов на другие. Л. Леви-Брюль, отмечая эту особенность архаического мышления, писал: «Оно (мышление. – В. П.) всюду видит самые разнообразные формы передачи свойств путем переноса, соприкосновения, передачи на расстояния, путем заражения, осквернения, овладения, словом, при помощи множества действий, которые приобщают мгновенно или по истечении более или менее долгого времени какой-нибудь предмет или какое-нибудь существо к данному свойству, действий, которые, например, сакрализуют (делают его священным) или десакрализуют его (лишают его этого качества) в начале и в конце какой-нибудь церемонии» [Леви-Брюль 1930: 65]. Наблюдая, как австралийцы переносят свойства табуированного объекта на другие предметы, З. Фрейд отмечал: «...самое удивительное в этом то, что тот, кому удалось нарушить такое запрещение, сам приобретает признаки запретного, как бы приняв на себя весь опасный заряд» (Фрейд 1923: 36). С психологической точки зрения это опять же объясняется комплексностью, недифференцированностью тех пластов мышления, каковые определяли менталитет первобытного человека и продолжают сохраняться в психологии индивида современного общества.

Характерной чертой авторитета архаических лидеров была и их психическая аномальность. Она выражалась в повышенной возбудимости, предрасположенности к истерии, трансам и т. д. Этнографические материалы убеждают в том, что этими свойствами обладали как африканские колдуны, так и сибирские и североамериканские шаманы. Аналогичное можно наблюдать и в поведении правящих персон более поздних стадий общественной эволюции. Аномальность лидера, закодированная в человеческой культуре, может иметь и еще одно объяснение – рациональное. Ведь известно же, что наиболее выдающиеся руководители, то есть те, которые не только сами ориентировались на реформы, но и заражали своими идеями огромные массы людей, характеризовались очевидными психическими отклонениями. Эти факты позволяют говорить о тесной взаимообусловленности творческого процесса вообще и управленческой деятельности в частности, о психической аномальности как необходимой или, как минимум, существенной характеристике этой деятельности. «Закодированная» в человеческой культуре установка на власть как на аномальное явление, формирование которой относится к начальным стадиям человеческой истории, обусловила и известное отношение людей к подобного рода индивидуальностям. Люди с психическими и физическими отклонениями воспринимались как бы естественными и харизматическими лидерами, так как отличались от других, и следовательно, могли вызывать у окружающих вполне конкретные эмоциональные ощущения, описанные выше.

Аномальное поведение, таким образом, является важной чертой авторитета потестарного лидера как на неформальной основе, так и в специфических управленческих структурах, которые предусматривают, предписывают властвующему

индивиду такое поведение. Причем опять же эти предписания носят неформальный характер, и подчас трудно определить, что в большей степени влияет на поведение «начальника» – императивы культуры либо его «врожденное умение себя вести».

Аномальность лидера не только вызывает у управляемых эмоции подчинения, она необходима самому лидеру для формирования у него ощущения избранности, неординарности, что, в конечном счете, приводит к появлению у него ощущения психологического превосходства над управляемыми. В итоге создается та эмоциональная база, которая обуславливает возможность осуществления лидером психологического принуждения к окружающим.

Этнографические материалы по различным народам мира свидетельствуют, что харизматичность, связанная с аномальностью в поведении, была обязательным условием для реализации претензий на лидерство. Отметим и тот факт, что на ранних этапах общественной эволюции эта аномальность могла выражаться не только в психических, но и в физических особенностях, выделявших лидеров из числа остальных. В архаических социумах лидерами зачастую становились люди с физическими и социальными отклонениями. Они выделялись либо необычным ростом, массой тела, либо разного рода уродствами: косоглазием, обильным волосным покровом, отсутствием или наличием лишних пальцев от рождения и т. п. (физические аномалии), либо безбрачием, бездетностью, отшельничеством и т. д. (социальные аномалии). Например, у бамбара (Мали) есть легенда о Которо и Соне, сакральных мифических персонажах, обладающих огромной властью над людьми. По представлениям бамбара, «Которо – это человек. Но по уродству нет существ ему подобных. С тех пор как Аллах создал людей, он не породил ни одного равно уродливого существа» [Арсеньев 1991: 66].

Другими словами, поведенческий алгоритм, возникший в результате становления социальной нормы в ходе антропосоциогенеза и определивший восприятие лидера как непохожего, исключительного, аномального, распространился и на внешние признаки людей.

Архетип харизматичности – это фактически культ исключительной личности, наделенной экстраординарными способностями («даром божьим»), необычными качествами и даже магической силой. Именно за харизматиками признавались исключительные права на властвование, при этом не имеет особого значения, в чем состоит харизма лидера – решающим является то, как к ней относятся последователи, то есть харизматическое лидерство имеет исключительно личностный характер. В итоге это приводит к сакрализации харизматичного лидера и культу его личности.

Заключение

Потестарное лидерство как психологическое влияние (или даже принуждение) одних людей на других уходит своими корнями в самое начало человеческой истории, когда формировались первые социальные нормы поведения. Эти же поведенческие стереотипы во многом определяют отношения власти и в современных индустриальных обществах. Важным элементом в системе властных отно-

шений является психофизиологический механизм привычки, осуществляющий внутреннюю психологическую регуляцию на индивидуальном уровне, обеспечивая соблюдение принятых в обществе норм поведения, в том числе и тех, которые определяют иерархическую соподчиненность членов человеческого коллектива.

Другим ключевым элементом во властных отношениях является психофизиологический механизм запрета, реализуемый в культурной норме табу. Этот механизм через поведенческий алгоритм, при котором поведение управляющих и управляемых разграничивается табу, обуславливает психологическую соподчиненность индивидов, вызывая у одних (управляемых) амбивалентное чувство страха и почтения к другим (управляющим), а также формирует чувство психологического превосходства у вторых, что в конечном итоге и обеспечивает им возможность навязывания властной воли первым.

Архетипы потестарности – старшинство (предковость), харизматичность и чуждость (власть чужака) – выступают как инструменты манипулирования в целях воздействия на иррациональные пласты мышления человека, что и обуславливает его подчинение власти лидера. То есть архаическая власть осуществляется в архетипических формах и вне их невозможна. Все они взаимосвязаны и часто взаимообусловлены и по сути являются социально-психологическими коррелятами инстинктов. Для них к тому же характерны одни и те же модусы потестарности: аномальность, священный трепет (амбивалентное чувство любви/страха), эзотеризм.

Библиография

- Абрамян А. А. 1979.** Мифы о начале и проблемы первого табу. *Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах*, с. 106–117. М.: Ин-т этнографии АН СССР.
- Арсеньев В. Р. 1991.** *Звери = боги = люди*. М.: Политиздат.
- Белков П. Л. 1996.** «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти. *Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции* / Ред. В. А. Попов, с. 63–71. СПб.: Наука.
- Боас Ф. 1926.** Ум первобытного человека. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Богданов А. А. 1906.** *Из психологии общества*. СПб.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова.
- Бочаров В. В. 1992.** *Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки*. М.: ГРВЛ.
- Бочаров В. В. 2001.** *Антропология возраста*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Бочаров В. В. 2017.** Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма. *Культурно-историческая психология* 13(4): 109–117.
- Брайант А. Т. 1953.** *Зулусский народ до прихода европейцев*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Брайант А. Т. 1983.** *История первобытного общества. Проблемы антропосоциогенеза*. М.: Наука.
- Кейзеров Н. М. 1973.** *Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий*. М.: Юрид. лит-ра.

- Куликов В. Н. 1978.** *Психология внушения*. Иваново: ИвГУ.
- Леви-Брюль Л. 1930.** *Первобытное мышление*. М.: Атеист.
- Лоренц К. 1969.** Эволюция ритуала и биологической и культурной сферах. *Природа* 11: 42–51.
- Лурья А. Р. 1974.** *Об историческом развитии познавательных процессов*. М.: Наука.
- Плахов В. Д. 1982.** *Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования*. М.: Мысль.
- Спенсер Г. 1898.** *Основания социологии*: в 2 т. Т. 2. СПб.: Издание Тов-ва И. Д. Сытина.
- Томановская О. С. 1977.** О древних общественных структурах у народов Нижнего Конго. *Этническая история Африки: Доколониальный период* / Отв. ред. Д. А. Ольдерогге, с. 91–137. М.: ГРВЛ.
- Фрейд З. 1923.** *Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии*. М.; Пг.: ГИЗ.
- Щепанская Т. Б. 1996.** Власть прищельца: атрибуты странника в мужской магии русских. *Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции* / Ред. В. А. Попов, с. 72–101. СПб.: Наука.
- Beidelman T. O. 1966.** Swazi Royal Ritual. *Africa* 36(4): 372–405.
- Evans-Pntchard E. E. 1935.** The Nuer: Tribe and Clan. *Sudan Notes and Records* 18: 37–88.
- Goldenweiser A. 1923.** *The Psychology and Culture* 1. London: Kegan Paul, Trench, Trübner and Co.
- Howitt A. W. 1904.** *The Native Tribes of South-East Australia*. London: MacMillan and Co.
- Shapera J. 1930.** *The Khoisan People of South Africa*. London: Routledge.

Глава 3. Вождества и другие среднесложные политии (аналоги) и их социально- политические институты

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Бурное развитие знаний о древних обществах требует пересмотра стереотипов и отказа от жестких конструкций. Недавние исследования в разных аспектах показывают сложности использования концепции вождества при приложении его ко все более многочисленным археологическим и этноисторическим случаям. Однако попытки в связи с этим вовсе отбросить эволюционный подход и теоретические конструкции, включая и концепцию вождества, по меньшей мере опрометчивы, а фактически могут привести политическую антропологию к хаосу. В связи с этим важно подчеркнуть, что многие проблемы концепта вождества проистекают не из непригодности эволюционной теории, а из устаревших однолинейных подходов к анализу социальной эволюции. Необходимо принимать во внимание альтернативы социальной эволюции и наличие многочисленных аналогов политантропологических моделей.

В этой главе предполагается показать, что если подходить к эволюционному процессу как по определению многолинейному (но не декларативно, а последовательно, так, чтобы на любом этапе эволюции предполагать наличие альтернатив ведущим типам и линиям и искать эти альтернативы [см. главы 1 и 4]), то многие проблемы принципиально оказываются решаемыми. Поэтому в данной главе все анализируемые вопросы и в целом предложенная концепция аналогов вождеств рассматриваются через призму многолинейности общеэволюционных процессов. Речь пойдет прежде всего об анализе процессов и типов социальных систем периода среднесложных обществ, то есть эпохи, которая располагается между простыми обществами примитивных земледельцев-скотоводов (и некоторых высших охотников-собирателей) и сложными обществами (ранними государствами и их аналогами).

Процесс роста социальной сложности, возникновение новых форм социального и политического неравенства, формирование догосударственных или сложных негосударственных политий являются одними из самых интригующих и привлекательных объектов исследования в политической антропологии и социальной философии. Концепция вождества играет особую роль среди теорий, с помощью которых пытаются описать переход от простых социальных систем к системам большей сложности. С момента своего появления в 1950-х гг. теория вождества стала важным эвристическим средством развития антропологии и археологии. Она была также объектом жаростных дебатов, поскольку было немало исследователей, отрицавших методологическую ценность этой концепции и са-

мо понятие вождества. Как видно из дискуссии относительно вождеств между Тимоти Паукетатом (Pauketat 2007, 2010) и Робертом Карнейро (Carneiro 2010a, 2010b), в последнее десятилетие эти дебаты стали в чем-то даже более жесткими в связи с быстрым ростом информации о древних обществах. Существует также много расхождений в определениях вождества, поскольку некоторые исследователи рассматривают его как особую (обязательную) фазу культурной эволюции обществ, естественный переходный этап между обществом уровня бигменов и архаических государств, а другие – лишь как один из вариантов среднесложных и сложных обществ.

Таким образом, возникает принципиальный и важный вопрос о месте вождества в социальной эволюции и соответственно в политической антропологии. Прежде всего стоит понять, действительно ли понятие вождества устарело. Затем то, должны ли мы рассматривать вождество как эволюционную стадию. Насколько археологические данные соответствуют этому? Имеет ли смысл давать определения вождеству вообще, и не является ли ценность такой типологии весьма ограниченной?

Мы думаем, что понятие вождества остается весьма полезным, однако есть острая необходимость в дальнейшем развитии и уточнении эволюционной теории в отношении концепта вождества. В этой главе мы коснемся различных аспектов данной концепции, включая место и значение этого понятия в антропологической теории, сложности в его использовании, когда оно применяется к конкретным случаям.

В главе будет уделено особое внимание тому, что общий процесс роста социокультурной сложности был многосторонним и многолинейным. Вот почему эволюционная фаза среднесложных обществ (в которой вождества встречались наиболее часто) была представлена разнообразными типами обществ. Поэтому авторы главы предполагают рассмотреть вождества в сравнении с другими типами среднесложных политий. В частности будет введено понятие аналога вождества, то есть различных эволюционных альтернатив вождеству, таких как полисы, автономные городские и сложные сельские коммуны, кастово-клановые системы, не иерархически организованные территориальные группы и федерации деревень, определенные типы племенных систем и т. д. Все формы аналогов вождеств предполагается классифицировать в рамках нескольких типов: однопоселенческие аналоги (в которых большинство населения концентрируется в едином центральном поселении); горизонтально интегрированные многопоселенческие аналоги; корпоративные аналоги. Предполагается, что понятие аналогов вождества при его развитии может позволить продвинуться в теоретическом анализе культурно-политических вариаций среднесложных обществ. При этом вождества будут занимать в нем одну из главных позиций, но не будут рассматриваться как единственный тип или как неизбежный этап эволюции (таким этапом становится уровень среднесложных вождеств). В главе 5 встретится описание вторичных племен, сформировавшихся в синполитейных догосударственных обществах под влиянием европейских обществ в эпоху Великих географических открытий и в Новое время. О понятии «сложное вождество» и его месте

в социальной эволюции см. главы 4 и 7. О вождествоподобных образованиях в современном мире см. главу 18.

АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМА АНАЛОГОВ ПОЛИТАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Бурное развитие знаний о древних обществах требует пересмотра стереотипов и отказа от жестких конструкций. Недавние исследования (см., например, статьи спецвыпуска журнала *Social Evolution & History*, Vol. 10, No 1, March 2011, в частности: Drennan *et al.* 2011; Lozny 2011; Gibson 2011; Claessen 2011; Earle 2011; Grinin, Korotayev 2011; Grinin 2011a; см. также: Крадин 1991, 1995, 2001) в разных аспектах показывают сложности использования концепции вождества при приложении ее ко все более многочисленным археологическим и этноисторическим случаям. Однако попытки в связи с этим вовсе отбросить эволюционный подход и теоретические конструкции, включая и концепцию вождества (см.: Pauketat 2007, 2010), по меньшей мере опрометчивы, а фактически могут привести политическую антропологию к хаосу¹.

В связи с этим мы хотели бы подчеркнуть, что многие проблемы концепта вождества проистекают не из непригодности эволюционной теории, а из устаревших однолинейных подходов к анализу социальной эволюции. Мы считаем, что если подходить к эволюционному процессу как по определению *многолинейному* (но не декларативно, а последовательно, так, чтобы на любом этапе эволюции предполагать наличие альтернатив ведущим типам и линиям и искать эти альтернативы), то многие проблемы принципиально оказываются решаемыми. Поэтому в нашей статье все анализируемые вопросы и в целом предложенная нами концепция аналогов вождеств рассматриваются через призму многолинейности общеэволюционных процессов.

В настоящей главе речь идет прежде всего об анализе процессов и типов социальных систем периода *среднесложных обществ*, то есть эпохи, которая располагается между простыми обществами примитивных земледельцев-скотоводов (и некоторых высших охотников и собирателей) и сложными обществами (ранними государствами и их аналогами). (О периоде сложных обществ см. подробнее: Grinin 2009, 2011a, см. также: Korotayev *et al.* 2000; Grinin, Korotayev 2009b; Гринин 2011 и др.; Крадин 1991, 1995, 2001; Kradin 2011.)

АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Мы уже неоднократно писали о том, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут: а) в различных социополитических и социокультурных формах; б) разными эволюционными путями (см., например: Крадин, Лынша 1995; Крадин и др. 2000; Коротаев и др. 2000; Bondarenko *et al.* 2002; Бондаренко и др. 2010; Гринин, Коротаев 2009;

¹ Критика подобных подходов, высказываемых, в частности, такими авторами, как Н. Йоффе (Yoffee 1993, 2005) и Д. Снит (Sneath 2007), в статье Н. Н. Крадина (Kradin 2011), избавляет нас от необходимости повторять ее.

Grinin, Korotayev 2009a; Гринин 2007a, 2009; Grinin 2009, 2011a). При этом на каждом последующем уровне сложности системной организации можно обнаружить очевидные альтернативы данной эволюционной линии (см., например: Bondarenko *et al.* 2002; Grinin, Korotayev 2009a; Гринин, Коротаев 2009; Grinin 2009, 2011a; Гринин 2007a, 2009).

Наиболее активно нами были исследованы альтернативы, то есть *аналоги раннего государства*, о которых мы много писали (см., например: Grinin 2003, 2004b, 2007a, 2007b, 2009, 2011a; Гринин 2007a, 2007b, 2009, 2010, 2011; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009a)². В отношении исследования догосударственного периода политогенеза мы также убеждены в том, что общее усложнение происходило, так сказать, широким эволюционным фронтом и по разным направлениям. Поэтому стадия среднесложных обществ, в которую обычно помещают прежде всего или даже исключительно только вождества³, была представлена многими социополитическими типами обществ, в том числе и такими, от которых не осталось достаточных следов (см., например: Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009). В настоящей главе, соответственно, мы считаем полностью оправданным применение апробированного метода сравнения разных линий социополитической эволюции путем выделения двух моделей политий (одной, считающейся в политической антропологии эволюционно ведущей, и второй, объединяющей все разнообразные альтернативно-аналоговые варианты первой модели). Нам представляется, что такой метод является продуктивным и очень хорошо может быть использован на уровне среднесложных обществ.

РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМ И РАЗМЕРОВ ДОГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Говоря о догосударственных социально-политических формах, мы имеем в виду только **стадиально (принципиально) догосударственные формы**, то есть образования не выше среднего уровня социально-политической сложности (следовательно, это догосударственные политии, явно уступающие по сложности аналогам ранних государств). Однако важно, что в таких обществах численность и концентрация населения выше (часто заметно выше) тех, при которых общество организовано как совокупность персональных взаимоотношений между лично знающими друг друга людьми. А значит, в них появляются новые формы связей, контроля и лидерства.

Альтернативность социальной эволюции, неодинаковый темп изменения и усложнения различных подсистем обществ, разные комбинации внешних и внутренних факторов и т. д. неизбежно вели к большому разнообразию форм догосударственных обществ и типов связей. Возникали более или менее централизованные вождества, самоуправляемые городские, полисные, храмовые и крупные

² *Аналогами ранних государств* мы называем негосударственные политии, сравнимые с ранним государством по сложности и реализуемым функциям. К аналогам ранних государств мы относим также многие из сложных вождеств (см. указанную литературу, а также: Grinin 2011a).

³ Такой – по сути, однолинейный – подход является одной из важных причин неоправданной идентификации в качестве вождеств многих альтернативных форм социально-политической организации в среднесложных обществах, как справедливо указывает Д. Г. Зданович (1997).

сельские общины, децентрализованные безвождеские племена, различные акефальные социально-политические системы, крупные коллективы, возглавляемые авторитетными людьми, и другие формы, о которых ниже будет сказано подробнее.

Такое разнообразие форм ставит сложную задачу – найти критерий сравнения обществ. Мы считаем, что при сравнении политий нужно исходить из двух аспектов: горизонтального (стадиального) и вертикального (эволюционного). В первом случае разные формы политий определенного размера и сопоставимой сложности необходимо рассматривать как стадиально равные. Во втором случае мы выделяем среди стадиально равных более и менее эволюционно перспективные. Так, вождество с точки зрения широты распространения централизованных и персонализированных форм управления в будущем было более эволюционно перспективным, чем, например, акефальное образование. Но, во-первых, для проявления такой перспективности потребовались тысячи лет и несколько генераций типов политий, пока новые принципы не доказали своего превосходства (см. подробнее: Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009a, 2011). Во-вторых, в определенных экологических нишах эволюционно латеральные формы оказывались более жизнеспособными, чем эволюционно перспективные. В-третьих, быть эволюционно перспективным вовсе не значит иметь преимущества в конкретной исторической ситуации. Дело часто обстояло как раз наоборот.

Идея вертикального и горизонтального аспектов сравнения обществ будет продуктивна в отношении моделирования перехода к более высокому уровню сложности. Например, образование простых вождеств (по Карнейро [Carneiro 1981, 2010]) происходило вертикальным путем: от простых политий (разного рода независимых общин, автономных деревень) к среднесложным (вождествам). А, скажем, трансформация конфедераций общин в более централизованный тип политики означала переход к новой форме горизонтальным путем: то есть от среднесложных политий нецентрализованного типа к среднесложным же централизованным⁴.

Спектр численности населения социополитических систем среднего уровня сложности очень велик: от нескольких сотен человек до нескольких десятков тысяч человек. Однако более или менее централизованные или компактные образования типа простых вождеств, небольших гражданско-храмовых общин и т. п. по населению располагаются в более компактном интервале – от нескольких сотен человек до нескольких тысяч. В целом мы исходим из оценки Т. Ёрла, что население вождества в пределах централизованной региональной структуры измеряется тысячами человек (Earle 1987; см. также, например: Carneiro 1981; Крадин 2001). Однако известны случаи вождеств с населением и менее одной

⁴ Анализ вертикальной и горизонтальной моделей эволюционной трансформации, правда, уже на уровне перехода к государству, см.: Гринин 2011; Grinin 2009, 2011a. Статья Д. Гибсона (Gibson 2011) также дает примеры такой горизонтальной трансформации от конфедераций вождеств к государству. О соотношении горизонтального и вертикального развития см. также: Shelach 2002: 11–15.

тысячи человек. Так, население типичного простого тробрианского вожества колебалось в районе 1 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 267–279), соответственно, там были вожества с населением и менее одной тысячи. А вожества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек (Шнирельман 1988: 200). Аналогично дело обстояло на полинезийском острове Футуна, небольшие вожества которого включали от пяти до десяти деревень, а число жителей в деревне колебалось от ста до двухсот (см.: Sahlins 1972 [1958]: 85–87, 188–190). Вожества чероки имели население в среднем порядка 400 человек (Service 1975: 140–144). Но в целом такие вожества, хотя их количество могло быть достаточно велико, имеет смысл рассматривать как минимальные, по терминологии Р. Карнейро (Carneiro 1981), а типичные вожества – это политии с населением, исчисляемым тысячами. В связи с тем, что четкую грань между простыми и сложными вождествами установить не так легко, самый верхний предел для простых вождеств мы определяем в десять тысяч человек, исходя из того, что для данной политии даже достижение такого предела редко возможно⁵. Территория также обычно не была слишком большой (см., например: Spencer 2000: 155–156). Конечно, размеры существенно зависят от транспортных возможностей, поэтому у скотоводов-кочевников, имевших довольно низкую плотность населения, но обеспеченных, как правило, верховыми животными, территориальные размеры простых вождеств были несравненно больше, чем у оседлых земледельцев.

ПОНЯТИЕ АНАЛОГОВ ВОЖДЕСТВА

Становление вождеств, как правило, означало выход на принципиально новый уровень сложности в плане развития не только политической организации общества, но и всей социальной системы. И это неизбежно ставит данный эволюционный тип среднесложных политий в особое положение. С этой точки зрения возникновение вождеств правомерно рассматривать как ведущий путь развития политогенеза. Однако, подчеркнем, это можно делать только с очень большой долей условности. Условность заключается не только в том, что ни одна форма не развивалась изолированно, а постоянно трансформировалась, в том числе под влиянием других типов обществ. Еще важнее, что большое количество, если не большинство, первичных и много вторичных и третичных ранних государств образовались на базе «городских» (полисных, гражданских, храмовых, гражданско-храмовых, торгово-ремесленных) общин, из которых только часть была вождествами. А в иных случаях ведущей организующей силой выступали другие, отличные от вождей, слои (жрецы, аристократия⁶, олигархические группы, ли-

⁵ Для сравнения, например, когда сложное и крупное вождество Поухатан в Вирджинии в XVI в. находилось на пике своего могущества, его население составляло всего 13–22 тыс. человек (Rountree, Turner 1998: 266).

⁶ Либо имелся какой-то промежуточный вариант. Так, классический «городской» путь государствогенеза имел место, например, в Западной Африке у йоруба (см.: Sellnow 1981: 309–310), но у них глава общины никогда не имел деспотической власти, зато, напротив, аристократия обладала большим влиянием и часто была способна сместить правителя (*Ibid.*: 309).

деры демократического большинства)⁷. И на уровне среднесложных обществ «городской» путь политогенеза был столь же, если не более, древним, как вождеский (см.: Korotayev *et al.* 2000; Гринин 2009; Гринин, Коротаев 2009: гл. 6; Korotayev, Grinin 2006).

Исходя из сказанного, нам представляется, что все многообразие эволюционных типов среднесложных обществ – с учетом особого эволюционного значения вождеств – имеет смысл разделить по крайней мере на два условных типа: 1) вождества/вождествоподобные политии; 2) аналоги вождеств.

Вождествоподобные политии можно было бы весьма условно определить как иерархически организованные и относительно централизованные общества средней сложности со следующими характеристиками: а) население – в интервале от нескольких сот до нескольких тысяч человек; б) обладают самостоятельностью; в) возглавляются признанным и постоянным вождем/лидером (группой лидеров), который появляется во главе социума в рамках определенных традиций или процедур, способен реально контролировать важные отношения и потоки ресурсов, имеет организованные вокруг него влиятельные группы поддержки.

Аналоги вождеств можно определить как сходные с вождествоподобными политиями по сложности, размерам и функциям социумы или пространственно организованные корпорации, не обладающие какими-либо признаками первых: иерархичностью, уровнем централизации, наличием формального лидера, организованной системой контроля над ресурсами, политической самостоятельностью⁸ и др.

Такое разделение на вождества и аналоги:

- подчеркивает, что вождества не являлись ни единственным, ни преобладающим типом среднесложных обществ/политий, но в то же время указывает на его эволюционную важность;
- показывает многообразие эволюционных альтернатив вождествам;
- позволяет классифицировать среднесложную политику, не подходящую под определение вождества, даже если есть затруднения в том, к какому именно типу политий она должна быть отнесена.

Например, Р. Диллон (Dillon 1990: 1) указывает, что хотя исследование нецентрализованных систем имеет долгую традицию, в литературе по данному вопросу нет единого мнения, как необходимо понимать эти системы (если они не подходят к определению вождества, заметим, дискуссионного самого по себе). С точки зрения предложенной идеи некоторые из таких нецентрализованных систем могут трактоваться как аналоги вождества.

Имеет смысл определить, какие функции выполняет вождество. На наш взгляд, главными из них являются:

⁷ Например, Д. Сандерс и Д. Вебстер (Sanders, Webster 1978: 281) утверждают, что большинство первичных государств возникло из эгалитарных обществ без образования вождеств. Хотя это утверждение и небесспорно, но все же имеет под собой немалые основания.

⁸ Последнее относится к отдельным формам аналогов вождеств, таких как некоторые корпорации и др. (см. ниже).

а) объединение целого ряда общинных поселений (либо определенный объем разнородного населения) в одну структуру, в рамках которой отношения между поселениями и индивидами существенно более плотные, чем между членами и не членами данной политики/кластера политий;

б) способность регулировать внутренние отношения в рамках этой единой структуры;

в) способность выступать как единое целое в отношениях с внешними силами;

г) способность мобилизовывать население на совместные акции.

Важно отметить, что практически все нижеприведенные аналоги вождеств в той или иной, но в целом удовлетворительной мере были способны реализовывать данные функции в рамках объемов населения и территории, характерных для среднесложных обществ. (Интересные сравнения в отношении реализуемых функций между акефальными безвождескими образованиями народности конкомба и централизованными вождествами народности нанумба в Северной Гане приводит П. Скальник [Skalnik 2011: 65]).

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ АНАЛОГОВ ВОЖДЕСТВА

Очень условно аналоги вождеств можно было бы разделить на **поселенческие** и **корпоративные типы**. При этом поселенческие аналоги в свою очередь можно разделить на **однопоселенческие** и **многопоселенческие**. Последние – в отличие от вождеств – объединены не вертикальными, а горизонтальными связями. Однако для удобства изложения мы рассматриваем в качестве равноправных таксонов все три выделенных типа:

1. *Однопоселенческие аналоги (полития связана с одним поселением).*
2. *Многопоселенческие горизонтально объединенные аналоги.*
3. *Корпоративные аналоги.*

1. Однопоселенческие аналоги

Полисы. В качестве примера рассмотрим греческие полисы как наиболее изученные⁹. «Полис – сравнительно небольшая – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – община граждан, основное занятие которых – земледелие, база экономики полиса» (Кошеленко 1983: 30; см. также: Яйленко 1983: 155). Легко понять, что такой полис – это стадияльно догосударственное образование, как по числу жителей¹⁰ и по форме их занятий, так и по уровню социополитической сложности. Такого рода небольшие земледельческие полисы встречались в Греции еще и в классический период, но главным образом они имели место

⁹ Среди которых, кстати говоря, мы находим наиболее исследованные примеры однопоселенческих аналогов вождеств. Хотя, чтобы быть точными, отметим, что все же многие полисы имели более сложную структуру, которая содержала в себе центральное поселение и сельскую децентрализованную округу.

¹⁰ Даже мельчайшее раннее государство имеет нижний предел в несколько тысяч жителей. Но и с таким населением образование раннего государства происходило далеко не всегда, а только в самых удачных случаях. Фактически для образования государств обычно требовались большие объемы (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2009a; Grinin 2009, 2011a).

в предшествующие периоды, в гомеровский (XI–IX вв. до н. э.) и более поздний архаический (VIII–VII вв. до н. э.). Торговля и ремесло – в отличие от полиса классического периода – в полисах гомеровского и даже архаического периодов были развиты слабо (см.: Полякова 1983)¹¹. Такая сельскохозяйственная направленность сближает ранние полисы с большинством простых вождеств. В полисе уже в ранний период наблюдается имущественное расслоение граждан (Там же: 124). Но в то же время можно согласиться, что полис формировался в очень простом обществе, в котором бедные и богатые чувствовали себя членами одного коллектива (см.: Starr 1965: 209). Последнее дает основание говорить о том, что даже ранние полисы обладали значительной социально-политической спецификой, которая позволяет рассматривать их как особый тип политии, а именно – как *гражданскую* общину (Кошеленко 1983: 13; Golubtsova *et al.* 1975: 12–17; см. также: Яйленко 1983). Это было связано с особенностями социально-политического устройства, при котором жители полиса ощущали свое единство, принимали участие в управлении и войне. Это обуславливалось также тем, что граждане полиса имели определенные (хотя и не столь четкие, как позже) права и обязанности, причем последние могли определять социальный статус человека. Важно, что сельская округа полиса (если таковая, конечно, была в архаическом полисе, где нередко большинство жителей занимались сельским хозяйством) не являлась подчиненной «городу» периферией, а ее жители имели те же права. Мало того, свободное крестьянство, владеющее наделами на основе развивающейся частной собственности, становилось важным социальным слоем полиса (Андреев 1982). В то же время уже в ранний период очень значительное число полисов образовывалось путем синойкизма (то есть искусственного сближения жителей разных поселений в одно более крупное ради устранения опасности нападения). Это разрывало традиционные (родовые) связи и усиливало именно гражданское начало. Хотя данный процесс шел в греческих полициях на протяжении столетий, тем не менее он проявился достаточно рано. В частности, реформы Тезея в Афинах (в том числе отмену прежнего родового деления и создание искусственного гражданского) относят к IX в. до н. э.

В ранних полисах в целом можно говорить о господстве аристократических родов, даже если над ними и стоял не особенно властный базилевс, который не мог ничего решить без совета старейших, куда входили аристократы (Сергеев 2002: 122; Фролов 1988: 78). О том, что в возникающих греческих полисах господство принадлежало аристократии, мы имеем свидетельства древнегреческих авторов, например Аристотеля (Pol., IV, 10, 10, 1297b). Это во многом объяснялось тем, что аристократия составляла ядро войска – отряды всадников (Greenhalgh 1973). Но поскольку у аристократии не было монополии на военное дело,

¹¹ Хотя в архаическом полисе уже начинается заметная трансформация от аграрной направленности к аграрно-торгово-ремесленной (см., например: Шишова 1991: 27). В целом многие полисы архаической эпохи уже не являются однозначно среднесложными обществами, они становятся ближе к ранним государствам (см.: Берве 1997; Фролов 1988: 92, Шишова 1991: 27).

определенную роль играл и вооруженный демос¹². Эти полисы имели определенные органы, например советы старейшин, или *буле*, а также народное собрание, хотя и не слишком влиятельное, выборные или наследственные базилики осуществляли судебные функции (Сергеев 2002: 122; Фролов 1988: 78). Полисы имели также механизмы кооперации и осуществления совместных внутренних дел, а также военных акций, но в то же время важнейшим элементом их жизни была борьба знатных родов между собой (Кошеленко 1987: 45; Андреев 1976: 104 и сл.). Однако такое соперничество в условиях слабости правового начала в гомеровском полисе (Кошеленко 1987: 45) само по себе создавало некоторые формы и прецеденты регулирования полисной жизни, как и везде в варварских обществах, где сдерживающая сила кровной мести и посредничества играла важную роль в сохранении минимально необходимого единства в социуме¹³. В архаическом полисе роль суда увеличилась, и он стал важным орудием господства аристократии.

Протогородские и городские общества. Согласно исследованиям Ю. Березкина (1995а: 67–68; 2000: 263), среднесложные акефальные протогородские поселения (представляющие собой отдельные общества, политии) с численностью до 2–2,5 тыс. человек, судя по археологическим данным, представлены на древнейшем Востоке, во-первых, в неолите Леванта и Сирии (7-е - нач. 6-го тыс. до н. э. – Айн-Газал, Абу-Хурейра) и Анатолии (VI тыс. до н. э. – Чатал-Хююк), а во-вторых, в позднем энеолите, ранней и средней бронзе (4-е–1-е–2-е тыс. до н. э.) Южного Туркменистана (Йылгынлы-депе) и Восточного Ирана (Шахри-Сухте). Население Шахри-Сохте могло достигать 10 тыс. человек.

«Городской» путь политогенеза, как уже сказано, был одним из ведущих (см. подробнее: Коротаев, Гринин 2009). Типов городов и поселений, похожих на них, было много, как и типов политических режимов в них (о некоторых из них см., например: Sinclair Paul 2002). Нередким был тип города, являющегося квазигородским религиозным или ритуальным центром (таковы были, например, весьма своеобразные «города» *криков* в Джорджии и Алабаме [см.: Стартевант 1978]); были храмовые города, где главную роль играла фактически жреческая корпорация. Но даже если во главе города стоял вождь, князь или царь, большую роль нередко играли другие органы: аристократические советы, институты самоуправления, вроде древнерусского вече, органы военной демократии и т. п. В любом случае такой город был уже не типичным вождеством, поскольку под вождеством, как правило, понимается полития, объединяющая деревни (см., например: Carneiro 1981). Город же даже с небольшой сельской округой имеет в значительной мере другую пространственную структуру, чем такое вождество.

¹² Здесь к месту вспомнить, что Л. Г. Морган (1934) свою теорию военной демократии как необходимой стадии развития варварского общества обосновывал данными по истории именно гомеровской Греции.

¹³ Впрочем, борьба знатных родов существовала и в более развитых политиях, например в городах-государствах, в том числе и в итальянских средневековых и раннего Нового времени республиках и сеньориях. Недаром такие конфликты стали основой сюжета знаменитой пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Стоит обратить внимание и на разницу в степени хозяйственной специализации¹⁴.

Но были также и полностью самоуправляемые демократические или даже акефальные, то есть не имеющие общих органов управления (Большаков 1989: 44–58; Березкин 1995а; Berezkin 1995; Frantsouzoff 2000), протогородские и городские общины. Достаточно поздним (но зато очень хорошо известным) примером сложной акефальной городской общины является доисламская Мекка (см., например: Большаков 1989: 44–58; Simon 1989; Dostal 1991; Peters 1994: 77–166; Simonsen 2000)¹⁵.

Большие компактные деревни. В таких деревнях могло проживать большое количество жителей (в отдельных случаях – до 11 000 человек, как у йакё на юго-востоке Нигерии (Forde 1964; см. также: McIntosh 1999). Такие поселения интегрированы горизонтальными связями: различными ассоциациями, тайными и культовыми обществами. Верховная власть отсутствует, но обладающие высоким статусом члены таких обществ осуществляют религиозную или судебную власть, а также контролируют моральную сторону жизни.

Аристократические анклавы в рамках крупных этнополитических образований (аналогов ранних государств). По нашему мнению, в ряде негосударственных (аналоговых раннему государству) обществах, которые нельзя отнести к сложным вождествам, существовала полунезависимая аристократия, которая, по сути, имела объемы власти, вполне сравнимые с вождями в простых (а иногда и не очень больших сложных) вождествах. Эти аристократы имели значительную автономию в рамках своих владений, право суда и расправы, а главное – самостоятельное войско. Ярким примером являются аристократы Галлии накануне завоевания Цезаря, где знатные галлы имели по несколько сотен, а самые знатные – по несколько (до десяти) тысяч клиентов и зависимых людей, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов (Цезарь. Галльская война I: 4; Тевено 2002; Бессмертный 1972: 17; см. также: Филип 1961). О клиентеле у галлов задолго до Цезаря писал Полибий, описывающий также ее выгоды для высших слоев (Филип 1961). Могущество знати лишало простой народ политических прав, который, по свидетельству Цезаря, жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатным людям (Галльская война VI: 13; см. также: Леру 2000: 125; Филип 1961). Отметим, кстати, что система «патрон – клиент» была весьма распространена в догосударственных и аналоговых

¹⁴ Фактически такое простое вождество очень часто является политией, где основное занятие жителей – сельское хозяйство. Конечно, та или иная специализация занятий нередка и в вождествах, но среди протогородских и городских политий это распространено более существенно. Мало того, в городах концентрация иных, чем сельское хозяйство, видов деятельности обычно более выражена; города чаще всего возникают в результате развития таких несельскохозяйственных видов занятий. У вождеств скорее встречаются укрепленные поселения (крепости), порой сравнимые с городами по численности населения и их военно-политической роли. Но такие поселения в большинстве среднесложных вождеств все же правильнее считать деревнями (см., например, о таких поселениях у маори: Bulmer 2002).

¹⁵ Но Мекка скорее относится уже к аналогам ранних государств (см.: Гринин 2011: 159, 252; Grinin 2009; Grinin, Korotayev 2009a).

государству негосударственных обществах (см., например: Service 1975: 82; Crumley 2002; Grinin 2009; в отношении клиентелы у ирландских кельтов: Филип 1961).

Численность же отдельных племенных галльских союзов и конфедераций была очень большой (Филип 1961). Например, число гельветов, которые стремились в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным, составляло от 250 тыс. до 400 тыс. (см., например: Шкунаев 1988: 503; подробнее о галльских полициях как аналогах раннего государства см.: Grinin 2003: 140–141, 2004a: 97–98; Гринин 2011: 258–260).

2. Многопоселенческие аналоги, объединенные горизонтальной связью

Системы акефальных общин. Возможными аналогами вождеств можно считать неиерархические системы акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств, такие как традиционная социально-политическая система апатани Северо-Восточной Индии. Их язык принадлежал к сино-тибетской языковой семье. Согласно некоторым данным, первый контакт с европейцами состоялся в 1897 г., когда британские служащие находились в долине в течение двух дней. Апатани были исследованы К. Фюрер-Хаймендорфом (Führer-Haimendorf 1962) в 1940-х гг., то есть до того, как индийская администрация установила над ними определенный контроль. Апатани в качестве примера децентрализованной альтернативы вождеств были проанализированы Ю. Е. Березкиным (1995а, 1995б, 2000 и др.). Они живут в долине на высоте 1,5 км над уровнем моря. Каждая из семи деревень является самостоятельной единицей, но деревни располагаются близко друг от друга и фактически представляют собой интегрированное горизонтальными связями сообщество. Вопросами правопорядка и урегулирования конфликтов занимались неформальные советы уважаемых мужчин (глав домохозяйств, стариков и молодежи), причем действующие раздельно. Апатани предпочитают избегать конфликтов. Важно, что у них существовал институт частной собственности на землю, которая принадлежала домохозяйствам. При этом жители имели право приобретать землю в любой деревне, никаких ограничений на куплю-продажу земли не имелось. Другими формами горизонтальных связей помимо экономических были массовые календарные церемонии, а также престижные потлачевидные мероприятия с раздачей подарков (*лисуду*). *Лисуду* был также способом ограничения накопления и социального расслоения. При этом у апатани имелось два несовпадающих способа социальной стратификации: а) их родовые группы делились на аристократические и «плебейские», последние находились в ритуальной зависимости от первых, но обладали теми же экономическими правами; б) существовала также параллельная стратификация по имущественному признаку. Такой параллелизм, вероятно, блокировал развитие в сторону иерархизации общества. Тем не менее у апатани была развита эксплуатация, включая такие формы зависимости, как рабство, приживальчество, кабала, а также наемный труд. Общая численность населения апатани достигала в 1961 г. 11 тыс. человек и 2520 домохозяйств.

Интересный пример существования подобных деревенских общин без центральной управляющей структуры, особенно удивительный для Америки, где вождества насчитывались в большом количестве (см.: Carneiro 1981), – общества пуэбло в северной части территории современного штата Нью-Мексико (см.: Creamer 2001). При этом даже в рамках отдельных общин политические лидеры, если они имелись, не обладали значительными полномочиями, они не были облечены властью вождями, чьи приказы заставляли бы людей немедленно повиноваться (*Ibid.*). Деревни пуэбло достаточно близко располагались друг к другу. Их общее население к моменту встречи с испанцами могло насчитывать от 20 000 до 60 000 человек, проживавших в нескольких десятках (от 30 до 65) поселений. Единство всего региона поддерживалось, по мнению У. Кримера, религией, включая деятельность тайных обществ, и ритуальными действиями; статус участника последних был очень высок. Религия и ритуалы, как считает Кример, являются ключевыми для понимания механизмов развития социокультурной сложности в северной части бассейна Рио-Гранде. Сами поселения были достаточно большие, некоторые могли насчитывать более 1000 жителей. В отличие от апатани эти автономные поселения нередко воевали между собой (что могло дополнительно влиять на концентрацию численности жителей в поселениях), существовал культ войны и соответственно имелись военные лидеры (*Ibid.*: 55). Война также способствовала росту сложности, поскольку между некоторыми поселениями возникали союзы, которые могли формировать более или менее сплоченные группы или кластеры деревень (*Ibid.*: 56).

Исследователь африканских социально-политических систем Р. Хортон (Horton 1971) указывает на наличие во многих регионах Африки *акефальных дисперсных территориальных обществ*. Они представляют собой территориально оформленные образования, состоящие из локальных конфедераций линиджей смешанного происхождения, результатом чего является разнонаправленная миграция в этом районе. Верховная власть отсутствовала, но конфедерация в политико-ритуальном плане была объединена культовыми организациями (см. также: McIntosh 1999)¹⁶.

Аристократические акефальные системы могут быть проиллюстрированы на примере общества народа *и (носу)* в высокогорном районе Ляньшань китайской провинции Сычуань. В этом обществе существовало четыре сословия, из которых одно, собственно *и (носу)* – «черные», – в противоположность подчиненным («белым») было высшим, благородным, а потому не участвовало в производительном труде. Остальные три сословия находились в разной степени зависимости – от полукрепостной до рабской. Сколько-нибудь сложной политической структуры при этом не образовалось (Итс, Яковлев 1967; Куббель 1988а: 241–242). Описанная выше специфическая социально-политическая структура начала складываться еще с VII–IX вв. н. э. в связи с тем, что скотоводческие племена подчинили себе земледельцев (Итс, Яковлев 1967: 79).

¹⁶ Более крупные объединения такого типа, включающие десятки деревень с общим населением в десятки тысяч человек, такие как политии *игбо* (McIntosh 1999: 9), можно рассматривать как аналоги раннего государства (см.: Grinin 2004b, 2011a).

В данном обществе было весьма распространено рабство. При этом носу часто делали набеги и захватывали ханьцев, обращая их в рабов. Высшее сословие составляло всего несколько процентов от общего населения (Итс, Яковлев 1967: 82). Мужчины-аристократы с раннего возраста готовили себя к ратному делу. «Надменность, презрение к другим сословиям и национальностям, воинственность составляли наиболее яркие черты душевного склада носу, сложившиеся под влиянием социальных и исторических обстоятельств. Женщины из сословия носу в основном вели праздный образ жизни. Они лишь в какой-то мере присматривали за домашними рабами» (Там же: 84).

Общее население ляншаньских *и* в начале XIX в. насчитывало около 10 тыс. человек. Но в 1838 г. оно составляло уже 40–50 тыс. До этого момента данные политики еще можно рассматривать как аналоги простых вожеств (с учетом не слишком сильной интеграции поселений). В последующий период вплоть до середины 1950-х гг. население продолжало расти, достигнув 630 тыс. человек, из которых 50–60 тыс. составляли неассимилированные рабы-ханьцы (Там же: 79–80). Таким образом, с 1830-х гг. общество носу превратилось уже в аналог раннего государства (см. подробнее: Гринин 2011: 283–284).

Федерации и конфедерации общин. Аналогами вожеств могут выступать федерации и конфедерации небольших общин, в том числе у горцев (см., например: Агларов 1988; Korotayev 1995; Коротаев 2006; Гринин 2011; Grinin 2007b, 2011a, 2011b) или кочевников¹⁷. В отличие от предшествующего типа федерации и конфедерации имеют большую степень единства, а иногда даже какие-то формальные институты (типа надобщинного совета и т. п.). На эволюционно более высоком уровне развития (сложные общества) это хорошо изучено в племенных конфедерациях североамериканских индейцев криков (Стартевант 1978), гуронов (Логинов 1988: 233; Тишков 1988: 148), ирокезов (Фентон 1978) и др. (см. о таких конфедерациях индейцев также: Гринин 2011; Grinin 2011a; Drennan *et al.* 2011).

Несимметричные линиджные системы. Даже системы симметричных в размерах, возможностях и отношениях линиджей, которые описывались в «Африканских политических системах» (Fortes, Evans-Pritchard 1987 [1940]), у таких народов, как логоли (Wagner 1987 [1940]), талленси (Fortes 1987 [1940]), нуэры (Evans-Pritchard 1956, 1987 [1940]; Эванс-Причард 1985), в определенном плане можно трактовать как неполные аналоги среднесложных вожеств, поскольку они реализовывали целый ряд аналогичных вожеству функций.

Однако важно, что существовали и другие разнообразные формы и принципы объединения линиджей, в том числе асимметричных (подробнее о них см.: Grinin, Korotayev 2011). Представляется, что существует большой спектр вариаций таких линиджных систем между близкими по типу к вожествам и полностью симметричными системами, и немалая часть их может быть определена как аналоги вожеств. Системы различных объединений линиджей (в том числе объединенных не территориально, а иными типами связей: символическими,

¹⁷ В иных условиях более крупные федерации горских обществ можно рассматривать как аналоги уже ранних государств (см. подробнее: Гринин 2011; Grinin 2003, 2004b, 2007b, 2011a).

псевдородственными и т. п.) во главе с ведущими линиджами у мбунду в Анголе в период формирования там государств хорошо описал Миллер (1984).

Племена. Понятие племени (это признают многие исследователи) очень нечетко и многозначно, так как племенем могут называть и небольшую группу в десять-двадцать человек, и крупные негосударственные народы в сотни тысяч и миллионы человек (см. об этом, например: Fried 1967, 1975; Vansina 1999; Claessen 2011; Khoury, Kostiner 1990; Tapper 1983, 1990; Malinowski 1947: 252–261; Бромлей 1982; Шнирельман 1982; Гиренко 1991; Куббель 1988б; Ольдерогге 1977; Следзевский 1991; Тишков 1990; п'Битек 1979: 27–32; Helm 1967; Grinin 2007b, 2011a: 143–144; Korotayev 2000a, 2000b; Коротаев 2006: 18, 114–120; Grinin, Korotayev 2009a, 2009b; Гринин, Коротаев 2009). И это создает сильное противоречие между имплицитно предполагаемым смыслом и накопившимся в науке материалом.

Наш подход в рамках темы главы заключается в том, что далеко не все, но по крайней мере *некоторые* формы племен (если говорить о племени в политическом смысле) можно рассматривать как аналог вождества. При этом представляется, что не только вторичное племя, но племя в раннеаграрных среднесложных обществах вполне может рассматриваться как аналог вождества¹⁸ (учитывая, что и те и другие существенно эволюционировали). В рамках настоящей статьи отсутствует возможность остановиться на проблеме сравнения вождества и племени как аналога вождества (о племени как аналоге вождества см. подробнее: Grinin, Korotayev 2011; см. также: Коротаев 2000; Korotayev 2000a, 2000b; Grinin 2011b). Но заметим, что во многих случаях точнее говорить не о племенах, а о «племенеподобных» политиях (см., например: Cremer 2001: 55)¹⁹.

3. Корпоративные аналоги

П. Браун (Brown 1951), П. Кэббери (Kabbery 1957) и Р. Хортон (Horton 1971) установили, что линиджи отнюдь не были единственным структурным принципом объединения базовых единиц среднесложных социально-политических систем. При этом они подчеркивали, что в создании таких политических структур важную роль играли разнообразные горизонтальные связи, которые создаются с помощью определенных институтов, таких как возрастные классы или ритуальные действия, а также с помощью особых корпораций: тайных обществ, культовых групп и «ранговых обществ» (*title societies*) (см. также: McIntosh 1999: 9; Vansina 1999). Действительно, нередко очень прочные виды горизонтальных связей способны играть исключительную роль в институционализации

¹⁸ А в ряде случаев крупные и прочные группы (союзы) племен можно уже рассматривать как аналоги ранних государств (примеры см.: Grinin 2007a, 2007b, 2011a: 254–256).

¹⁹ Племя (но не любое, а только такое, которое можно рассматривать как аналог вождества) может быть определено как социополитическая сегментарная система с населением в тысячи или десятки тысяч человек с общим этнокультурным ядром, самоназванием и самосознанием, собственной постоянной или временной территорией (с учетом, конечно, отсутствия оседлости у многих племен) и политической организацией, позволяющей поддерживать устойчивый внутренний порядок и самоорганизацию для достижения военных и иных целей (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2011).

отношений между отдельными общинами, внутри племени и между родственными племенами.

В рамках предмета нашей статьи мы полагаем, что некоторые из указанных типов корпораций (организаций) сами могут быть рассмотрены как корпоративные аналоги вождеств. Следует учитывать, что они формируют не просто горизонтальные, но и или вертикально-горизонтальные связи.

Тайные союзы и общества. Тайные союзы и общества особенно хорошо описаны для Меланезии и Тропической Африки, но этнографически зафиксированы также в Микронезии и у индейцев Северной Америки (см., например, о роли таких обществ в Северной Мексике у пуэбло: Creamer 2001: 55–57), а мифологические реконструкции дают основания предполагать, что они имели место также у индоариев и других народов Старого Света. В некоторых регионах, как уже было сказано, они были распространенным механизмом установления межобщественных связей. Они служили для повышения статуса, престижа, власти и обогащения своих членов, для реализации их возможностей и амбиций. Число таких тайных обществ было велико, только капитан Ф. Батт-Томпсон описал в Западной Африке 150 таких союзов (Butt-Thompson 1970 [1919]). Десятки союзов насчитывались на разных группах островов Меланезии, многие из них представляют общества, которые претендуют на монополию определенных видов колдовства, а число видов последнего весьма велико (Токарев 1990: 308–311). Существовали и своего рода профессиональные тайные союзы: воинов, колдунов, лекарей, танцевально-спортивные и др. (см.: Новожилова 2000: 110). Ф. Батт-Томпсон (Butt-Thompson 1970 [1919]) делил аборигенные союзы Западной Африки: 1) на мистико-религиозные; 2) демократические и патриотические; 3) «извращенно-преступные». (О роли тайных союзов, в частности союза охотников, в политогенезе у мбунду см.: Миллер 1984.)

Хотя типы тайных обществ разнообразны, многие принципы их образования и функционирования весьма похожи (Новожилова 2000: 110–111; Куббель 1988а: 238–241; см. также: Белков 1993: 94–97). Очень важно, что эти принципы выступали полной противоположностью племенным принципам, поскольку в целом тайным союзам свойствен акцент на разрыв с родовой структурой (см.: Новожилова 2000: 110; Андреев 1998: 45; Куббель 1988а: 240–241). Тайный союз комплектовался не по родственным, а по профессиональным, территориальным, имущественным и иным критериям; возникали и новые принципы социальной стратификации, так как различия между членами возникали в соответствии с рангом, должностью, имущественным состоянием или взносом, заслугами и т. п. Для вступления в союз нужны были поручители, довольно существенный взнос, внутри союза порой царил строгая дисциплина, иногда имелся особый язык.

Подобно вождеству, тайные союзы имели сложную иерархическую структуру с несколькими ступенями подчинения младших членов старшим, и в этом отношении некоторые из таких тайных обществ, на наш взгляд, по четкости организации, жесткости иерархических принципов существенно превосходили многие вождества. Некоторые тайные союзы представляли собой зачатки будущего аппарата управления и репрессий; имелись союзы, которые выполняли роль полиции. Но их роль была велика и в плане формирования вообще институтов бу-

душей государственной власти (см.: Токарев 1990: 307; Куббель 1988а: 241; Гринин 2011: 276–277).

Тайные союзы довольно успешно выполняли функции, характерные для вождеств: объединение в одну систему групп людей и индивидов, находящихся на одной территории, но принадлежащих к разным системам родственной организации и к разным общинам (то есть следующие функции: быть надобщинной, надродовой организацией); осуществление посредничества, суда, карательной функции. Так, некоторые тайные общества могли выступать в роли силы, предотвращающей вражду между крупными корпорациями²⁰; редиистрибутивную функцию; функцию нормотворчества (например, табуан – глава союза дук-дук на о. Новая Британия – мог табуировать плантации и плодовые деревья членов союза за определенную плату [см.: Токарев 1990]).

Организованные группы сборного типа. В качестве аналога вождества можно рассматривать и организовавшиеся группы (иногда образовывавшие даже квазиплемена) из различного рода отщепенцев, авантюристов, вольнолюбцев или преступников, не признающих официальной власти, любителей легкой наживы и тому подобных людей. Нередко такие имеющие вооружение сообщества создавались в противовес крепнущей официальной власти нового государства. «Эта выделившаяся часть населения, не признающая законов, вследствие свободы от всякого стеснения законом и установления каких-либо отношений к своему племени, а также и уважения, какое питают к нему самые смелые и наиболее неимущие из соседних племен, часто приобретает большую силу», – писал Ф. Ратцель (1902, т. 1: 445).

Касты и квазикасты. В результате завоеваний, межобщинной и иной специализации и других причин в ряде случаев возникали кастовые или квазикастовые системы (см., например: Куббель 1988а: 241). Касты и квазикасты существовали не только в ранних государствах (таких как Индия или средневековая Аравия), но и в догосударственных и парাগосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки, Сахары, Южной Нигерии [Кобищанов 1978: 254–260; 1982: 145–149; см. также: Quigley 1999: 114–169; 2002: 146, 153]). Касты выполняли многие из функций вождеств: объединения членов, живущих территориально разрозненно, нормотворчества, суда и посредничества, редиистрибуции, в них также существовали некоторые иерархические институты вплоть до верховной власти и т. п.

Возрастные классы (группы) представляют собой важный механизм интеграции в ряде среднесложных и сложных обществ (о сложных системах возрастных классов см.: Калиновская 1976; ван Геннеп 2002 [1909]; о роли такой возрастной системы у некоторых племен нага в горной Северо-Восточной Индии см., например: Маретина 1995: 83). Известны случаи, когда совмещались принципы тайных союзов и возрастных классов в тайных обществах (например, у

²⁰ В частности, так было в некоторых районах Нигерии с конца XVII в., когда тайное общество Эгбо координировало торговую и иную деятельность крупных объединений – торговых домов, стремясь сгладить остроту соперничества между ними. Монополией Эгбо было решение торговых споров и взимание долгов (см.: Новожилова 1999: 37).

сиу, у некоторых алгонкинских племен [Токарев 1990: 313]). В некоторых случаях возрастные группы могли выступать как достаточно сплоченная корпорация. В частности, это относилось к молодежи в отдельных обществах, где она трансформировалась в вооруженную силу во главе с предводителями, а при союзе со знахарями и колдунами становилась и вовсе грозной силой (многочисленные примеры в обществах Восточной Африки см.: Бочаров 1995). В таком аспекте возрастные классы можно рассматривать как *неполные аналоги вождеств*.

* * *

Таким образом, на уровне среднесложных обществ наблюдается большое разнообразие социально-политических типов и форм. В определенном – «горизонтальном» – аспекте мы можем рассматривать их как стадийно равные. Но в ином – «вертикальном» – измерении среди них можно выделить более и менее эволюционно перспективные. Такие были и среди вождеств, и среди аналогов вождеств (в частности, в виде полисов и протогородов). Подводя итоги, мы надеемся, что предложенная нами концепция аналогов вождества хотя бы в какой-то мере позволит продвинуться по пути теоретического анализа многообразия типов среднесложных обществ, среди которых тип вождества неизбежно будет занимать одно из главных мест.

Библиография

- Агларов М. А. 1988.** *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.
- Андреев И. Л. 1998.** Тайные общества как альтернативный государству механизм властного регулирования традиционных отношений в странах Тропической Африки. *Африка: общества, культуры, языки. Материалы выездной сессии Научного совета. Санкт-Петербург, 6–8 мая 1996* / Ред. И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко, с. 38–53. М.: Ин-т Африки РАН.
- Андреев Ю. В. 1976.** *Раннегреческий полис. Гомеровский период.* Л.: Наука.
- Андреев Ю. В. 1982.** К проблеме гомеровского землевладения. *Социальная структура и организация античного общества*, с. 10–31. Л.: ЛГУ.
- Белков П. Л. 1993.** Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе. *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 71–97. М.: Вост. лит-ра.
- Берве Г. 1997.** *Тираны Греции* / пер. с нем. Ростов н/Д.: Феникс.
- Березкин Ю. Е. 1995а.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 62–78. М.: Вост. лит-ра.
- Березкин Ю. Е. 1995б.** Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 94–104. Владивосток: Дальнаука.

- Березкин Ю. Е. 2000.** Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднemasштабных обществ. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 259–264. М.: Логос.
- Бессмертный Ю. Л. 1972.** Возникновение Франции. *История Франции*: в 3 т. / Ред. А. З. Манфред Т. 1, с. 9–68. М.: Наука.
- Большаков О. Г. 1989.** *История Халифата. 1: Ислам в Аравии*, с. 570–633. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2010.** Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы). *Эволюция: проблемы и дискуссии* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 120–159. М.: ЛКИ.
- Бочаров, В. В. 1995.** Ранние формы политической организации в структуре колониального общества [на африканском материале]. *Ранние формы политической организации* / Ред. В. А. Попов, с. 62–78. М.: Наука.
- Бромлей, Ю. В. 1982. (Ред.).** *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука.
- ван Геннеп А. 2002 [1909].** *Обряды перехода* / пер. с фр. М.: Вост. лит-ра.
- Гиренко Н. М. 1991.** *Социология племени*. Л.: Наука.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при формировании государства*. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2007б.** Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики. *История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Марков, Л. Е. Гринин, с. 263–303. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев, А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация Мир-системы*. М.: КомКнига.
- Зданович Д. Г. 1997.** *Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы*. Челябинск: Челябинский государственный ун-т.
- Итс Р. Ф., Яковлев А. Г. 1967.** К вопросу о социально-экономическом строе ляншанской группы народности. *Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии* / Ред. Р. Ф. Итс, с. 64–106. Л.: Наука.
- Калиновская К. П. 1976.** *Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции*. М.: Наука.
- Кобищанов Ю. М. 1978.** Системы общинного типа. *Община в Африке: проблемы типологии* / Ред. С. А. Токарев, Ю. М. Кобищанов, с. 133–260. М.: Наука.
- Кобищанов Ю. М. 1982.** *Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки*. М.: Наука.

- Коротаев А. В. 2000.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 265–291. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 2006.** *Социальная история Йемена, X в. до н. э. – XX в. н. э. Возжествия и племена страны Хашид и Бакил*. М.: КомКнига.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2009.** Политическое развитие Мир-Системы и урбанизация: сравнительный количественный анализ. *История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 119–188. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Кошеленко Г. А. 1983.** Введение. Древнегреческий полис. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 9–36. М.: Наука.
- Кошеленко Г. А. 1987.** О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции. *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 38–73. М.: Наука.
- Крадин Н. Н. 1991.** Политогенез. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, с. 261–295. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Крадин Н. Н. 1995.** Возжество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 11–61. М.: Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н. 2001.** *Политическая антропология*. М.: Ладомир.
- Крадин Н. Н., Лынша В. А. 1995. (Ред.).** *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. 2000. (Ред.).** *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Куббель Л. Е. 1988а.** Возникновение частной собственности, классов и государства. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 140–269. М.: Советская энциклопедия.
- Куббель Л. Е. 1988б.** *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Леру Ф. 2000.** *Друиды*. СПб.: Евразия.
- Логинов, А. В. 1988.** Крики. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 233. М.: СЭ.
- Маретина С. А. 1995.** К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага [Индия]. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 79–103. М.: Наука.
- Миллер Дж. 1984.** *Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе*. М.: Наука.
- Морган Л. Г. 1934.** *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л.: Изд-во ин-та народов Севера.
- Новожилова Е. М. 1999.** Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. *Африка: общества, культуры, языки (традиционный и со-*

- временный город в Африке). Материалы выездной сессии научного совета, состоявшейся в Санкт-Петербурге 5–7 мая 1998 г., с. 33–37. М.: Ин-т Африки РАН.*
- Новожилова Е. М. 2000.** Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (Потестарные аспекты функционирования). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 109–122. М.: Наука.
- Ольдерогге Д. А. 1977.** Проблемы этнической истории Африки. *Этническая история Африки* / Ред Д. А. Ольдерогге. М.: Наука.
- п'Битек О. 1979.** *Африканские традиционные религии.* М.: Наука; Гл. ред. вост. лит.-ры.
- Полякова Г. Ф. 1983.** От микенских дворцов к полису. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 89–127. М.: Наука.
- Ратцель Ф. 1902.** *Народоведение:* в 2 т. СПб.: Просвещение.
- Сергеев В. С. 2002.** *История Древней Греции.* СПб.: Полигон.
- Следзевский И. В. 1991.** Проблема интерпретации племени в африканском обществе и формационная теория. *Племя и государство* (Материалы выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Ленинграде 5–6 мая 1991 г.) / Ред. Ю. М. Ильин, В. А. Попов, И. В. Следзевский, с. 21–35. М.: Ин-т Африки АН СССР.
- Стартевант У. К. 1978.** Из криков в семинолы. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 66–108. М.: Прогресс.
- Тевено Э. 2002.** *История галлов.* М.: Весь мир.
- Тишков В. А. 1988.** Гуроны. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 148. М.: СЭ.
- Тишков В. А. 1990.** Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе. *Вопросы философии* 12: 3–15.
- Токарев С. А. 1990.** *Ранние формы религии.* М.: Изд-во полит. лит.-ры.
- Фентон У. Н. 1978.** Ирокезы в истории. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 109–156. М.: Прогресс.
- Филип Я. 1961.** *Кельтская цивилизация и ее наследие.* Прага: Артия.
- Фролов Э. Д. 1988.** *Рождение греческого полиса.* Л.: ЛГУ.
- Шкунаев С. В. 1988.** Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. *История Европы.* Т. 1. *Древняя Европа* / Отв. ред. Е. С. Голубцова, с. 492–503. М.: Наука.
- Шишова И. А. 1991.** *Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции.* Л.: Наука.
- Шнирельман В. А. 1982.** Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 207–252. М.: Наука.
- Шнирельман В. А. 1988.** Канаки. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 200. М.: СЭ.
- Эванс-Причард Э. Э. 1985.** *Нуэры.* М.: Наука.
- Яйленко В. П. 1983.** Архаическая Греция. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 128–193. М.: Наука.

- Berezkin Yu. E. 1995.** Alternative Models of Middle Range Society. 'Individualistic' Asia vs. 'Collectivistic' America? (eds.), *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 75–83. Vladivostok: Dalnauka.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.
- Brown P. 1951.** Patterns of Authority in Africa. *Africa* 21: 262–278.
- Bulmer S. 2002.** City Without a State? Urbanisation in Pre-European Taamaki-makau-rau (Auckland, New Zealand) *The Development of Urbanism from a Global Perspective* / Ed. by P. J. J. Sinclair. Uppsala: Uppsala Universitet. P. 143–162.
- Butt-Thompson F.W. 1970 [1919].** *West African Secret Societies*. Westport, CO.
- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Carneiro R. L. 2010.** Pauketat's Chieftdoms and Other Archaeological Delusions: A Challenge to Social Evolution. *Social Evolution & History* 9(1): 135–166.
- Carneiro R. L. 2017.** Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2011.** On Chiefs and Chieftdoms. *Social Evolution & History* 10(1): 5–26.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chieftdoms. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Creamer W. 2001.** The Origins of Centralization: Changing Features of Local and Regional Control during the Rio Grande Classic Period, ad. 1325–1540. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 37–58. New York: KluwerAcademic / Plenum Publishers.
- Crumley C. L. 2002.** Alternative Forms of Societal Order. In Scarborough, V. L., Valdez, F., Dunning N. Jr., (eds.), *Heterarchy, Political Economy, and the Ancient Maya: The Three Rivers Region of the East-Central Yucatan Peninsula*. Tempe, AZ: University of Arizona Press.
- Dillon R. 1990.** *Ranking and Resistance*. Stanford: Stanford University Press.
- Dostal W. 1991.** Mecca before the Time of the Prophet – Attempt of an Anthropological Interpretation. *Der Islam* 68: 193–231.
- Drennan R. D., Hanks B. H., Peterson C. E. 2011.** The Comparative Study of Chiefly Communities in the Eurasian Steppe Region. *Social Evolution & History* 10(1): 149–186.
- Earle T. K. 1987.** Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.
- Earle T. K. 2011.** Chiefs, Chieftaincies, Chieftdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Social Evolution & History* 10(1): 27–54.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chieftdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.

- Evans-Pritchard E. E. 1956.** *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press.
- Evans-Pritchard E. E. 1987[1940].** The Nuer of the Southern Sudan. *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard, pp. 272–296. London; New York: International African Institute.
- Forde D. 1964.** *Yako Studies*. London: Oxford University Press.
- Fortes M. 1987[1940].** The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast. *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard, pp. 239–271. London; New York: International African Institute.
- Fortes M., Evans-Pritchard, E. E. 1987 [1940]. (Eds.).** *African Political Systems*. London; New York: International African Institute.
- Frantsouzzoff S. A. 2000.** The Society of Raybun. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 258–265. Vladivostok: FEB RAS.
- Fried M. H. 1967.** *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York, NY: Random House.
- Fried M. H. 1975.** *The Notion of Tribe*. Menlo Park: Cummings Publishing Company.
- Führer-Haimendor, Ch. Von. 1962.** *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London: Routledge & Paul; New York, NY: The Free Press of Glencoe.
- Gibson D. B. 2011.** Chieftdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution and History* 10(1): 215–233.
- Gibson D. B. 2012.** From Chieftdom to State in Early Ireland. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chieftdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Golubtsova E. S., Kusishin E. I., Shtaerman E. M. 1975.** *Types of Community in the Ancient World*. San Francisco: International Congress of Historical Sciences.
- Greenhalgh P. A. L. 1973.** *Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2004b.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2007a.** Alternativity of State Formation Process: The Early State vs. State Analogues. *Third International Conference 'Hierarchy and Power in the History of Civilizations'* (June 18–21, 2004, Moscow). *Selected Papers I. Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. A. Nemirovskiy, pp. 167–183. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Grinin L. E. 2007b.** The Early State Analogues. *Socionatural History: Selected Lectures of I–XVI Schools 'Human Being and Nature: Problems of Socionatural History'* (1992–2007) / Ed. by E. S. Kulpin, pp. 77–105. Moscow: KomKniga/URSS.

- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E. 2011a.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Social Evolution & History*. Special Issue. *Chiefdoms: Theories, Problems, and Comparisons* 10(1): 234–275.
- Grinin L. E. 2011b.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009a.** The Epoch of the Initial Politogenesis. *Social Evolution & History* 8(1): 52–91.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009b.** Social Macroevolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions. *World Futures* 65(7): 477–506.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Social Evolution & History*. Special Issue. *Chiefdoms: Theories, Problems, and Comparisons* 10(1): 276–335.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Helm J. 1967. (Ed.).** *Essays on the Problem of Tribe*. Seattle; London: American Ethnological Society.
- Horton R. 1971.** Stateless Societies in the History of Africa. *History of West Africa*. Vol. I / Ed. by J. F. A. Ajayi, M. Crowder, pp. 78–119. London: Longman.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kabbery P. 1957.** Primitive States. *British Journal of Sociology* 8: 224–234.
- Khoury P. S., Kostiner J. 1990.** Introduction. *Tribes and State Formation in the Middle East* / Ed. by P. S. Khoury, J. Kostiner, pp. 1–22. Berkeley, CA: University of California Press.
- Korotayev A. V. 1995.** Mountains and Democracy: An Introduction. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 60–74. Vladivostok: Dal'nauka.
- Korotayev A. V. 2000a.** The Chiefdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st and 2nd Millennia A.D.). *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 242–257. Vladivostok: FEB RAS.
- Korotayev A. V. 2000b.** North-East Yemen (1st and 2nd Millennia A.D.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 191–227. Moscow: IAF RAN.

- Korotayev A. V., Grinin L. E. 2006.** Urbanization and Political Development of the World System: A Comparative Quantitative Analysis. *History & Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. E. Grinin, V. C. de Munck, A. V. Korotayev, pp. 115–153. Moscow: KomKniga.
- Korotayev A. V., Kradin N. N., de Munck V., Lynsha V. A. 2000.** Alternatives of Social Evolution: Introductory Notes. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. Wason, pp. 12–51. Vladivostok: FEB RAS.
- Kradin N. N. 2011.** Heterarchy and Hierarchy among Ancient Mongolian Nomads. *Social Evolution & History* 10(1): 187–214.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Lozny L. 2011.** The Emergence of Multi-agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600–900 CE. *Social Evolution & History* 10(1): 122–148.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600–900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Malinowski B. 1947.** *Freedom and Civilization*. London: George Allen.
- McIntosh S. K. 1999.** Pathways to Complexity: An African Perspective. *Beyond Chiefdoms: Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh, pp. 1–30. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pauketat T. R. 2007.** *Chiefdoms and Other Archaeological Delusions*. New York; Walnut Canyon, CA: AltaMira Press.
- Pauketat T. R. 2010.** Carneiro's Long Tirade. *Social Evolution & History* 9(1): 165–171.
- Peters F. E. 1994.** *Muhammad and the Origins of Islam*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Quigley D. 1999.** *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.
- Quigley D. 2002.** Is a Theory of Caste still Possible? *Social Evolution & History* 1(1): 140–170.
- Rountree H. C., Turner E. R. 1998.** The Evolution of the Powhatan Paramount Chiefdom in Virginia. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas* / Ed. by E. M. Redmond, pp. 265–296. Gainesville: Florida: University Press of Florida.
- Sahlins M. D. 1972 [1958].** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Sanders W. T., Webster D. 1978.** Unilinealism, Multilinealism, and the Evolution of Complex Societies. *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating* / Ed. by Ch. Redman, M. J. Berman, E. Curtin, W. Langhorn Jr, N. Versaggi, J. Wanser, pp. 249–302. New York: Academic Press.
- Sellnow I. 1981.** Ways of State Formation in Africa: A Demonstration of Typical Possibilities. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 303–316. The Hague: Mouton.
- Service E. R. 1975.** *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York, NY: Norton.

- Shelach G. 2002.** *Leadership Strategies, Economic Activity, and Interregional Interaction. Social Complexity in Northeast China.* New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow: Kluwer Academic Publishers.
- Simon R. 1989.** *Meccan Trade and Islam. Problems of Origin and Structure.* Budapest: Akademiai Kiado.
- Simonsen J. B. 2000.** Mecca and Medina. Arab City-States or Arab Caravan-Cities? *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* / Ed. by M. H. Hansen, pp. 241–250. Copenhagen: C. A. Reitzels Forlag.
- Sinclair Paul J. J. 2002. (Ed.).** *The Development of Urbanism from a Global Perspective.* Uppsala: Uppsala Universitet.
- Skalnik P. 2011.** Chiefdom at War with Chiefless People while the State Looks on. *Social Evolution & History. Special Issue. Chiefdoms: Theories, Problems, and Comparisons* 10(1): 55–121.
- Skalnik P. 2017.** Chiefdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Sneath D. 2007.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, & Misrepresentations of Nomadic Inner Asia.* New York: Columbia University Press.
- Spencer C. S. 2000.** The Political Economy of Pristine State Formation. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 154–165. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Starr Ch. 1965.** *History of Ancient World.* New York.
- Tapper R. 1983.** Introduction. In Tapper, R., *Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*, pp. 1–82. London: Croom Helm.
- Tapper R. 1990.** Anthropologists, Historians, and Tribespeople on Tribe and State Formation in the Middle East. *Tribes and State Formation in the Middle East* / Ed. by P. S. Khoury, J. Kostiner, pp. 48–73. Berkeley: University of California Press.
- Vansina J. 1999.** Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory. *Beyond Chiefdoms: Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh, pp. 166–172. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wagner G. 1987 [1940].** The Political Organization of the Bantu of Kavirondo. In Fortes, Evans-Pritchard 1987 [1940]: 197–238.
- Yoffee N. 1993.** Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s). *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* / Ed. by N. Yoffee, A. Sherratt, pp. 60–78. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yoffee N. 2005.** *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations.* Cambridge: Cambridge University Press.

Глава 4. Проблемы формирования ранних государств и политических институтов.

Ранние государства и их аналоги

Гринин Л. Е.

Вводные замечания

Проблемы формирования и эволюции раннего государства остаются в числе тех, вокруг которых продолжают идти дискуссии. А многочисленные исследования все очевиднее демонстрируют, что существовало большое разнообразие как путей движения к государственности, так и самих типов архаических государств. Во многих случаях переход к ней происходил с более высокого уровня сложности, чем предполагают привычные однолинейные схемы. Мало того, выявлены также направления эволюции обществ, которые не вели к государству вовсе.

Все это усложняется тем, что по-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политику считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще государство; так же, как нет общего мнения, какая численность населения и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосударственных. Большие расхождения существуют и по поводу критериев государственности. Современные исследователи выделяют различное число признаков, которые могут свидетельствовать об отличии государства от предшествующих форм, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. В частности, не являются универсальными такие, как строительство крупных монументальных сооружений; появление городов и письменности; численность и плотность населения; наличие классовой эксплуатации; монополия на законное применение силы и другие. Да и само понятие раннего государства не является общепринятым.

В настоящей главе будет показано, что многолинейность и альтернативность социальной эволюции, выражается в том числе в многообразии путей к государству, с одной стороны, и в наличии наряду с ранними государствами их альтернатив и аналогов. Альтернативность процесса формирования государства, однако, связана не только с его собственной сложностью, поскольку альтернативность вообще – это явление, которое сопровождает социальную эволюцию на всем ее протяжении.

В главе предполагается представить материал, который убедительно подтверждает как многообразие путей к государственности, которое может осуществляться с разного уровня сложности.

* * *

Один из важных выводов, который будет представлен в главе, следующий. Хотя и правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане: как итог длительной

конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным экологическим условиям и т. п. Другими словами, это верно в целом для истории, как она сложилась. Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным.

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, вставших перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими прежними отношениями и традициями. А сделать это было достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому-то многие общества и шли «собственной» дорогой, которая, однако, часто вела к иным результатам, например, сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий (см. главу 8); усложнению горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных, этнических и социальных различий (кастовая система); созданию конфедераций племен или городов без сильной центральной власти и т. д. (см. также главу 2 этой монографии). При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами. Поэтому в каждом конкретном случае в зависимости от географических условий, особенностей общества, исторического периода и многого другого переход к государству разными обществами осуществлялся с очень разных уровней развития и сложности.

Общепризнано, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенной численностью населения, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить значительное количество прибавочного продукта. Однако бывает, что социумы существенно переходят указанный уровень сложности и объемов, но не образуют государства. Известно немало таких исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности (их описано будет представлено в главе). Таким образом, во многих случаях раннее государство не возникало.

Признание этого факта ставит очень сложную теоретическую проблему: к какому типу политий относятся общества, которые не стали государством в результате того, что не совпали необходимые условия? Ведь многие из этих политий не застывали на месте, а развивались, но только своим, особым путем. В результате они нередко образовывали особые социально-политические типы обществ, которые, не являясь государствами, в то же время значительно превосходили по сложности и размерам типичные догосударственные образования, такие, как простые вождества, независимые общины и кланы. К тому же эти сложные общества часто решали сходные с государством задачи и были вполне сравнимы с ранними государствами в размерах и уровне структурной сложности. К какому же типу политий они должны относиться? Ведь в сравнении с бесспорно догосударственными социумами (такими как, например, простые вождества, см. главу 3) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами. И поскольку

и в тех и в других обществах решались аналогичные проблемы и задачи, указанные сложные негосударственные общества объединены мной понятием аналогии раннего государства. Настоящая глава будет посвящена анализу таких аналогов и их сравнению с ранними государствами (см. также главу 5).

Первая часть главы будет посвящена выявлению и описанию различных типов аналогов ранних государств. Будет дана классификация таких аналогов и описание каждого типа (например, некоторые самоуправляющиеся общины и территории; некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя; большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала; очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, «кочевые империи», внешне напоминавшие большие государства; многие сложные вожества и др.); а также подтипы в рамках этих типов аналогов.

Вторая часть главы будет посвящена скрупулезному типологическому сравнению аналогов ранних государств с ранними государствами. В какой-то мере это будет едва ли не первое в политической антропологии масштабное кросс-культурное исследование раннеполитических систем. Автор главы планирует показать, что различия между ранними государствами и их аналогами заключаются не в размерах, уровне сложности организации и решаемых задач, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом. Поэтому для различения раннего государства и его аналогов требуются специальные критерии (те, что отличают ранние государства и их аналоги от стадийно догосударственных обществ): 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; 4) редистрибуция власти. Будут сформулированы и эволюционные условия появления ранних государств: а) объективные, которые дают потенциальную возможность политиям трансформироваться в государство; б) особые, то есть конкретно-исторические; в) экстремальные ситуации, служащие триггером (толчком, импульсом). Если же в обществе имеются все объективные условия для формирования раннего государства, но не хватает конкретно-исторических(и/или не возникло экстремальных), то, возникают различные типы аналогов ранних государств.

В главе 7 указанные в главе 4 характеристики раннего государства и его отличия от аналога будут продемонстрированы на примере трансформации сложных гавайских вожеств в государство.

Можно согласиться с Н. В. Разуваевым (2005), что исходную точку возникновения многих фундаментальных различий в дальнейшем историческом пути обществ надо, действительно, искать в достаточно древних эпохах. В то же время важно избежать своего рода ретроспективной эсхатологии, неправомерно акцентируя внимание только на каком-то одном исходном пункте развития, полагая, что именно и только с этого момента четко наметились и начали неуклонно реализовываться важнейшие для всемирно-исторического процесса особенности. В эволюции человечества в целом и каждого общества в частности постоян-

но появлялись новые точки эволюционных развилок и бифуркаций, в которых почковались новые модели и пути. Поэтому для каждого уровня сложности какой-либо эволюционной линии развития можно найти альтернативные ей эволюционные модели и варианты развития (см., например: Коротаев и др. 2000: 35; Bondarenko *et al.* 2002: 54). Таким образом, исторический процесс – это не жестко запрограммированное развитие, а движение в рамках постоянного выбора альтернатив и моделей. Причем эти модели далеко не всегда находятся в оппозиции, а часто интегрируются, переходят друг в друга и активно заимствуют достижения.

В настоящей статье рассматривается одна из таких интересных и малоисследованных альтернатив социально-политической эволюции поздне- и постпервобытных обществ, которые могли развиваться не только в направлении к раннему государству, но и по пути создания сложных негосударственных форм.

В данной статье везде под **ранним государством** понимается **особая форма политической организации** достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства¹.

Постановка проблемы

Достаточно общепризнанно, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенными размерами, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить достаточное количество прибавочного продукта (см., например: Claessen 1978). Однако бывает, что социумы существенно переходят необходимый уровень таких показателей, но не образуют государства. Также известно немало исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам, социокультурной и/или политической сложности (см., напри-

¹ Следовательно, важно подчеркнуть, что в данной работе везде раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как *особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая, но не всегда, а лишь при определенных условиях в обществе, которое достигло необходимого уровня развития*. Есть необходимость также привести наше общее (родовое) определение государства. Государство – это система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

мер: Bondarenko, Korotayev 2000; Крадин и др. 2000; Grinin *et al.* 2004; Гринин и др. 2006; подробнее литературу см.: Grinin 2004). Как же классифицировать такие общества?

В ряде наших работ мы доказывали, что их следует рассматривать как *аналоги раннего государства* (см. подробнее: Grinin 2003; Гринин 1997; 2001–2006). Ведь, с одной стороны, по сравнению с бесспорно догосударственными политическими, такими, как, например, коллективы во главе с бигменами, простые вождества, небольшие племена и другими, они не только более крупные, но и гораздо более сложные. А с другой стороны, они имели сравнимые с ранними государствами размеры и уровень сложности, а также решали сравнимые по масштабам задачи. Потому в определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами. Несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в тех и в других обществах реализовывались аналогичные функции². Таким образом, структурно-функционально ранние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления, а исторически – тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые – не имели их (подробнее см.: Гринин 2001–2006; Grinin 2004). Ниже приводятся примеры таких аналогов.

Аналоги раннего государства: размеры и некоторые характеристики

Прежде всего нужно сказать о размерах аналогов раннего государства. Этот вопрос очень важен, поскольку есть прямая зависимость: чем больше население полинии, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, в связи с тем, что новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, равно как и наоборот (см., например: Carneiro 1967; Feinman 1998; Джонсон 1986). И раз аналоги сравниваются с ранним государством, необходимо понять, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет. Мало того, здесь гораздо меньше согласия, чем можно было бы этого ожидать (см. подробнее: Feinman 1998: 97–99).

Иногда выстраивают такую шкалу: простое вождество – население тысячи человек; сложное вождество – десятки тысяч человек; государство – сотни тысяч и миллионы человек. При этом получается внешне стройная и безупречная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаиче-

² Имеются в виду, например, следующие функции: создание политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач; обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии; обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач; и др.

ское государство, национальное государство (Johnson, Earle 2000: 245–246, 304; Васильев 1983: 45).

Для построения схемы эволюции развития человечества в целом такая линия может быть принята (и то с оговорками). Но для исследования политогенеза и раннего государства в частности она не годится. Ведь в ней полностью проигнорированы государства размерами от нескольких тысяч до 100 тысяч, которые есть даже и сегодня, и которых в древности и средневековье было гораздо больше.

В то же время высказывается также мнения, если и не бесспорные, то заслуживающее внимания, что первые государства (имеется в виду первичные, по определению М. Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин (см., например: Дьяконов 1989). Также представляется оправданной точка зрения Х. Й. М. Классена, который считает, что в отдельных случаях государство может возникнуть уже в политике с населением от пяти тысяч человек и выше (Claessen 2002: 107). Но это, конечно, самый нижний уровень для образования государства, обычно требуется большее население. Следовательно, ранние государства размером от нескольких тысяч до 100–200 тыс. чел. имеют особый интерес для исследователей генезиса государства.

Приведем данные о численности жителей некоторых малых ранних государств, в частности о предполагаемом населении городов-государств Двуречья в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н. э. могло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н. э. приближалось к 100 тыс. чел. (Дьяконов 1983: 167, 174, 203). Можно привести и другие примеры. Размер **типичного** города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. человек (Гуляев 1986: 84). Население даже самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек. Население большинства других городов-государств не превышало 50–60 тыс. чел. (см.: Баткин 1970: 208, 252, 261; Бернадская 1970: 329; Рутенбург 1987: 74, 112).

Наряду с такими небольшими государствами, конечно, были средние и крупные с населением во многие миллионы. Поэтому различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

малое раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;

среднее раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;

крупное раннее государство – от нескольких сот тысяч до 2–3 миллионов;

очень крупное раннее государство – свыше 3 миллионов человек. Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

**аналоги *малого* раннего государства;
аналоги *среднего* раннего государства;
аналоги *крупного* раннего государства.**

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга по сложности устройства. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице 1.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников, вроде хунну. Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, мы думаем, просто не могло быть.

Таблица. Типы ранних государств и аналогов ранних государств

Размер политии	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч чел.	Малое раннее государство (Ур в XXVIII–XXVII в. до н. э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI веке)
От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч чел.	Среднее малое государство (Гавайи XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От нескольких сотен тысяч до 3 млн чел.	Крупное раннее государство (раннее государство в Польше в XI–XIV вв.)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 г. до н. э. – 48 г. н. э.)
Свыше 3 млн чел.	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н. э.; империя Инков)	Стабильных аналогов очень крупного раннего государства не существует

Аналоги раннего государства: классификация

Без сомнения, все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях – слабость централизации власти и т. п. Поэтому мы старались классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории.

А) Городские, полисные и храмовые. Примерами таких самоуправляющихся общин являются города этрусков; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии (см. о последних: Коротаев 1997: 136–137; см. также подробнее об

одной из таких храмово-гражданских общин древней Южной Аравии, Райбуне: Frantsuzoff 2000).

Б) Достаточно крупные самоуправляющиеся переселенческие территории (вроде Исландии X–XIII вв.).

В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов, а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек, хотя данные тут разнятся. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия. Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и, в конце концов, они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества. Усилению неравенства и изменению структуры общества в обществе способствовало и введение в самом конце XI века церковной десятины. Исландия также дает интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объема и сложности общества постепенно все же переводит развитие аналогов к государственному пути.

В XII в. необычайно ожесточились кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми. В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причинами междоусобиц среди хавдингов все чаще были жажда добычи и власти. Таким образом, необходимый для становления государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствующий, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности (об Исландии см.: Гуревич 1972: 8, 9; Ольгейрссон 1957; Филатов 1965; Хьяульмарссон 2003).

В) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную военную силу, например, донские и запорожские казаки.

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т. п.).

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро.

Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения; союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгии и Аквитании (см., например: Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Шкунаев 1989: 140).

Б) Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн, вроде гуннского союза Аттилы V в. н. э., аварского каганата хана Баяна второй поло-

вины VI в. н. э., но непрочные и этнически разнородные. Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих. Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей, в том числе из-за своеволия аристократии. Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары, и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» (см. о гуннах и готах: Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116; Буданова 1990: 133–136; Тиханова 1958; Zin'kovskaya 2004).

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в пунктах А и Б могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни. В I в. до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие (см. об этих союзах: Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996: 225–247).

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения.

Например, доинкское вожжество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере. Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами, что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили высту-

пают единственными носителями правовых норм (см. о саксах: Колесницкий 1963; Неусыхин 1968: 608).

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн. человек с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. В Галлии в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек. Размеры некоторых городов достигали 100 и более га, и они были укреплены мощными стенами.

Социальное расслоение было велико. По свидетельству Цезаря (Галльская война VI, 13), простой народ жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатным. В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов. В аристократических без королевской власти галльских полициях имелось вполне четкое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов. Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она всячески старалась ослабить и даже свести к нулю политическую централизацию к нулю, т.к. боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые под давлением свевов стремились в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляла от 250 тыс. до 400 тыс. (см. о галлах: Бродель 1995: 61–62; Шкунаев 1989; Филипп 1961: 116–129; Clark, Piggott 1970: 310–328; Леру 2000).

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен, вроде ирокезов, туарегов, печенегов (об ирокезах см.: Фентон 1978; Vorobyov 2000; о туарегах см.: Першиц 1968; о печенегах см.: Marey 2000).

Правда, тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере, у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе (Хазанов 2002: 48).

В) Конфедерации городов, подобные этрусским конфедерациям. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати, скорее всего не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства. А их федерация представляла собой аналог уже среднего государства. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопонесского союзов. Этрусские же города, хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом». И даже при римской угрозе этот союз не стал

военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурией независимости³.

В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов – Ганза в XIII–XVI вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов и был способен выигрывать войны у Дании.

Д) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев⁴. При этом низовые члены такого союза могут быть как в форме вожеств, так и безвожеских самоуправляемых общин, либо в иных формах.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан (см.: Агларов 1988). Общины (джамааты), входившие в федерацию (т. н. «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов, то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления. А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах. Другим примером служат группы деревень (*village groups*) в юго-восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок (см.: McIntosh 1999: 9).

Указанные в пункте «Д» общества являются, по классификации Крамли, типичными гетерархиями (см., например: Crumley 1995). Она развивает в своих работах мысль о том, что помимо иерархически устроенных обществ можно говорить и о гетерархических, то есть таких, в которых решения принимаются иным способом: консенсусом, либо делегированием полномочий, либо сложными согласительными процедурами, либо организацией по определенным интересам и т. п., а структурные единицы обществ находятся между собой не в строгом подчинении, а в состоянии сотрудничества, союза и т. п., на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т. п. «Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества такие, как сообщества качинов в Мьянме (Бирме) и многие африканские общества (Claessen 2002: 109).

В-четвертых, это очень крупные и сильные в военном отношении объединения некоторых кочевников, внешне напоминая большие государства, которые Н. Н. Крадин называет «кочевыми империями» и определяет как суперсложные вождества. Они, по его мнению, имели население до 1–1,5 млн чел. Их

³ Об Этрурии см.: Неронова 1989; Залесский 1959.

⁴ У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: Мартина 1995: 81–82; см. также: Korotayev 1995).

можно считать аналогами раннего государства. К таким относится, например, «империя» хунну, образованная под властью правителя (шаньюя) Моде в конце III до н. э. (см.: Крадин 2001а: 79; 2001б: 127).

Нам также думается, что аналогом раннего государства можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Это было крупное, иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы. Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное догосударственное общество она никак не походит. В конце V – первой половине IV в. до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству. Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай⁵.

В-пятых, в связи с вышесказанным, становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам. И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто, как Роберт Карнейро, считает такие вождества догосударственными обществами в стадильном смысле. По его мнению, самые развитые вождества, это политии, которые столь велики (так как включают в себя до ста поселений) и сложны, что заслуживают называться государством (Carneiro 1981; Карнейро 2000: 90). Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Можно упомянуть еще вождества на Гаити в конце XV–XVI вв. Гаити в это время был, вероятно, наиболее густо заселенным островом среди других Больших Антильских островов и состоял из нескольких крупных вождеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (касиков) испанцы выделяли несколько наиболее крупных, верховных. По некоторым сообщениям каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 и даже больше младших вождей (Александренков 1976: 143–151). Но в качестве наиболее показательного примера крупных вождеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контакта с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских вождеств и, по мнению Т. Ёрла, возможно, даже из всех когда-либо известных вождеств⁶.

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации, очень высокого уровня стратификации и аккумуляции

⁵ О Скифии см.: Хазанов А. 1975; 2002; см. также: Мелюкова, Смирнов 1966: 220.

⁶ См. о Гавайях: Earle 1997; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972/1958; Bellwood 1987: 97–109; Service 1975: 152–158; Ерл 2002; Тумаркин 1964; 1971.

прибавочного продукта элитой, основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вожеств, границы которых определялись отдельными островами. Войны были обычным явлением. Число жителей отдельных вожеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек. Вождества делились на районы от 4 до 25 тыс. человек. Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, а также и другое. Однако государства не было.

Тем не менее, некоторые ученые (например, С. Л. Ситон и М. А. ван Бакел⁷) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления там Кука. Но такие утверждения основаны скорее на предположениях, поскольку нет ни археологических данных, ни письменных источников, которые позволили бы бесспорно решить, были ли эти политии (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или высшими вождествами. Таким образом, многое зависит от того, что считать государством. Исходя из данного выше определения государства, мы считаем правильным присоединиться к более распространенному мнению (разделяемому, например, Т. К. Ёрлом; А. У. Джонсоном, М. Харрисом, М. Д. Салинзом, Э. Сервисом и т. д.), что в тот момент на Гавайях не было государства. С точки зрения нашей теории, аргументировать это можно тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты (Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99).

Согласно нашему определению (см. выше), государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Гавайские же вождества, хотя и имели отделенную от населения организацию власти, и в этом плане приближались к государству, но эта организация не представляла собой систему **специальных** и тем более специализированных институтов, органов и правил. Слово **специальные** предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управленческую направленность. *На Гавайях же, хотя система органов власти и в известной мере управления существовала, но она не была специализированной.* Она существовала как система обеспечения сословно-кастового господства опреде-

⁷ См.: Seaton 1978; van Bakel 1996.

ленных линиджей и кланов вождей разных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. Причем, на наш и ряда исследователей взгляд, в этом симбиозе идеологический момент был самым важным, дающим прочную легитимность власти высшего сословия – *алии, то есть благородных* (см., например: Service 1975: 158). По этой причине, вероятно, не появился и специальный судебный орган. Даже дружины вождей были инструментом внешней политики (также как во многих образованиях кочевников), но не эксплуатации общества, как это было, скажем в Древней Руси. Власть вождей и возможность изъятия прибавочного продукта держалась на их идеологической силе и традициях. И в еще меньшей степени, чем институты, специальными государственными можно считать правила в виде различных *табу*, с помощью которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, а наиболее важные *табу* обеспечивали власть высшего сословия *алии* в целом. Еще один важный момент, по которому гавайские политики не подходили под наше определение государства – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти*. Поскольку вековые традиции, обычаи и вера в особые сакральные качества вождей были важнейшей опорой власти в гавайских вождествах, постольку возможности существенно менять (то есть коренным образом, в виде реформ, политических решений и т.п.) традиционные отношения на Гавайях почти отсутствовали. Менялись персональные вожди и границы вождеств, табу накладывались на что-то или снимались, колебались в определенных рамках нормы повинностей. Но все институты и нормы оставались в основном прежними.

Однако к выше сделанному анализу надо добавить одно очень важное пояснение. Дело в том, что наше определение государства в полной мере может относиться только к уже более или менее сложившимся государствам. И естественно, что когда общество только трансформируется в государство, когда государство является еще «зачаточным» (в терминологии Классена и Скальника), специализация его политических и административных органов является весьма слабой. Поэтому в нашем определении раннего государства это требование «ослаблено». В этой связи, думается, более точным будет рассмотреть Гавайи в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства.

Если обратиться к вышеприведенному определению раннего государства, то гавайские политики не соответствуют пункту «в)», согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства*. А как мы видели выше, именно система родства и генеалогической близости к верховному вождю, а также эндогамная закрытость высшего слоя являлись главными звеньями в организации власти на Гавайях. Словосочетание же в «значительной части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже

ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политике перейти к собственно государственным методам управления⁸.

Мы сформулировали четыре главных отличия раннего государства от его аналогов: *особые свойства верховной власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни; редистрибуция власти* (то есть перераспределение власти в пользу центра в рамках общества)⁹. Гавайи им в основном не отвечали. Верховная власть там не была способна изменить главные социально-политические и идеологические отношения, принципы управления оставались традиционными – родственными и кастовыми; новые формы регулирования жизни отсутствовали; перераспределение власти было в основном только внешним, то есть в виде борьбы вождей за власть. В рамках же собственно вожества баланс власти оставался прежним.

Это можно представить более подробно и наглядно в сравнении с теми крутыми изменениями, которые произошли в период формирования уже собственно гавайского государства в начале XIX в. Если суммировать, то в целом гавайским политиям мешало стать государством: а) слишком сильное социальное деление по признаку родства, а также старшинства линий внутри одного рода и соответственно слишком большая роль положения индивида в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в системе управления. С объединением Гавайских островов Камехамахой I (другая транскрипция его имени – *Камеамеа*) в конце XVIII– начале XIX вв. и уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой; б) слишком сильная роль традиций и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием же единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной и духовной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе; в) слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на строгой идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий, всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Салинзу, наткнулись на их сопротивление и часто кончались восстаниями (Салинз 1999)¹⁰. Быстрые изменения в течение двух десятилетий после образо-

⁸ О новых чертах системы управления и новых принципах формирования слоя управленцев в ранних государствах см. подробнее: Гринин 2001–2006 (3/2002: 40–46); Grinin 2004.

⁹ См. подробнее: Гринин Л. Е. 2001–2006; Grinin 2004.

¹⁰ Причем такие восстания, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди. В этом плане перераспределение власти в пользу центра, формирование единого высшего правящего рода и уничтожение вождеской знати, подрывало возможности такой оппозиции. Соответственно, в отличие от верховного вождя гавайский король стал менее зависеть от своих приверженцев.

вания раннего гавайского государства в плане реформ (например, создания регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации (в частности в заготовках сандалового дерева), а также в отношении изменения религиозных обычаев и порядков¹¹ показывают наглядно, чем отличается раннее государство от аналогов.

В то же время величина и развитость гавайских вожеств и тем более вожества непосредственно на самом о. Гавайи в период до контакта с европейцами дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вожества гавайского архипелага составляло сто тысяч человек, что в **сто** раз превосходило численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на тробрианских островах. По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества. Такова разница между принципиально догосударственной политией и аналоговой раннему государству! Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вожества можно считать аналогами малых и средних ранних государств.

Выводы

Можно согласиться с мнением Г. Поссела, что «древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции» (Possehl 1998: 291). Тем не менее, как мы видим, не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох демонстрируют разнообразие социополитических форм и альтернативные варианты процессу формирования государства.

Фактически переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности; поскольку общество, достигая объемов и сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, могло продолжать развиваться, но при этом долго (или вовсе) не создавать раннегосударственную политическую форму. Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству на любом уровне сложности и развитости раннего государства.

В целом наш вывод заключается в том, что **раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных постпервобытных обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора**. Но, конечно, очень важно не упускать из вида, что именно государство

¹¹ О последнем см., например, Service 1975: 156–158. Сервис и другие исследователи даже говорят о «гавайской культурной революции» (*Ibid.*).

оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов, либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

Библиография

- Агларов М. А. 1988.** *Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.
- Александренков Э. Г. 1976.** *Индейцы Антильских островов.* М.
- Баткин Л. М. 1970.** Период городских коммун. *История Италии* / Ред. С. Д. Сказкин. М.
- Бернадская Е. В. 1970.** Политический строй итальянских государств. Синьории и принципы. *История Италии* / Ред. С. Д. Сказкин. М.
- Бессмертный Ю. Л. 1972.** Возникновение Франции. *История Франции* / Отв. ред. А. З. Манфред. Т. 1. М.
- Бродель Ф. 1995.** *Что такое Франция?* Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.
- Буданова В. П. 1990.** *Готы в эпоху Великого переселения народов.* М.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации).* М.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. *Философия и общество* 5.
- Гринин Л. Е. 2001–2006.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства (работа печаталась в ряде номеров журнала «Философия и общество» с 2001 по 2006 г.).
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е. 2016а.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (Ред.). 2006.** *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ:*

- материалы международной конференции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаяев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Гуляев В. И. 1986.** Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. *Древние цивилизации Востока*. Ташкент.
- Гуревич А. Я. 1972.** *История и сага*. М.
- Джонсон Г. А. 1986.** Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Масон. Ташкент.
- Дьяконов И. М. 1983.** История древнего Востока. *Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации* / под ред. И. М. Дьяконова. Т. 1. Месопотамия. М.
- Дьяконов И. М. 1989.** Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. *История Востока* / под ред. И. М. Дьяконова. Т. 1.
- Ерл Т. К. 2002.** Гавайские острова (800–1824 гг.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаяев, с. 77–88. М.
- Залесский Н. Н. 1959.** *Этруски в Северной Италии*. Л.
- Колесницкий Н. Ф. 1963.** Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.). *Средние века* 23.
- Коротаяев А. В. 1997.** *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.
- Коротаяев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Д. М. Бондаренко, с. 24–83. М.: Логос.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р. 1984.** *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.)*. М.
- Карнейро Р. Л. 2000.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.
- Крадин Н. Н. 2001а.** *Империя хунну*. Владивосток.
- Крадин Н. Н. 2001б.** Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2.
- Крадин Н. Н., Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). 2000.** *Альтернативные пути к цивилизации*. М.
- Ле Гофф Ж. 1992.** *Цивилизация средневекового Запада*. М.
- Леру Ф. 2000.** *Друиды*. СПб.
- Маретина С. А. 1995.** К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М.
- Мелюкова А. И., Смирнов А. П. 1966.** Киммерийцы, скифы, сарматы. *История СССР с древнейших времен до наших дней* / Гл. ред. Б. Н. Пономарев. Т. 1. *Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь*. М.

- Неронова В. Д. 1989.** Этрусские города-государства в Италии. *История древнего мира.* Т. 1. *Ранняя древность* / Ред. И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая, с. 369–381. М.
- Неусыхин А. И. 1968.** Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Отв. ред. М. В. Данилова, с. 596–617. М.
- Ольгейрссон Э. 1957.** *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии.* М.
- Першиц А. И. 1968.** Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. *Разложение родо-вострого строя и формирование классового общества* / Отв. ред. А. И. Першиц. М.
- Разуваев Н. В. 2005.** Два пути развития права и государства. *Личность. Культура. Общество* 4: 271–280.
- Рутенбург В. И. 1987.** *Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения.* М.
- Тиханова М. А. 1958.** Готы в Причерноморских степях. *Очерки истории СССР III–IX вв.* / Ред. Н. М. Дружинин. М.
- Тумаркин Д. Д. 1964.** *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны».* М.
- Тумаркин Д. Д. 1971.** *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865.* М.
- Фентон У. Н. 1978.** Ирокезы в истории. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 109–156. М.
- Филатов И. 1965.** Исландия. *Советская историческая энциклопедия.* Т. 6, с. 341–348. М.
- Филипп Я. 1961.** *Кельтская цивилизация и ее наследие.* Прага.
- Хазанов А. М. 1975.** Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. *Первобытное общество. Основные проблемы развития* / Ред. А. И. Першиц, с. 196–199. М.
- Хазанов А. М. 2002.** Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Гл. ред. И. В. Следзевский, с. 37–58. М.: ЦЦРИ РАН.
- Хьяульмарссон Й. Р. 2003.** *История Исландии.* М.
- Шкунаев С. В. 1989.** *Община и общество западных кельтов.* М.
- Bakel M. A. van 1996.** Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 329–345. Leiden.
- Bellwood P. 1987.** *The Polynesians. Prehistory of an Island People.* London.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1(1): 54–79.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. (eds.). 2000.** *Civilizational Models of Politogenesis.* Moscow.
- Carneiro R. L. 1967.** On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23.

- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2017.** Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 1978.** The Early State: A Structural Approach. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague.
- Claessen H. J. M. 2002.** Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1(1).
- Claessen H. J. M. 2010.** On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2016.** The Emergence of Pristine States. *Social Evolution & History* 15(1): 3–57.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chieftdoms. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2018.** Sacred Kingship: Cases from Polynesia. *Social Evolution & History* 17(2): 3–26.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution & History* 7(1): 245–265.
- Clark G., Piggott S. 1970.** *Prehistoric Societies*. Harmondsworth.
- Crumley C. L. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. M. Ehrenreih, C. L. Crumley, J. E. Levy, pp. 1–15. Washington.
- Earle T. K. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chieftdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Feinman G. M. 1998.** Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Frantsuzoff S. A. 2000.** The Society of Raybūn. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by D. M. Bondarenko, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 258–265. Moscow.
- Gibson D. B. 2011.** Chieftdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.

- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 3(1).
- Grinin L. E. 2004.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin L. E. *et al.*, *The Early State, Its Alternatives and Analogues*, pp. 88–136. Volgograd.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2015.** On the Models of the Early State Formation. *Conference Proceedings of the International Symposium on the Theories and Methods for the Studies of the Origin of States*. Shanghai, China, November 14–15, 2015, pp. 38–76. Shanghai: Research Centre on Ancient Civilizations.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.). 2004.** *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and ‘Fragile States’: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- He Nu 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.

- Korotayev A. V. 1995.** Mountains and Democracy: An Introduction. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 60–74. Vladivostok.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kradin N. N. 2019.** Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18(2): 3–34.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600–900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Marey A. V. 2000.** The Socio-Political Structure of the Pechenegs. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin *et al.*, pp. 289–293. Vladivostok.
- McIntosh S. K. 1999.** Pathways to Complexity: an African Perspective. *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh. Cambridge.
- Oosten J. 1996.** Ideology and the Development of European Kingdoms. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. Oosten (eds.), pp. 225–247. Leiden.
- Possehl G. L. 1998.** Sociocultural Complexity Without the State: The Indus Civilization. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe.
- Rogers J. D. 2019.** The Complexity of Nomadic Empires. *Social Evolution & History* 18(2): 148–165.
- Sahlins M. D. 1972/1958.** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; London.
- Schaedel R. P. 1995.** The Temporal Variants of Proto-state Societies. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin *et al.* Vladivostok.
- Seaton S. L. 1978.** The Early State in Hawaii. *Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 269–287. The Hague.
- Service E. R. 1975.** Origins of the State and Civilization. *The Process of Cultural Evolution*, pp. 152–158. New York.
- Shen Changyun 2019.** ‘Bang’ as the Community Administrative Organization in the Chinese Early States. *Social Evolution & History* 18(1): 180–194.
- Skalnik P. 2017.** Chiefdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. 2016.** Mind and Vision: Social Evolution and the Origins of the Political. *Social Evolution & History* 15(1): 126–163.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.

- Stocker T., Jianyi Xi'ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Tishin V. V. 2019.** A Study of the Ancient Turks Family. *Social Evolution & History* 18(2): 115–132.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. 2019.** Social Complexity of the Pazyrik Culture in Altai, 550–200 BC. *Social Evolution & History* 18(2): 73–91.
- Vasyutin S. A. 2019.** Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History* 18(2): 92–114.
- Vorobyov D. V. 2000.** The Iroquois (15th–18th centuries A. D.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotaev, pp. 157–174. Moscow.
- Wang Xianhua 2019.** State and Empire in Early Mesopotamia. *Social Evolution & History* 18(1): 195–216.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.
- Zin'kovskaya I. V. 2004.** The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 3rd International Conference* / Ed. by I. V. Sledzevsky *et al.* (eds.), pp. 84–85. Moscow.

Глава 5. Феномен вторичного политогенеза и параполитейность в предколониальной Африке*

Попов В. А.

Вводные замечания

Под политогенезом обычно понимается процесс становления политической организации постпервобытного общества (определение политогенеза см. также в главе 1). Государство рассматривается как высшая стадия развития политической организации, а генезис государства (государствогенез) может осуществляться в результате действия факторов внутреннего развития и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств, что вполне закономерно в условиях асинхронности темпов исторических процессов (см. также главы 4 и 18, в последней идет речь о разных эволюционных типах государственности). В связи с этим различают первичный и вторичный политогенез, первичные и вторичные государства.

Глава будет посвящена специфике вторичного политогенеза, выявлению и характеристике факторов генезиса и исторической динамики вторичной государственности. Отправной точкой исследования станет уже обоснованный в предыдущих работах автора вывод о том, что основной механизм возникновения вторичных политических образований заключался в монополизации руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, то есть права на редистрибуцию.

Данная глава будет состоять из трех разделов. Первый из них будет посвящен локальным и региональным предпосылкам для вторичных политогенетических процессов, при этом акцент будет сделан на сетевые структуры, сложившиеся, в частности, в Тропической Африке в доколониальный период (прежде всего «общности по джаму» у народов Западного Судана) и способствовавшие появлению единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями. Основным структурообразующим принципом организации сетевых сообществ является родство (реальное или искусственное/фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, причем номенклатуры родства отражают не только родственные, но и половозрастные взаимоотношения. Другими словами, родство оказалось универсальным механизмом для создания сетевых структур, на базе которых возникли и развивались вторичные политические образования типа параполисов и так называемых вторичных племен.

* Настоящая глава в какой-то мере дополняет главы 1–4.

Предметом рассмотрения второго раздела главы станет теория парapolитейности (государствоподобности) как результата вторичного политогенетического развития, когда происходит опережающее развитие высших иерархических уровней управления и создается возможность для появления особого – парapolитического – состояния потестарных организмов, в которых политогенез так и не завершился образованием государства (см. также главу 4).

В третьем разделе предполагается исследовать вторичные племена, сформировавшиеся в синполитейных первобытных обществах в условиях межформационного взаимодействия с более развитыми соседями, особенно под влиянием европейских буржуазных обществ в эпоху Великих географических открытий и в Новое время. Такие вторичные племена, как правило, трансформировались в парapolитейные общества – неустойчивые образования, воспроизводившие формы европейских политических структур. Рассмотрены будут и племена-конструкты, созданные в колониальный период во многих колониях европейских держав, практикующих косвенное управление, как инструмент колониального администрирования (на примере игбо в Нигерии и «племен» Танганьики). Таким образом будет проверена гипотеза М. Фрида о вторичности племени как потестарного организма (см. также главу 3).

Вторичное государствообразование и парapolитейность

Влияние первичных государств могло быть не только прямым, когда происходит непосредственное заимствование отдельных институтов или структурных принципов организации, но и опосредованным (путем политического и экономического давления на «варварскую» периферию или через внешнеориентированный обмен типа трансатлантической работорговли и караванной торговли на дальние расстояния).

Необходимость разграничения первичных и вторичных государств впервые обосновал М. Фрид в 1960 г. (Fried 1960). Однако до сих пор нет серьезных теоретических исследований феномена вторичной государственности. Только Б. Прайс наметила ряд предварительных подходов к классификации вторичных государств (Price 1978). В то же время Г. Классен и П. Скальник полагают, что и первичные и вторичные государства развиваются аналогичными путями (Claessen, Skalnik 1978). Р. Коэн также считает, что они существенно не различаются в процессах государствообразования (Cohen 1985: 277), хотя вторичный (стимулированный) политогенез в отличие от первичного (спонтанного), как правило, опережает классогенез и тем самым стимулирует его завершение. Иными словами, если для первичного государствообразования определяющим фактором был классогенез, то для вторичного – политогенез. Основной путь возникновения вторичных политических образований и вторичного классогенеза лежал через монополизацию руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, то есть права на редистрибуцию (Попов 1993: 143).

Естественно, возникает вопрос о правомерности обозначения таких переходных политических организмов термином «государство». Думается, что они нуждаются в описании и воспроизведении их сущности с помощью системы особых категорий. Данная проблема эта уже ставилась и обсуждалась в специ-

альной литературе, в частности, были подвергнуты критике расплывчатый термин «государственное образование» и его еще более неопределенный вариант – «раннегосударственное образование» (Томановская 1973: 282). Однако предложенный термин «варварское королевство» (Там же: 281–282) вызывает вполне определенные ассоциации с европейским материалом раннего Средневековья. Конструкции определений с использованием слов типа «аналоги» тоже не спасает ситуацию.

Что касается категории «раннее государство», то создатели концепции раннего государства исходят из расширительного толкования понятий «государство» и «класс», что лишает их категориальной однозначности. Они рассматривают раннее государство как предклассовый институт или же как политическую организацию таких классов, которые не являются антагонистическими, а состоят в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, то есть фактически они принимают теорию социального контракта Э. Сервиса, обосновывающую «обмен»; видами деятельности между управляющими и управляемыми и их «взаимную» эксплуатацию. К тому же все обычно перечисляемые признаки раннего государства (Claessen, Skalnik 1978: 21, 586–588, 640) неспецифичны и вполне приложимы и к развитому государству, а единственный признак, выражающий специфику именно раннего государства – социальная стратификация на два формирующихся класса, управителей и управляемых, – характеризует общество, а не государство, как организацию для регулирования социально-политических отношений.

Весьма показательны также, что наиболее активный сторонник концепции раннего государства среди российских историков Н. Б. Кочакова признает, что все ранние государства доколониальной Тропической Африки являлись по сути вторичными, поскольку сформировались под воздействием внешних факторов, в том числе трансатлантической работорговли (Кочакова 1995: 196). Поэтому вполне естественно, что в них политогенез опережал классовообразование и могли возникнуть государства без классов.

Как мне представляется, более логичным и методологически обоснованным было бы оставить за понятием «государство» его трактовку как политической организации экономически господствующего класса («зрелое государство», «государство в полном смысле слова») и не увлекаться терминовторчеством с применением уточняющих прилагательных типа «раннее», «зарождающееся», «административное», «политическое», «социально-экономическое» и т. п., а разрабатывать новые категории. Так, формирующиеся вторичные политические образования могут быть названы парapolитейными (парагосударственными, квазигосударственными) в противоположность политейным организациям, имеющим сложившуюся государственность. Конкретные формы реализации парapolитейности могут называться парapolисами (парагосударствами). Следует подчеркнуть, что категория «парapolис» особенно предпочтительна для тех синполитейных обществ, в которых политогенез так и не завершился образованием государства, но длительное время существовало особое – парapolитейное – состояние социальных организмов (потенциально государственное [Роров 1988: 3–11]).

Параполитейность и вторичная государственность в предколониальной Африке

У аканов Золотого Берега, как и у большинства других этнических общностей гвинейского побережья Западной Африки, с середины XVI в. до начала XIX в. происходил интенсивный процесс возникновения, консолидации и трансформации множества раннеполитических образований. Большинство из них представляли собой вождества или конфедерации вождеств, являвшиеся довольно непрочными военно-политическими союзами без специализированного аппарата управления. Некоторые этнополитические организмы (ЭПО) аканов – Денчира, Аквamu, Аквапим – достигли стадии централизованных вождеств с рядом зависимых ЭПО (данников). Одновременно развивался процесс создания сравнительно небольших союзов вождеств (Джаман, Ачем-Абуаква) с тенденцией к военно-территориальной организации внутренней структуры и централизованным механизмом по управлению ЭПО-данниками (подробнее см.: Попов 1990а: 109–118).

По-видимому, те же стадии прошел до середины XVIII в. и ЭПО ашантийцев (Асантеман) – самый крупный и самый известный из аканских. Вначале это был временный союз пяти вождеств (оманов), созданный правителем Кумаси для борьбы с Денчирой, обложившей эти оманы данью. К середине XVIII в. Асантеман уже представлял собой сравнительно стабильную конфедерацию с единой военно-территориальной организацией и большим числом данников. Наконец, во второй половине XVIII – начале XIX в. происходило становление Ашантийской державы, состоявшей из конфедерации собственно ашантийских вождеств (аманто), протекторатов (амансин), данников (амантеасе) и Кумаси – уже не столько одного из вождеств-аманто, сколько особого политического организма – центра мощной державы, больше связанного централизованным управлением с амансин и амантеасе, чем с аманто.

Что же представляла собой Конфедерация Ашанти в предколониальный период – с начала XIX в. до последней четверти столетия? В отечественной и зарубежной литературе Конфедерация Ашанти безоговорочно определяется как государство (королевство). Разной наблюдается только в характеристике формы – в плане унитарности/федеральности. И если П. Ллойд пишет об Ашанти как о редком примере африканской федерации (Lloyd 1968: 82), а Я. Вансина даже считает Конфедерацию Ашанти единственным ясным примером федерации в Тропической Африке (Vansina 1964: 257), то А. Саутхолл относит Асантеман к сегментарным государствам (Southall 1953: 255). С последним мнением трудно согласиться, поскольку сегментарность предполагает самостоятельность отдельных сегментов. Но Конфедерация Ашанти, несомненно, была более сложным образованием. Это была система, то есть целое, которое больше суммы составляющих ее компонентов. Другими словами, она обладала новым качеством, не свойственным отдельным ее компонентам (в силу закона аддитивности). Судя по имеющимся материалам, аканские оманы также нельзя отождествлять с сегментарными структурами. Признаки сегментарности обнаруживаются только на уровне общинных и родовых институтов.

Ш. Айзенштадт определяет Конфедерацию Ашанти как федерацию централизованных вожеств (Eisenstadt 1959: 211). Близкую позицию обосновывал и автор данной главы, определяя Конфедерацию Ашанти как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гурунов и т. п. надплеменным образованиям, характерным для второго этапа эпохи классового образования и становления государства» (Попов 1982: 144). При этом подчеркивалось наличие некоего синдрома государственности, однако специального исследования специфики максимального ЭПО ашантийцев не проводилось. Сопоставление же структуры и функций Конфедерации Ашанти предколониального периода с понятием «государство» дает следующие результаты.

1. Ашантийское общество дифференцировалось на три устойчивые социальные группы: знать, свободных и полноправных общинников, зависимых и неполноправных невольников (включая кабальников). Такая социальная стратификация, основанная на принципах знатности и инфериорности, весьма характерна для переходной стадии от первичной формации ко вторичной. Знатные, свободные и зависимые у ашантийцев – это, скорее всего, социальные слои, а не архаические сословия или протоклассы, так как еще не возникло право индивидов по рождению занимать какое-либо положение или должность, хотя и появилась некая иерархия статусов, получаемых по наследству (прежде всего это относилось к прямым потомкам верховных правителей). В зависимости от конкретных обстоятельств ашантиец мог превратиться в невольника (кабальника) или, наоборот, оказаться наследником высокого статуса и должности, поскольку и знать, и рядовые общинники были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие корпоративную природу. (Практически все социальные отношения у ашантийцев строились по модели родственных и обозначались терминами родства, то есть осмыслились в категориях, характерных для доклассового уровня развития.) Не было, естественно, и различного отношения социальных слоев к средствам производства – определяющего признака классового общества.

2. Административно-территориальное деление как таковое в Конфедерации Ашанти еще не возникло. Правда, наблюдались некоторые сдвиги в сторону зарождения территориально-политического деления, так как омань объединялись в своего рода «военные округа» – единицы традиционного боевого порядка. Однако эти «округа» еще не перекраивали традиционных (естественных) границ.

Аналогичное толкование можно дать и фактам создания асантехене (верховным правителем Асантемана) Осеем Бонсу (1800–1823) специального ведомства по административно-территориальному управлению данниками и разделению всех амансин на несколько зон, а также появлению института адамфо – посредников, назначаемых асантехене для осуществления регулярных контактов с правителями оманов (оманхене), – некоего прообраза территориальных вождей.

3. Тенденция к централизации власти в руках асантехене и к бюрократизации потестарного аппарата Асантемана нашла свою реализацию в реформах Осея Коджо (1764–1777): создание Совета Котоко (своего рода кабинета министров), специализация ряда управленческих функций, попытка ввести прямое управление данниками через назначаемых резидентов. Осей Бонсу пошел еще

далее, создав абан – «правительство», состоявшее из трех основных ведомств (административного, хозяйственного и международного), и укрепив связи с амансин посредством института «кураторов» из числа кумасийских военных вождей, а также с помощью адамфо. Тот факт, что оманхене категории аманто вынуждены были общаться с асантехене и Советом Асантемана через адамфо ясно говорит о следующем: кумасихене уже перестал быть первым среди равных и возвысился в качестве верховного правителя.

Но самым серьезным аргументом следует признать появление прослойки служилой знати и тенденцию к замене ею родоплеменной верхушки. Передача власти назначаемым вождям, несомненно, должна была способствовать укреплению целостности ЭПО, в то время как наследственный характер родоплеменной знати, препятствующий замене оманхене верховным правителем по своему усмотрению, ослаблял зависимость отдельных оманов от асантехене и способствовал сепаратизму. Не случайно во многих обществах Тропической Африки новая знать формировалась на иной – прежде всего внеродовой – основе: верховные правители стремились выйти из-под контроля традиционных социально-родственных институтов, опираясь на лично зависимых клиентов, но, пожалуй, только в Буганде XIX в. все посты оказались назначаемыми. Новая знать, следует отметить, также стремилась утвердиться в своем праве наследственной передачи статуса, что у ашантийцев привело к воспроизводству родственных связей, но уже на другой основе – на базе патрилигерального, а не традиционного матрилигерального счета родства.

В целом попытки заменить или только потеснить традиционную знать аманто не увенчались успехом. Монополия на власть не перешла к новой знати и реформы не были доведены до конца, хотя на уровне конфедерации потестарный аппарат состоял преимущественно из представителей служилой знати. В категориях системного подхода это была попытка целого повлиять (в интересах интеграции) на составляющие его компоненты, однако компоненты оказали на целое большее воздействие.

4. Налогообложения с заранее установленными размерами и сроками поступления в Конфедерации Ашанти не было. Центральный потестарный аппарат в Кумаси получал средства на свое содержание за счет даней, патронажных вознаграждений и других традиционных сборов и поборов, а также от торговли и военных грабежей и контрибуций. В то же время дани постепенно превращались в примитивный налог с оманов, о чем свидетельствует специфика ежегодного праздника Оджира, во время которого взимались дани, а также появление специализированного аппарата для сбора и учета даней, который постепенно трансформировался и превращался в основу налоговой системы. Уже одно то, что произошла специализация именно этой функции, свидетельствует в пользу становления регулярного налогообложения (ср.: Куббель 1987: 7).

5. Специализированные институты принуждения у ашантийцев еще не сложились, а ведь именно самостоятельность функции принуждения является самым объективным показателем наличия государственности. Вместе с тем, хотя принуждение как особая функция руководства и управления еще не выделилось и среди должностных лиц Конфедерации Ашанти никто не специализировался

на отправлении только этой функции, тенденция к появлению принудительного аппарата уже была и реализовывалась в деятельности особого отряда телохранителей, глава которого выполнял в абане обязанности своего рода министра внутренних дел и контролировал положение в амансин и амантеасе, в том числе подавлял попытки восстания и отделения данников.

В этом можно усмотреть корреляцию с методами эксплуатации, когда центральный аппарат управления Асантемана уже выступал в роли машины угнетения, но только по отношению к объектам внешней эксплуатации. Внутри же Конфедерации Ашанти необходимость в принуждении еще не возникла – для гарантированного процесса редистрибуции достаточно было идеологической власти. Поэтому и суда как особого органа и других потестарно-нормативных институтов тоже не было; их функции выполнялись вождями и советами старейшин всех уровней, то есть наблюдалась нерасчлененность властно-управленческой и судебно-полицейской функций.

Не было еще и законодательства как кодифицированного права, вся общественно-политическая жизнь регулировалась обычным правом и морально-этическими нормами, то есть налицо преобладание первобытной мононормативности. Вместе с тем обычное право было довольно развитым к началу колониального периода, что позволяет квалифицировать его как предправо, ибо возникли уже неперсонифицированные обязательные нормы поведения, закреплявшие социальные роли, были определены и градуированы санкции за нарушение этих норм, в том числе и принудительные (см.: Синицына 1985; Черных, Венгеров 1987).

Армии как таковой в Асантемане тоже не было. Ашантийское войско состояло из рядовых общинников. Но уже появились отряды телохранителей – своеобразной дружины при асантехене и оманхене, для которых война стала основным и даже единственным занятием.

6. При отсутствии принуждения силой основным механизмом укрепления власти и авторитета верховного правителя являлась сакрализация, причем не самой конкретной персоны, а должности и функции. Сакрализация закрепляла представление об асантехене как обладателе особой магической силы и других сверхъестественных способностей, которые позволяют ему активно воздействовать на все процессы в природе и обществе и тем самым гарантировать процветание всего ЭПО. Такой стереотип закреплялся в общественном сознании и мировоззрении с помощью ритуализации основных общеашантийских действий (прежде всего ежегодного праздника Оджира в Кумаси), символики общеашантийского единства (Золотой трон асантехене, зонтик Асантемана и др.) и атрибутов власти верховных правителей (меч, жезл и др.), культа предков асантехене (как тенденции к созданию культа самого верховного правителя). В результате сам асантехене превратился в главный сакральный символ политического единства (ср.: Куббель 1987: 9–10).

В совокупности все это оказывало достаточно эффективное психологическое воздействие на поведение подданных асантехене и по своему характеру и сути в целом приближалось к принуждению, поскольку формировало такое сильное

эмоциональное чувство, как страх, то есть использовалось психологическое принуждение.

7. Идеологическая надстройка ашантийского общества довольно слабо отразила динамику политогенетических процессов. Доминировали элементы мировоззрения развитой первобытности (полидемонизм, культ предков, ведовство). Разумеется, сказывался общий консерватизм мировоззренческой сферы, которая с известным опозданием реагирует на изменения в обществе. В то же время можно заметить определенные сдвиги в качестве реакции на устойчивые изменения в потестарно-политической сфере.

Прежде всего, в качестве предков рассматривались уже только умершие вожди и старейшины, а также наблюдалась иерархизация сверхъестественных образов как отражение процесса расслоения в реальном обществе. Однако духидемоны и даже верховное сверхъестественное существо Ньяме еще не превратились в великих богов, правящих миром подобно земным владыкам. Нет еще и покровителей отдельных социальных слоев и профессий, хотя появились покровители конкретных социальных организмов (общин, вождеств) и они уже антропоморфизировались, как и многие мифологические образы.

Что касается собственно мифологии, которая, как известно, выполняет нормативно-информационные функции, то у ашантийцев она достигла достаточно развитых форм, поскольку наряду с мифами о происхождении человека возникли циклы теогонических и космогонических сказаний.

Кроме того, появились жрецы, хотя следует подчеркнуть, что жреческая прослойка была сравнительно слабой и многие функции посредников со сверхъестественным миром по-прежнему выполняли вожди.

В итоге к началу XIX в. в Конфедерации Ашанти сложились единая военно-политическая организация, единая система обмена и единый механизм редиистрибуции, а также сформировался центральный аппарат управления. По мере отчуждения функций управления и концентрации их у специальных должностных лиц, составивших особую прослойку знати, происходил процесс перерождения потестарной системы в политическую, когда отношения руководства/подчинения получили тенденцию к превращению в отношения господства/угнетения. И хотя управленческая машина еще не превратилась окончательно в машину угнетения, поскольку репрессивно-карательная функция была направлена вовне, потенциально она уже была подготовлена к применению силы и в отношении собственно ашантийцев.

Следовательно, вполне подтверждается вывод о наличии синдрома государства, но ряд отмеченных особенностей Конфедерации Ашанти и ашантийского общества (прежде всего отсутствие классов) не позволяют отождествить максимальный ЭПО ашантийцев с государством в марксистском понимании этой категории. Кроме того, смущает и явное несоответствие политической надстройки Конфедерации Ашанти экономическому базису – она слишком развита для выполнения хозяйственно-организационных задач в традиционном мотыжном земледелии (подсечно-огневого типа) и соориентирована в основном на выполнение координационно-регулирующих функций в военной и торговой сферах. Иными

словами, наблюдались обособление хозяйственно-организаторских функций от собственно производственных задач и опережение темпов специализации в материальном производстве, в котором даже ремесло не отделилось от земледелия и существовали весьма зачаточные формы обмена продуктов традиционного хозяйства (подробнее см.: Попов 1990а: 170–188). Опережающее развитие высших иерархических уровней социально-политического управления приводит в итоге к гетеростадиальности различных уровней ЭПО. Следовательно, возможно появление феномена государственности без антагонистических классов и частной собственности на средства производства. Следует подчеркнуть, что тезис о возможности появления государства в доклассовом обществе довольно широко распространен среди отечественных исследователей, особенно востоковедов и африканистов. Так, еще Л. Е. Куббель отмечал зачаточные формы государственно-политической организации в средневековом Западном Судане задолго до завершения процесса сложения общественных классов (Куббель 1968: 171–172), а Э. С. Годинер рассматривает Буганду в качестве государства без частной собственности и классов и очень четко формулирует возможность асинхронности классогенеза и политогенеза: «Государство... законный продукт общественного разделения труда и отношений эксплуатации – способно появиться и существовать в своих первых элементарных формах без частнособственнической основы» (Годинер 1982: 36). Д. М. Бондаренко весьма жестко формулирует, что существование «государства без классов» не только возможно, но и необходимо на определенном этапе исторического развития того или иного социального организма (Бондаренко 1991: 142).

Другими словами, приведенные суждения фактически опровергают постулат о невозможности неклассового государства и о синхронности классообразующих и политогенетических процессов, и возникает явление, названное мною политогенетической контроверзой (Попов 1986; подробнее см.: Роров 1988; Попов 1990б).

Ашантийцы, как и другие аканы Золотого Берега, развивались на протяжении почти трехсот последних лет доколониального периода в условиях опосредованного, но постоянного воздействия классовых обществ Западной Европы (преимущественно в форме торговых контактов), а Конфедерация Ашанти представляет собой один из вариантов становления вторичной государственности, чем и объясняется ускоренное формирование парapolитейной надстройки, не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Торговые связи с более развитыми европейцами (особенно в период работорговли) способствовали преимущественному развитию военно- и торгово-организаторских функций и монополизации их в руках правителей и знати, поскольку именно им принадлежала привилегия на владение главными предметами обмена (рабы, золото, слоновая кость, орехи кола), а также право на перераспределение добычи, захваченной путем военных грабежей. Однако следует подчеркнуть, что процесс вторичного политогенеза в Конфедерации Ашанти так и не завершился возникновением государства, она так и осталась на стадии парapolитейности.

Параполисы Дельты Нигера и гвинейского побережья

В качестве одного из вариантов парapolитейных обществ могут рассматриваться и так называемые работорговые города-государства Дельты Нигера (Варри, Брохеми, Бонни, Брасс, или Нембе, Овоме, Окрика, Опобо, Новый Калабар и др.). Они представляли собой относительно крупные поселения, состоявшие из кварталов, в каждом из которых локализовался хаус, или варри (букв. «дом, домохозяйство» на языке иджо), – своеобразная форма социальной организации, возникшая на базе большой семьи и имитировавшая большесемейные родственные отношения, ибо не все члены хауса были связаны реальным родством. Структура хаусов свидетельствует о том, что ее целостность в значительной степени обеспечивалась фиктивным родством, поскольку все социальные отношения строились по модели родственных и все чужаки, чтобы стать полноправными, должны были включаться в эту систему псевдородственных отношений.

Каждый хаус выполнял одновременно функции торгового дома и военного отряда (в некоторых городах иджо возникла особая система каноэ-хаусов). Во главе городов стояли советы из глав хаусов и верховный правитель, которому принадлежала монополия на торговые связи с европейцами. Общество подразделялось на две устойчивые группы: свободных, среди которых уже выделилась знать, и невольников, но они использовались, как правило, лишь в качестве товара, а не объекта эксплуатации. Надстройка была явно парapolитейной, поскольку специализированных институтов принуждения еще не существовало.

Аналогичную структуру и специфику политической организации можно обнаружить и в ряде других «городов-государств» гвинейского побережья (Ардра, Вида и т. п.), а также на Золотом Берегу в некоторых фангийских ЭПО (Эльмина, Аномабу, Асебу, Виннеба и др.), где кварталы городов представляли собой локализацию военных отрядов асафо. Да и ашантийский оман Кумаси приобрел в процессе потестарно-политической эволюции многие специфические черты, не свойственные другим вождествам категории аманто, и по сути превратился в параполис, господствующий над данниками и протекторатами.

Таким образом, имеются достаточные основания для вывода о том, что на гвинейском побережье и в его внутренних районах в период работорговли сформировался особый тип раннеполитической организации – военно-торговый параполис. Появление такой формы параполиса вполне закономерно и исторически неизбежно, ибо ее возникновение вызвано не внутренними факторами развития, а потребностями трансатлантической торговли. Эти парapolитейные общества не имели необходимых материальных ресурсов для дальнейшего саморазвития и регулярный прибавочный продукт стали получать только с активизацией торговых связей с европейцами и особенно в период работорговли, в которой они участвовали в качестве посредников. Это обусловило ярко выраженный экспансионистский характер параполисов. Охота на рабов (и обложение соседей данью в виде рабов), борьба за контроль над торговыми путями от побережья во внутренние районы стимулировали постоянные войны. Поэтому война стала способом существования и превратилась в настоящий промысел, так как преобладали войны-грабежи (Попов 2015).

Поскольку война и торговля стали основными источниками получения прибавочного продукта и социального престижа, в социально-экономическом отношении рассматриваемые парapoлисы фактически превратились в паразитарные военно-торговые организмы.

Параполитейные общества гвинейского побережья Западной Африки развивались под мощным воздействием экзогенного фактора, который способствовал ускорению процесса классового образования через монополизацию организационных функций в военной и торговой сферах. Но эта монополия не переросла в монополию на средства производства, как это произошло, например, в Западном Судане, где параполитейное общество древней Ганы превратилось в итоге в раннефеодальную Сонгайскую державу (Куббель 1974). После запрещения работорговли исчезла сама основа существования военно-торговых парapoлисов Дельты Нигера, которые не смогли переориентироваться на торговлю другими товарами. Как стереотипно пишут многие исследователи, они распались или вернулись к исходному первобытному состоянию (наиболее доказательно этот процесс деградации показан О. С. Томановской на примере ЭПО Берега Лоанго [Томановская 1980]), хотя скорее они трансформировались в нечто третье, качественно иное. Однако этот вариант развития (?) практически не изучался и проблема в таком ракурсе даже не ставилась.

Параполисы Золотого Берега тоже не смогли переориентироваться, что привело к упадку и неспособности противостоять вторжениям ашантийцев, обладавших к тому же и монополией на торговлю золотом и слоновой костью с европейцами. В итоге это усилило зависимость парapoлисов Золотого Берега от англичан.

Этот процесс деградации в значительной степени был обусловлен спецификой товара, торговлей которым занимались парapoлисы. Невольники как товар не являлись продуктом общественного производства, их получали в виде дани, в результате военного захвата или просто покупали. Поэтому работорговля не только, точнее, не столько стимулировала развитие производительных сил, сколько вела в тупик, укрепляя тенденцию к застойности экономики и к неустойчивости и нежизнеспособности политических институтов. И только Кумаси удалось переориентироваться на торговлю орехами кола, а мощная военная организация Конфедерации Ашанти сыграла свою роль в борьбе с Великобританией (знаменитые англо-ашантийские войны в течение всего XIX в.). Однако и ашантийский вариант парapoлиса не привел к созданию государства – помешала колонизация.

Очевидная специфика военно-торговых ЭПО Тропической Африки доколониальной эпохи вполне закономерно привела к обоснованию гипотезы о существовании особого африканского способа производства, сочетающего общинную экономику натурального производства с монополией политической надстройки на экстравертный (внешнеориентированный) обмен (Coquery-Vidrovitch 1969).

Однако, как представляется, нет оснований возводить указанную специфику в ранг особого способа производства. Фактически это один из возможных путей

вторичного развития политогенеза у синполитейных первобытных обществ в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов. Вторичность такого развития обусловлена тем, что оно возможно только при регулярных торговых связях с более развитыми обществами и экономическое развитие определяется не потребностями самого общества, а спросом на внешнем рынке, то есть получает импульс извне. Другими словами, торговля с европейцами выступает как базовый параметр развития, основной признак африканского парapolитейного общества.

Такой вариант развития, когда менее развитое общество переходит на более высокую ступень лишь отдельными элементами своей структуры (при сохранении абсолютно преобладающих предшествующих форм), уже получило название деформированного. Оно, как правило, ведет к форсированному формированию парapolитейной надстройки, уже не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Деформированный вариант общественно-экономического развития вполне отвечает постулату о возможности временного несоответствия (вплоть до острого противоречия) и автономизации надстройки от базиса, а затем и обратного воздействия на базис – как ускоряющего, так и тормозящего в зависимости от конкретно-исторической ситуации.

В условиях вторичного формационного развития надстройка, судя по всему, всегда выступает в роли главного системообразующего фактора. Однако в паразитарных обществах она оказывала минимальное воздействие (если вообще как-то влияла) на первобытно-общинный базис, поскольку в таком влиянии просто не было необходимости.

Вторичность процессов классово- и государствообразования и перехода от первобытного общества к раннеклассовому весьма типична для Тропической Африки (как, вероятно, и для мировой истории в целом), большинство доколониальных обществ которой (особенно в прибрежных районах) развивалось в условиях прямого, но чаще опосредованного воздействия более прогрессивных, классовых, обществ. И если для познания общих закономерностей перехода от первичной формации ко вторичной, генезиса государства и классового общества важно опираться на материалы тех этносоциальных организмов, которые не были (а если были, то в минимальной степени) затронуты внешним влиянием более развитых соседей (следует заметить, что довольно часто для реконструкции процесса становления первичного государства привлекаются материалы вторичных государств), то для понимания социальных и исторических процессов в предколониальной Тропической Африке необходимо сосредоточить внимание на исследовании именно тех ЭПО, которые испытали серьезное воздействие европейских капиталистических обществ и особенно форсированно развивались в период работорговли. Среди наиболее назревших задач – разработка типологии вторичных раннеполитических образований. Военно-торговые парapolитисы – одна из возможных таксономических единиц будущей исторической типологии.

Конфедерация Фанти как результат вторичного политогенеза

В качестве конкретной реализации еще одного таксона может служить Конфедерация Фанти (1868–1872), возникшая в результате совместной деятельности традиционной знати и вестернизированных аборигенов. Она представляла собой качественно иное по сравнению с военно-торговыми параполисами раннеполитическое образование, ибо ее создатели попытались объединить в рамках одного политического организма традиционные институты власти фантийцев с надстроечными институтами буржуазного общества. Так, по британской модели были созданы правительство, конфедеральная армия и суд, введено налогообложение населения, но самое главное – выработана конституция, вобравшая в себя многие элементы европейского парламентаризма (выборный президент, ассамблея депутатов в качестве законодательного органа и др.). Среди задач Конфедерации Фанти в конституции указаны социальные реформы, строительство дорог, создание школ, развитие сельского хозяйства, торговли и ремесел (подробнее см.: Попов 1990а: 214–216).

Однако прямое заимствование государственных институтов весьма развитого классового общества вряд ли могло привести к успеху, так как существовал огромный разрыв в уровнях социально-экономического развития. И если представители местной вестернизированной элиты были уже вполне подготовлены к восприятию ценностей европейской культуры и институтов буржуазного общества, то подавляющее большинство рядовых фантийцев и даже традиционные правители к этому явно не были готовы, что в значительной степени и обусловило неэффективность созданного политического механизма. К тому же новации затронули преимущественно конфедеральный уровень, в большинстве же омапов все оставалось по-прежнему.

Таким образом, Конфедерация Фанти – это предколониальный вариант становления вторичной государственности, разновидность деформированного развития под воздействием европейских держав (опосредованно – через местную европеизированную элиту).

Аналогичные раннеполитические образования, появившиеся в этот же исторический период у соседних га (Конфедерация, или Республика, Аккра) и у эгба (Объединенный совет по управлению, действовавший в Абеокуте в 1865–1872 гг.), также оказались искусственными. Производность таких параполисов обусловила их изначально зависимый характер, а механизм появления предколониальных вторичных государств демонстрирует общность основных тенденций этого процесса с генезисом современных постколониальных вторичных государств Тропической Африки.

Подобные потестарно-политические образования обнаружены в Ист-Индии (Молуккские острова) и у аборигенов Северной Америки, а также в Восточной Европе, в частности Древней Руси (так называемая «корпорация Русь», по Е. А. Шинакову [2002]). Все эти раннеполитические организмы можно отне-

сти к историческому типу военно-торгового парapolиса, возникновение которого обусловлено потребностями внешнеориентированного (экстравертного) обмена. Война стала способом их существования и превратилась в настоящий промысел, а торговля являлась источником получения прибавочного продукта и социального престижа.

К парapolитейным могут быть отнесены и так называемые вторичные племена, сформировавшиеся в синполитейных первобытных обществах в условиях межформационного взаимодействия с более развитыми соседями и – особенно – под влиянием европейских буржуазных обществ в эпоху Великих географических открытий и в Новое время, а также племена-конструкты, созданные в колониальный период во многих колониях европейских держав, практикующих косвенное управление, как инструмент колониального администрирования (в качестве примеров могут быть названы игбо в Нигерии и множество бантуязычных «племен» Танганьики), что подтверждает гипотезу М. Фрида о вторичности племени как потестарного организма.

Таким образом, парapolитейность (государствоподобность) – это результат вторичных политогенетических процессов, когда происходит опережающее развитие высших иерархических уровней управления и создается возможность для появления особого – парapolисного – состояния потестарных организмов, в которых политогенез так и не завершился образованием государства.

Теория парapolитейности позволяет решить политогенетическую контроверзу (появление государственности в доклассовом обществе, что противоречит постулату о синхронности классов- и политогенеза), рассмотрев парapolитейность как результат вторичного политогенетического развития.

Библиография

- Бондаренко Д. М. 1991.** Возникновение классов и государства и некоторые особенности их функционирования в докапиталистических обществах. *Концепции общественного прогресса. Точка зрения африканистов* / Ред. И. В. Следзевский, с. 141–165. М.: Ин-т Африки РАН.
- Годинер Э. С. 1982.** *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: ГРВЛ.
- Кочакова Н. Б. 1995.** Размышления по поводу раннего государства. *Ранние формы политической организации* / Ред. В. А. Попов, с. 153–164. М.: Вост. лит-ра.
- Куббель Л. Е. 1968.** К истории общественных отношений в Западном Судане в VII–XVI вв. *Африка в советских исследованиях. Ежегодник*. Вып. 1 / Ред. Ан. А. Громыко и др., с. 171–172. М.: АН СССР, Ин-т Африки.
- Куббель Л. Е. 1974.** *Сонгайская держава*. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1987.** «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации. *Советская этнография* 3: 3–12.

- Попов В. А. 1982.** *Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования.* М.: ГРВЛ.
- Попов В. А. 1986.** Параполисные общества Тропической Африки. *История культуры народов Африки* / Ред. Р. Н. Исмагилова, с. 59–63. Ч. II. М.: Ин-т Африки РАН.
- Попов В. А. 1990а.** *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов.* М.: ГРВЛ.
- Попов В. А. 1990б.** Политогенетическая контроверза и вторичные формы раннеполитической организации. *Африка: культура и общество. Этносоциальные процессы* / Ред. Р. Н. Исмагилова, с. 161–168. М.: Институт Африки РАН.
- Попов В. А. 1993.** Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в парapolитейных обществах. *Ранние формы социальной стратификации* / Ред. В. А. Попов, с. 132–144. М.: Вост. лит-ра.
- Попов В. А. 2015.** Военно-торговый парapolис как вариант становления вторичной государственности в предколониальной Западной Африке. *Торговля в этнокультурном измерении* / Ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко, с. 214–218. СПб.: Российский этнографический музей.
- Синицына И. Е. 1985.** Традиционные институты в работах африканских ученых (Дж. Сарба, Дж. Данква, Н. А. Оллену). *Изучение истории Африки: проблемы и достижения* / Ред. Б. Б. Пиотровский, Б. М. Туполев, с. 239–289. М.: ГРВЛ.
- Томановская О. С. 1973.** Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. *Основные проблемы африканистики* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 273–283. М.: Наука.
- Томановская О. С. 1980.** *Лоанго, Каконго и Нгойо.* М.: Наука.
- Черных Е. Н., Венгеров А. Б. 1987.** Структура нормативной системы в древних обществах. *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 23–37. М.: Наука.
- Шинаков Е. А. 2002.** *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект.* Брянск: Изд-во БГУ.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (Eds.). 1978.** *The Early Slate.* The Hague; Paris; New York: Mouton.
- Cohen R. 1985.** Warfare and State Formation. *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith, pp. 276–289. South Hadley, MA: Bergin and Garvey Publishers, Inc.
- Coquery-Vidrovitch K. 1969.** Recherches sur un mode de la production africaine. *La Pensee* 144: 3–20.
- Eisenstadt S. N. 1959.** Primitive Political Systems: A Preliminary Comparative Analysis. *American Anthropologist* 61(2): 205–220.
- Fried M. H. 1960.** On the Evolution of Social Stratification and the State. *Cultural in History* / Ed. by S. Diamond, pp. 713–731. New York: Columbia University Press.

- Lloyd P. C. 1968.** The Political Structure of African Kingdoms. *Political Systems and the Distribution of Power* / Ed. by M. P. Banton, pp. 63–112. London: Tavistock.
- Popov V. A. 1988.** *Secondary Forms of Political Organization in the Ethnosocial History of Sub-Saharan Africa*. Moscow: Nauka.
- Price B. J. 1978.** Secondary State Formation: An Explanatory Model. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / Ed. by R. Cohen, E. Service, pp. 161–186. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Southall A. W. 1953.** *Alur Society*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd.
- Vansina J. 1964.** Comparison of African Kingdoms. *Cultural and Social Anthropology. Selected Readings* / Ed. by P. B. Hammond. New York; London: Collier, Macmillan.

Глава 6. Особенности политогенеза в историко-археологической динамике

Крадин Н. Н.

Вводные замечания

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к определенному рубежу. Длительные дебаты последних нескольких десятилетий привели исследователей к тому, что правильно понимать становление государства как сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Ни один из выделенных исследователями в ходе дискуссии факторов не является универсальным (см. также главу 4). В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных.

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах (функциональном и конфликтном). Судя по всему, генеральная линия происхождения государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. При этом можно выделить несколько этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1) Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «протогосударство-чифдом», «вождество», «аналоги государства» и др.);

2) Раннее государство, с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодальное», «архаическое», «варварское» или «сословное» государство и пр.);

3) Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью («традиционное государство», «зрелое государство», «аграрное государство», «сословно-классовое общество», «доиндустриальное государство» и т. д.; см. также главу 18 о развитии государстве).

Стадиальный принцип дополняется билинейными и многолинейными теориями, многие из которых говорят о двух полюсах (стратегиях) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах. *Иерархическая* или *сетевая* основана на вертикали власти и централизации. Для *гетерархической* или *корпоративной* стратегии характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, универсализирующая космология. Как эти фазы политогенеза и различные стратегии проявляются в археологических ис-

точниках, представит выяснить в данной главе монографии. С этой точки зрения очень важное значение имеет теория материализации. Под материализацией в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность. Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и, в конечном счете, формирует идеологический контроль элитами над сознанием индивидов. Особое место занимает монументальная архитектура, которая представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ, формировать новые смыслы и значения. Монументальные ландшафты также могут преобразовываться и служить идеологическим целям. Иными словами, их можно рассматривать как важный ресурс формирования «символического капитала».

Общие контуры проблематики

Термин *политогенез* употребляется в литературе в трех смыслах: во-первых, как синоним понятия происхождения государства; во-вторых, как формирование и эволюция сложных или комплексных обществ и их политической организации; в-третьих, как генезис и последующая трансформация политической организации в человеческом обществе вообще (Крадин 2004). Последняя трактовка слишком обширна и не входит в задачи данной главы. Настоящая работа посвящена в основном происхождению государственности. В некоторой степени будут затронуты вопросы трансформации комплексных негосударственных обществ.

Нужно сказать, что возникновение государственности – одна из самых главных вех в мировой истории и одновременно вечный вопрос наук о человеке и обществе. По этому поводу было высказано громадное количество самых разнообразных точек зрения, написаны сотни книг и много тысяч статей. Раньше всех появились так называемые умозрительные теории. Они были основаны на спекулятивных построениях мыслителей. Первая – *сакральная* – предполагала, что вся власть от Бога, вторая – *патриархальная* – исходила из того, что государство подобно разросшейся семье. В эпоху нового времени возникли теории *общественного договора* Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, согласно которым государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми, которые передают часть своей свободы и власть внешней силе, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. Все эти теории основаны не на исторических фактах, а на философских и иных умозаключениях.

Первой научной теорией стала *завоевательная* теория политогенеза. Она появилась в XIX в. и связывается с именами историков права Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера (Gumplowicz 1905; Oppenheimer 1919). Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате **внешнего** фактора – завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и эксплуатации подчиненных победителями. Эта теория была поддержана неко-

торыми этнологами и теоретиками марксизма за рубежом (Cunov 1920; Kautsky 1927; Turnwald 1935). Ее обстоятельная критика принадлежит американскому этнологу Р. Лоуи. В книге *Происхождение государства* он показал, что завоевание далеко не всегда ведет к государству, а для того чтобы завоевание привело к государственности, общества победителей и побежденных должны были обладать некоторой стратификацией. Следовательно, война не может быть единственной предпосылкой, ведущей к возникновению государства (Lowie 1927).

Без преувеличения можно сказать, что начиная со второй половины XIX в. важный вклад в разработку данной темы внесли марксистские теоретики. Это было обусловлено тем, что для них государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Согласно марксистскому учению, государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. Эта мысль присутствует уже в *Манифесте коммунистической партии* 1848 г. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели вызревания государства. В *Экономических рукописях 1857–1861 гг.* К. Маркса и в *Анти-Дюринге* (1978 г.) Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним» (Marx 1964). Однако в *Происхождении семьи, частной собственности и государства* (Engels 1884) Энгельс, не без влияния книги *Древнее общество* Л. Моргана (Morgan 1877), нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное (подробнее о взглядах Маркса и Энгельса см.: Лынша 1995).

Последняя точка зрения получила господствующее распространение в советской науке, и фактически все работы, касающиеся теории государства и права, теории становления государственности, и конкретно-исторические исследования, выполненные на материалах конкретных обществ, длительное время рассматривались исключительно в рамках парадигмы, изложенной в *Происхождении семьи*. Только в период «оттепели», в первую очередь в рамках дискуссии об азиатском способе производства, появились новые интерпретации, которые акцентировали внимание на организационно-управленческих функциях государства, соотношениях власти и собственности, стимулировали исследования в области многовариантности форм перехода к государственности (Tökei 1966; Данилова 1968; Godelier 1969; Хазанов 1979; Васильев 1983; Илюшечкин 1986; 1990; Иванов 1993 и др.).

Надо сказать, что марксизм оказал серьезное влияние на большинство авторитетных теорий происхождения государства в XX в. К. Виттфогелем была выдвинута ирригационная теория политогенеза, согласно которой первоначальная государственность и развитие власти напрямую связаны с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (Wittfogel 1957). Г. Чайлд, создатель теории «городской революции» (Childe 1950), считал себя марксистом, а едва ли не все значимые процессуалистские ра-

боты в области археологических реконструкций комплексных обществ были написаны под его прямым или косвенным влиянием. Антропологи – неозволюционисты второй волны, создавшие наиболее влиятельные теории политогенеза, Э. Сервис и М. Фрид – симпатизировали марксизму и троцкизму (Fried 1967; Service 1975). Некоторые марксистские идеи оказали влияние на теорию «раннего государства» Х. Дж. М. Классена и П. Скальника (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

С началом перестройки в отечественной литературе наметился отход от марксистских универсалий. Определенное распространение получили неозволюционистские теории вождества и раннего государства, а также мир-системный анализ и другие парадигмы. Российские исследователи самостоятельно пришли к многолинейной эволюции (подробнее см.: Крадин 2008). Однако иногда даже в современных исследованиях прослеживается сильное влияние старых теорий. Это, в частности, выражается в использовании давно устаревшей концепции военной демократии, в применении Энгельсовой триады признаков государства, в понимании государства исключительно как института подавления народных масс и др.

В зарубежной науке с начала 1990-х гг. и особенно в новом столетии однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике. Особенно много нападков было сделано против концепции вождества (Yoffee 2005; Pauketat 2007). Критика была положительно воспринята в англо-американской археологии. Постепенно преобладающей парадигмой в антропологии и отчасти в археологии стал постмодернизм. Это привело к тому, что стало неполиткорректным демонстрировать свою приверженность идеям эволюционизма. В результате оказалось, что наиболее влиятельные книги последнего десятилетия с использованием эволюционистской парадигмы оказались написанными не антропологом, а биологом – Дж. Даймондом (2009; 2016). Тем не менее есть определенные результаты и достижения, о которых следует сказать несколько подробнее.

Факторы и механизмы политогенеза

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к определенному рубежу. Как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, процесс политогенеза – сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Как весьма справедливо заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов (Haas 1982: 130). В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. Сегодня большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависящим от большого числа разнообразных переменных (Peregrine *et al.* 2007: 84).

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах (функциональном и конфликтном). Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которое оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему неизвестны случаи восстаний в ранних государствах (Service 1975). Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологической доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем (Carneiro 1970); другие – обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля (Earle 1997); третьи (марксистские авторы) акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества (Fried 1967).

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом. Государство амбивалентно. Оно одновременно и помогает, и наказывает. В политике диалектически сосуществуют и переплетаются обе стороны власти – функциональная, интегрирующая и эксплуататорская, конфликтная (Mann 1986: 6). В этой связи ключевой вопрос, которыми задавались многие антропологи и археологи: как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (Feinman 1995; Earle 1997; Haas 2001; Flannery, Marcus 2012)?

Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти – экономика, война и идеология. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами экономики и ресурсами, а также на доступе к перераспределению ресурсами. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства (Earle 2002: 192–194). В первом случае имеется в виду контроль

над реальными секторами экономики и их результатами – производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары (Brumfiel, Earle 1987), или о контроле над внешней торговлей (Ekholm 1977; Sáenz 1991).

Военный фактор проявляется прежде всего в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действий (габитус), так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Манн, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми (Mann 1986: 23). Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделена между различными группами элиты, так и интегрирована в той или иной комбинации.

Пути к государственности

Судя по всему, генеральная линия происхождения государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. При этом можно выделить несколько этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1. Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом (дофеодальное общество, предклассовое общество, протогосударство-чифдом, вождество, аналоги государства и др.);
2. Раннее государство, с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности (раннеклассовое общество, раннефеодальное, архаическое, варварское или сословное государство и пр.);
3. Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью (традиционное государство, зрелое государство, аграрное государство, сословно-классовое общество, доиндустриальное государство, развитое государство и т. д.) (Claessen, Skalnik 1978; 1981; Gellner 1988; Johnson, Earle 2000; Гринин 2007; Grinin 2008; 2009 и др.).

Ключевой вопрос здесь – это критерии, которые отличают предгосударственные общества от государства. Традиционно принято выделять три главных признака государства: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Эта триада до

сих пор считается классической в политической и юридической науках. Однако, если обратиться к истории, население, территория и независимость – это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного. Любая группа охотников и собирателей или община представляет собой *население*, которое проживает на определенной *территории*, контролирует ее и защищает от чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак – политический *суверенитет*, то любое вождество является независимой политической единицей.

Исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (Куббель 1988). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства – это наличие институтов управления.

При этом важно иметь в виду, что лиц, занятых управлением, можно разделить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних государствах, но, например, в вождествах, только категория **специальных функционеров** может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил К. Виттфогель: государство – это управление профессионалов (Wittfogel 1957: 239.). Схожее понимание государства дано также Э. Геллерном (Gellner 1983: 4).

Кроме того, мы можем говорить о государстве как об организации только в том случае, если она состоит из **большого количества** людей. Государство – это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, то есть совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, резиденции или ставке правителя.

В данном случае речь должна идти о сформировавшейся государственности, то есть таком аппарате управления, который уже оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархиче-

скими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Хенри Дж. М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе *Раннее государство*, изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом африканистом П. Скальником (Claessen, Skalnik 1978), и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. В 2008 г. журнал *Социальная эволюция и история* (№ 1) организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги *Раннее государство* (Claessen 2008; Claessen et al. 2008 etc.). Роль данной теории в современной археологической и антропологической науке показана в обстоятельной обзорной статье П. Скальника (Skalnik 2009).

В настоящее время раннее государство понимается как «независимая трехуровневая (национальный, региональный, локальный уровни) социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделенном, во всяком случае, на две основные страты или зарождающихся общественных класса – то есть правителей и управляемых, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязательством платить налоги вторых, что узаконено общей идеологией, базисный принцип которой – взаимный обмен» (Claessen 2008: 13). Именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev 2003).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал благодаря своим сакральным способностям стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти на стадии уже сложившегося доиндустриального государства отпадала необходимость в данных функциях «священного царя» (Claessen 1986).

Представление о стадиях вызревания обществ с государственной организацией было дополнено билинейными и многолинейными теориями, согласно многим из которых, можно говорить о двух полюсах (стратегиях) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах.

Иерархическая или *сетевая* стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для *гетерархической* или *корпоративной* стратегии характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Этот подход примерно в одно время, но на разных исторических данных и в разной терминологии разрабатывался на материалах Ближнего Востока, Средней и Внутренней Азии, Кавказа, Западной Европы и Нового Света (Березкин 1995; Коротаев 1995; Crumley 1995; 2001; Blanton et al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999; 2002; Берент 2000; Ковалевски 2000; Feinman 2001; Bondarenko 2006; Гринин 2007; Price, Feinman 2010; Chacon, Mendoza 2017 и др.). Все это позволяет сделать **вывод**, что параллельно с созданием **иерархических** обществ (вожеств и государств) существует другая линия социальной эволюции – **неиерархические** общества. Следовательно, социальная эволюция является **многолинейной**.

Археологические перспективы

Дальнейшие перспективы развития теории политогенеза связаны в первую очередь с археологической наукой. Это обусловлено тем, что источниковедческая база исторических исследований по данной проблематике (письменные источники) фактически исчерпана. Вряд ли следует ожидать появления каких-то новых уникальных текстов, которые могли бы нас заставить кардинально пересмотреть наши представления о происхождении государства в том или ином конкретном регионе. Другой принципиально важный момент заключается в том, что политическая антропология по объективным причинам лишилась объекта своего исследования. Именно поэтому политантропологи сосредоточились сейчас на изучении посттрадиционных и постколониальных обществ, а также на антропологических аспектах политической культуры современных обществ (Абелес 1998). И только археология чувствует себя более или менее уверенно. Ежегодно производится большое количество раскопок, которые расширяют и углубляют наши представления о генезисе самых ранних государств и предшествующих им образований. Внедрение в современную археологию естественно-научных методов дает нам принципиально новую информацию. Генетика, стабильные изотопы, изучение изменений климата открывают нам совершенно иные данные, которое не могли быть получены традиционными способами исследования. Именно здесь совершается наибольшее число открытий, которые, возможно, окажут влияние на смену исторической парадигмы (Kristiansen 2012: 78). Все это придает археологическим исследованиям новые импульсы.

При этом по мере накопления фактического материала интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях (Березкин 2013). На одном полюсе – сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом – классические вожества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немалое количество промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими инсти-

тутами. Поэтому в настоящее время исследователи склонны использовать более нейтральные термины – «среднемасштабное общество», «комплексное (сложное) общество» и т. д. (Chapman 2003; 2008 *etc.*).

Принципиально важное значение для понимания формирования государственности имела знаковая статья Г. Чайлда о «городской революции». Он выделил список из 10 признаков стадии **цивилизации**: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Данная статья стала самой цитируемой публикацией, когда-либо опубликованной в журнале *Town Planning Review*. При этом для самого Г. Чайлда город был только одним из компонентов широкого комплекса общественных изменений, который обычно характеризуется как процесс становления цивилизации или образование государства с определенным акцентом на археологические свидетельства. На самом деле Чайлд имел в виду не столько урбанизационные процессы сами по себе, сколько процесс формирования классов и государства (Smith 2003: 187). В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что модель «городской революции» и выделенные признаки «цивилизации» оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith 2009: 22).

Статья положила начало бесконечной дискуссии о критериях государства. В разных работах отмечалось, что немало ранних государств Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность. Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, монументальные сооружения характерны как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. В целом, список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. Существует много влиятельных работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации (Adams 1966; Renfrew 1972; Haas 1982; Feinman, Marcus 1998; Flannery 1998; Maisels 1999; Smith 2003; Flannery, Marcus 2012).

При этом нужно признать, что такие признаки, как **город**, **монументальная архитектура**, высокоразвитое **ремесло**, **стратификация** погребений, встречаются чаще, чем другие критерии. Это, конечно, не говорит о том, что остальные признаки ошибочные. С одной стороны, исследователи руководствуются при составлении списка признаков определенной традицией, идущей от Г. Чайлда. С другой стороны, в той или иной степени, каждый опирается на свой конкретный материал и опыт того региона, который ему знаком лучше всего. Так или иначе, универсальных критериев комплексных обществ уровня государства, по всей видимости, нет. Археологам, специализирующимся на археологии полито-

генеза, следовало бы говорить о масштабном, сложном и разнообразном процессе формирования комплексных обществ, который значительно варьировался от региона к региону.

Материализация

В этой связи важное значение имеет концепция материализации, которая позволяет понять, как институты власти и процессы формирования государства могут быть отражены в археологических источниках. Под **материализацией** в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность (DeMarrais *et al.* 1996; Meskell 2005 *etc.*). Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и др. Фундаментальными свойствами материализации является то, что она обеспечивает широкой доступ (говоря в рамках более привычных нам понятий – «массовость»), который формирует идеологический контроль элит над сознанием индивидов.

Материализация может реализовываться в общественных церемониях – различных важных для группы ритуалах, пирах, иных действиях. Церемонии – это самая простая форма поддержания идентичности и идеологии, которая имеет значение для самых разных общественных групп от первобытных охотников и собирателей до археологов, периодически объединяющихся на своих съездах. Церемонии обычно осуществляются с использованием церемониальных принадлежностей и ритуальных одеяний. Крупные церемонии требуют ресурсов и сплоченности группы. Они содержат в закодированной форме важную для группы информацию, которая транслируется большому количеству индивидов (для не входящих в группу она может быть непонятна).

Культурные символы требуют периодического воспроизведения, чтобы они не были вытеснены из сознания индивидов чем-то другим. С этой точки зрения церемония – не самая удачная форма материализации. Ее эффективность во многом зависит от повторения. Поэтому должны существовать другие компоненты, в которых могла бы быть воплощена значимая для группы культурная информация.

В первую очередь это различные символические объекты (такие, например, как христианский крест). Компактность, возможность копирования и распространения делает символические объекты очень значимыми средствами осуществления идеологии. Во-вторых, это монументальные архитектурные объекты. Они создаются таким образом, чтобы господствовать над пространством и в материальной форме утверждать наличие общественного неравенства, а также напоминать о незыблемости общественного устройства. Вне всякого сомнения, монументальная архитектура представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как напоминание о прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ, формировать новые смыслы и значения. Монументальные ландшафты также могут преобразовываться и служить идеологическим целям (Smith A. 2003; Smith Mo. 2014). Иными словами, их можно рассматривать как важный ресурс формирования «символического капитала» (Bourdieu 1991).

Ярким воплощением материализации является город. Доиндустриальный город имел важное значение с точки зрения демонстрации символического господства власти над пространством. Городские стены или валы всегда производят впечатление, особенно на тех, кто живет в небольших по размеру хижинах или палатках. Городские стены маркируют территорию. Они отражают претензии владельцев стен на окружающую территорию. Одновременно стены отделяют город от округа, являясь параллельно и символом, и инструментом сегрегации. Они выступают как своеобразный компонент космограммы сакральной структуризации пространства. С данной точки зрения городской ландшафт – это изобретенная и перестроенная искусственная среда в соответствии чувствами и замыслами обладателей власти. Главная задача подобных преобразований – маркировать статусы и легитимность элиты, структурировать пространство и навязать волю массам (Smith 2003).

Как образно подметил в свое время Б. Триггер, размеры архитектурных сооружений – это классический инструмент измерения археологами масштабов экономической или политической власти (Trigger 1990). Масштабные монументальные строения не только служат средством пропаганды существующей власти, но и заставляют людей испытывать эмоциональные переживания. Тем самым архитектура может рассматриваться как инструмент психологического влияния на поведение людей (Moore 2005; Smith 2008). Наконец, монументальная архитектура представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о великом прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ – демонстрировать, например, неизбежность существующего политического строя (Smith 2003).

Нужно отметить, что важное место в визуализации власти занимали так называемые священные места – храмовая архитектура, святилища, места отправления различных ритуалов. Поскольку для системы власти традиционных обществ огромное значение имела религия, существует тесное переплетение религиозных и политических практик. При этом выделяется пять материально-пространственных признаков ритуальной архитектуры: неизменность, центрированность, вездесущность, масштаб и визуализация (Moore 1996; 2005). Все это в конечном счете также было нацелено на то, чтобы подавить волю простых людей и заставить смириться с существующими порядками.

Археология города

Город неслучайно встречается среди наиболее часто упоминающихся черт государства. Для подавляющего большинства исследователей город – это материальное воплощение государственности (Fox 1977: 24). По большому счету урбанизм – это нечто гораздо большее, чем просто придаток к концепции государства (Cowgill 2004: 526). Характер соотношения между урбанизацией и динамикой политогенеза был предметом изучения многих исследователей (Adams 1966; Blanton 1982; Algaze 2008; Marcus, Sabloff 2008). К настоящему времени написано просто бесчисленное количество книг и статей, в которых обсуждается проблематика происхождения и ранних этапов урбанизации (см., например: Ucko *et*.

al. 1970; Nichols, Charlton 1997; Hansen 2000; Cowgill 2004; Marcus, Sabloff 2008 etc.).

При этом далеко не все исследователи разделяют тезис о синхронности процессов урбанизации и политогенеза. В частности, Д. Вэнгроу (Wengrow 2015) опубликовал специальное исследование, в котором обосновывает со ссылкой на Г. Поссела негосударственный характер городских центров архаической Индии 3-го тыс. до н. э. (Possehl 1998). М. Смит также согласна с выводами Г. Поссела в том, что нет никакой прямой логической связи между плотностью населения и появлением централизованных управленческих структур (Smith 2003: 12). Вэнгроу приводит еще один пример «городов без государства» – поселения трипольской культуры в Дунайско-Днепровском междуречье.

Не так давно Дж. Дженнингс и Т. Эрл (Jennings, Earle 2016) усомнились в том, что процесс происхождения государства и урбанизация протекали как синхронные. Они приводят два примера, которые не укладываются в данную схему. Первый пример представлен городской общиной Тиуанако в Андах на территории современной Боливии. Авторы приходят к выводу, что государство в области озера Титикака было создано спустя 300 лет после начала строительства масштабных монументальных сооружений. Второй пример – хорошо известные Эрлу Гавайи, где, по его мнению, возникает государство в условиях полного отсутствия чего-либо похожего на города. Свое и без того авторитетное мнение авторы подтверждают дополнительной ссылкой на Р. Хоммона (Homon 2013: 129). С этой точки зрения классические кочевые империи также попадают в число исключений. Их политическая система (суперсложные вожества) не соответствует критериям государства, тогда как существование городов подтверждено широкомасштабными археологическими раскопками (Крадин 2007; 2011).

Нужно отметить, что среди урбанистов нет единства по поводу понимания сущности города. Общепринятые дефиниции города отсутствуют. Л. Вирт определял город как постоянное поселение, имеющее определенную большую численность жителей, высокую плотность населения, разнообразную функциональную специализацию (Wirth 1938: 8). Согласно образной, труднопереводимой идее Л. Мамфорда, город – это своеобразный театр социальной активности, в котором происходит тесное географическое сплетение экономических и институциональных процессов, а также отражаются эстетические символы коллективного действия (Mumford 2011: 93). Возможно, самая сжатая формулировка принадлежит Э. Глэзеру, который точно подметил, что для города характерны «близость, плотность, теснота» (Glaeser 2011: 6). Большая численность населения, плотность и гетерогенность ранних городов вызывают сомнения, поэтому вопрос, насколько данное определение применимо к периоду генезиса цивилизации, остается открытым. В археологическом измерении для городов важны такие характеристики, как фортификация, границы, осевая планировка, храмы, дворцы, зоны ремесленной деятельности, кладбища, места для игр и собраний (Renfrew 2008).

Как пишет Дж. Коугил, все существующие определения можно объединить в *демографический* (численность) и *функциональный* подходы (Cowgill 2004:

526). Согласно первому подходу, в самых общих чертах город характеризуется как поселение с высокой плотностью населения (Stoddart 1999: 909). Подобные дефиниции наиболее часто применяются и в наши дни. Действительно, для современных географов это очень удобно. Можно смело использовать сведения статистики, данные переписи. Нужно только определиться с тем, каково должно быть минимальное количество жителей города (Wheatley 1972: 620–621). Подобные мнения высказывались среди археологов (Stoddart 1999: 911; Storey 2006: 22), причем нередко в качестве условного эквивалента называется цифра в 5000 человек.

Однако здесь есть несколько существенных вопросов. Количество и плотность населения не всегда жестко связаны с теми функциями, которые выполняли те или иные поселения. Плотность населения, например, мезоамериканских городов доколумбового времени, была очень низкой, и они совершенно не соответствовали данному критерию. Знаменитый Чатал-Гюк, согласно Я. Ходдеру, являл собой «просто очень большую деревню» численностью до 8 тыс. человек (Hodder 2006: 98).

С данной точки зрения, казалось бы, функциональный подход предпочтительнее демографического. Следует согласиться с Б. Триггером, что город выполнял особые, специализированные задачи в отношении окружающих территорий и тем самым отличался от негородских поселений (Trigger 2003: 120). Однако и в данном случае можно столкнуться с рядом проблем. Самая распространенная точка зрения предполагает понимание города как торгово-ремесленного центра. Она восходит к классическим концепциям урбанистики начала XX в., идущим от М. Вебера, для которых образцом было становление западноевропейского города. Постепенно выкристаллизовалось устойчивое понимание города как экономического центра, где концентрируется человеческий капитал и средства, которые обеспечивают сосредоточение промышленности (то есть несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969).

В противоположность этому мнению сформировалась другая точка зрения, согласно которой город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960). Большую роль в развитии последней теории сыграли археологи, которые изучали феномен генезиса и становления ранних городов. Так, Р. Мак-Адамс обратил внимание на то, что город – это место, где располагаются центральные учреждения и производится обмен ресурсами (Adams 1966). По всей видимости, функции города как места концентрации торговых и обменных связей и как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии – это две стороны жизнедеятельности городов. Они не являлись функциональными альтернативами, а дополняли друг друга (Brumfiel 1991).

Схожая дискуссия велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946: 8–9; Сахаров 1959: 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983). В российской археологической литературе достаточно давно высказывались мнения о том, что нужно

учитывать обе стороны развития города. Так, по мнению В. И. Гуляева, археологическими чертами города помимо размеров, численности населения и плотности построек являются наличие дворцов, монументальных, особенно идеологических, сооружений, сегрегация построек элиты от обычных жителей и концентрация в элитных зонах предметов роскоши и богатства (Гуляев 1979: 19). Для В. М. Массона (1989: 11) город – это центр ремесла и торговли, идеологии, монументальной архитектуры.

Попытка уйти от дихотомии (что важнее: административные или экономические функции города?) была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х О. Г. Большаковым совместно с В. А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001: 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций, но привело к новой задаче – выяснить соотношение между урбанизацией и политогенезом. Если город представляет собой главным образом центр перераспределения прибавочного продукта, то теоретически это значит, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции, как вождество, поскольку редистрибуция (то есть перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества.

Так или иначе, функции города как места концентрации торговых и обменных связей и как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии – это две стороны жизнедеятельности городов. Они не являлись функциональными альтернативами, а дополняли друг друга (Brumfiel 1991). Город представляет собой пункт, который выполняет иные, специализированные функции, не свойственные тем поселениям, где проживает большинство населения. Учитывая, что в доиндустриальных обществах большинство населения занималось сельским хозяйством (Gellner 1988), это значит, что речь идет преимущественно о неаграрных функциях (хотя нужно помнить, что население древних городов часто составляли земледельцы, как, например, в античных обществах; применительно к кочевым империям нужно говорить о нескотоводческих функциях [Крадин 2011]).

Так или иначе, города представляют собой поселения с многочисленным и гетерогенным населением с различными функциями и статусами (разные виды ремесленников, священники, торговцы и т. д.). В городах появляются разнообразные монументальные строения (храмы, дворцы, административные здания), особым образом структурируется пространство, что отражается в прокладывании улиц, строительстве стен и кварталов, площадей, парков и др. (Marcus, Sabloff 2008: 13).

Современные исследователи единодушны в том, что нет единого критерия, который бы указывал на универсальные признаки города (Cowgill 2004: 154; Smith 2016: 153). Чтобы отличить негородские поселения от городов, американский археолог урбанист М. Смит предложил использовать серию археологических признаков, которые можно использовать при анализе различных обществ. Среди них площадь и плотность населения (там, где неизвестна численность жителей), наличие резиденции правителя, храмов и административных зданий,

рынков и магазинов, импортных товаров, наличие усыпальниц правителей, высшей и низшей элиты, отражение социальных рангов в материальной культуре, фортификации, ворот, улиц, кварталов, публичных мест, осевой планировки (Smith 2016: 159).

В зависимости от ранга города или его территориального расположения функции могли изменяться. Так, для столичных городов характерно сосредоточение всех значимых функций – административно-политических, экономических (ремесло и торговля), культурных, религиозных. Города более низкого ранга (губернские, окружные и уездные центры) могли выполнять усеченный набор функций или иметь какую-то отдельную специализацию (ремесленный центр, морской порт, обеспечение и защита императорских мавзолеев, охрана границы и др.).

Важной составляющей городского ландшафта является пространственная сегрегация. Пространство считается мощным фактором для построения этнической идентичности (Karferer 1988; Cordell, Yannie 1991). В более широком контексте в комплексных обществах пространство структурируется в той или иной степени, в соответствии со структурой общества. Поскольку город – это территория, где появляются различные специализированные группы (ремесленники, торговцы, священнослужители, чиновники и др.), специализация неизбежно выступает предпосылкой для развития общественной иерархии (Kostof 1991: 37–38). Вследствие этого начинают фиксироваться границы между местами проживания и активной деятельности элиты и других социальных групп, очерчиваются кварталы разных социальных групп – торговцев, ремесленников и др. Справедливости ради следует сказать, что это не только результат деятельности элиты. Основоположники урбанистики еще давно подметили, что люди предпочитают селиться рядом с себе подобными (Wirth 1938). Однако городские стены должны были обеспечивать в первую очередь безопасность и защиту элитным группам, символизировать власть и олицетворять легитимность правящих групп.

Заключение

Современные представления о генезисе государства имеют немало отличий от классических теорий, излагаемых в многочисленных трудах и учебниках по истории, политологии и юриспруденции. Во-первых, было выяснено, что существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами – необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества (интегративная теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций (конфликтный подход, классовая теория). В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Существует несколько наиболее популярных теорий, раскрывающих различные пути возникновения государства. Наиболее часто исследователи противопоставляли развитие западных и во-

сточных обществ. Однако в последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства.

При этом новый подход предполагает дихотомию двух полярных стратегий в процессе социокультурной эволюции. Первая (иерархическая или сетевая) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (**гетерархической** или **корпоративной**) стратегии характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Библиография

- Абелес М. 1998.** Политическая антропология: новые задачи, новые цели. *Международный журнал социальных наук* VI(20): 27–44.
- Березкин Ю. Е. 1995.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 165–187. М.: Наука.
- Березкин Ю. Е. 2013.** *Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике.* СПб.: Наука.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.: Логос.
- Большаков О. Г. 2001.** *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения.* М.: Наука.
- Большаков О. Г., Якобсон В. А. 1983.** Об определении понятия «город». *История и культура народов Востока (древность и средневековье).* Л.: 21–32.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 1999.** Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции. *Общественные науки и современность* 5: 128–138.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 2002. (Ред.).** *Цивилизационные модели политогенеза.* М.: ЦЦРИ РАН.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства.* М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 2007.** *Государство и исторический процесс:* в 3 кн. М.: Комкнига.

- Гуляев В. И. 1979. *Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе)*. М.: Наука.
- Даймонд Дж. 2009. *Ружья, микробы и сталь*. М.: АСТ.
- Даймонд Дж. 2016. *Мир позавчера*. М.: АСТ.
- Данилова Л. В. 1968. (Ред.). *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.
- Иванов Н. А. 1993. (Ред.). *Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти*. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- Карлов В. В. 1980. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. *Русский город* 3: 66–83.
- Ковалевски С. 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др., с. 171–185. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 1995. Горы и демократия. *Восток* 3: 18–26.
- Крадин Н. Н. 2004. *Политическая антропология*. М.: Логос.
- Крадин Н. Н. 2007. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Крадин Н. Н. 2008. Проблемы периодизации исторических макропроцессов. *История и Математика: Модели и теории* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 166–200. М.: ЛКИ/URSS.
- Крадин Н. Н. 2011. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей. *Средние века* 72 (1–2): 330–351.
- Куббель Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Куза А. В. 1983. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. *Русский город* 4: 4–36.
- Лынша В. А. 1995. Загадка Энгельса. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 36–58. Владивосток:
- Массон В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.
- Сахаров А. М. 1959. *Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.* М.: Изд-во МГУ.
- Тихомиров М. Н. 1946. *Древнерусские города*. М. (Ученые записки МГУ, Вып. 97).
- Хазанов А. М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы. *Исследования по общей этнографии*. Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: 125–177.
- Adams R. McC. 1966. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.
- Algaze G. 2008. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Blanton R. E. 1982. Urban Beginnings: A View from Anthropological Archaeology. *Journal of Urban History* 8: 427–46.

- Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A., Peregrine, P. N. 1996.** A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology* 37(1): 1–14, 73–86.
- Bondarenko D. M. 2006.** *Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th – 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2003.** “Early State” in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database. *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science* 37(1): 105–132.
- Bourdieu P. 1991.** *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
- Brumfiel E. M. 1991.** Tribute and Commerce in Imperial Cities: The Case of Xaltocan, Mexico. *Early State Economics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Van De Velde, pp. 177–198. New Brunswick; London: Transactions Publishers.
- Brumfiel E. M., Earle T. 1987.** Specialization, Exchange, and Complex Societies: An Introduction. *Specialization, Exchange, and Complex Societies* / Ed. by E. M. Brumfiel, T. Earle, pp. 1–9. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carneiro R. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169(3947): 733–738.
- Chacon R., Mendoza R. 2017. (Eds.).** *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer.
- Chapman R. 2003.** *Archaeologies of Complexity*. London; New York: Routledge.
- Chapman R. 2008.** Alternative States. *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies* / Ed. by J. Habu, C. Fawcett, J. M. Matsunaga, pp. 144–165. New York: Springer.
- Childe V. G. 1950.** The Urban Revolution. *Town Planning Review* 21: 3–17.
- Claessen H. J. M. 1986.** Kingship in the Early State. *Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde* 142(1): 113–129.
- Claessen H. J. M. 2008.** Before The Early State and After: An Introduction. *Social Evolution and History* 7(1): 4–19.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution and History* 7(1): 245–265.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978. (Eds.).** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik, P. 1981. (Eds.).** *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Cordell L. S., Yannie V. J. 1991.** Ethnicity, Ethnogenesis, and the Individual: A Postprocessual Approach toward Dialogue. *Processual and Postprocessual Archaeologies: Multiple Ways of Knowing the Past* / Ed. by R. W. Preucel, pp. 96–107. Carbondale: Center for Archaeological Investigations, Southern Illinois University at Carbondale.
- Cowgill G. L. 2004.** Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology* 33: 525–549.
- Crumley C. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy, pp. 1–5. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

- Crumley C. 2001.** Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 19–36. New York.
- Cunov H. 1920.** *Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie.* Bd. 1. Berlin: Buchhandlung Vorwärts.
- DeMarrias E., Castillo L. J., Earle T. 1996.** Ideology, Materialization and Power Strategies. *Current Anthropology* 37: 15–31.
- Earle T. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory.* Stanford: Stanford University Press.
- Earle T. 2002.** *Bronze Age Economics: The Beginnings Political Economies.* Boulder: Westview Press.
- Ekholm K. 1977.** External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems* / Ed. by J. Friedman, M. Rowlands, pp. 115–136. London: Duckworth.
- Engels F. 1884 [1972].** *The Origin of the Family, Private Property and the State.* London: Lawrence and Wishart.
- Feinman G. 1995.** The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes. *Foundations of Social Inequality* / Ed. by T. D. Price, G. M. Feinman, pp. 255–279. New York: Springer.
- Feinman G. 2001.** Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 151–175. New York.
- Feinman G., Marcus J. 1998. (Eds.).** *Archaic States.* Santa Fe: School of American Research.
- Flannery K. V. 1998.** The Ground Plan of Archaic States. *Archaic States* / Ed. by G. Feinman, J. Marcus, pp. 15–57. Santa Fe: School of American Research Press.
- Flannery K., Marcus J. 2012.** *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fox R. G. 1977.** *Urban Anthropology: Cities in Their Cultural Settings.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Fried M. 1967.** *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology.* New York: Random House.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism.* Oxford: Basil Blackwell.
- Gellner E. 1988.** *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History.* Chicago: University of Chicago Press.
- Glaeser E. 2011.** *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier.* New York: Penguin Books.
- Godelier M. 1969.** La notion de “production asiatique” et les schemas Marxistes d'évolution des sociétés. *Sur le mode de production asiatique* / Ed. by R. Garaudy, pp. 7–100. Paris: Centre d'études et de recherches marxistes.
- Grinin L. E. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: the Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of Early State Formation. *Social Evolution and History* 8 (1): 92–132.

- Gumplowicz L. 1905.** *Grundriss der Soziologie*. 2. Aufl. Wien: Hof- Verlags- und Universitäts-Buchhandlung.
- Haas J. 1982.** *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia University Press.
- Haas J. 2001. (Ed.).** *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Hansen M. 2000. (Ed.).** *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen: C. A. Reitzels.
- Hodder I. 2006:** *The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük*. London: Thames and Hudson.
- Hommon R. 2013.** *The Ancient Hawaiian State*. Oxford: Oxford University Press.
- Jacobs J. 1969.** *The Economy of Cities*. New York: Radmon House.
- Jennings J., Earle T. 2016.** Urbanization, State Formation, and Cooperation: A Reappraisal. *Current Anthropology* 57(4): 474–493.
- Johnson A. W., Earle T. 2000.** *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford: Stanford University Press.
- Kapferer B. 1988.** *Legends of People, Myths of State*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Kautsky K. 1927.** *Die Materialistische Geschichtsauffassung*. Bd. 1. *Natur und Gesellschaft*. Bd. 2. *Der Staat und die Entwicklung der Menschheit*. Berlin: Verlag J. H. W. Dietz.
- Kostof S. 1991.** *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London; New York: Little, Brown and Company.
- Kristiansen K. 2012.** Theory Does Not Die in Changes Direction. *The Death of Archaeological Theory* / Ed. by J. Bintliff, M. Pearce, pp. 72–79. Oxford: Oxbow Books.
- Lowie R. H. 1927.** *Origin of the State*. New York: New York: Harcourt Brace.
- Maisels Ch. 1999.** *Early Civilizations of the Old World: The Formative Histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China*. New York: Routledge.
- Mann M. 1986.** *The Sources of Social Power*. Vol. I. *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Marcus J., Sabloff J. 2008. (Eds.).** *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe: SAR Press.
- Marx K. 1964.** *Pre-Capitalist economic Formations*. London: Lawrence and Wishart.
- Meskel L. 2005. (Ed.).** *Archaeologies of Materiality*. Oxford: Blackwell.
- Morgan L. H. 1877.** *Ancient Society*. Cleveland: World Publishing Company.
- Moore J. D. 1996.** *Architecture and Power in the Ancient Andes: The Archaeology of Public Buildings*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Moore J. D. 2005.** *Cultural Landscapes in the Ancient Andes: Archaeologies of Place*. Gainesville: University Press of Florida.
- Mumford L. 2011.** What is a City? *The City Reader* / Ed. by R. LeGates, F. Stout. 5th ed., pp. 96–104. New York: Routledge, Taylor.
- Nichols D. L., Charlton T. H. 1997. (Eds.).** *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, DC: Smithsonian Inst. Press.

- Oppenheimer F. 1919.** *Der Staat*. Frankfurt am Main: Rütten & Loening.
- Pauketat T. 2007.** *Chieftoms and Others Archaeological Delusions*. New York etc.: AltaMira.
- Peregrine P., Ember C., Ember M. 2007.** Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data. *Cross-Cultural Research* 41(1): 75–86.
- Possehl G. L. 1998.** Social Complexity Without the State: Ine Indus Civilization. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus, pp. 261–292. Santa Fe: NM.
- Price D., Fienman G. 2010. (Eds.).** *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. New York etc.: Springer.
- Renfrew C. 1972.** *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C.* London: Methuen.
- Renfrew C. 2008.** The City through Time and Space: Transformations of Centrality. *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World* / Ed. by J. Marcus, J. Sabloff, pp. 29–51. Santa Fe: SAR Press.
- Sáenz C. 1991.** Lords of the Waste: Predation, Pastoral Production and the Process of Stratification among the Eastern Tuaregs. *Chieftoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle, pp. 100–118. Cambridge: Cambridge University Press.
- Service E. 1975.** *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton and Co. Inc.
- Sjoberg G. 1960.** *The Pre-industrial City*. Glencoe, Illinois: Free Press.
- Skalnik P. 2009.** Early State Concept in Anthropological Theory. *Social Evolution & History* 8(1): 5–24.
- Smith A. T. 2003.** *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press.
- Smith M. 2008.** *Aztec City-state Capitals*. Gainesville: University Press of Florida.
- Smith M. 2009.** V. Gordon Childe and the Urban Revolution: A Historical Perspective on a Revolution in Urban Studies. *Town Planning Review* 80: 3–29.
- Smith M. 2011.** Empirical Urban Theory for Archaeologists. *Journal of Archaeological Method and Theory* 18: 167–192.
- Smith Mo. L. 2014.** The Archaeology of Urban Landscapes. *Annual Review of Anthropology* 43: 307–323.
- Stoddart S. 1999.** Urbanism and State Formation. *Encyclopedia of Archaeology* / Ed. by G. Barker, A. Grant, pp. 908–949. London, Routledge.
- Storey G. 2006. (Ed.).** *Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Tökei F. 1966.** *Sur le 'mode de production asiatique*. Budapest: Akademiai kiado.
- Trigger B. 1990.** Monumental Architecture – A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behavior. *World Archaeology* 22(2): 119–132.
- Trigger B. 2003.** *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Turnwald R. 1935.** *Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen.* Bd. 4: *Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.* Berlin, Leipzig: Verlag Walter de Gruyter.
- Ucko, P., Dimbleby G., Tringham R. 1970. (Eds.).** *Man, Settlement and Urbanism.* London: Duckworth.
- Wengrow D. 2015.** *Cities before the State in Early Eurasia. Goody Lecture 2015.* Halle: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Wheatley P. 1972.** The Concept of Urbanism. *Man, Settlement, and Urbanism* / Ed. by P. Ucko, R. Tringham, G. Dimbleby (eds.), pp. 601–637. Cambridge: Schenkman.
- Wirth L. 1938.** Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology* 44: 1–24.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism.* New Haven: Yale University Press.
- Yoffee N. 2005.** *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations.* Cambridge: Cambridge University Press.

ЧАСТЬ II. НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ И АСПЕКТЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА

Глава 7. Образование раннего государства из сложного вожества. На примере Гавайев

Гринин Л. Е.

Вводные замечания. Основные идеи главы

В академической литературе часто отмечается, что в отношении сложных вожеств у исследователей возникают сложности и идут дискуссии в связи с тем, что трудно решить, относить ли те или иные общества к категории сложного вожества или раннего государства (см. об этом Carneiro 2017; Claessen 2017; Earle 2017; Gibson 2011, 2012, 2017; Grinin, Korotayev 2012, 2017; Kradin 2017; Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2012, 2013).

Это вводит в тупик тех исследователей, которые рассматривают политогенез как однолинейную схему, считая, что сложное вожество имеет стадияльно более низкий уровень, чем раннее государство. Но, с нашей точки зрения, это неудивительно, поскольку сложные вожества, ранние государства, так же как и другие типы социополитических систем (крупные конфедерации, большие гражданские и храмовые общины и т. п.) находятся, по сути, на одном эволюционном (стадияльном) уровне социополитической сложности (см. об этом: Гринин 2011; Grinin 2003, 2004b, 2009, 2011; Grinin, Korotayev 2017). В настоящей главе мы будем исходить из того, что такие все сложные общества могут быть рассмотрены как аналоги раннего государства. Основная часть главы будет посвящена анализу наиболее развитых сложных вожеств – гавайских. Будет показано в процессе дискуссии с другими исследователями, что до прибытия Джеймса Кука на Гавайях раннего государства не было. Гавайские политии должны классифицироваться как аналоги раннего государства, то есть общества того же эволюционного уровня, что и ранние государства, но лишенные ряда характеристик раннего государства. Этот выход исходит из того, что вся политическая и социальная организация в них основывалась на строгих правилах и идеологии родства и преимуществ определенных родственных линий. А правящие группы были представлены эндогенными кастами и квази-кастами. Переход к государственности произошел только в период правления Камеамеа I в начале XIX столетия.

В главе дается скрупулезный анализ и сравнение между гавайскими вожествами и гавайским государством в отношении ряда важных характеристики, указанных в главе 4, а именно: 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни

общества; 4) редистрибуция власти (подробнее об этих характеристиках см.: Гринин 2011; Grinin 2003, 2004b, 2011).

В главе будет показано, что, во-первых, объединения вождем Камеаеа I четырех главных гавайских вожеств в единое государство могло реализоваться в результате того, что было внедрено европейское огнестрельное оружие и заимствованы другие европейские идеи, во-вторых, что до этого объединения гавайским политиям мешали стать государством следующие обстоятельства:

1. Слишком сильное социальное деление по признаку родства и соответственно слишком большая роль положения в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в иерархии управления. Хотя, и в ряде ранних государств этот фактор имел важное значение, но все же на Гавайях его значимость была исключительной. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию: генеалогической близости к старшей родственной линии.

Напротив, с объединением Гавайских островов Камеаеа I в начале XIX в. произошло уничтожение или понижение значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель), а также возросли возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы, которые даже были наделены имениями с даровой рабочей силой.

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение поддельных родословных, трудности изменения сложившейся системы не позволяли гавайским вождям перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности сопротивления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди. Это дало возможность усилить власть центра и стало важным толчком для формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе.

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных кланов и линиджей; всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Д. Салинзу (Sahlins 1972), наткнулись на их сопротивление и часто заканчивались восстаниями.

После объединения страны произошли быстрые изменения в течение двух десятилетий в плане реформ (например, создание регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации, в частности при заготовках сандалового де-

рева. Особенно важными были также изменения в отношении религиозных обычаев и порядков. Это наглядно показывает, чем отличается раннее государство от аналогов. Сын Камеаеа I, Камеаеа II, как известно, отменил старую религию, все обряды и жертвоприношения, табу, предписал разрушить все храмы и святилища, уничтожить изображения богов.

1. О сложных вожествах в Америке и на Гавайях

Сложные вожества в Америке. Крупные (не говоря уже про очень крупные) сложные вожества можно считать аналогами ранних государств, поскольку они не уступают малым и средним государствам по размерам, численности населения и социокультурной и/или политической сложности¹. В качестве примера очень крупных вожеств можно привести вожества в Америке, в частности в Венесуэле. Так Спенсер (Spencer 1998) говорит о вожествах Какетио, существовавших в XVI в. Одно из вожеств Какетио состояло из 23 деревень, находившихся под властью верховного вождя, причем в одной из деревень проживало около 4 тыс. человек. Согласно Федерманну (см.: Spencer 1998: 108–109) верховный вождь мог собрать дружину численностью до 30 тыс. воинов. Два других вожества могли собрать соответственно 16 тыс. и 8,5 тыс. человек (Там же). В качестве еще одного примера можно упомянуть вожества на о. Гаити, существовавшие в конце XV и XVI вв. Гаити в то время был, вероятно, самым густонаселенным островом среди других Больших Антильских островов (Александренков 1976: 143) и состоял из нескольких крупных вожеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (*каси́ков*) испанцы выделили некоторых наиболее важных верховных вождей. По некоторым данным, каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 и больше младших вождей. По словам Лас Касаса один из верховных вождей – Бехечо – имел в подчинении около 200 *каси́ков* (Там же: 150–151).

Гавайские вожества: уровень сложности. В качестве наиболее наглядного примера крупных вожеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайские. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контактов с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских и, возможно, даже из всех когда-либо известных вожеств (Earle 2000: 73–74; 2011; см. также: Johnson, Earle 2000: 284).

Существование раннего государства на Гавайях всегда было предметом споров (van Bakel 1996). И это неудивительно, поскольку уровень сложности и степень развитости гавайских вожеств существенным образом усложняет их классификацию. Однако это делает классификацию еще более важной и интересной задачей. И потому нельзя согласиться, что вопрос о том, являются ли политики доисторических Гавайских островов вожеством или же государством не так уж и важен (Earle 2011: 29). С моей точки зрения, важно определить являлись ли Гавайи ранним государством или они были именно аналогом раннего государства

¹ О вожествах, которые состояли из сотни поселений и по размерам и сложности могли быть названы государствами, см. например: Carneiro 1981; 2000a: 55–56, Rountree, Turner 1998, etc.

в форме суперсложного вожества. Определение Эрлом гавайских вожеств как государствовподобных политических организаций вполне правомерно (Там же: 37), однако именно этот факт показывает, что более рациональным будет рассматривать их в качестве аналога раннего государства.

Гавайцы добились значительных хозяйственных в хозяйствовании, в частности в ирригации и в интенсификации экономики в целом, включая создание рыбоводных и соляных прудов (см.: Earle 1997, 2000, 2011; Johnson, Earle 2000; Wittfogel 1957: 241). У них наблюдался очень высокий уровень стратификации общества и аккумуляции прибавочного продукта элитой; также было характерно основательное идеологическое обоснование привилегий высшего слоя (van Bakel 1996; Seaton 1978; Claessen 2004). К моменту открытия Гавайских островов Джеймсом Куком здесь сформировалась политическая система с несколькими крупными вожествами, которые располагались на наиболее крупных островах (Гавайи, Мауи, Оаху и Кауаи) с некоторыми соседними небольшими островами (Earle 2002: 78; 2011). Войны между крупными вожествами, а также внутри одного вожества были довольно обычным явлением². Время от времени, в результате успешных или неудачных войн и иных политических событий, политики то увеличивались, то уменьшались в размерах.

Число жителей крупных вожеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 246). Вожества делились на «районы»; в целом, по крайней мере в крупнейших вожествах, можно говорить о четырехуровневой иерархической системе – от верховных вождей до землевладельцев (*конохиков*) (Seaton 1978: 274; Earle 2011).

2. Гавайские политики с точки зрения эволюционной стадиальности

Гавайские политики: государство, догосударственное общество или аналог раннего государства. Итак, в этих вожествах существовали все *объективные* условия для образования раннего государства: обширная территория, многочисленное население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, принудительное перераспределение ресурсов, сильная власть верховного вождя и его сакрализация, жесткая иерархия власти, развитая идеология и т. п. Но *конкретно-исторические условия и «триггеры»*, то есть *экстремальные и важные изменения в обычных условиях жизни*, отсутствовали (см.: Claessen 2002, 2004, 2010; Grinin 2002, 2003, 2009, 2011a, 2011b; Гринин 2011)³. Именно поэтому государство (согласно моей и многих других исследова-

² После смерти верховного вождя обычно происходило перераспределение владений вождей, а также изменения в иерархии, которые редко протекали мирно. Поэтому переход власти верховного вождя обычно означал ожесточенные войны между претендентами (Earle 2011; Stingle 1983: 116).

³ Для перехода к государству очень важными являются возникновение экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни и необходимостью новых решений и реформ, стремлением перераспределить власть (например, внешняя опасность, удачный захват, какое-то

телей интерпретации данной политики) в доконтактный период так и не появилось. В нашем понимании триггером выступает событие, создающее такие вызовы обществу, для удачного ответа на которые старых способов уже недостаточно, необходимо искать принципиально новые. Среди таких событий наиболее часто оказывалась война, наступательная или оборонительная, особенно длительная. Она вела к необходимости мобилизовать все силы общества и передать власть военному лидеру, который в мирное время имел не столь высокий статус. Но для Гавайев таким триггером выступило открытие архипелага для внешнего мира, в результате чего островитяне столкнулись с совершенно необычными для них вызовами.

Важно отметить: точка зрения, что еще до прибытия кораблей Кука во время его 3-й экспедиции в 1778–1779 гг. на Гавайях не было государства, разделяется большинством исследователей (см., например: Goldman 1970; Sahlins 1972a; Service 1975; Kirch 1986; Harris 1995: 152; Earle 1997, 2000; Johnson and Earle 2000). Некоторые антропологи (например, Seaton 1978: 270; van Bakel 1996; Bargatzky 1985) все же считают, что раннее (по крайней мере, зачаточное) государство существовало на Гавайских островах еще до контактов с европейцами. Конечно, это в значительной степени зависит от того, что считать государством (о различных подходах к определению государства см.: Гринин 2011: 21–26).

Согласно нашему определению раннего государства⁴, мы не можем говорить о существовании раннего государства на Гавайях. Но в то же время неправильно считать его просто догосударственным обществом⁵. Его следует рассматривать как *аналог раннего государства*, общества того же уровня развития, что и ранние государства, однако лишенного характерных черт, свойственных государству (хотя сходные функции реализовывались, но другими институтами). Процесс быстрых изменений и превращений гавайских вожеств (аналогов ранних государств) в раннее государство начался с открытия островов Джеймсом Куком. Можно также говорить о качественных изменениях, свидетельствующих о том, что раннее государство на Гавайях сформировалось примерно после объединения Гавайских островов в единое государство, то есть около 1810 г., когда все населенные острова архипелага присоединились к королевству Камеамеа I.

Какие характерные черты, свойственные государству отсутствовали у гавайских вожеств? Хотя методологически корректным будет анализиро-

важное техническое или социальное изобретение), появление особо выдающегося лидера (см., например: Миллер 1984: 216) и т. п.

⁴ Раннее государство – это категория, с помощью которой обозначается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые нормы, а также перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства (Гринин 2011: 32–33; см. также: Гринин 2006: 86–87).

⁵ Это были догосударственные общества только с исторической точки зрения, а не стадийной (подробнее об этом разделении см. Гринин 2011: 245–247; Grinin 2004a: 94; 2011: 88).

вать политику на пороге ее трансформации в раннее государство именно с позиции определения *раннего* государства, стоит начать со сравнения гавайских политий с определением государства в целом, а затем перейти к сравнению их с ранним государством⁶. Согласно нашему определению, государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Гавайские вождества, хотя и имели отделенную от населения организацию власти, и в этом плане приближались к государству, но эта организация не представляла собой систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Нет, *систему органов власти на Гавайях никоим образом нельзя назвать специализированной*. Слово специальные предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управленческую направленность⁷. В то время как на Гавайях это была система обеспечения сословно-кастового господства вождей различных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. «Правление на Гавайях было сочетанием привилегий и обязанностей элиты» (Seaton 1978: 275). Кроме того, идеологический аспект этого симбиоза был самым важным в плане обеспечения прочной легитимности власти высшего сословия (*алии*, то есть благородных) (см., например: Service 1975: 158). Таким образом, нельзя было изменить идеологию, которая запрещала менять общественные отношения. В еще меньшей степени можно считать свойственными только государству правила в виде различных табу (*кану*), посредством которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, в то время как наиболее важные табу обеспечивали власть высшего сословия (*алии*) в целом⁸.

Теперь проанализируем гавайские политии в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства.

Главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был тесно (более жестко, чем в ранних государствах) связан с родственной иерархией, основанной на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Согласно принципу первородства, линии старших братьев и сыновей считались более высокими среди остальных. Следовательно, родные братья приобретали разный статус. Таким образом, вся политиче-

⁶ Государство – это категория, с помощью которой обозначается система *специальных (специализированных) институтов, органов и правил*, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы (Гринин 2011: 26). Это определение относится к любым эволюционным типам государства от раннего до зрелого.

⁷ Подобные органы и отношения начали формироваться только в период царствования Камеамеа I и особенно после него; например, появились полиция, суды, новые законы и правила, образовательные учреждения, денежное обращение и т. д.

⁸ Существование подобных институтов, возможно, было одной из причин отсутствия законодательства и суда.

ская и социальная организация основывалась на строгих правилах и идеологии родства. Правящие слои представляли собой эндогамные касты и квазикасты (см., например, Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99; Бутинов 1985).

Именно поэтому, если мы обратимся приведенному нами определению раннего государства (сн. 3), то гавайские политии не отвечают пункту «в», согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (полностью или, по крайней мере, в основном) не на принципе родства*. Слово сочетание «в основном» означает, что в ранних государствах наблюдается *заметная социальная мобильность* при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя гражданских и военных управленцев). Подобного рода социальная мобильность на Гавайях была очень слабой или практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политии перейти к собственно государственным методам управления (см.: Grinin 2004a: 110–111).

Хотя во многих ранних государствах, как, например, в Китае эпохи Чжоу (Steel 1970, 2001; Васильев 1993) или даже в Древней Руси, родственные отношения играли большую роль в формировании высшего слоя управителей (например, древнерусских князей), средние слои пополнялись в основном из других страт и источников, в том числе и неполноправных (о Древней Руси см., например: Ключевский 1937; Фроянов 1999)⁹. Кроме того, со временем, как убедительно показали Классен и Скальник (Claessen, Skalník 1978), значение родства в государстве уменьшается.

В гавайских политиях идеология родства была слишком важна, поэтому даже низший слой правящего сословия состоял в основном из дальних родственников вождя. Неудивительно, что попадание в это сословие благородных (алии) было крайне затруднительным, если вообще возможным, так как в него входили вожди (более низкого ранга), их близкие родственники, дальние родственники (Service 1975: 152) и родственники семьи главного вождя (см., например: Bellwood 1987: 98)¹⁰. Вождь более низкого ранга мог стать членом свиты верховного вождя или его воином (Earle 1997: 44); и только низшие слои (слуги и ремесленники) состояли не из родственников (хотя, возможно, и не полностью, так как на Гавайях даже члены общины [*maka 'āinana*] считались дальними родственниками *алии*)¹¹.

Есть еще один важный момент, в отношении которого гавайские политии не соответствуют нашему определению раннего государства – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью поли-*

⁹ В целом, в ранних государствах роль иностранцев, рабов, людей с ограниченными правами была очень важна (см., например, Shifferd 1987; Гринин 2010: 43).

¹⁰ Хотя Ситон (Seaton 1978: 274) считает, что слой земельных управленцев (*konoiki*) мог частично состоять из простых людей (*maka 'āinana*), других исследователи не подтверждают этот факт. Например, Ёрл (Earle 2011: 39) пишет, что управляющий земельными участками (*konoiki*) обычно был вождь низкого ранга и часто бывший воин.

¹¹ Однако в период масштабных столкновений вождь мог набирать воинов и среди простых людей, которые в случае успеха могли получить участок земли на завоеванной территории.

тической власти. Мы имеем в виду возможности менять их коренным образом, путем реформ и политических решений. Несомненно, жизнь в гавайских вожествах шла своим чередом. Менялся состав вождей, также изменялись и границы вожеств и вожествоподобных образований. Довольно часто происходили бунты и восстания (Sahlins 1972a). В результате восстаний и гражданских войн к власти мог прийти вождь низкого ранга, лишенный четких «законных» прав на высший титул; земельный надел мог быть перераспределен; табу накладывались на что-то или снимались; нормы повинностей колебались в определенных рамках. Но все институты и нормы, основные общественно-политические и идеологические отношения, руководящие принципы оставались прежними, то есть основанными на родстве и кастовом делении. Следовательно, новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества (политические, административные, социальные и т. п.), которые неизбежно присутствуют в раннем государстве, практически отсутствовали.

По словам Сервиса, социально-политическая система вожеств, опирающаяся на вековые традиции и обычаи, уже не отвечает требованиям формирующегося государства, которое, хотя и пытается руководствоваться господствующей идеологией и традициями (обычаями), *должно развивать* дополнительную опору в виде монополии власти с правовой структурой (Service 1975: 154; см. также: Webb 1974). В целом, как мы увидим дальше, причины необходимых перемен лежали глубже. Дело в том, что в раннем государстве резко возрастает значение политико-административных (военных) инструментов для внутреннего управления, что требует изменение порядка назначения управленцев, изменение управленческих методов и отход от традиционных методов регулирования жизни общества (подробнее см.: Grinin 2003, 2004b; Гринин 2010; см. также: Shifferd 1987: 43, 47).

Главные различия между ранними государствами и их аналогами (на примере сравнения гавайских вожеств и гавайского государства). (см. также: Grinin 2003, 2011; Гринин 2011):

1. В политиях-аналогах развитие связано в меньшей степени с созданием новых институтов, отношений и форм, но в большей степени с чрезмерным развитием прежних тенденций (во всей системе «ранг – мана – табу» в доконтактных гавайских вожествах наблюдалась чрезмерная сакрализация вождя, института табу (капу), системы родства и псевдородства, строжайшее разделение генеалогических линий и т. д. [Webb 1965: 25]). В раннем государстве дело обстоит иначе: проявляется способность к реформированию и разрыву традиций, появляются новые формы управления и новые идеологии, меняется порядок назначения руководителей и т. д.

2. В раннем государстве способность верховной власти изменять отношения и нормы значительно выше, чем в аналогах.

3. И в целом в ранних государствах наблюдаются более значительные тенденции к изменениям по сравнению с аналогами.

4. В результате в ранних государствах скорость и/или глубина, системный характер преобразований и темп развития в целом возрастают по сравнению

с аналогами¹². Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами, а в ряде случаев с глубоким социально-политическим и демографическим кризисом.

3. Анализ преобразований на Гавайском архипелаге в свете теории раннего государства и его аналогов

В рамках настоящей главы нет возможности провести более подробно сравнить раннее государство и его аналоги (подробнее см.: Grinin 2003, 2004b, 2010, 2011a, 2011b). Мы остановимся подробно лишь на некоторых аспектах, наглядно демонстрирующих разницу между аналогом раннего государства и ранним государством: *глубина трансформации; скорость преобразований; способы осуществления преобразований, особенно изменение и нарушение традиций*. Стоит отметить, что различия между гавайскими вожествами и гавайским государством во всех этих аспектах проявлялись в классических формах. Однако такие изменения не могли произойти без укрепления верховной власти. Именно с этого процесса стоит начать сравнение. В то же время стоит обратить внимание на некоторые особенности формирования именно гавайского государства: *системный характер изменений* (который проявляется далеко не в каждом раннем государстве или проявляется не сразу); *высокая цена*, которую архипелаг заплатил за такие изменения; и некоторые другие.

Усиление верховной власти. Степень централизации власти на доконтактных Гавайских островах была очень высокой, поэтому процесс превращения Гавайев в раннее государство происходил при том же политическом режиме, что и раньше. На этом примере видно, что если государство образуется на базе сложных вожеств с сильной властью вождя, то власть нового «короля» может стать еще более сильной и непререкаемой. Уместно напомнить, что Камеамеа I, объединивший в начале XIX в. все острова, ликвидировал часть местной аристократии, передал власть над островами от местных династий своим родственникам и приближенным, провел перераспределение земель на завоеванных территориях (Тумаркин 1964: 88–90; 1971: 21) и изменил порядок назначения высших администраторов. Завоевав остров Оаху, король перенес туда свою резиденцию. Такой перенос резиденции или столицы наблюдался во многих ранних государствах (см.: Grinin 2003: 160). Существенное усиление политической власти осуществлялось также за счет ослабления жречества (Service 1975: 158; Davenport 1969: 17), хотя это и наносило вред концепции священного статуса вождя (Davenport 1969: 17). Сын Камеамеа I, Лихолихо (принявший тронное имя Камеамеа II) и его приближенные начали «гавайскую культурную революцию» (Service 1975: 156–158; Davenport 1969; Hiroa 1964; Токарев и Толстов 1956: 654; Тумаркин 1971; Латуш-

¹² Ср. темпы развития, скажем Киевской Руси и ее соседей – половцев, или саксов в Британии и Саксонии, или монголов до империи Чингис-хана и после и т. д., и тогда эта идея становится понятной. Уже Классен и Скальник отмечали растущую скорость изменений в раннем государстве. Они подчеркивают, что явным признаком процесса формирования государства является эффект снежного кома (кумулятивность): начавшись, оно становится все стремительнее (Claessen, Skalnik 1978: 624–625); фактически мы имеем здесь дело с положительной обратной связью.

ко 2006). Этот резкий переворот начался с нарушения ряда наиболее строгих *табу*. В частности, Лихолихо-Камеама II открыто входил к своим женам и ел вместе с ними (точнее, принимал их приглашение поужинать вместе). Затем Камеама II, по совету своих приближенных, разослал указы об упразднении старой религии и разрушил места поклонения. Имея армию с огнестрельным оружием, король вполне логично полагал, что уже меньше нуждается в сакральной поддержке небес, что и доказал, победив в начавшейся гражданской войне. Причины этой культурной революции широко обсуждаются (см., например: Webb 1965), хотя совершенно очевидно, что она имела политическую подоплеку, поскольку государство объективно столкнулось с необходимостью искоренить оппозицию, которая выступала не только за старую религию, но и за прежний порядок. По мнению Сервиса, новый правитель был часто склонен рассматривать старое жречество как преграду на пути укрепления и абсолютизации своей власти (Service 1975: 158). Разрыв со старой идеологией и насаждение новых религий и идеологий часто оказываются весьма целесообразным способом осуществления такой социально-политической революции. Кроме того, по всей видимости, новые правители зачастую не прочь были освободиться от вынужденных и утомительных сакральных обязанностей, если это представлялось возможным.

Позже степень влияния центральной власти на Гавайях – в зависимости от нрава королей и регентов, а также иностранного влияния – могла колебаться, но сам факт образования единого государства уже не был спорным, а сепаратизм перестал играть важную роль.

Чтобы понять различия в **глубине и темпе преобразований общества** в аналогах раннего государства и в ранних государствах, можно сравнить определенную стагнацию общественно-политической структуры до Камеама I и многочисленные изменения, которые внес король во время своего правления¹³. Среди основных можно выделить следующие: 1) изменение порядка назначения высших должностных лиц и губернаторов островов (кухинауи или *kuhina*), которые с этого времени назначались по принципу личной преданности и были из числа людей высшего слоя (губернаторы, в свою очередь, также назначались на должность с одобрения короля); 2) частичное отделение административной власти от экономической в связи с изменением порядка назначения администраторов и их прав землевладения (владения вождей были поделены и располагались в разных местах и на разных островах). Более того, знать была отделена от своих владений, так как высшие аристократы должны были оставаться при короле; 3) создание регулярной армии, военного флота¹⁴, полиции и следственного органа¹⁵; 4) введение письменности в сфере управления (одновременно с существовавшей устной традицией); 5) внесение изменений в систему налогообложения и пошлин. Теперь налогообложение

¹³ В рамках настоящей главы мы можем лишь кратко перечислить эти изменения.

¹⁴ Армия, вооруженная пушками и ружьями и размещенная на каждом острове, насчитывала несколько тысяч человек, а флот состоял из 60 лодок, нескольких бригов и шхун, кроме того были построены несколько фортов (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20).

¹⁵ Например, В. М. Головин (1965: 223) отмечал, что «система шпионов была в совершенстве развита на Гавайях».

включало в себя различные таможенные пошлины и портовые сборы (а также доходы от монополии на внешнюю торговлю), а пошлины стали не только более высокими (в особенности на заготовку сандалового дерева), но и частично преобразовались в денежную форму. Кроме того, был создан новый механизм контроля над внешнеэкономической деятельностью (строительством складов и т. д.) и орошением.

Существенные изменения в системе государственного управления произошли и после правления Камеаеа I. Недолгое царствование Камеаеа II (1819–1824) ознаменовалось вышеупомянутой культурной революцией. Это создало идеологический вакуум, который был быстро заполнен миссионерами¹⁶. Таким образом, их роль в политической и культурно-идеологической сферах коренным образом изменилась: возросло прямое влияние европейцев на все сферы жизни гавайцев; сформировавшиеся гавайская письменность и система образования охватили все население; произошли изменения в законодательстве, включая письменные законы, а также христианизация.

В 1840–1850-е годы¹⁷ была проведена реформа системы государственного управления по западным образцам (но с гавайскими признаками). Власть короля сводилась к минимуму и была ограничена, были созданы государственные советы, министерства, парламент, специальная избирательная система; были провозглашены требования по обеспечению безопасности жизни людей и их собственности; натурализованные европейцы получили право быть избранными и т. д.

Существенные перемены: разрыв с традициями и реформы. Отношение к традициям в ранних государствах могло быть разным, в частности, оно часто зависело от того, насколько традиция в тот или иной момент времени соответствовала интересам властей (стоит принять во внимание тот факт, что психологические особенности реформаторов также играли роль в данном вопросе). Культурная революция на Гавайях и последовавшее за ней принятие христианства, безусловно, были самыми драматическими проявлениями разрушения старых традиций. В политической жизни отход от традиций также был вполне очевидным и проявлялся по-разному: отказ от традиционных церемоний¹⁸, подражание иностранным дворцовым церемониалам и ритуалам, заимствование в сфере моды и одежды, образа жизни и т. п. (Johnson, Earle 2000: 294), введение новых форм общения с народом и политических формул (в частности, зафиксированных в конституциях) с целью сокращения сословного неравенства.

В ранних государствах могли относиться безразлично ко многим традициям, поскольку последние не влияли на функционирование. Некоторые традиции, напротив, значительно усилили свое влияние поскольку государство опиралось на них, так что менее значимые обычаи становились важными или даже главными.

¹⁶ Особенно в период королевы-регентши Каахумани в период правления малолетнего Камеаеа III (1824–1832).

¹⁷ В поздний период независимого правления Камеаеа III (1824–1855) и в ранний период правления Камеаеа IV (1855–1863).

¹⁸ Надо сказать, в доконтактных Гавайях это был очень впечатляющий церемониал. Каждый верховный вождь двигался в окружении около 60 воинов и личных помощников, которые несли символы его полномочий, личные регалии (например, плевательницы и мухобойки) и удовлетворяли любую его прихоть (Earle 2011: 37).

ми¹⁹. Весьма часто это касалось таких «традиций», как выполнение различных материальных, трудовых или военных повинностей. Именно это наблюдалось в гавайском государстве в XIX в. Из-за роста государственных расходов, расточительства двора и аристократии и огромных государственных долгов повинности простого народа – относительно умеренные в доконтактный период – резко возросли. Это было особенно ярко выражено в обязательных заготовках сандалового дерева, что иногда приводило к сельскохозяйственным кризисам, дефициту продовольствия и даже голоду (Тумаркин 1971; Ellis 1963 [1827]: 79–80).

Реформирование стало основным способом изменения существующего порядка и толчком к модернизации под иностранным влиянием. К 1804 году уже 50 европейцев находились на военной службе у Камеамеа I (Лисянский 1812: 184), а к середине XIX века натурализованные иностранцы занимали все ключевые должности. Большинство коренных изменений уже упоминались выше, но также стоит отметить значительные изменения 1840-х годов, которые были связаны с регулированием государственных и королевских финансов, погашением государственного долга и т. д., судебной и земельной реформами, включающей в себя появление частной собственности и права на свободное пользование землей (в том числе и для иностранцев). Все это привело к кардинальным изменениям в социальной структуре и в конечном счете к утрате независимости.

Системный характер преобразований, их высокая цена и особенности. Даже краткий обзор изменений показывает, что они носили системный характер, фактически охватывая в течение сравнительно короткого периода все сферы жизни и все аспекты политической, экономической, религиозной и культурной деятельности. Такая последовательность и скорость изменений в целом несвойственна ранним государствам, это было особенностью гавайского государства (и, в определенной степени, других полинезийских государств). Безусловно, это явилось результатом огромного и постоянно растущего иностранного влияния на процесс реформирования и увеличения экономических интересов на Гавайских островах среди различных групп иммигрантов и стран.

Но, как правило, за такие быстрые и стремительные изменения приходится платить высокую цену. На Гавайях это привело к сокращению численности населения, а затем и к изменению его этнического состава: к 1900-м гг. численность иностранных мигрантов в конечном счете превысила число местных жителей²⁰.

Важно отметить еще одну особенность (в целом, несвойственную ранним государствам) трансформации гавайского общества, а точнее ее второй фазы,

¹⁹ Например, у зулу молодежь проходила военное обучение в военных кралях, где они оставались довольно долгое время, и только после этого они получали право жениться. Зулусский правитель Чака, который вел бесконечные войны и был заинтересован в многочисленной армии, еще больше укрепил эту традицию. Он запретил воинам жениться, потому что они постоянно были на военной службе. Он даровал это право отдельным воинам или подразделениям только за особые заслуги (см. Ritter 1955).

²⁰ По некоторым данным число иммигрантов на Гавайских островах в 1850 г. составляло менее 3 %, а уже в 1900 г. в результате массового наплыва китайских и других рабочих, они составили почти три четверти населения (Латушко 2006: 1985).

начавшейся после смерти Камеаеа I. Дело в том, что после Гражданской войны 1819 г. (разразившейся в результате упразднения старой религии) институт войны и, соответственно, сама армия перестали занимать ведущую позицию. А вместе с тем снижались стимулы к развитию, характерные как раз для эволюции ранних государств (которая, как правило, сопровождалась бесконечными войнами и направляла все свои силы на развитие армии и внешней активности)²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Таким образом, резюмируя изложенное, мы можем утверждать, что доконтактные гавайские вождества были именно аналогом ранних государств, а не ранним государством в силу следующих обстоятельств:

- *Решающее влияние статуса, полученного в рамках родственной иерархии, на возможность занять какую-либо позицию в управленческой иерархии.* Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию – генеалогической близости к старшей родственной линии (см., например: Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a). Как было отмечено выше, в ряде ранних государств фактор родственных отношений и превосходства знатных кланов имел важное значение, например, в китайском государстве Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.), но все же на Гавайях его значимость была исключительной²². С объединением Гавайских островов Камеаеа I в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возросли возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей (в том числе иностранцев) в правящий слой. Кроме того, иностранцы были наделены владениями с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94, 88–90; 1971: 21ff.) и позже стали ведущим экономическим двигателем.

- *Весьма ограниченные возможности для внедрения политических новшеств* из-за чрезмерно сильной роли традиций, особенно религиозных и генеалогических (тесно связанных между собой). *Kāny* давали вождям возможность достаточно гибко реагировать на изменения, а также способствовали укреплению

²¹ Вероятно, такое относительно мирное существование гавайского государства ослабило мощь гавайской аристократии и привело к ее замещению иностранными плантаторами. А сокращение населения смягчило демографическое давление и социальное напряжение.

²² Впрочем, в Китае эпохи Чжоу особая роль родственного статуса в клане правителя определялся тем фактом, что династия Чжоу была относительно малочисленным этносом в завоеванной стране (что, впрочем, наблюдалось и в других странах, например, в Киевской Руси). Кроме того, административные посты занимали не только родственники правителя, но и аристократы, у которых были способности и средства. Многие посты передавались по наследству, но это вовсе не было нормой. «Людей назначали на пост и продвигали по службе, основываясь на их личных качествах и способностях (Крил 2001: 88; см. также: Васильев 1993: 187 и др.). И это, по нашему мнению, резко отличает Западное Чжоу как раннее государство от гавайских вождеств как аналогов раннего государства. Китайские ранние государства вообще, с одной стороны, нередко могут быть рассмотрены как классические примеры формирования и развития таких государств, а с другой – нередко демонстрируют очень большую специфику (см. Jianping Yi 2012; He Nu. 2018; Shen Changyun. 2019).

нию традиционных отношений. Мы можем согласиться с Элманом Сервисом в том, что система гавайских вожеств была теократией, скрепленной идеологией, которая оправдывала правление наследственной аристократии и подкрепляла его вековыми обычаями и этикетом (Service 1975: 154). Таким образом, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий, любые изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы.

- *Изоляция Гавайского архипелага* поддерживала установившийся политический, социальный и экологический баланс (см.: Seaton 1978). Между тем для образования раннего государства, как уже упоминалось выше, были необходимы экстремальные ситуации – внезапные изменения привычных условий жизни (триггеры). Такого рода изменения произошли с приходом европейцев²³.

- *Невозможность кардинального перераспределения властных полномочий (в том числе и обязанностей) в пользу центра.* Этому мешал целый ряд обстоятельств, связанных с особенностями гавайских политик. Например, попытки повысить нормы эксплуатации простых людей (если верить М. Салинзу [Sahlins 1972b]) наталкивались на их сопротивление, что часто заканчивалось восстаниями, которые, как правило, возглавляли недовольные вожди и жрецы. Кроме того, изоляция и отсутствие внешних рынков ограничивали влияние аристократии и вождей на перераспределение материальных средств. В начале XIX века усиление политической и экономической власти короля позволило сосредоточить в его руках на порядок больше ресурсов, причем это были не сырьевые, а экспортные товары и деньги (то есть в терминологии Эрла не основные денежные средства, а финансовое богатство)²⁴.

2. В то же время гавайские вожества вполне можно считать аналогами ранних государств, поскольку они не уступают другим государствам по размерам и уровню развития. В частности, население самого крупного вожества Гавайского архипелага составляло 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 285), что в *сто* раз превосходит численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на Тробрианских островах (Johnson, Earle 2000: 267–279)²⁵. Только число вождей на о. Гавайи могло достигать до 1 тыс. человек, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества (Там же: 291). Иными словами, здесь, очевидно, речь идет уже не столько о вождах-управленцах, сколько о своего рода касте, которую можно назвать вождеской. Если к числу во-

²³ И, кстати, с учетом изоляции архипелага и Полинезии в целом от остального мира и окруженности морем островов, мы ни в коем случае не можем согласиться с идеей поддерживаемой Эрлом (Earle 2011: 37) что Полинезия была своеобразной лабораторией развития человеческих обществ (Sahlins 1972a; Goldman 1970; Kirch 2007). Условия, в которых развивались полинезийские общества, должны рассматриваться скорее как специфические и нетипичные. Следовательно, социополитические отношения на Полинезии нужно рассматривать с учетом особенностей этих обществ.

²⁴ О важной роли внешней торговли в ранних государствах см.: Webb 1974: 374.

²⁵ Некоторые ученые оценивают численность населения на Гавайях до прибытия Кука в районе 120 тысяч человек или даже больше (см.: Wright 2006: 6).

ждей на о. Гавайи прибавить других представителей элиты (жрецов, воинов и управляющих) и их родственников, то численность элиты, очевидно, превысит число жителей сложных вожеств на Таити, население которых, согласно Х. Й. М. Классену (Claessen 2004: 77), составляло 5 тыс. человек²⁶. Однако необходимо также отметить, что в процессе формирования государства на Гавайском архипелаге общая численность населения уменьшилась и, следовательно, общее число жителей гавайского вожества уже в 1830-е гг. (132 тыс. человек, по некоторым, возможно, заниженным, данным [Латушко 2006: 147–148]) едва ли превышало число жителей всего лишь одного вожества на Гавайском архипелаге. В дальнейшем численность населения гавайского вожества продолжила сокращаться²⁷.

Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти (о степени централизации власти в ранних государствах см., например: Shifferd 1987).

3. Все это доказывает, что *гавайские сложные вожества необходимо считать аналогами малых и средних ранних государств.*

Библиография

- Александренков Э. Г. 1976. *Индейцы Антильских островов*. М.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1985. *Социальная организация полинезийцев*. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1993. *История Востока*. В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Головин В. М. 1965. *Путешествие на шлюпе Камчатка*. М.: Мысль.
- Гринин Л. Е. 2006. Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2010. *Государство и исторический процесс: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд. М.: LIBROCOM.
- Гринин Л. Е. 2011. *Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. Вожества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.

²⁶ Классен даже рассматривает их как ранние государства (Claessen 2004: 77).

²⁷ В частности, корь убила одну пятую часть населения Гавайев в 1850-е гг. (Mintz 2007).

- Ключевский В. О. 1937.** *Курс русской истории*. Ч. 1. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Крилл Х. Г. 2001.** *Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу*. СПб.: Евразия.
- Латушко Ю. В. 2006.** *Трансформация гавайского общества (конец XVIII – середина XIX в.)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: ДВО РАН.
- Лисянский Ю. Ф. 1812.** *Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 6 годах по повелению Его Императорского Величества Александра Первого на корабле Нева, под начальством Флота Капитан-Лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского*. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера.
- Стингл М. 1983.** *Очарованные Гавайи*. М.: Наука.
- Токарев С. А., Толстов С. П. (Ред.). 1956.** *Народы Австралии и Океании*. М.: Изд-во АН СССР.
- Тумаркин Д. Д. 1964.** *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»*. М.: Наука.
- Тумаркин Д. Д. 1971.** *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865*. М.: Наука.
- Фроянов И. Я. 1999.** *Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Bargatsky T. 1987.** Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 24–38. Leiden: Brill.
- Bellwood P. 1987.** *The Polynesians. Prehistory of an Island People*. London: Thames and Hudson.
- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, and R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Carneiro R. L. 2000.** Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason, pp. 52–58. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Carneiro R. L. 2017.** The Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 15–62. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 1996.** Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, and J. G. Oosten, pp. 339–358. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M. 2002.** Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
- Claessen H. J. M. 2004.** Was the State Inevitable? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 72–87. Volgograd: Uchitel.
- Claessen H. J. M. 2010.** On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1): 3–51.

- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 109–128. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.). 1978.** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Creel H. G. 1970.** *The Origins of Statecraft in China*. Vol. 1. *The Western Chou Empire*. Chicago: University of Chicago Press.
- Davenport W. 1969.** The ‘Hawaiian Cultural Revolution’: Some Political and Economic Considerations. *American Anthropologist* 71: 1–20.
- Earle T. K. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Earle T. K. 2000.** Hawaiian Islands (A. D. 800–1824). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 73–86.
- Earle T. K. 2002.** *Bronze Age Economics*. Boulder: Westview.
- Earle T. K. 2011.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Social Evolution & History* 10(1): 27–53.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 233–256. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Gibson, D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson, D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 179–194. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Goldman I. 1970.** *Ancient Polynesian Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Grinin L. E. 2002.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2004b.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin *et al.* 2004: 88–136.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation Social. *Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.

- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017.** Chiefdoms from the Beginnings until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 3–14. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Harris M. 1995.** *Cultural Anthropology*. 4th ed. New York: Addison-Wesley.
- He Nu. 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.
- Hiroa Te Rangi (Sir Peter Henry Buck) 1964.** *Vikings of the Sunrise*. Christchurch: Whitcombe & Tombs.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History*. Volume 11, Number 2 / September 2012
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kirch P.V. 1986.** *Island Societies. Archaeological Approaches to Evolution and Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 155–178. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Mintz S. 2007.** Migration and Disease. Period: 1880–1920. *Digital History*. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/database/article_display.cfm?HHID=422.
- Ritter E. A. 1955.** *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire*. London: Longmans Green and Co.
- Rountree H. C., and Turner E. R. 1998.** The Evolution of the Powhatan Paramount Chiefdom in Virginia. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas* / Ed. by E. M. Redmond, pp. 265–296. Gainesville, FL: University Press of Florida.
- Sahlins M. D. 1972a/1958.** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; London: University of Washington Press.
- Sahlins M. D. 1972b.** *Stone Age Economics*. Chicago.
- Seaton L. 1978.** The Early State in Hawaii. In Claessen, Skalník 1978a: 269–287.
- Service E. R. 1975.** *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York.
- Shen Changyun. 2019.** ‘Bang’ as the Community Administrative Organization in the Chinese Early States. *Social Evolution & History* 18(1): 180–194.
- Spencer Ch. S. 1998.** Investigating the Development of Venezuelan Chiefdoms. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas* / Ed. by E. M. Redmond, pp. 104–149. Gainesville: Florida: University Press of Florida.
- Shifferd P. A. 1987.** Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, and P. van de Velde, pp. 39–53. Leiden: Brill.
- Van Bakel M. 1996.** Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 329–345. Leiden: Brill.

- Webb M. C. 1965.** The Abolition of Taboo System in Hawaii. *Journal of the Polynesian Society* 74(1): 21–39.
- Webb M. C. 1974.** Exchange Networks: Prehistory. *Annual Review of Anthropology* 3: 357–383.
- Webb M. C. 1975.** The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade* / Ed. by C. Lamberg-Karlovski, J. Sabloff, pp. 155–210. Albuguerque.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wright H. T. 2006.** *Atlas of Chiefdoms and Early States*. URL: <http://repositories.cdlib.org/imbs/socdyn/sdeas/vol1/iss4/art1/>.

Глава 8. Механизмы и формы надлокальной интеграции в славянском мире в VII–X вв. в контексте политогенеза (спорные вопросы современной историографии)

Алимов Д. Е.

Вводные замечания

Вопрос о характере и эволюции единиц социально-политической интеграции в славянском мире в раннее Средневековье (VII–X вв.) является ключевым для понимания специфики славянского политогенеза и генезиса ранних славянских государств. Между тем в современной науке отсутствует консенсус по данному вопросу, что вызвано как объективными трудностями интерпретации имеющихся источников, так и проблемами сугубо методологического характера. Ранне-средневековые письменные источники, описывающие ситуацию в славянском мире, содержат в себе отсылки к неким относительно крупным социальным организациям, которые совмещают в себе признаки этнической общности и политического образования. В исторической литературе такие этнополитические организмы обычно именовались племенами, но подобное обозначение несколько не проясняло их характера. В последнее время в историографии наметилась тенденция называть такие организмы вожествами, но при имеющейся степени их изученности такое определение представляется поспешным. Необходимо иметь в виду, что предстающие на страницах источников социальные организмы могли быть не столько отражением реальной ситуации, сколько результатом определенного способа описания социально-политической реальности «варварского мира». В этой связи необходимо обратить самое пристальное внимание на то обстоятельство, что некоторые источники идентифицируют внутри «племен» более мелкие единицы социальной интеграции (поселенческие группы, территориальные округа, «населенные крепости»), политическая роль которых остается неясной. Таким образом, описываемые в источниках «племена» могли являть собой не только вожества как таковые, но и конфедерации общин или вожеств, сетевые политии и даже межсоциумные коммуникативные сети.

Прояснить ситуацию в ряде случаев помогает археологический материал. Соотнесение информации письменных источников с результатами археологических раскопок, позволяющими определить уровень социальной дифференциации, облик и структуру поселений и т. д., дает возможность выделить несколько вариантов социально-политической интеграции в раннесредневековом славянском мире. При одном из них надлокальная интеграция не приводила к формированию территориально очерченных политий, существование которых предполагало бы наличие ясно выраженных иерархических структур во главе с вождями. Такая модель социально-политической организации, которая может быть

определена как гетерархическая, была характерна для некоторых западнославянских социумов (например, в Польском Поморье), где на ее основе сложились специфические типы надлокальной интеграции – конфедерации общин и простых вожеств.

Гетерархическая модель была первоначально характерна и для славян на Балканах, однако отличалась здесь заметным своеобразием: славянские территориальные единицы (жупы) были привязаны здесь к остаткам античной инфраструктуры (крепости, дороги, участки обрабатываемой земли). Относительная редкая населенность, гористый рельеф и ясно читаемая ориентация местных поселенческих сгустков на античные административно-территориальные единицы способствовали значительной социально-политической раздробленности, вследствие чего импульсы к надлокальной интеграции приходили в этот регион не столько в результате взаимодействия равноуровневых политий, сколько в результате вовлечения местных общин в сферу влияния крупных раннесредневековых государств (Франкская держава, Византия). Аналогичным был процесс становления крупных надлокальных структур и в тех западнославянских регионах, в которых ощущалось сильное воздействие Франкской державы (Полабье, Чешская котловина): происходившие здесь процессы выдвижения правящих элит и кристаллизации политических структур в виде сложных вожеств были следствием как необходимости консолидации местных общин и простых вожеств перед лицом могущественной внешней силы, так и прямого или косвенного «структурирования» местных социумов вследствие вмешательства франков. Наконец, еще один вариант социально-политической интеграции в славянском мире был связан с активностью групп профессиональных воинов. Очевидно, именно такие гетерогенные военные элиты, унаследовавшие воинские традиции Аварского каганата, сыграли в IX в. решающую роль в формировании крупных славянских политических структур в Карпатской котловине и на ее окраинах (Моравия).

Сопоставление ситуации в разных уголках славянского мира позволяет говорить и о сходстве механизмов объединения общин как базовых единиц социально-политической интеграции, и о различиях, определяемых конкретными природными и демографическими условиями, а также характером и степенью развития связей конкретных социумов с уже существующими ранними государствами. При этом традиционные для славистики представления о славянской «акефальности» и «ксенократии», несомненно, нуждаются в пересмотре.

1. Первичная надлокальная интеграция в славянском мире: в поисках «племен» и «вожеств»

В современной историографии все более популярным становится взгляд, согласно которому так называемые «славянские племена», названия которых нам сообщают раннесредневековые источники (хорваты, сербы, мораване, хорутане, ободриты, висляне, древляне и пр.), были не столько этническими (в традиционном понимании этого слова), сколько этнополитическими единицами. Тезис о политическом характере, по крайней мере, части славянских племен, действи-

тельно выглядит логичным, так как в дошедших до нас источниках они сплошь и рядом выступают как политические акторы: ведут войны, платят дань, отправляют посольства и т. д. Камнем преткновения, однако, остается вопрос об основаниях, на которых жила социально-политическая кохезия такого племени.

Так, одна группа исследователей предпочитает говорить о том, что ключевую роль в формировании славянских *gentes*, как именуются такие общности в современных им латинских источниках, сыграла воинская элита. Например, польский историк Х. Ловмянский, размышляя о генезисе так называемых «больших племен» в славянском мире, утверждал, что в эпоху миграций и колонизации новых пространств имплементировать на новом месте название древнего «большого племени», создавая тем самым новое племя под старым именем могла только хорошо организованная воинская группа (Łowmiański 1970: 41). Чешский историк Д. Тржештик, подвергая критике традиционное представление о славянских племенах как о кровнородственных или территориальных объединениях, утверждал, в частности, что на территории Чешской котловины в IX в. существовало не множество племен, как традиционно считалось в чешской историографии, а всего лишь одно племя, то есть этнополитическая единица – «племя чехов/богемов» (*gens Boemanorum*), чья кохезия основывалась на политической элите (Třeštík 1988, 1994). Стоит отметить, что в своих подходах к племенной проблематике Д. Тржештик во многом основывался на теоретических положениях немецкого историка Р. Венкуса и развивавших их представителей так называемой венской школы исторической этнографии, рассматривавшей «*gentes*» (племена) раннесредневековых источников как гетерогенные этнополитические единицы. При этом Тржештик все же считал, что между германскими и славянскими политическими племенами существует некоторая разница, обусловленная оседлым земледельческим характером славянского образа жизни и первенствующей ролью воинских миграций в формировании германских племен эпохи Великого переселения (Třeštík 2001: 10). Политический взгляд на племя принимается и в современной словацкой историографии, особенно в работах Я. Штайнхубеля (Steinhübel 2014), а также М. Лысого, недавно использовавшего этногенетическую модель венской школы при описании формирования племени мораван (Lysý 2014). Словацкий историк М. Хомза даже считал возможным использовать данную этногенетическую модель для объяснения появления «славянского племени» в собственном смысле слова (*gens Sclavorum*), то есть первой в истории этнополитической единицы, принявшей в качестве своего имени название «славяне» (словене). Такая этнополитическая единица, по мысли исследователя, возникла в постгуннский период на территории Карпатской котловины (Homza 2002). И в современной словенской историографии П. Штих свободно использовал этногенетическую модель Р. Венкуса и венской школы, объясняя генезис альпийско-славянских этнополитических единиц карантанцев и карниольцев (Štih 1996, 2007).

В хорватской историографии М. Анчич, используя модель венской школы, объясняет возникновение южнославянских племен, прежде всего хорватов и сербов. По мнению Анчича, под хорватами и сербами в известном описании истории этих народов, содержащемся в трактате византийского императора Кон-

стантина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), подразумеваются правящие воинские слои соответствующих политических организмов, которые состояли из аристократических родов (Ančić 2000, 2011). Всецело солидаризируясь с данной позицией, подчеркнем, что и сама социальная терминология, используемая в трактате «Об управлении империей» при описании миграции хорватов, а именно понятия «*η γένεά*» («род») и «*ο λαός*» («народ, войско»), и зафиксированные на страницах трактата славянские этногенетические мифы позволяют интерпретировать хорватов и сербов как воинские группы во главе с харизматическими кланами, в случае с хорватами, возможно, даже божественного происхождения, что всецело отвечает модели этногенеза германских *gentes*, таких как готы и лангобарды (см. подробнее: Алимов 2016).

В российской историографии идеи о политическом характере славянских племен и ключевой роли воинских элит в их формировании наиболее ярко проявились в работах А. А. Горского. Однако, в отличие от своих зарубежных коллег, Горский не использовал модель Венкуса. Критикуя традиционно эволюционистское понимание славянского племени как совокупности родовых единиц, Горский ссылается на ярко выраженный территориальный характер названий большинства славянских племен, полагая, что подобные названия появились после эпохи славянских миграций, когда славяне под руководством воинских элит стали занимать новые территории (Горский 2011, 2016).

Другая заметная группа историков предпочитает говорить о том, что славянские племена – это результат политической структуризации вследствие контактов славян с уже существующими центрами политической власти. Условно подобную исследовательскую позицию можно было бы назвать концепцией вторичного политогенеза и фронтального этногенеза. Этногенез и политогенез в данном случае, естественно, неотделимы друг от друга. Так, хорватский историк Н. Будак склонен объяснять кристаллизацию на берегах Средиземного моря славянских этнополитических организмов, именуемых в византийских источниках «склавиниями», их контактами с Византией, а точнее, с номинально подвластными империи романскими городами прибрежной полосы, которые стали для славян одновременно центром притяжения и отталкивания (Budak 1990). Похожее мнение относительно западнославянских племен недавно высказал польский исследователь К. Фокт. Полагая, что механизмы формирования *gentes* у славян были такими же, как у германцев, исследователь считает, что воинские группы эпохи миграций перерастали в полноценные племена (*gentes*) только в зонах имперского (в данном случае франкского) лимеса. В отдаленных же от лимеса регионах воинские ядра оставляли лишь слабые следы (силезские хорваты), а в наиболее отдаленных регионах, где не было поступавших с имперских границ социально-политических импульсов или они были слишком слабы, например в Великой Польше или Поморье, никаких «племен» не было вовсе (Fokt 2016).

Другой польский исследователь Р. Касперский в своем недавнем исследовании генезиса племени ободритов (*gens Abodritorum*) распространяет на весь варварский мир тезис М. Фрида, что племя как особый вид надлокальной интеграции является сугубо вторичным политическим феноменом, то есть возникает только в

результате контактов примитивного социума с уже политически структурированным обществом. Отрицая существование гентильного дискурса, подобного франкскому, среди бесписьменных варваров, в том числе славян, Касперский интерпретирует ободритскую этнополитику как, с одной стороны, оборонительный союз славян против франков, а с другой стороны, как творение самих франков, полагая, что генезис ободритов можно уподобить появлению других общностей на границах империи Каролингов, а именно аквитанцев и бретонцев (Kasperski 2014).

К этой же группе исследователей, фокусирующих внимание на внешних импульсах, приведших к генезису славянской племенной организации, можно отнести и российского исследователя А. С. Щавелева, который недавно, на наш взгляд, убедительно показал, что генезис по крайней мере некоторых восточнославянских племен следует рассматривать как реакцию локальных социумов на изменившуюся в IX в. политическую конъюнктуру в Восточной Европе, а именно интенсификацию дальней торговли и натиск новой силы – русов (Щавелев 2015). Интересно, что из этих наблюдений можно сделать вывод об ошибочности традиционных интерпретаций социально-политической истории Восточной Европы как смены эпохи племенного устройства эпохой власти этносоциума «русь», так как, судя по всему, племена были здесь такими же новообразованиями, как и сами русы.

Наконец, еще одна группа авторов, которых условно можно было бы назвать постмодернистами, также считают, что славянские племена – это результат структуризации варварского хаоса извне, однако, в отличие от названных выше сторонников фронтального этнополитогенеза, эти авторы полагают, что такая структуризация осуществлялась не в реальности, а только на страницах письменных источников в соответствии с развитым этническим дискурсом их образованных авторов – греческих, латинских и славянских книжников. Иными словами, эта группа исследователей полагает, что «племена» – это конструкты средневековой историографии, впоследствии превратившиеся в конструкты историографии модерной (Tolochko 2008; Urbańczyk 2008; Толочко 2015).

Что же представляли собой, по мнению названных авторов, реальные, а не вымышленные летописцами славянские политические организмы? Отвечая на данный вопрос, можно сослаться на одного сторонников данной интерпретации, польского ученого П. Урбаньчика. Исследователь исходит из динамичности политической ситуации, характерной для периода вожеств, что не позволяет, по его мнению, обрисовать стабильные политические единицы. Вместе с тем он же отмечает, что с появлением вожеств в материальной культуре начинает формироваться символический стиль, посредством которого маркировались политически конкурирующие группы. Отмечая, что на польской территории манифестируемых таким образом линий демаркации выявить не удастся, исследователь заключает, что либо «структура власти была целиком рассеяна и каждый град представлял собой относительно независимый политический центр, либо взаимоотношения между ними изменялись слишком быстро, чтобы могло дойти до формирования отличительных черт материальной культуры». И в том и в другом случае, по мысли исследователя, нельзя говорить о каких-либо прочных терри-

ториальных образованиях, которые можно было бы назвать «племенами» (Urbańczyk 2008: 100).

Отталкиваясь от этого последнего замечания польского исследователя, отметим важный факт: почти все имеющиеся в историографии трактовки племен как политических относятся к так называемым «большим племенам», то есть этнополитическим единицам. Между тем на страницах источников изредка попадаются упоминания так называемых «малых племен» (особенно у полабских славян), чей политический характер отнюдь не столь нагляден, так как они, как правило, выступают в качестве сегментов «больших племен». В этой связи в историографии уже давно предпринимались попытки относить понятие «племя» только к «малым племенам» или, наоборот, только к «большим племенам». Например, такой крупный польский исследователь общественного строя ранних славян, как З. Войцеховский, именовал малое племя термином «szczep», под которым они понимал неполитическую поселенческую группу, в то время как племенами предлагал называть объединения («федерации») такого рода поселенческих единиц, которые могут быть осмыслены как политии (ободриты, велеты и т. д.) (Wojciechowski 1927: 25).

Проблема, однако, заключается в том, что такого рода поселенческие единицы (локальные общины? простые вожества?) при желании можно рассматривать и как политические единицы. Хорошим предостережением от поспешных суждений о политической роли и уровне социальной сложности таких единиц может служить сопоставление структуры славянских племен в том виде, в каком она предстает на страницах франкского «Баварского географа» (IX в.) и трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», с описанием примитивных социально-политических объединений Древней Кореи и Японии на страницах китайского трактата «Сань-го Чжи». Во всех трех источниках речь шла о неких единицах социальной интеграции, но если в трактате Константина Багрянородного и «Баварском географе» их политическая роль, скажем так, выглядит неявной, то на страницах китайского источника подобные сегменты крупных «племен» последовательно именуется термином «*guo*» («государство», «владение») (Алимов 2013). В результате обнаруживается хорошо известное антропологам противоречие между иерархией и гетерархией.

По определению К. Крамли, гетерархия – это такое соотношение элементов в социальной системе, когда они не ранжированы (то есть не находятся в иерархическом отношении друг к другу) или обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными различными путями (Crumley 1987: 158). Здесь, однако, следует заметить, что в случае с иерархией и гетерархией речь идет о принципах социальной организации, присутствовавших (в разном соотношении) практически в любом обществе, вследствие чего противопоставление гетерархии и вожества может показаться не вполне корректным (Бондаренко 2007; Мазарчук 2006). Как отмечает Т. Эрл, «социальные формы вожеств часто могут быть достаточно гетерархичными, что означает, что соперничающие иерархии и сферы деятельности существуют как между политической, религиозной социальной иерархией, так и между региональной политией и составляющими ее общинами

и родственными группами, а также между этническими и гендерными подразделениями». Это означает, что вождества могут сильно варьироваться по форме, базируясь на присущей тому или иному социуму организации общин и домохозяйств (Earle 2011: 31). Тем не менее во избежание путаницы было бы все же уместно проводить применительно к конкретным обществам различие между вождеством как политией в собственном смысле слова и тем, что в англосаксонской антропологии получило название *chieftaincy*, то есть непосредственно «политическим телом» вождества (*Ibid.*), под которым понимается связанная с вождем группа людей, непосредственно задействованная в процессе реализации его власти (в качестве удачного примера такого разделения можно сослаться на исследование К. Смита, посвященное социально-политическим структурам ранне-средневековой Исландии: Smith 2004: 84).

Иерархический принцип организации предполагает рассматривать поселенческие единицы в составе «больших племен» как отдельные политии, а гетерархический принцип, напротив, побуждает видеть политию лишь в совокупности этих элементов. Из современных исследователей к гетерархической оптике, как кажется, склоняется польский исследователь П. Боронь, который в своем недавнем разборе польской историографии о племенах считает ошибочной сугубо организационную трактовку племени, полагая, что в случае с племенем речь идет не столько о политике, сколько об «обществе». При этом недостаток организационной ясности в таком «обществе» видится ученому не в пресловутой «славянской демократии», а в естественной для тех времен неразвитости механизмов принуждения (Wojciński 2001).

Какой вывод можно сделать из предпринятого нами обзора актуальных на сегодняшний день историографических позиций? В первую очередь можно отметить полное отсутствие в историографии какого бы то ни было консенсуса по вопросу о характере славянских племен. Однако такая историографическая не отличается новизной: консенсуса между исследователями не наблюдалось и ранее. Значит ли это, что наши знания о славянских племенах за истекшие десятилетия существенно не увеличились? Отнюдь не значит. Полагаем, что историографическая разногласица не является в данном случае результатом ошибочности той или иной из предлагаемых реконструкций славянского племенного устройства либо того, что ответ на вопрос, как возникали и что являли собой племена у славян, до сих пор не найден. Напротив, суждения исследователей, касающиеся генезиса отдельных славянских племен, представляются весьма убедительными. Просто все указывает, что никакой единой модели генезиса и устройства славянского племени не существовало.

Более того, достаточно внимательно присмотреться к обозначенным современными исследователями путям формирования славянских племен, чтобы понять, что они отражают универсальные модели этногенеза и политогенеза в варварском мире. Ничего специфически «славянского» здесь не обнаруживается, а сходство с германцами, кельтами, или, если угодно, теми или иными народами Африки или Океании налицо. Этот, казалось бы, банальный вывод заставляет задуматься не столько о смысле использования понятия «племя» (следует отметить, что современные исследователи по понятным причинам используют его

все реже и реже) применительно к раннесредневековым общностям на территории Центральной и Восточной Европы, сколько о смысле прилагаемого к этим «племенам» определения «славянский».

Здесь следует пояснить, что именно имеется в виду. Если вынести за скобки все те «племена», которые были вымышлены средневековыми летописцами или позднейшими историками (а таких племен наберется немало!), то появление «больших племен» в славянском мире, в политическом характере которых, как мы могли убедиться, современные исследователи практически едины – это, несомненно, результат происходившей в процессе политогенеза надлокальной интеграции. Такая интеграция могла происходить, в частности, в результате структурирующей роли более сильных политий государственного или негосударственного характера (например, Византии на Балканах, франков в Полабском регионе, русов в Восточной Европе или венгров в Боснии в XII в.) и в результате деятельности воинских элит. Последние при этом неминуемо представляли собой гетерогенные мобильные общности с синкретичной культурой, названия которых, ставшие впоследствии названиями больших славянских племен, зачастую имели неславянское происхождение (хорваты, сербы, карантанские косезы, те же русы, с течением времени превратившиеся в некое подобие славянского племени). Вспомним, что первую «славянскую державу» создали «сыновья гуннов» во главе с франкским купцом Само.

В отличие от так называемых «больших племен», то есть этнополитических организмов, «малые племена», то есть локальные социальные структуры, могут быть адекватно интерпретированы через модель гетерархии (о том, как «работает» гетерархически организованный социум, см. иллюстративный очерк Дж. Д. Хилла о кельтских обществах Британии 1-го тыс. до н. э.: Hill 2011). Правда, может показаться, что применению гетерархической модели к славянскому социуму препятствует древнейшая славянская социальная терминология. Наличие в языке балканских славян таких терминов, как «жупан» и «жупа»/«жупания», под которыми подразумевались соответственно носитель верховной власти и территория, находившаяся в его юрисдикции, может побудить искать в раннем славянском обществе простейшие иерархические структуры, относимые к типу так называемого простого вожества. Однако полисемантичность и вероятное аварское происхождение термина «жупан» не позволяют рассматривать жупанов как властный институт, четко привязанный к определенному уровню надлокальной интеграции славянского общества. То, что представители верхушки славянского социума стали именоваться аварским термином, очевидно, является результатом интеграции славянских социальных и поселенческих единиц, прежде всего сельских общин, в военно-иерархическую систему Аварского каганата, в которой славянские лидеры должны были составлять ее нижний уровень. Заметим, что такое понимание характера распространения термина «жупан» в славянском мире хорошо соотносится с некоторыми предложенными в последнее время в историографии моделями сосуществования славян и аваров, подчеркивающими роль военно-административной инфраструктуры Аварского каганата в процессах языковой славянизации (Curta 2004), а также в распространении единогообразного культурного габитуса (Dzino 2010: 171–174).

Не противоречат такому пониманию роли жупанов в раннеславянском социуме и те черты данного института, которые могут быть определены с помощью ретроспекции. Так, обращает на себя внимание наличие жупанов, выступавших в качестве глав сельских общин в позднесредневековой Истрии, где в период раннего Средневековья имела место активная славянская колонизация, использовавшаяся (и, возможно, даже поощрявшаяся) в своих интересах сначала византийской (в VII–VIII вв.), а затем и франкской (с конца VIII в.) властью. Это позволяет думать, что жупаны изначально являлись в данном регионе не просто главами сельских общин, но и военными лидерами, чьи военные функции не только не были утрачены в процессе подчинения славян византийской и франкской власти, но, напротив, нашли новое применение в условиях придания славянским общинам функций пограничной стражи на северных рубежах Истрии (Levak 2005: 63–64, 2007: 88–97). Такое сочетание относительно «эгалитарного» устройства славянского социума, в котором жупан вряд ли успел превратиться в полноценного вождя, с военизированным характером социально-политического устройства, представляется совершенно естественным для славянских общин, члены которых были втянуты в военную организацию Аварского каганата.

При этом, однако, нет никакой необходимости рассматривать в качестве аварского наследия сами жупы и/или жупании, как это неоднократно предлагалось в историографии на основе тезиса об аварском происхождении термина «жупан». Гетерархический вариант социального устройства славянских общин на Балканах, в зоне влияния Аварского каганата, представляется тем более вероятным, что ясно читаемая привязка местных жупаний и жуп к античным территориальным единицам может быть истолкована как результат естественной адаптации пришлого населения к сложившейся в автохтонной среде земледельческой инфраструктуре. Учитывая отсутствие в Далмации ясных признаков наличия вождеств, более вероятным представляется такой вариант социально-политического устройства славянских общин, при котором надлокальная интеграция не приводила к формированию территориально очерченных административных единиц или политий, существование которых предполагало бы наличие ярко выраженных иерархических структур во главе с вождями. Речь, таким образом, могла идти именно о такой модели социально-политической организации, которая в прежней историографии не вполне адекватно именовалась племенным союзом, а в настоящее время, под влиянием соответствующих антропологических концепций, все чаще именуется гетерархией.

Историографический дискурс «славянского народа» обычно интерпретировал гетерархический характер «малых племен» и иерархический характер «больших племен», возглавляемых воинскими элитами, через призму противопоставления якобы искони присущего славянам «эгалитарного» или «демократического» устройства не-славянам как носителям иерархических начал. Это означало, например, что засвидетельствованные письменными источниками неславянские имена или иноземное происхождение первых славянских правителей рассматривались как свидетельство того, что первые славянские политии создавались аварами, германцами, норманнами, а сами славяне являли собой социум, в силу тех или иных причин не расположенный к формированию «своей» поли-

тической организации. Так зародился хорошо знакомый историкам-медиевистам дискурс «славянской ксенократии», то есть якобы присущей «неорганизованным» славянам склонности к власти чужаков. Подобное представление, естественно, было обязано своим появлением самой идее «славянского народа» в том виде, в каком она оформилась в рамках лингвистически ориентированного национализма XIX столетия.

К настоящему времени эта лингвистически ориентированная парадигма, позволяющая констатировать существование того или иного этноса на основе идентификации якобы присущих ему объективных культурных признаков (в первую очередь языка), уже давно утратила свои некогда сильные позиции в изучении, интерпретации и репрезентации этнической истории раннего Средневековья. На то, что традиционное представление о славянах, в рамках которого славянский этнос отождествлялся со славяноязычным населением, а также с носителями ряда археологических культур, прежде всего пражской, находится в противоречии с доминирующими в современной науке антропологическими подходами к этничности, наиболее последовательно указал американский славист Ф. Курта. Согласно Курте, появление и использование понятия «славяне» («склавины») в византийских источниках никак не было связано с распространением славянского языка, а было результатом осмысления византийскими авторами социально-политической ситуации на дунайском лимесе империи, где в течение VI в. обозначилась власть локальных бигменов (Curta 2001).

В своем исследовании генезиса славянской идентичности Курта, однако, не выходил за пределы VI–VII вв., оставив, таким образом, без внимания развитие славянской этничности в период между VII в. и временем составления «Повести временных лет», которое, по словам Курты, являет собой верхнюю границу процесса «создания славян». В настоящее время процессы распространения славянской идентичности в указанный период с таких же антропологически ориентированных позиций рассматривают М. Хомза и группа его учеников (А. Месиаркин, Н. Малиновска). В рамках «школы Хомзы» подчеркивается роль кирилло-мефодиевской миссии и великоморавского культурного багажа в распространении славянской идентичности, из чего следует, что славянская этничность в собственном смысле слова распространилась среди славофонов, живших за пределами Карпатской котловины, прежде всего как результат христианизации и усвоения ими славянской письменной культуры (Homza 2018). Нам представляется, что подобный взгляд на распространение славянской идентичности является наиболее удачной научной рационализацией зафиксированной в «Повести временных лет» древнейшей собственно славянской традиции происхождения славян, согласно которой первоначально славяне проживали в «Словенской земле», расположенной на Дунае.

Какие последствия сулит подобная конструктивистская интерпретация славянской этничности для методологии исследования славянских племен? С одной стороны, она побуждает отказаться от представлений о славянской акефальности или ксенократии, так как, грубо говоря, не этносы создают политическую организацию, а политическая организация создает этносы. Соответственно разговор должен вестись не об отношениях между «славянами» и «не-славянами»,

а о сходстве или различиях в социально-политическом развитии разных регионов Центральной и Восточной Европы. С другой стороны, данная интерпретация позволяет иначе взглянуть на те общие черты, которые, несомненно, были присущи тем, кто стал называть себя славянами или назывался так извне. В современной историографии предлагается именовать этот объединявший людей комплекс черт «культурным габитусом» (Dzino 2010: 170–171), при этом четко отделяя его от этничности. Очевидно, что в понятие культурного габитуса могут быть включены не только язык, религия или элементы материальной культуры, но и те или иные формы социально-политической организации. Следовательно, отказ от именованя славянами всех славянофонов или носителей пражской культуры сам по себе не снимает проблемы происхождения племен как элементов культурного габитуса тех, кто стал именоваться славянами. Однако, в отличие от прежней парадигмы, рассматривавшей славянские племена как политические организмы некоего этнического целого – «славянского народа», новая интерпретация славянской этничности смещает исследовательский фокус с абстрактного «славянства» (которое перестает быть объектом исследования) на сами племена, а точнее, на социально-политические контексты, в которых происходили процессы политогенеза в тех или иных областях изначально славяноязычного или ставшего таковым со временем пространства. При таком подходе вместо единого «славянского мира» мы получаем несколько или даже множество «миров», то есть региональных контекстов политогенеза, и это множество есть не результат некоего разделения якобы существовавшей прежде единой общности, а, напротив, изначальное состояние той части варварского мира (*Barbaricum*) Европы, которая со временем в силу тех или иных факторов станет именоваться «славянским миром».

2. «Империи» или сети? Азиатский и африканский способы производства в Центральной Европе в IX–X вв.

Характеризуя в своей недавно вышедшей книге, посвященной взаимоотношениям европейских империй и варваров, специфику развития раннесредневековых славянских политий, формировавшихся в X в. на землях, лежавших к востоку от Эльбы, – державы чешских Пржемысловичей, польских Пястов и русских Рюриковичей, известный британский медиевист Питер Хизер заострил внимание на присущих им огромных размерах, заметно отличавших эти «мегаполитии» от германских королевств, некогда складывавшихся на римском лимесе. Территориальная величина этих держав, как заметил исследователь, парадоксальным образом сочеталась с их политической хрупкостью, выражавшейся, в частности, в той сравнительной легкости, с какой из-под контроля их правящих элит в период внешнеполитических потрясений или династических кризисов уходили обширные периферийные области. Исследователь вполне логично объясняет эту особенность неразвитостью административного аппарата, а также эфемерностью власти правящих династий на далеких от центра окраинах: правитель мог эффективно контролировать только те земли, которые регулярно посещал лично (Хизер 2016: 683–695).

Но что же тогда позволяло Пржемысловичам, Пястам и Рюриковичам сначала завоевывать, а затем, пусть не очень прочно и не на постоянной основе, все же контролировать столь обширные территории? Отвечая на этот вопрос, исследователи традиционно указывали на центральную роль в процессах политогенеза в Центральной и Восточной Европе института дружины. Описанием так называемой «большой дружины», находившейся на содержании правителя и позволявшей ему почти непрерывно и успешно воевать, бесконечно расширяя пределы своей державы, считалось, в частности, известное свидетельство дипломата из Кордовского халифата Ибрагима ибн Йакуба о порядках, царивших в 960-е гг. в молодой державе Пястов. Рассказывая о польском правителе Мешко, Ибн Йакуб сообщает: «Подати собираются им (Мешком) в весовых торговых мерах и идут на оплату его людей. Ежемесячно каждый из них получает определенное число их. У него (Мешка) три тысячи воинов в брони, (разделенных) на отряды. И одна сотня их равняется десяти сотням других (воинов). Он дает этим мужам одежду, коней, оружие и все, что им потребуется. И когда у кого-то из них родится ребенок, тотчас по рождении он (Мешко) приказывает выплатить ему деньги, будет ли ребенок мужского или женского пола. Когда ребенок достигнет совершеннолетия, то он женит его, если это мужчина, и выплачивает за него свадебный подарок (вено) отцу девушки. Если же это женщина, то он выдает ее замуж и выплачивает вено ее отцу» (Стефанович 2012: 269).

Арабскому дипломату вторит автор древнейшей польской хроники Галл Аноним, приводя внушительные цифры воинов, состоявших на службе преемника Мешко на польском троне Болеслава Храброго (992–1025) : «...в Познани он имел 1300 рыцарей с 4 тыс. щитников, в Гнезно – 1500 рыцарей и 5 тыс. щитников, в городе Влоцлавке – 800 рыцарей и 2 тыс. щитников, в Гдече – 300 рыцарей и 2 тыс. щитников» (Галл Аноним 1961: 38). Хотя Галл писал свой труд почти спустя столетие после правления Болеслава, хронист, по мнению большинства исследователей, опирался в данном случае на заслуживающий доверия ранний источник (Стефанович 2012: 271).

В числе некоторых других, менее красноречивых свидетельств источников, эти яркие описания военной организации первых Пястов послужили основанием для формирования в польской и чешской медиевистике представления о ведущей роли дружины в становлении раннесредневековой государственности в Центральной Европе. Чешский ученый Ф. Граус, впервые введший понятие «большой дружины», отличавшейся от других форм дружины своей многочисленностью и государственным характером, считал, что она формировалась как из свободных, так и несвободных воинов самого разного социального и этнического происхождения. Всех их объединяла безусловная преданность правителю и вытекающая из этого социальная противопоставленность локальной знати, то есть всем тем, кто не был обязан своим высоким статусом правителю. Поступируемая Граусом борьба большой дружины с племенной аристократией привела будто бы к полному исчезновению последней из социальной жизни: правящую элиту страны составляли теперь исключительно члены княжеского рода и их люди (Graus 1965).

Под влиянием идеи Грауса о центральной роли большой дружины в формировании государства, а также выявленного многолетними исследованиями глубокого структурного сходства в системе управления, существовавшей в ранне-средневековых Чехии, Польше и Венгрии, в центральноевропейской средневековой модели государственности (Třeštík, Krzemieńska 1979; Тржештик 1987; Жемличка, Марсина 1991). Суть ее заключается в том, что к XI в. в упомянутых трех странах Центральной Европы сложился определенный облик социально-политической организации, базовой характеристикой которого являлись верховная собственность правителя на всю землю и его право свободно распоряжаться своими подданными любого социального статуса – от чиновников административного аппарата до составлявших большинство населения свободных крестьян-общинников. Этот принцип социально-политической организации обусловил, как предполагалось, специфическую систему управления и изъятия прибавочного продукта. Управление строилось через систему градов (княжеских замков), в которых размещались воинские контингенты из состава «большой дружины» во главе с чиновниками-каштелянами. Эти контингенты, фактически ставшие основой формирующегося административного аппарата, содержались за счет налогов с населения градских округов, а всем необходимым (в первую очередь разнообразными продуктами ремесленного производства) снабжались благодаря так называемой «служебной организации» – системе, при которой обеспечение нужд обитателей градов осуществлялось посредством специально сформированных для этой цели «профессиональных» групп, размещаемых внутри града либо в его ближайших окрестностях. По словам одного из главных авторов концепции средневропейской модели государственности чешского историка Д. Тржештика, средневропейское государство можно «приравнять к одной большой усадьбе, где поселился князь со своими воинами и где все остальное население являлось по существу зависимыми крестьянами князя» (Тржештик 1987: 127).

Если исходить из такой базовой характеристики «средневропейской модели», как возможность правителя свободно распоряжаться, то есть «владеть», землей и живущими на ней людьми, то в ней нетрудно усмотреть локальную разновидность одной из магистральных линий социальной эволюции, основанной на свойственной всем архаическим социумам принципиальной неотделимости собственности от власти и власти от собственности, то есть на феномене так называемой власти-собственности, некогда существовавшей повсеместно, а с распространением в античном Средиземноморье частнособственнического способа производства, продолжившего господствовать в той части мира, которая не испытала соответствующего воздействия античной цивилизации (Васильев 1978, 2008, 2015: 167–171). В марксистской социологии эта модель социально-экономического развития обычно именовалась «азиатским способом производства» или «восточным феодализмом» (Крадин 2004: 43–46; Алаев 2019: 161–168). Правда, сами авторы концепции средневропейской модели государственности не были особенно склонны к рассмотрению обозначенных ими признаков данной модели в широкой антропологической перспективе. Более важным для них было указать на принципиальное отличие сложившейся в Центральной Ев-

ропе социально-политической организации от того, что в это время наблюдалось на европейском западе, где в X–XII вв. господствовало крупное землевладение знати, отношения которой с правителем строились не на беспрекословном подчинении, а на основе вассалитета.

Согласно гипотезе Д. Тржештика, появление схожих форм социально-политической организации в трех странах Центральной Европы объясняется институциональным наследием существовавшего здесь более раннего славянского политического организма – Великой Моравии. Подобно державе Пржемысловичей в правление Болеслава I Грозного (935–972), державе Пястов в правление Болеслава Храброго, державе Арпадов в правление Иштвана Святого (997–1038), Великая Моравия – держава Моймировичей – эпохи своего наивысшего расцвета представлена в историографии гигантским политическим организмом, своего рода «славянской империей», сопоставимой по своим размерам с империей Каролингов. В середине IX в. Моравское княжество, зародившееся около 800 г. в бассейне реки Моравы (притока Дуная), охватывало относительно компактную территорию, протянувшуюся с запада на восток от Чешско-Моравской возвышенности приблизительно до реки Уг в Словакии, а с юга на север – от Дуная и Матры до Северных Карпат (Гавлик 1985; Раткош 1985; Třeštík 2001). Однако в правление князя Святополка (871–894) территория, в той или иной степени находившаяся под властью моравского правителя, увеличилась в несколько раз. В результате около 890 г. власть Святополка распространялась, помимо моравского ядра, на (как минимум) земли Чешской котловины, Лужиц, Силезии, Малой Польши и среднего течения Тисы (Navlík 1960). Именно в Великой Моравии, по мысли Тржештика, были впервые реализованы те принципы политической организации, которые легли в основу средневропейской модели, причем непосредственным импульсом к формированию их в самой Моравии было сильное влияние на нее монархии Каролингов, еще сохранявшей в ту эпоху традиции позднеантичного патримониального государства (Třeštík 1987, 1999).

Идея преемственности средневропейской модели государства от Великой Моравии, якобы унаследовавшей черты каролингского патримониализма, является, чего не скрывали сами авторы концепции средневропейского государства, ее наиболее слабым звеном – скорее догадкой, нежели гипотезой. И дело здесь не только в том, что наших знаний об общественно-политическом строе Моравии явно недостаточно для обоснования такой преемственности. Важнее другое: как отмечали сами творцы концепции средневропейской модели государственности, не все элементы этой модели заработали сразу. Кристаллизации «средневропейской модели» в ее классической форме предшествовал, по мысли самих создателей концепции, более или менее длительный период, когда главным источником ресурсов для правящей элиты была отнюдь не эксплуатация свободных общинников через систему градов, а то, что приобреталось правителем и его людьми в результате захватнических войн и обложения данью завоеванных племен (Žemlička 1995). Именно эта ранняя фаза развития и определялась господством «большой дружины», столь ярко описанной Ибн Йакубом.

Переход к внутренней эксплуатации как основной форме изъятия прибавочного продукта и связанная с ним территориализация дружины (оформление градской системы и служебной организации) произошли лишь после того, как возможности дистанционной эксплуатации были исчерпаны. Индикатором социально-политического тупика, обусловленного неадекватностью прежнего образа жизни новым социальным условиям, некоторым исследователям видится череда кризисов, потрясших все три военные монархии Центральной Европы в течение первой половины XI в.: чешский кризис 1003–1004 гг., когда столица Пржемысловичей Прага оказалась в руках польского правителя Болеслава Храброго, польский кризис 1030-х гг., приведший к захвату польской столицы чехами и языческой реакции, и также сопровождавшийся выступлениями язычников венгерский кризис 1030–1040-х годов (*Idem* 2013). Оказавшись под угрозой утраты независимости или коллапса структур управления, все три монархии сумели восстановиться, усовершенствовав механизмы внутренней эксплуатации при сохранении базового принципа власти-собственности.

В последние годы, в первую очередь в чешской историографии, концепция средневропейской модели государственности подвергается все более активному пересмотру (Jan 2007; Antonin 2011; Vaníček 2013; Kalhous 2014). Главное, с чем не согласны ее критики, – тезис об элиминации знати и отсутствии частного землевладения. Так, в работах Л. Яна и Я. Клапште, посвященных чешскому нобилитету эпохи классического Средневековья, обосновывается такая интерпретация социально-политической эволюции раннего Чешского государства, которая позволяет говорить о дуалистическом характере властной структуры: нобилитет не только выступает таким же социально-политическим актором, как и правитель, но и обладает достаточным имущественным тылом в виде наследственного землевладения (Jan 2000, 2007; Klápště 2006). В этой связи так называемая «трансформация XIII в.» (приход в Центральную Европу классического западноевропейского феодализма) теряет свой революционный характер, по сути, представляя реализацией давно существовавшей тенденции к эмансипации знати. Хотя актуальный спор о роли знати в чешском обществе касается прежде всего эпохи классического Средневековья, выводы критиков закономерным путем ретроспекции могут быть распространены на древнейший период, на эпоху предполагаемого господства «большой дружины».

Впрочем, критические соображения в адрес концепции средневропейской модели государственности и дружинного государства как ее ранней фазы высказываются не только на основе ретроспекции, но и на основе общей логики. Так, В. Ваничек просто считает невозможным существование «аристофобной» дружины, неустанно боровшейся с локальной знатью: такая картина явно не отвечает социальному ландшафту раннесредневековой Европы, вызывая ассоциации скорее с радикальными социальными экспериментами XX в. (Vaníček 2013; 2016: 146–147). Д. Калхоус адресует концепции «большедружинного государства» ряд неудобных вопросов, включая такой: как, например, дружинники становились несвободными боевыми слугами правителя, если происходили из числа отпрысков все той же «племенной» знати? Тщательно подсчитав (на основе западноевропейских источников) расходы на содержание вооруженных воинов,

исследователь совершенно не обнаруживает у чешского правителя в X столетии возможностей содержать и снаряжать такое огромное войско. В результате Калхоус склоняется к мнению, что в древнейший период своего существования Чешское государство строило свое единство не столько на власти правителя, сколько на компромиссе вовлеченных в общее и, видимо, взаимовыгодное дело элит. Общая цель, а не подданство – вот что заставляло элиты зачастую отдаленных от Праги этнополитических организмов поддерживать харизматических Пржемысловичей (Kalhous 2012).

В целом в современной историографии наблюдается тенденция релятивизировать роль центральной власти в ранних государствах Центральной Европы. Это касается не только Чехии, но и Польши, Венгрии, а также Великой Моравии, где в последнее время исследователи обращали все большее внимание на наличие рядом с родом Моймировичей некоей группы малых князей (Lysý 2014; Steinhübel 2014). Несмотря на все, несомненно, рациональные зерна, которые содержатся в критике концепции средневропейской модели государственности, думается, было бы все-таки неправильно заходить слишком далеко, считая, к примеру, свидетельство Ибн Йакуба не столько отражением реальности, сколько дискурсивным образом обусловленным социальным опытом кордовского дипломата, воображавшего славянского князя по образцу восточного монарха (Kalhous 2012). О том, что в Центральной Европе действительно существовала сильная княжеская власть, в первую очередь говорит сравнение раннесредневековых Чехии, Польши и предшествовавшей им Великой Моравии с тем, что наблюдалось в других славянских странах – Хорватии, Сербии, Ободритском и Поморском княжествах на Балтике и др. Общей чертой названных стран является господство локальных родственных коллективов, территориальных или городских общин при слабости или неразвитости центральной власти и ее административного аппарата. Следует поэтому полностью согласиться с типологией политогенетических процессов, предложенной в свое время Б. Н. Флорей, где Хорватия и Поморье стоят в одном ряду не с Чехией или Польшей, а с раннесредневековой Швецией (Флоря 1991).

Однако можно согласиться с наблюдением, недавно еще раз акцентированным П. Хизером, что эта сильная власть охватывала только ядро государства, а отнюдь не всю территорию, находившуюся под властью правителя. Лучше всего об этом свидетельствуют археологические материалы, относящиеся к строительству княжеских градов и уничтожению старых племенных центров. Многолетние археологические исследования, проводившиеся в Чехии и Польше, позволили на основе картографии и хронологии строительства фортификаций выявить четкие очертания таких ядер (Slama 1983; Kara 2009, 2012, 2013, 2015). В случае с Польшей имеется и уникальный документ – грамота «Dagome iudex», содержащая описание границ территории государства, символически даримого князем Мешко римскому престолу. Это государство, именуемое в документе по названию главного града Гнезно, интерпретируется современными исследователями как первичный «патримоний», то есть пространство безраздельной власти рода Пястов (Kurnatowska, Kara 2010; Buko 2012; Kara 2016). Та-

ким образом, на первый план выходит именно вопрос о характере подчинения периферийных областей.

К сожалению, ввиду относительной скудости имеющихся в нашем распоряжении свидетельств источников, сколько-нибудь детально охарактеризовать наиболее раннюю, «завоевательную», фазу в становлении ранних государств Центральной Европы довольно затруднительно. Главные вопросы, которые здесь возникают, следующие: в чем именно заключались ресурсы военной экономики и каков был механизм редистрибуции? Очевидно, что только дав внятные ответы на эти вопросы, можно понять, в какой мере формирование ранних государств в Центральной Европе было отражением универсальных векторов социальной эволюции, а в какой – порождением специфических социокультурных влияний, шедших из Западной Европы. Наиболее адекватные имеющейся источниковой базе соображения на этот счет были высказаны в историографии относительно чешского случая, что побуждает остановиться на нем более подробно.

Обширную многоплеменную державу, построенную в 930–960-е гг. чешским князем Болеславом I Грозным, продолжившую свое существование при его преемнике Болеславе II Благочестивом (972–999) и фактически распавшуюся в начале XI в., в историографии обычно называют Чешским (или Древнечешским) государством, не выделяя ее таким образом, по крайней мере в том, что касается названия, из общей линии развития раннесредневековой чешской государственности. Такое именование, однако, едва ли можно считать вполне корректным. Современные существованию державы Болеслава I источники не называют ее Богемией или Чехией, что представляется логичным в свете того, что земли Чешской котловины составляли примерно одну четверть от ее обширной территории. Нередко державу Болеслава обозначали просто по имени правителя или определяли по названию ее главного центра – Праги, хотя встречались и более экзотические наименования. Так, в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), в котором эта держава упоминается как легендарное первоначальное место проживания хорватов, откуда они якобы переселились в пределы империи ромеев, она именуется Великой Хорватией. В письме испанского сановника Хасдая ибн Шафрута хазарскому царю Иосифу (960-е гг.) жители этой же, судя по всему, страны именуются «Гебалим». Как убедительно показал Д. Тржештик, этот странный этноним – аллюзия к упоминаемому в Ветхом Завете финикийскому эмпорию Гебал (Библос), ассоциации с которым могло навевать еврейским купцам Пражское торжище. Эта ассоциация, по мысли чешского исследователя, было обусловлена тем обстоятельством, что, судя по информации еврейской книги «Иосиппон» и итинерария еврейского путешественника Вениамина Тудельского, страна славян, на территории которой находилось Пражское торжище, ассоциировалась у еврейских авторов с библейским Ханааном, где родители продавали в рабство собственных детей (Třeštík 2000).

Иными словами, все указывает на то, что своего устоявшегося названия держава Болеслава I не имела, что для варварской Европы являлось скорее правилом, нежели исключением. Несмотря на то, что политическим центром и главным рынком страны была Прага, расположенная в Богемии, империя Бо-

леслава фактически представляла собой мультиполитию: она состояла из целого ряда этнополитических единиц. Так, в одной только Силезии, судя по данным известной грамоты 1086 г., подтверждавшей границы Пражского епископства и отражавшей при этом реалии X в., насчитывалось несколько «племен» со своими названиями. Более крупными составными частями державы были три большие области, каждая из которых имела центральное поселение с важным торжищем: Богемия с Прагой, Моравия с Оломоуцем и Краковская земля (Steinhübel 2012). Как остроумно подметил Д. Тржештик, даже идеология этой державы (отраженная в созданной в конце X в. «Легенде Кристиана») строилась не на гентильной традиции племени чехов (первые следы которой отыскиваются лишь спустя полтора века в сюжете о праотце Чехе и его потомках, воспроизведенной в «Хронике» Козьмы Пражского), а на роли Праги как ее главного политического и экономического центра (Třeštík 2000).

К сожалению, скудость имеющихся свидетельств не позволяет воссоздать процесс формирования Пражской державы во всей необходимой полноте, но общая направленность ее территориального развития вырисовывается из совокупности имеющихся в распоряжении исследователей материалов довольно четко. В то время как предшественник Болеслава, его старший брат Вацлав, вероятно, пытался достигнуть компромисса как с оказывавшим давление на своих восточных соседей саксонским королем Генрихом Птицеловом, так и с все еще сохранявшимися в Чешской котловине «малыми князьями», не относившимися к безраздельно господствовавшему в ее центре, по крайней мере, со второй половины IX в., роду Пржемысловичей, Болеслав предпочел более жесткую политику. Он сумел за довольно короткий срок ликвидировать полунезависимые политические организмы Чешской котловины, дав при этом эффективный военный отпор саксонской интервенции. Жесткий характер подчинения «малых князей» четко прослеживается по археологическим материалам: прежние княжеские грады были разрушены, а рядом с ними были воздвигнуты новые, ставшие опорными пунктами Болеслава. Скорее всего, только после этого, создав для себя прочную базу в Богемии, Болеслав начал экспансию за пределами Чешской котловины.

Впрочем, утверждать со всей определенностью, что действия чешского правителя имели именно такую последовательность, нельзя: хронология экспансии Болеслава остается в современной историографии дискуссионной темой. Такой авторитетный знаток вопроса, как Д. Тржештик, полагает, что строительство империи было начато Болеславом вскоре после 935 г. и этому не помешало даже состояние войны с Оттоном. К 950 г., когда Болеслав после военного поражения был вынужден признать над собой сюзеренитет Оттона, империя, по мнению чешского медиевиста, уже была построена (Třeštík 2000: 49–70). Похожим образом рассуждает и словацкий историк Я. Штайнхюбель, считая, что вся империя была выстроена Болеславом за считанные годы и что ему не было необходимости для начала покорять чешских князей: обе задачи могли выполняться параллельно (Steinhübel 2012). Иную хронологию выстраивает в своем фундаментальном исследовании об империи Болеслава польская исследовательница М. Матля-Козловская. Исходя из своего резко расходящегося с предшествующей историо-

графической традицией тезиса, вдохновленного открытиями чешского археолога П. Чеха при раскопках града Жатец, что еще Вацлав начал ликвидацию малых княжеств Чешской котловины, польская исследовательница полагает, что еще в правление предшественника Болеслава создались условия для начала широко-масштабной экспансии за пределы Чешской котловины. Саму экспансию Болеслава исследовательница делит на два этапа: в то время как северная часть Моравии, Силезия и Краковская земля были покорены, по ее мнению, в конце 930-х – начале 940-х гг., следующая фаза экспансии, возможности для которой создала победа Оттона над венграми в 955 г., охватила южную Моравию, западную Словакию и земли, лежавшие к востоку от Краковской земли (Matla-Kozłowska 2008).

Какова бы, однако, ни была внутренняя хронология экспансии, *terminus post quem* всего процесса определяется довольно четко: это период между 961 и 966 г., так как именно к этому времени относится знаменитое свидетельство уже упоминавшегося еврейского путешественника Ибрахима ибн Йакуба о том, что Болеслав правит Прагой, Богемией и Краковом. Правда, в Чешской хронике Козьмы Пражского сообщается о том, что следующий чешский правитель, Болеслав II Благочестивый, еще более расширил империю, однако о характере его территориальных приобретений трудно сказать что-либо определенное, в отличие от более хорошо отраженных в источниках крупных территориальных потерь, произошедших в самом конце правления сраженного тяжелой болезнью князя и фактически означавших конец гегемонии Праги в Средней Европе.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что в период своего наивысшего могущества Пражская держава, включавшая моравские и словацкие земли на юге и силезские земли на севере, тем не менее была сильно вытянута по оси «запад – восток», так как объединяла в своем составе Богемию и всю Краковскую землю. Восточные пределы державы Болеслава четко обозначены в упоминавшейся выше грамоте с описанием границ Пражского диоцеза, данной в 1086 г. императором Генрихом IV пражскому епископу Яромиру. Хотя многие вопросы, связанные с характером и генезисом описания границ в данном документе, остаются дискуссионными, результаты многолетних исследований позволяют рассматривать данные грамоты как вполне надежные свидетельства эпохи существования Пражской державы. Описание границ диоцеза в действительности является описанием границ двух епископств – Пражского и Моравского, учрежденных не позднее 976 г. Известно, что в период, когда пражская кафедра возглавлялась епископом Войтехом, произошло слияние обоих епископств в единый диоцез с центром в Праге. Учитывая, что в Чешской хронике Козьмы Пражского, в которой приводится текст грамоты, содержится ссылка на некую «привилегию св. Войтеха», исследователи резонно полагают, что документ в данном случае отражает границы объединенного диоцеза, созданного Войтехом. Согласно данному документу, восточными границами диоцеза в его первоначальном, соответствовавшем ситуации X в., виде были реки Буг и Стырь (*Bug scilicet et Ztir*), то есть, несомненно, протекающие очень близко друг к другу верховья этих рек, позволяющие четко наметить географический рубеж.

Как уже отмечалось выше, Краков был одним из важнейших поселенческих и торговых центров державы Болеслава. Есть веские основания полагать, что еще задолго до этого данное поселение являлось центром сильного потестарного образования – земли вислян: славянское племя с таким названием упоминается в трех заслуживающих доверия источниках IX в. В одном из них – Паннонском житии св. Мефодия – рассказывается о том, как князь вислян, именуемый здесь «очень сильным языческим князем», причинял вред христианам (возможно, мораванам). Мефодий посоветовал ему креститься, заметив, что в противном случае он может быть крещен в плену на чужой земле. Так как предсказание Мефодия, по словам автора жития, исполнилось (Флоря 2004: 191), из этого следует, что мораване покорили Вислянскую землю, крестив местного князя. Вопреки высказывающимся время от времени в историографии скептическим оценкам, серьезных оснований сомневаться в этой информации данного источника нет. Особенно важно то, что вытекающий из письменных источников вывод о вислянах как о заметной политической силе хорошо соотносится с археологическими материалами: в первую очередь наличием в Кракове двух гигантских курганов (известных из позднейшей средневековой традиции как курганы Крака и Ванды), несомненно, свидетельствующем о высоком статусе и престиже местной элиты, и характерными для Малой Польши крупными городищами, немалая часть которых была воздвигнута в VIII–IX вв. (Вико 2015).

В свое время польским ученым Ю. Видаевичем была выдвинута идея о существовании в IX в. мощной Вислянской державы, будто бы доходившей на востоке до верховьев Западного Буга и Стыри (Widajewicz 1947). Несмотря на возобладавшую в последующий историографии скептическую позицию в отношении данного тезиса, естественно обусловленную нехваткой информации источников, а также тем, что в землях восточнее Вислока, в том числе в верховьях Буга и Стыри, многие исследователи не без оснований стали размещать отдельное славянское племя – лендзян, общая логика исследователя совсем не кажется устаревшей. Так, относительно быстрое подчинение чехами огромного региона от Кракова до верховьев Стыри логично объяснить тем, что здесь к тому времени уже существовала некая потестарная структура, на которую Болеславу можно было бы опереться в установлении своего политического контроля (Kalhous 2012). В этой связи не кажется чем-то невероятным, что висляне и лендзяне составляли единый политический организм под эгидой Кракова.

Ключевой вопрос, однако, состоит в природе этого политического контроля. Историографический консенсус заключается в том, что формы контроля Пржемысловичей над пространством, расположенным вне Чешской котловины, сильно отличались от того, что наблюдалось внутри: никакой системы княжеских градов и элиминации местных элит за пределами Богемии не было и в помине. Да и, понятное дело, не могло быть: на слишком огромной территории империи не могли внедрить данное институциональное *know-how*. Ссылаясь на содержащееся в «Чешской хронике» Козьмы Пражского изолированное упоминание присутствия чехов в Кракове на момент занятия города польским правителем, исследователи высказывают логичное мнение, что формой контроля Болеслава над землями, лежавшими за пределами Богемии, было присутствие чешских

гарнизонов в важнейших стратегических центрах империи Болеслава (Matla-Kozłowska 2008). Однако одних гарнизонов для удержания под властью Праги столь обширных пространств было недостаточно, вследствие чего в историографии высказывается и другое, не менее логичное соображение: местные элиты на периферии империи должны были сохранить свое положение и сотрудничать с Пржемысловичами. Развивая перспективную мысль Д. Калхоуса об общей цели как движущей силе центростремительных процессов в Центральной Европе и элитном компромиссе как механизме ее реализации, следует задаться вопросом: а что же, собственно говоря, толкало периферийные элиты к сотрудничеству с харизматичным родом из центральной Чехии? Кажется, у современных исследователей есть хотя и гипотетический, но довольно убедительный ответ.

К настоящему времени в науке накоплена богатая информация о проходившем через Прагу, Оломоуц и Краков торговом пути, связывавшем земли Кордовского халифата и франкских королевств на западе Европы с Хазарским каганатом на востоке (Назаренко 2001). Этот путь являлся не чем иным, как центральноевропейским участком глобального трансевразийского сухопутного торгового маршрута, связывавшего Европу с Восточной Азией. Уже сама территориальная конфигурация Пражской империи, вытянутой с запада на восток вдоль этой торговой трассы, а также центральная роль в ней городов, обладавших крупными торжищами (Прага, Оломоуц, Краков), позволили исследователям считать, что завоевания Болеслава не были проявлением обычной территориальной экспансии, движимой простой целью расширения подвластной князю территории (Třeštík 2000). Скорее всего, эти завоевания были вызваны стремлением поставить под свой контроль торговую магистраль, связывавшую Восточно-Франкское королевство с Хазарским каганатом. Интересно, что один из стратегически важных участков трассы (Трстеницкая дорога, соединявшая северо-восточную Чехию с Силезией) пролегал через расположенные на северо-востоке Чехии владения Славника, что наряду с рядом других обстоятельств побудило чешских исследователей окончательно отбросить популярные некогда представления о Славнике как о племенном князе белых хорватов, который по какой-то неведомой причине сохранил свое племенное княжество внутри империи Пржемысловичей. Напротив, многое указывает на то, что область Славника была апанажем в составе империи Болеслава, выделенным для одного из родственников правящей династии (*Ibid.*).

Контроль над дальней торговлей как главный источник ресурсов империи Болеслава выглядит тем более вероятным, что в распоряжении исследователей есть целый комплекс надежных данных об активном функционировании в X в. Пражского торжища, несомненно, являвшегося в это время рынком общеевропейского значения. При этом есть основания полагать, что контроль над торговлей был не только основным источником мощи чешского правителя, но и источником лояльности интегрированных в империю локальных элит. Подобная оценка ситуации естественным образом вытекает из обращения к источникам, характеризующим политическую ситуацию в зоне прохождения описанного выше торгового маршрута в X в. Почти во всех из них тщательно фиксируются названия этнополитических единиц (племен) Центральной Европы, вне зависи-

мости от того, под чьей верховной властью (Праги, Киева или Хазарского каганата) они находились.

Особенно интересно в этом отношении сообщение «Анналов Пегау», где сообщается о некоем могущественном предке чешских королей по имени Буго, в котором, скорее всего, следует видеть Болеслава I. По словам источника, этот славный правитель распространил свою власть вплоть до «провинции серингов». Под «провинцией серингов» в данном случае, в соответствии с давней античной традицией, сохранявшейся и в Средневековье, надлежит понимать одну из отдаленных восточных стран, расположенных на Великом шелковом пути, возможно, даже Китай (Třeštík 2000). Если помнить о том, что вышеупомянутый торговый путь, связывавший Прагу и Краков с Булгаром и Хазарией, был частью более глобального маршрута, соединявшего Европу с оазисами Мавераннахра и китайскими государствами, предположение, что таким причудливым образом в позднейшей традиции был осмыслен торговый характер империи Болеслава, не кажется таким уж невероятным. Такое осмысление может свидетельствовать об обусловленности дискурса политического доминирования практикой дальней торговли, что, в свою очередь, может указывать на сетевой характер политического контроля: протянувшаяся далеко на восток, пусть не до Китая, но хотя бы до Руси, держава Болеслава предстает здесь не столько империей, сколько межсоциальной коммуникативной сетью.

Давно высказанное в чешской историографии предположение о центральной роли контроля над дальней торговлей в формировании и функционировании империи Болеслава, если рассматривать его в широкой антропологической перспективе, заставляет вспомнить о понятии африканского способа производства. Автор данного понятия, французская исследовательница К. Кокри-Видрович, обобщив соответствующие наблюдения Ж. Сюре-Канала и М. Годелье над развитием ряда обществ Тропической Африки, определяла его как сочетание патриархально-общинной экономики с контролем относительно узкой элитной группы над внешней торговлей (Coquery-Vidrovitch 2010). Рассматривая место африканского способа производства в политогенетических процессах, В. А. Попов справедливо заключает, что речь идет об одном из универсальных способов вторичного развития политогенеза у первобытных обществ «в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов» (Попов 2007: 423). Заметим в связи с этим, что африканский материал дает множество примеров такого воздействия, которые бы могли быть весьма полезны при обсуждении славянского политогенеза на окраинах империй Каролингов и Людольфингов – от вовлеченных в трансатлантическую работорговлю городов-государств дельты Нигера, которые В. А. Попов предложил называть «военно-торговыми параполисами», до средневековых военно-торговых империй Западного Судана (Гана, Мали, Сонгай).

В связи с участием элит и формированием сетей следует обратить внимание на сходство, которое Пражская держава обнаруживает со своей геополитической предшественницей – Великой Моравией. В то время как империя Болеслава сложилась в качестве своеобразного «нароста» на границах державы Оттона, зависимость от которого Болеслав признал в 950 г., Великую Моравию аналогичные отношения связывали с Восточно-Франкским королевством. Экспансия Ве-

ликой Моравии на север и восток, в земли языческих славянских племен, стала возможной после того, как в 874 г. Святополком был заключен Форххаймский мир с Восточно-Франкским государством, обязавшим моравян поставлять дань своему западному соседу, но развязывавшим правителю руки в отношении язычников. Интересно и значительное сходство в регионах экспансии. Вскоре после Форххаймского мира жертвой моравской экспансии стало упоминавшееся выше Вислянское княжество, как о том свидетельствует цитированное выше свидетельство «Жития» Мефодия: большинство исследователей датируют это событие периодом между 875 и 879 гг. (обзор мнений см.: Łowmiański 1970).

Ряд исследователей, ссылаясь на отраженные в грамоте 1086 г. границы державы Пржемысловичей, проходившие по верховьям Буга и Стыри, считали, что эти границы воспроизводили границы Великой Моравии, опиравшиеся, в свою очередь, на границы Вислянской державы (*Ibid.*). Если принимать во внимание геополитическую преемственность империи Пржемысловичей по отношению к Моравии, данная интерпретация выглядит хотя и недоказуемой, но как минимум допустимой, ведь до объединения Пражского и Моравского епископств под властью епископа Войтеха границы на Буге и Стыри должны были быть границами именно Моравского епископства с центром в Оломоуце. В свое время Х. Ловмянский, отстаивая свою идею, что описание соответствует Моравской архиепископии 899 г., сомневался в таком охвате Моравской епископии после венгерского нашествия (*Ibid.*). Между тем этот аргумент можно обратить против – распространение моравской церковной инфраструктуры в условиях утраты юрисдикции над Карпатской котловиной на северо-восток выглядит как минимум логичным. Хотя мы далеки от того, чтобы поддерживать безосновательные гипотезы о перемещении на северо-восток культурных очагов моравской христианской цивилизации, вроде тех, что высказывались в историографии, некое смещение населения в более безопасные области вполне могло иметь место.

Еще несколько десятилетий назад в историографии было принято описывать Великую Моравию как раннефеодальную монархию, подданные которой подвергались централизованной эксплуатации (историографию см.: Kalhous 2016). Яркое выражение такой подход нашел, в частности, в трудах чешского ученого Л. Гавлика, последовательно применявшего к Моравии понятие восточного феодализма. Исследователь полагал, что изъятие прибавочного продукта, базировавшееся на эксплуатации непосредственного производителя, осуществлялось как в ядре Моравии, так и на завоеванных Святополком территориях, с той разницей, что в захваченных землях все же не дошло до полной узурпации земельной собственности государством, то есть правителем и его людьми, а эксплуатация осуществлялась посредством сбора дани князьями-наместниками, правившими при помощи моравских гарнизонов (Гавлик 1985). В сущности, подобным же образом рассуждал и Д. Тржештик, привлекая в качестве доказательства существования в Моравии государственной дружины данные арабской анонимной записки IX в., в которой сообщается о правителе страны славян по имени *Св.т.м.л.к* (Святополк?), который обладал боевым конем и крепкими доспехами, в то время как его воины ни того не другого не имели. Тржештик усматривал

в этой информации намек на то, что правитель сам снабжал своих воинов конями и доспехами, как это спустя сто лет делал Мешко из сообщения Ибн Йакуба. В Моравии, по мысли Тржештика и его сторонников, должны были существовать и зачатки служебной организации (возникшей под влиянием каролингского опыта) и градской системы, то есть зачатки той системы, которая будет характеризовать среднеевропейскую модель государства. Основой для формирования ее в Моравии должна была стать адаптация каролингского опыта (Třeštík 1987; Тржештик 1991; Тржештик, Достал 1991).

Как уже отмечалось, теория среднеевропейской модели государственности применительно к Моравии строилась главным образом на основе ретроспекции. Собственно моравский материал не давал существенных оснований для безоговорочных утверждений о существовании здесь служебной организации или централизованной эксплуатации. Высокий уровень социально-политической зрелости моравской политики, под которым в данном случае подразумевалась развитие феодальных отношений, определялся исследователями главным образом на основе несомненных признаков социальной стратификации, выражающейся прежде всего в элитных погребениях, а в еще большей степени – на основе существования в Моравии, помимо обычных городищ и сельских поселений, так называемых агломераций предгородского типа (Бялекова 1985). Данный термин используется по отношению к гигантским сложносоставным поселениям Микульчице близ Годонина, Старе Место близ Угерске, Градиште и Поганско близ Бржецлава, которые как по своим размерам, так и по своему характеру мультифункциональных комплексных поселений являются совершенно уникальными для славянского мира IX в. Если добавить к этому внушительное монументальное строительство (в течение IX в. в моравских центрах, в первую очередь в вышеупомянутых агломерациях, было построено несколько десятков каменных храмов) и довольно развитое ремесленное производство, то традиционное для историографии причисление Моравии к списку раннефеодальных государств, в котором Моравии нередко присваивался почетный титул первого славянского государства, совсем не покажется удивительным.

Таким образом, археологический «фасад» Моравии долгое время воспринимался в историографии как вполне соответствовавший тому образу сильного, успешно соперничавшего с могущественными франками государства, который вырисовывался из материалов письменных источников: величие Моравии и в том и в другом случае объяснялось успешной феодализацией. Однако недавно под влиянием прежде всего результатов новых археологических исследований появилась иная, существенно расходящаяся с предшествующей трактовка того, как функционировала моравская политическая организация. Важный импульс к ее появлению дала развернувшаяся в чешской исторической науке дискуссия о причинах падения Великой Моравии (Třeštík 1987; 1991; 1999). Вышеупомянутая хрупкость больших политий Центральной Европы, на которую недавно в очередной раз обратил внимание П. Хизер, в случае с Моравией кажется особенно обескураживающей, ведь речь здесь шла не только об утрате контроля над периферийными областями, но и о фактическом запустении и деградации самого моравского хартленда в долине реки Моравы.

Хотя в целом коллапс моравской политики, несомненно, был связан с вторжением венгров и его глобальными последствиями для всего региона Карпатской котловины, это обстоятельство вовсе не снимает вопроса о непосредственных причинах деградации агломераций в долине Моравы, которые, как показывают результаты археологических раскопок, отнюдь не были разрушены венгерскими завоевателями и так и не оказались под их властью. Отталкиваясь от этого обстоятельства, чешский археолог И. Штефан предложил иное объяснение запустения агломераций, связав его с разрушением инфраструктуры дальней торговли, имевшей, по мнению И. Штефана, жизненное значение для моравской политики. Действительно, через Моравию в IX столетии шли как минимум два важных торговых маршрута – это путь от Карнунтума до Венеции, северным ответвлением которого, как подчеркивает Штефан, и были главные моравские реки – Морава и Дые, и путь по Дунаю, который вел из Западной Европы в Болгарию и Византию. Поселенческая структура моравского ядра была, по мысли Штефана, всецело подчинена интересам дальней торговли: агломерации на Мораве и Дые были пунктами, куда прибывали купцы, а концентрация городищ на участке «Братислава – Девин» объясняется необходимостью защищать пересечение торговых путей в районе Карнунтума (Štefan 2011: 342). Именно контроль над торговлей, а отнюдь не централизованная эксплуатация, никаких реальных признаков которой так и не удалось обнаружить в моравских археологических материалах, и был, по мнению чешского исследователя, главным источником ресурсов для моравского правителя, а также важнейшим средством обеспечения лояльности не только элиты, но и основной массы населения – свободных мораваков. На последнюю мысль исследователя натолкнули главным образом материалы погребений с воинским снаряжением, в том числе всаднические, широко встречающихся на рассыпанных по территории моравского ядра обычных сельских некрополях. Как полагает Штефан, это были погребения не представителей элиты, а обычных свободных мораваков, участвовавших в военных кампаниях правителя и получавших посредством редистрибуции престижные предметы, аккумулировавшиеся в руках правителя и его окружения благодаря эффективно организованному моравской элитой контролю над дальней торговлей (*Ibid.*: 349).

Помимо археологических материалов, определенную роль в рассуждениях Штефана о роли дальней торговли в функционировании моравской политики сыграла и аналогия с позднейшей державой Болеслава I Пржемысловича, которая выглядит тем более привлекательной, что в обоих случаях важным, если не основным с точки зрения доходности, товаром были рабы. Имеющаяся в распоряжении исследователей информация о товарах, перемещавшихся торговыми караванами через Пражскую державу Болеслава, а также известные сюжеты из биографии боровшегося с работорговлей пражского епископа Войтеха, позволяет говорить о довольно интенсивной торговле рабами в Чехии X в. Штефан полагает, что похожим образом обстояло дело и в Великой Моравии, рисуя картину возросшего на арабском рынке спроса на рабов в условиях борьбы церкви с продажей в рабство христиан: в таких условиях удовлетворить спрос на рабов можно было только за счет попадавших в плен язычников, каковых Моравия,

находившаяся на самом краю христианского мира, могла приобретать в немалых количествах (Štefan 2011).

В комплементарном отношении с моделью функционирования моравской политики, предложенной И. Штефаном, находится и концепция чешского археолога Й. Махачека, обобщившего результаты своих многолетних исследований великоморавского поселения Поганско под Бржецлавом в виде стройной концепции моравского циклического вожества. По мысли Й. Махачека, Моравия, так и не достигшая стадии ранней государственности, представляла собой развитую форму вожества, критически зависевшую от дальней торговли. В своем стремлении мобилизовать богатство моравская воинская элита фактически была замкнута на центральные поселения, где осуществлялась торговля и происходило распределение престижных предметов. Поселенческая система при этом имела классическую бимодальную форму, когда сельское население концентрировалось в непосредственной близости к центральным укрепленным агломерациям, фактически образуя их сельский хинтерланд. Желая обрести большую степень эмансипации от социума и иметь свой собственный источник дохода, моравский правитель обзавелся еще одной резиденцией и собственным, то есть подконтрольным только ему, эмпорием в Поганско, где имел возможность организовывать торговлю и аккумулировать необходимые средства для поддержания своего престижа и привлечения последователей (Macháček 2007; 2010; 2012; 2013).

Как показала недавняя дискуссия на страницах чешского журнала «Археологическое обозрение», не все исследователи готовы согласиться с вышеописанной военно-торговой моделью функционирования моравской политики. Если оставить в стороне ссылки на отсутствие в источниках достаточных доказательств тезиса о центральном значении работоторговли в моравской экономике, так как аналогичный упрек можно адресовать и сторонникам тезиса о централизованной эксплуатации, следует обратить внимание на такие внешне бесспорные аргументы, как наличие у моравской верхушки зрелой государственной стратегии вроде стремления создать собственную церковную организацию, высокий уровень военной организации, позволявший поставить во главе войска иностранца, искушенность в дипломатии и устойчивость к не раз сотрясавшим моравскую державу кризисам, вызываемым франкской интервенцией (Profanto-vá, Profant 2014). Все это, по мнению критиков военно-торговой модели, трудно совместить с организацией власти, замкнутой на контроль над торжищами и не обладающей возможностью систематически изымать прибавочный продукт у основной массы свободного населения.

Таким образом, если, абстрагируясь от множества нюансов, перевести актуальную на сегодняшний день полемику вокруг характера моравской социально-политической организации на язык политической антропологии, то можно сказать, что ее интерпретация колеблется между азиатским и африканским способами производства (Алимов 2012). Какой модели следует отдать предпочтение? Следует признать, что на основании одних лишь свидетельств письменных источников, фрагментарных, не всегда ясных и зачастую допускающих амбивалентное толкование, ответить на этот вопрос невозможно. В этой связи главное

внимание справедливо оказывается прикованным именно к археологическим данным, хотя на сегодняшний день их также не удастся однозначно интерпретировать. Показательна в этом плане дискуссия, развернувшаяся вокруг функционального назначения огромных зальных построек с земляным, покрытым песком полом, большое количество которых (свыше 70) было обнаружено археологами в укрепленном, прилегающем к акрополю, то есть центральному городищу, квартале Микульчицкой агломерации, именуемом предградьем. В свое время археолог Й. Поулик, обнаруживший эти постройки в ходе своих эпохальных раскопок Микульчицкой агломерации, интерпретировал их как помещения для размещения дружины великоморавского правителя, ссылаясь на обнаруженные при раскопках детали воинского снаряжения.

Совсем иначе смотрит на назначение этих построек Й. Махачек. Отмечая, что обнаруженные здесь немногочисленные предметы военного назначения (стрелы) и воинской экипировки (детали поясов) могли происходить из более ранних довеликоморавских (аварских) слоев, Махачек заостряет внимание на обнаружении при раскопках этих зданий орудий женского рукоделия – костяных шил, что дает исследователю основание выдвинуть предположение, что большие постройки с земляным полом служили для размещения пленников. Если это так, показательно само размещение этих людей в самом сердце страны в особом квартале в непосредственной близости от местонахождения носителей верховной власти: как отмечает Махачек, пленники были главным богатством моравского вождя и мораван как гентильной общности (Macháček 2015). И хотя, как справедливо замечают Н. Профантова и М. Профант, критикуя военноторговую модель Махачека, пленники – это отнюдь не рабы, так как могли быть отпущены за выкуп (Profantová, Profant 2014), ничто не мешает допустить, что рабами эти люди все-таки становились.

В целом материалы источников об экономической ситуации в Центральной и Восточной Европе в IX–X вв., обобщенные в недавнее время в целом ряде публикаций, позволяют, хотя и с осторожностью, поддержать ту линию интерпретации политогенетических процессов в Центральной Европе, которая связывает подъем местных элит и аккумуляцию в их руках ресурсов, необходимых для поддержания власти и престижа, с формированием в регионе инфраструктуры дальней, прежде всего крупномасштабной, работоторговли. На этом фоне провоцирующим дальнейшую дискуссию можно считать недавно прозвучавшее предположение Ф. Янковяка, объясняющего появление защищенных стенами крупных пустых пространств внутри славянских городищ, таких как Нашацовице на юго-востоке Польши, необходимостью содержать в них большое количество рабов (Jankowiak 2012). Подобная догадка возникла в связи со странным и до сих пор не объясненным в историографии скоплением на юго-востоке Польши и западе Украины, то есть в регионе, последовательно находившемся в сфере влияния Великой Моравии и державы Пржемысловичей, гигантских по размерам городищ. Хотя подобная идея в принципе хорошо сочетается с пониманием ранних славянских империй как политически институционализированных коммуникативных сетей, обеспечивавших сотрудничество элит в дальней торговле,

стоит подчеркнуть, что никаких положительных аргументов в ее пользу пока не может быть приведено.

Справедливо критикуя популярные некогда в историографии эволюционистские интерпретации политогенеза, любившие оперировать такими понятиями, как социальное созревание и разложение племенного строя, польский ученый П. Урбаньчик назвал ранние державы варварской Европы «частными предприятиями» сильных харизматических кланов – Пржемысловичей, Пястов, Рюриковичей, венгерских Арпадов и датских Скьельдунгов (Urbańczyk 2008: 68). В таком заявлении много справедливого, так как ранние державы возникали «здесь и сейчас» методом проб и ошибок, по сути являясь импровизациями нескольких сильных группировок. Следует также полностью согласиться с теми авторами, которые обращают внимание на ограниченность любой этнокультурной перспективы в интерпретации социальной истории (раннего) Средневековья, когда задним числом выстраивается линия преемственности от более позднего, культурно и цивилизационно оформленного, состояния этнокультурного организма к более ранним фазам развития, когда еще трудно говорить о его кристаллизации. Такого рода ретроспективный подход побуждает, например, искать корни того или иного народа или государства в эпоху, когда ни государств, ни народов в привычном нам понимании не существовало. Подобный же ретроспективный подход трактует славянский мир как некую вещь в себе, заставляя отыскивать в славяноязычном пространстве общие закономерности социального развития или будто бы только ему присущие социокультурные особенности. Между тем, как со всей очевидностью явствует из рассмотренной выше актуальной дискуссии о так называемых «славянских племенах», «славянское племя» – это не более чем историографический конструкт, в то время как в реальности речь идет об универсальных путях надлокальной интеграции в варварском обществе раннесредневековой Европы, демонстрирующих сугубо ситуативные различия, обусловленные региональным контекстом.

Несколько сложнее обстоит дело с ранними славянскими государствами, появившимися в Центральной Европе в IX–X вв. Сходство, которое они между собой демонстрируют, настолько значительно, что поневоле заставляло исследователей задумываться о его глубинных причинах. Так, в частности, родилась концепция средневропейской модели государственности, в рамках которой прозвучал важный тезис о Великой Моравии как судьбоносном для последующего социально-политического развития региона опыте адаптации славянами элементов каролингской политической организации. Однако из приведенных выше наблюдений над ходом и результатами современных исследований кажется, что по крайней мере отдельные черты этого сходства можно объяснить общими закономерностями социальной эволюции в регионах, первоначально лежавших за пределами ареала распространения частнособственнического способа производства. В первую очередь речь идет об универсальности феномена власти-собственности и основанных на нем механизмах редиистрибуции. Во-вторых, крайне важными для социального развития ранних славянских политических были их положение на границах империй и ориентация на удовлетворение их торгового спроса. Неслучайно концепция африканского способа производства,

то есть формы вторичного политогенеза, основанного на вовлечении элиты архаического социума в крупные внешние транзакции, оказывается столь полезной как при интерпретации политогенеза в ядре ранних государств, так и при понимании механизмов интеграции далекой периферии в единую коммуникативную и институциональную сеть.

Сказанное, конечно, не означает, что сходство между ранними славянскими государствами сводится только к универсальным путям социальной эволюции и вторичного политогенеза. Однако все же следует заметить, что наибольшая близость и даже единство социально-политических и культурных практик характерны уже для эпохи христианизации и первых веков после принятия христианства. Имеющиеся исследования позволяют говорить о том, что это сходство было не столько результатом предшествующего племенного периода, сколько следствием культурной диффузии в результате распространения сложившейся в Центральной Европе (прежде всего в Карантии, Паннонском княжестве и Великой Моравии) модели христианской славянской культуры (Homza 2014; Vaníček 2017), включавшей в себя особый язык, письменность и идеологию, и тех аспектов социальной организации, которые составляли с этой моделью нерасторжимое единство в рамках того, что медиевисты именуют «социальным знанием».

Есть основания полагать, что таким же результатом культурной диффузии была и сама славянская идентичность, первоначально существовавшая только в Моравско-Паннонском регионе и на Балканах (Homza 2002, 2018; Verešová 2008, 2011; Алимов 2018). Распространение культурных импульсов из первичных очагов христианской славянской культуры, таких как Великая Моравия, было, однако, невозможно без созданной в предшествующий период политической инфраструктуры, будь то система сбора дани с отдаленных племен или сетевая структура, возникшая в интересах обслуживания и извлечения доходов из дальней торговли. В этом смысле можно говорить о том, что и сам славянский мир, если понимать под ним зону распространения славянской идентичности и более или менее сходных практик социально-политического устройства, стал результатом политогенетических процессов и надлокальной интеграции эпохи раннего Средневековья.

Библиография

- Алаев Л. Б. 2019. *История Востока с древнейших времен до начала XX века*. М.: ЛЕНАНД.
- Алимов Д. Е. 2012. «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1(11): 183–196.
- Алимов Д. Е. 2013. Потестарная организация в славянском мире в IX–X вв.: в поисках «простого вожества». *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 133–163. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).
- Алимов Д. Е. 2016. *Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв.* СПб.: Нестор-История.

- Алимов Д. Е. 2018.** «Пражская империя» и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2(24): 117–144.
- Бондаренко Д. М. 2007.** Сложности со «сложностью» (Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой). *Общественные науки и современность* 5: 141–149.
- Бялекова Д. 1985.** Развитие форм поселений в Великой Моравии. *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение* / Ред. В. Д. Королюк, Г. П. Мельников, Й. Поулик, П. Раткош, Г. Э. Санчук, Б. Хроповский, с. 108–125. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 2008.** Власть-собственность – генеральная структура неантичных и добуржуазных обществ. *Восток как предмет экономических исследований* / Отв. ред. А. М. Петров, с. 7–24. М.: Ключ-С, 2008.
- Васильев Л. С. 2015.** *Всеобщая история*. Т. 1. *Древний Восток и Античность*. М.: КДУ.
- Гавлик Л. 1985.** Государство и держава мораван (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы). *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение* / Ред. В. Д. Королюк, Г. П. Мельников, Й. Поулик, П. Раткош, Г. Э. Санчук, Б. Хроповский, с. 96–107. М.: Наука.
- Горский А. А. 2011.** Славянское расселение и эволюция общественного строя славян. Великое переселение народов. *Этнополитические и социальные аспекты* / Ред. В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова, с. 129–180. СПб.: Алетейя.
- Горский А. А. 2016.** (Ответы). В: Горский А. А., Плетерский А., Пузанов В. В., Шувалов П. В., «Племя» в славянском мире в раннее Средневековье (форум). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1(19): 3–15.
- Жемличка Й., Марсина Р. 1991.** Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия). *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, с. 167–189. М.: Наука.
- Крадин Н. Н. 2004.** *Политическая антропология*: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос.
- Мазарчук Д. В. 2006.** Модели социо- и политогенеза в современной науке (иерархические и гетерархические общества). *Право и демократия* 17: 41–50.
- Назаренко А. В. 2001.** *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* М.: Языки русской культуры.
- Попов В. А. 2007.** Политогенетическая контрверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии*: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Т. 2. *Политическая культура и политические процессы*, с. 321–344. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Раткош П. 1985.** Великая Моравия – территория и общество. *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение* / Ред. В. Д. Королюк, Г. П. Мельников, Й. Поулик, П. Раткош, Г. Э. Санчук, Б. Хроповский, с. 81–95. М.: Наука.
- Стефанович П. С. 2012.** *Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках*. М.: Индрик.
- Толочко А. П. 2015.** *Очерки начальной Руси*. Киев; СПб.: Лаурус.

- Тржештик Д. 1987.** Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья. *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, с. 124–133. М.: Наука.
- Тржештик Д. 1991.** Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье. *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, с. 69–86. М.: Наука.
- Тржештик Д., Достал Б. 1991.** Великая Моравия и зарождение Чешского государства. *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, с. 87–105. М.: Наука.
- Флоря Б. Н. 1991.** Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства. *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, с. 190–207. М.: Наука.
- Флоря Б. Н. 2004.** *Сказания о начале славянской письменности*. СПб.: Алетейя.
- Щавелев А. С. 2015.** Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2: 99–133.
- Ančić M. 2000.** U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod. *Hrvati i Karolinzi*. Dio I. *Rasprave i vrela*, s. 70–103. Split.
- Ančić M. 2011.** Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio. *Hum i Hercegovina kroz povijest*. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. I. Lučić, s. 217–278. Zagreb.
- Antonin R. 2011.** Model středoevropského typu středověkého státu jako interpretační problém české a polské medievalistiky. *Historia Slavorum Occidentis* 1(1): 65–76.
- Boroń P. 2001.** Słowiańskie plemię. O pojęciu i jego rozumieniu w polskiej historiografii. *Viae historicae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi A. Tyszkiewiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, s. 189–207. Wrocław.
- Budak N. 1990.** Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter. *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern*. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram, W. Pohl, S. 129–136. Wien.
- Buko A. 2012.** Ośrodki centralne a problem najstarszego patrymonium dynastii Piastów. *Archeologia Polski* 57(1–2): 133–159.
- Buko A. 2015.** Zanim powstało państwo Piastów. O osobliwościach ziemi krakowskiej IX–X wieku w świetle danych archeologii. *Studia nad dawną Polską* 4: 37–61.
- Coquery-Vidrovitch C. 2010.** Research on an African mode of production. *Perspectives on Africa: A Reader in Culture, History and Representation* / Ed. by R. R. Grinker, S. C. Lubkemann, C. B. Steiner, pp. 139–150. 2nd ed. Oxford.
- Crumley C. L. 1987.** A Dialectical Critique of Hierarchy. *Power Relations and State Formation* / Ed. by T. C. Patterson, C. Ward Gailey, pp. 155–168. Washington: American Anthropological Association.
- Curta F. 2001.** *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, 500–700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dzino D. 2010.** *Becoming Slav, Becoming Croat: Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia*. Leiden; Boston: Brill.

- Earle T. 2011.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Social Evolution & History* 10(1): 27–54.
- Fokt K. 2016.** Slavic Ethnopolities: A Few Remarks on the “Tribal Question” as Answer to the Questionnaire of “*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*”. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1(19): 33–38.
- Graus F. 1965.** Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě. *Československý časopis historický* 14: 1–18.
- Havlík L. E. 1960.** Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka. *Slovanské štúdie* 3: 9–79.
- Hill J. D. 2011.** How did British Middle and Late Pre-Roman Iron Age Societies Work (If They Did)? *Atlantic Europe in the First Millenium B.C.: Crossing the Divide* / Ed. by T. Moore, X.-L. Armada, pp. 242–263. New York.
- Homza M. 2002.** Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika. *Studia Academica Slovaca* 31: 285–295.
- Homza M. 2014.** *Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Homza M. 2018.** A Few Words about the Identity of the Slavs, Yesterday, Today, and Tomorrow. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1(23): 3–41.
- Jan L. 2000.** *Vznik zemského soudu a správa středověké Moravy*. Brno: Masarykova univerzita.
- Jan L. 2007.** Skrytý půvab “středoevropského modelu”. *Český časopis historický* 105(4): 873–902.
- Kalhous D. 2012.** *Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia*. Leiden; Boston: Brill.
- Kalhous D. 2014.** *Model státu středoevropského typu: Koncept na pomezí tradice a inovace.* (Ke kontinuitě a diskontinuitě v české historiografii po r. 1948.) *Forum Historiae* 8: 159–173.
- Kalhous D. 2016.** Velká Morava v představách poválečné české historiografie a archeologie. Sonda do problematiky pojetí státu a společnosti. *Tradycje i nowoczesność Początki państwa polskiego na tle śródkowoeuropejskim w badaniach interdyscyplinarnych* / Red. H. Kóćka-Krenz, M. Matla, M. Danilewski, s. 71–91. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Kara M. 2009.** *Najstarsze państwo Piastów – rezultat przełomu czy kontynuacji?* *Studium archeologiczne*. Poznań: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2009.
- Kara M. 2012.** Mediewistyka historyczna i archeologia średniowiecza w badaniach nad początkami państwa Piastów. Przykład «współpracy» historiografii i archeologii. *Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji* / Red. S. Tabaczyński, A. Marciniak, D. Cyngot, A. Zalewska, s. 869–884. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Kara M. 2013.** Historiografia i archeologia polska o mechanizmach formowania się władztwa Piastów. Próba zestawienia ważniejszych poglądów. *Instytucja «wczesnego państwa» w perspektywie wielości i różnorodności kultur* / Red. J. Banaszkiewicz, M. Kara, H. Mamzer, s. 303–316. Poznań: Ośrodek Studiów Pradziejowych i Średniowiecznych Instytutu Archeologii i Etnologii PAN w Poznaniu.
- Kara M. 2015.** Medieval Historical Studies and Medieval Archaeology about the Origin of the Piast State. An Overview. *Archaeologia Polona* 48: 37–58.

- Kara M. 2016.** Archeologia o początkach państwa Piastów. Nowe aspekty i wyniki badań. *Tradycje i nowoczesność Początki państwa polskiego na tle środkowoeuropejskim w badaniach inter-dyscyplinarnych* / Red. H. Kóćka-Krenz, M. Matla, M. Danilewski, s. 175–186. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Kasperski R. 2014.** Frankowie i Obodryci: tworzenie «plemion» i «królów» na słowiańskim Połabiu w IX wieku. *Granica wschodnia cywilizacji zachodniej w średniowieczu* / Red. Z. Dalewski, s. 55–113. Warszawa: Instytut Historii PAN.
- Klápště J. 2006.** *Proměna českých zemí ve středověku*. Praha: Lidové noviny.
- Kurnatowska Z., Kara M. 2010.** Wczesnopiastowskie Regnum – jak powstało i jaki miało charakter? Próba spojrzenia od strony źródeł archeologicznych. *Slavia Antiqua* 51: 23–96.
- Levak M. 2005.** Tragovi društvenog ustroja istarskih Slavena u ranom srednjem vijeku. *Raukarov zbornik: Zbornik u čast Tomislava Raukara* / Ur. N. Budak, s. 55–73. Zagreb.
- Levak M. 2007.** *Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave*. Zagreb: Leycam international.
- Lysý M. 2014.** *Moravania, Mojmirovci a Franská říša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku*. Bratislava: Atticum.
- Łowmiański H. 1970.** *Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e.*: 6 t. T. IV. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Macháček J. 2007.** Early Medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundenburg: Munitio, Emporium or Palatium of the Rulers of Moravia? *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*: in 2 vols. Vol. 1: The Heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning, pp. 473–498. Berlin: Walter de Gruyter.
- Macháček J. 2010.** The Rise of Medieval Towns and States in East Central Europe: Early Medieval Centres as Social and Economic Systems. Leiden; Boston: Brill.
- Macháček J. 2012.** «Great Moravian State» – a Controversy in Central European Medieval Studies. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1: 5–26.
- Macháček J. 2013.** Great Moravian Central Places and Their Practical Function, Social Significance and Symbolic Meaning. *Zentrale Orte und Zentrale Räume des Frühmittelalters in Süddeutschland* / Hrsg. von P. Ettel, L. Werther, S. 235–248. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Macháček J. 2015.** O Velké Moravě, archeologii raného středověku i o nás samých. *Archeologické rozhledy* 67(3): 464–494.
- Matla-Kozłowska M. 2008.** *Pierwsi Przemysłidzi i ich państwo (od X do połowy XI wieku). Expansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Profantová N., Profant M. 2014.** Modernizace moravské medievistiky? *Archeologické rozhledy* 66: 127–140.
- Steinhübel J. 2012.** *Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004*. 2. vydání. Kraków: Spolok Slovákov v Poľsku – Towarzystwo Słowaków w Polsce.
- Steinhübel J. 2014.** Vefká Morava na polceste od kmeňa ku štátu. *Forum Historiae* 8(2): 71–97.
- Štefan I. 2011.** Great Moravia, Statehood and Archaeology. The “Decline and Fall” of One Early Medieval Polity. *Fruhgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des*

Beginns archaologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9. 10. 2009, Břeclav, Tschechische Republik / Hrsg. von J. Machaček, Š. Ungerma, S. 333–354. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

- Štih P. 1996.** Plemenske in državne tvorbe zgodnjega srednjega veka na slovanskem naselitenem prostoru v Vzhodnih Alpah. *Slovenci in država*, s. 21–45. Ljubljana.
- Štih P. 2007.** Karantanci – zgodnesrednjeveško ljudstvo med Vzhodom i Zahodom. *Zgodovinski časopis* 61(1–2): 47–58.
- Tolochko O. P. 2008.** The Primary Chronicle’s “Ethnography” Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus’ State. *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk*, pp. 169–188. Turnhout: Brepols Publishers.
- Třeštík D. 1987.** Pád Velké Moravy. *Typologie raně feudálních slovanských států*, s. 27–76. Praha.
- Třeštík D. 1988.** České kmeny. Historie a Skutečnost Jedné Koncepce. *Studia Mediaevalia Pragensia* I: 129–143.
- Třeštík D. 1991.** Kdy zanikla Velká Morava? *Studia Mediaevalia Pragensia* 2: 9–28.
- Třeštík D. 1994.** Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů. *Český časopis historický* 92: 423–459.
- Třeštík D. 1999.** Místo Velké Moravy v dějinách. Ke stavu a potřebám bádání o Velké Moravě. *Český časopis historický* 97: 689–727.
- Třeštík D. 2000.** “Veliké město Slovanů jménem Praha”. Státy a otroci ve střední Evropě v 10. Století. *Přemyslovský stát kolem roku 1000: na paměť knížete Boleslava II (+ 7. února 999)*, s. 49–70. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- Třeštík D. 2001.** *Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- Třeštík D., Krzemieńska B. 1979.** Hospodářské základy raně středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko, Uhry v 10.–11. století). *Československý časopis historický* 17: 113–130.
- Urbańczyk P. 2008.** *Trudne początki Polski.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Vaniček V. 2013.** Paradoxy marxistické medievistiky z hlediska současnosti (koncept státoporné družiny raného středověku v české a německé historiografii). *Historia Slavorum Occidentis* 1(4): 13–42.
- Vaniček V. 2016.** Otázka role družiny při formování raného státu ve střední Evropě. *Tradycje i nowo-czesność Początki państwa polskiego na tle środkowoeuropejskim w badaniach interdyscyplinarnych / Red. H. Kóčka-Krenz, M. Matla, M. Danilewski*, s. 141–164. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Vaniček V. 2017.** Chrystianizacja Polski w kontekście środkowoeuropejskim (czynniki transformacji). *Chrzest Mieszka I i chrystianizacja państwa Piastów / Red. J. Dobosz, M. Matla, J. Strzelczyk*, s. 125–151. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Verešová N. 2008.** Vývoj chápania geografického termínu Sklavínia v historických prameňoch 6.–14. Storočia. *Historický zborník*. Vol. 1, s. 124–143. Martin: Matica slovenská.

- Verešová N. 2011.** Povest' vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli. *Historia Nova*. Vol. II: *Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika*, s. 12–20. Bratislava.
- Widajewicz J. 1947.** *Państwo Wiślan*. Kraków: Wydawnictwo Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Wojciechowski Z. 1927.** *Ustrój polityczny ziem polskich w czasach przedpiastowskich* (Pamiętnik Historyczno-Prawny. T. 4. Z. 2). Lwów.
- Žemlička J. 1995.** Expanze, krize a obnova Čech v letech 935–1055 (K systémovým proměnám raných států ve střední Evropě). *Český časopis historický* 93(2): 205–222.
- Žemlička J. 2013.** Europa Środkowa i jej wczesne państwowości: temat wyczerpany czy perspek-tywiczny? *Kwartalnik Historyczny* 120(4): 911–919.

Глава 9. Политическая организация иранских номадов в древности

Вдовченков Е. В.

Вводные замечания

Феномен древнего номадизма во многом связан с иранским культурным миром. Пространство евразийских степей в древности было преимущественно иранским, о чем свидетельствуют данные языкознания и письменных источников. История иранских номадов на протяжении долгого, практически двухтысячелетнего периода, от поздней бронзы до раннего Средневековья, может быть восстановлена по материалам археологии и письменных источников. Перед нами предстает долгая и величественная картина развития и упадка многих политий и этнокультурных объединений. Под влиянием новых нашествий мигрантов, как правило, с востока, степные общества менялись. Дискретный характер развития номадов, циклический характер развития их обществ приводил к тому, что политогенез всякий раз происходил заново, хотя и порождая разные политии с разными этнокультурными, политическими и социальными характеристиками.

Говоря об иранском мире, речь идет о сравнении, в первую очередь, скифов и сарматов. Хорошо известные по письменным и археологическим источникам, обитающие в сходных природно-климатических условиях, они представляют собой интересный предмет для сравнительного анализа. Конечно, можно отметить разницу в информативности наших источников. В то время как для скифов у нас есть логос Геродота, IV книга его «Истории», для сарматов у нас короткие сообщения довольно разнородных источников.

Есть еще одна проблема в исследовании скифов и сарматов. Общество скифов не едино, а распадается на три разных общности, между которыми есть существенные этнокультурные отличия. Это скифы VII–VI вв. до н. э., V–IV вв. до н. э., и поздние скифы. Между разными сарматскими группировками различия еще более существенны, и связаны с чередой миграций. Поэтому понятия «скифы» и «сарматы» обладают известной долей условности.

Реконструкция и сопоставление социопотестарной организации скифов и сарматов требует двух этапов: сравнение культур этих общностей, а затем – сравнение социальной и политической организации. Для лучшего понимания следует обратить внимание на культурные универсалии у иранских кочевников (проявляющиеся в погребальном обряде, предметах материального мира, религиозных концептах и т. п.), и на культурную специфику разных групп номадов (анализ элитарной субкультуры, звериного стиля, погребального обряда, сакральных представлений, масштаб погребальных сооружений). Здесь особенно важно вспомнить огромные курганы царских скифов и гораздо более скромные погребения сарматской эпохи. Но разница между ними может быть следствием не только разных масштабов их политий (по традиционным представлениям со-

циум скифов представляется более развитым), но и тем, что исторически масштаб царских погребальных сооружений со временем уменьшается.

При исследовании потестарной организации особую роль следует уделять особенностям взаимодействия каждой из кочевых группировок с оседлым и кочевым миром. В эпоху раннего железного века можно выделить ключевые политические центры степной зоны. Концентрация элитных, так называемых царских, некрополей, активизация военной деятельности позволяют определить регионы, где предполагается существование самых мощных политий иранцев. Для VII-VI вв. таким центром был Северный Кавказ; в V-IV вв. до н.э. – степное Поднепровье. Другой мощный центр маркируется курганами Филипповки в Южном Приуралье. II-I вв. до н. э. – это Крымская Скифия и Прикубанье, I-III вв. н. э. – Нижнее Подонье.

Вопрос о конкретных формах потестарности у скифов и сарматов (племена, вожества, кочевая империя, раннее государство) требует обстоятельного и детального исследования, как, впрочем, и роль иранцев в других политиях – империи гуннов, Хазарском каганате, Боспоре.

Еще один вариант сопоставления сарматских и скифских обществ – использование методики Дж. Мердока для анализа уровня сложности при помощи формальных кросс-культурных технологий по 10 наиболее важным критериям. Существующие примеры использования этой методики (Вдовченко 2015) требуют дальнейшего развития.

Актуален и своевременен при анализе потестарной организации кочевых обществ еще один вопрос – о форме потестарной организации кочевых обществ при их оседании. Самые интересные примеры – это Крымская Скифия и Предкавказская Алания. В свете последних исследований значительный интерес вызывает феномен аланской культуры Предкавказья и стоящих за ней обществ, чье непрерывное развитие со II в. н. э. по эпоху развитого средневековья показывает нам пример встраивания и адаптации иранских кочевых обществ к новым для них условиям полукочевой и оседлой жизни, а также дальнейшей эволюции новых социопотестарных образований (работы В. Ю. Малашева и Д. С. Коробова).

Все указанные проблемы будут в той или иной степени затронуты в главе.

1. Иранский мир степей

Феномен древнего кочевничества с момента своего появления во многом связан с иранским культурным миром. Пространство евразийских степей в древности было преимущественно иранским, о чем свидетельствуют данные языковедения и письменных источников. История иранских кочевых обществ на протяжении долгого, практически двухтысячелетнего периода, от поздней бронзы до раннего средневековья, может быть восстановлена по материалам археологии и письменных источников. Перед нами предстает долгая и величественная картина развития и упадка многих политий и этнокультурных объединений.

Характер наших источников – письменных, археологических и лингвистических – предполагает гипотетичность наших реконструкций. Полная картина не может быть сконструирована. Относительность наших знаний об обществах, не обладающих своей письменностью, и обитающих на периферии античной ци-

визитации, может быть преодолена за счет аккуратного использования данных в первую очередь археологии, успехи которой позволяют нам увидеть культурное развитие степных сообществ, и вслед за этим проводить социальные и иные реконструкции.

Говоря об иранском мире степной зоны, речь идет о сравнении, в первую очередь, скифов и сарматов. Хорошо известные по письменным и археологическим источникам, обитающие в сходных природно-климатических условиях, они представляют собой интересный предмет для сопоставления. Эти названия – «скифы» и «сарматы», известные по сообщениям античных авторов, представляют собой не два четко разделенных общества, а скорее две эпохи – скифскую и сарматскую, в которые существовали разные группировки ираноязычных номадов, и между ними прослеживаются весьма существенные различия.

Общество скифов не едино, их историю можно разделить на три периода, для каждого из которых есть свои особенности, и между которыми есть существенные этнокультурные отличия. Это скифы VII–VI вв. до н. э., V – начало III в. до н. э., и поздние скифы. Между разными сарматскими группировками различия еще более существенны, и связаны с чередой миграций. Поэтому понятия «скифы» и «сарматы» обладают известной долей условности.

Политическая организация иранских кочевников в древности современными исследователями рассматривалась довольно редко. Особое внимание уделялось скифам. Здесь сказались несколько обстоятельств. Территория, заселенная скифами, в связи с хозяйственным освоением этих территорий значительно лучше исследована (территория степной зоны Украины, Молдавия, Подонье). Степи Поволжья и Приуралья исследованы хуже. Конечно, можно отметить разницу в информативности наших источников. В то время как для скифов у нас есть логос Геродота, IV книга его «Истории», для сарматов у нас короткие сообщения довольно разнородных источников. Вообще скифы были теснее связаны с античным миром, чем сарматы. Скифы вызвали больший интерес у греков, и с ними связаны весьма любопытные сообщения (Псевдо-Гиппократ, Лукиан и др.)

История изучения проблемы политической организации ранних номадов уже неоднократно рассматривалась (Хазанов 1975; Гутнов 2001; Васютин, Дашковский 2009: 60–77; Петров 2016 и др.). К числу фундаментальных работ по проблеме политической организации ираноязычных номадов древности относится монография А. М. Хазанова (1975), в которой он использовал данные по всему массиву евразийских степей древности, привлекая и средневековые материалы. Он писал о социальной истории скифов, но широко привлекал также данные по сарматам.

В советское время значительное внимание уделялось формационной характеристике кочевых обществ (рабовладельческое, феодальное или поздняя стадия первобытнообщинного общества). В настоящее время нет необходимости загонять какое-то бы ни было общество в прокрустово ложе жестких схем, и исследователи отказались от характеристики общества номадов как феодального или рабовладельческого. Серьезный кризис, который испытывает марксистский подход в номадологических исследованиях, заставляет специалистов обращаться

к неэволюционистским построениям и другим подходам. Разница между марксизмом и неэволюционизмом иногда стирается. И те, и другие могут использовать одни и те же понятия, и далеко не всегда историки и археологи акцентируют свое внимание на методологических отличиях.

Проблема изучения политической организации ранних номадов еще далеко не решена, но масштабные исследования и успехи социальной археологии позволяют ставить и решать вопросы политических и социальных реконструкций.

Важнейшая особенность в развитии номадов – это дискретность, связанная с регулярными волнами миграций. Эти миграции, которые приводят к политическим и этнокультурным трансформациям степного пространства. Мы можем судить об этих миграциях на основании культурных изменений в погребальном обряде, смены антропологического типа, сообщений античных авторов, фиксирующих появление новых этнонимов. Разрывы в развитии археологических культур, смены памятников и типов погребальной обрядности объясняются чаще всего миграциями.

Каждая новая миграция приводила к политическим изменениям – как правило, новая орда одерживала верх над прежними властителями степей. Вслед за этим шел процесс этнической миксации и ассимиляции. В результате смешения местного и пришлого населения появлялась новая культура. Регулярные миграции приводили к прерыванию развития прежних политий. Кочевники заново выстраивали свою иерархию, потестарные отношения, систему культурных и экономических связей. Каждое объединение имело весьма небольшой промежуток времени для развития, и с новым вторжением все начиналось сначала. Под влиянием новых нашествий мигрантов, как правило, с востока, степные общества менялись. Дискретный характер развития номадов, циклический характер развития их обществ приводил к тому, что политогенез всякий раз происходил заново, хотя и порождая разные политии с разными этнокультурными, политическими и социальными характеристиками.

Так, скифская эпоха в Северном Причерноморье (VII–III вв. до н. э.) может быть разделена на две части. В конце 1980-х гг. была выдвинута гипотеза о появлении нового населения в Скифии – миграции последней трети VI в. То есть Геродотова Скифия, или Скифия классического периода создана новой волной номадов с востока (Виноградов, Марченко 1991; Алексеев 2003; Гречко 2012). Исследователи при этом опираются на данные археологических исследований, которые позволяют говорить о двух скифских культурах, при этом смешанных памятников двух культур А. Ю. Алексеев в степной зоне не находит (Алексеев 2003: 182). С.А. Яценко, исходя из анализа скифских костюмов, поддержал этот вывод (Яценко 2006: 306–307). Следует также, конечно, отметить, что письменная традиция не заметила этих перемен (Алексеев 2003: 187–189).

В полной мере вышесказанное относится и к сарматам. Сарматскую эпоху делят на три части по археологическим культурам – раннесарматскую, среднесарматскую и позднесарматскую. Смены культур происходили в первую оче-

редь благодаря миграциям. Каждые 100–150 лет новые волны номадов с востока приводили к смене власти и культуры Сарматии.

В реальности за этими культурами стоят пять волн миграций и пять разных сарматских эпох: первый этап раннесарматской культуры (IV–III вв. до н. э.); второй этап раннесарматской культуры (II–I вв. до н. э.); среднесарматская культура (I – середина II вв. н. э.); первый этап позднесарматской культуры (середина II – середина III вв. до н. э.); второй этап позднесарматской культуры (середина III – IV вв. н. э.). Гуннское нашествие и эпоха Великого переселения народов положили конец господству ираноязычных кочевников в западной части евразийских степей.

2. Археологические реконструкции политических структур

Потестарные структуры и отношения скифов и сарматов могут быть реконструированы на базе анализа ряда источников – в первую очередь письменных и археологических. Письменные источники по истории сарматов отличаются фрагментарным характером, дают весьма отрывочные и случайные сведения, поэтому исследователи неизбежно выходят на проблему интерпретации археологических данных.

С. А. Васютин обозначает следующие признаки развитой политической и социальной организации по археологическим данным: 1) фиксация в археологических культурах раннего железного века элитных, дружинных и других погребений, отражающих стратифицированный характер обществ; 2) выделение из состава элитных курганов погребально-поминальных памятников, размеры и богатство инвентаря которых подчеркивают верховный характер власти погребенных в них людей (Аржан, Пазырык, Огуз, Чертомлык, Иссык, Ульский курган и др.); 3) наличие среди инвентаря «царских» захоронений предметов, указывающих на культовую роль; 4) концентрация в определенном районе элитных погребальных комплексов (скифский «Геррос»); 5) сосредоточение на близлежащей территории или в рамках одного могильника элитных захоронений одной культуры, близких по конструктивным особенностям и инвентарному комплексу, что позволяет предполагать преемственность власти; 6) реконструкция по материалам погребальных памятников родоплеменной структуры с локальными центрами власти; 7) отмеченное по археологическим материалам существование зависимых племен; 8) наличие поселенческих комплексов; 9) свидетельства участия носителей той или иной кочевой культуры в дальних массовых походах; 10) подтверждаемая артефактами информация письменных источников о захвате кочевниками территорий с оседлым населением и создании на завоеванных землях этнополитических объединений (Васютин 2003: 73–74).

Для выявления центров власти необходимо выделить погребения вождей, военных предводителей и знати. Для этого используют следующие критерии – богатство, статус, используемые при сооружении погребения трудозатраты. Богатство может быть определено по наличию золотых и серебряных изделий, импортов (особое значение имеет металлическая и стеклянная посуда), количеству погребального инвентаря. Статус определяется по некоторым предметам – ору-

жию, роскошным диадемам, поясам, браслетам, исполненным из золота и драгоценных камней.

Элитные комплексы с обилием импортов принадлежат аристократии и говорят о возможных политических центрах. Для скифов классической эпохи район концентрации элитных погребений – Поднепровье. Яркий пример – это низовья Дона, где в первых веках располагались самые богатые памятники сарматской культуры. Для раннесарматского времени местом концентрации богатых погребений было Прикубанье.

Популярный критерий при определении погребений элиты – трудозатраты. Важно отметить разницу в масштабе погребальных сооружений между скифской и сарматской эпохами. Здесь особенно важно отметить большие курганы царских скифов и гораздо более скромные погребения сарматской эпохи. В скифскую эпоху в Северном Причерноморье сооружаются огромные курганы, из которых пять выделяются своими размерами (Алексеев 2003: 228; Болтрик 2013). Они входят в первую группу из четырех, выделенных Б. Н. Мозолевским среди скифских аристократических и царских захоронений (Мозолевский 1979: 156–164). Но очевидная разница между размерами погребальных сооружений может быть следствием не только разных масштабов их политий (по традиционным представлениям социум скифов представляется более развитым), но и тем, что исторически масштаб элитных погребальных сооружений со временем уменьшается, возможно, в связи с регулярными ограблениями больших курганов.

Принято считать, что на протяжении раннего железного века значимость этого критерия как социального маркера понижается. Огромные царские курганы, как у скифов, в сарматское время не фиксируются. Поэтому возникло мнение, что в сарматское время нет особой корреляции между самыми статусными погребениями и размером погребального сооружения. Однако последние исследования С. А. Яценко показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматской культуры бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царскими», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015).

Следует обратить также внимание на места концентрации погребений в курганных могильниках. Мы можем связать такие места (находящиеся, по всей видимости, поблизости от мест зимовок) с племенными группировками. Например, в бассейне Нижнего Дона мы можем выделить четыре района концентрации погребений: 1) устье Дона, 2) междуречье и низовья Сала и Маньча, 3) среднее течение Сала и район к югу от нынешнего Цимлянского водохранилища, 4) бассейн реки Иловли (рис. 1).

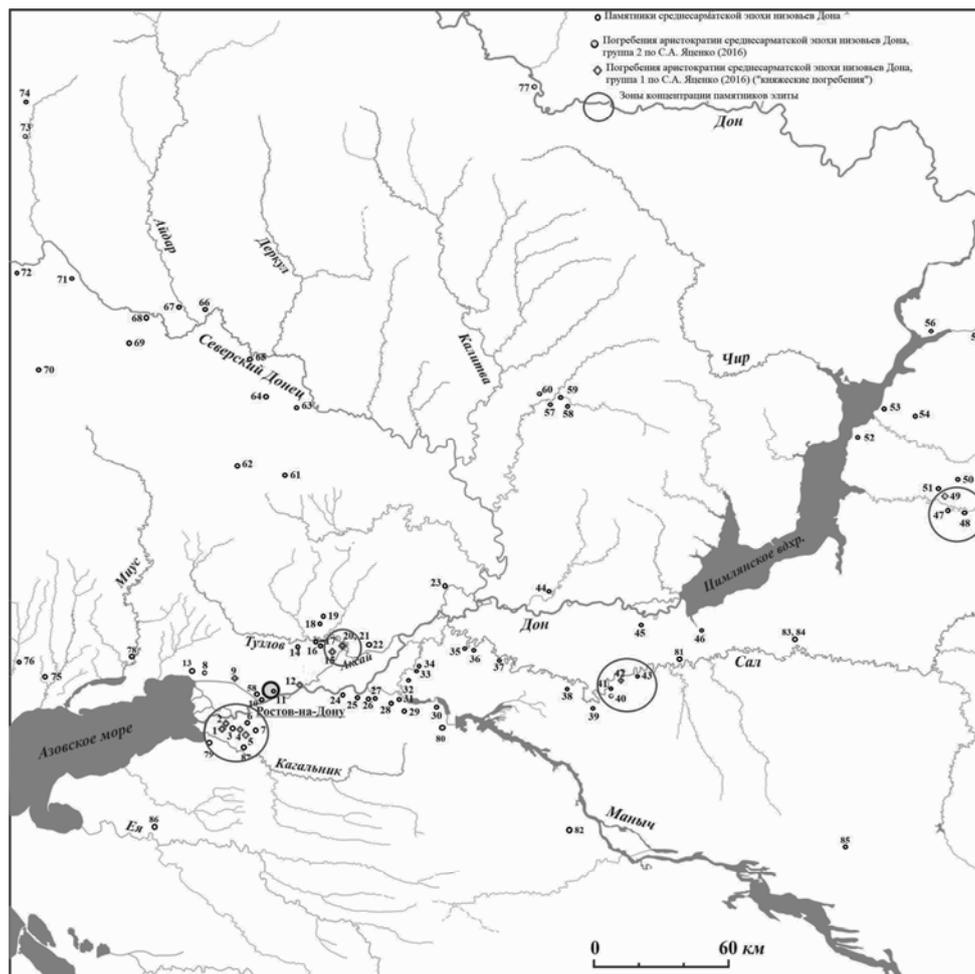

Рис. 9.1. Памятники среднесарматской эпохи Нижнего Подонья (воспроизводится по [Вдовченков, Кулешов 2019]).

Памятники среднесарматской эпохи Нижнего Подонья.

Элитные погребения среднесарматской эпохи низовьев Дона, группа 2 по С. А. Яценко (2016), с добавлениями.

Элитные погребения среднесарматской эпохи низовьев Дона, группа 1 по С. А. Яценко (2016) («княжеские погребения»), с добавлениями. Зоны концентрации элитных памятников среднесарматской эпохи Нижнего Подонья.

1. Аэродром; 2. Дачи; 3. Красногоровка; 4. Новоалександровка; 5. Высочино; 6. Кулешовка; 7. Койсуг; 8. Царский; 9. Хапры; 10. Круглый; 11. Мехзавод; 12. Кобяково; 13. Пятихатки; 14. Октябрьский-II (Аксайского района); 15. Соколовский; 16. Красный Колос; 17. Грушевский; 18. Чеботарев; 19. Цокуров; 20. Садовый; 21. Хохлач; 22. Донской; 23. Виноградный; 24. Алитуб; 25. Арпачин; 26. Усьман; 27. Плоский; 28. Колдыри; 29. Отрадный; 30. Крепинский; 31. Тузлуки; 32. Багаевский (Верхне-Янченков); 33. Багаев-

ский (Кудимов); 34. Ажинов; 35. Слободской; 36. Балабинский; 37. Кирсановский; 38. Долгий; 39. Московский; 40. Новый; 41. Арбузовский; 42. Криволиманский; 43. Пробужденовский; 44. Богоявленская; 45. Ясырев; 46. Саловский; 47. Жутово; 48. Аксай; 49. Октябрьский; 50. Чиковский; 51. Антонов; 52. Верхнерубежный; 53. Первомайский; 54. Крепь; 55. Новый Рогачик; 56. Ильевка; 57. Скоырский (Полевой Стан); 58. Ливенцовский; 59. Гринев; 60. Сладковский; 61. Астахово; 62. Благовка; 63. Большой Суходол; 64. Новокиевка; 65. Николаевка; 66. Войтово; 67. Райгородка; 68. Сокольники; 69. Сентяновка; 70. Новолуганское; 71. Переездная; 72. Черевков; 73. Сватова Лучка; 74. Нижняя Дуванка; 75. Октябрьское; 76. Набережное; 77. Мигулинская; 78. Федосеевка; 79. Займо-Обрыв; 80. Красный Кут; 81. Семёнкин; 82. Кузнецовский; 83. Дубовский; 84. Ериковский; 85. Гашун; 86. Сонино; 87. Мило-Яковлевка.

Особенно важно наличие элитных комплексов в районах концентрации памятников. Богатые комплексы в могильнике могут говорить о существовании своей элиты, что является аргументом в пользу политической самостоятельности данной группировки, в то время как присутствие в нем только рядовых памятников может быть свидетельством того, что это население является зависимой частью какой-либо политики.

О местах концентрации политической власти не всегда нам скажут комплексы с оружием. Для кочевников типична ситуация поголовной вооруженности – реалии кочевого быта заставляли каждого пастуха быть воином. Так, наличие оружия довольно характерно для раннесарматских комплексов. В ряде случаев наличие комплексов с оружием дает основания исследователям говорить о наличии дружин. Однако надо с осторожностью относиться к таким определениям – в большинстве случаев дефиниция «дружинное погребение» может быть заменено определением «погребение с оружием».

Дружины были довольно редки – в большинстве случаев для ранних кочевников дружина была избыточна, поскольку традиционная форма военной организации была вполне эффективна. Следует также обратить внимание на тот момент, что одиночное погребение с оружием никак не говорит о существовании дружины, поскольку дружина – это социальное явление. О принадлежности погребенного к дружине должен говорить культурный и реконструируемый социальный контекст погребального комплекса.

На сегодняшний день из всех сарматских могильников на огромной территории их проживания от Западного Казахстана до Венгрии выявлены всего три пункта, в которых погребенные были поголовно вооружены: 1) Чертовицкий I в верховьях Дона (I – начало II вв. н. э.); 2) цепочка некрополей «Золотого кладбища» на правом берегу Средней Кубани (середина I – конец II вв. н. э.); 3) Маленький некрополь в Новых Бедражах (Молдова, рубеж II–III вв. н. э.). (Яценко, Вдовченков 2015). Далеко не всегда представители дружин были аристократами. Видимо, их участники образовывали особую социальную прослойку, вероятно –

не замкнутую: иначе пополнение подобных этих небольших отрядов представляло бы серьезную проблему.

Дружина своим фактом существования говорит о наличии политического центра. Однако они не обязательно находились в этом центре. Дружины были тесно связаны с оседлой периферией, которая давала ресурсы для их существования.

Проблема **зависимой периферии** очень важна для исследования потестарных отношений сарматов. Периферия – зависимые политически от сарматов общества. Анализ центр-периферийных отношений позволяет раскрыть содержание экзополитарной модели взаимодействия сарматов и оседлых обществ.

Рассматривая оседлую периферию иранского кочевого мира, следует обратить внимание на поселения, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзоплуатации требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

В качестве классического примера зависимой периферии скифского времени можно рассматривать поселения лесостепной зоны (например, лесостепное Подонье – [Медведев 1999]). В сарматское время в этом качестве выступают меотские поселения Подонья и Прикубанья. Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя).

Таким образом, археология позволяет нам увидеть потестарные центры скифов и сарматов, реконструировать некоторые элементы системы властных отношений. Однако дать названия этим потестарным объединениям довольно просто.

Следует указать, что не всегда социальная сложность и стратификация древних обществ коррелируют с политической централизацией и политическими масштабами общества. Тем не менее, картину археологическую дополняют письменная традиция.

Реконструкция и сопоставление социопотестарной организации скифов и сарматов требует двух этапов: сравнение культур этих общностей, а затем – сравнение социальной и политической организации. Для лучшего понимания следует обратить внимание **на культурные универсалии** у иранских кочевников. Общие черты социальной организации и культуры объясняются хозяйственно-культурными особенностями номадизма, но ими, конечно, не исчерпываются. Ираноязычные кочевники степной зоны Евразии представляли собой единый историко-культурный мир. Более того, до последнего времени считалось, что разница между скифским и сарматским языками не столь существенна (Абаев 1979) (хотя исследования последнего времени позволили подкорректировать это положение [Кулланда 2016]). Несмотря на очевидную этнокультурную специфику разных групп номадов, проявляющуюся в погребальном обряде, предметах материального мира, религиозных концептах и т. п.), для кочевого

иранского мира характерны общие культурные черты, такие как курганный погребальный обряд, звериный стиль. Иранские имена, этнонимы, топонимы дают важную информацию о культуре кочевых иранцев. В восточно-иранских языках ираноязычных номадов использовались общие понятия, значимые для иранского мира (Абаев 1979; Грантовский 2007).

К числу таких универсалий можно отнести культ вождя, царя, который практиковался у иранцев. Власть царя имеет сакральный характер. Ее происхождение легенда связывала с обретением священных золотых предметов (плуга, ярма, секиры и чаши) Колаксам, которые хранятся как величайшие реликвии (Геродот IV, 5, 7). Люди, заподозренные в ложной клятве богами царского очага подлежат казни (Геродот IV, 68). Смерть царя сопровождается всеобщим трауром, когда тело покойного провозят по всей территории царства, а все подданные обязаны в знак скорби наносить себе определенные раны и увечья (Геродот IV, 71–72). Его похороны включают крупные человеческие жертвоприношения, причем сопребению подлежат лица довольно высокого статуса – члены его свиты (Грантовский 1980: 130–131).

При анализе культа царя у сарматов в большей степени мы опираемся на археологию. Мы видим инсигнии власти, следы блестящего и масштабного ритуала похорон. Культ царя подтверждают такие символы власти, как диадемы (самая известная – из кургана Хохлач – рис. 2, 3), меч из Дач, гривны (Кобяково, к. 10; Пороги – рис. 5, 6). Для кубанских сираков важным атрибутом царя была золотая диадема (Zinob. Epitom. V. 25), а в Аорсии в диадеме изображен Фарзой на чеканенных в Ольвии монетах (Яценко 2015: 90). О ритуалах, связанных с царской властью, говорят богатый и пышный погребальный ритуал (почти все царские погребения ограблены, поэтому судить приходится по остаткам погребений), а также, к примеру, диадема из кургана Хохлач. Вставки в диадему для деревьев и фигурок животных – свидетельство использования диадемы в ритуалах.

Сравнение иранских кочевников степной зоны Евразии в раннем железном веке – далеко не тривиальная задача. Параметры сопоставления – как особенности культуры, так и уровень политической социальной организации общества, система взаимодействия с внешним миром и т. п.

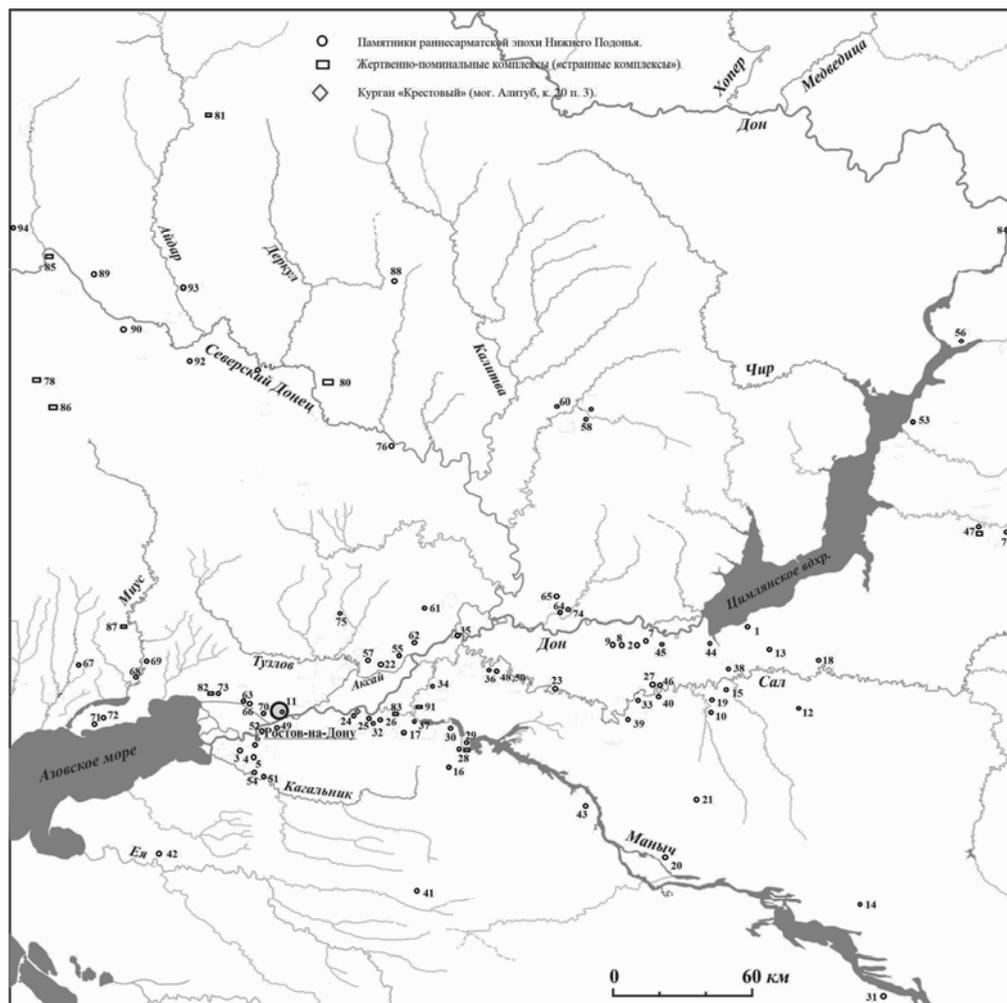

Рис. 9.2. Памятники раннесарматской эпохи Нижнего Подонья (II–I вв. до н. э.) (воспроизводится по [Вдовченко, Кулешов 2019]).

Памятники раннесарматской эпохи Нижнего Подонья.
Жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы»)
Курган «Крестовый» (мог. Алитуб, к. 20, п. 3).

1. Подгорненский I, Подгорненский IV, Подгорненский V, Подгорненский VI;
2. Холодный, Холодный I;
3. Красногоровка I, Красногоровка II, Красногоровка III;
4. Новоалександровка I, Новоалександровка II;
5. Высочино IV, Высочино V, Высочино VI, Высочино VII;
6. Кулешовка;
7. Рябичев;
8. Дубенцовский;
9. Пирожок;
10. Кутейников II;
11. Мехзавод, Роща; Темерницкий; Ростов;
12. Дружба;
13. Назаров II;
14. Лысянский II;
15. Серебряковка;
16. Попов;
17. Отрадный II, Отрадный XIII;
18. Ериковский I;
19. Озёрский III;
20. Чепрак IV;
21. Орловский I;
22. Донской;
23. Большеорловский IV;
24. Алитуб;
25. Арпачин, Арпачин II;
26. Усьман;
27. Малая Мартыновка;
28. Весёлый;
29. Спорный;
30. Крепинский;
31. Манычский I;
32. Крепин-

ский II; 33. Криволиманский I; 34. Ажиновский III; 35. Матюхин бугор;
36. Балабинский I, Балабинский II, Балабинский III; 37. Тузлуки II;
38. Саловский; 39. Арбузовский; 40. Пробуждение; 41. Терновский II;
42. Сонино; 43. Северный; 44. Столетовский; 45. Ясырев I, Ясырев III;
46. Южный; 47. Жутово; 48. Кузнецовский II; 49. Радутка; 50. Сагванский I; 51. Новониколаевка I; 52. Койсуг; 53. Первомайский; 54. Мило-Яковлевка; 55. Золотые горки II, Золотые горки IV; 56. Ильевка;
57. Кадамовский VII; 58. Ливенцовский; 59. Поляков; 60. Сладковский; 61. Мокрый Керчик; 62. Керчик; 63. Хапры; 64. Кастырский V, Кастырский VII, Кастырский VIII; 65. Сухо-Дюдеревский II; 66. Мокро-Чалтырский карьер; 67. Никитин I; 68. Федосеевка II; 69. Рясны I; 70. Ливенцовка VII; 71. Новолакедемоновский курган, Лакедемоновка; 72. Русский II; 73. Валовый I; 74. Богоявленовская; 75. Аюта I; 76. Малая Каменка IX; 77. Перегрузное; 78. Новолуганское; 79. Ново-Прохоровка; 80. Рестумов II; 81. Старобельск; 82. Царский; 83. Красный IV; 84. Качалинская; 85. Приволье; 86. Дебальцево; 87. Квашино; 88. Нижнебаранниковка; 89. Смольяниново; 90. Фрунзе; 91. Федулов; 92. Александровск; 93. Царевка; 94. Терны.

3. Уровень социальной сложности скифов и сарматов

В настоящее время в отечественной социальной археологии все большую популярность приобретает неозоологизм и связанные с ним подходы и методы. Одно из актуальных направлений – кросс-культурные методы, получившие широкую известность во многом благодаря Джорджу Мердоку.

Среди российских ученых к анализу сложности кочевых обществ на основе базы Мердока впервые обратился Н. Н. Крадин. Он использовал работу, написанную Дж. Мердоком в соавторстве с К. Провостом, на примере 186 обществ (Murdock, Provost 1973). В данной статье авторы определяли критерии сложности общества и взяли 10 с их точки зрения наиболее важных критериев культурной сложности – письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию. Каждая из переменных оценена по пятибалльной шкале – от 0 до 4, см. описание критериев: Крадин 2004: 24–30. Используя критерии данной базы, Н. Н. Крадин определял уровень сложности в кочевых империях. Подход был развит С. А. Васютиным, который предложил фиксацию ключевых точек для анализа эволюции сравниваемых между собой обществ (Васютин, Дашковский 2009: 333–334).

В центре нашего исследования – изучение скифов и сарматов (акцентируя для сарматов внимание на донском регионе). Для скифов это три этапа скифской истории – архаический (VII–VI вв. до н. э.), с центрами на Северном Кавказе и лесостепной зоне Северного Причерноморья, классическая Скифия (V–III вв. до н. э.) с памятниками в степной зоне Северного Причерноморья, позднескифский с концентрацией памятников в Крыму (II в. до н. э. – II вв. н. э.) и на Нижнем Дунае (конец III – начало I в. до н. э.). Для донских сарматских памятников мы знаем четыре периода бытования, от II в. до н. э. до IV в. н. э. В IV – начале III в. Нижний Дон не был сарматским (Глебов 2007: 63). Раннесарматский пери-

од на Дону – это II–I вв. до н. э. (Глебов 2007: 66), среднесарматский – I – середина II в. Позднесарматский период распадается на два этапа – середина II – середина III в. (Безуглов 2010: 110–111) и с середины III в. миграция номадов с Кавказа обозначила начало второго этапа (Малашев 2010: 128).

Фиксировать отдельные хронологические точки при анализе социальной сложности, как предлагает С. А. Васютин, вряд ли возможно (наши источники не позволяют так детально рассматривать историю скифских и сарматских обществ), но интересно сопоставить между собой эти периоды развития иранских кочевников.

Поскольку многие пункты в данной таблице могут быть истолкованы по-разному, необходимо дать к ней соответствующие пояснения, взяв за основу рассуждения Н. Н. Крадина об уровне социальной сложности в кочевых империях (Крадин 2004: 30–35).

Письменность и записи. Использование писем скифскими и сарматскими царями (послание Эвнона императору Клавдию – (Тас. Апп., XII, 19)) еще не говорит о бытовании письменности у сарматов. Однако с I в. н. э. широко распространяется такое интересное явление как тамги, которые традиционно трактуют как символы родовой принадлежности (самая первая тамга в Восточной Европе – это рубеж III–II вв. до н. э. [Синика, Тельнов 2014]). Они сразу стали очень популярны. Актуальность этих знаков подчеркивается существованием так называемых «энциклопедий тамг» – плит, на которые, по предположению С. А. Яценко, наносили знаки представители разных родов в честь своего участия в социальных и политических акциях. Тамги, таким образом, можно интерпретировать, в том числе, и как мнемонические средства (1 балл).

Степень оседлости. В этом вопросе следует исходить из того, какой образ жизни ведет большая часть населения исследуемого общества. Скифы и сарматы – это хрестоматийные кочевники, однако специфика климата Восточной Европы – снежные зимы – делает невозможным круглогодичное кочевание. Необходимость в зимниках заставляла номадов готовиться к зиме. Обычно зимовья располагались в низовьях рек, в данном случае – устье Дона: «Что касается кочевников, то ... они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Поэтому степень оседлости может быть охарактеризована словами «полукочевая система поселений» (1 балл). Места зимовьев известны и археологически – прослеживаются по довольно тонкому культурному слою (Ставиский, Яценко 2002: 148).

Отдельно следует рассматривать ситуацию по скифским городищам. В V в. до н. э. отмечается появление стационарных поселений в пойме Днепра (следует отметить, что Немировское поселение возникает еще в эпоху архаики). Среди них своими размерами и богатством материала выделяются Каменское и Белозерское городища. Роли и функции городищ в Скифии остаются в значительной степени дискуссионными. Не вызывает сомнения, например, их определенное торгово-экономическое значение (Граков 1954: 115–140; 145–151), однако распространенная точка зрения на них как масштабные по своим размерам полити-

ко-административные центры скифских царей представляется малообоснованной.

Высказанная в свое время Б. Н. Граковым точка зрения на Каменское городище как на своеобразную «столицу» скифского царства, и получившая поначалу широкую поддержку, стала оспариваться уже в 80-е гг. XX в. (Ильинская, Тереножкин 1983: 188), серьезные возражения были высказаны и против оценки городища как крупного металлургического центра (Ольговский 1987: 51–52).

Как показала Н. А. Гаврилюк в последних публикациях, Каменское городище – это не политический центр Скифии, а конгломерат нескольких разновременных поселков, рассредоточенных на площади в 12 кв. км. Значение его определяется тем, что в том месте была одна из главных переправ через Днепр. Роль его была преувеличена исследователями. Рассматривать его как ставку скифского царя нет необходимости.

В целом для архаической и классической эпох характерно кочевание и использование «полукочевой системы поселений» – 1 балл. И только в позднескифском обществе мы видим процессы седенатризации, и поэтому можно поставить 2 балла – «полуоседлая система поселений».

В позднесарматское время, когда происходит оседание части сарматов, они появляются в Танаисе и на меотских городищах. Однако образ жизни основной массы номадов не изменился, поэтому увеличить балл для позднесарматской эпохи (до 2 баллов – «полуоседлая система поселений») я счел нецелесообразным.

Земледелие. Скифы и сарматы занимались земледелием, которое носило вспомогательный характер. Свидетельство этого – единичные находки сельскохозяйственных орудий: серпов, зернотерок, мотыжек (Максименко 1998: 98). Следует вспомнить информацию Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Говоря о другой области, прилегающей с севера к Кавказу, Страбон говорит: «При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (*Ibid.* XI, II, 1).

Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах» сообщает: «Меоты и савроматы (употребляют в пищу) просо...» (Claud. Aelian. III. 39). Один из аланских предводителей V в. н. э. звался Эохар – буквально «просоед» (Абаев 1979: 310). Плиний Старший также говорит о популярности проса: «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса. – Е. В.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» (Plin. NH. XVIII. 100).

Подтверждение этой информации – данные анализа содержимого сосудов из ранне- и позднесарматских погребений Поволжья, в которых находилась, судя по концентрации фосфатов, каша (Демкин, Демкина 1999: 32, 33).

Конечно, зерно кочевники получали и от зависимого оседлого населения, но часть сарматов все же занималась земледелием и могла выращивать неприхотливые зерновые культуры, такие как просо. Однако главное занятие номадов – экстенсивное кочевое скотоводство. Поэтому можно поставить 1 балл – «земледелие менее 10 %».

Урбанизация. Это показатель масштаба локальных сообществ. Поскольку для кочевников-скотоводов Евразии характерна небольшая по численности община, насчитывающая менее 100 индивидов (Крадин 2004: 32), то сарматы могут быть отнесены к самой простой форме (0 баллов – «население местных общин в среднем менее 100 человек»). О небольшой численности общины может говорить преобладание у скифов и сарматов небольших курганных могильников, формируемых, видимо, отдельными семьями и небольшими общинами. Такие крупные могильники, как Мамай-гора (скифское время) и могильник Новый (сарматское время), включающие в себя сотни погребений, все же исключения.

Технологическая специализация. Археологические материалы подтверждают, что для всех данных обществ было характерно наличие металлургии, ткачества, гончарства. Павсаний, описывая, видимо, богато декорированный сарматский боевой доспех, хранящийся в храме Асклепия в Афинах, вынужден на его примере признать, что «здесь (то есть в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцирь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов» (Pausan. I. 21. 5). Далее он сообщает: «У савроматов нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные» (Pausan. I. 21. 5).

У кочевников, очевидно, преобладало домашнее производство, а потребности в ремесленных изделиях удовлетворялись за счет торговли и внешней эксплуатации оседлых народов. Однако существование металлургического производства на уровне промыслов и даже ремесла весьма вероятно. В отношении ткачества можно уверенно сказать, что у ранних номадов использовался горизонтальный и вертикальный станок (Акбулатов 1999: 44). Что касается продукции гончаров, то как скифы, так и сарматы предпочитали получать кружальную керамику от оседлого населения (из античных центров, от меотов и т. п.), сами на ней не специализируясь.

По этому показателю номады получают 3 балла – «общество имеет металлургов или кузнецов, но испытывает недостаток ткачей и/или гончаров». Следующая позиция на 4 балла («общество имеет разнообразных специалистов ремесла, включая кузнецов, ткачей и гончаров») подходит в меньшей степени, поскольку номады предпочитали использовать продукцию из центров оседлости, а не развивать производство у себя.

Наземный транспорт. По определению уровня развития транспорта нет никаких сложностей – «перевозка грузов животными на колесных средствах» – 3 балла.

Деньги. Здесь следует привести мнение С. И. Безуглова, опирающегося на археологический материал: «идея денежного обращения на основе металлической монеты оставалась чуждой миру кочевых сарматов на всем протяжении его существования» (Безуглов 2001: 98). Это справедливо и для скифов. В письменных источниках содержится аналогичная информация: «Но и теперь еще есть так называемые „обитатели кибиток“ и „кочевники“, занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар» (Strabo. Geogr. VII, III, 7).

Отдельно следует обговорить чеканку монет скифскими и сарматскими и аланскими правителями. Самый известный случай – чеканка монет скифским царем Атеем в IV в. до н. э., сарматским царем Фарзоем монет в Ольвии в I в. н. э. Согласно определению Ю. Г. Виноградова, выпуск варварскими правителями на монетных дворах античных городов денежных знаков, преследовал, в первую очередь, политико-пропагандистские цели и носил ярко выраженный «демонстрационный характер» (Виноградов 1989: 235).

Чеканка монеты – это политические амбиции и в меньшей степени потребности зависимого оседлого населения, а не внутренние потребности кочевников. Кстати, у Дж. Мердока в его индексах не обозначена престижная функция денег («4 балла – валюта в виде стандартных металлических или бумажных денег; 3 балла – символические средства (каури, ожерелья, слитки); 2 балла – деньги иностранных государств, в том числе колонизаторов; 1 балл – денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения); 0 балла – прямой или косвенный обмен товарами»). Таким образом, использование золотых монет Фарзоем не дает оснований начислять сарматам царства Фарзоя 4 балла за использование денег.

Впрочем, следует обратить внимание на чеканку серебряной монеты Ининосимеем в Ольвии (Карышковский 1988: 119), а также бронзовой монеты в Нижнедунайской Скифии (Андрух 1994), которые могут иметь и торговое значение. Но эти случаи остаются лишь эпизодами в истории экономики степного населения.

Несмотря на отсутствие денег, скифы и сарматы активно торговали, поэтому здесь можно поставить 1 балл – «денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения)». Интенсивность обмена, в который включались сарматы, позволяет предположить наличие общепотребительных средств обмена (скорее всего, скота), хоть прямых данных для этого и нет.

Плотность населения. Страбон отмечал, что царь сираков Абеак выставил в I в. до н. э. 20 тысяч всадников, царь аорсов Спадин – 200 тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью (Strabo. Geogr. XI, V, 8). Аорсы обитали в Подонье и Нижнем Поволжье. Сведения Страбона

о 200 000 всадников, несомненно, преувеличены, но эта цифра – единственная, которую античные авторы сообщают о населении региона.

На основании анализа археологического материала и сравнительно-исторических данных было предпринято несколько попыток определения плотности и численности населения в эпоху раннего железного века. Н. А. Гаврилюк установила, что для степной Скифии плотность населения равняется 1,32 чел. на кв. км (Гаврилюк 1999: 21–24). В. В. Халдеев пришел к выводу о плотности 0,5–1 чел. на кв. км для Заволжья – Приуралья в сарматский период (Халдеев 1987: 231). И. М. Акбулатов оценивает плотность населения южноуральских степей в 0,6 чел. на кв. км (Акбулатов 1999: 16). Климат Нижнего Подонья отличается большей увлажненностью по сравнению с Приуральем, что позволяет предположить большую плотность населения для номадов.

Исходя из обозначенных данных и кочевого образа жизни сарматов, уровень плотности населения можно оценить в 1 балл – «от 1 до 5 чел. на кв. милю». Весьма вероятно (хотя этот тезис, безусловно, нуждается в дальнейшем обосновании) считать плотность населения в европейских степях большей, чем 1 человек на 2,56 кв. км (то есть 1 человек на кв. милю). Эти показатели, конечно, меняются в зависимости от климатических условий и степени оседлости общества.

Уровень политической интеграции. В этом вопросе наибольшие сложности, поскольку реконструировать политические институты на основании археологических данных весьма непросто. Страбон сообщает о населении последних веков до нашей эры следующее: «управляют ими так называемые “скептухи”, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. Geogr. XI, II, 13). Таким образом, Страбон говорит о двух уровнях власти у номадов, то есть речь идет, по всей видимости, о сложных вождествах (Скрипкин 2014: 14).

Самые богатые комплексы в Нижнем Подонье известны в среднесарматскую эпоху. Концентрация богатств в погребениях элиты, резкое усиление влияния номадов на оседлый мир позволяют предположить у них существование развитых политических структур. В этот период в Подонье появляется Алания. Вопрос о формах политической организации аланов вызвал дискуссию (Яценко 2009; Вдовченков 2011; Перевалов 2014; Скрипкин 2014).

Следует обратить внимание на несколько уровней элиты у скифов классической эпохи (Мозолевский 1979: 156–164) и сарматов среднесарматской эпохи. С. А. Яценко предложил критерии для различения представителей царских и знатных родов среднесарматского периода – оружие, украшения, символы власти и т. п. (Яценко 2002). Последние его исследования показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматского времени бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царской», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015).

Исходя из имеющихся разработок по уровню политической организации аланов, общество сарматов среднесарматского периода было оценено выше – в 4 балла – «три и более уровня иерархии, например государство, разделенное на области и на районы» (но этот высокий балл никоим образом не означает государственности у аланов).

В позднесарматскую эпоху мы не знаем такой концентрации богатств в регионе и можем предположить некоторое упрощение политической структуры. Таким образом, в ранне- и позднесарматский периоды уровень политической интеграции общества оценивается в 3 балла – «два уровня иерархии, например полития, разделенная на районы».

Социальная стратификация. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Раннесарматская культура сформирована довольно типичными кочевниками, у которых не было бросающейся в глаза разницы в богатстве. Тем не менее, ряд погребений явно выделяются на фоне рядовых комплексов. Однако аристократическая страта становится очень заметной в среднесарматском обществе. Ярким свидетельством этого является значительное количество элитных комплексов. Мы можем предполагать формирование протосословия, специализирующегося на войне, и развитие социальной стратификации. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудозатраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки). Элитные группы легко выделяются также и в оба позднесарматских периода (особенно следует отметить так называемую всадническую культуру II–III вв. н. э.).

Исходя из уровня развития скифского и сарматского общества, а также наличия аристократии, упоминаемой в письменных источниках и выделяемой археологически (особенно в среднесарматский период), можно для всех периодов предложить 2 балла – «две страты, но рабство и касты неразвиты».

Таблица. Динамика уровня сложности сарматских обществ Подонья по периодам

№	Периоды	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мердока										
		письменность	степень оседлости	земледелие	урбанизация	технологическая специализация	наземный транспорт	деньги	плотность населения	уровень политической интеграции	социальная стратификация	Всего
1	Скифы VII–VI вв. до н. э.	0	1	1	0	3	3	1	1	4	2	16
2	Скифы V–III вв. до н. э.	0	1	1	0	3	3	1	1	4	2	16
3	Поздние скифы	0	2	1	0	3	3	2	1	4	2	18
4	Раннесарматский	0	1	1	0	3	3	1	1	3	2	15
5	Среднесарматский	1	1	1	0	3	3	1	1	4	2	17

Окончание Табл.

№	Периоды	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мердока										
		письменность	степень оседлости	земледеле	урбанизация	технологическая специализация	наземный транспорт	деньги	плотность населения	уровень политической интеграции	социальная стратификация	Всего
6	Позднесарматский 1	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
7	Позднесарматский 2	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
8	Хунну ¹	1	0	1	0	4	3	1	1	4	2	17

Результаты представлены в Табл. Конечно, оценка уровня сложности иранских кочевников носит в ряде случаев характер гипотезы и требует дополнительного обоснования. Полученные результаты, вне всякого сомнения, достаточно условны, но дают интересный материал для сравнения.

Важно, что благодаря этой схеме мы можем сопоставить ранних номадов разных эпох и культур. Безусловно, выделяются на фоне остальных культур культура классических скифов и среднесарматская культура. Можно сопоставить эти данные с результатами анализа общества хунну (см. графу 8 Табл. – материал по хунну). Отличия объясняются иными условиями кочевания (в Центральной Азии возможно круглогодичное кочевание, что дает 0 баллов во второй колонке) и иным уровнем политической централизации (кочевая империя, противостоящая Китаю). Также Н. Н. Крадин выше оценил уровень развития ремесла – в 4 балла. В результате у нас получается одинаковый результат для хунну и номадов среднесарматского периода – 17 баллов. Остальные общества сарматов и скифов оцениваются на 1–2 балла ниже.

Теперь, рассмотрев уровень сложности обществ скифов и сарматов с позиции базы Дж. Мердока, необходимо ответить на вопрос о ее эвристических возможностях. Следует отметить, что некоторые аспекты, связанные со спецификой социума номадов, не учитываются этими критериями. Так, для номадов важно учитывать военную мощь и уровень развития военных технологий, систему отношений с оседлым населением, религиозный фактор, а также развитие искусства (хотя обсуждение таких параметров и приведение их к единой сумме показателей – отдельная и очень непростая задача).

С другой стороны, использование этих критериев приносит свои плоды. Во-первых, ставятся новые вопросы, зачастую неполно освещенные в литературе (уровень развития ремесла, плотность населения и т. п.). Во-вторых, мы получаем возможность сопоставлять эти данные со значительным количеством других обществ, в том числе и с номадами. Так, мы можем исследовать проблему континуитета и прерывности в социальном развитии номадов раннего железного

¹ По данным Н. Н. Крадина (2004: 30, Табл. 2).

века. Постоянные миграции и политические изменения, вызванные ими, приводили к существенным подвижкам в этнической и социальной сфере. Благодаря этому подходу мы получаем возможность для сопоставления обществ как древних, так и средневековых номадов.

Н. Н. Крадин резюмирует итоги использования кросс-культурных обществ для номадов, выделяя три-четыре уровня культурной сложности. Скифы и сарматы – это второй-третий уровень – (второй – это «вторичные» племена, конфедерации племен, простые вожества, а третий – сложные и суперсложные общества) (Крадин 2004).

4. Факторы политической организации номадов

Концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов указывает на решающее значение для политической организации кочевников **взаимоотношений с внешним миром**. Система связей с внешним миром, особенно с оседлым, таким образом, является ключом к пониманию политической и социальной истории кочевников. **Экзополитарный характер** общества скифов и сарматов заставляет нас обращать самое пристальное внимание на оседлый мир, с которым они взаимодействовали. При этом сам характер этого мира определял многое в политической организации номадов. Процессы интеграции у номадов были связаны с задачами успешной экзополитарности, масштабы которой определяли масштабы складывающихся политий. Между кочевниками и оседлым миром происходило постоянное и интенсивное взаимодействие: согласно А. М. Хазанову и Т. Дж. Барфилду, мобилизация номадов и размер образуемых ими политий напрямую зависели от сил и масштабов противостоящего им земледельческого общества (Хазанов 2002). Так, крупные кочевые империи у номадов являются ответом на земледельческое окружение, и в качестве иллюстрации приводятся обычно отношения Китая и его кочевой периферии (Барфилд 2006). Скифские и сарматские племена и вожества успешно справлялись с задачами экзополитарности соседей, поэтому, как отмечает А. С. Скрипкин (Скрипкин 2015: 78), не фиксируется адекватных «вызовов» для создания сарматами кочевой империи.

Противостоящие номадам разрозненные общности лесной зоны Восточной Европы или Северного Кавказа не требовали от них мощной консолидации. В то же время древние государства представляли были намного интереснее номадам, но вместе с тем были гораздо более серьезным противником. Персидская империя, античные полисы, Македонская держава, Римская империя, Боспорское царство – история их взаимодействия полна как примеров сотрудничества, так и противостояния, и в любом случае это взаимодействие было одним из ключевых факторов военно-политической организации номадов.

При исследовании потестарной организации особую роль следует уделять особенностям взаимодействия каждой из кочевых группировок с оседлым и кочевым миром. В эпоху раннего железного века можно выделить ключевые политические центры степной зоны. Концентрация элитных, так называемых царских, некрополей, активизация военной деятельности позволяют определить регионы, где предполагается существование самых мощных политий иранцев. Для

VII–VI вв. таким центром был Северный Кавказ; в V–IV вв. до н. э. – степное Поднепровье. Другой мощный центр маркируется курганами Филипповки в Южном Приуралье. II–I вв. до н. э. – это Крымская Скифия и Прикубанье, I–III вв. н. э. – Нижнее Подонье.

Климат. Для кочевников природно-географические условия и климат в силу экстенсивного характера их экономики всегда значили очень много. Климат сильно влиял на условия хозяйствования.

Более того, климат сыграл большую роль в появлении nomадизма евразийских степей, поскольку аридизация привела к формированию экстенсивного кочевого скотоводства, и эта форма хозяйствования позволяет существовать в условиях довольно засушливого климата.

Климат серьезно влиял на условия кочевания. Периоды аридизации – это периоды опустения степей и ослабления nomадов. Аридизация III–II вв. до н. э. стала одной из причин смены населения в европейских степях и крушения Скифии в Северном Причерноморье. А период гумидизации – I в. н. э. – совпадает с эпохой усиления сарматов. Во II–III вв. снова засвидетельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания (Демкин 2012: 163, 166, рис. 45). Возможно, климатический фактор стал очень важным обстоятельством для переселения сарматов в Предкавказье, где в это время наоборот, климат увлажняется, и условия становятся весьма благоприятными. Здесь в рамках рубежа I–II – середины II в. н. э. происходит заметное усиление увлажненности климата, достигающее пика к концу IV – началу V в. (Хохлова и др. 2009: 317; Малашев 2014: 75). Об этом говорят наблюдения за почвами курганных могильников Брут-2 и Беслан II–III вв. на территории Владикавказской котловины (Хохлова и др. 2007: 1188). Это стало одной из предпосылок возвышения Предкавказской Алании во II–IV вв.

Еще один важный фактор политической организации nomадов – это **миграции**. Отражение миграций в археологическом материале не всегда очевидно. Мы их часто не видим (миграция может быть кратковременной), но следы их хорошо заметны (новые артефакты, элементы погребального обряда, следы разрушений и т.п.). Правда, это может быть не миграция, а диффузия, но археология позволяет отличить миграцию от проникновения элементов культуры другими путями. Результатом их является переход к новой политической ситуации, где ведущую роль играют новые мигранты – скифы, аланы, аорсы, роксоланы, появляются на базе смешения местного и пришлого населения новые археологические культуры.

Миграции приводят к разрыву в развитии обществ nomадов, новая орда заново устанавливает свои экзополитарные отношения с оседлым миром и кочевой средой. Очень важную роль играет культура мигрантов, поскольку именно от культурных моделей, устанавливаемых победителями, зависит и политическая организация, и особенности взаимодействия с оседлым миром. **Культурные модели** социальной и политической организации общества, и, шире, культура nomадов, таким образом, это еще один очень важный фактор политической эволюции nomадов. Политические институты и практики всегда опосредованы

культурой того общества, в котором они существуют. Любой социальный феномен имеет свое место в культуре – в том числе название.

Так, например, если мы сопоставим два общества – Предкавказскую Аланию II–IV вв. н. э. и европейскую Скифию VI–III вв. до н. э., то между этими образованиями будет много общего. Ключевая роль ираноязычных номадов, высокий уровень политической организации, значительная роль поселений. Но есть одно очень важное различие. Это отношения с античной цивилизацией и включенность в экономические и культурные процессы античного мира.

Если Скифия имела очень мощные связи с греческим миром, то с Аланией ситуация обстоит несколько иначе. Можно спорить о роли хлебных поставок из Скифии в обеспечении античного мира, но они были. Скифия была наполнена античными импортами – керамикой, продукцией греческих ремесленников. Материалы городищ и некрополей убедительно свидетельствуют об интенсивной торговле с античными полисами Северного Причерноморья. Скифо-эллинская торговля растет на протяжении всего V в. до н. э., а в IV–III вв. до н. э. приобретает значительные масштабы. Этому, как считается, способствовало установление скифами контроля над торговыми путями, по которым в греческие города Причерноморья, предположительно из лесостепных районов поступал хлеб. Кроме того, предметами транзитной торговли были мед и воск. К собственно скифским товарам, поступавшим на античные рынки, можно отнести шкуры. Свидетельства античных авторов о большом числе рабов, поступавших из Скифии, позволяют предположить важную роль работорговли в структуре скифского экспорта. Основными предметами импорта, поступавшими в этот период в степь из античных центров, были вино и разнообразные ремесленные изделия – столовая и лаковая посуда, металлические и стеклянные украшения, оружие, предметы роскоши. Даже в рядовых скифских погребениях мы находим импортную керамику.

Более того, образ скифов очень значим для греков, а один из скифов – Анахарсис – вошел в число семи мудрецов. Установилась традиция видеть в скифах традиционных варваров северной части Ойкумены.

Кавказская Алания выглядит совершенно иначе. Мы видим мало амфорной керамики, краснолаковых мисок, бронзовой посуды из Римской империи. Здесь играла, конечно, свою роль географически удаленность. Но эти связи очевидно были, и вероятнее всего шли через Танаис. Об этом говорит большое количество сероглиняной кружальной керамики в Танаисе III в. н. э. Прослеживаются контакты с Боспором (амфоры, краснолаковая керамика, изделия из стекла) и Закавказьем (сосуды из Албании и Иберии). Связи с Боспором особенно интенсивны во 2-й половине II – 1-й половине III вв. н. э., активизация контактов с Закавказьем приходится на III–IV вв. н. э.

Но Алания в малой степени ориентировалась на античный мир. Более того, если мы посмотрим на кружальную керамику в степи от Дона до Урала – это не античные формы, а легко узнаваемые сосуды из Предкавказья. То есть кавказские центры обеспечивали степную зону продукцией ремесленников. То есть для иранского мира Северного Кавказа характерна иная модель взаимодействия с античным миром. Этот вопрос, который может быть, надо решать в рамках ци-

визационной парадигмы, но в любом случае разница между Аланией и Скифией не может быть объяснена только природными или экономическими факторами.

Следует обратить внимание еще одно обстоятельство. Важным условием успеха процесса создания раннеаланской культуры Предкавказья и вполне эффективной социальной организации была эффективная политическая и культурная модель взаимодействия с оседлым варварским миром (меотами и автохтонным населением Предкавказья в первые века нашей эры), характерная для средних сарматов. Носители среднесарматской культуры обладали очень впечатляющей культурой элиты, именно ими оставлены самые богатые памятники Сарматии, концентрирующиеся в Нижнем Подонье. В отличие от раннесарматского общества Подонья, носители среднесарматской культуры ориентировались на контакты с оседлым миром, и их отношения с меотами Подонья показывают результаты такой политики (а погребение из кургана № 10 могильника Кобяковского городища фиксирует присутствие сарматской элиты на некрополях меотов).

При анализе экзополитарных отношений необходимо обращать внимание на технические новшества, так как их роль в эволюции общества номадов не стоит недооценивать. **Техника** как фактор действует через систему экзополитарных отношений, опосредованно. Здесь можно обозначить важнейшие вехи в развитии материального мира номадов:

Появление конской узды и всадничества в евразийских степях, без которых номадизм был бы невозможен; распространение скифского лука и связанная с этим тактика (Черненко 1981; Горелик 1993); катафрактарная конница у номадов и тактика сарматов (Хазанов 1971); тамгопользование с социальными последствиями (Яценко 2001); жесткое седло (Хазанов 1971), гуннский лук; на закате эпохи иранского владычества в евразийских степях – стремена (Азбелев 2014).

5. Потестарные институты

Социальная и политическая организация номадов предполагает несколько таксономических уровней – род, племя, союз племен. Эти понятия позволяют охарактеризовать как развитие этнических, так и политических процессов у кочевников. Мы можем также предположить, исходя из современного понимания потестарного развития кочевнического общества, существование у ранних номадов таких форм политий, как вождество и кочевая империя.

Многokrатно обсуждалась проблема существования у номадов **государства**, причем такие обсуждения нередко приобретали идеологизированные формы.

Для европейской Скифии многие исследователи применяют понятие государство (самый известный пример – А. М. Хазанов, у которого в его классической монографии понятие «скифская государственность» вынесена в название VI главы [Хазанов 1975: 203–263]). В недавнем исследовании Мурзин пишет о том, скифское общество было более близко к раннефеодальному, которое отличалось многоукладностью (Мурзин 2014: 62).

В работах сарматологов с советского времени устоялось представление о классообразовании у сарматов. Говоря о сарматах первых веков, А. М. Хазанов пишет, что «процесс классообразования у сарматов усиливается», подразумевая под этим увеличение имущественного неравенства и социальной дифференциации (1971: 82). Аланское объединение приблизилось, по его мнению, к уровню кочевых «варварских» государственных образований с еще не завершенным процессом классообразования, и исследователь фиксирует его заключительный этап (Там же). А. П. Медведев тоже пишет о процессах классообразования у сарматов и существовании у них государства (2010: 140, 145).

Конечно, о высоком уровне зашедшей социальной дифференциации и политического развития говорят следующие признаки: наличие социальной иерархии; формирование наследственной власти; деятельностью харизматического лидера и культ царской власти; значительная военно-политическая мощь кочевых объединений; концентрация значительных ресурсов.

Тем не менее, если мы возьмем три ключевых критерия государства – централизованный аппарат управления, территориальный принцип организации и налоги чаще всего отсутствовали (Крадин 1992: 152–160). В настоящее время концепция государственности у кочевников подвергается критике, поскольку у них нет внутренней необходимости для создания государства. Специфика кочевников приводит к развитию альтернативного пути политогенеза, не доходящего до государственности. Вопрос о том, достигают ли политики кочевников государственного уровня, должен решаться в каждом конкретном случае. Заслуживает внимания предложение Л. Е. Гринина считать крупные и мощные политии кочевников, внешне напоминающими крупные государства (например, империя хунну, европейская Скифия), аналогами крупного раннего государства (Гринин 2012: 26).

Вождество – это промежуточная или альтернативная государству форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, где существует заметное социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата (Service 1975: 15). Власть правителя кочевого вождества держалась на успешной внешнеполитической деятельности и на перераспределении добычи, дани и т. п. среди своих воинов и верхушки племен. Ключевую роль в функционировании вождества играла редистрибуция. Цель создания вождества у кочевников – это формирование системы экзополитарных связей, эффективной внешней эксплуатации, проявляющейся в виде набегов, дани и т. п. Полученные ресурсы распределялись между знатью и простыми кочевниками. Правителя и подчиненные общины соединяют редистрибуция и институты престижной экономики. Таким образом, именно результативность военных действий, эффективность экономики войны была ключевым условием политической интеграции у сарматов.

Можно определить вождество как специфическую форму социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции путем политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, единой идеологии и т. д., а с другой стороны, как система, имеющая тенденции к внут-

ренной дифференциации посредством специализации труда, к отстранению непосредственных производителей от управления обществом, формированию элитарной и народной культуры (Крадин 1995: 16–17).

Другой политический институт у сарматов – **племя**. Племя характеризуется следующими признаками: представление о дальнем реальном или фиктивном родстве соплеменников, наличие племенной территории, языковой (диалектной) и культурной общности, общеплеменной власти, племенного самоназвания и самосознания. В целом же понятие племени сохраняет свою применимость к общностям низшего и среднего порядка (мало- и среднемасштабным), в особенности – к обществам номадов (Helfgott 1977; Lindner 1982).

Структурные и функциональные различия между вождеством и племенем характеризуются как весьма существенные (Grinin, Korotayev 2011; Крадин 2015: 9): вождество более консолидированная и управляемая общность. Если лидер племени обладает скорее неформальным положением, опирающимся на личный авторитет, то позиция предводителя вождества подкреплена наследственным статусом. У племени и вождества разная степень централизации и разные векторы внутренних отношений – горизонтальный для племени и вертикальный для вождества; неравенство (политическое и социально-экономическое) более выражено в вождестве (Крадин 2015: 9).

Примером племени нам могут выступать скифы из «Токсариса» Лукиана. Очень интересной особенностью «скифов» в «Токсариде» является то, что в случае мирной перекочевки большой орды (где в контексте никаких военных приготовлений нет) (Токсарис, 39) ею руководят сразу несколько начальников. А обряд на шкуре, который помогает собрать войско для набега, может организовать любой скиф. Это говорит о том, что не было значительной централизации власти. В том обществе, которое описывается у Лукиана как скифское.

Другой пример – это ранние сарматы Подонья, среди памятников которых мы практически не видим погребения элитарной субкультуры (Вдовченков, Кулешов 2019) (рис. 2). Это позволяет предположить, что для ранних сарматов Нижнего Дона во II–I вв. была характерна именно племенная организация.

В то же время примером вождества (сложного, по всей видимости) могут служить Скифия V–III вв. до н. э. и полития на Нижнем Дону, от которой остались памятники среднесарматской культуры (I – середина II в. н. э.) (Вдовченков 2016; Вдовченков, Кулешов 2019). Здесь мы видим ключевые признаки вождества – и наличие мощного центра, и наличие яркой элитарной субкультуры, и активная внешнеполитическая деятельность, и культ царской власти, отраженный в погребальном обряде.

В связи с изменчивостью ситуаций в степной зоне процессы централизации и децентрализации протекают постоянно: вождества трансформируются в племена, а затем, при благоприятной обстановке, снова «собираются» в вождества. Факторы перехода племени в вождество и обратно – успешная деятельность царей и предводителей (скептухов), климатические изменения (аридизация/гумидизация), динамика оседлой периферии, динамика военного потенциала кочевников. В силу сказанного, нет оснований резко абсолютизировать различия между племенем и вождеством у сарматов: изменчивость конкретно-историчес-

ких условий предопределяла регулярный характер разнонаправленных трансформаций (см. далее, в частности: Salzman 2000; Miller 2014).

Кочевая империя – это сложная, занимающая относительно большое пространство общественная система, состоящая из кочевого «ядра», имеющего форму иерархической пирамидальной структуры при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации и зависимой, эксплуатирующейся, как правило, посредством данничества территории, в которую могли входить как земледельческие, так и другие народы (Крадин 1989).

Примером такой империи может служить европейская Скифия. Налицо мощное управленческое ядро, наследственный характер власти, значительная подчиненная периферия, активная внешняя политика. Но вместе с тем вопрос о реальных масштабах скифской державы постоянно является предметом обсуждения, и у исследователей нет консенсуса по этому вопросу. Здесь исследования затруднены в связи с тем, что археологические памятники не могут нам дать однозначный ответ на этот вопрос.

Так, нельзя не отметить дискуссии о масштабах державы Атея (см. литературу: Каллистов 1969; Петров 2016: 131–137). Нередко встречается представление о скифском царе Атее как правителе великой державы, воплощавшей высший уровень как внешнеполитического могущества Скифии, так и ее социально-политического развития. Эти сообщения опираются в первую очередь на текст Страбона: «Атей, ... как кажется, господствовал над большинством здешних варваров» (География. VII, 3, 18). Тем не менее, масштабы политики контролируемой Атеем, не очевидны. Вполне допустимо предполагать, что он контролировал только Северо-Западное Причерноморье, а не всю территорию до Дона включительно.

Вопрос о существовании кочевой империи у сарматов вызвал дискуссию. Особое внимание в связи с проблемой существования кочевой империи уделяют донской Алании. Вопрос о политической форме Алании I – первой половины II вв. н. э. уже рассматривался в литературе. А. М. Хазанов называл его объединением аланских племен, подразумевая под ним, в том числе, и следующую волну аланов II–III вв., К. Ф. Смирнов – конфедерацией (Хазанов 1971: 84). С. А. Яценко (2009) охарактеризовал ее как кочевую империю.

У аланов С. А. Яценко выделил следующие признаки кочевой империи (Яценко 2009):

- наличие зависимой оседлой периферии, подвергаемой экзоплокации (население донской лесостепи, нижнедонские и кубанские городища, отчасти Боспор и т. п.);
- наличие царей и влиятельной аристократии (археология показывает нам очень богатые комплексы, которые мы можем интерпретировать только как царские или аристократические);
- исключительная военная активная военная деятельность, организация масштабных акций в Подунавье, Закавказье, Северо-Западном Иране;
- признание соседями высокого статуса Алании (династические браки с царями Армении).

Против интерпретации политики аланов Нижнего Дона как кочевой империи резко выступили два авторитетных исследователя – С. М. Перевалов и Б. А. Раев (Перевалов 2014; Раев 2016). С.М. Перевалов обстоятельно прокомментировал ситуацию с письменными источниками по истории аланов. Особенно заслуживает внимания его скептицизм по поводу использований данных кавказских авторов. Однако С. М. Перевалов не использовал археологические источники и не в полной мере учел различия между объединениями ираноязычных кочевников разного времени.

В связи с проблемой выделения кочевой империи у сарматов важно определиться с соотношением понятий «вождество» и «кочевая империя». Кочевые империи по своему внутреннему устройству являются сложными и суперсложными вождествами (отличие в масштабах и институте наместничества (Крадин 2002: 241)). Для превращения в империю требовалась успешная внешняя политика, установление своей власти на зависимых территориях и укрепление позиции правящих родов. Таким образом, кочевая империя – это наиболее успешное вождество, деятельность которого позволила расширить масштабы политики за счет зависимых областей.

Если говорить о деятельности донских аланов первых веков, то она была довольно масштабной. Но сейчас мало данных о характере их взаимодействия с оседлым миром и о контролируемой ими территории, а также о самой власти в их обществе. Были ли в подчиненных аланам обществах наместники, сказать сложно. Погребения высшей знати из некрополя Кобяково (к. 10) и Липецкого кургана говорят скорее не о наместничестве, а зависимости оседлого населения от конкретных родов и отдельных представителей знати. На мой взгляд, информации для однозначных выводов о существовании кочевой империи у аланов пока недостаточно. Ключевой здесь вопрос – масштаб деятельности номадов. Кочевая империя рождается, когда происходит выход за рамки локальной потестарности. Произошел ли он в случае с донскими аланами или нет, покажут дальнейшие исследования.

Библиография

- Абаев В. И. 1979.** Скифо-сарматские наречия. *Основы иранского языкознания* / Отв. ред. В. С. Расторгуева. Т. 1. *Древнеиранские языки*, С. 272–364. М.: Наука.
- Азбелев П. П. 2014.** Еще раз о ранних стременах. *Российский археологический ежегодник* 4: 297–322.
- Акбулатов И. М. 1999.** *Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Уфа: НМ РБ.
- Алексеев А. Ю. 2003.** Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Андрух С. И. 1995.** *Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (Этнополитический аспект)*. Запорожье: ЗГУ.
- Барфильд Т. 2009.** Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников. *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 3, с. 14–57. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Безуглов С. И. 2001.** *Денежное обращение Танаиса, III в. до н. э. – V в. н. э.*: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Безуглов С. И. 2010.** Позднесарматская культура и Нижний Дон. *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)* / Отв. ред. А. С. Скрипкин, с. 93–116. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Болтрик Ю. В. 2013.** Территориальные центры Скифии. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова* / Отв. ред. А.Н. Коваленко, с. 193–202. Ростов н/Д.
- Васютин С. А. 2003.** Признаки властной иерархии ранних кочевников в археологических культурах аридной зоны Евразии эпохи РЖВ. *Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье)*, с. 70–74. Кемерово.
- Васютин С. А., Дашковский П. К. 2009.** *Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования)*. Барнаул: Алт. ун-т.
- Вдовченков Е. В. 2011.** Алания I – первой половины II в. н. э. — вождество, кочевая империя, раннее государство? *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): материалы конференции* / Отв. ред. Е. А. Мельникова, с. 26–31. М.: Ин-т всеобщей истории РАН.
- Вдовченков Е. В. 2016.** Потестарная организация сарматского общества. *Ранние формы потестарной организации*, с. 107–129. СПб.: СПбНЦ РАН, АНО «КИО».
- Вдовченков Е. В., Кулешов Вяч. С. 2019.** Сарматское племя как потестарный институт. *Stratum plus* 4: 389–400.
- Виноградов Ю. Г. 1989.** *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование*. М.: Наука.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 1991.** Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. *СА* 1: 145–155.
- Гаврилюк Н. А. 1989.** *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.
- Глебов В. П. 2007.** Специфика становления раннесарматской культуры на Дону. *Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. II / Ред. И. В. Сергацков, с. 59–82. Волгоград: ВГУ.
- Горелик М. В. 1993.** *Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.)*. М.: Вост. лит-ра.
- Граков Б. Н. 1954.** Каменское городище на Днепре. *Материалы и исследования по археологии СССР* 36. М.: Изд-во АН СССР.
- Грантовский Э. А. 1980.** Проблемы изучения общественного строя скифов. *ВДИ* 4: 128–154.
- Грантовский Э. А. 2007.** Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит-ра.
- Гречко Д. С. 2012.** К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. № 2, с. 350–358. СПб.

- Гринин Л. Е. 2012. Ранние государства и аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем*, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гутнов Ф. Х. 2001. *Ранние аланы: Проблемы этносоциальной истории*. Владикавказ.
- Демкин В. Н., Демкина Т. С. 1999. О чем могут поведать степные курганы? *Донская археология* 1: 24–34.
- Демкин В. А. и др. 2012. *Природная среда волго-уральских степей в савроматосарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Пушцино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Каллистов Д. П. 1969. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее. *ВДИ* 1: 124–130.
- Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*. Киев: Наукова думка.
- Крадин Н. Н. 1989. Кочевая империя как социополитическая система. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тезисы всесоюзной археолог. конф.*, с. 19–23. Ч. I. Кемерово: КемГУ.
- Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 1995. Вожество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*, с. 11–61. М.: Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос.
- Крадин Н. Н. 2004. Комплексные общества nomadov в кросс-культурной перспективе. *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, с. 20–49. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Крадин Н. Н. 2015. Понятие племени в современной антропологии. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2: 4–12.
- Кулланда С. В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Малашев В. Ю. 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время. *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)* / Ред. А. С. Скрипкин, с. 117–142. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Малашев В. Ю. 2014. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии* 234: 72–83.
- Медведев А. П. 1999. *Исследования по археологии и этногеографии лесостепной Скифии*. Воронеж: ВГУ.
- Медведев А. П. 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа). *Кочевая альтернатива социальной эволюции*, с. 98–111. М.: Ин-т Африки РАН.
- Медведев А. П. 2010. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры. *Нижеволжский археологический вестник* 10: 140–146.
- Мозолевский Б. М. 1979. *Товста Могила*. Киев.
- Мурзин В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Видавець Олег Філюк.

- Петров М. А. 2016.** *Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та.
- Ольговский С. Я. 1987.** Социально-экономическая роль Каменского городища. *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Перевалов С. М. 2014.** Аланы: мираж кочевой империи. *Вестник Владикавказского научного центра* 2: 2–9.
- Петров М. А. 2016.** *Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та.
- Раев Б. А. 2016.** Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии. Рецензия на статью: Яценко С. А. 2008. Донская Алания как кочевая империя. В кн.: Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН: 281–310. *Наука Юга России (Вестник Южного научного центра)* 12(3): 122–126.
- Синика В., Тельнов Н. 2014.** Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia, s.n.* VIII[XXIII] nr. 1: 287–316.
- Скрипкин А. С. 2014.** Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации). *Нижневолжский археологический вестник* 14: 7–20.
- Скрипкин А. С. 2015.** О политической организации сарматов на рубеже эр. *Stratum plus* 4: 73–84.
- Ставиский Б. Я., Яценко С. А. 2002.** *Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия)*. М.: РГГУ.
- Хазанов А. М. 1971.** *Очерки военного дела сарматов*. М.: Наука.
- Хазанов А. М. 1975.** *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Хазанов А. М. 2002.** *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Олейник С. А., Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2007.** Особенности палеопочв курганных могильников, вовлеченных в современное землепользование (на примере курганов ранних алан на Северном Кавказе). *Почвоведение* 10: 1179–1189.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А. 2009.** Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия Алания. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа* / Ред. Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев, с. 309–323. М.: Таус.
- Халдеев В. В. 1987.** Сколько было сарматов? *СА* 3: 230–231.
- Черненко Е. В. 1981.** *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.
- Яценко С. А. 2001.** *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья*. М.: Вост. лит-ра.
- Яценко С. А. 2002.** Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах. *Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение*. Т. 5, с. 126–135. М.: Ин-т Африки РАН.
- Яценко С. А. 2006.** *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. М.: Вост. лит-ра.
- Яценко С. А. 2009.** Алания I–II вв. н. э. как кочевая империя. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3, с. 281–310. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Яценко С. А. 2015.** Группы элиты у сарматов. *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии* / Отв. ред. П. К. Дашковский, с. 86–98. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Яценко С. А. 2016.** Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н. э. *Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления* / Отв. ред. Е. Н. Носов, с. 147–156. СПб.: ИИМК РАН.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Social Evolution & History* 10(1): 276–335.
- Helfgott L. M. 1977.** Tribalism as a Socioeconomic Formation in Iranian History. *Iranian Studies* 10(1/2): 36–61.
- Lindner R. P. 1982.** What Was a Nomadic Tribe? *Comparative Studies in Society and History* 24(4): 689–711.
- Miller B. K. 2014.** Xiongnu “Kings” and the Political Order of the Steppe Empire. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 57(1): 1–43.
- Murdock G., Provost C. 1972.** Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology* 12(4): 379–392.
- Salzman Ph. C. 2000.** Hierarchical Image and Reality: The Construction of a Tribal Chiefship. *Comparative Studies in Society and History* 42(1): 49–66.
- Service E. 1975.** *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton & Company.

Глава 10. Раннее государство и демократия

Гринин Л. Е.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятия государства и раннего государства – очень дискуссионные. Существуют сотни определений государства, некоторые из них отличаются весьма значительно. Многие авторы, включая и автора настоящей главы, исходят из того, что уже раннее государство есть государство, хотя некоторые признаки классического (развитого и зрелого) государства у него прослеживаются слабо или отсутствуют (подробнее см. главу 14). Есть авторы, которые считают, что государством можно считать только политические образования, у которых четко выделяется бюрократический аппарат, а также такие признаки, как четкий сбор налогов, достаточно четкая классовая и территориальная структура (в главах 5 и 11 также рассматривается государство как классовое объединение). В итоге некоторые из таких авторов отрицают государственную природу греческих античных полисов и Римской республики. Настоящая глава построена на дискуссии с их аргументами (в частности М. Берента в отношении античных полисов и Е. М. Штаерман в отношении Римской цивитас, которые рассматривают те и другие как безгосударственные, как альтернативу государству: более явно – Берент и менее явно – Штаерман).

Таким образом, в главе рассматривается проблема, которая стала дискуссионной: являются ли античные полиции – Афины, Римская республика и другие – ранними государствами или они представляют собой особый тип безгосударственных обществ?

В главе на примере античных обществ рассматривается проблема многолинейности социополитической эволюции. С одной стороны, параллельно с ранними государствами возникали сложные негосударственные общества, сравнимые с государствами по размерам и другим параметрам, а также функциям. Такие полиции можно назвать аналогами раннего государства (см. главу 4). С другой стороны, многообразие социополитической эволюции выражается также в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические государства являются только одним из многих типов. Ранние демократические государства с небюрократическими чертами, анализу двух из которых посвящена эта глава, представляют другие типы. Афины и Римская республика целые столетия были образцами государства в представлении политиков и ученых. Поэтому вопрос о том, действительно ли они являлись государствами или были безгосударственными обществами, оказывается интригующим и важным сам по себе. Но какие есть вообще основания так ставить вопрос? Для начала можно указать, что у некоторых антропологов возникает «подозрение» относительно «греческого случая», связанного с тем, что, по их мнению, «общества, называемые городами-государствами, часто не являются госу-

дарствами» (см., например: Marcus 1998: 89). Есть также и специалисты-античники, которые считают, будто полис не был государством (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8).

Но значимость этой проблемы еще больше возрастает оттого, что попытки решить вопрос о природе античных политий неизбежно приводят к рассмотрению более широкой и теоретически очень важной для антропологии проблемы: *какие политии вообще можно считать ранним государством? И можно ли, в частности, относить к ним общества с демократическим устройством?* Дело в том, что хотя прямо на негосударственном характере демократических политий, в частности Афин и Рима, все-таки настаивает не так уж много ученых, но фактически едва ли не любой анализ типичных признаков ранних государств прямо или имплицитно исходит из того, что раннее государство – это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное.

Это определяет и некоторые довольно распространенные взгляды на типичные черты раннего государства. В частности, во-первых, полагают, что возможность влиять на политику всегда сосредоточена почти исключительно в клане правителя или в довольно узких высших кругах, а во-вторых, что основная часть населения постоянно отделена от политической сферы, а его участие в государственной жизни было сведено только к выполнению обязанностей (военная служба, налоги и труд). В-третьих, чтобы закрепить такое распределение обязанностей, требуется наличие аппарата насилия. Прекрасным примером, иллюстрирующим распространенность этих взглядов, является статья М. Берента.

Бесспорно, жесткая отделенность масс от политики, концентрация власти и принятия решений в узком кругу были не просто распространенным, но типичным явлением для ранних государств. Однако типичное не означает единственно возможное. Иными словами, были и достаточно многочисленные исключения из этих правил. Например, в Афинах и Римской республике монархи отсутствовали, влияние родовых отношений на власть было небольшим, система подбора кадров строилась на иных основах, чем в других обществах, граждане не были исключены из политики, а активно в ней участвовали, насилие в отношении граждан применялось нерегулярно.

Такие кажущиеся «противоречия» с представлением о том, что есть государство, побудили некоторых антропологов к призыву вообще отказаться от термина «город-государство» (см., например: Burke 1986: 151), поскольку, по их мнению, этот термин несет на себе смысловую нагрузку близости к полису, тогда как подобные политии во многих частях мира не были похожи на древнегреческие, либо они были слишком малы, либо явились результатом распада более крупных государств и т. п. (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 9). Действительно, города-государства очень не похожи друг на друга, некоторые из них и не являются государствами (а могут быть как догосударственными политиями, так и аналогами государства). Все это требует конкретного анализа. Но попытка отказаться от этого термина либо заменять его каждый раз на специфические исторические (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8) малопродуктивна.

Полис и Римская гражданская община (цивитас), как показывается в главе, также следует рассматривать как особые типы раннего государства. В чем-то

они были между собой похожи, но во многом и различны. Может быть, поэтому их эволюционные возможности оказались разными. Римская республика не без кризисов, но стала развитым государством. А переход из демократического небольшого полиса в развитое государство оказался невозможным

Таким образом, вопрос о том, как классифицировать Афины (и другие античные полисы) и Римскую республику: в качестве ли ранних государств особого типа или аналогов раннего государства, – приобретает большое теоретическое значение.

В полисе многое зависело от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. Сам вектор его социальной политики определялся тем, в чьих руках было обладание государственной властью в тот или иной момент. Но такая система весьма характерна и для некоторых средневековых государств, например, итальянских городских республик. А разве мало было поворотов социальной и экономической политики в XX веке в связи с политической победой на выборах определенной партии? Разве не так установился нацизм в Германии? Не так ли было в Чили в 1970 году, когда к власти пришли социалисты и коммунисты во главе с Сальвадором Альенде? В современных обществах государство воспринимается, скорее, как арена борьбы конкурирующих групп за обладание большей властью, чем как инструмент коллективного господства правящего класса (Stuart-Fox 2002: 136).

Таким образом, в полисе и в какой-то мере в Римской республике – если не брать во внимание отсечения рабов и неполноправных от участия в общественной жизни – государство выступало как бы в чистом виде именно как особая машина, особый инструмент для реализации целей тех или иных групп, которые временно становились ее хозяевами. В то время как в большинстве случаев государство являлось вотчиной определенных семей монархов, имеющих на это особые сакральные права. Такая система, идеологически неприемлемая для нас, в то же время была эволюционно гораздо более устойчивой и потому прогрессивной, чем система (демократия в полисе), идеологически более близкая нам.

В главе подробно рассматриваются устройство полисов (особенно Афин) и Римской республики в проекции на то, как их органы могут соотноситься с характеристиками раннего государства, которые показываются в главах 4 и 8, а также опровергаются все аргументы оппонентов относительно их безгосударственного статуса.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕЙ ТИПОЛОГИИ РАННИХ ГОСУДАРСТВ

1. Античность и теория государства

Афины и Римская республика целые столетия были образцами государства в представлении политиков и ученых. Поэтому вопрос о том, действительно ли они являлись государствами или были безгосударственными обществами, оказывается интригующим и важным сам по себе. Но какие есть вообще основания так ставить вопрос? Для начала можно указать, что у некоторых антропологов возникает «подозрение» относительно «греческого случая», связанного с тем,

что, по их мнению, «общества, называемые городами-государствами, часто не являются государствами» (см., например: Marcus 1998: 89). Есть также и специалисты-античники, которые считают, будто полис не был государством (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8).

Но значимость этой проблемы еще больше возрастает оттого, что попытки решить вопрос о природе античных политий неизбежно приводят к рассмотрению более широкой и теоретически очень важной для антропологии проблемы: *какие политии вообще можно считать ранним государством? И можно ли, в частности, относить к ним общества с демократическим устройством?* Дело в том, что хотя прямо на негосударственном характере демократических политий, в частности Афин и Рима, все-таки настаивает не так уж много ученых, но фактически едва ли не любой анализ типичных признаков ранних государств прямо (см., например: Петкевич 2002: 148) или имплицитно исходит из того, что раннее государство – это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное¹.

Это определяет и некоторые довольно распространенные взгляды на типичные черты раннего государства. В частности, во-первых, полагают, что возможность влиять на политику всегда сосредоточена почти исключительно в клане правителя или довольно узких высших кругах², а во-вторых, что основная часть населения постоянно отделена от политической сферы, а ее участие в государственной жизни было сведено только к выполнению обязанностей (военная служба, налоги и труд). В-третьих, чтобы закрепить такое распределение обязанностей, требуется наличие аппарата насилия. Прекрасным примером, иллюстрирующим распространенность этих взглядов, является статья М. Берента, о которой мы скажем чуть ниже.

Бесспорно, жесткая отделенность масс от политики, концентрация власти и принятие решений в узком кругу были не просто распространенным, но типичным явлением для ранних государств. Однако типичное не означает единственно возможное. Иными словами, были и достаточно многочисленные исключения из этих правил. Например, в Афинах и Римской республике монархи отсутствовали, влияние родовых отношений на власть было небольшим, система подбора кадров строилась на иных основах, чем в других обществах, граждане не были исключены из политики, а активно в ней участвовали, насилие в отношении граждан применялось нерегулярно.

¹ Например, Э. ван дер Влиет указывает, что существуют определенные трудности при приложении концепции раннего государства Классена и Скальника к государствам классической Греции, поскольку согласно этой концепции в государстве должен быть правитель, который управляет, опираясь на своих родственников и хотя бы небольшой аппарат. В классических же полисах-государствах не было единоличного правителя, а существовало выборное и коллегиальное управление (van der Vliet 1987: 70). Собственно, и сам Классен признает, что Афины развивались по иному типу социально-политической организации, чем большинство государств, и фактически чем предполагает его концепция (Claessen, van de Velde 1987: 17).

² См., например, как Х. Й. М. Классен и П. Скальник (Claessen 1978: 589; Claessen, Skalnik 1978b: 633) характеризуют различия между зачаточным, типичным и переходным ранними государствами.

Такие кажущиеся «противоречия» с представлением о том, что есть государство, побудили некоторых антропологов к призыву вообще отказаться от термина «город-государство» (см., например: Burke 1986: 151), поскольку, по их мнению, этот термин несет в себе смысловую нагрузку близости к полису, тогда как подобные политии во многих частях мира не были похожи на древнегреческие, либо они были слишком малы, либо явились результатом распада более крупных государств и т. п. (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 9). Действительно, города-государства очень не похожи друг на друга, некоторые из них и не являются государствами (а могут быть как догосударственными политиями, так и аналогами государства). Все это требует конкретного анализа. Но попытка отказаться от этого термина либо заменять его каждый раз на специфические исторические (см. подробнее: *Ibid.*: 8) малопродуктивна.

Таким образом, вопрос о том, как классифицировать Афины (и другие античные полисы) и Римскую республику: в качестве ли ранних государств особого типа или аналогов раннего государства, – приобретает большое теоретическое значение³.

Конечно, с марксистской точки зрения они выступают едва ли не классическими образцами государства. Недаром же Энгельс уделил истории Афин и Рима столько внимания в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Античное государство, по его мнению, было прежде всего «государством рабовладельцев для подавления рабов» (Энгельс 1961: 179). Обе эти политии хорошо соответствуют и знаменитому ленинскому определению государства как организации, с помощью которой один класс может эксплуатировать другой и держать его в повиновении (Ленин 1974 [1917]: 24).

Однако часть советских историков всегда испытывала трудности при приложении концепции исторического материализма к исследуемым ими обществам. В отношении Греции и Рима проблемы, во-первых, вытекали из того, что иногда было невозможно использовать понятие общественных классов для характеристики социальных слоев и ранних сословий (см., например: Штаерман 1989: 81–85). Во-вторых, само понятие государства прочно ассоциировалось с бюрократией и другими чертами, характерными для ряда восточных деспотий. Между тем ни в Риме, ни в Афинах государственные служащие никак не походили на чиновников (см., например: Osborne 1985: 9). В-третьих, были трудности и с некоторыми иными признаками, которые считались неперенными для любого государства, например, с обязательностью налогов. Ведь граждане Римской республики, Афин и ряда других полисов не платили регулярных налогов, а только экстраординарные. Эти и другие особенности античных обществ давали

³ В частности, думается, от этого будет также зависеть и решение вопроса о признании государством или его аналогом Карфагена, поскольку сходство государственного устройства Карфагена и Рима (равно как сходство и того и другого с греческими полисами) не может не бросаться в глаза, и это отмечается исследователями (см., например: Harden 1971: 72; см. также: Виппер 1995: 266–267; Циркин 1987: 105–106). Сходство Карфагена с полисами отмечал еще Аристотель (см.: Доватур 1965: 12). Под сомнение можно поставить и государственность в некоторых средневековых, например, итальянских республиках. К сожалению, эти вопросы выходят за рамки возможностей нашего исследования.

основание поднять ряд сложных проблем, например, о том, является ли полис государством (см.: Утченко 1965: 18; см. также: Глускина 1983а: 31; Фролов 1986: 18), а также является ли он городом (Кошеленко 1979: 5–6; 1983: 31; Маринович, Кошеленко 1995; см. об этом также: van der Vliet 1987: 71).

2. Типология ранних государств

Как мною было показано в статье «Раннее государство и его аналоги» (Гринин 2006б), одновременно с ранними государствами существовали сложные разнообразные по формам и институтам негосударственные общества, сравнимые с государством по размерам, численности населения, другим параметрам и функциям, то есть аналоги раннего государства. Таким образом, процесс политогенеза нельзя сужать только до формирования государства. Однако и сами ранние государства нельзя свести к одному его типу, а именно к бюрократическому государству. Разнообразие политической эволюции выражается, в частности, в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические представляли собой только один тип. Хотя далее пойдет речь о демократических ранних государствах Античности, есть необходимость сказать немного о типологии ранних государств. Конечно, разработка подобной типологии – это особая и весьма сложная задача, но даже набросок такой классификации, который я представляю ниже, вполне доказывает, что правомерно говорить о многих типах ранних государств (см. также: Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2004а; 2004б).

В рамках настоящей статьи под **ранним государством** понимается **особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в значительной степени) не на принципе родства.**

Среди типов ранних государств в первую очередь следует, конечно, выделить **бюрократические**. Государство третьей династии Ура (XXI–XXI вв. до н. э.) в Месопотамии является классическим образцом этого типа (Дьяконов 2000: 64–65; Виткин 1968: 433–434; Емельянов 2003). Но можно вести речь также о **сакральных** без значительного развития бюрократии (примерами являются молодые государства Океании, образовавшиеся в конце XVIII – XIX в. после прихода европейцев: Таити, Тонга). Многие африканские ранние государства также являются **сакральными**, однако у них бюрократические структуры развиты значительно сильнее (см., например: Кочакова 1995)⁴. Можно выделить

⁴ Кочакова вообще считает сакральный характер власти универсальной чертой раннего государства (Кочакова 1995: 158). Но тут она переносит специфику Африки на другие регионы. А, скажем, власть древнерусского князя сакральной назвать никак нельзя.

и тип **имперских небюрократических** государств (вроде ацтекского [Johnson, Earle 2000: 306]).

Русь, Норвегия и другие страны являли пример **дружинного** государства, в котором могущество правителя «измерялось в первую очередь размерами его дружины» (Гуревич 1980: 131; 1970: 173)⁵. Что касается Спарты, то, например, М. И. Финли указывал на нее как на модель военного государства. Но парадокс, по его мнению, заключался в том, что эта модель была разрушена вследствие больших военных успехов Спарты (Finley 1983: 40). Однако и помимо Спарты много других древних государств были военными, но с различными особенностями. Поэтому, мне кажется, более корректно рассматривать Спарту как военное общинно-рабовладельческое государство. А можно говорить о **военно-торговых** государствах, в частности у кочевников (Хазария, Тюркский каганат)⁶. И просто о военных захватнических государствах, какова, например, была Монгольская империя или Древняя Ассирия. Ряд средневековых государств Европы, Московская Русь⁷, ранняя Османская империя, равно как и ее предшественник в Малой Азии в XI–XIII вв. – государство Сельджукидов, представляли собой **военно-служивые** (военно-феодальные) государства (см.: Петросян 1990: 91; Гордлевский 1941: 69; Строева 1978: 5–11). Особым – **общинным** – типом раннего государства, возможно, являлся Бенин⁸. И т. д.

Полис и римская гражданская община (цивитас), как мы увидим чуть позже, также следует рассматривать как особые типы раннего государства. В чем-то они были между собой похожи, но во многом и различны. Может быть, поэтому их эволюционные возможности оказались разными. Римская республика не без кризисов, но стала развитым государством. А переход из демократического небольшого полиса в развитое государство оказался невозможным⁹.

Однако демократические ранние государства вовсе не являются особенностью только европейской античности. Они существовали в разных частях света. В частности, в Северной Индии в древности (VI в. до н. э. – III в. н. э.) было немало республик с разным типом правления, но где, однако, население или ари-

⁵ «Появление князя создало новый класс – княжескую дружину, ближайших его помощников и сотрудников по управлению войском и княжеством» (Шмурло 2000: 107).

⁶ См., например, о роли торговли в Хазарии и, в частности, о ее столице, торговом городе Итиле: Плетнева 1987: 206–207; 1986; Шмурло 2000: 38. О Тюркском каганате см.: Гумилев 1993: 42.

⁷ Но речь идет о Руси конца XV – начала XVI в., то есть при позднем Иване III и Василии III. Далее военно-служивый характер государства усиливается, но Русь в период царствования Ивана Грозного переходит уже от раннего к развитому государству. Однако Московское княжество (впрочем, как и другие русские северо-восточные княжества Тверь, Рязань) имело иной характер. Здесь можно согласиться с определением Р. Пайпса (1993; 1994), что оно было вотчинным. Хотя для Руси XVI–XVII вв. это определение, на мой взгляд, уже не подходит.

⁸ О Бенине см.: Бондаренко 1995; 2001; Bondarenko 2005. См. также о моей позиции по поводу определения Бондаренко Бенина как альтернативы государству: Гринин 2006б: 144.

⁹ Хотя определенная эволюция намечалась и здесь. В частности, в III–II вв. до н. э. союзы полисов стали гораздо более интегрированными. По мнению некоторых ученых, такие союзы, как Ахейский, Этолийский и другие, превратились в федеративные государства с единым гражданством, общим законодательством, исполнительными органами и постоянным союзным войском (см.: Сизов 1992: 72–73).

стократический совет избирали правителей. При этом республики вели упорную борьбу с монархиями и не раз одерживали внушительные победы. Среди «великих стран» буддийские источники упоминали и некоторые республиканские государства (Бонгард-Левин 1979; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 91–94; Mishra P., Mishra J. 2002).

3. Безгосударственные общества или особый тип раннего государства?

В настоящее время некоторые российские ученые рассматривают Афины, другие греческие полисы и Римскую республику как особого рода безгосударственные общества, альтернативные государству по уровню развития и сложности¹⁰. Однако, хотя многие другие идеи этих исследователей я исключительно высоко ценю, с данным утверждением согласиться не могу. И поскольку в поддержку этого взгляда – о безгосударственности греческого полиса и Римской республики – они в основном ссылаются на мнения двух серьезных специалистов-античников (М. Берента и Е. М. Штаерман), я посчитал необходимым подвергнуть критике аргументы именно данных двух авторов. В качестве объекта для этого я выбрал две статьи: Berent M. *The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community* (Berent 2000b; см. также: Berent 2000a; 2004; 2006; Берент 2000; 2002); Штаерман Е. М. «К проблеме возникновения государства в Риме» (Штаерман 1989). Последняя работа, хотя и вышла относительно давно, в некоторых отношениях не утратила актуальности. Кроме того, в 1989–1990 гг. по этой статье шла дискуссия в «Вестнике древней истории» (на некоторые материалы которой я также ссылаюсь), что увеличивает интерес к обсуждаемому вопросу. Обе статьи интересны, дискуссионны и высокопрофессиональны, что делает рассмотрение аргументов их авторов теоретически важным. Это подтверждается, в частности, интересом к данной теме со стороны ряда ученых¹¹. Обстоятельную критику взглядов Берента дали также М. Х. Хансен (Hansen 2002) и Э. ван дер Влит (2006).

М. Берент считает, что Афины и другие полисы были безгосударственным обществом, Штаерман – что Рим эпохи расцвета классической гражданской общины (*civitas*, *цивитас*) был «общиной, восстановленной на новом этапе, с характерным для общин типом “авторитета”, который действовал на “общую пользу” гражданского коллектива...» (с. 89).

Прежде всего я должен сформулировать собственную позицию:

*Афины и Римская республика являются ранними государствами. Однако их нельзя рассматривать как развитые (сформировавшиеся в полной мере) государства и тем более как зрелые государства*¹².

¹⁰ Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин и некоторые другие. См., например: Бондаренко 2001: 259; Бондаренко и др. 2002: 16; Коротаев и др. 2000: 37; Bondarenko, Korotayev 2000: 10–11; Korotayev *et al.* 2000: 25. Из зарубежных ученых подобные взгляды разделяет, например, П. Картледж (Cartledge 1998).

¹¹ См., например, обсуждение этой проблемы на страницах журнала *Social Evolution & History* (Grinin 2004a; van der Vliet 2005; Claessen 2005; Berent 2006).

¹² По поводу понятий «развитое» и «зрелое» государство см.: Гринин 2006в.

Афины и Римская республика являются особыми типами раннего государства, существенно отличными от иных его (особенно бюрократического) типов.

Однако хотел бы сразу оговориться, что в данной работе нет ни возможности, ни необходимости анализировать особенности многих древнегреческих полисов. Достаточно ограничиться только Афинами. Тем более что и Берент в своей статье хотя и говорит о полисе вообще, но основное внимание уделяет именно им. Я исходил из того, что если удастся доказать, что Афины являются ранним государством, этого будет уже достаточно для решения поставленной мною задачи. С другой стороны, если бы мои оппоненты были правы в том, что Афины есть безгосударственное общество, то это было бы правильным и в отношении многих других полисов (исключая разве что Спарту).

Кроме того, утверждать, что все древнегреческие полисы являлись государствами, было бы опрометчиво. Напротив, я думаю, что каким-то полисам из-за их небольших размеров и особенностей положения просто не требовалась государственная форма¹³, а также, что какая-то часть полисов могла так и не выйти из догосударственного состояния, а какая-то – перерасти его, но превратиться в аналог. В частности, можно предположить, что аналогом раннего государства выступал Дельфийский полис¹⁴. Но Афины, а также и многие другие полисы, бесспорно, были государствами.

Критика указанных авторов – первая задача статьи. Другая – показать, что четыре признака (особые свойства верховной власти; новые принципы управления; новые формы регулирования жизни общества; редистрибуция власти), которые я сформулировал для отличия раннего государства от его аналогов (см.: Гринин 2006б), характерны и для античных политий. Анализ устройства и политического функционирования последних в таком аспекте дополнительно доказывает, что Афины и Римская республика являются ранними государствами, а не его аналогами, а также подтверждает применимость моей теории для анализа разных типов ранних государств.

4. Некоторые недостатки подходов Берента и Штаерман как иллюстрация недостатков распространенных взглядов на генезис государства и социальную эволюцию

К сожалению, ни М. Берент, ни Е. М. Штаерман фактически не разграничивают в своем контексте зрелое и раннее государства, хотя первый употребляет понятие «раннее государство» в самом названии статьи, а вторая в начале статьи обсуждает проблему грани между вождеством и ранним государством. И очень часто их аргументы против признания наличия государства в Афинах и Риме яв-

¹³ См. о таких полисах, лишенных городских центров: Андреев 1989: 72; Кошеленко 1983: 10–11.

¹⁴ Конечно, данных о внутренней жизни и политической истории Дельфийской политии недостаточно. Но есть несколько моментов, которые могут подтверждать это предположение: огромная роль в жизни ее общины дельфийского оракула; контроль за храмовым имуществом и священными землями со стороны так называемой Дельфийско-Пилейской *амфиктионии* (куда входили представители различных греческих племен); небольшой размер и военная слабость этой политии, а также вмешательство в ее дела других государств (см.: Глушкина 1983б: 45, 71).

ляются, по сути, аргументами против наличия там зрелого государства (или, в моей терминологии, *развитого* государства – см.: Гринин 2006e). Таким образом, происходит незаметная для самих авторов подмена: сначала фактически доказывается, что нет развитого государства, а потом делается вывод, что нет и вообще государства. Например, Штаерман пишет: «Таким образом, вряд ли Рим эпохи расцвета классической *civitas* можно считать **сложившимся** государством. Он был общиной...» (Штаерман 1989: 89; выделено мной. – Л. Г.). Но не быть сложившимся государством вовсе не значит не быть ранним государством, а являться каким-то безгосударственным обществом. Совсем напротив, раннее государство по определению не может быть сложившимся.

Убеждение в том, что раннее и зрелое государства имеют одни и те же сущностные признаки, является очень распространенной ошибкой, которая нередко определяет и ошибочность подхода исследователя в целом. Между тем **большинство ранних государств оказались неспособными стать развитыми государствами** (см., например: Claessen, Skalnik 1978a; Claessen, van de Velde 1987; 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995). **Почему? И что означает такая неспособность в плане теории социальной эволюции?**

Если давать общий ответ, то он будет следующим. Такие государства часто вполне отвечали задачам и условиям, в которых они находились. Однако они были устроены так, что не имели механизмов и потенциалов, которые при благоприятных обстоятельствах могли бы продвинуть их на более высокую ступеньку развития (либо необходимые благоприятные условия так и не сложились).

С точки зрения теории социальной эволюции это означает, что ранние государства были устроены по-разному, что они решали свои проблемы с помощью различных политических механизмов. Иными словами, можно говорить о **разных типах** ранних государств. *Стадиально* эти типы следует считать равноправными. Но *эволюционно* они отличаются очень существенно.

Из сказанного следуют логически простые, но очень важные вещи.

Во-первых, наличие разных типов ранних государств означает, что одни из этих типов оказались в дальнейшем эволюционно проходными, а другие – эволюционно тупиковыми. А это, в свою очередь, означает, что:

а) естественно, далеко не все политические, организационные и иные достижения ранних государств оказались востребованными в развитых;

б) однако, хотя многие институты и отношения были «пригодными» только в определенных условиях и в определенных обществах, это ни в коей мере не означает, что общества, которые ими обладали, не являлись раннегосударственными. Приведу простой пример. В ходе эволюции утвердился принцип передачи престола по прямой линии (от отца к сыну). Однако это вовсе не значит, что общества (такие как Киевская Русь, например), в которых престол передавался не старшему сыну, а старшему родственнику, не являлись раннегосударственными¹⁵. То же самое относится к принципам формирования и деятельности госапп-

¹⁵ Передача власти не от отца к сыну, а от брата к брату имела место и в других государствах, например, у ацтеков, в некоторых обществах Африки. Причем у ацтеков такая форма сменила прямое наследование от отца к сыну (см.: Баглай 1995: 236).

парата, армии, политическому режиму и т. п. В частности, то, что монархия была преобладающим типом государства, не означает, что уже по одной этой причине демократические политии не являются государствами. Вопрос о характеристике последних должен решаться на основании их сравнения с догосударственными и аналоговыми обществами, как это было показано мной (Гринин 2006б) и как будет показано далее в этой статье;

в) таким образом, необходимо совершенно однозначно отказаться от однолинейного взгляда на эволюцию вообще и эволюцию государства в частности. Если мы будем считать государственными только те признаки, которые стали ведущими в дальнейшем, то сильно сузим и исказим представления о процессе политогенеза¹⁶.

Во-вторых, **три главных признака (бюрократический аппарат, налоги, территориальное устройство), характерных для многих развитых государств, плохо приложимы к ранним государствам, поскольку обычно в ранних государствах некоторые из этих признаков отсутствуют либо они недостаточно ясно выражены** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а; 2006в). Зато во многих ранних государствах тот или иной из этих ставших впоследствии ведущими в государствах признаков заменялся другими, достаточно эффективными для решения конкретных задач. Так, в данном случае я доказываю, что право и суд в античных государствах во многом компенсировали отсутствие развитой администрации.

В-третьих, как показано выше, можно говорить о разных типах ранних государств. А разные типы означают различие не только по размеру, но и по принципам устройства. Таким образом, отсутствие бюрократии в греческом полисе и римской цивитас (civitas) само по себе не может служить доказательством, что они не являются ранним государством. На мой взгляд, это доказывает совсем иное: полис и цивитас не были бюрократическим типом раннего государства, а представляли собой особые типы раннего государства (о подобных мнениях некоторых участников дискуссии по статье Е. М. Штаерман см., например: Андреев 1989: 71; Якобсон 1989: 77; Трухина 1989: 74; см. также: Hansen 1989: 41; 1998; 2002; van der Vliet 2005).

Поэтому, когда Берент и Штаерман пытаются доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, показывая их отличия от крупных аграрных бюрократических государств, это значит, что они фактически сводят многообразие раннегосударственных форм только к одной из них, просто потому, что в конце концов эта форма стала эволюционно ведущей.

Однако если мы признаём, что имелись различные типы ранних государств, значит, мы должны рассматривать все типы как «правильные», хотя одни из них более похожи на будущие развитые государства, чем другие. Следовательно, общие черты ранних государств должны быть найдены не признанием среди

¹⁶ Можно провести следующую аналогию. Известно, что высокопродуктивное и интенсивное земледелие оказалось возможным главным образом там, где культивировались зерновые культуры. А народы, которые выращивали тыквы, батат или другие овощи и корнеплоды, часто не могли перейти к интенсивному земледелию. Но ведь это вовсе не значит, что мы на этом основании будем считать земледельцами только тех, кто выращивал злаки.

разных типов одного «эталонного» и «правильного», а на уровне более высокой абстракции.

О типологии раннего государства уже шла речь выше. Но она может проводиться по разным основаниям. Например, ранние государства можно разделить на **монархические и демократические**. В этом случае нельзя не учитывать, что любое хоть в какой-то степени демократическое государство отличается от монархического уже тем, что источник власти заключается в гражданах, имеющих право голоса, а в монархиях – в особых правах монарха. Поэтому форма жизни демократических государств непременно связана с регулярной сменой власти или правительства. При этом крайне важными выступают процедурные вопросы организации выборов, принятия решений и т. п. Для монархических государств вопросы процедуры принятия и исполнения решений становятся важными уже на более высоком уровне развития.

Стоит подчеркнуть, что в своих теоретических построениях М. Берент и Е. М. Штаерман недостаточно учитывают специфику демократических государств по сравнению с монархическими. Поэтому многие особенности Афин и Рима (например, короткий срок пребывания на должностях), на которые они указывают как на доказательство того, что в этих обществах отсутствует государство, оказываются вполне типичными и для других демократических государств (в частности итальянских средневековых республик).

Другими словами, некоторые отличия Афин и Рима от восточных государств – это не отличия государств от безгосударственных политий, а отличия демократических ранних государств от монархических.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Естественность демократического пути формирования государства. Трансформация полиса в государство

Как известно, в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах было много элементов первобытной демократии. Меньше, чем у охотников, но все же весьма широко демократия была распространена среди примитивных земледельцев и скотоводов. Расслоение общества на знатных и незнатных, богатых и бедных, имеющих больше и меньше прав, а также рост объемов общества существенно ее «потеснили». Однако благодаря как длительной традиции, так и сложности узурпации власти, **демократия долго оставалась одним из естественных путей политогенеза.**

«Выбор» демократической формы политического устройства определялся разнообразными причинами, точнее даже, сложным их комплексом. О некоторых из таких причин будет сказано далее. Одной из важнейших среди них могло быть географическое положение общества, в частности горный рельеф местности, препятствующий объединению мелких политий в крупную (см. об этом, например: Korotayev 1995).

Такими мелкими политиями являлись и полисы. «Полис – сравнительно небольшая – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – община граждан,

основное занятие которых – земледелие – база экономики полиса» (Кошеленко 1983: 30). Легко понять, что такой полис – это стадияльно догосударственное образование¹⁷. Зачаточное раннее государство, согласно Х. Й. М. Классену (2006), должно иметь по крайней мере 5–6 тыс. жителей. И даже с таким населением стать ранним государством возможно было далеко не всегда, а только в самых удачных случаях. Фактически для образования государств обычно требовались бóльшие объемы. Например, Платон в «Законах» указывает, что в идеальном полисе должно быть 5 тыс. полноправных граждан, владеющих наделами земли (737e, 745c). А это значит, что население такого полиса, включая женщин и детей, неграждан и рабов, составляло бы уже десятки тысяч человек¹⁸.

Таким образом, переход к ранней государственности был связан с ростом объемов полиса, что неизбежно вело к изменению организации управления.

А рост объемов мог иметь место:

– в результате участвовавших войн, которые вынуждали – в целях защиты и безопасности – к объединению мелких населенных пунктов в крупные, то есть *синойкизму*. Поэтому полис, даже небольшой, представлял собой гражданскую общину, родившуюся чаще всего из слияния территориальных общин (Кошеленко 1983: 36; см. также: Он же 1987: 40; Фролов 1986: 44). Это само по себе уже рвало определенные традиции;

– удачных завоеваниях, как это было со Спартой, захватившей Мессению в VIII–VII веках до н. э.¹⁹; с некоторыми городами Фессалии и Крита (см.: Андреев 1979: 21; 1983: 201). Ярчайшим примером такого развития является ранний Рим, а также и Карфаген;

– наличию свободного фонда земли, что дает возможность для естественного роста населения (случай для Греции нетипичный, кроме некоторых греческих колоний, но имевший место в раннем Риме, где всегда была свободная общественная земля, так называемая *ager publicus*²⁰);

– наконец, при изменении производственного базиса, особенно при расширении роли ремесла и торговли. Для Афин и ряда других полисов этот путь и оказался приемлемым.

¹⁷ И только в отношении подобных полисов (а никак не в отношении их античных потомков) и будет справедливым утверждение Х. Й. М. Классена (Claessen 2004: 75; Классен 2006) о догосударственном характере полиса, что полисы, как вождества или большие конгломераты под руководством бигменов, были более ранними формами социально-политической организации, чем государство.

¹⁸ Но когда государственный тип полиса утвердился, планка необходимых объемов населения, естественно, могла снизиться (иногда до 1–2 тыс. человек), так как теперь в колониях и в малых полисах шло прямое копирование политического устройства крупных полиций.

¹⁹ Формирование Спартанского государства шло вместе с завоеванием и подчинением соседней страны Мессении, в которой, по мнению Э. ван дер Влита (2006), процесс формирования полиса и государства начался слишком поздно, чтобы мессенцы могли оказать эффективное сопротивление спартанской экспансии.

²⁰ О роли свободных земель в процессе генезиса государства и классов в Риме см., например: Немировский 1962: 256.

Несомненно, некоторые важные предпосылки для появления и развития **демократического** государства имелись уже и в догосударственном полисе.

Во-первых, традиции многих догосударственных обществ были чрезвычайно демократичны.

Во-вторых, в условиях концентрации населения на малой территории (типичнейшая ситуация в городских общинах) управление опиралось на непосредственную близость населения и власти, территориальную доступность последней и возможность непосредственного участия граждан в управлении. Это нередко способствовало демократическим формам управления, а также их развитию в сторону усиления институционализации, формализма, правовой и процедурной составляющих функционирования власти. При определенных условиях (особенно в связи с военной обстановкой) это облегчало превращение общины в государство. История полисов (и *цивитас*) очень хорошо иллюстрирует мою мысль о том, что **государство рождается в условиях каких-то резких изменений** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а). Всякого рода революции и контрреволюции, переселения, тирании и их свержения, а также войны облегчали переход от традиционных форм регулирования к иным: формально-правовым, государственным.

В-третьих, недостаток места через какое-то время требовал строго контролировать число переселенцев. Поэтому община начинала с какого-то момента ограничивать их приток. Так возникала идеология особой близости определенного количества людей – граждан полиса, так легче было изменить прежние различия: по родам, фратриям, племенам.

В-четвертых, несакральный или ограниченно сакральный характер вождя-правителя в таких общинах определял в целом **слабость царской (монаршей) власти**. Монарх не обладал и достаточным аппаратом подавления. Неудивительно, что греческие *базилевсы* утратили свою власть. А если обратиться к истории Рима, то причины сравнительно легких революций по изгнанию царя, когда он начинает нарушать свои обязанности и превышать права, станут еще понятнее. Так, в Риме, по мнению ряда исследователей, монарх, во-первых, был чужеземцем, во-вторых, не мог передать свою власть по наследству, в-третьих, почти все римские цари (согласно традиции) погибли насильственной смертью, причем некоторые из них от рук своих преемников (см.: Немировский 1962: 151–152).

Подводя итоги, можно сказать, что подобно тому, как крепкая власть вождя в вождестве способствует формированию монархического государства, так и примитивная демократия в полисе могла перерасти в демократический государственный строй. Разница только в потенциальных возможностях роста и в эволюционной перспективе. Монархия подчас могла трансформироваться в крупную империю с населением в миллионы, а полис в лучшем случае становился политией в сотню-другую тысяч человек (см. также: Хоцей 2000: 512–515).

Но следует заметить, что развитая демократия полиса не вырастает прямо из демократии догосударственных общин. Она является уже результатом, говоря языком Гегеля, отрицания отрицания, результатом длительной борьбы различных тенденций: аристократической и демосной, тиранической и демократиче-

ской. Уже «давно было установлено: греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, пройдя через ряд промежуточных стадий» (Виноградов 1983: 394).

Политическая форма нередко зависела от конкретных обстоятельств и исхода политической борьбы. Но можно сказать, что развитие ремесла и торговли усиливало демократические тенденции²¹. И несомненно, что рост товарности, ремесла и торговли в Афинах привел к политическому росту силы демоса, что и выразилось в бурных политических событиях начала VI века до н. э. В V в., по мнению некоторых исследователей, шла такая эволюция Афинского полиса, в результате которой экономические и политические принципы, социальная структура, моральные ценности и политические качества переросли полисные рамки (см.: Глускина 1983а: 7).

2. Эволюционные ограничения демократического пути формирования государства

Демократия прямого действия (то есть непредставительная) оптимальна лишь до известного предела развития и при определенных размерах, когда есть возможность для населения непосредственно участвовать в управлении, а для власти – осуществлять прямой контроль над территорией. Поэтому истинно демократические государства могли быть только мелкими (см.: Штаерман 1968: 670; см. также: Даль 2000: 101–102). Как отмечал еще Ш. Монтескье (1955 [1748]), республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится, а обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления (см. также: Арон 1993: 41).

Но мелкие государства не являлись ведущей линией политической эволюции. Уже это легко объясняет слабую распространенность такой формы правления, как демократическая, вплоть до недавнего времени. Олигархические и аристократические республики (как Карфаген или Рим) могли расширяться и становиться крупными государствами. Но это была уже совсем иная демократия, чем в Афинах и ряде других греческих полисов. И все равно территориальный рост склонял даже аристократические республики к диктатуре или монархии, как это случилось в Риме.

Имелись и другие причины, по которым демократические города-государства не могли стать достаточно распространенной формой.

Во-первых, торгово-ремесленный базис общества был сам по себе более редким, чем аграрный, и более неустойчивым²².

Во-вторых, неустойчивость политической ситуации способствовала постоянным изменениям в самом государственном устройстве, что рано или поздно неизбежно вело к упадку.

Постоянные политические и конституционные перевороты характерны не только для античной Греции. Государственная структура итальянских коммун

²¹ См., например, о теснейшей связи развития мореплавания, торговли, демографического роста и государственности в полисах Древней Греции в доклассический период: Фролов 1986: 40–43.

²² А вот с изменением производственного и экономического базиса в связи с развитием промышленного капитализма и демократия стала более устойчивой и широко распространенной.

также «отличалась чрезвычайной изменчивостью и представляла собой удивительное зрелище на фоне средневековой жизни, где столь важны обычное право, неподвижность, традиции. Тогдашняя поговорка утверждала, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240; см. также о Генуе: Рутенбург 1990: 72). Сроки пребывания на всех должностях во Флоренции были 2–4 месяца, поэтому город жил в атмосфере перманентных выборов (Краснова 2000: 58).

Можно также добавить, что до какого-то момента развитие демократии позволяет демократическому государству конкурировать с монархическими и даже одерживать над ними победы. Разве не связаны были политические и культурные успехи Афин с развитием демократии? Или взять Польшу, имевшую в период так называемой «шляхетской демократии» в XV–XVI вв. немалые политические и культурные достижения. Однако переход демократии за разумные пределы может вести к государственному кризису и упадку. Так случилось в Афинах, где, по словам Иоганна Дройзена (1995: 18), невозможность произвести самонаименьшие ограничения демократической свободы привела эту опасную форму государственного строя в наиболее опасный фазис ее колебаний²³. Переход в Польше к феодальной республике во главе с выборным монархом также означал постепенный упадок государственности. Безудержная шляхетская вольница, когда для принятия решения требовалось полное единогласие делегатов сейма, привела к параличу государственной машины. Дело дошло до того, что в период долгого правления Августа III в XVIII в. лишь один сейм (1736 г.) благополучно завершил работу, а прочие 13 сеймов были сорваны (Якубский 1993: 81).

Результатом государственного разложения, как известно, явились разделы Польши.

Римская *цивitas* как аристократическая республика в некоторых отношениях существенно отличалась от греческого полиса²⁴. Важно отметить, что она никогда не доходила до такой полноты демократизма, какая была в Афинах. Эта аристократическая составляющая в демократических государствах древности и средневековья делала их и более устойчивой, и более перспективной формой, чем широкая (демосная) демократия. Например, из всех итальянских городских республик только в Венеции была внутренняя стабильность, а само это государство просуществовало «кажется, дольше, чем любой другой город-государство в мировой истории: целое тысячелетие!» (Баткин 1970: 248)²⁵. И объясняется это вполне просто: политическим превосходством патрициата, системой ступенча-

²³ Аристотель говорит даже, что в демократиях «народная масса господствует над законами» (Политика V, 1310a, 3–4).

²⁴ По мнению Д. Руссела, в Риме очень рано появилась более четко выраженная собственно государственная система с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов (особенно высших, для которых характерен *imperium*). Эта власть могла быть противопоставлена воле гражданства (Roussel 1976; см. также: Кошеленко 1983: 23). В Риме государство было гораздо более ясно выражено, и власть государства более отчетлива, чем в греческих полисах (ван дер Влит 2006).

²⁵ Возможно, что финикийские города-государства существовали дольше, но это были монархические, а не республиканские политии.

тых и очень сложных выборов, ограниченностью избирательных прав (Там же: 248–249). Стабильность и отсутствие личной диктатуры усилили чисто технические и канцелярские аспекты управления в Венеции. Механизм власти работал там на редкость устойчиво, а канцелярия рассматривалась как «сердце государства» (Климанов 1990: 80). Другой пример – Дубровник. Эта крошечная городская республика на берегу Адриатического моря просуществовала весьма долго: с первой половины XV до XIX в., причем в труднейших политических условиях господства турок на Балканах (Мананчикова 2000: 50). Наибольшая реальная власть в Дубровнике была передана сенату, состоявшему из выходцев из наиболее знатных семей. «Аристократизм венецианского политического строя был не последним фактором, повлиявшим на аристократизацию дубровницкого Сената» (Там же: 55).

АРГУМЕНТЫ БЕРЕНТА И ШТАЕРМАН И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Теперь мы можем рассмотреть доводы, согласно которым в Афинах и Риме не было государства. Для удобства изложения я попытался сформулировать основные аргументы указанных двух авторов. Они даны под порядковыми номерами и выделены отступом и курсивом. При этом не везде был смысл указывать точные страницы их работ, поскольку некоторые мысли повторяются многократно либо приводимая мною формулировка является суммированием их рассуждений на протяжении нескольких страниц. На каждый аргумент я постарался дать достаточно подробные возражения. Несмотря на все мои старания, я, однако, не смог избежать повторов, за что и приношу свои извинения читателю.

1. В полисе нет использования государственного аппарата и мощи государства для эксплуатации рабов, которая была (равно как и контроль над рабами) частным делом (Berent 2006b: 229–231)²⁶. «Безгосударственность полиса как раз и означает, что он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта, а способы эксплуатации, свойственные ранним аграрным государствам (налоги, принудительный труд и другие повинности. – Л. Г.), не существовали в древнегреческом мире (по крайней мере до эпохи эллинистических империй)» (Ibid.: 226).

Возражения. Во-первых, в ряде случаев такое использование возможностей государства для эксплуатации и присвоения прибавочного продукта имело место. Например, эксплуатация государственных рабов на Лаврийских серебряных рудниках²⁷, на строительных работах или использование рабов для полицейских целей и в государственном аппарате (писцы, секретари, тюремщики и т. п.), в качестве гребцов и матросов (см.: Машкин 1956: 246; Громаков 1986: 20).

Во-вторых, следует учитывать, что в широких масштабах этого просто не требовалось. Ведь не использовался государственный аппарат для эксплуатации

²⁶ Далее все ссылки на М. Берента и Е. М. Штаерман, если это специально не оговаривается, даны по: Berent 2000b; Штаерман 1989.

²⁷ Афинское государство сдавало рабов «в наем» предпринимателям для работ на рудниках и в других местах. И это, согласно Ксенофону, было важным источником государственных доходов (Сергеев 2002: 288). Из добытого серебра афинские власти чеканили монеты, и определенное количество доставалось концессионеру в качестве дохода (ван дер Влит 2006).

чернокожих рабов в южных штатах США, рабовладельцы вполне справлялись с этой задачей сами. Им также не требовалась специальная полиция, чтобы ловить беглых рабов, обычно они делали это сами или нанимали специалистов²⁸.

В вышеприведенном аргументе М. Берента налицо синдром марксистской идеи, что государство нужно всегда, прежде всего именно для того, чтобы использовать его мощь против угнетенных классов. На самом же деле для получения прибавочного продукта долгое время было достаточно и старых способов. А потребность в государстве обуславливается самыми разными причинами, причем едва ли не в большинстве случаев внешней угрозой или иными внешнеполитическими обстоятельствами. Поэтому войны имели столь огромное значение для возникновения ранних государств (см., например: Ambrosino 1995; Carneiro 1970; 1978). «Полисы создавали войну, а война создавала полисы», – говорит М. Н. Хансен (Hansen 2002: 39).

Следовательно, вывод, который делает Берент: если граждане сами справлялись с эксплуатацией рабов, значит, не было государства, – неправомерен. Причинно-следственная связь здесь как раз обратная: если граждане вполне справлялись с эксплуатацией рабов и могли самостоятельно держать их в повиновении, то зачем бы эту функцию стало брать на себя государство? Последнее, если ситуация его устраивает, обычно не будет делать то, что регулируется иными способами. Другое дело, если бы был случай, когда граждане не могли самостоятельно подавить возмущение рабов, а народное собрание или органы управления отказались бы использовать силу государства против рабов. Но такого быть не могло. Напротив, известно, что Афины послали в Спарту в 462 г. помощь во главе с Кимоном для подавления восстания илотов в Мессении.

Следовательно, было вполне достаточно и того, что государство в Афинах санкционировало рабство и не мешало хозяевам держать в повиновении рабов и распоряжаться ими. Однако когда возникала необходимость, государство могло и вмешиваться в отношения рабовладельцев и рабов. Например, реформы Солона запретили рабство граждан²⁹. Они также запретили родителям продавать детей в рабство (см.: Кучма 1998: 127). В трудных для государства ситуациях рабам могли давать свободу, а неполноправным и даже рабам – гражданские права. Например, в Риме в 312 г. при цензоре Аппии Клавдии было дано римское гражданство вольноотпущенникам (Бочаров 1936: 195), а во время войны с Ганнибалом определенное число рабов было выкуплено и включено в состав римского войска (Кузищин 1994: 82). В греческих полисах также бывали крупномасштабные освобождения рабов – об этом говорит в том числе и М. Берент (231; см. также: Машкин 1956: 246).

Относительно прямого присвоения государством прибавочного продукта через налоги можно отметить, что полисные государства достаточно активно ис-

²⁸ Восстаний рабов в США было мало и они не были масштабными (см.: Zinn 1995: 167 и др.). Закон о беглых рабах был принят только в 1850 г. под влиянием деятельности abolitionистов (одних организаций которых уже в 1840 г. было 2 тыс.), которые создали специальную организацию для переправления беглых рабов в северные штаты и Канаду и освободили таким образом 75 тыс. рабов. И этот закон был нужен прежде всего для поимки рабов в свободных штатах (см.: Алентьева 1983: 367 и др.; Куропятник 1961: 31–32; Козенко, Севостьянов 1994: 73–76).

²⁹ Похожим был закон Петелия в 326 г. до н. э. в Риме (см.: Немировский 1962: 262).

пользовали этот способ. В частности, в Афинах были и косвенные налоги на граждан (а в особых случаях – и прямые), и прямые налоги на метеков³⁰.

Стоит добавить, что если производственный базис в Афинах был в очень значительной степени неаграрным, то неправомерно настаивать на том (как это делает Берент), что способы аккумуляции прибавочного продукта в таком полисе и аграрных обществах были одинаковыми.

2. *«Вряд ли могло существовать государство, совпадавшее с общиной граждан, где не было отделенного от народа аппарата принуждения и подавления», «стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (Штаерман: 86, 87).*

Возражения. Рассмотрим теперь **вопрос о соотношении классов и государства.** Эта проблема буквально мучила многих советских историков, которые время от времени «открывали» в разные эпохи и в разных регионах «доклассовые» государства, а также находили классы в догосударственном обществе. Знаменитые дискуссии по поводу так называемого азиатского способа производства (АСП) также во многом были связаны с этой проблемой (см., например: Качановский 1971; Никифоров 1977; Gellner 1988: гл. 3). В особенно трудном положении находились африканисты, поскольку африканские государства основывались на слабых производительных силах и, как правило, образовывались при отсутствии развитой частной собственности на землю (см., например: Кочакова 1968; 1995; Киселев 1981; Годинер 1982; Куббель 1974; Кобищанов 1974).

Поэтому вышеприведенное утверждение Е. М. Штаерман – это, по сути, только возражение против попыток найти государство, полностью соответствующее истматовской концепции как оторванного от народа аппарата принуждения, действующего в интересах класса эксплуататоров (Штаерман: 77). В этом смысле она, бесспорно, была права (и вполне правомерно ставила проблему), поскольку Римская республика, особенно ранняя, во многом не подходила под ленинское определение государства. Но классов в марксистском понимании не было не только во многих ранних, но, строго говоря, даже и в ряде зрелых государств. Недаром же десятилетиями шли дискуссии о соотношении АСП, рабовладения и феодализма, о «восточном феодализме» и т. п. теоретических конструкциях, важнейшей задачей которых было объяснить существование в восточных государствах антагонистических классов при отсутствии (или недостаточном распространении) частной собственности на землю.

Однако при расширительном толковании понятия общественных классов во многих ранних государствах они вполне просматриваются³¹. При таком подходе патрициев и плебеев в Римской республике можно рассматривать как общественные классы. Мне даже думается, что эти социальные группы ближе к марк-

³⁰ Каждый метек был обязан уплачивать государственный налог в размере 12 драхм (см.: Машкин 1956: 242).

³¹ И в любом случае заметное **социальное неравенство, которое поддерживалось (или санкционировалось) государством, было в каждом в раннем государстве.** Собственно, теоретики раннего государства подчеркивали наличие по крайней мере двух таких классов в раннем государстве (управляющих и управляемых) в качестве обязательного признака такого рода политики (см.: Claessen, Skalnik 1978c: 640; Claessen 2004: 74; см. также: Маяк 1989: 95–96).

системному пониманию классов, чем, например, князь и его дружина на Руси. Ведь в первом случае патриции имели привилегии перед плебеями на протяжении сотен лет в главном, по марксизму, – в отношении к земле, к средствам производства. А на Руси главное преимущество князя было в военной силе и статусе, а не во владении землей (но мало кто отрицает наличие Древнерусского государства с конца IX в., а некоторые говорят о Киевском государстве даже в первой половине IX в. [см., например: Рыбаков 1987: 41–43]). В ранних досолоновых Афинах VII в. классовое деление было еще более ярко выражено: земля в руках аристократии, крестьяне беднеют и попадают в долговую зависимость, суд как орган репрессии стоит на стороне землевладельцев и заимодавцев, должники обращаются в рабство.

Возвращаясь к Римскому государству, следует также заметить, что оно эксплуатировало плебеев, особенно через военную службу. Поэтому, хотя в ранней Римской республике государство в известной мере и совпадало с общиной граждан (тут Штаерман права), однако население Рима вовсе не совпадало с общиной граждан. Иными словами, политические и экономические права имела только часть жителей. Такая же ситуация была и в Афинах, где всегда было много тысяч рабов, а также неполноправных жителей (метеков), которые платили налоги и привлекались к военной службе (Громаков 1986: 19), но не участвовали в управлении. По подсчетам В. Эренберга, в 360 г. до н. э. в Афинах было 85–120 тыс. граждан (всех возрастов и обоего пола), 25–50 тыс. метеков (также с женщинами, детьми и стариками) и 60–100 тыс. рабов (см.: Кошеленко 1983: 35)³².

Продолжая анализ, можно заметить, что после того, как плебеи добились уравнивания в правах, в Риме быстро развивались уже классы рабов и рабовладельцев. И поздняя Римская республика дает нам превосходные примеры классовой борьбы: восстания рабов в Сицилии, восстание Спартака и беспощадное подавление их именно силой государства.

Таким образом, Афины и Римская республика не только не хуже, но даже лучше многих других обществ использовали государство для создания и поддержания социального и политического неравенства, экономической эксплуатации, привилегий одних групп перед другими.

3. В Афинах и Риме власть не была отделена от граждан.

Возражения. Во-первых, есть аналоги государства (те же гавайские вождества или галльские политии), в которых власть жестко отделена от населения, но отсутствует государство (см.: Гринин 2006б). Во-вторых, в демократических государствах также налицо отделение власти, только не постоянное, а временное (в виде ее делегирования). Это отделение власти регулярно санкционируется источником власти, которым при демократии всегда являются избиратели.

³² Различные точки зрения о населении Афин в V–IV вв. до н. э. см. также: Машкин 1956: 241; Finley 1977: 54–55. Обобщая разные подсчеты, Г. А. Кошеленко пишет: большинство ученых считают, что рабы составляли от одной четверти до 43 % населения Аттики (Кошеленко 1987: 57–58).

Отчуждение власти от населения в политогенезе вообще происходит разными путями. Магистральным оказался способ монополизации власти, когда ее источник (в юридическом смысле слова) оказывается в руках определенной родовой группы, семьи, узкой олигархии. Такая система фактически восторжествовала почти повсеместно³³.

Но и в древних демократических обществах, в том числе в античном полисе, несмотря на то, что население влияет на формирование администрации, а то и прямо ее избирает, **налицо отделение власти от народа**, только оно имеет свою специфику. Ведь если в государствах с монополией власти высшая должность в обществе очень крепко соединена с определенными кланом, семьей, слоем, то в демократических государствах именно должность является постоянной, а лица, ее занимающие, могут выполнять свои обязанности и временно. Следовательно, раз в городах были необходимы должностные лица, суд и военачальники, неизбежно **происходит отделение власти от населения**. Только это **отделение именно анонимной власти, власти должности** с определенным балансом прав и обязанностей, но не власти определенного рода, лица, семьи, наместника богов на данной территории.

Таким образом, сама по себе добровольность в делегировании власти в полисе и цивитас отнюдь не свидетельствует о том, что государство отсутствует. В известной мере даже, напротив, здесь власть отделяется как бы в чистом виде, а не в связи с определенными лицами, семьями или кланами. Мало того, в демократиях порой существовали и важные элементы институционального разделения политических и иных аспектов в общих делах. Например, М. Н. Хансен прямо говорит, что афиняне отделяли политическую сферу от других сфер жизни, более того, многие важные аспекты общества не обсуждались на народных собраниях (Hansen 1989: 20–21, 28). Иными словами, *полис* был государством, а не сплавом государства и общества (*Ibid.*: 21). В политической сфере афиняне действовали как граждане и отделяли себя от метеков и рабов. Если раба или метека находили на политическом собрании, его наказывали, возможно, даже приговаривали к смерти. Напротив, в социальной, экономической и образовательных сферах афинские граждане сливались с иностранцами и рабами. Религиозная сфера была смешанной. Метеки и рабы не допускались не на все, а лишь на некоторые праздники. Важно также помнить, что афинские жрецы никогда не были государственными служащими (*Ibid.*: 20–21, 41).

Не стоит также забывать, что Аттика делилась на десять *фил*, а каждая фила, в свою очередь, состояла из десяти *демов* (Громаков 1986: 30). Естественно, что местные дела решались на собраниях *фил* и *демов* (Там же: 30–31; Rhodes 1993).

И хотя должностные лица в Афинах и Риме отличались от привычных нам чиновников, в целом административный характер деятельности государственной машины достаточно очевиден (см. также прим. 41). Как отмечал Макс Вебер, важным следствием полной или частичной победы незнатных слоев общества

³³ Советские историки (так же, как сегодня многие российские) предпочитали, правда, говорить о монополизации общественной должности или функции общественного управления, но это, в принципе, одно и то же.

для структуры политического союза и его управления в античности явилось установление «**административного** (выделено мной. – Л. Г.) характера политического союза» (Вебер 1994: 392; относительно Рима см.: Кузицин 1989: 93).

Кроме того, возможность граждан участвовать в политической жизни и формальная возможность получения высших должностей любым гражданином вовсе не означала, что занять их было легко даже способному человеку. Тем более если эти должности были неоплачиваемыми или их достижение требовало больших расходов. Это особенно характерно для Рима, но и в Афинах высшие должности стратегов не оплачивались, поэтому занимать их могли преимущественно богатые люди, так же как и должности, связанные с управлением финансами. Таким образом, «быть субъектом политического закона не означает участие в правительстве: деление на управляющих и управляемых не совпадает с участием в политической жизни» (Dozhdev 2000: 276).

4. *В полисе и цивитас нет специального аппарата принуждения.*

Возражения. Во-первых, и в Афинах, и в Риме кое-что из такого аппарата было, те же ликторы в Риме или полиция в Афинах (об этом еще будет сказано несколько дальше). Кроме того, в Афинах и других полисах со второй половины V в. усиливается контингент наемных войск, который затем стал ведущим (см.: Маринович 1975). Особую роль в период правления Перикла и после наемники играли в комплектовании афинского флота (см.: Бочаров 1936: 142). Постепенно ополчение настолько пришло в упадок, что никто даже не заботился о своем вооружении (Там же: 161). А в Риме в конце V в. солдаты стали получать жалованье, а затем казенное вооружение и продовольствие (Бочаров 1936: 195). Далее, как известно, элемент профессионализма в римской армии все возрастал, пока, наконец, в результате реформ Гая Мария в конце II в. до н. э. она не стала полностью наемной.

Во-вторых, в отношении рабов, как уже сказано, такого аппарата и не требовалось. Когда же это было необходимо, как во время восстаний рабов во II–I вв. до н. э. в Риме, армия прекрасно выполняла такую роль.

В-третьих, определенные органы принуждения имелись и для граждан. Это суды. Судебная власть может выступать как часть административного аппарата, а судебные функции могут быть частью административных, когда, например, наместник в провинции или сеньор в сеньории сосредотачивал в своих руках все полномочия. Но суд может выступать и как самостоятельный репрессивный орган. В монархиях власть обычно стремилась поставить суды под свой контроль. В полисе и цивитас они были более самостоятельными.

Суды в Афинах и Риме вполне можно считать органами принуждения, поскольку они давали санкцию на применение насилия, хотя нередко и оставляли непосредственное исполнение решения в руках заинтересованной стороны. Но и таких функций суда было вполне достаточно. Во всяком случае, и в Афинах, и в Риме судебных тяжб было много и их число возрастало, их боялись, равно как боялись игнорировать судебные заседания, поскольку это могло повлечь неблагоприятные последствия (см.: Кучма 1998: 131, 216). Что касается уголовного преследования, то, разумеется, в Афинах не было прокуратуры или

следственных органов, но в важных случаях, например, при совершении святотатства, когда происходило осквернение общества убийством со злым умыслом или непредумышленного, полис имел санкции действовать. С обычными преступниками, если их ловили в процессе совершения преступления, имели дело и без промедления наказывали ответственные власти (см.: ван дер Влит 2006). Также были и должностные лица для контроля за преступниками. В частности, Аристотель упоминает сторожей при заключенных в тюрьмах (Афинская полиция 24.3).

5. В полисе нет правительства, нет профессиональных бюрократов и специалистов (Verent). В цивитас аппарат исполнительной власти был ничтожно мал (Штаерман: 88).

Возражения. Пожалуй, наиболее важным аргументом, которым хотят доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, является ссылка на слабость их аппарата управления и насилия и в целом исполнительной власти, малое число профессиональных чиновников, непрерывную сменяемость должностных лиц. Однако при внимательном рассмотрении проблемы и этот аргумент не работает.

Действительно, бюрократов в полисе и цивитас было мало (об Афинах см., например: Finley 1977: 75), впрочем, как и в любом небюрократическом государстве. Однако специалисты-политики там были. Финли утверждает, что они были «структурным элементом афинской политической системы» (Finley 1985: 69). Причем это были специалисты высокого класса, деятельность которых являлась образцом для подражания на протяжении столетий, а также базой для создания новой науки о политике. Ведь сам принцип устройства полиса предполагал наряду с народным собранием наличие группы лидеров, осуществлявших непосредственное ведение внутриволисных дел (Яйленко 1983: 180).

Были также и должностные лица, порой даже в очень значительном количестве. Эти «функционеры полиса» (Вебер 1994: 393) вполне удовлетворительно обеспечивали деятельность государственной машины, хотя система их оплаты (или отсутствие таковой) и назначения (иногда по жребию), а также короткие сроки пребывания на должности не делали этих служащих особым социальным слоем.

Таким образом, можно сказать: **и в полисе, и в цивитас государственный аппарат был, хотя и особого рода.** И этот аппарат вполне отвечал уровню развития раннего государства и обеспечивал конкуренцию данных государств на внешней арене. То, что эволюционные возможности такой политической организации оказались слабыми, не означает, что она не была государственной. Эволюционно непроходным оказалось большинство типов раннего государства и систем его управления.

Возьмем, к примеру, Спарту. Этот тип государства, равно как и его управленческая система, оказался эволюционно неперспективным в еще большей степени, чем полисный тип. В то же время даже сторонники идеи о полисе как о безгосударственном обществе не решаются отказать ей в государственном ста-

туса³⁴. Ибо здесь было почти все, что требуется для государства: привилегированное вооруженное неработающее меньшинство и эксплуатируемое бесправное безоружное большинство; постоянное войско, которое с V в. включало в себя и наемников (см.: Маринович 1975: 18–23); систематическое и жесткое насилие и прямые репрессии против угнетенных; идеология подчинения начальнику; жесткий контроль за военачальниками и послами; регламентация жизни граждан, вплоть до покроя одежды и формы бороды и усов (см.: Андреев 1983: 204–205; Строгоцкий 1979: 45).

Но, с другой стороны, в Спарте мы не видим важных вещей, которые характерны для многих ранних государств, включая полис и цивитас. В частности, здесь долгое время не было имущественного расслоения между гражданами, а также существовал прямой запрет нормальных денег, торговли, ремесла.

Сказанное еще раз подчеркивает важный момент: фигурально говоря, **раннее государство – неполное государство. В каждой такой политике нет некоторых моментов, которые затем появляются в развитом государстве. При этом в каждом случае набор черт и признаков (равно как и отсутствие каких-либо из них) является оригинальным или даже уникальным** (см. об этом также: Гринин 2006).

И это также относится к вопросу о наличии привычного правительства в полисе. Роль правительства, то есть исполнительной власти, в Афинах выполняли Совет пятисот и коллегия 10 стратегов. Правда, афиняне стремились к разделению полномочий, и поэтому исполнительная власть у них была существенно слабее, чем в монархиях или даже в Риме. Однако это не доказывает отсутствие государства в Афинах. Во многих ранних государствах или не имелось полного набора ветвей власти, или какие-то из них были развиты сильнее, а какие-то слабее. В ранних монархических государствах законодательная и даже судебная власти далеко не всегда существовали в качестве отдельных ветвей, чаще исполнительная власть включала в себя и ту и другую. А нередко существовала просто разная юрисдикция, например, царь судил «царских» людей, а сельская или городская община – собственных членов. Похоже, так было в Древней Месопотамии (см., например: Якобсон 1984: 95). При этом механизмы вынесения и реализации санкций были разные.

И если эволюционно восторжествовал вариант, когда государственная организация формируется из профессиональных чиновников, а среди ветвей власти главной становится исполнительная, это не значит, что не было и иных вариантов. Полис как раз и являет один из них³⁵. Поскольку он являлся демократиче-

³⁴ М. Берент здесь занимает нечеткую позицию не только в статье, но и в докторской диссертации. Афины и другие полисы он определенно относит к безгосударственным политиям, но не решается ни прямо отказать Спарте в государственном статусе, ни признать ее государством, прибегая к весьма сомнительным доводам (см.: Berent 1994: 181–200). В любом случае он рассматривает Спарту как исключение среди других полисов, и этот случай требует, по его мнению, особого обсуждения (*Idem*: 228, note 6).

³⁵ Еще одним вариантом были некоторые итальянские республики в XII–XV вв. В период городских коммун (XII–XIII вв.) на должность *подеста* (городского военачальника и судьи) нередко

ским государством, естественно, что там законодательная и судебная власти были развиты сильнее. Поэтому гражданская исполнительная власть могла быть слабой³⁶. Мы еще вернемся к подробному рассмотрению государственного аппарата в Афинах и Риме.

Для определения наличия раннего государства в том или ином обществе главное – установить, что существует политическая и управленческая организация, основанная на новых, то есть иных, чем в догосударственных обществах, принципах.

Но эти новые принципы управления не обязательно были связаны именно с профессиональным чиновничеством. Легко провести аналогию. Сегодня суд может состоять только из профессиональных юристов, а может – из присяжных заседателей, то есть из непрофессионалов, состав которых постоянно меняется, а деятельность специально не оплачивается. Однако никто не скажет, что истинным судом можно назвать только первый.

б. В полисе экономическое бремя было возложено на богатых, а не на бедных (Berent). О государстве можно говорить только в случае, если «поборы и повинности становятся принудительными и строго распространяются на определенную часть общества (крестьян, ремесленников) (Штаерман: 93).

Возражения. Как известно, в Афинах и других полисах граждане не платили прямых налогов, кроме чрезвычайных (только таможенные пошлины, торговые сборы и т. п.). Но были так называемые *литургии*, то есть обязанность богатых членов полиса платить за какие-то общие дела, обычно празднества или военные нужды, или на свои средства что-либо делать: чинить и строить корабли, ремонтировать что-либо и т. п. Однако метеки и вольноотпущенники платили именно прямые налоги, в том числе и чрезвычайные, а также привлекались к некоторым литургиям наряду с гражданами (Машкин 1956: 263, 264; Громаков 1986: 19).

В любом случае то, что экономические повинности в Афинах в основном несли богатые, думается, не может являться серьезным аргументом против наличия здесь государства. Иначе нам придется отрицать наличие государств во многих современных странах, где основные налоги прямо или косвенно платят именно богатые граждане. То, что полис поддерживал в определенных смыслах большинство населения, то есть демос, действительно нехарактерно для древних государств, но в целом не является исключением для государства как такового. Разве современные государства не обеспечивают многие преимущества именно для большинства населения, современного демоса? Разве не сетуют сегодня состоятельные налогоплательщики на то, что государство слишком щедро раздает социальные пособия и прочую помощь за их счет? Такова особенность широкой демократии.

приглашался чужеземец, обычно сроком на год. Он привозил с собой весь штат, включая нотариусов и судей, и имущество, а город оплачивал его службу и расходы (Баткин 1970: 235). Таким образом, значительная часть исполнительной власти здесь также сменялась ежегодно. Нечто похожее было и в Новгороде, где приглашался князь с дружиной.

³⁶ Исполнительная военная власть была куда сильнее.

Кстати сказать, и в тираниях тираны часто стремились переложить налоговое бремя именно на богатую часть населения, а тирании М. Берент (Berent: 232) рассматривает как политики, по типу приближающиеся к государству (см. также: van der Vliet 1987).

Сказанное касается и Рима. Если более знатные или более богатые люди больше платили за аренду общественных земель, то ведь они и пользовались ими больше. И это была их привилегия. Если они несли затраты на выборы и исполнение общественных должностей, то ведь они и добивались этих должностей всеми способами. Но стоит отметить, что с некоторого времени Рим (и Афины в период существования Морского союза) получал основные доходы с покоренных земель. А это черта многих государств.

Афины и Римская республика также являются хорошим примером использования государственной организации в политической и социальной борьбе между богатыми и бедными. Однако результаты такого рода противостояний и конфликтов не предопределены. Иными словами, полагать, что всегда должны побеждать богатые, неправомерно. Даже в крупных империях известны победоносные восстания крестьян и рабов, а в XX в. – революции, в результате которых к власти приходили социально угнетенные классы. В полисах и цивитас же в борьбе между группами граждан исход зависел от очень многих обстоятельств. Естественно, что та часть граждан, которая побеждала, начинала использовать государство для изменения своего положения и закрепления результатов победы. Как пишет К. Каутский, «классовая борьба делается здесь (в государствах Греции. – Л. Г.) жизненным элементом существования государства. Участие в такой борьбе не только было далеко от того, чтобы считаться предосудительным, а наоборот, оно превратилось в выполнение гражданского долга. В Афинах со времени Солона был в силе закон, согласно которому каждый, кто при взрыве внутренней борьбы не примыкал ни к какой партии и не защищал ее с оружием в руках, лишался своих гражданских прав» (Каутский 1931: 334–335; см. также: Аристотель. Афинская политика. 8.5). Такая ситуация гражданского противостояния называлась у греков *стасис* (см. о нем подробнее: ван дер Влит 2006).

И хотя эволюционно стали преобладать государства, в которых политическое господство правящих групп сочеталось с их экономическим превосходством, стопроцентной связи здесь нет. Например, в современных обществах путем выборов одна часть населения может принудить другую согласиться со своими требованиями. Поэтому нет никаких оснований рассматривать государство как организацию, в которой **постоянно** доминирует одна часть общества. Государство правильнее рассматривать как организацию, с помощью которой одна часть населения может постоянно или **временно** принуждать другую соглашаться со своими желаниями либо обе части общества достигают компромисса. При таком подходе ничего удивительного в том, что в Афинах политически управлял демос, нет.

7. В полисе право на использование насилия не монополизируется правительством или правящим классом, и возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально воору-

женного населения» (Berent: 225). В Риме «принуждение приходилось применять лишь спорадически», а «во время смут дело решалось уличными потасовками без вмешательства правительственных органов» (Штаерман: 87, 88).

Возражения. Монополии на насилие нет не только во многих ранних³⁷, но и в зрелых государствах³⁸. Следовательно, она не может являться отличительным признаком ни раннего, ни вообще государства. Как справедливо отмечает Эрнст Геллнер, этот принцип Макса Вебера явно берет за образец централизованное государство западного типа, поскольку существуют государства, которые либо не желают, либо не могут обеспечить соблюдение такой монополии (Геллнер 1991: 28–29), либо, добавим, не считают это необходимым и не стремятся к этому.

Но в целом имелась заметная тенденция к тому, что именно государство сосредотачивало в своих руках право на **признание виновности или невиновности, на то, чтобы применение насилия со стороны частных лиц было санкционировано им, а не было чистым произволом** (например, к рабу, к должнику и т. д.). Таким образом, для раннего государства, как мне кажется, характерна не столько монополия на применение силы, сколько **концентрация законного применения силы** (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006a)³⁹. Это могло выражаться в монополии на **отдельные виды** применения законного насилия (например, в отправлении судебных приговоров) либо в монополии на **санкцию** со стороны власти на применение насилия, хотя бы сам приговор осуществлялся заинтересованной стороной, либо в **запрете отдельных видов** насилия (например, в отношении кровной мести) и т. д.

Определенная (и весьма немалая) концентрация легитимного принуждения и насилия имела место в Афинах и других полисах, равно как и в Риме. Здесь власть в первую очередь стремилась контролировать выдачу санкции на насилие. И если заинтересованные стороны или активисты были способны сами доставить обвиняемых в суд, значит, специального государственного аппарата для этого не требовалось. В данном случае важнее не то, что граждане имели вооружение и чаще всего сами арестовывали обвиняемых или преступников для передачи их суду, но что **орган, который выносил решение о виновности или невиновности (суд), а также исполнение смертных приговоров были в руках государства.**

Таким образом, для раннего государства наличие развитого аппарата насилия не является стопроцентно обязательным. Разумеется, по мере развития государственности именно сочетание движения, с одной стороны, к монополизации права на насилие, с другой – на формирование специальных органов насилия, проявляет себя в качестве эволюционно ведущего и становится наиболее распространенным.

³⁷ Например, Русская правда Ярослава Мудрого признавала кровную месть (см.: Шмурло 2000: 112), то же можно сказать и о законах Моисея в Израиле (см.: Аннерс 1994: 32–33).

³⁸ Разве в России или в южных штатах США крепостник и рабовладелец не имели права на применение насилия над своими невольниками?

³⁹ Это как с собственностью: где-то она в руках государства, а где-то в частных, но власть так или иначе контролирует и право собственности, и оборот последней.

Что же касается решения спорных вопросов между группами граждан путем «уличных потасовок», то это не являлось особенностью только Римской республики, а бывало и в других государствах. В том же Новгороде боярские партии враждовали между собой, а вече порой заканчивалось схватками спорщиков (см.: Новгородская... 1967: 268; Фроянов, Дворниченко 1986: 235, 238), но это не аргумент, чтобы объявить Новгород безгосударственным обществом.

8. *В полисе властные действия зависят от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. В то же время в аграрных государствах основное большинство отстранено от власти и основные политические действия протекают между частями элиты* (Verent).

Возражения. Здесь вновь надо учесть, что полис – демократическое государство. А любая демократия, тем более демократия, иметь в которой политические права почетно, всегда связана с силой электората.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме: **обязательно ли раннее государство должно быть инструментом диктатуры только небольшого социального (классового) меньшинства или могут быть другие варианты.** Я полагаю, что хотя первый случай был более распространенным и эволюционно магистральным, но могло быть и по-другому.

Однако стоит подчеркнуть, что даже в развитых государствах Востока государство весьма часто выступало как самостоятельная надклассовая, надсословная сила. Как справедливо замечает Л. Б. Алаев, «государство-класс, или государство как аппарат, оказывалось не выразителем интересов класса феодалов (рентополучателей в целом), а, напротив, структурой, надстроенной над основными классами» (Алаев 1995: 623). Поэтому при удаче (восстании или перевороте) у руля государственной машины оказывались люди самых низших званий вместе со своими сподвижниками⁴⁰. Иными словами, в известном смысле государство можно рассматривать как машину, команда «управляющих» которой время от времени сменяется. Такая ротация происходит как в демократических, так и в монархических обществах. Только в последних такая замена происходила нерегулярно и случайно, а в первых – регулярно и намеренно. Таким образом, по справедливому замечанию Роберта Михельса (2000 [1925]: 107), монархический и демократический принципы построения государственной власти в жизни обществ не находятся в антитезе, а оказываются достаточно эластичными и нередко сочетаются.

Бесспорно, в монархических государствах в большинстве случаев «основные политические действия протекают между частями элиты». Но, заметим, чем деспотичнее государство, тем меньшую роль играют части элиты. И основные интриги порой переносятся просто во дворец или гарем повелителя. Таким образом, здесь уже и элита в основном отстраняется от влияния на принятие ре-

⁴⁰ В этом плане любопытны государства, возникшие в ходе таких восстаний. О них см., например: Чиркин 1955. Стоит отметить, что даже классики марксизма, определявшие государство как орудие классового господства, подчеркивали, что в абсолютной монархии оно нередко выступало как надклассовая сила. Подобные идеи об относительной независимости государства, в частности в период новой истории, высказываются и рядом отечественных и зарубежных ученых (см., например: Малов 1994: 138; Goldstone 1991).

шений. Нередко также в бюрократических государствах происходила перетасовка кадрового состава, и тысячи чиновников лишались мест и власти.

С другой стороны, когда власть находилась в более трудном положении, очень часто решения принимались именно на основе «соотношения сил разных социальных групп» и их пожеланий.

В полисе многое зависело от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. Сам вектор его социальной политики определялся тем, в чьих руках было обладание государственной властью в тот или иной момент. Но такая система весьма характерна и для некоторых средневековых государств, например, итальянских городских республик. А разве мало было поворотов социальной и экономической политики в XX в. в связи с политической победой на выборах определенной партии? Разве не так установился нацизм в Германии? (См.: Корчагина 1996: 125–128.) Не так ли было в Чили в 1970 г., когда к власти пришли социалисты и коммунисты во главе с Сальвадором Альенде? (См.: Строганов 1995.) В современных обществах государство воспринимается скорее как арена борьбы конкурирующих групп за обладание большей властью, чем как инструмент коллективного господства правящего класса (Stuart-Fox 2002: 136).

Таким образом, в полисе и в какой-то мере в Римской республике – если не брать во внимание отсечения рабов и неполноправных от участия в общественной жизни – **государство выступало как бы в чистом виде именно как особая машина, особый инструмент для реализации целей тех или иных групп, которые временно становились ее хозяевами.** В то время как в большинстве случаев государство являлось вотчиной определенных семей монархов, имеющих на это особые сакральные права. Такая система, идеологически неприемлемая для нас, в то же время была эволюционно гораздо более устойчивой и потому прогрессивной, чем система (демократия в полисе), идеологически более близкая нам.

Но вновь повторю: *нельзя считать эволюционно выкристаллизовавшийся тип государства единственным типом государства вообще*⁴¹.

⁴¹ В связи с изложенными соображениями об особенностях демократических государств вообще и античных в частности хочу ответить Д. М. Бондаренко на замечание по поводу моей дефиниции государства. В ней я определял государство как политическую единицу, представляющую *отделенную от населения организацию власти и администрирования* (Бондаренко и др. 2006: 29). Но Д. М. Бондаренко (Bondarenko 2005: 57) почему-то считает, что такая формулировка обозначает обязательное наличие профессионального аппарата управления (professional full-time administration). Отсюда он заключил, что это мое определение противоречит моему же тезису о том, что для раннего государства наличие профессионального аппарата управления необязательно (такого аппарата, как мы видели, почти не было ни в Афинах, ни в Риме).

Однако на самом деле «противоречие» между моими определением и тезисами имеет место только в толковании моего оппонента. Возможно, он считает, что «отделенная от населения система власти и администрирования» обязательно должна состоять из профессиональных чиновников. Однако из *моего* определения это вовсе не вытекает. Напротив, именно такой узкий взгляд, что управление в государстве могло быть только в виде профессиональной бюрократии и никак иначе, я и критикую (поскольку такой подход заводит решение проблем в тупик). Если он нравится Д. М. Бондаренко, это его право. Но я не могу отвечать за то, чего в моих формулировках нет и быть не могло.

ПРИЗНАКИ, ОТЛИЧАЮЩИЕ РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО ОТ АНАЛОГОВ, В ПРИМЕНЕНИИ К ПОЛИСУ И CIVITAS

Напомню, что я выделял четыре таких признака:

- особые свойства верховной власти;
- новые принципы управления;
- новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества;
- редистрибуция власти.

(Подробнее см.: Гринин 2006б.)

1. Особые свойства верховной власти

Как бы ни трактовать политическую систему Афин и Рима, но, бесспорно, верховная власть в них демонстрирует и достаточную силу, и полноту функций, и способность к переменам. Последних подчас было даже слишком много, и они случались слишком часто, что порой делало власть, например, в Афинах недостаточно устойчивой.

Отделенная от населения организация власти и администрирования означает только то, что в государстве должна существовать система органов власти и управления (а администрирование и есть *управление*), которая более или менее институционализирована, имеет достаточно четкие полномочия, правила, действует постоянно, а не от случая к случаю и не в каких-то экстренных обстоятельствах. И такое понимание смысла указанной формулировки совершенно определенно вытекает из лексического значения использованных мною слов.

Организация власти и администрирования также означает, что в государстве имеются статусные, наделенные полномочиями должности, и эти должности занимают люди, приобретающие, пока они обладают должностью, ранг официальных лиц, действующих от имени государства. Но вовсе не обязательно, что такие должности занимают именно профессиональные чиновники с корпоративной этикой и получающие за это жалованье, что они занимают эти должности неопределенно долгий срок и т. п.

Таким образом, выполняются эти должностные функции постоянно или временно, долгий срок или короткий, профессионалами или нет, за плату или бесплатно, это более конкретный и для общего определения государства не важный вопрос. Главное – имела ли система властных и административных органов, включающих в себя определенное количество официальных (в античном случае они были даже штатными) должностей, с легальными полномочиями, имеющих возможности навязывать свою волю, опираясь на поддержку государства? То, что в Афинах и тем более в республиканском Риме существовала такая система администрирования и отделения власти от населения, несомненно.

Попутно еще раз замечу, что *отделенная от населения организация власти и управления* – при непредвзятом толковании смысла словосочетания – также вовсе не означает наличие профессиональных чиновников, а означает только то, что: а) не все население сразу выполняет данные функции; б) эти функции не являются какой-то побочной деятельностью других негосударственных объединений от случая к случаю или не связаны с несанкционированной верховной властью статусом каких-то лиц (например, старшего в роде, религиозного вождя, члена жреческого сословия, харизматического лидера и т. п.); в) полномочия на выполнение этих функций приобретаются на особых условиях, которые определяются источником власти (в античном случае это происходит на законных и специально оговоренных, требующих особой процедуры условиях).

И, наконец, подчеркну, что, поскольку указанное определение относится к государству вообще, а не конкретно к раннему государству, вышеприведенные пояснения приобретают еще большую актуальность. Ведь, как я уже указывал, именно среди ранних государств имелось особое разнообразие типов управления, а бюрократический тип стал преобладать уже в период развитого и зрелого государств (см. подробнее: Гринин 2006в).

Но роль верховной власти различна для крупных и мелких государств. Для небольших государств, каковыми были Афины, верховная власть, как я уже говорил, – это нечто географически не совсем точное⁴². Но в плане верховности прав сила этой власти в Афинах вполне очевидна. Налицо высший источник власти – народное собрание (*эклесия*) – и органы, которым он делегирует власть. Это сочетается с четким порядком и специальной процедурой принятия, прохождения, утверждения и отмены решений, а также проверки их исполнения. Стоит отметить, что структура власти и система разделения властей время от времени усложняется.

В больших государствах роль верховной власти самоочевидна. Центр империи – это крупнейший узел власти, влияющий так или иначе на всю периферию. Именно таким узлом и стал постепенно Рим. Оттуда исходили приказы и посылались наместники в провинции, выходили колонисты в зависимые земли, туда приходили победоносные войска с добычей, везли зерно и другие продукты из подчиненных территорий.

Особые свойства верховной власти не означают, что верховная власть поступает всегда разумно, дальновидно, в интересах общества и т. п. Главное, что она может навязывать свою волю, менять важные отношения в обществе, мобилизовать его силы для решения важнейших задач, вводить или отменять налоги и т. п. Такие свойства верховной власти налицо в Афинах и Риме. От кого исходит такая воля (от монарха, аристократии, народного собрания, сената и т. п.), зависит от устройства государства. Но важно: а) что это воля не ста процентов общества; б) решения или требования, высказанные этой волей, являются наиболее легитимными; в) для изменения уже имеющихся положений нужно решение этой же верховной власти и особая процедура; г) неподчинение этой воле и тем более отрицание ее прав является тягчайшим проступком и жестоко наказывается⁴³.

И в Афинах, и в Риме мы видим, что верховная власть оказывается способной вести активную внешнюю политику и затяжные войны, мобилизовать ресурсы, вводить новые налоги или отменять их, коренным образом менять политический режим и территориальное устройство, расширять или сужать гражданские права (первое – в Риме, второе – в Афинах), менять имущественные отношения⁴⁴ и многое другое. Она может быть весьма суровой по отношению

⁴² Правда, в период гегемонии в Делосском морском союзе Афины и фактически были географическим центром.

⁴³ В частности, в Афинах в 410 г. был принят специальный закон, который объявлял врагом народа всякого, кто попытается свергнуть демократический строй Афин или во время свержения демократии займет какой-либо пост. Виновные в этом преступлении подлежали смертной казни, а их имущество – конфискации. Такого злоумышленника всякий мог безнаказанно убить, получив половину его имущества. Этот закон после свержения «тирании тридцати» был дополнен разрешением доносить на тех, кто угрожает демократии (Берве 1997: 261–264; Виппер 1995: 253).

⁴⁴ Например, в IV в. до н. э. в Риме были приняты законы Лициния и Секстия, которые ограничили владение на общественном поле нормой в 500 югеров (примерно 125 га) (см.: Немировский 1962: 261; Ковалев 1936: 81). В конце II в. до н. э. братья Гракхи возобновили с некоторыми изменениями (о них см.: Нечай 1972: 187) действие таких ограничений. В результате поражения Гракхов в 111 г. до н. э. был принят закон Спурия Тория, которым переделы общинно-

к своим гражданам: отправлять их в изгнание без вины (*остракизм* в Афинах), предавать суду, конфисковывать имущество. В этом отношении верховная власть в Афинах и Риме соотносится с задачами, которые ряд исследователей рассматривает как обязательные для правительства государства, а именно – иметь достаточно власти: 1) чтобы призывать людей на войну и работу; 2) облагать налогами и собирать их; 3) издавать законы и добиваться их исполнения; 4) контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186; см. также: Wright 1977; Marcus, Feinman 1998: 4–5).

2. Новые принципы управления

2.1. Новые явления в формировании аппарата управления

Как уже сказано, не все ранние государства были бюрократическими. Иные таковыми не были вовсе просто из-за своих малых размеров (как англосаксонские государства в VII–VIII вв. [см., например: Blair 1966: 240–241]) или их бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например в таких государствах, как ацтекское (Johnson, Earle 2000: 306). Не относить такие политии к ранним государствам я не считаю правильным. Поэтому я стремился описать новые принципы управления возможно более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и к небюрократическим государствам.

Напомню, что в числе новых принципов управления я указывал на **новые подходы к формированию аппарата управления (и/или армии)**. Другими словами, чтобы утверждать, что перед нами раннее государство, а не его аналог, нужно доказать, что произошли существенные изменения в методах подбора людей для управления и военной службы, увеличилось значение новых типов управленцев и воинов. Но эти изменения в управлении далеко не везде связаны с наличием в аппарате профессиональных чиновников, существованием полиции, постоянного войска и т. п. Вместо этих институтов во многих случаях имелись иные.

В Афинах и Риме, например, было много должностных лиц, но мало чиновников. Но хотя аппарат управления и насилия в Афинах и Риме не был столь же мощным, как в бюрократических странах, он был и немалым, особенно в Афинах. Главное отличие Афин и Рима от бюрократических государств не столько в отсутствии или малочисленности аппарата управления и насилия, сколько в способах его комплектования и смены⁴⁵.

государственных земель прекращались, а земельные наделы становились частной собственностью их владельцев (Косарев 1986: 61). До этого с юридической точки зрения право собственности на все земли (за исключением мелких участков, переданных в собственность граждан) принадлежало государству (Луццатто 1954: 53).

⁴⁵ Но, кстати сказать, число профессиональных чиновников в высокбюрократических странах могло быть и не столь уж большим. Например, в начале XIX в. в Китае численность гражданских чиновников составляла около 20 тыс. человек, а военных – 7 тыс. (Крюков и др. 1987: 34). В это время в Китае жило более 300 млн человек (Там же: 63). Сравните с тем, что в небольших Афинах многие тысячи граждан участвовали в управлении и судах. Так что по отношению членов аппарата к численности населения Афины могли соперничать с самыми бюрократическими государствами.

Но, с другой стороны, – и это крайне важно – та форма управления, которая сложилась в полисе и цивитас, существенно отличается от догосударственных и аналоговых форм и должна быть признана раннегосударственной. Давайте рассмотрим это подробнее.

В Афинах, где в IV в. до н. э. жило всего 200 тыс. человек вместе с рабами и метеками, непосредственно в управлении одновременно были задействованы (путем выборов или жребия) многие сотни граждан. А если добавить к ним тех, что заседали по очереди (как в Совете пятисот, где из 500 человек постоянно работало только по 50 в течение 1/10 части года), то число должностных лиц перевалит далеко за тысячу. Существовали и технические служащие, например, секретари и канцеляристы в Совете пятисот. Кроме того, много должностных лиц действовало за пределами Афин (по делам морского союза и дипломатическим)⁴⁶. Существовал и судебный орган (*гелиэя*), который состоял из 6 тыс. (!) присяжных судей. Только представьте, что в одном административном районе крупного города будет 6 тыс. судей!

Одним из важнейших нововведений афинского управления было то, что абсолютное большинство служащих и судьи получали жалованье. Благодаря этому могла кормиться очень большая часть граждан. По словам Аристотеля, содержание из казны давалось более 20 тыс. человек. Помимо указанных выше должностных лиц, это были «тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников... Когда же впоследствии начали войну, помимо этих, было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч... затем сторожа при заключенных в тюрьмах» (Афинская полиция 24.3). Кроме того, за посещения народных собраний и других общественных мероприятий граждане стали с некоторых пор получать плату.

Известны примеры догосударственных и аналоговых политий, в которых должностные лица выбирались голосованием или по жребию. Среди них были и такие, где должностные лица, в частности судьи, получали какое-то вознаграждение (например, в Исландии). Однако я не знаю примеров негосударственных политий, в которых бы общественные должности столь широко использовались для поддержания благосостояния их членов (зато напрашивается аналогия с социалистическими государствами, где все были государственными рабочими или служащими). По подсчетам Виппера, в период правления Перикла на это уходило около 150 талантов, то есть 3/8 местного (собственного афинского) бюджета, или 1/7 с учетом взносов союзников (Виппер 1995: 215).

То, что Афинская полиция кормила своих граждан за счет сборов с союзников, государственной собственности и налогов на метеков, лишний раз подтверждает мысль о том, что это была организация, действующая в интересах не всех жителей, а только их части, и стремящаяся при любом удобном случае эксплуатировать другие политии, то есть государство.

Существовал и репрессивный аппарат. Посмотрим, например, на афинскую полицию, которая составлялась из рабов и метеков, поскольку занятие полицейской деятельностью считалось унижительным и позорным для свободного чело-

⁴⁶ По словам Аристотеля, таких было до 700 человек (Афинская полиция 24.3).

века⁴⁷. Общая численность полицейских подразделений «достигала первоначально 300, а впоследствии 1200 человек. И включала в себя конных и пеших лучников (*токсотов*). Полиция не только боролась с уголовными преступниками, но и следила за тайными собраниями граждан, собирала факты об их безнравственном поведении и праздности. Кроме того, в обязанности полиции входило наблюдение за санитарным и противопожарным состоянием города, за правилами рыночной торговли, за сохранением памятников старины и достопримечательностей ландшафта. Полицейская стража, составленная из государственных рабов, охраняла порядок в народных собраниях, в судебных учреждениях, в общественных местах» (Кучма 1998: 121–122). Хотя, конечно, это не была полиция в современном смысле слова (Hansen 1991: 124).

Таким образом, в Афинах налицо новые принципы управления. И хотя среди служащих было не так много профессионалов, но по крайней мере высшие посты (в частности должности стратегов) обычно занимали именно профессионалы. Профессионалы же обеспечивали преемственность управления в различных органах в качестве технического персонала. Стоит напомнить еще раз, что армия постепенно стала полностью профессиональной.

Не такое уж малое число должностных лиц было и в Риме (хотя в целом существенно меньше, чем в Афинах). Причем оно также постоянно росло. А иерархическая структура магистратур становилась все более стройной и четкой. В ряде италийских общин действовали особые римские должностные лица – *префекты*.

В отличие от Афин в Риме должности не оплачивались. Но зато исполнительная власть была сильнее, чем в Афинах. Объем полномочий консулов всегда был значительным, а в военной обстановке их власть вообще была неограниченной, включая право вынесения смертных приговоров, которые не подлежали обжалованию (за чертой Рима). Вообще диктаторскими полномочиями, то есть всей полнотой военной, административной, полицейской и фискальной власти, обладал правитель провинции – *проконсул или пропретор*.

Кроме того, следует заметить, что безвозмездность магистратур в Риме сочеталась с тем, что все должностные лица в Риме имели в своем распоряжении положенное им по штату определенное число низших служащих (*apparitores*), расходы по содержанию которых несла государственная казна. Когда происходила смена магистрата, весь этот штат переходил в распоряжение нового руководителя. Главную роль среди низших служащих играли *ликторы*, выполнявшие функции охраны и почетного сопровождения. Они могли по приказу высшего должностного лица задержать правонарушителей и наказать их. (Так что утверждение о полном отсутствии профессионального аппарата принуждения лишено оснований.) Количество ликторов в зависимости от ранга магистрата колебалось от 6 до 24. Кроме ликторов, магистрату придавались посыльные, глашатаи, секретари, делопроизводители, счетоводы и другие. А для дел, унизительных для свободных, – государственные рабы (Кучма 1998: 165–166).

⁴⁷ Однако здесь нет какой-то исключительности. Во многих государствах (и не только ранних) на те или иные должности по каким-то причинам приглашались иноземцы или назначались рабы. Это было одним из новых направлений формирования аппарата (см.: Гринин 2006б).

Стоит добавить, что хотя срок полномочий римских магистратов был ограничен (обычно годом) и одному человеку запрещалось несколько раз подряд занимать некоторые высшие должности, однако это правило не соблюдалось строго. Теодор Моммзен даже пишет, что фактически не соблюдалось (Моммзен 1993: 41). Кроме того, сенат имел право (и широко им пользовался) продлевать полномочия должностных лиц и после истечения срока их службы (правда, не в самом городе Риме). Главное же, что с IV века до н. э. было постановлено, что «в состав сената обязательно входят по окончании срока службы все те, кто раньше исполнял обязанности консула, цензора, претора или курульного эдила» (Моммзен 1993: 42). А поскольку звание сенатора было пожизненным и поскольку именно из бывших магистратов в основном и назначались проконсулы и пропреторы в провинции, то человек, избранный на одну из высших магистратур вроде бы всего на один год, фактически попадал уже в слой управителей на всю жизнь. Закон Виллия о порядке прохождения магистратур 180 г. до н. э. усилил роль сената в выдвижении кандидатур на должности (см.: Кузищин 1994: 92).

Следовательно, вполне можно говорить об определенном слое профессиональных управленцев в Риме, причем во многих семьях это являлось традицией. Постепенно этот слой сумел использовать свое должностное положение и для приобретения материальных выгод (см. об этом: Виппер 1995: 287–292; Утченко 1965: 125).

О движении римской армии к тому, чтобы стать постоянной и профессиональной, мы уже говорили.

2.2. Другие изменения

Следует отметить и такой новый момент, широко распространенный в полисах и цивитас: **отчетность должностных лиц, контроль за их деятельностью.** Так, в Риме каждые четыре года сенаторы утверждались в должности вновь на основании решения специальных должностных лиц (см. о таком контроле в Римской республике: Виппер 1995: 287–291; Моммзен 1993: 42; в Афинах – ван дер Влит 2006).

В Афинах и Риме также легко увидеть развитие и рост значимости других новых принципов управления:

- *делегирования власти;*
- *нового разделения управленческих функций (отделение исполнения от решений);*
- *иных.*

Это особенно выразилось в развитии (иногда даже сверхразвитии) процедуры. Следует заметить, что **усложнение управления неизбежно ведет к определенной формализации и усложнению процедурной стороны принятия, исполнения и проверки решений, а также и вообще управления.** Но при этом в городах-государствах такая формализация приобретает порой бóльшую значимость и сложность, чем даже в классических государствах.

Высокая степень развития процедурной стороны характерна для полиса и цивитас. В частности, в Афинах все решения народных собраний записыва-

лись и сдавались в архив. В течение года любой гражданин мог опротестовать как «противозаконное» это решение путем подачи специальной жалобы (Федоров, Лисневский 1994: 120). Имелись некоторые правила выступления ораторов, за нарушение которых председатель собрания мог оштрафовать оратора. Стоит указать на отчетность (и не только финансовую) должностных лиц, в том числе каждого члена Совета пятисот, а также на обязательную проверку лиц, вступающих в должность (Кучма 1998: 119, 120). Совет пятисот также имел специальные архивы.

В Риме в некоторых отношениях существовала еще более сложная процедура. Ведь если в Афинах большинство должностей определялось жребием, то в Риме занятие должностей всегда было связано с конкуренцией на выборах. Поэтому здесь существовала особая система допуска кандидатов к выборам и ряд специальных законов, запрещавших недобросовестные методы предвыборной борьбы. Санкцией за такие нарушения было десятилетнее изгнание. Большинство должностных лиц так же, как в Афинах, по сложении полномочий отчитывались и при обнаружении злоупотреблений могли понести наказание (Кучма 1998: 157–159)⁴⁸.

В Риме постепенно установилась строгая иерархия магистратских должностей, что сближало его административную систему с бюрократическими государствами.

Никаких особых прав на должность (традиционных, родственных и иных, как бывало в других обществах) у должностных лиц в Афинах и Риме не было. Это право возникало только вследствие делегирования полномочий от источника власти. В этом была, конечно, и слабость строя, но и его сила. Не поэтому ли в том числе **в истории Афин и республиканского Рима практически нет случаев сепаратизма?**

Стоит отметить, что развитие процедурной стороны в бюрократических ранних государствах обычно заключалось в совершенствовании системы (формы) передачи приказов по иерархической лестнице служащих, а также порядка проверки и отчетности. Гораздо реже, скажем, регулируется порядок наследования трона, занятия высших должностей в государстве, объем полномочий чиновников и т. п. Это связано, вероятно, с тем, что право на трон и высшую власть в монархиях основывалось не на юридических коллизиях, а на сакрализации правителя или праве сильного. А также и с тем, что в монархиях исполнительная власть не хотела каких-то ограничений в своей деятельности (соответственно и государственно-правовая мысль не работала в этом направлении).

В демократических государствах, напротив, граждане всегда были озабочены проблемой, как бы не оказаться в подчинении у исполнительной власти. Поэтому они стремились обезопасить себя. Иногда это приобретало черты чрез-

⁴⁸ Правда, победить подкуп избирателей так и не удалось. И в конце существования Римской республики он принял широчайший размах, так что народ приходил на выборы подкупленным и была заранее известна сумма, с помощью которой можно было достичь высших магистратур. Это стало одним из ярких показателей кризиса республиканского строя (см.: Утченко 1965: 117).

мерной сложности. Например, в Венеции в 1268 г. правителя (*дожа*) избирали так. Большой совет выделил из своего состава 30 человек, те выделили девяти-рых, которые избрали 40 электоров из членов Совета и вне его. Затем 40 выделили 12, те избрали 45, снова выделили 11 и, наконец, 11 определили 41 человека, которым предстояло назвать имя дожа (Баткин 1970: 249).

3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества

В полисе и цивитас можно выделить следующие новые и нетрадиционные формы регулирования жизни:

- все большее регулирование жизни путем деятельности народного собрания, сената, должностных лиц, в том числе рост значения принуждения и запретов для населения, исходящих от должностных лиц;
- повышение значимости суда;
- довольно частые реформы;
- постоянные изменения в законах. Достаточно сказать, что в Афинах была так называемая коллегия *архонтов* из девяти человек. Важнейшей обязанностью шести из них были ежегодные доклады народному собранию о противоречиях и пробелах в действующем праве с предложениями по их устранению (Кучма 1998: 120). В Риме стоит отметить огромную роль нормотворчества преторов, создающих, по сути, новый тип права (см.: Косарев 1986: 21, 44–47);
- рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за деятельностью должностных лиц (отчетность, проверки и т. п.);
- контроль за лояльностью населения через доносы (*доносчики-сикофанты* в Афинах);
- широкое привлечение граждан к государственной деятельности.

Все это вело к постепенному изменению различных сторон жизни общества, включая контроль за семейными отношениями, ярким примером вмешательства в которые являются, в частности, законы Солона. Кроме того, идет процесс замены традиций политической волей, то есть решениями собраний, новыми законами и новыми органами. Соответственно наблюдается и рост рационального момента в реформировании общества вопреки традициям и прочей косности. Одним из показателей этого является «сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел» (Фролов 1986: 67).

В новом, государственном, полисе меняется и сам характер политической жизни, и средства ее регулирования. Если в гомеровском полисе, по словам Андреева, шла борьба всех против всех (Андреев 1976: 104 и далее), если на первом месте была борьба знатных родов между собой (Кошеленко 1987: 45), то в демократическом государстве на первое место выходит уже борьба социальных и политических, а не родовых групп. И это также было новым явлением. А способами, регулируемыми силу лидеров и политических групп, а также возможность обеспечения компромисса и ротации должностных лиц, начинают становиться новые законы, органы и процедурные правила.

Важно отметить, что, по мнению некоторых исследователей, в гомеровском полисе «почти отсутствовало “правовое начало”, ограждавшее личность и имущество» (Кошеленко 1987: 45). Следовательно, рождение государства в этом плане и означало усиление «правового начала» как нового средства регулирования жизни. Ведущим же механизмом в реализации этого нового средства был суд.

«Государство – это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как например, **полиция и суд**, отделились от остальных сфер общественной жизни. **Они и есть государство** (выделено мной. – Л. Г.)» (Геллнер 1991: 28). Я, правда, считаю, что возникновение раннего государства, особенно в обществах типа полисов, в первую очередь связано с необходимостью обеспечить суверенитет, внешнюю безопасность или экспансию (Гринин 2001–2005; 2006а). Однако и мысль Э. Геллнера имеет серьезный смысл, поскольку чем дольше развивается государство, тем важнее становятся его внутренние функции (см. также: Гринин 2006б).

И как раз в этом плане античные общества дают хороший пример, подтверждающий, что перед нами именно государства. Если полиция и не была достаточно важным органом, то суд здесь достиг высокой степени развития и значимости. Он выступал как важнейший орган поддержания внутреннего порядка и регулирования общественной жизни. Иначе что бы стали делать в Афинах шесть тысяч судей? И 300 заседаний суда в год для полиса с 200-тысячным населением – это большая цифра (см., например: Кошеленко 1987: 69). Все это не случайно, поскольку в обществах, где товарообменные (денежные) отношения развиты, суд играет гораздо большую роль, чем в иных. Не случайно также здесь был специальный торговый суд и, скорее всего, особое торговое законодательство (Машкин 1956: 262). Но суд поддерживал не только экономический порядок. В классический и более поздний период истории Афин суд охранял и сам демократический строй, поскольку любой гражданин мог возбудить судебное дело против любого, если имел основания считать, что затронуты интересы государства. Суд использовался даже как орган международных отношений. Афины контролировали союзников в том числе и через судебные органы (см.: Паршиков 1974; Кондратюк 1983: 363, 364).

4. Редистрибуция власти

Напомню, что я определял **редистрибуцию власти как процесс распределения и перераспределения власти между центром и периферией, что позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается** (см. подробнее: Гринин 2006б).

В ранних (особенно небольших) государствах редистрибуция власти связана с борьбой (сосуществованием) между центрами (органами) власти за первен-

ство. Например, в Спарте существенными были соперничество, а то и прямой конфликт за властные полномочия между эфорами (старейшинами) и царями (см.: Строгоцкий 1979). В Афинах редистрибуция власти выражается в борьбе групп населения и органов, через которые они могут влиять на государство. Соответственно одни органы приобретают больше прав, а другие утрачивают их. Например, в Афинах в V в. мы видим рост роли народного собрания и уменьшение роли органа аристократии – *ареопага*, а также и вообще позиций аристократии. Если в VII в. до н. э. Совет ареопага, по словам Аристотеля (Афинская политика 3.6), распоряжался большинством важнейших дел в государстве, беспартийно налагая кары и взыскания на всех нарушителей порядка, то затем к концу V в. до н. э. он утратил почти всякое политическое значение и превратился в специальный суд по религиозным вопросам. Мало того, он в связи с изменением системы комплектования утратил и роль главного органа олигархии (см.: Кошеленко 1987: 44, 68). Правда, процесс этот был неровный и негладкий. В частности, в период с 478 по 462 г. до н. э. его влияние вновь усилилось, чтобы затем окончательно ослабеть в результате деятельности Эфиальта, Конона, Фемистокла и других (см.: Аристотель. Афинская политика 25.1–3)⁴⁹.

Всю историю Афин можно представить как процесс редистрибуции власти от аристократии и выдающихся людей к демосу и малоимущим: реформы Солона, которые укрепили базу демократии; раздача средств демосу; закон об изгнании политиков – *остракизме* (см. дальше); право населения на участие в судах; обязанность имущих давать деньги на государственные дела (*литургии*); ограничение числа лиц, имеющих право гражданства; развитие системы доносов; введение смертной казни за покушение на демократический строй; введение в начале IV в. платы за посещение народных собраний (о последнем см.: Дьяков 1956: 399; Ковалев 1936: 289) и т. д.

Разумеется, процесс перераспределения власти от аристократии и имущих к малоимущим не может идти до конца. Он и без того в Афинах зашел слишком далеко. И в этом заключалась одна из причин того, почему Афинское государство, в отличие от Римского, так и не смогло стать развитым.

В истории Афин (как и Рима) также можно увидеть и другие линии редистрибуции власти. В частности, стоит отметить борьбу народного собрания за то, чтобы не позволить концентрировать в руках каких-то органов или людей слишком большую власть. Именно на это был направлен знаменитый закон об изгнании (*остракизме*)⁵⁰. Либо борьба групп означала создание дополнительных ор-

⁴⁹ О некоторых перипетиях борьбы знатных родов между собой, а также знати и демоса в VI в. до н. э. см.: Зельин 1964.

⁵⁰ Остракизм – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на определенный срок с сохранением за ними гражданства и имущества и с последующим полным восстановлением в политических правах. Это не было наказанием за преступление. Такое изгнание осуществлялось в профилактических целях. Граждане путем голосования определяли, кто из политиков представляет опасность для государства, например, кто казался потенциальным захватчиком власти и тираном либо был источником постоянных раздоров в обществе. Тот, кто набирал больше всех голосов (надписанных глиняных черепков – *остраконов*, отсюда слово «остракизм»), должен был покинуть Афины на десять лет. Остракизм существовал не только в Афинах, но и в некоторых других полисах (Суриков 2005: 113–114).

ганов или дополнительного представительства. Так, например, был создан институт народных трибунов в Риме. Другой момент заключался в удовлетворении требований демократических слоев населения о письменной фиксации права, как это было с законами Драконта в Афинах и с законами двенадцати таблиц в Риме (см.: Каллистов 1956: 672; Кузищин 1994: 56).

Начиная с V в. в Афинах и некоторых других крупных полисах процесс редистрибуции власти идет уже в классическом варианте в связи с ростом их значения как центров союзов: Афинского морского, Пелопоннесского, Коринфского. Ряд полномочий от союзников переходит к этим центрам. Процесс этот, однако, не пошел достаточно далеко.

В Риме гораздо раньше начался классический процесс редистрибуции власти от периферии в центр, который позволил сделать государственный аппарат более крепким и устойчивым. Но и в Риме шла борьба за то, какие органы какими полномочиями будут обладать, какой орган станет ведущим. В этом плане интересно развитие сената, который постепенно все более превращал народные собрания (и без того не столь властные, как у греков) во второстепенный орган, хотя формально эти собрания оставались высшим органом власти⁵¹. Власть сената стала огромной, особенно в связи с тем, что с 354 г. до н. э. в него стали входить по окончании срока службы и высшие магистраты. «От сената зависели война и мир, заключение договоров, назначение главнокомандующего, вывод колоний, все дела по финансовому управлению, сенат не вмешивался только в дела судебные, военные и текущую администрацию» (Моммзен 1993: 42), поскольку это была прерогатива магистратов.

Далее в Риме идет процесс редистрибуции власти по типу империи, когда он присоединяет одну италийскую территорию за другой, а затем и одну провинцию за другой. Соответственно Рим назначает полномочных наместников, перераспределяет земельный фонд, вводит налоги, грабит эти территории (особенно провинции) по праву победителя и т. п. Концентрация власти в Риме над громадными покоренными территориями, равно как и концентрация рабов в Италии, достигает столь высокой степени, что вся государственная конструкция не выдерживает. Требуется перестройка. Соответственно конец II и весь I век до н. э. связан с попытками радикальных реформ, диктатурами, гражданскими и союзническими войнами, восстаниями рабов, репрессиями и конфискациями. И все это в конце концов ведет к большим изменениям.

Библиография

Алаев Л. Б. 1995. Восток в мировой типологии феодализма. *История Востока*: в 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, с. 600–626. М.: Вост. лит-ра.

⁵¹ Теодор Моммзен пишет по этому поводу: «Мало-помалу сенат фактически присвоил себе право отменять постановления общины под условием, что община потом одобрит его решение, но согласие общины обыкновенно затем не испрашивалось» (Моммзен 1993: 42. См. также: Утченко 1965: 85).

- Алентьева Т. В. 1983.** На пути к неотвратимому конфликту. *История США. 1607–1877* / Ред. Н. Н. Болховитинов, т. 1, с. 362–392. М.: Наука.
- Андреев Ю. В. 1976.** *Раннегреческий полис. Гомеровский период.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Андреев Ю. В. 1979.** Античный полис и восточные города-государства. *Античный полис* / Ред. Э. Д. Фролов, с. 8–27. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Андреев Ю. В. 1983.** Спарта как тип полиса. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 194–216. М.: Наука.
- Андреев Ю. В. 1989.** Гражданская община и государство в античности. *Вестник древней истории* 4: 71–74.
- Аннерс Э. 1994.** *История европейского права.* М.: Наука.
- Арон Р. 1993.** *Демократия и тоталитаризм.* М.: Текст.
- Баглай В. Е. 1995.** Древнеацтекское государство: структура власти и управления. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 230–258. М.: Вост. лит-ра.
- Баткин Л. М. 1970.** Период городских коммун / *История Италии: в 3 т. Т. 1.* / Ред. С. Д. Сказкин, Л. А. Котельникова, В. А. Рутенбург, с. 200–272. М.: Наука.
- Берве Г. 1997.** *Тираны Греции.* Ростов н/Д.: Феникс.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.: Логос.
- Берент М. 2002.** Греция (XI–IV вв. до н. э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, с. 223–248. М.
- Бондаренко Д. М. 1995.** *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть.* М.: Ин-т Африки РАН.
- Бондаренко Д. М. 2001.** *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов.* М.: Ин-т Африки РАН.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006.** Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 15–36. Волгоград: Учитель.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. 2002.** Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко, с. 9–36. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бонгард-Левин Г. М. 1979.** Индия в древности. *История Индии* / Ред. К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский, с. 8–165. М.: Мысль.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1969.** *Древняя Индия: Исторический очерк.* М.: Вост. лит-ра, Наука.
- Бочаров К. И. 1936.** *Очерки истории военного искусства.* Т. 1. *Древний мир.* М.: Госвоениздат.
- Ван дер Влит Э. 2006.** Полис: проблема государственности. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 387–412. Волгоград: Учитель.

- Виноградов Ю. Г. 1983.** Полис в Северном Причерноморье. *Античная Греция. Проблемы развития полиса* Т. 1. Становление и развитие полиса / Ред. Е. С. Голубцова, с. 366–420. М.: Наука.
- Виппер Р. Ю. 1995.** *Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи:* в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д.: Феникс.
- Виткин М. А. 1968.** Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 425–454. М.: Наука.
- Вебер М. 1994.** Город. *Избранное. Образ общества* / Ред. М. Вебер, с. 309–446. М.: Юрист.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм.* М.: Прогресс.
- Глускина Л. М. 1983а.** Проблемы кризиса полиса. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 2. *Кризис полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 5–42. М.: Наука.
- Глускина Л. М. 1983б.** Дельфийский полис в IV в. до н. э. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 2. *Кризис полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 43–72. М.: Наука.
- Годинер Э. С. 1982.** *Возникновение и эволюция государства в Буганде.* М.: Наука.
- Гордлевский Вл. 1941.** *Государство Сельджукидов Малой Азии.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Гринин Л. Е. 2001–2005.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29.
- Гринин Л. Е. 2006а.** *Государство и исторический процесс.* Волгоград: Учитель (в печати).
- Гринин Л. Е. 2006б.** Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006в.** От раннего государства к зрелому. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, с. 523–556. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие:* Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, с. 1425–1432. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.

- Гринин Л. Е. 2016а.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Громаков Б. С. 1986.** *История рабовладельческого государства и права (Афины и Рим).* М.: ВЮЗИ.
- Гумилев Л. Н. 1993.** *Древние тюрки.* М.: Клышников, Комаров и К°.
- Гуревич А. Я. 1970.** *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе.* М.: Высшая школа.
- Гуревич А. Я. 1980.** Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII в.). *История Норвегии* / Ред. А. С. Кан, с. 126–151. М.: Наука.
- Даль Р. 2000.** *О демократии.* М.: Аспект Пресс.
- Доватур А. 1965.** *Политика и политики Аристотеля.* М.; Л.: Наука.
- Дройзен И. 1995.** *История эллинизма:* в 3 кн. Кн. 1. Ростов н/Д.: Феникс.
- Дьяков В. Н. 1956.** Греция в первой половине VI в. до н. э. *Древняя Греция* / Ред. В. В. Струве, Д. П. Калистов, Т. В. Блаватская, Н. А. Машкин, Т. В. Зебелев, В. П. Волгин, с. 391–447. М.: Наука.
- Дьяконов И. М. 2000.** Переход к территориальному государству в Месопотамии. *История Востока:* в 6 т. Т. 1. *Восток в древности* / Ред. В. А. Якобсон, с. 57–66. М.: Вост. лит-ра РАН.
- Емельянов В. В. 2003.** *Древний Шумер.* СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение.
- Зельин К. К. 1964.** *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.* М.: Наука.
- Калистов Д. П. 1956.** Аттика в VIII–VI вв. до н. э. Образование Афинского государства. *Всемирная история:* в 10 т. Т. 1 / Ред. Ю. П. Францев, с. 670–676. М.: Госполитиздат.
- Качановский Ю. В. 1971.** *Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?* М.: Наука.
- Каутский К. 1931.** *Материалистическое понимание истории.* Т. 2. *Государство и развитие человечества.* М.; Л.: Соцэргиз.
- Киселев Г. С. 1981.** *Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории.* М.: Наука.
- Классен Х. Дж. М. 2006.** Было ли неизбежным появление государства? *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 71–84. Волгоград: Учитель.
- Климанов Л. Г. 1990.** *Cor nostri status: историческое место канцелярии в венецианском государстве. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* / Ред. В. И. Рутенбург, И. П. Медведев, с. 80–105. Л.: Наука.

- Кобищанов Ю. М. 1974.** Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. *Африка: возникновение отсталости и пути развития* / Ред. Л. Е. Куббель, с. 85–290. М.: Наука.
- Ковалев С. И. 1936.** *История античного общества. Эллинизм. Рим.* Л.: Соцэгиз.
- Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н. 1994.** *История США.* Самара: Изд-во Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.
- Кондратюк М. В. 1983.** Архэ и афинская демократия. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 327–365. М.: Наука.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Корчагина М. Б. 1996.** Национал-социализм в Германии. *Тоталитаризм в Европе XX века* / Ред. Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова, с. 122–149. М.: Памятники исторической мысли.
- Косарев А. И. 1986.** *Римское право.* М.: Юридическая лит-ра.
- Кочакова Н. Б. 1968.** *Города-государства йорубов.* М.: Наука.
- Кочакова Н. Б. 1995.** Размышления по поводу раннего государства. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 153–164. М.: Наука.
- Кошеленко Г. А. 1979.** *Греческий полис на эллинистическом Востоке.* М.: Наука.
- Кошеленко Г. А. 1983.** Введение. Древнегреческий полис. *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 9–36. М.: Наука.
- Кошеленко Г. А. 1987.** О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции. *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 38–73. М.: Наука.
- Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. 2000. (Ред.).** *Альтернативные пути к цивилизации.* М.: Логос.
- Краснова И. А. 2000.** Принципы выборности во Флоренции XIV–XV веков. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей* / Ред. А. А. Сванидзе, с. 57–67. М.: Наука.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1987.** *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени.* М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1974.** *Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя.* М.: Наука.
- Кузищин В. И. 1989.** О формировании государства в Риме. *Вестник древней истории* 3: 92–94.
- Кузищин В. И. 1994. (Ред.).** *История Древнего Рима.* 3-е изд. М.: Высшая школа.
- Куропятник Г. П. 1961.** *Вторая американская революция.* М.: Госучпедгиз.
- Кучма В. В. 1998.** *Государство и право Древнего мира: Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран.* Волгоград: Офсет.

- Ленин В. И. 1974 [1917]. Государство и революция. *Полное собрание сочинений* / Ред. В. И. Ленин, т. 33. М.: Полит. лит-ра.
- Луццатто Дж. 1954. *Экономическая история Италии*. М.: ИЛ.
- Малов В. Н. 1994. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. *История Европы*: в 8 т. Т. 4. *Европа Нового времени* / Ред. М. А. Барг, с. 138–179. М.: Наука.
- Мананчикова Н. П. 2000. Структура власти в Дубровнике XIV–XV веков: от коммуны к республике. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей* / Ред. А. А. Сванидзе, с. 50–57. М.: Наука.
- Маринович Л. П. 1975. *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.: Наука.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. 1995. Древний город и античный полис. *Город как социокультурное явление исторического процесса* / Ред. Э. В. Сайко, с. 93–99. М.: Наука.
- Машкин Н. А. 1956. К вопросу об экономической жизни Греции классического периода. *Древняя Греция* / Ред. В. В. Струве, Д. П. Калистов, Т. В. Блаватская, Н. А. Машкин, Т. В. Зебелев, В. П. Волгин, с. 234–266. М.: Наука.
- Маяк И. Л. 1989. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима. *Вестник древней истории* 3: 94–97.
- Михельс Р. 2000 (1925). Демократическая аристократия и аристократическая демократия. *Социологические исследования* 1: 107–114.
- Моммзен Т. 1993. *История Рима*. СПб.: Лениздат.
- Монтескье Ш. 1955 (1748). О духе законов. *Избранные произведения* / Ред. Ш. Монтескье, с. 159–733. М.: Госполитиздат.
- Немировский А. И. 1962. *История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Нечай Ф. М. 1972. *Образование Римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.
- Никифоров В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.
- Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета.
- Пайпс Р. 1994. *Русская революция*: в 2 ч. М.: Росспэн.
- Паршиков А. Е. 1974. Организация суда в Афинской державе. *Вестник древней истории* 2: 57–68.
- Петросян Ю. А. 1990. *Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки*. М.: Наука.
- Петкевич К. 2002. Казацкое государство (Неиспользованная возможность построения Украинского государства). *Природа и самоорганизация общества* / Ред. Э. С. Кульпин. М.: Моск. лицей.
- Плетнева С. А. 1986. *Хазары*. М.: Наука.
- Плетнева С. А. 1987. Города кочевников. *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 198–212. М.: Наука.

- Рутенбург В. И. 1990.** Генуэзский вариант итальянской синьории. *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* / Ред. В. И. Рутенбург, И. П. Медведев, с. 71–79. Л.: Наука.
- Рутенбург В. И., Медведев И. П. 1990. (Ред.).** *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)*. Л.: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1987.** *Мир истории. Начальные века русской истории*. М.: Молодая гвардия.
- Сергеев В. С. 2002.** *История Древней Греции*. СПб.: Полигон.
- Сизов С. К. 1992.** О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции. *Вестник древней истории* 2: 72–86.
- Новгородская феодальная республика. 1967.** *Советская историческая энциклопедия*, т. 10, с. 267–272. М.: Советская энциклопедия.
- Строганов А. И. 1995.** *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: ВШ.
- Строева Л. В. 1978.** *Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв.* М.: Наука.
- Строгецкий В. М. 1979.** Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте. *Античный полис* / Ред. Э. Д. Фролов, с. 42–81. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Суриков И. Е. 2005.** Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена. *История и современность* 2: 113–130.
- Трухина Н. Н. 1989.** Римская *civitas* III–II вв. до н. э.: архаичный раннеклассовый социум или государство? *Вестник древней истории* 4: 74–75.
- Утченко С. Л. 1965.** *Кризис и падение Римской республики*. М.: Наука.
- Федоров К. Г., Лисневский Э. В. 1994.** *История государства и права зарубежных стран*. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та.
- Фролов Э. Д. 1986.** Рождение греческого полиса. *Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство* / Ред. Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов, с. 8–99. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. 1986.** Города-государства в Древней Руси / Ред. Ред. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Становление и развитие раннеклассовых обществ. *Город и государство*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.: 198–311.
- Хоцей А. С. 2000.** *Теория общества: в 3 т. Т. 2*. Казань: Матбугат Йорты.
- Циркин Ю. Б. 1987.** *Карфаген и его культура*. М.: Наука.
- Чиркин В. Е. 1955.** Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вопросы истории* 9: 57–64.
- Шмурло Е. Ф. 2000.** *Курс русской истории: в 4 т. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства*. СПб.: Алетейя; С.-Петербург. ун-т МВД России и др.
- Штаерман Е. М. 1968.** Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 638–671. М.: Наука.
- Штаерман Е. М. 1989.** К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.
- Энгельс Ф. 1961.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 21, с. 23–178. М.: Политиздат.

- Яйленко В. П. 1983.** Архаическая Греция. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 128–193. М.: Наука.
- Якобсон В. А. 1984.** Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока. *Народы Азии и Африки* 2: 89–96.
- Якобсон В. А. 1989.** Государство и социальная психология. *Вестник древней истории* 4: 75–78.
- Якубский В. А. 1993.** Кризис Речи Посполитой. *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней* / Ред. В. А. Дьяков, с. 64–84. М.: Наука.
- Ambrosino J. N. 1995.** Inter-societal Contact and the Rise of the State: a Brief Note Work in Progress. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 54–59. Vladivostok: Dal'nauka.
- Berent M. 1994.** *The Stateless Polis. Towards a Re-Evaluation of the Classical Greek Political Community*. A Dissertation submitted for the Ph. D. Degree. Cambridge: Sidney Sussex College.
- Berent M. 2000a.** Greece (11th – 4th centuries B.C.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 228–251. Moscow: IAF RAN.
- Berent M. 2000b.** The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 225–241. Vladivostok: FEB RAS.
- Berent M. 2004.** Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B. C.). *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 364–387. Volgograd: Uchitel.
- Berent M. 2006.** The Stateless Polis: A Reply to Critics. *Social Evolution & History* 5(1): 140–162.
- Blair P. H. 1966.** *Roman Britain and Early England 55 B. C. – A. D. 871*. New-York; London: W. W. Norton and Company.
- Bondarenko D. M. 2005.** A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th – 19th Centuries. *Social Evolution & History* 4(2): 18–88.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2000. (Eds.).** *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: IAF RAN.
- Burke P. 1986.** City-States. *States in History* / Ed. by J. A. Hall, pp. 137–153. Oxford: Basil Blackwell.
- Carneiro R. E. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. E. 1978.** Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. *Origins of the State* / Ed. by R. Cohen and E. R. Service, pp. 205–223. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues.
- Carneiro R. E. 2000.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York etc.: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Re-formulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.

- Carneiro R. L. 2017.** Chiefdoms in Evolutionary Perspective. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Cartledge P. 1998.** *Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens.* Cambridge.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chase-Dunn Ch., Inoue H. 2017.** Power and Size: Urban and Polity Size Swings and Changes in the Distribution of Power among States in Interstate Systems since the Bronze Age. *Social Evolution & History* 16(2): 52–75.
- Claessen H. J. M. 1978.** The Early State: A Structural Approach. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 533–596. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 2004.** Was the State Inevitable? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin et al., pp. 72–87. Volgograd.
- Claessen H. J. M. 2005.** Early State Intricacies. *Social Evolution & History* 4(2): 151–158.
- Claessen H. J. M. 2010.** On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2016.** The Emergence of Pristine States. *Social Evolution & History* 15(1): 3–57.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution & History* 7(1): 245–265.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978a. (Eds.).** *The Early State.* The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978b.** Limits: Beginnings and End of the Early State. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 619–636. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978c.** The Early State: Models and Reality. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 637–650. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de. 1987.** Introduction. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 1–23. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de. 1991.** *Early State Economics.* New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Dozhdev D. 2000.** Rome (8th – 2th Centuries B.C.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 255–286. Moscow: IAF RAN.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.

- Ezeanya O. C. P. 2018.** Stalemates to Democracy in Nigeria: The Paradoxes of Human Rights and Social Justice. *Social Evolution & History* 17(1): 140–159.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Finley M. I. 1977.** *The Ancient Greeks*. Harmondsworth: Penguin.
- Finley M. I. 1983.** *Economy and Society in Ancient Greece*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Finley M. I. 1985.** *Democracy Ancient and Modern*. 2nd ed. London: The Hogarth Press.
- Gellner E. 1988.** *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Gibson D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2004b.** Early State and Democracy. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 419–463. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2013.** Early State and Ancient Democracy. *Collection of Papers of International Academic Conference on Political Systems of Early States*, pp. 138–152. Xi'an, China: Shaanxi Normal University.
- Grinin L. 2014a.** Political Systems of Early States. *Proceedings of the Conference on Political Systems of Early States, June 19–22, 2013, Xi'an, China* / Ed. by Lin Yuan, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, Jianping Yi. Beijing: Science Press (in Chinese).
- Grinin L. 2014b.** Early State and Ancient Democracy. *Political Systems of Early States. Proceedings of the Conference on Political Systems of Early States, June 19–22, 2013, Xi'an, China* / Ed. by Lin Yuan, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, Jianping Yi, pp. 74–85. Beijing: Science Press (in Chinese).
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.

- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and ‘Fragile States’: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Hansen M. N. 1989.** *Was Athens a Democracy?* Copenhagen: Munksgaard.
- Hansen M. N. 1991.** *Athenian Democracy in the Age of Demosthenes.* Oxford.
- Hansen M. N. 1998.** *Polis and City-State. An Ancient Concept and Its Modern Equivalent.* Copenhagen: Munksgaard.
- Hansen M. N. 2002.** Was the *Polis* a State or a Stateless Society? *Even More Studies in the Ancient Greek Polis.* Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 / Ed. by T. H. Nielsen, pp. 17–47. Stuttgart: Steiner.
- Harden D. 1971.** *The Phoenicians.* Middlesex, England-Ringwood, Australia: Penguin Books Ltd.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State.* 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Korotayev A. V. 1995.** Mountains and Democracy: An Introduction. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 60–74. Vladivostok: Dal'nauka.
- Korotayev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A., Munck V. de. 2000.** Alternatives of Social Evolution: An Introduction. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 12–51. Vladivostok: FEB RAS.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kradin N. N. 2019.** Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18(2): 3–34.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.

- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600-900 A. D. *Chieftoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Marcus J. 1998.** The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of Dynamic Model. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus, pp. 59–94. Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Marcus J., Feinman G. M. 1998.** Introduction. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Mishra P., Mishra J. 2002.** *Strategy of Power Sharing in Ancient India: with Special Reference to Kautilya's Arthashastra*. Paper presented at the International Conference 'Hierarchy and Power in the History of Civilizations', St. Petersburg, July 4–7.
- Njoku C. I., Bondarenko D. M. 2018.** State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History* 17(1): 3–15.
- Osborne R. 1985.** *Demos: The Discovery of Classical Attika*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rhodes P. J. 1993.** The Greek Poleis: Demes, Cities and Leagues. *The Ancient Greek City-State* / Ed. by M. H. Hansen, pp. 161–182. Copenhagen: Munksgaard.
- Rogers J. D. 2019.** The Complexity of Nomadic Empires. *Social Evolution & History* 18(2): 148–165.
- Roussel D. 1976.** *Tribu et cité. Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époque archaïque et classique*. Paris.
- Shifferd P. A. 1987.** Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 39–53. Leiden: Brill.
- Skalnik P. 1996.** Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 84–98. Leiden: Brill.
- Skalnik P. 2017.** Chieftdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chieftoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.
- Stocker T., Jianyi Xi'ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Stuart-Fox M. 2002.** Evolutionary Theory of History. *The Return of Science: Evolution, History, and Theorv* / Ed. by Ph. Pomper, D. Gary Show, pp. 123–144. Lanham; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. 2019.** Social Complexity of the Pazyrik Culture in Altai, 550–200 BC. *Social Evolution & History* 18(2): 73–91.

- Tymowski M. 1987.** The Early State and After in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to Their Development. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 54–69. Leiden: Brill.
- van der Vliet, E. Ch. L. 1987.** Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 1–23. Leiden: Brill.
- van der Vliet, E. Ch. L. 2005.** Polis. The Problem of Statehood. *Social Evolution & History* 4(2): 120–150.
- Vasyutin S. A. 2019.** Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History* 18(2): 92–114.
- Wright H. T. 1977.** Recent Research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.
- Zinn H. 1995.** *A People's History of the United States. 1492 – present.* New York: Harper Perennial.

Глава 11. Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза (на африканском материале)

Попов В. А.

Вводные замечания

В этой главе, помимо «общностей по джаму» народов Западного Судана, уже относительно хорошо изученных (особенно у мандеязычных народов), будут впервые рассмотрены сетевые структуры, сложившиеся в доколониальный период у хаусанцев и канури в Центральном Судане (межгородские сетевые образования), а также институт мутупо у машона (Зимбабве) и «система абусуапон» у ашантийцев и других аканских народов Гвинейского побережья, которые способствовали появлению единых социально-коммуникативных пространств, ставших главной предпосылкой вторичных политогенетических процессов и одним из основных факторов вторичного государствогенеза в Тропической Африке.

«Общности по джаму» выступают в качестве эталона для кросс-потестарного сопоставления. Джаму – это патронимы, ставшие паспортными фамилиями, многие из которых (а всего их зафиксировано более двухсот) объединяют и в наши дни сотни тысяч людей в Западном Судане – от Сенегала и юга Мавритании до Буркина-Фасо и севера Ганы и от Мали до Гвинеи (Конакри) и Кот-д’Ивуара. Носители одинаковых джаму – «общности по джаму» – возводят себя к общему предку. Существует корреляция между джаму и статусом и/или профессией, передаваемой по наследству, а также этнической принадлежностью. Между многими джаму (например, Кейта, Тункара и Сисе, Траоре и Дембеле) предполагается родство. При этом одни общности считаются младшими, а другие – старшими кросскузенами, что отражает представление об их происхождении от сиблингов-первопредков. Ассоциация с родством находит выражение и во взаимном ритуальном поношении (так называемое шуточное родство, или подшучивание). Еще один вид отношений между джаму – эквивалентность. Если два (иногда три и больше) джаму тождественны (например, Кейта = Конате = Кулибали = Камара), то брачные предпочтения и «братские» связи у них одни и те же. Именно эквивалентность обеспечивает трансэтничность института джаму и приводит к смене имени при миграциях.

Впервые «общности по джаму» выявлены и описаны в конце XVIII в., однако специальные исследования этого феномена относятся к началу XX в. (М. Деляфосс, Ш. Монтей), в частности было установлено, что джаму маркируют этническую и кастовую принадлежность носителей, а «общности по джаму» выступают важным звеном брачно-семейных отношений. В середине XX в. появилась трактовка джаму как родовых (клановых) институтов (П. Дельмон,

Д. А. Ольдерогге), подвергнутая сомнению В. Р. Арсеньевым в конце XX в. В последнее десятилетие разрабатывается концепция об «общностях по джаму» как социально-сетевой структуре, внешне похожей на фиктивно-родственную организацию. На примере феномена «общностей по джаму» возможно проследить, как транстерриториальные структуры разворачиваются из территориальных, получая при этом языковую интерпретацию в терминах родства. Иначе говоря, группа людей, живших вместе, а затем рассеявшихся, продолжает именовать свою близость в терминах родства и после преодоления территориальных границ. Но это не просто потомки мигрантов из определенной местности, принадлежность которых к джаму и их аналогам передается по наследству, – действовали также и механизмы инкорпорации. В итоге появлялась сетевая организация, вполне адекватная современным представлениям о социальных сетях.

Объединенные номинальным родством «общности по джаму» имеют, скорее всего, гетерогенное происхождение, то есть разное для каждой общности. Отношения между ними также гетерогенны, и происхождение той или иной связи («эпигамии», «эквивалентности», «шуточного родства») каждый раз нужно устанавливать отдельно. Другими словами, «общности по джаму» не могут быть сведены к родовым, клановым или иным структурам, регламентирующим браки, рождения и преемство (некоторые из них более всего похожи на диаспоры или «землячества» – консолидированные группы выходцев из одной области). Однако общие принципы их возникновения и сложения системы можно попытаться выяснить. Сеть фиктивно-родственных отношений по джаму, абусуапон и мутупо обеспечивала если не политическое, то, по крайней мере, коммуникативное и символическое единство территории, крайне важное для торговых и военных мероприятий, что создавало предпосылки для политической интеграции социальных общностей, разнородных с точки зрения хозяйства, культуры, языка, происхождения и т. д.

Исторический процесс в доколониальной Тропической Африке развивался таким образом, что социально-коммуникативные сетевые структуры оказались мощным фактором вторичного политогенеза.

Западноафриканские «общности по джаму»

Джаму – это патронимы, ставшие паспортными фамилиями, многие из которых (а всего их зафиксировано более двухсот) объединяют и в наши дни сотни тысяч людей в Западном Судане (от Сенегала и юга Мавритании до Буркина-Фасо и севера Ганы и от Мали до Гвинеи (Конакри) и Кот-д’Ивуара, независимо от их этнической принадлежности (подробнее о джаму см.: Ольдерогге 1960; Арсеньев 1977, 1978; Perinbam 1997; Пирцио-Бироли 2001; Маслов 2005, 2010; Богачева и др. 2015). Джаму (*jatu*) – слово из языка бамана, на котором говорит бамбара – крупнейший народ Республики Мали; восходит к арабскому *jama'a* – собрание, сообщество. От обычных фамилий эти «клановые имена» отличаются тем, что носители одинаковых джаму считают себя родственниками и используют в разговоре друг с другом те же вокативы, что и для обращения к своим старшим и младшим сиблингам, то есть отождествляют друг друга с братьями и сестрами. Носители одинаковых джаму – «общности по джаму» – часто возводят себя

к общему предку, почитают те же тотемы (например, тотем Кейта – бегемот, Джара – лев, Самаке – слон). Устная традиция часто приписывает «общностям по Джаму» некую прародину, откуда с течением времени ее представители расселились по обширной территории. Признается существование локальных различий внутри джаму, причем особое значение приобретает ветвь, населяющая гипотетическую прародину (если таковая ветвь имеется). Скорее всего, «общности по джаму» – разнородные по происхождению группирования, иногда даже неэкзогамные, некоторые из которых более всего похожи на диаспоры или землячества – консолидированные группы выходцев из одной области.

Существует корреляция между джаму и статусом и/или профессией, передаваемой по наследству, то есть по джаму можно определить традиционную профессию (например, Думбия, Сиссоко и Багайого – кузнецы, Куйате и Фофана – гриоты [сказители]) или статус (например, Кейта, Тункара, Траоре – благородные [земледельцы-воины]). Хотя эта корреляция более заметна на уровне представлений (устной традиции), чем на уровне социальной реальности – «сбои» в идентификации профессии/статуса по джаму весьма распространены, даже без учета распада традиционных структур занятости в связи с урбанизацией и т. п.

Наблюдается также корреляция между джаму и этнической принадлежностью (Кулибали, Траоре, Джара, Дембеле, Конаре, Думбия – бамбара; Кейта, Курума, Конате, Марико – манинка [малинке]; Тункара, Макало, Калога, Набо – сонинке; Майга, Хайдара – сонгаи; Бамба, Бенкали – сенуфо; Тембели, Того, Гиндо, Нафо, Доло – догоны; Уэдраого, Согодого, Зербо, Драбо – моси; Саного, Мале – миньянка; Фофана, Магаса – кагоро; Даколо, Камате – бобо; Мента, Канипо, Карабента – бозо; Диалло, Дьяките, Ба, Сидибе, Сангара, Гиссе, Бари – фульбе; Тям, Талл, Салл, Си, Ла, Согоре – тукулёры; Ндиай, Фалл, Гей, Нгом – волофы; Ятара – туареги; Сиби – мавры; и т. д.), однако эта корреляция не касается многих крупнейших общностей, «трансэтнических» по своей внутренней структуре (Камара, Туре, Сисе, Сиссоко, Диавара, Конде, Конне, Самаке, Сарр, Бало, Фане и др.). Необходимо также отметить и социорелигиозный аспект восприятия системы джаму: некоторым «общностям по джаму» (например, Туре, Сисе) приписывается роль «истинных, правоверных и/или первых мусульман».

Между некоторыми джаму (например, между Кейта, Тункара и Сисе, Траоре и Дембеле) предполагается родство, но более дальнее, чем внутри каждой из общностей. При этом одни общности считаются «младшими», а другие – «старшими» кросскузенами, что выражается в представлениях об их происхождении от братьев-первопредков. Ассоциация с родством находит выражение в отношениях синанкуйа, или *joking relationship* (не совсем удачный русский перевод – «шуточное родство»), – взаимном ритуальном доброжелательном поношении или «подшучивании». Кроме джаму, в отношениях синанкуйа состоят самые различные группы людей, часто не имеющие никакого отношения к родству, даже фиктивному (например, каста кузнецов и этнос фульбе), или такие характерные для региона пары, как догоны – бозо, манинка – сонинке, фульбе – бамбара, дан – гуро, лома – манинка, серер – тукулёры и др., где элементы бинарной оппозиции представляют собой крупные этнокультурные общности. Иными словами, отношения «ритуального поношения» шире не только кросскузенных

связей, но и родства в целом. Характерно также, что у хаусанцев «ритуальное поношение» объединяло (также) либо кузенов, либо жителей некоторых географических областей (или «городов») (Ольдерогге 1960: 115–136).

Еще один вид отношений между джаму – эквивалентность, или «тождество». Если два (иногда три или даже четыре) джаму эквивалентны (например, Дамба = Сиссоко; Туре = Самаке; Кейта = Конате = Кулибали = Камара), то брачные предпочтения, а также «братские» связи у них одни и те же. Иногда братские связи между джаму и их эквивалентность перетекают друг в друга и смешиваются (ср. использование Конате в качестве почетного и/или альтернативного наименования Кейта и наоборот), однако эти формы отношений не следует путать. Именно связи по эквивалентности обеспечивают трансэтничность (транснациональность) института джаму. Эквивалентность означает возможную смену имени при перемещении в пространстве. Так, Конне оказывается Джара, если поселяется среди последних (в Сегу, например) (Маслов 2002). Аналогичные явления отмечены и в аканском регионе, где субъектами эквивалентных отношений выступают надродовые институты абусуапон (Попов 1990, 1994).

Существуют также представления о брачных предпочтениях (предписанных или желательных – в прошлом, вероятно, обязательных – браках) для различных джаму, то есть сами носители воспринимают джаму в том числе и как маркер эпигамных (взаимобрачующихся) общностей. Следует отметить, что наличие взаимных брачных предпочтений между двумя (тремя, четырьмя) джаму часто отождествляется с отношениями «шуточного родства». Разумеется, выбор конкретных брачных партнеров традиционно определяется локальными эпигамными связями, но их джаму имеет существенное значение.

Кроме того, важно, что устойчивые брачные отношения закрепляли политические альянсы. Это явление – политически мотивированные, передающиеся из поколения в поколение брачные предпочтения – предложено называть потестарной эпигамией (Маслов 2001: 121–123; 2016).

«Общности по джаму» были выявлены еще в конце XVIII в., однако конкретные описания этого феномена относятся к концу XIX – началу XX в., когда при составлении актов гражданского состояния во Французском Западном Судане (ныне Республика Мали) джаму как групповые имена были нормативно приравнены к европейским фамилиям. К этому времени уже, в частности, была обнаружена связь джаму с этнической и социальной идентификацией их носителей, а принадлежность индивида к конкретной «общности по джаму» в значительной степени определяла его брачно-семейное поведение (Tautin 1885; Monteil 1924).

Первое специальное исследование феномена джаму в начале XX в. осуществил французский африканист Морис Деляфос (Delafosse 1912). Он же первым определил, что «общности по джаму» – важнейшие общественно-политические группирования населения региона (*Ibid.*: 93). В то же время именно к Деляфосу восходит, видимо, и основное заблуждение историков и этнографов, изучавших Западный Судан, – трактовка джаму как института исключительно родственного.

М. Деляфос, а вслед за ним А. Лябуре (Labouret 1929), Д. Польм (Paulme 1939), А. Обер (Aubert 1939), Р. Пажар (Pageard 1958) фактически отождествили джаму с *famille globale*, противопоставив ее *famille reduite* – большесемейной общине. С тех пор атрибуция этого явления, как правило, не выходила за рамки категорий родства. Чаще всего джаму назывались кланами, иногда – экзогамными группами. Передающиеся по наследству имена, ставшие в колониальное время паспортными фамилиями, легенды об общих предках, обращение «брат/сестра» (точнее, «старший/младший сиблинг»: kògò/dògò у бамбара) и тому подобные внешние признаки вводили исследователей в заблуждение, и они зачастую принимали форму за содержание. Вместе с тем на конкретном материале (и не только западносуданском) было подтверждено что «джаму» маркирует этническую и статусную (профессиональную/кастовую) принадлежность носителей, а общность, ею обозначаемая, выступает важным звеном в брачно-семейных отношениях (особенно в брачных предпочтениях) и отношениях «шуточного родства» (Delmond 1945: 54–79). Традиционная потестарность и создание политических союзов также во многом определяются конфигурацией взаимодействий (прежде всего эквивалентностями) в социально-культурном пространстве реализации этой системы «общностей по джаму».

В 1972 г. к теме джаму обратилась отечественная исследовательница С. И. Томчина (1972: 44–45). Называя джаму «родовыми именами», она утверждала, что основная их функция заключалась в регулировании брачных отношений. В 1974 г. своеобразный итог «родственной» интерпретации феномена джаму (не называя самого слова) в зарубежной этнографии подвел Л. Е. Куббель: «Словом clan в зарубежной африканистике обозначается обычно форма общественной организации, характерная для мандеязычных народов северной группы. Точного определения объема этого понятия в применении к Западной Африке, как правило, не дается; однако этнографические данные свидетельствуют, что мандингский клан по принципу своего формирования аналогичен одноименной единице у ирландцев или шотландцев. Иначе говоря, это группа людей, возводящая себя по отцовской линии к единому предку, в которую инкорпорируются также и не связанные с нею родством зависимые люди различных категорий. Главное отличие мандингского клана от кельтского заключается в основном в гораздо большей численности первого: число людей, носящих такие клановые имена, как, скажем, Кейта или Траоре, достигает многих десятков тысяч» (Куббель 1974: 88, прим. 9). Как раз в этом отличии, которое заметил, но не придал большого значения Л. Е. Куббель, и кроется, судя по всему, одно из свидетельств того, что джаму не является кланом – ни кельтским, ни каким бы то ни было еще.

Приоритет более детальной разработки феномена джаму в отечественной науке принадлежит В. Р. Арсеньеву (1977). Он же был, по-видимому, первым из российских африканистов, кто увидел в джаму «системообразующее социальное группирование» народов Западного Судана (прежде всего мандеязычных): «Это своеобразный “скелет”, “код” всей социальной системы... Понять принципы функционирования “джаму” – значит понять социальные основы жизни бамбара и их обширного окружения» (Он же 2011: 224). В. Р. Арсеньев, сосредоточив-

шись на принципах функционирования системы джаму и ее связях с другими социальными (экономическими, политическими и др.) институтами, в то же время не рассматривал подробно механизм сложения самой системы, то есть эволюционный аспект явления.

В. Р. Арсеньев вскользь упоминает, что «общности по джаму» – следы разложения имевших некогда место родственных общностей (Он же 1977), или что «об общностях по “джаму” можно говорить как о формах развития родовой организации в конкретных условиях Западного Судана» (Он же 1993: 223). Однако при ближайшем рассмотрении такой подход оказывается неточным. Более того, он подверг сомнению трактовку «общностей по джаму» как родовых (клановых) институтов, а в его книге (Он же 2000: 57) находим утверждение: «...“джаму” выступают главным доступным наблюдению системообразующим объединением для общественных процессов в традиционной жизни» (ср. приведенную выше концепцию М. Деляфоса).

Однако и до, и после этой формулировки исследователь продолжает писать о джаму как о социально-родственном (ср. его определения джаму в названиях статей: «родовые структуры», «общности по “клановому имени”» (Он же 1977, 1991) и даже «популяционном» институте, идя, возможно, на поводу у устной традиции бамбара и предшественников-этнографов. Вот, например, одна из характеристик-определений джаму по В. Р. Арсеньеву: «Общность по джаму – это и объективно, и субъективно осознанное единство. Это генеалогическая группа в том смысле, что она основана на представлении и убеждении в “родстве” всех ее членов. Это группа с общим символом, знаком, маркировкой для всех ее членов и на все времена в пределах данной социальной и культурной нормы. Этим знаком выступает само имя (т. е. конкретное “джаму”), ставшее ныне еще и паспортной фамилией в государствах Западного Судана... Общность по “джаму” выступает подразделением эпигамной общности как “локальной”, так и “большой”... “джаму” – это социальные формы организации популяционного множества» (Он же 2000: 56–57) (подробнее о вкладе В. Р. Арсеньева в изучение феномена джаму см.: Попов 2013a).

В дальнейшем происхождение «фамилий», «патронимий» или «кланов», как атрибутировали джаму, продолжало интерпретироваться в контексте родства как отечественными, так и зарубежными этнографами. Даже Мэри Перинбэм, американский историк и этнограф с богатым полевым опытом, в своем основательном исследовании не смогла избежать экстраполяции современного мифа в реальность прошлого: «общности по джаму» она однозначно именуется линиджами, даже когда речь идет о расселении из Уагаду (Древняя Гана) таких почти что «народов», как Сисе, Туре и Сил(л)а (ср.: Perinbam 1997: 59). Определившись с «точным» термином, далее М. Перинбэм уже без вариантов называет джаму просто *families*, не принимая во внимание, что даже ал-Бекри и ал-Идриси рассказывали, например, о городе Силла, то воевавшем с Уагаду, то платившем дань последнему.

Включение джаму в «контекст родства» произошло, видимо, из-за ритуального поношения (*sinankuya*), которое (в силу многозначности английского слова *relationship* в работе А. Р. Рэдклифф-Брауна [Radcliffe-Brown 1940]) прочно ас-

социруется с русским словом *родство*. Вообще говоря, если бы перевод на русский язык был более удачным («шуточная связь», например, или «подшучивание», как предложил Л. Е. Куббель [1986: 146–147]) – и путаницы бы не возникло (подробнее см.: Артемова 2006). Возможно, впрочем, первыми «ошиблись» французы, назвав указанное явление *parenté(s) à plaisanterie*. Возможно, именно отсюда появилась русская калька (Ольдерогге 1960: 130) – французское *parenté* имеет более узкое значение, чем английское *relationship*. Заметим также, что в английском языке и англоязычной антропологической литературе социальное родство называется не *relationship*, а *kinship*, и именно последний термин является более точным эквивалентом русского *родство* и французского *parenté*.

Таким образом, джаму рассматривается как институт социального родства по следующим причинам: 1) традиция приписывает каждой «общности по джаму» общего предка и одинаковые табуации; 2) носители одного джаму называют друг друга терминами родства; 3) браки между представителями одной и той же «общности по джаму» редки и/или нежелательны; 4) между конкретными «общностями по джаму» существуют отношения шуточного родства, или подшучивания (*joking relationship*).

Однако «общности по джаму» ни функционально, ни генетически не могут быть сведены к родовым (клановым) или иным другим структурам, регламентирующим браки, рождения и преемство. Словом «джаму» называют самые разные по происхождению и внешним признакам социальные группирования, часто неэкзогамные, некоторые из них более всего похожи на диаспоры или «землячества» – консолидированные группы выходцев из одного региона. Объединенные номинальным родством, «общности по джаму» имеют, скорее всего, гетерогенное происхождение, то есть разное для каждой общности, также и отношения между ними гетерогенны, и происхождение той или иной связи («эпигамии», «эквивалентности», «шуточного родства») каждый раз нужно устанавливать отдельно.

В то же время самые общие механизмы их возникновения и становления системы джаму можно попытаться указать. Так, ряд джаму возникли как наименования раннеполитических образований (к ним вполне достоверно можно отнести Джавара, Джара и Сила и, возможно, Камара и Самаке). Можно также предположить, что некоторые джаму происходят от локальных соционимов (обозначений социальных групп, кастоподобных институтов) нетопонимического характера, в частности, воины-земледельцы Кейта, Тункара и Траоре, джаму гриотов (Фофана и Куйате) и кузнецов (Сиссоко и Багайого).

Установление иерархии и соответствий джаму было тесно связано также с борьбой за власть и влияние различных группирований. Анализ устной традиции мандеязычных народов заставляет предположить, что возникновение целого ряда имен и сюжетов связано со стремлением оправдать претензии на власть правящих династий в раннеполитических образованиях Западного Судана в XVII–XIX вв. Вероятно, например, что легендарный эпический герой Сундьята из Кангаба, создатель империи Мали, получил джаму Кейта гораздо позднее своей смерти, в результате составления фиктивной генеалогии и закрепления ее в устной традиции. Кейта, претендовавшие на власть в области Кангаба, припи-

сали это имя Сундьяте, тем самым превратив последнего в своего предка. Впоследствии бамбара Сегу подчинили себе эту область и, возможно, использовали рожденную там устную традицию для оправдания теперь уже своих претензий на власть. Так появились легенды о родстве Кейта и Кулибали (подробнее см.: Niane 1960; Monteil 1977; Маслов 2000: 92–93).

Позднее на стыке зон леса и саванн возникло раннеполитическое образование Конг, правящей династией в котором оказались Уатара. Они также (как и Кулибали) стремились установить родство с Кейта, то есть причислить себя к родственникам Сундьяты. Возможно, тогда же и по тем же причинам возникла легенда о происхождении из области Конг предков самого Сундьяты, первых Кейта. В цикле легенд о Сундьяте можно найти также свидетельства установления связи с этим эпическим предком еще одного джаму – Джара, и это может быть результатом прихода Джара к власти в Сегу на смену Кулибали. Показательно, что в эпосе фигурирует не само джаму Джара, а его эквивалент Конде. Джара могли повысить свой статус установлением особых отношений с Конде, имя которых уже (к тому моменту) присутствовало в социально значимом эпосе о Сундьяте (подробнее см.: Niane 1960, 1989; Monteil 1977; Маслов 2000: 92–93). Следует заметить, что многие эпические источники (и устная традиция в целом), содержащие указания на джаму и относящие их происхождение к эпохе Древнего Мали (XIII в.) или ранее, требуют критического отношения. Весьма вероятно, что система джаму сложилась в XVI–XVII вв., а затем была экстраполирована в прошлое при помощи фиктивных генеалогий (подробнее см.: Маслов 2000, 2002, 2010).

Приведенный пример наглядно показывает, насколько интерпретация феномена «общностей по джаму» значима для понимания механизмов этносоциальной и политической интеграции в Западной Африке в историческом аспекте, а также для правильной оценки современных общественных отношений в этом регионе. Так, в комментариях по поводу вооруженных столкновений в Либерии, Сьерра-Леоне и других странах Западной Африки, имевших место в 1990-е гг., как правило, используются расхожие штампы о «борьбе за власть», «контроле над алмазами», «недовольной армии», «страдающих беженцах», «иностранном вмешательстве». Между тем за многими внешне хаотичными и однообразными событиями новейшей военно-политической истории большинства государств Западной Африки стоят строгие законы социально-этнического и социально-родственного баланса, то есть многие современные формы социально-политической организации довольно часто являются традиционными формами заключения альянсов или возникновения конфликтов, а не их причинами. Поэтому изучение данных форм и прежде всего брачных предпочтений необходимо для правильного понимания происходящих процессов, поскольку в традиционных культурах брак воспринимается не столько как союз двух конкретных людей для рождения и воспитания потомства, сколько как отношение между социальными сообществами в целях долгосрочного воспроизводства хозяйственных, социальных и политических структур.

В этой связи можно вспомнить, что дочь Феликса Уфуэ-Буаньи – президента Кот-д’Ивуара в 1960–1993 гг. – была супругой президента Либерии У. Толберта.

И, в соответствии с местными традициями, Ф. Уфуэ-Буаньи должен был отомстить либерийскому мятежнику С. Доу за смерть своего зятя. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в той поддержке, которую Ф. Уфуэ-Буаньи оказал в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Чарльзу Тэйлору, свергнувшему С. Доу и ставшему впоследствии президентом Либерии.

Так же, «по-родственному», вмешивалось в ход либерийской войны и гвинейское правительство. В июне 2003 г. в Монровию вошли отряды «объединенной демократической оппозиции» под командованием Секу Конне, жена которого приходится племянницей президенту соседней Гвинеи Лансана Конте. В этой связи обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, С. Конне и Л. Конте принадлежат к разным этносам (манинка и сусу соответственно), а во-вторых, родство двух политиков трудно проверить, но косвенные данные говорят о том, что оно фиктивное и изобретено в политических целях.

Анализ среднего звена командного состава различных повстанческих армий в Сьерра-Леоне, Либерии, Гвинее и Кот-д'Ивуаре указывает на сохранение (или даже реактуализацию) традиционных связей по джаму. Также можно упомянуть альянсы Джона Поля Корума и Фоде Санко в Сьерра-Леоне (середина 1990-х гг.) или Кигбафори Сороо и Ибрагима Кулибали в Кот-д'Ивуаре (2002 г.), фамилии которых представляют собой тождественные джаму. Те же тенденции проявились при формировании правительств Мали и Гвинеи в 2002 г. Так, в Мали к власти пришла группировка эквивалентных джаму Траоре – Джара – Конне – Ндиай, а «некогда весьма влиятельная группировка Кейта – Конате – Кулибали – Камара представлена министром инфраструктуры и территориального развития, а также двумя женщинами-министрами, которые, однако, находятся замужем за мужчинами Траоре и Ндиай. Примечательно, что традиционно Кейта – Конате – Кулибали – Камара считаются соперниками Траоре – Джара – Конне – Ндиай, притом, что “обмен невестами” между этими группами считается предпочтительным» (Арсеньев, Маслов 2002: 27). Так что прав был Д. Пирцио-Бироли, когда отмечал, что «поддержка в спорах и отказ свидетельствовать против своих в суде, единение в политических соперничествах» были основными функциями мандингских кланов, то есть джаму (Пирцио-Бироли 2001: 56).

Приведенные факты свидетельствуют, что традиционные структуры реального и номинального родства играли структурообразующую роль как в доколониальную эпоху, так и после обретения независимости. Много схожего можно обнаружить в особенностях формирования различных политических институтов (в том числе политических партий и партизанских отрядов) в постколониальных государствах Западной Африки и, например, в истории «империи» Уасулу, существовавшей в последней четверти XIX в. Ее создателя Самори Туре современники называли Бонапартом Судана и даже африканским Чингисханом. Европейцы никак не могли понять природу нестабильности или, скорее, текучести границ территории Уасулу, объясняя этот феномен ходом борьбы с французскими колонизаторами и вынужденным отступлением африканцев во внутренние районы континента, при этом они полагали, что империя Самори все время перемещалась вместе с населением. Если посмотреть на европейские политиче-

ские карты Африки, то, действительно, в конце 1870-х гг. империя Самори располагалась в восточных районах современной Гвинеи, а в конце 1890-х гг. – на северо-востоке современного Кот-д’Ивуара (Niane, Suret-Canale 1961: 86–91). На самом деле никуда Уасулу не перемещалась, тем более с многочисленным населением. Просто Самори регулярно переносил свою ставку («столицу») в более восточные регионы в пределах социально-потестарной системы, существовавшей на основе «общностей по джаму» и признававшей его верховным вождем. Следует отметить, что архаические политические организмы, как правило, не акцентировали свое господство над территорией, для них главное заключалось в людях, подданных. Правители скорее распоряжались людьми, а не территорией (ср.: вождь свази, а не Свазиленда). Поэтому и государственных границ в современном понимании не существовало. Другими словами, никакой империи и государства Самори не создал, а его Уасулу представляла собой либо вариант паполитейного организма, либо специфическую сетевую организацию.

Мутупо – машонский аналог джаму

Машона (шона) – самая многочисленная этническая общность Республики Зимбабве (82 % всего населения страны). Существует пять основных «племен» машона: каранга (каланга), зезуру, маньика, корекоре и ндау. При этом два первых выделяются по численности: каранга составляют более 40% машона, а зезуру – около 30% [Kuper et al. 1954; Beach 1980; Unendoro 2005]. В населении всего Зимбабве доля крупнейших «племен» машона соответственно составляет 35 % (шона-каранга) и 25 % (шона-зезуру) [Kuper et al. 1954; Beach 1980; Unendoro 2005].

Каранга (*mocaranga*) и маньика (*manyika*) упоминаются в португальских источниках XVI в. [Bullock 1928; Beach 1980]. Возможно, когда-то это были названия правящих родовых групп (Каранга и Ньика), а затем португальцы так стали называть население, которое этим родовым группам подчинялось. Слова «зезуру» и «корекоре» имеют явное топонимическое происхождение. С одного из диалектов языка чишона «зезуру» переводится как «люди горных районов», «корекоре» означает «обитатели северных районов». В период сложения колониальной системы соционимы «зезуру», «корекоре», «каранга» и «(ма)ньика» стали использоваться более широко. С одной стороны, это упрощало процесс управления, с другой – способствовало складыванию этнической идентичности, развитию самосознания и формированию субэтносов шона. Пятое «племя» машона – ндау – проживает в пограничных с Мозамбиком районах, и о его происхождении почти ничего не известно [Bullock 1928; Kuper et al. 1954; Gelfand 1965; Beach 1980]. Что касается традиционного обозначения перечисленных общностей племенами (*tribes*), то оно достаточно условно; по своему происхождению они являются, видимо, локальными общностями (этнографическими группами).

Традиционная система управления машона не представляла собой централизованной структуры. Минимальное ядро общности состояло из нескольких больших семей (большесемейных общин). Территория проживания этих общин обозначалась по имени ее главы; название также часто возводится к реальным

или легендарным предкам. Такие семьи объединяли представителей нескольких «чидаво» – базовой единицы традиционной социальной организации машона (зафиксировано около 60 чидаво). Люди одного чидаво считаются потомками общего предка, и им традиционно запрещается брать жену из того же чидаво [Kuper et al. 1954; Gelfand 1965].

Как правило, каждое чидаво (они имеют свои названия) целиком относится к конкретному «племени»: каранга, зезуру и др. Но при этом чидаво из разных племен объединяются между собой в мутупо – обширные «кланы», как их называют в научной литературе, или, если говорить более точно, сетевые номинально-родственные группирования, аналогичные джаму. (Нельзя не заметить, что мутупо не соответствует обычному пониманию термина «клан», предполагающего соблюдение строгой экзогамии; браки внутри клана-мутупо не только не запрещены, но и поощряются.)

Возможно, система мутупо сложилась в процессе объединения пяти «племен» в единый народ машона. Чидаво из различных племен (субэтнотосов) устанавливали друг с другом транстерриториальные связи. Эти связи закреплялись браками между представителями разных чидаво в рамках одного мутупо («клана»). Каждому мутупо соответствует определенный тотем – животное или предмет-покровитель.

Таким образом, каждое чидаво является частью какого-либо племени и одновременно частью «клана» (мутупо). Поэтому племена и мутупо образуют систему координат социальной системы машона: на пересечении осей системы находятся отдельные чидаво. Каждое мутупо состоит из 2–5 чидаво, племя может включать до 20 чидаво. Соответственно, традиционный каркас идентичности отдельно взятого представителя шона зависит от пересечения двух измерений: фиктивного родственного, или «кланового» (мутупо), и «племенного» (то есть от принадлежности к той или иной из пяти локальных групп, или субэтнотосов шона). И то и другое можно (как правило) определить по чидаво [Bullock 1928; Kuper et al. 1954; Gelfand 1965]. Но, к сожалению, для исследователей, чидаво в отличие от джаму редко выступают в качестве паспортных фамилий, поэтому установить принадлежность человека к тому или иному чидаво не так просто. Для этого требуется проведение специальных полевых исследований. Такой же непрозрачной остается и вся система чидаво, мутупо и субэтнотосов («племен»).

Машона обречены на политическое доминирование в Зимбабве. Основная политическая борьба происходит между шона-каранга и шона-зезуру, а побеждают те, на чью сторону встают ндебеле (поддерживающие, как правило, оппозицию). Известно, например, что бывший президент Зимбабве Роберт Мугабе принадлежал к чидаво Гушонго (Гушунго). Это чидаво входит в мутупо Нгонья, а также относится к субэтнотосу зезуру (то есть исторически это «горцы»). Как зезуру, Мугабе противостоял шона-каранга. Однако некоторые каранга, а именно члены чидаво Мкумбири, относятся к тому же мутупо Нгонья и поэтому они были традиционными союзниками Р. Мугабе (см. подробнее: Маслов, Лобова 2005).

«Общности по джаму» и мутупо и их аналоги как социально-коммуникативные сети

В исторической социологии общинные (территориальные) связи принято противопоставлять родственным (экстерриториальным). Однако на примере феномена «общностей по джаму» видно, как экс- и транстерриториальные структуры разворачиваются из территориальных, получая при этом языковую интерпретацию в терминах родства. Иначе говоря, группа людей, живших вместе, а затем рассевшихся, продолжает именовать свою близость в терминах родства и после преодоления территориальных границ. Но это не просто потомки мигрантов из определенной местности, принадлежность которых к джаму и их аналогам передается по наследству, – действовали также и механизмы инкорпорации. В итоге появлялась сетевая организация, вполне адекватная современным представлениям о социальных сетях, на что впервые обратил внимание А. А. Маслов (2003).

Сеть фиктивно-родственных отношений по джаму и мутупо обеспечивала если не политическое, то, по крайней мере, коммуникативное и символическое единство территории, крайне важное для торговых и военных мероприятий. Здесь уместно привести одно свидетельство арабского хрониста, касающееся Сонгайской державы XVII в., но весьма показательное для понимания особенностей общественной организации региона в целом: «...когда государю понадобится присутствие какого-либо человека, находящегося близ озера Дебо в своем селении, то посланный выходит к воротам в стене и зовет того, чьего присутствия желает государь. Люди передают призыв от селения к селению, и он достигает того человека в течение часа» (цит. по: Куббель 1974: 89). То есть *единство коммуникации скорее, чем единство управления, спланивало социальное пространство доколониальной Африки*. По сути, система «общностей по джаму» – это механизм расширенного воспроизводства социальности на территории Западного Судана, сформировавшийся в процессе трансформации локальных общностей в сетевые структуры.

Как известно, африканские раннеполитические организмы в значительной степени были ориентированы на экстравертный обмен, то есть на внешние рынки. Другими словами, их основная функция заключалась в регулировании не столько системы производства, сколько системы распределения материальных ценностей. Поэтому основной механизм возникновения политических образований Тропической Африки заключался в монополизации руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, то есть права на редиистрибуцию [Роров 1988; Попов 1990, 1995: 199–202], осуществление которого было невозможно без эффективности коммуникаций (во всех смыслах) и легитимности власти, причем последнее, пожалуй, является следствием первого. Легитимность при наличии эффективной социальной сети успешно транслировалась на места и обеспечивала систему делегирования – основу любого процесса управления, а, следовательно, и политической централизации (Попов 2013б). Именно легитимность потестарной системы и коммуникация, судя по всему, были основными функциями сетевых систем типа джаму, мутупо и абусапон вплоть до XXI в. (см. также: Попов 2006; Маслов 2010). Следует отметить, что к аналогич-

ным, по сути, выводам (но на материалах других регионов и эпох) пришел и Х. Й. М. Классен, который пишет об инфраструктуре, эффективной региональной организации и легитимности (Классен 2002: 217) (см. также: Claessen 2002: 101–171).

Таким образом, историческая функция системы джаму, институтов мутупо и им подобных состоит в формировании единого социально-коммуникативного пространства, пригодного для политической интеграции социальных общностей, разнородных с точки зрения хозяйства, культуры, языка, происхождения и т. д.

Одним из основных механизмов политической интеграции в доколониальном Западном Судане был институт потестарной эпигамии. Фактически брак являлся символическим актом передачи ранга и прав, а также следствием распределения функций управления между несколькими группами. Представляется, что понятие «потестарная эпигамия» обладает эвристической ценностью и за пределами Тропической Африки, то есть может быть использовано при анализе моделей политогенеза в различных частях света и в различные исторические эпохи.

Сетевые структуры, сложившиеся в доколониальной Тропической Африке (прежде всего «общности по джаму» у народов Западного Судана и мутупо у машона, а также межгородские сетевые образования у хаусанцев и канури в Центральном Судане и «система абусуапон» у ашантийцев и других аканских народов Гвинейского побережья), способствовали появлению единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями и ставших главной предпосылкой политической интеграции. Иными словами, исторический процесс в доколониальной Тропической Африке развивался таким образом, что социально-коммуникативные сетевые структуры оказались мощным фактором вторичного политогенеза.

Основным структурообразующим принципом организации сетевых сообществ является родство (реальное или фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, причем номенклатуры родства отражают не только собственно родственные, но и экс- и транс-территориальные взаимоотношения. Поэтому не только средневековая, но и колониальная и постколониальная политическая история этносоциальных организмов Тропической Африки, как и любых других архаических и традиционных обществ, в значительной степени написана на «языке родства», то есть родство оказывается универсальным языком социального конструирования.

Библиография

- Арсеньев В. Р. 1977.** Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера. *Этническая история Африки* / Ред. Д. А. Ольдерогге, с. 138–152. М.: Наука.
- Арсеньев В. Р. 1978.** Некоторые особенности традиционной социальной организации бамбара в свете современных материалов. *Проблемы этнографии и этнической антропологии* / Ред. А. А. Воронов, с. 137–147. М.: Наука.

- Арсеньев В. Р. 1991.** Родовые структуры и становление государственности в принигерской саванне. *Племя и государство в Африке* / Ред. Ю. М. Ильин, В. А. Попов, с. 120–131. М.: Ин-т Африки РАН.
- Арсеньев В. Р. 1993.** Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития. *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля* / Ред. В. А. Попов, с. 220–238. М.: Вост. лит-ра.
- Арсеньев В. Р. 2000.** *Бамбара: от образа жизни к образам мира и произведениям искусства. Опыт этнографического музееведения.* СПб.: МАЭ РАН.
- Арсеньев В. Р. 2011.** *Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западносуданского этноса в коллекциях МАЭ РАН.* СПб.: МАЭ РАН.
- Арсеньев В. Р., Маслов А. А. 2002.** Новое правительство Мали: возрождение традиционных связей? *Африка: общества, культуры, языки (Чтения памяти Д. А. Ольдерогге)* / Ред. А. А. Жуков. Т. 4, с. 26–29. СПб.: Восточный ф-т СПбГУ.
- Артемова Ю. А. 2006.** Joking Relations: «Шуточное» или «нешуточное» родство? *Алгебра родства* 11: 146–167.
- Богачева Е. А., Горшенев А. А., Маслов А. А. 2015.** Имена джаму, распространенные среди народов Западного Судана, их значение и отношения между ними. *Вестник СПбГУ.* Сер. 13, 4: 50–66.
- Классен Х. Й. М. 2002.** Сфера действия центра. Проблема управления и коммуникаций в ранних государствах. *Ethnologica Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге* / Ред. Н. Б. Кочакова, с. 207–221. М.: Муравей.
- Куббель Л. Е. 1974.** *Сонгайская Держава. Опыт исследования социально-политического строя.* М.: ГРВЛ.
- Куббель Л. Е. 1986.** Подшучивание. *Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 146–147. М.: Наука.
- Маслов А. А. 2000.** Фиктивные генеалогии и претензии на власть в Западном Судане. *Тезисы докладов XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки*, с. 92–93. СПб.: СПбГУ.
- Маслов А. А. 2001.** Потестарная эпигамия. *Манифестация* 2: 121–123.
- Маслов А. А. 2002.** Политогенетические функции фиктивно-родственных отношений в Западном Судане. *Африка: общества, культуры, языки (Чтения памяти Д. А. Ольдерогге)* / Ред. А. А. Жуков, т. 4, с. 18–25. СПб.: Восточный ф-т СПбГУ.
- Маслов А. А. 2003.** Общности по джаму и «шуточное родство» у народов манден Западного Судана. *Манифестация* 5: 173–179.
- Маслов А. А. 2005.** Джамму. *Российско-африканский деловой журнал «Аф-Ро»* 3(10): 24–29.
- Маслов А. А. 2010.** *Системы родства народов манде.* СПб.: МАЭ РАН.
- Маслов А. А. 2016.** Феномен потестарной эпигамии. *Ранние формы потестарной организации* / Ред. В. А. Попов, с. 28–40. СПб.: СПбНЦ РАН, АНО «КИО».
- Маслов А., Лобова М. 2005.** Кто кому свой: практическая этнография Зимбабве. *Российско-африканский деловой журнал «Аф-Ро»* 1(8): 17–21.

- Ольдерогге Д. А. 1960.** *Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры.* М.; Л.: Наука.
- Пирцио-Бироли Д. 2001.** *Культурная антропология Тропической Африки.* М.: Восточная литература.
- Попов В. А. 1990.** *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов.* М.: ГРВЛ.
- Попов В. А. 1994.** Аканский потестарно-культурный регион в политической системе Республики Гана. *Африка: культура и общество. Традиции и современность*, с. 214–220. М.: Институт Африки РАН.
- Попов В. А. 1995.** Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности. *Ранние формы политической организации* / Ред. В. А. Попов, с. 188–204. М.: Восточная литература.
- Попов В. А. 2005.** Родство как принцип организации неотрадиционных социальных институтов. *VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*, с. 132. СПб.: МАЭ РАН.
- Попов В. А. 2006.** Сетевые структуры как фактор политогенетических процессов в доколониальной и постколониальной Тропической Африке. *Иерархия и власть в истории цивилизации*, с. 7–8. М.: Институт Африки РАН.
- Попов В. А. 2010.** Родство, гендер и возраст как принципы организации социально-коммуникативных сетей (к проблеме факторов политогенетических процессов в доколониальной Африке). *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.*, с. 176–182. СПб.: МАЭ РАН.
- Попов В. А. 2013а.** В. Р. Арсеньев как исследователь феномена джаму. *Manifesta memoria: сб. статей памяти В. Р. Арсеньева* / Ред. В. А. Попов, с. 210–213. СПб.: МАЭ РАН.
- Попов В. А. 2013б.** К феноменологии «общностей по джаму», или о факторах политической интеграции в доколониальной Западной Африке. *Ранние формы потестарных систем* / Ред. В. А. Попов, с. 87–97. СПб.: МАЭ РАН.
- Томчина С. И. 1972.** Бамана. Терминология родства ду. *Africana. Африканский этнографический сборник IX*: 23–50.
- Aubert A. 1939.** *Coutume bambara.* Paris.
- Beach D. N. 1980.** *The Shona of Zimbabwe, 900–1850. An Outline of Shona History.* London etc.
- Bullock Ch. 1928.** *The Mashona.* Cape Town; Johannesburg.
- Claessen H. J. M. 2002.** Was the State Inevitable? *Social Evolution and History* 1(1): 111–117.
- Delafosse M. 1912.** *Haut-Senegal-Niger (Soudan Français).* Paris.
- Delmond P. 1945.** Quelques observations sur l'etat-civil indigene au Soudan occidental. *Bulletin de l'IFAN* VII(1–4): 54–79.
- Gelfand V. 1965.** *African Background. The Traditional Culture of the Shona-Speaking People.* Cape Town etc.
- Kuper H., Hughes A. S. B., Velsen J. van. 1954.** *The Shona and Ndebele of Southern Rhodesia / Ethnographic Survey of Africa, Southern Africa.* Pt. 4. London.

- Labouret H. 1929.** La parenté à plaisanterie en Afrique occidentale française. *Africa* II: 244–253.
- Monteil Ch. 1977.** *Les Bambara du Segou et du Kaarta*. Paris.
- Niane D. T. 1960.** *Soundiata. L'épopée manding*. Paris.
- Niane D. T., Suret-Canale J. 1961.** *Histoire de l'Afrique Occidentale*. Conackry.
- Pageard R. 1958.** Notes sur les rapports de “Senankouya” au Soudan français, particulièrement dans les cercles de Segou et de Macina. *Bulletin de l'IFAN* XX, ser. B (1–2).
- Paulme D. 1939.** Parenté à plaisanterie et alliance par le sang en Afrique occidental. *Africa* XII.
- Perinbam B. M. 1997.** *Family Identity and the State in the Bamako Kafu, 1800–900*. Baltimore: University of Maryland.
- Popov V. A. 1988.** *Secondary Forms of Political Organization in the Ethnosocial History of Sub-Saharan Africa*. Moscow: Nauka.
- Radcliffe-Brown A. R. 1940.** On Joking Relations. *Africa* 13(3): 195–210.
- Tautin D. 1885.** Notes sur les castes chez les Mandingues et en particulier chez les Banmanas. *Revue d'Ethnographie* III.
- Unendoro B. 2005.** Tribal Rivalry May Split ZANU PF. *Institute for War & Peace Reporting (Africa Reports: Zimbabwe Elections 18)*. Harare.

Глава 12. Становление вторичной государственности на Дальнем Востоке в Средние века

Крадин Н. Н.

В настоящей главе рассматривается специфика политогенеза на территории Российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Манчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Эти территории, как и Корея, и Япония не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности. Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым «вторичным» ранним государствам, то есть образовавшимся по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая). В середине 1-го тыс. н. э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Манчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Известно семь крупных мохэских объединений (судя по всему, вожеств).

В начале VII в. часть мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это стимулировало процессы внутренней консолидации и привело к созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названное в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом». В 698 г. было провозглашено государство Бохай. В целом, бохайское королевство являлось классическим «ранним государством», для которых характерно отсутствие частной собственности на средства производства и сложившегося бюрократического аппарата. По мере увеличения сложности раннее бохайское государство должно было трансформироваться в «зрелые» традиционные государства, для которых характерно известное развитие частной собственности, формирование государственного аппарата. Первоначально социальная структура выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники, шесть знатных кланов, вожди и старейшины, простые общинники. В период наивысшего расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: 1) бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на восемь рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать, и 2) непосредственных производителей – крестьян, объединенных в общины. Аппарат управления Бохая копировал бюрократическую модель империи Тан и включал три управления, шесть министерств. Министерства подразделялись на левые и правые. Чиновники делились на восемь рангов.

Бохай был завоеван киданями в 926 г. На бохайских землях было создано марionеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.), как и впоследствии государство чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.) имели более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В слу-

чае с киданями и чжурчжэнями, это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явления нередко называют «суперстратификацией») и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских» империях были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточноедеспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

По мере включения в состав киданьской империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация возглавлялась «северным канцлером», в чью компетенцию входил контроль за киданями. Южная администрация существовала для управления китайцами и структурно копировала бюрократическую систему империи Тан.

Во второй половине XI века на периферии киданьского государства началась консолидация чжурчжэней под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под их влиянием. В 1115 г. вождь чжурчжэней Агуда провозгласил создание Золотой империи чжурчжэней (по-китайски – Цзинь). После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные выплаты. Государство чжурчжэней Цзинь также как и киданьская империя Ляо состояло из двух основных культурных пластов: завоевателей чжурчжэней и эксплуатируемых крестьян и горожан китайцев.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. В период между 1133 и 1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, то в нее вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами. В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура чжурчжэньской империи.

В целом для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской по-

литической культуры, но также можно проследить влияние «более развитых» дальневосточных обществ на «менее развитые». Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. Так, можно выявить древнекорейское влияние на процессы политогенеза в Японии. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов. Большое влияние на них оказала «тюркская» модель, не случайно еще в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни на процессы политогенеза у монголов. Это выразилось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр. В настоящей главе рассматривается специфика политогенеза на территории российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Маньчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым вторичным ранним государствам (Fried 1967: 240–242), то есть образовавшимися по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая).

Объектом исследования избраны средневековые государства региона (Бохай, 698–926; Ляо, 907–1125; Цзинь, 1115–1234), которые были созданы на периферии китайской или восточно-азиатской мир-системы. Данные государства существовали близко друг от друга и сменяли друг друга в соответствии с принципом домино: каждое последующее завоевывало предыдущее (в этот перечень нужно добавить монголов и с оговоркой маньчжуров). При этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока. Ареалы этнополитической активности киданей локализируются в степи ближе к границе степи и леса.

Данные государства в определенной степени можно рассматривать в рамках теории окраинного преимущества Р. Коллинза, когда находящееся на периферии общество имеет определенные стратегические преференции, позволяющие ему создать мощную военную силу и завоевать или разгромить хартленд. С течением времени запас преимуществ оказывается растерянным и империя становится добычей в руках нового периферийного гегемона (Коллинз 2001).

Государство Бохай (698–926)

В середине 1-го тыс. н. э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Маньчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Согласно летописям выделяется семь наиболее известных и влиятельных мохэских объединений (кит. *булэй*), занимавших территорию от долины реки Сунгари на юго-западе до низовьев Амура на северо-востоке. В классическом переводе Н. Я. Бичурина это звучит так: «Первое называется *Лимо*, смежное с Гаоли; оно имеет 7000 строевого войска по большей

части из храбрых ратников, и часто производит набеги на Гаоли. Второе поколение называется *Боду*; обитает от Лимо на север; имеет 7000 строевого войска. Третье называется *Ангюйгу*; обитает от Боду на северо-восток. Четвертое называется *Фонье*; обитает от Боду на восток. Пятое поколение называется (Хао) *Ши*; обитает от Фонье на восток. Шестое поколение называется *Хэй-шуй-бу*, *Черноречным*; обитает от Аньгюйгу на северо-запад. Седьмое называется поколением Белых гор, *Белогорным*, *Бай-шань-бу* обитает от Лимо на юго-восток; строевого войска имеет не более 3000 человек» (Бичурин 1950: 69–70, 91–92).

Каждое из *булэй* возглавлялось вождем, занимало относительно большую территорию, но отличались количеством выставляемых воинов (Там же; Ивлиев 2005: 449–450; Полутов 2014: 219). Помимо них известны более мелкие владения мохэ (кит. *бу*, традиционно переводимое как «племя»). Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* – сложным вождествам. Это подтверждается как данными археологии (Крадин 2000), так и письменными источниками, согласно которым зафиксировано имущественное неравенство и категории неполноправных социальных групп (Шавкунов 1968: 35, 37). При этом в летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других» (Бичурин 1950: 69; Reckel 1995: 18).

Интересно, что четыре из семи вышеперечисленных этнонимов соотносятся с географическими названиями того времени. Термин *сумо* происходят от названия реки Сумошу (Сунгари), *аньчуху* – от Ашихэ (приток Сунгари), *Хэйшуй* (Черная река) или *Хэйлунцзян* (река Черного дракона) – это Амур ниже Сунгари, а *байшань* производно от наименования так называемых «Белых гор» – Чанбошань или Чанбайшань.

Из них наиболее значимыми и сыгравшими важную роль в истории были два формирования. Во-первых, *сумо* мохэ, которые проживали на крайнем юго-западе территории расселения мохэсцев, в верховьях реки Сунгари. Они через несколько веков стали основой населения государства Бохай. Во-вторых, самые крупные *хэйшуй* мохэ, которые расселялись на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Усури и Амура. Они дали основу для формирования чжурчжэньской государственности.

В VII в. *сумо* мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к консолидации и созданию у них в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом» (Крадин 2005). В 698 г. были провозглашены королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь) и первый его правитель (*ван*) Да Цзожун (Шавкунов 1968).

Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. В период расцвета государство было разделено на 5 столиц, 15 областей, 62 округа, 125 уездов (Шавкунов 1994; Reckel 1995: 62–65; Ивлиев 2005: 459–466). Апогеем могущества Бохая было правление вана Да Циньмао (737–793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». В годы его царствования была сформирована также система государственных институтов. В «Синь Тан шу» в разделе «Повествование о Бохае» дано подробное описание аппарата

управления (Цзинь Юйфу 1982: 9; Ван Чэнли 1984: 105–109; Reckel 1998: 63–64). Высшими органами в стране были три *шэна* (палаты). Палата Сюаньчжаошэн являлась чем-то наподобие госсовета. Его возглавлял левый *сян*. Палата Чжунтайшэн выполняла функции государственной канцелярии. Она подчинялась правому *сяну*. Палата Чжэнтаншэн представляла собой правительство, состояла из шести ведомств и делилась на левую и правую половины (*люсы*). Данное деление было заимствовано из танской бюрократической системы (Попова 1999), но его истоки берут начало в степных древнетюркских традициях. Палатой руководил *данэйсян*, которому были подчинены остальные *сяны*. Ведомства или министерства (*бу*) возглавлялись *цинами*, которые фактически являлись министрами.

Названия министерств не отражают их функций. Левая половина состояла из ведомств Верности (*чжунбу*), Гуманности (*жэньбу*) и Справедливости (*ибу*). Правая часть включала министерства Премудрости (*чжибу*), Этикета (*либу*) и Честности (*синьбу*). При этом ведомство Верности занималось отбором, назначениями и ротацией чиновников. Ведомство Гуманности собирало налоги и отвечало за финансы. Ведомство Справедливости следило за исполнением государственных ритуалов и жертвоприношений. Министерство Премудрости выполняло военные функции, министерство Этикета – судебные обязанности, а министерство Честности занималось общественными работами. Помимо трех данных палат имелось еще 9 институтов (*сы*), функции которые отчасти пересекались с министерствами. Они отвечали за обслуживание двора и гарема, подготовку поздравлений, проведение церемоний и ритуалов, прием посольств, подсчет запасов хлеба, охрану королевских кладовых и др. Существовала также конфуцианская школа для детей аристократии.

Китайские источники также сообщают о системе рангов чиновников, которым было предписано носить одежду соответствующего цвета и знаки отличия. Так чиновники высших трех рангов носили фиолетовую одежду, имели дощечки для записи указаний из слоновой кости и золотые бирки в виде рыбок. Чиновники четвертого и пятого рангов носили темно-красную одежду, имели дощечки из слоновой кости и серебряные бирки-рыбки. У чиновников 6–7 рангов одежда была светло-красная, у чиновников 8 ранга – зеленая. Все они имели деревянные дощечки для записи указаний (Цзинь Юйфу 1982: 9; Reckel 1998: 64–65).

В целом государственный аппарат Бохая во многом копировал устройство государственного аппарата Танской империи (Попова 1999). Однако при этом ведомства имели собственные названия и отличия, что было обусловлено, по мнению Сон Ки Хо, двойственным положением Бохая (Song Ki-ho 1990a, 1990b, 1999). С одной стороны, бохайцы демонстрировали вассальный статус в отношениях с империей Тан. С другой стороны, в реальности они проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику. Это проявлялось в собственных девизах правления, имперских амбициях, выразившихся в отношениях с государствами Японией и Силла, периферийными мохэскими владениями, а также в титулах бохайского правителя (*хуаншан* – «его величество император», и *тяньсунь* – Внук Неба).

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники; шесть знатных кланов; вожди и старейшины,

простые общинники. С течением времени социальная структура трансформировалась: император (*хуанишан*) и его семья, управленческо-бюрократическая элита, разбитая на восемь чиновных рангов, в которую входили крупная аристократия, служилая и местная знать; крестьяне, объединенные в общины; различные неполноправные категории населения (Крадин 1989).

Археологические материалы позволяют глубже понять особенности организации бохайского общества. На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай (Болдин и др. 2010) – городища, поселения, культовые объекты и могильники. Самый известный археологический памятник – крупный город, которым являлось Краскинское городище (Гельман 2018). Оно расположено на самом юге Приморского края. На протяжении уже многих лет здесь ведутся интенсивные раскопки, которые выявили различные строительные конструкции – каменные городские стены, привратные укрепления, буддийский храмовый комплекс, печи для обжига черепицы, выложенный из камня колодец и др. На городище также раскопаны жилища с канами – лежанками, отапливаемыми горячим воздухом (Гельман и др. 2018).

Город являлся крупным центром сосредоточения ремесла – гончарства, металлургии, производства черепицы, строительного дела и др. (Гельман, Асташенкова 2018). Здесь найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурованная керамика, украшения). Считается, что это был центр бохайского округа Янь, через который велась морская торговля с Японией. Всего из Бохая было отправлено 35 посольств в Страну восходящего солнца. Из Японии за это время прибыло 13 дипломатических миссий. В составе бохайских посольств, помимо официальных лиц и торговцев, были поэты и музыканты. Они участвовали совместно с японскими литераторами в представлениях при императорском дворе. Недавно на Краскинском городище были найдены надписи на керамике, которые, возможно, являлись японскими именами, – Хиромото и Митатака.

Большинство населения Бохая составляли крестьяне-земледельцы. В ходе раскопок находят железные лемехи, отвалы, лопаты, серпы, сделанные из камня жернова и ступы. Палеоботанические исследования показывают, что в Приморье бохайское население выращивало просо, пшеницу, ячмень, фасоль, сою, горох, гречиху. Помимо этого бохайцы сеяли технические культуры, были знакомы с садоводством, разводили домашних животных – свиней, крупный рогатый скот, лошадей. Охота на таежного зверя имела вспомогательное значение. Они также занимались собирательством и рыболовством (Болдин 1986; Сергушева 2018). Бохайские ремесленники отличались высоким профессионализмом. Металлурги владели ковкой, закалкой, рубкой, обточкой, возможно, кузнечной сваркой. Они также отливали из чугуна котлы, лемехи и отвалы, втулки ступиц, изготавливали бронзовые украшения, мелкую утварь, предметы культа и др. (Леньков 1993).

Бохайцы были знакомы с письменностью. На территории Китая изучались стелы с текстами на китайском языке из погребальных комплексов членов королевской семьи. Государственной религией в Бохае был буддизм. При раскопках найдены предметы искусства, связанные с буддизмом (изображения будд и буд-

дийских божеств), различные антропоморфные фигурки, изделия неутилитарного назначения (Гельман, Асташенкова 2018).

Бохай был завоеван киданями в 926 г. На бохайских землях было создано маорионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший сын Абаоцзи Туюй. Он имел собственный девиз правления и императорские регалии, самостоятельно отправлял посольства в Японию и Китай (Е Лунли 1979: 240). На высшие государственные посты – правого и левого великого канцлеров (*цзо ю дасян*) и правого и левого заместителей (помощников) канцлеров (*цзо ю цысян*) назначаются поровну представители киданьской аристократии и старой бохайской знати. Зависимость Дундани от киданьской империи выражалась в ежегодной дани в размере пятидесяти тысяч кусков тонкого полотна, ста тысяч кусков грубого полотна и одной тысячи лошадей (Там же).

Недовольство бохайцев привело к целой серии восстаний, которые были подавлены (Ляо ши 1958: 2,66–7а), а также к массовому бегству населения в Корё (Шавкунов 1968: 54–56; Цзинь Юйфу 1982: 78–81; Ивлиев 1986: 21–22). Поскольку сопротивление не прекращалось, кидани сменили тактику. Елюй Юйчжи предложил обезопасить восточный фланг империи Ляо, депортировав нелояльных бохайцев: «...население значительно размножится, а так как оно живет в далеких землях, я боюсь, что в дальнейшем явится для нас источником бедствий. В то же время земли по берегам р. Ляншуй являются их старой родиной... Если сейчас, пользуясь слабостью населения, переселить его обратно, это явится дальновидным планом» (Е Лунли 1979: 363).

Согласно расчетам китайских историков, из Бохая было выслано примерно 65 % населения (Ван Чэнли 1984: 176–177). Депортированных бохайцев сотнями и тысячами приписывали к ордам императоров для строительства и обслуживания императорского мавзолея, они дарились членам императорской фамилии, крупным вельможам, привлекались к несению всевозможных трудовых повинностей (Ивлиев 1988). Бохайцев перемещали даже на западные границы империи Ляо для снабжения солдат продукцией земледелия и ремесла. Как показывают археологические исследования, подтвержденные данными письменных источников, часть бохайцев на рубеже X–XI вв. была переселена на территорию Центральной Монголии для строительства города Чжэньчжоу (совр. городище Чинтолгой-балгас) и других крепостей (Крадин и др. 2011). По иронии судьбы спустя столетие, уже после падения империи Ляо, именно туда стеклись остатки киданьского воинства, которые отказались подчиниться чжурчжэням. Как и бохайцы, они потеряли свою страну и шли теперь искать счастья на чужбине.

Киданьская империя Ляо (907–1125)

Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. (Таскин 1984: 154). Их историческая прародина – долины рек Шара-Мурэн и верховья Ляохэ. По данным археологии, районом начального обитания киданей было нижнее течение Ляохэ вплоть до Даньдуна и примыкающей к нему территории современной Кореи (Чэнь Юнчжи 2011).

Этнически кидани связаны с дунху, сяньби, ухуанями и другими монголоязычными народами (Викторова 1980). Основу их хозяйства этого времени составляло кочевое скотоводство. В течение большей части 1-го тыс. н. э. кидани не играли значительной внешнеполитической роли в Дальневосточном регионе. Они были объединены в рыхлую конфедерацию «кочевий» (*було* – племен или вожеств) с выборным вождем (*дажэнь*). Сначала было десять «кочевий», затем восемь, которые могли выставить от 1 до 6 тыс. воинов (Таскин 1984: 156, 157). Только с гибелью каганата уйгуров и последовавшим за этим развалом Танской империи они получили исторический шанс (Barfield 1992), который совпал с приходом к власти Абаоцзи из рода Елюй. Последний объединил всех киданей и в 907 г., уничтожив потенциальную племенную оппозицию, объявил себя каганом. Однако до окончательной победы было еще далеко. Ему понадобилось почти десять лет, чтобы расправиться с сепаратистами и укрепить свою власть (Цай Мэйбяо 1964). В 916 г. он принял титул «великий совершенномудрый великий пронизательный небесный император» (*да шэн да мин тяньхуанди*), утвердил девиз правления и официальное наименование империи – «Государство киданей» (*Цидань-го*).

После гибели империи Тан китайские царства, возникшие из ее осколков, стали легкой добычей кочевников-киданей. Придя к власти, Абаоцзи начал активную завоевательную политику. Уже в 902 г. он завоевал 9 городов и захватил 95 тыс. пленников. Параллельно кидани провели несколько военных кампаний против своих соседей на разных фронтах. В 904–911 гг. были разбиты шивэйцы и кумоси, в 915 г. кидани вышли к границам Корейского полуострова, а в 924 г. они дошли до монгольского хартленда – «старого уйгурского города» на берегу Орхона (Ляо ши 1958: 2, 46–5а). По всей видимости, это были развалины столицы уйгурского каганата Карабалгасуна (Малявкин 1974: 64, 135). Наконец, в 926 г. они без особых проблем завоевали государство Бохай. На завоеванных землях было создано вассальное государство Дундань (Ляо ши 1958: 72, 16; Е Лунли 1979: 240). В том же году в возрасте 54 лет Абаоцзи скончался. Ему наследовал второй сын – Елгюй Дэгуан.

В 947 г. Дэгуан изменил название государства на «Великое Ляо» (*Да Ляо*), принял новый календарь по китайскому образцу и новый девиз правления. К этому времени уже более миллиона китайцев являлись подданными киданьского кагана-императора. На Великой равнине фактически сложилась биполярная структура, образованная империями Ляо и Сун, которые противостояли друг другу в течение почти полувека. Только в начале 1005 г. был заключен мирный договор (Е Лунли 1979: 126–129), согласно которому сунский и ляоский правители относились друг к другу как старший и младший братья. Однако за формально более высокий статус, а фактически – в качестве компенсации за неудовлетворение территориальных претензий киданей Сун обязалась ежегодно поставлять 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра.

По сути, это был ежегодный откуп за право именоваться старшим по статусу. В договоре стороны также обязались прекратить войну, восстановить дружественные отношения, пресекать вторжения на границы и грабежи со стороны населения обоих государств, не допускать укрывательства преступников и пере-

бежчиков, не строить на границе крепости, валы, рвы и каналы (Ляо ши 1958: 14,6а; Е Лунли 1979: 283–285). После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. лян серебра и до 300 тыс. кусков шелка (Е Лунли 1979: 148–149, 289–292; Franke 1990: 408–409). Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета престижной экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр. (Wittfogel, Feng 1949: 93, 100, 120, 127; Е Лунли 1979: 303–305; Ивлиев 1988: 10–11). Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней дань взималась 69 раз, с тели – 43 раза, с уго – 18 раз (Воробьев 1975: 400–410).

По мере включения в состав киданьской империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация возглавлялась Северным канцлером, в чью компетенцию входил контроль за киданями. Южная администрация существовала для управления китайцами и структурно копировала бюрократическую систему империи Тан.

В период расцвета численность населения империи Ляо составляла 3,8 млн человек. Кочевники кидани составляли всего пятую часть населения империи (750 тыс. человек). Кроме них в состав государства входили земледельцы китайцы – более половины населения (2400 тыс. человек), бохайцы (450 тыс. человек), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. человек) народы (Wittfogel, Feng 1949: 58). Включение в состав империи значительных земледельческих территорий требовало создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления племенной конфедерации киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. По этой причине в империи Ляо была введена дуальная система управления – разделение на Северную и Южную администрации.

«Кидани управлялись согласно их национальной системе, в то время как китайцы управлялись согласно их собственной системе. Киданьская национальная система была бесхитростна и проста. В китайской системе использование традиционных терминов было сохранено. Правительство государства Ляо было разделено на Северное и Южное подразделения. Северная область управляла делами кочевий, юрт, племен, родов и племенных объединений, в то время как Южная область управляла налогами и военными делами профектур и областей» (Ляо ши 1958: 45, 1а–1б; Wittfogel, Feng 1949: 473).

Ключевые позиции в управлении страной занимала администрация Северного района (*Бэйфу*). Ее главными функциями был контроль за киданьскими племенами, другими кочевыми и так называемыми «варварскими» народами, а также военные функции, включая разведение государственных стад лошадей. Ад-

министрация возглавлялась Северным и Южным канцлерами. В ней также имелись подчиненные канцлерам ведомства, ряд учреждений, связанных с непосредственным управлением киданьскими племенами и императорским кланом. В состав правительства Северного района входил также и Секретариат, ведший переписку киданьским письмом. Кроме того, в правительстве Северного района находилась серия технических бюро, руководивших правительственными стадами, плавкой железа, арсеналом, различными мастерскими и охотничьими угодьями (Ляо ши 1958: 45: 5а–7а; 46: 6а–9а; Wittfogel, Feng 1949: 440–442).

Центральный государственный аппарат находился в Верхней столице. Он состоял из двух больших подразделений: администрации Северного района, ведавшей управлением киданьскими и другими племенами, и администрации Южного района, управлявшей оседлым земледельческим населением, в основном китайцами и бохайцами (Ляо ши 1958: 45: 1б–3б, 5б–6б). Для каждой из этих двух групп населения была разработана своя система законодательства (Wittfogel, Feng 1949: 466–467).

Важное значение имело создание собственной киданьской письменности. В 920 г. племянник Абаоцзи Лубугу и Елюй Тулюйбу создали большое киданьское письмо. Считается, что оно было идеографическим. Оно не получило большого распространения. Однако через пять лет Дэла (Юньдухунь) создал малое киданьское письмо, которое, по всей видимости, было фонетическим (подробнее о киданьской письменности см.: Chinggeltei 2002; Kane 2009 и др.). Создание письменности имело огромное значение для формирования ляоской государственности и закрепления самоидентичности киданей. С одной стороны, письменность служила инструментом фиксации устных распоряжений на бумаге, что стимулировало формирование строгих правил управления и контроля. С другой стороны, создание письменности привело к формированию корпуса нарративных текстов, что стимулировало развитие национального языка, высокой культуры, способствовало развитию этнической идентичности.

Абаоцзи и его преемники вводили различные почетные титулы и должности для представителей царствующей элиты. Данные звания нередко представляли собой лишь почетный статус или не имели четко очерченного функционала и не давали реальных инструментов для реализации каких-либо решений. Причиной подобной противоречивой политики было стремление, с одной стороны, удовлетворить желание представителей правящей династии быть причастными к институтам власти. С другой стороны, всегда существовали опасения, что близкие родственники – дядья и братья – могли составить конкуренцию правящей линии и привести к ее смене.

К числу первых подобных титулов у киданей, введенных еще на заре династии, были звания *тинья* и *юйюэ*. Титул *юйюэ* появился еще до узурпации Абаоцзи престола. Во времена империи Ляо *юйюэ* не имели официальных обязанностей, но располагались по статусу выше всех чиновников. Данное звание «давалось только совершившим крупные подвиги и отличавшимся большими добродетелями. Являлось в государстве Ляо почетной должностью и соответ-

ствовало должностям трех высших сановников государства» (Ляо ши 1958: 45: 76; Е Лунли 1979: 419 прим. 18; Ларичев 2007: 134).

При императоре существовал Тайный совет – высший совещательный орган, в который входили наиболее доверенные лица. По всей видимости, не существовало специального нормативного акта, который регулировал состав совета. Однако в него входили высшие должностные лица, такие как юйюэ, тиинь, цзайсяны, илиби, представители кланов императора и императрицы, возможно, наиболее преданные императорам лица из числа неродственников.

Важное место в структуре государственного аппарата занимал Секретариат, где готовились императорские указы и другие документы, а также Управление Великого *линъя* (ученого), занимавшееся составлением официальных документов (Ляо ши 1958: 45: 86–9а). Должность *линъя* предполагала контроль над отбором претендентов в рамках существовавшей в Ляо системы сдачи экзаменов (Тюрюмина 2007: 134).

При императорском дворе были созданы различные административные подразделения и должности для управления государством и для функционирования ставки. В источниках перечисляется большое количество различных чинов и званий, связанных с двором – конюшенные, сокольничие, ключники, канцеляристы, лица, отвечающие за имущество ставки, повозки, приготовление пищи, охрану двора и внутренний порядок, и т. д. (Ляо ши 1958: 45: 146–186; Wittfogel, Feng 1949: 436–438, 440–443; Е Лунли 1979: 43, 55, 67, 116, 133, 149, 177, 249, 272, 314, 440, 465 и др.). При этом описанная в «Ляо ши» четкая структура должностей и офисов далеко не должна вводить в заблуждение. Многие из декларируемых институтов функционировали только спорадически. Большинство так называемых чиновников Северной администрации были больше подобны монгольским нукерам. Как верные вассалы-дружинники, они находились в личных связях с правителем (Twitchett, Tietze 1994: 89). Принятие решений во многом зависело не от существующей нормативной базы и разработанных правил, а от личных связей, семейных и клановых предпочтений, персональных отношений с императором, канцлерами, министрами и другими сановниками, наконец, дружескими и/или родственными отношениями.

Разделение на Северную (*Бэйфу*) и Южную (*Наньфу*) администрации не было строго географическим. Северная администрация занималась управлением киданьскими племенами и войсками вне зависимости от того, где они располагались (Ляо ши 1958: 45: 16; Twitchett, Tietze 1994: 77). Племена и вожества, подчиненные непосредственно администрации Северного района, делились на три категории: 1) четыре «великих кочевья», 2) четыре «малых кочевья»; 3) зависимые племена и «владения». О разделении киданьских «кочевий» на две неравные по статусу половины выше уже шла речь. Абаоцзи изрядно перекроил состав племен, перемешав их друг с другом. Спустя три столетия Чингисхан поступит точно так же.

Данный шаг нужен был для ослабления существующих генеалогических связей. Так, 700 дворов си были преобразованы в племя деладеда. Другие кочевья си переданы в племена ишиаовэй и чутзаовэй. Из завоеванного племени далуго

создано племя пиньдалуго. Из покоренных племен больших и малых желтых шивэй созданы племена тулюйбу шивэй и племя неланугу. Из 6 тыс. дворов юйгули учредили племена тулу и угунела. Кумоси изначально имели свой союз пяти племен. В течение определенного времени часть кумоси была завоевана и подчинена киданями. Оставшиеся были при Абаоцзи объединены в «большое племя» – *да буцзу* (Цай Мэйбяо 1964: 190).

Надплеменная организация имела довольно запутанный аппарат управления северной и южной частями киданьской конфедерации. Наиболее важную роль играли «Великие правители» (*даван*). Вместе с канцлерами (*цзайсянами*) они отеснили от управления старую аристократию – *юйюэ* и *тииней* (Даньшин 2006: 88). Подавляющее большинство должностей в администрации Северного района занималось по наследству киданьскими аристократами из родов Елюй и Сяо. В целом номенклатура названий должностей в центральной и местной администрации Северного района отражает прямую связь этой части государственного аппарата киданьской империи с органами управления киданьского племенного союза доимперского периода. При чтении китайских источников может сложиться впечатление, что у киданей сформировалась разветвленная бюрократическая система различных служб и офисов с профессиональными чиновниками и многочисленными клерками. Скорее, следует согласиться с точкой зрения, что «это была, в сущности, личная свита больших племенных лидеров, многие из офисов которой были зарезервированы для представителей той или другой ветви клана короля или королевы» (Twitchett, Tietze 1994: 78).

Вместе с тем произошли и существенные изменения. В соответствии с иерархическим принципом организации степного общества номады были разбиты на подразделения по десятичному принципу (Е Лунли 1979: 511–513). При этом обычно только часть кочевников участвовала в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени» (Там же: 426). Согласно «Ляо ши», «все население в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет было занесено в военные списки. На одного воина регулярных войск приходилось три лошади, один фуражир и один человек, обслуживающий лагерь» (Ляо ши 1958: 34: 26–56).

Основой военной мощи киданей служила организация *ордо* императорской гвардии, охранявшей дворец императора и сопровождавшей его в походах, а после смерти императора охранявшей его мавзолей. «Тай-цзу [Абаоцзи] после восшествия на престол при поддержке племени ила разделил свое племя на Пять подразделений и Шесть подразделений, которые управлялись членами императорского клана. Но личной гвардии не хватало. Поэтому были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*. Когда император вступал [в резиденцию], гвардейцы располагались рядом с ним, чтобы защитить его, а когда он выходил, сопровождали его. После погребения императора они охраняли его мавзолей. В случае военных действий опорные базы пяти столиц и двух областей быстро рассылали воззвания и собирали [войска] таким образом, что не было необходимости ожидать окончания моби-

лизации по уездам, округам и племенам, поскольку армия в 100 000 конных воинов уже была наготове» (Ляо ши 1958: 35: 16; Wittfogel, Feng 1949: 540).

В 31 цзюане «Ляо ши» приводится подробное описание орд киданей (Ляо ши 1958: 31: 1а–9б; см. также русский перевод в: Е Лунли 1979: 517–523), из которого следует, что каждый киданьский император, вступая на престол, основывал свою собственную орду, в состав которой входили семьи членов орд предшествующих императоров, за исключением охраны мавзолеев. Для обеспечения орд воинами и обслугой к ним приписывались округа, уезды и воеводства. Многочисленные дворы пленных китайцев и бохайцев придавались ордам для обслуживания и выполнения функций вспомогательных войск. При этом обслуживающих дворов из числа пленных китайцев и бохайцев в составе орды обычно было значительно больше, чем дворов киданей. По этой причине численность *ордо* на протяжении истории империи Ляо постепенно увеличивалась. Если в 926 г. в *ордо* входили 15 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 6 тыс. всадников, то в последний этап существования империи в *ордо* входило уже 140 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 76 тыс. конных воинов (Wittfogel, Feng 1949: 516).

Администрация Южного района формировалась по мере завоевания киданями территорий Северного Китая и Бохая и обретения ими больших масс оседлого земледельческого населения. Большинство постов в ней занимали китайцы, при этом она никогда не имела такой политической власти, как администрация Северного района, сфера ее компетенции ограничивалась в основном управлением гражданскими делами населения земледельческих зон империи Ляо. Администрация Южного района по своей структуре во многом копировала государственный аппарат Танского Китая. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты «трех наставников», «трех князей-советников» при императоре, три высших органа – Тайный совет (*шумиюань*), Административный совет (*чжуншуньшэн*) и Совет Двора (*мэнься шэн*), различные советники с починенными им департаментами, цензорат, академия наук (*ханьлин*), департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел (*Ibid.*: 445–448).

Территория южной части страны была разделена на области (*фу*) и уезды (*сянь*). Всего в Ляо было 5 столиц, шесть областей (*фу*), 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*), 209 уездов (*сянь*), 52 племени (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шу го*) (Чжан Чжэнмин 1979: 43–44). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи (Wittfogel, Feng 1949: 448). Для заполнения вакансий в администрации Южного района для китайского населения империи была введена система экзаменов по танскому образцу (*Ibid.*: 454–456).

Императоры большую часть времени проводили вне столиц в сезонных ставках – *набо*. В соответствии с традициями сезонных перекочевок императоры переезжали из одного *набо* в другое. Несколько раз в год чиновники Северной и Южной администраций вызывались к императору для обсуждения государ-

ственных дел. Они приезжали в Среднюю столицу или в сезонную ставку императора для решения накопившихся вопросов по управлению китайскими территориями. В «Истории династии Ляо» («Ляо ши») дается подробное описание того, как в разные сезоны года происходило принятие решений на самом высшем уровне власти: «Каждый год, в первой декаде первой луны, когда император отправлялся в путешествие, чиновники в ранге от первого министра и ниже возвращались в Среднюю столицу, где приступали к службе и разбирали дела, касающиеся китайцев, а также выпускали приказы о временном назначении чиновников на те или иные должности... Гражданских чиновников в ранге от окружного начальника, регистратора и ниже было разрешено избирать секретарскому совету без доклада императору. О назначении военных начальников следовало докладывать императору. В пятой луне, когда император наслаждался прохладой своей временной ставки, совещания проводились совместно с чиновниками северных и южных учреждений правительства. Таким же образом совещания проходили и в десятой луне, когда император проводил в своей временной ставке зиму» (Ляо ши 1958: 32: 3б–4а).

С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981). Как и в Бохае, в империи Ляо существовала система пяти столиц. Четыре из пяти располагались на завоеванных землях.

Города были центрами сосредоточения торговли и ремесла. О развитии ремесел в киданьских городах свидетельствует целый ряд археологических находок, например, гончарная мастерская обнаружена на территории Императорского города Верхней столицы. Обжигавшие кирпич и черепицу печи найдены на городище, являвшемся ляоским городом Юнчжоу у слияния рек Лаохахэ и Шара-Мурэн. Раскопаны гончарные печи к югу от городища Чинтолгой-балгас. Имеется также немало свидетельств сельскохозяйственной деятельности населения киданьских городов: находки всевозможных сельскохозяйственных орудий, а также следов старинных пашен и ирригационных сооружений в окрестностях городищ (Крадин, Ивлиев 2014).

Раскопки киданьских городов на территории Монголии демонстрируют большое количество самых разнообразных находок, наличие жилищ с канами, компактную квартальную застройку, разработанную еще на этапе планирования города. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были разделяться улицами и переулками. Внутри кварталов скученно располагались жилища. Совершенно очевидно, что ведущую роль в росте и развитии киданьских городов сыграло помещенное в них киданями земледельческое население – пленные и беглые китайцы и переселенные бохайцы. Они, видимо, составили основную массу земледельческого и ремесленного населения ляоских городов и посадов (Крадин и др. 2011; Крадин, Ивлиев 2014).

Поскольку кидани были кочевниками, они привнесли свое собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они реформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на любимую бескрайнюю степь. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них,

имеются достаточно большие пространства, на которых не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками.

На место выбора городов огромное влияние оказывали как конструкты этногенетической памяти, так и существующие бюрократические практики, а также степные имперские амбиции. Пространство городской среды организовывалось как в соответствии с общепринятыми градостроительными канонами, так и с учетом локальных особенностей и нововведений. То же самое можно сказать в отношении технологии строительства фортификационных сооружений и зданий, жилищ различных категорий населения. Городские стены и башни воплощали территориальный контроль имперской элиты над подчиненной территорией. Важное место имело создание сакральных мест, связанных с политической властью и религиозным господством. Пагоды и храмы торжественно возвышались над стенами и хижинами простых масс. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения больших потоков людей. Дворцовые и административные здания демонстрировали политическое превосходство элиты и легитимизировали сформировавшийся политический порядок. Не менее важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта, которая, с одной стороны, отсекала простых жителей от мест пребывания элиты и, с другой стороны, служила маркером этнической стратификации, подчеркивала неравенство между разными группами завоевателей и различными категориями завоеванных.

Ко второй половине XI в. киданьская империя прошла период своего подъема и стала клониться к упадку. Подобные кризисы были характерны для всех династий традиционного Китая (Коротаяев и др. 2007), а в более широком контексте – для всех доиндустриальных обществ (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаяев 2012 и др.). К тому же длительный период относительно мирного существования государства без крупных военных кампаний привел к ослаблению боеспособности киданьских войск. В последней четверти XI в. Ляо уже не пыталось вести какие-либо завоевательные войны. Напротив, им все чаще приходится отражать нападения соседей. Огромных усилий стоила киданям победа над кочевниками цзубу и диле, захватившими огромные табуны императорских лошадей (Wittfogel, Feng 1949: 539, 593–594). Ослепленные своим былым величием, киданьские правители не смогли вовремя заметить и предотвратить нависшую над империей опасность со стороны чжурчжэней.

Чжурчжэни и империя Цзинь

Этноним *чжурчжэни* появляется с X в. Им стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена и вождества, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Кидани подразделяли чжурчжэней на «мирных», которые расселялись на подконтрольных империи Ляо землях, и на «диких», которые

проживали к востоку и северо-востоку от Сунгари. Чжурчжэни зависели от киданей и платили им дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т. д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли Уго (кит. «пять владений»), предположительно, в низовья Сунгари, Уссури и прилегающей к ним долине Амура.

Согласно «Цидань го чжи», к востоку от Уго находилось море, «на берегах которого водились знаменитые соколы... их называли хайдунцин – [“серые соколы с восточного морского побережья”]. Несмотря на небольшую величину, они были умными и сильными, могли ловить гусей и уток... Кидане чрезвычайно любили соколов и ежегодно требовали их от нюйчжэней. Чтобы получить соколов, нюйчжэням приходилось ездить в государство Пяти племен и воевать с ним. Трудности добычи соколов были для нюйчжэней невыносимы» (Е Лунли 1979: 176).

По мнению того же источника, «соколиный оброк» стал одной из причин консолидации чжурчжэней: «Когда престол унаследовал Тянь-цзо (последний император Ляо. – *Прим. авт.*), требования дани стали еще более жестокими. К тому же приезжавшие императорские послы предъявляли самые разнообразные требования и, если племена хотя бы немного нарушали распоряжения, вызывали их вождей, которых наказывали ударами палкой или даже убивали. Это вызывало возмущение и недовольство среди всех нюйчжэньских племен, которые тайно объединились вокруг Агуды» (Е Лунли 1979: 176).

Так или иначе, источник подтверждает факт консолидации чжурчжэней в конце XI в. под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под их влиянием. В 1112 г. вождь чжурчжэней Агуда отказался танцевать на официальном приеме у киданьского императора. Это стало причиной конфликта и начала войны. Через несколько лет Агуда провозгласил создание Золотой (по-китайски – «Цзинь») империи чжурчжэней (1115–1234) и принял титул императора. За десять лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. По иронии судьбы остатки киданей оказались в самом западном городе империи Ляо Чжэньчжоу (городище Чинтолгой-балгас), куда они прежде ссылали бохайцев (Крадин и др. 2011: 166–167). В 1130 г. они покинули и его, направившись в Среднюю Азию, где создали империю каракиданей (Си Ляо, кит. «Западное Ляо»).

Агуда принял инвеституру в соответствии с китайской традицией. Чтобы легитимизировать свое правление, он послал по наущению своего советника бохайца Ян Пу письмо киданьскому императору. В этом послании императору предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора, установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции (Franke 1975: 158–165). Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого тона ответного письма. Однако вызывает интерес стремление легитимизировать свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромную дань. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн лянов золота, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шелка и 10 млн кусков тканей. Впрочем, экономический «центр» дальневосточной мир-системы находился на юге, и полученное серебро скоро возвращалось назад. Чжурчжэням приходилось рассчитывать на им за покупаемые в Сун товары (Theile 1971: 113–115; Гончаров 1986: 25).

Еще в период царствования Агуды был заключен союз против киданей с империей Сун. Однако сразу после разгрома киданей встал вопрос о дележе ляоского наследства. Чжурчжэни отдали сунцам только шесть округов около Яньцзина (Пекина) и обязали их присылать денежные выплаты. В 1123 г. заключен равноправный договор с династией Сун, согласно которому сунцы должны были выплачивать 200 тыс. серебряных монет и 30 тыс. кусков шелка.

В ходе войны 1125 г. за несколько месяцев чжурчжэни захватили большую часть Хэбэя и Шэньси. После завоевания Кайфэна в 1126 г. добыча была просто огромна. Завоеватели получили 54 млн кусков шелка, 15 млн кусков парчи, 3 млн слитков золота, 8 млн слитков серебра, что было эквивалентно 5 млрд связок монет. В сокровищнице буферного государства Ци в 1137 г. было захвачено 1,2 млн лянов золота, 1,6 млн лянов серебра, 900 тыс. ху зерна, 2,7 млн кусков шелка, 98,7 млн связок монет (Воробьев 1975: 270).

В 1142 г. Был заключен мирный договор с Южной Сун (так называемый Шаосинский договор), по которому р. Хуайхэ стала официальной границей между двумя государствами, сунцы обязывались ежегодно выплачивать цзиньцам 250 тыс. связок монет и 250 лянов серебра. Помимо этого, сунцы обязывались не чинить препятствий беженцам, возвращающимся на территорию Цзинь, не принимать перебежчиков, отказаться от всех территориальных претензий. Стороны обязывались не размещать в приграничных землях военные гарнизоны, кроме пограничных и тыловых частей. Были также открыты приграничные рынки между Цзинь и Сун.

Оценивая сунские выплаты чжурчжэням, М. В. Воробьев высказал обоснованное мнение, согласно которому доля поступлений из Сунской династии в цзиньский бюджет в целом была невелика – всего 1,4 % (Там же). Однако учитывая значимость получаемых товаров для престижной экономики традиционного общества, мы вправе предположить, что значительная часть расходов уходила на подарки. Подарки раздавались щедро, в соответствии со статусом индивида по случаю самых разных событий – праздников, брачных церемоний, рождения детей, траурных мероприятий, военных баталий и др. К примеру, в 1142 г. один из родственников императора, являвшийся военачальником, получил за свои военные успехи 1000 рабов, 1000 лошадей, 1 млн овец, 40 слитков серебра и 2000 кусков тканей.

В период расцвета Чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн человек, из которых чжурчжэней было около 10 %, тогда

как китайцев – не менее 83 % (Franke 1978: 12, 14). Подобно бохайцам и киданям, у чжурчжэней было пять столиц. Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами. Губернии, в свою очередь, состояли из областей, округов и уездов.

Этнонациональный состав империи Цзинь согласно переписи 1183 г. выглядел следующим образом: чжурчжэни и тунгусы (10 %), бохайцы (2 %), кидани (1 %), китайцы (85 %). Население располагалось неравномерно. Наиболее густонаселенными были южные части страны около старых столиц китайских династий. Так, в районе Кайфына (Южная столица) насчитывалось 1,7 млн домохозяйств. Это почти четверть населения страны. Около Пекина (Средняя столица) было 226 тыс. хозяйств. Территория Манчжурии была заселена гораздо хуже. Для примера, в Ляояне (Восточная столица) находилось 41 тыс. домохозяйств, а в районе Хуэйнина (Верхняя столица, современное городище Байчэн) располагалось всего 31 тыс. хозяйств (Franke 1994: 279).

Получив огромные материальные и человеческие ресурсы, чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, используя сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную слоговую письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-прикладное искусства, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых двигали пышные дворцы и храмы. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, своеобразной многонациональной культуры. Они заимствовали и развили систему пяти столиц. Чжурчжэньские столицы были больше и величественнее киданьских (Воробьев 1975; 1982; Шавкунов 1990 и др.).

В первые годы существования империи Цзинь чжурчжэни использовали для управления систему традиционных вождей *боцзиле* (чж. *богиле*), а также институты *мэнъань* и *моукэ*. Чжурчжэньский термин *моукэ*, возможно, восходит к маньчжурскому *мукун* – клан семейство, деревня, а термин *мэнъань* (ср. монг. *мянган* – тысяча; манчж. *минган*), по всей видимости, обозначал тысячу (Franke 1994: 273–274). При этом были сохранены ляоское административно-территориальное деление и дуальная система управления. Уже в 1119 г. было создано большое, а в 1138 г. – малое чжурчжэньское письмо.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. Со временем при дворе развернулась борьба между сторонниками «военной» и «административной» партии. Тайцзун (1123–1135) опасался сепаратистских настроений «милитаристов» и склонился ко второму варианту (Тао Jing-shen 1976). За период 1133–1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, но в нее вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами (Воробьев 1975: 150–178).

С течением времени система органов управления государства сформировалась в следующем виде: во главе находился подчиненный императору Верховный военный совет, ему подчинялись система боцзиле для управления чжурчжэнями, а также Государственный совет и шесть министерств для управления китайцами. Земли чжурчжэней делились на генерал-губернаторства, которые состояли из мэнъань и моукэ. Территории, заселенные китайцами, делились на губернии, области, округа и уезды. При этом часть мэнъаней и моукэ чжурчжэней для поддержания контроля была расселена среди китайцев. Для поддержания военной координации сохранялся Тайный совет (Там же: 151–153).

К окончанию войны против киданей была восстановлена экзаменационная система. Она первоначально не затрагивала чжурчжэней. Только с 1156 г. были организованы экзамены для представителей титульной нации империи, несколькими годами позже создания чжурчжэньского университета. При этом в разные годы система сдачи экзаменов варьировала (Там же: 174). Обобщенные результаты данного канала рекрутирования высшей политической элиты приведены в табл. 1.2. В 1132–1134 гг. была ликвидирована система боцзиле, а вместо нее с 1137 г. была введена ранговая система. Она состояла из 9 рангов, каждый из которых делился на два: полный и неполный (Там же: 170).

В наиболее законченном виде структура аппарата управления империей сформировалась ко второй половине XII в. Она выглядела следующим образом (Там же: 159–164). Высшей инстанцией являлся император. При императоре существовали несколько совещательных органов — институт трех князей (*сань гун*) и трех наставников (*сань ши*), «коллегия мудрейших» (*цзисянь юань*) и «коллегия увещаний» (*цзянь юань*). В первую из коллегий входили советники, которые давали советы по вопросам морали и соответствия политической практики конфуцианской традиции. В задачи второй входило предостережение императора и высших должностных лиц от неправильных поступков. При императоре существовал широкий круг различных ведомств, в который входили цензорат, государственная канцелярия, государственный секретариат, верховный суд, военно-карательное ведомство *дуюаньшифу*, которое впоследствии было преобразовано в Верховный военный совет (Тайный совет) (Цзинь ши 1975: 55).

Государственному совету подчинялись шесть министерств (*бу*) — чинов, финансов, церемоний, юстиции, общественных работ и военных дел. Министерство чинов фактически отвечало за подбор кадров чиновников, начиная от проведения экзаменов вплоть до вопросов ротации, обеспечения жалованьем и награждения. Министерство финансов обеспечивало учет податного населения, собирало налоги и следило за их сохранностью. Министерство церемоний организовывало обряды, праздники, жертвоприношения. Министерство юстиции следило за судопроизводством и соблюдением законов. Министерство общественных работ занималось строительством дорог, мостов, плотин, фортификационных сооружений, ремонтом дворцов и т. д. Министерство военных дел осуществляло контроль над арсеналами, государственными табунами, почтовыми станциями, обеспечивало набор рекрутов. Существовало специальное ведомство военной стражи, которое занималось охраной городов.

Помимо этого, государственному совету подчинялись коллегия государственной истории (*гоши юань*), которой был поручен сбор материалов для составления истории Цзиньской династии, академия Ханьлинь, занимавшаяся распространением чжурчжэньской письменности и переводами китайских книг (последняя функция была возложена на специальную коллегия *хунвэнь гуань*), а также государственный архив, обсерватория, служба календарей, библиотека, университет. Ряд ведомств были созданы для обеспечения императорского двора. Среди них были коллегия императорских приемов (*сюаньхуй юань*), сокровищница (*тайфу цзянь*), а также ряд других специальных подразделений.

Высшие органы власти состояли преимущественно из чжурчжэней. Практически все ключевые должности занимали представители титульного этноса. В различных министерствах численность представителей различных этнических групп сильно варьировала. Так, представители императорского клана Ваньянь присутствовали во всех министерствах, но более всего (38 %) их было в военном министерстве. Всего в этом министерстве 69 % должностей занимали чжурчжэни. Кроме них было 17 % китайцев и 14 % киданей. Напротив, в министерстве финансов было 78 % китайцев. Очень много китайцев (до половины и более) присутствовали в министерствах чинов и церемоний. В министерствах юстиции и общественных работ их было несколько менее половины. Численность бохайцев и киданей в министерствах была в целом относительно невелика, что объясняется общей немногочисленностью их населения (Воробьев 1975: 172, табл. 10).

Опасаясь растворения, чжурчжэни старались ограничивать процент госслужащих из числа китайцев в высших органах власти. Удельный вес китайцев постоянно увеличивался, но никогда не достигал половины (Там же: 171–173). Заимствованная из Китая система экзаменов была преобразована таким образом, чтобы фильтрация китайцев была жестче. Чжурчжэням было гораздо проще получить степень *цзиньши*, чем китайцам. Кроме этого, чжурчжэни могли получить должность по наследству или по протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо – «северян» (*ханьэр*), чем для «южан» (*наньжэнь*) сунцев (Тао Jing-shen 1976: 55–57). При этом почти весь XII в. в разных частях государства продолжали сосуществовать разные письменные языки (китайское, киданьское и чжурчжэньское письмо). Только в 1191–1192 гг. была сделана попытка упразднить киданьское письмо (Wittfogel, Feng 1949: 252–253).

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура Чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов государственного аппарата. Далее располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Еще ниже находились племенные вожди и, наконец, простые чжурчжэни, которые были опорой армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Из представителей нечжурчжэньских народов в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы,

хотя их влияние было ограничено верховной властью. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но еще тяжелее было положение казенных и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Для дополнительного поддержания порядка на завоеванных землях была создана система чжурчжэньских военных поселений – *мэньань* и *моукэ* (Воробьев 1975: 130–142).

Чжурчжэни имели многочисленную, хорошо обученную и вооруженную армию. По данным источников, в 1161 г. воинские подразделения Цзинь могли выставить 1–1,2 млн человек. Сюда входили 25 тыс. человек регулярных войск из числа чжурчжэней, расположенных в основном в столицах, порядка 40 тыс. человек резервной армии в Шаньдуне, до 400 тысяч мобилизованных в разных губерниях и около 700 тысяч из числа китайцев, бохайцев и киданей (Там же: 195).

Основной задачей военных поселений *мэньань* и *моукэ* на завоеванных территориях было занятие сельским хозяйством в мирное время и участие в военных походах в годы войны. Однако на практике чжурчжэни не только принимали участие в военных походах, но и были привлечены к военным тренировкам, а также к другим обязанностям. Часть из них в мирное время вела праздный образ жизни, пьянствовала. Вследствие всех этих и других причин конкурентоспособность *мэньань* и *моукэ* уступала китайским хозяйствам. Многие домохозяйства чжурчжэней разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам.

Государство разными способами пыталось бороться с этой проблемой – раздавало беднякам зерно, запрещало пьянство, выкупало должников, организовывало регулярные военные тренировки. Тем не менее с течением времени этнический фундамент системы военных поселений стал разрушаться. К середине XII в. уже существовали разные по своему этническому составу группы *мэньань* и *моукэ*. Помимо *мэньань* и *моукэ*, состоящих из чжурчжэней (часть из них находились под управлением представителей высшей элиты и императорского клана), были сформированы военные поселения, составленные не из чжурчжэней, а из киданей и китайцев (Franke 1994: 274–275).

Согласно переписи 1183 г., система военных поселений составляла 615624 домохозяйств, к которым было приписано 6158636 человек. Из них 4812669 человек были отнесены к простолюдинам, остальные к рабам и другим неполноправным категориям населения. В совокупности они составляли 202 *мэньаня* и 1878 *моукэ* (Воробьев 1975: 141–142, табл. 6; Franke 1994: 276). Эти сведения дают важную информацию о численности *мэньань* и *моукэ*. Получается, что *мэньань* состоял в среднем из 9 *моукэ*. Одно *моукэ* состояло из 328 домохозяйств. Численность домохозяйства была около 10 человек. В среднем на домохозяйство приходилось два лица рабского или подобного статуса. Среднестатистическая численность одного *моукэ* была несколько более 3000 человек, а одного *мэньаня* – 30000 человека. В совокупности количество приписанных к *мэньань* и *моукэ* людей составляло чуть больше десятой части численности населения империи Цзинь.

Достаточно хорошо изучены города чжурчжэней на территории Приморья (Бакшеева, Прокопец 2018). Здесь исследовались памятники разного ранга. Около современного Уссурийска на противоположном берегу реки Раздольная (Суйфун) находится Краснояровская крепость – город Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся (Ивлиев 1996). Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследовано большое количество жилищных усадеб, иных хозяйственных объектов, открыто несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей – кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутренний город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков, – так называемый «запретный город» с дворцовыми зданиями, кварталы чиновников и представителей господствующей элиты, храмовые комплексы, государственные склады и др. (Артемьева 2011).

Одно из наиболее изученных горных городищ чжурчжэней – Шайгинское городище. Это был настоящий город, в котором были сконцентрированы институты власти, мощный металлургический квартал, представители других видов ремесел, городские склады и т. д. В нижней части распадка поблизости от водного источника находились металлургические печи. Выше от них – квартал ремесленников с небольшими жилищами-мастерскими. Напротив, на противоположном склоне распадка, расположены три «внутренних города», окруженных земляными валами и примыкавших друг к другу. Здесь находятся остатки зданий с колоннами и большие пустые пространства. В этом районе найдено большинство находок, связанных с институтами власти (пайцза, печать *чжичжуня* – крупного чжурчжэньского чиновника, эталонные гири). В северо-восточной части городища имеется еще один «запретный город» с большими жилищами, подобием площади и входом с черепичной аркой (Шавкунов 1990; Ивлиев 2006).

Примером небольшого военного поселения (*моукэ*) является Ананьевское городище в Надеждинском районе Приморья (Хорев 2012). Оно расположено на уплощенной части горного хребта и окружено валами. Площадь памятника – 10,5 га. Здесь раскопано 118 жилищ, а общее количество, возможно, превышает несколько сотен. При исследовании выделено два строительных горизонта. На раннем этапе существования памятника строились небольшие жилища с П-образным или Г-образным каном. Планировка отсутствовала. На позднем этапе возводились большие жилища с П-образным каном и хозяйственным амбаром. Строительство осуществлялось по единому плану. Жители городища занимались несением воинской службы и земледелием. Они были объединены в военное поселение (*моукэ*).

В целом чжурчжэньским равнинным и горным городищам была присуща развитая фортификация, грамотно вписанная в индивидуальные особенности ландшафта. Они имели сложную планиграфию – так называемые «запретные города», редуты, квартальное деление, улицы. В некоторых городах имелись большие пустые участки (как у киданей). На ряде памятников встречены фундаменты под юрты (Константиновское городище). Население городов занималось

ремеслом, а также земледелием и животноводством. Уровень развития ремесла был высок для того времени. Мы можем предположить, что ремесленники могли быть организационно объединены под контролем государства. Однако по данным археологии это не прослеживается.

Заключение

В целом для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской политической культуры, также прослеживается влияние находящихся на пике могущества на новые формирующиеся политии. Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов. Большое влияние на них оказала «тюркская» модель, не случайно еще в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни – на процессы политогенеза у монголов. Это выразилось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр.

Другой важной чертой политического устройства дальневосточных государств является дуализм политической системы империй. Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.), как и впоследствии государство чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.), имела более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В случае с киданями и чжурчжэнями это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей-земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явления нередко называют суперстратификацией) и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских империях» были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточно-деспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

Что являлось причиной кризиса и распада государств и империй Дальневосточного региона? Как известно, все империи рано или поздно распадаются. Причинами их гибели могут быть самые разнообразные факторы – от изменений климата и появления на внешней арене более мощной империи до внутренних восстаний и революций. Есть большое число исследований, в которых дается обоснование тех или иных обстоятельств кризисов, упадков и распадов империй и больших государств (см., например: Tainter 1988; Chase-Dunn, Hall 1997; Даймонд 2012). Однако наиболее точно природу циклов аграрных государств отражает структурно-демографическая теория. В ее основе лежит модель, согласно

которой причина кризисов находится в изменении соотношения таких составляющих, как объем аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество взимаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и росту цен. Независимо от этого согласно так называемому первому закону Паркинсона одновременно увеличивается численность элиты и аппарата. Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и краху (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаев 2012 и др.).

Все это можно проследить в истории средневековых дальневосточных государств. К сожалению, информации о внутренней жизни Бохая в нарративных источниках практически нет. Однако перепроизводство бюрократии в киданьском государстве зафиксировано в летописях. В «Ляо ши» сохранились подробные данные о количестве лиц, сдавших экзамены на степень *цзиньши* с 988 по 1118 г. Если в первые 16 лет количество сдавших исчислялось единицами, то с 1006 г. счет уже пошел на десятки, а с 1056 г. счет осчастливленных переваливал в годы выборов, как правило, за сотню (Wittfogel, Feng 1949: 491–492). Киданьская армия и бюрократия обходились казне слишком дорого. Мало того что фактически вся дань от Сун уходила на их оплату, с течением времени киданьская знать, представители которой стали крупными земельными собственниками, стала уклоняться от уплаты налогов. Это сокращало и без того не очень высокий уровень налогообложения в стране. Налоговая нагрузка на китайских крестьян возрастала и многие из них разорялись, превращались в бродяг и разбойников либо восставали против непомерного гнета (Wittfogel, Feng 1949: 286, 377, 406; Varfield 1992: 177).

В результате степень эксплуатации крестьян все нарастала, это вело к их бегству и восстаниям. Ухудшалось качество и уменьшалось поголовье государственных стад, учащались случаи продажи государственных лошадей частным лицам, конокрадство и подмена хороших государственных лошадей худшими (Wittfogel, Feng 1949: 118). Мощь государства расшатывалась и все возраставшей борьбой за власть среди киданьской аристократии. Поскольку династия Ляо была кочевой империей, то нужно учитывать важное значение такого фактора, как увеличение численности элиты в геометрической прогрессии вследствие наличия института многоженства (Крадин 2015).

Схожие процессы можно выделить и в империи Цзинь. К 1183 г. численность чиновников составляла 19 700 человек при общей численности населения 44,7 млн человек. В 1193 г. численность чиновников была снижена до 11499 при некотором росте населения до 48,5 млн человек. Это было сделано при Чжанцзуне за счет вытеснения китайцев и киданей. В 1207 г. численность чиновников достигла 47 тыс. человек при общей численности населения страны в 45,8 млн человек (Воробьев 1975: 173). Следовательно, за период с 1188 по 1207 г. соотношение между числом чиновников, приходящихся на одного человека, выросло в 2,8 раза! С точки зрения структурно-демографической теории это классический показатель кризиса, который привел в конечном счете чжурчжэньскую государственность к закономерной гибели.

Библиография

- Артемяева Н. Г. 2011.** Итоги исследований Красноярского городища Приморской археологической экспедицией. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока* / Ред. В. А. Лыньца, с. 270–277. Уссурийск: Изд-во Уссурийского государственного педагогического ин-та.
- Бакшева С. Е., Прокопец С. Д. 2018.** Города Бохайского государства. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 203–250. М.: Вост. лит-ра.
- Бичурин Н. Я. 1950.** *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Болдин В. И. 1986.** *Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Болдин В. И., Никитин Ю. Г., Сук-Бэ, Чжун С., Лещенко Н. В. 2010.** *Бохайские памятники в Приморье и Константиновское I селище*. Тэджон: Корейский гос. ун-т культурного наследия.
- Ван Чэнли. 1984.** *Бохай цзянь ши* [Краткая история Бохая]. Харбин.
- Викторова Л. Л. 1980.** *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М.: Наука.
- Воробьев М. В. 1975.** *Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк*. М.: Наука.
- Воробьев М. В. 1983.** *Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.)*. М.: Наука.
- Гельман Е. И. 2018.** Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней. *Ойкумена* 1: 60–72.
- Гельман Е. И., Асташенкова Е. В. 2018.** Культура и повседневность бохайских городов. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 124–148. М.: Вост. лит-ра.
- Гельман Е. И., Асташенкова Е. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л. 2018.** Города Бохайского государства. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 68–123. М.: Вост. лит-ра.
- Гончаров С. Н. 1986.** *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142)*. М.: Наука.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Даймонд Дж. 2012.** *Коллапс*. М.: АСТ.
- Даньшин А. В. 2006.** *Государство и право киданьской империи Великое Ляо*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Е Лунли. 1979.** *История государства киданей*. М.: Наука.
- Ивлиев А. Л. 1986.** *Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Ивлиев А. Л. 1988.** *Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов)*. *Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века* / Отв. ред. Э. В. Шавкунов, с. 6–15. Владивосток: ДВНЦ АН СССР.
- Ивлиев А. Л. 1996.** Письменные источники об истории Приморья середины I – начала II тысячелетия н. э. *Приморье в древности и средневековье* / Отв. ред. А. М. Кузнецов, с. 39–34. Уссурийск: УГПИ.
- Ивлиев А. Л. 2005.** Очерк истории Бохая. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье* / Отв. ред. Ж. В. Андреева, с. 449–475. Владивосток: Дальнаука.
- Ивлиев А. Л. 2006.** О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. *Вестник ДВО РАН* 2: 109–113.

- Коллинз Р. 2001.** Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и агро-принудительных обществ. *Время мира: альманах*. Вып. 2, с. 462–476. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. 2-е изд. М.: КомКнига.
- Крадин Н. Н. 1989.** *Социальный строй народов Дальнего Востока СССР I тыс. н. э.* Препринт. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР.
- Крадин Н. Н. 2005.** Тюркские руны и время образования бохайского государства. *Article of Old Choson, Koguryo, and Parghae*, pp. 623–632. Seoul: Kogurye Research Foundation.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. 2014.** *История киданьской империи Ляо (907–1125)*. М.: Наука, Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л. 2011.** *Киданьский город Чинтолгой-балгас*. М.: Вост. лит-ра.
- Ларичев В. Е. 2007. (Ред.)**. *История Железной империи*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.
- Леньков В. Д. 1993.** Черная металлургия Бохая: К вопросу организации и технологии производства. *Россия и АТР* 1: 41–54.
- Ляо ши** [История династии Ляо]. Пекин: Изд-во Бона, 1958.
- Малывкин А. Г. 1974.** *Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв.* Новосибирск: Наука.
- Нефедов С. А. 2008.** *Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.: Территория будущего.
- Полутов А. В. 2014.** Государственный аппарат государства Бохай. *Известия Восточного института* 2: 16–27.
- Попова И. Ф. 1999.** *Политическая практика и идеология раннетанского Китая*. М.: Вост. лит-ра.
- Сергушева Е. А. 2018.** Сельское хозяйство городского населения. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 251–280. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Таскин, В. С. 1984. (Сост.)**. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: URSS.
- Хорев В. А. 2012.** *Ананьевское городище*. Владивосток: Дальнаука.
- Цай Мэйбяо. 1964.** Цидань-дэ було цзучжи хэ гоцзя-дэ чаньшэн [Племенная организация и образование государства у киданей]. *Лиши яньцзю* 5–6: 165–194.
- Цзинь Юйфу. 1982.** *Бохай го чжи чанпянь* [Собрание сведений о государстве Бохай]: в 2 т. Чанчунь 1982.
- Цзинь ши** [История династии Цзинь]: в 8 т. Пекин, 1975.
- Чжан Чжэнмин 1979.** *Цидань шилюэ* [Очерк истории киданей]. Пекин.
- Чэнь Юнчжи 2011.** *Цидань ши жогань взньти яньцзю* [Исследование некоторых вопросов истории киданей]. Пекин.
- Шавкунов Э. В. 1968.** *Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Шавкунов Э. В. 1990.** *Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Шавкунов Э. В. (Отв. ред.) 1994.** *Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Barfield T. J. 1992.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. 2nd ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Chase-Dunn Ch., Hall, T. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.

- Franke H. 1975.** Chinese Texts on the Jurchen, I: A Translation of the Jurchen Monograph in the San-Ch'ao Pei-Meng Hui-Pien. *Zentralasiatische Studien* 9: 119–186.
- Franke H. 1978.** *Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234)*. Orladen: Verlag für Sozialwissenschaften.
- Franke H. 1990.** The Forest Peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens. *Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press,
- Franke H. 1994.** The Chin Dynasty. *The Cambridge History of China*. Vol. 6. *Alien Regimes and Border States, 907–1368* / Ed. by H. Franke, D. Twitchett, pp. 215–320. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried M. 1967.** *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- Jagchid S. 1981.** The Kitans and their Cities. *Central Asiatic Journal* 25(1–2): 70–88.
- Kane D. 2009.** *The Kitan Language and Script*. Leiden: Brill.
- Reckel J. 1995.** *Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Song Ki-ho. 1990a.** Current Trends in the Research of Palhae History. *Seoul Journal of Korean Studies* 3(12): 4–20.
- Song Ki-ho 1990b.** Several Questions in Studies of the History of Palhae. *Korea Journal* 30(6): 157–174.
- Song Ki-ho. 1999.** The Dual Status of Parhae: Kingdom and Empire. *Seoul Journal of Korean Studies* 12(11): 104–123.
- Tainter J. 1988.** *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tao Jing-shen. 1976.** *The Jurchen in the Twelfth-Century China. A Study in Sinicization*. Seattle; London: University of Washington Press.
- Thiele D. 1971.** *Der Abschluss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dynastie, 1117–1123*. Münchener Ostasiatische Studien No 6. Wiesbaden: Franz Steiner.
- Twitchett D., Tietze K.-P. 1994.** The Liao. *The Cambridge History of China*. Vol. 6. *Alien Regimes and Border States, 907–1368* / Ed. by H. Franke, D. Twitchett, pp. 43–153. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. 1949.** *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, new series 36.

ЧАСТЬ III. ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ПРОГНОЗЫ

Глава 13. От Афроевразийской мир-системы к глобальной мир-системе

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящей главе будут проанализированы процессы, которые способствовали возникновению и росту Афроевразийской мир-системы, поскольку ее следует рассматривать как прямую предшественницу современной планетарной Мир-Системы. Афроевразийская мир-система уже более двух тысяч лет назад оказалась соединенной из конца в конец торговыми связями, к завершению XIII в. н. э. достигла кульминационной стадии для докапиталистической эпохи (Abu-Lughod 1989), начиная с конца XV в. стала расширяться за счет других мир-систем и наконец в течение XVI–XIX вв. стала планетарной Мир-Системой.

В главе разрабатывается идея о том, что можно проследить генетическую связь между Афроевразийской мир-системой, начало которой просматривается уже в VIII тыс. до н. э., а в более или менее зрелом виде она формируется с 4-го по 1-е тыс. до н. э., и современной глобальной Мир-Системой. Это позволяет увидеть эволюцию современной Мир-Системы, понять, какие факторы влияли на ее рост в разные эпохи. В частности, среди политических процессов, оказавших влияние на ее формирование, стоит отметить такие, как формирование постоянно расширяющегося пояса империй в 1-м тыс. до н. э.; возникновение гигантской Монгольской империи в XIII в.; формирование громадных колониальных империй в XVI и XIX вв.; формирование во второй половине XX в. множества наднациональных организаций. В настоящее время, согласно одной из наших идей (см. главу 15), начинается реконфигурация Мир-Системы, то есть подтягивание политических процессов к вырвавшимся вперед экономическим глобальным процессам, что будет способствовать росту турбулентности в Мир-Системе.

Формирование Афроевразийской мир-системы было одним из наиболее важных моментов в социальной эволюции, начиная с которого она пошла существенно быстрее. В главе мы будем анализировать процессы и масштабы глобальной интеграции в исторической перспективе, начиная с аграрной революции. Мы свяжем главные фазы исторической глобализации с процессами развития Афроевразийской мир-системы.

Глава посвящена обзору глобализационных процессов с самых их истоков. Это тем более важно, что вопрос о том, с какого момента можно говорить о гло-

бализации, является дискуссионным и его решение имеет существенные последствия. Глава написана в аспекте исторической глобализации, ее задача – проанализировать процессы и масштабы интеграции в исторической ретроспективе начиная с аграрной революции. В данной главе мы связываем основные фазы исторической глобализации с развитием Афроевразийской мир-системы, которая в раннее Новое время превратилась в Мир-Систему. В рамках Афроевразийской мир-системы интеграция обществ и регионов началась за несколько тысяч лет до н. э. И постепенно в ней формировались континентальные и трансконтинентальные связи, которые можно считать предшественниками глобальных связей (см. ниже; см. также: Гринин 2011б; Grinin, Korotayev 2013b; 2014d). Эти интеграционные процессы – в зависимости от позиции – можно рассматривать либо как подготовительные, либо как начальные этапы глобализации. Хотя по этой теме уже имеются довольно обстоятельные исследования (см., например: Чумаков 2011; Гринин 2011б; Пантин 2003; Хелд и др. 2004; Зинькина и др. 2016; Grinin, Korotayev 2013b; 2014d; Tracy 1990; Menard 1991; Bentley 1999; O'Rourke, Williamson 1999; 2000; Lewis, Moore 2009; Conversi 2010; Held *et al.* 1999), тем не менее очень многое еще нуждается в изучении, уточнении, переосмыслении и новой интерпретации (см.: Foreman-Peck 1998; Hopkins 2002; Sharp 2008, *etc.*). Эти интеграционные процессы – в зависимости от позиции – можно рассматривать либо как подготовительные, либо как начальные этапы глобализации. В целом наше представление об уровнях и периодизации глобализации отражено в следующей периодизации:

1. Локальные связи.
2. Локально-региональные связи.
3. Регионально-континентальные связи.
4. Трансконтинентальные связи.
5. Межконтинентальные (океанические) связи.
6. Глобальные связи.
7. Планетарные связи.

Среди семи периодов, выделенных нами, только первый не может быть отнесен к исторической глобализации.

Важные особенности Афроевразийской мир-системы вытекали из ее масштаба и древности, что вело к непрерывности качественных трансформаций этой мир-системы за счет высокой скорости изменений при ощутимой преемственности в развитии. Необходимо также указать на следующее:

– специфику природно-географических условий. К числу последних относились, в частности: огромный пояс евразийских степей, что обеспечило высокую роль варварской кочевой периферии; значимая роль водных коммуникаций, благодаря которым возникли плотно взаимодействующие регионы, в чьих рамках перемещались самые разные группы товаров (Средиземное море, Балтийское море, путь «из варяг в греки», Индийский океан и др.);

– сверхсложность Афроевразийской мир-системы, которая определялась огромностью ее территории и концентрацией населения и значительно влияла на систему взаимосвязей ее элементов;

– автохтонный характер большей части ее технологических инноваций;
– высокую скорость изменений. Чем больше и разнообразнее мир-система, тем выше скорость ее развития.

В свете сказанного мы будем стремиться:

1) доказать, что уже несколько тысяч лет назад (по крайней мере с IV–III тыс. до н. э., с периода широкомасштабной торговли металлами) масштабы системных отношений стали перерастать региональный уровень и переходить на регионально-континентальный уровень;

2) показать, что уже в конце 1-го тыс. до н. э. масштаб процессов и связей (высшего уровня) в рамках Афроевразийской мир-системы не только превышал региональный и достиг континентального уровня, но и вышел далеко за пределы отдельных континентов. Поэтому мы полагаем, что предельные системные контакты между участниками отношений разного типа (от обществ до индивидов) можно определить как трансконтинентальные (причем как сухопутные, так и океанические – см. ниже о связях в рамках Индийского океана);

3) доказать, что масштаб глобальной интеграции в мире до ВГО был в некоторых параметрах сравним с глобальной интеграцией после них. В частности, в демографическом отношении реально интегрированное человечество составляло 9/10 населения мира уже два тысячелетия назад.

Анализ показывает, что указанный предельный уровень интеграции в рамках Афроевразийской мир-системы не был чем-то незначимым, а существенно влиял на общий вектор развития, ускоряя развитие многих обществ и территорий, которые иначе безнадежно отстали бы от ядра мир-системы.

Некоторые идеи об Афроевразийской мир-системе, связанные с ролью в ее истории кочевников найдут свое подтверждение в главе 6 и следующей главе.

1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мало кто сомневается, что истоки глобализации (независимо от того, с какого момента ее отсчитывать) лежат глубоко в истории. В то же время идут довольно острые споры о том, когда глобализация началась (см. ниже). С другой стороны, совершенно ясно, что искать истоки глобализации в глубинах истории – весьма продуктивный подход. И неслучайно растущий интерес к проблемам глобализации способствовал и росту интереса к тем ее трендам, которые названы «историческим измерением глобализации». Среди таких новых полей можно упомянуть глобальную историю (см.: Mazlish, Iriye 2005; Little 2014). Мы считаем, что в определенном смысле почти вся всемирная история может быть рассмотрена как история движения в сторону все возрастающего размера социальных систем, их интеграции и глобализации в целом (см.: Grinin 2012; Korotayev 2007; 2008; Grinin, Korotayev 2009a; 2009b; 2012c; 2013b; 2014a).

Согласно различным авторам, начало глобализации относится к самым разным эпохам, вплоть до выхода из Африки предков. Гораздо более поздняя, но тем не менее весьма древняя датировка – третье тысячелетие до н. э. (когда, согласно А. Г. Франку, возникла Мир-Система [Frank 1990; 1993; Frank, Gills 1993]). Другие авторы относят начало глобализации к выделенному К. Ясперсом

(1994) «осевому времени», иные – только к периоду Великих географических открытий, или к XIX в., или ко времени после 1945 г., или только с конца 1980-х гг. Каждая дата имеет свой смысл. Однако, независимо от точки зрения, идея исторического измерения глобализации очень полезна и стимулирует исследования (см. подробнее: Гринин 2011б).

Ниже мы проанализируем некоторые подходы к периодизации исторической глобализации и предложим нашу собственную периодизацию. Критерием последней нами избран рост масштабов межобщественных связей как индикатор уровня развития глобализации.

Но предварительно будет необходимо рассмотреть, можно ли (и в какой мере) говорить о процессах в рамках Афроевразийской мир-системы до Великих географических открытий (ВГО) как о глобальных (хотя и в ограниченном смысле слова), поскольку некоторые авторы сомневаются в правомерности такого подхода (Чумаков 2011).

Слово «глобальный», согласно современным толкованиям (см., например: Новейший... 2001: 232), имеет несколько значений, в частности: 1) охватывающий земной шар; 2) масштабный. Очевидно, что в первом значении о глобальных связях можно говорить только после ВГО. Однако представляется, что во втором значении – масштабности – наиболее широкие процессы и связи в Старом Свете можно определить как глобальные. Глобальными их можно назвать и потому, что в течение уже нескольких тысяч лет до начала ВГО они затрагивали абсолютное большинство населения земного шара (см., например: Коротаев и др. 2005; 2007; Гринин, Коротаев 2009).

Исходя из этого, в качестве задачи (вернее, одной из задач) данной главы мы определили анализ масштабов интеграции мира до ВГО, а также попробовали показать, что на своих высших уровнях они вполне достойны именоваться глобальными (пусть и в вышеуказанном ограниченном смысле). Речь идет именно о высших, предельных уровнях отношений, так как обыденный уровень отношений – в связи с ограничениями транспорта и связи – был невелик. Однако для полноценного обоснования таких выводов и с учетом того, что среди исследователей сохраняется тенденция к занижению масштабов связей и процессов в доиндустриальные периоды, требуется, во-первых, достаточно скрупулезный анализ фактов¹, а во-вторых – особая концептуальная методология (что обусловило выбор мир-системного аспекта).

Периодизаций исторической глобализации не так много. Наиболее распространенный тип среди них – трехчленная периодизация, что выглядит достаточно логично. Э. Геллнер (1991; Gellner 1988) верил, что три периода – оптимальное число для любой периодизации. В качестве примера рассмотрим следующую периодизацию (см., например: Hopkins 2002: 3–7; см. также: Bayly 2004): 1) архаическая глобализация; 2) глобализация раннего Нового времени или протоголобализация; 3) современная глобализация.

¹ Многие процессы обстоятельно проанализированы нами в предыдущих работах (Гринин 2007а; 2009; 2011б; Гринин, Коротаев 2009; Grinin 2008b; Korotayev, Grinin 2006; 2012; Grinin, Korotayev 2013a; 2014d).

Трехчленная периодизация глобализации также используется теми, кто отслеживает ее возникновение с момента ВГО. Например, Т. Л. Фридман (Friedman 2005) делит историю глобализации на три следующих периода: Глобализация 1 (1492–1800 гг.), Глобализация 2 (1800–2000 гг.) и Глобализация 3 (с 2000 г.). Он утверждает, что Глобализация 1 касалась глобализации стран, Глобализация 2 – компаний, а Глобализация 3 – уже индивидуумов.

Однако распространенность трехчленных периодизаций вовсе не означает, что они более релевантны. Мы полагаем, что число периодов должно быть определено прежде всего содержанием периодизируемых процессов.

Имеется принадлежащая А. Н. Чумакову (2011: 166–167) четырехчленная периодизация становления глобальных связей по их масштабности, которая в целом логично отражает общую тенденцию роста последней: 1) эпоха фрагментарных событий (завершается 5 тыс. лет назад); 2) эпоха региональных событий (завершается в XV в.); 3) эпоха глобальных событий (завершается в середине XX в.)². Тем не менее определенные моменты этой периодизации нуждаются в обсуждении и дополнительных интерпретациях. В частности, имеет смысл вставить между второй (эпохой региональных событий) и третьей (глобальных событий) эпоху меж(над)континентальных событий. Как мы демонстрируем ниже, по крайней мере со второй половины 1-го тыс. до н. э. многие события не только переросли региональный масштаб, но и приобрели масштаб континентальный и даже трансконтинентальный. Уже в предшествующий период некоторые связи имели регионально-континентальный масштаб.

Наши представления о главных фазах глобализации и связанных с этим изменениях отражены в приведенных ниже таблицах. В частности, мы исходим из следующего наблюдения: хотя ВГО сделали возможным преобразование трансконтинентальных связей в глобальные, однако период между 1500 и 1800 гг. еще нельзя считать зрелой глобализацией по нескольким причинам. Во-первых, не все территории планеты были открыты (Антарктида – наиболее важная часть среди них). Во-вторых, много обществ (в Австралии, Океании и внутренней части Африки) не были вовлечены в глобальные контакты. В-третьих, крупные страны Восточной Азии добровольно изолировали себя от контактов с Европой и другими территориями. В-четвертых, объемы торговли, хотя и серьезно возросшие, все еще нельзя было назвать глобальными (см. по этому поводу подробнее: O'Rourke, Williamson 1999; 2000). Вот почему мы обозначили период с конца XV по начало XIX в. как период океанических (межконтинентальных) связей. Хронологически этот период почти совпадает с тем, который был обозначен А. Хопкинсом (Hopkins 2002: 3–7) и К. Бейли (Bauly 2004) как период протоглобализации или ранней современной глобализации. Однако мы полагаем, что наше определение этого периода более точно отражает масштаб и характер мировых связей в это время. В самом деле, период, датируемый с начала XIX в., может быть определен как «глобализационный взрыв» (O'Rourke,

² В этой периодизации с 1957 г. выделена также четвертая эпоха – космической экспансии.

Williamson 2000). Соответственно мы определили связи в этом периоде как глобальные. Данный период длился до 1970-х гг., после чего (особенно с 1990-х гг.) уровень межобщественных связей начал быстро расти. Таким образом, с 1970-х гг. мы вступили в новую эру, которая, собственно, и получила название глобализации (мондиализации – во французском варианте). Чтобы отличить этот период от предыдущего, мы обозначили связи в нем как планетарные, которые отражают, во-первых, освоение космоса и широкое применение космических технологий для обмена информацией; во-вторых, включение в глобализационные процессы тех обществ, которые ранее были слабо вовлечены в дела мира (в Азии, Африке и других регионах); в-третьих, тот факт, что современная глобализация не реализует полностью своих потенциалов и что этот процесс будет продолжаться. И когда он завершится в XXI столетии, уровень связей станет подлинно планетарным, когда почти любое место в мире будет соединено различными связями с любым другим.

В целом наше представление об уровнях и периодизации глобализации отражено в Табл. 13.1. Среди семи периодов, выделенных нами, только первый не может быть отнесен к исторической глобализации.

Таблица 13.1. Рост уровня глобализации в историческом процессе

Период, номер п/п	Тип пространственных связей (уровень глобализации)	Датировки периода
1	Локальные связи	До 7-го–6-го тыс. до н. э.
2	Локально-региональные связи	С 7–6-го тыс. до н. э. до второй половины 4-го тыс. до н. э.
3	Регионально-континентальные связи	Со второй половины 4-го тыс. до н. э. до первой половины 1-го тыс. до н. э.
4	Трансконтинентальные связи	Со второй половины 1-го тыс. до н. э. до конца XV в. н. э.
5	Межконтинентальные (океанические) связи	С конца XV в. до начала XIX в.
6	Глобальные связи	С начала XIX в. до 1960–1970-х гг.
7	Планетарные связи	С последней трети XX в. до середины XXI в.

В свете сказанного мы стремились:

1) доказать, что уже несколько тысяч лет назад (по крайней мере с IV–III тыс. до н. э., с периода широкомасштабной торговли металлами) масштабы системных отношений стали перерастать региональный уровень и переходить на регионально-континентальный уровень;

2) показать, что уже в конце 1-го тыс. до н. э. масштаб процессов и связей (высшего уровня) в рамках Афроевразийской мир-системы не только превышал региональный и достиг континентального уровня, но и вышел далеко за пределы

отдельных континентов. Поэтому мы полагаем, что предельные системные контакты между участниками отношений разного типа (от обществ до индивидов) можно определить как трансконтинентальные (причем как сухопутные, так и океанические – см. ниже о связях в рамках Индийского океана);

3) доказать, что масштаб глобальной интеграции в мире до ВГО был в некоторых параметрах сравним с глобальной интеграцией после них. В частности, в демографическом отношении реально интегрированное человечество составляло 9/10 населения мира уже два тысячелетия назад.

Анализ показывает, что указанный предельный уровень интеграции в рамках Афроевразийской мир-системы не был чем-то незначимым, а существенно влиял на общий вектор развития, ускоряя развитие многих обществ и территорий, которые иначе безнадежно отстали бы от ядра мир-системы.

Разумеется, скорости распространения сигнала от одного конца мир-системы до другого были несопоставимы с современными, однако так или иначе подобный сигнал проходил и вызывал очень серьезные изменения. Но иногда скорость и не была такой уж малой. Например, бубонная чума, унесшая десятки миллионов жизней, с Дальнего Востока до Атлантического океана распространилась примерно за полтора десятилетия (приблизительно с 1331 по 1347 г. [см., например: McNeill 1976; Dols 1977; Borsch 2005; Макнил 2008]). И столь быстрое и мощное ее движение было напрямую связано с возросшей плотностью и диверсификацией контактов, открывших путь патогенам. Почти столь же быстро прошли с одного конца Евразии до другого монгольские войны.

В Табл. 13.2 мы дополнительно хотели показать корреляцию между ростом глобализации и уровнем технологического развития (в виде перехода на новый этап принципа производства или следующей фазы производственной революции)³, а также корреляцию обоих этих показателей с ростом политической организации обществ.

Таблица 13.2. Корреляция между пространственными связями, политической организацией и технологическим уровнем

Тип социально-пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Локальные связи	До 7–6-го тыс. до н. э.	Догосударственные формы (простые и среднесложные общества)	Охотничье-собираетельский принцип производства, начало аграрно-ремесленного принципа производства

³ Относительно теории принципов производства и производственных революций см.: Гринин 2006а; 2009; Гринин, Коротаяев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.

Окончание Табл. 13.2

Тип социально-пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Локально-региональные связи	С 7–6-го тыс. до н. э. до второй половины 4-го тыс. до н. э.	Догосударственные среднесложные формы и первые сложные политии	Распространение аграрно-ремесленного принципа производства, начало городской революции
Регионально-континентальные связи	Вторая половина 4-го тыс. до н. э. – вторая половина 1-го тыс. до н. э.	Ранние государства и первые империи	Завершающая фаза аграрной революции и зрелость аграрно-ремесленного принципа производства
Континентальные и трансконтинентальные связи	Вторая половина 1-го тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Подъем империй и первые развитые государства	Завершение аграрно-ремесленного принципа производства
Межконтинентальные (океанические)	XVI – нач. XIX в. (≈1492–1821 гг.)	Подъем развитых государств, первые зрелые государства	Первый этап промышленного принципа производства и промышленной революции
Глобальные связи	Нач. XIX в. – 60–70 гг. XX в.	Зрелые государства и ранние формы наднациональных образований	Завершающая фаза промышленной революции и завершение промышленного принципа производства
Планетарные связи	Последняя треть XX–XXI вв., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Формирование наднациональных образований, эпоха ослабления суверенитета и борьбы вокруг суверенных прав, поиск нового типа политических союзов и образований, планетарных форм управления	Начало и развитие научно-кибернетической революции, завершающая фаза которой предположительно датируется 2030–2070-ми гг. ⁴

2. О МИР-СИСТЕМНОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОДХОДАХ

Для анализа истоков глобализации необходимо использовать разные методы анализа, в том числе мы считаем продуктивным привлечь мир-системный подход, который в значительной мере способствует решению таких задач. Представляется, что этот подход мог бы использоваться в историческом анализе ши-

⁴ О кибернетической революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.

ре, поскольку он обладает весьма существенными достоинствами. Во-первых, в его основе лежат системность и широкий охват исторического пространства и времени. Как подчеркивают К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1997), наиболее важным уровнем (структурой) анализа для понимания социальных изменений здесь являются не общества и государства (как в обычном историческом исследовании), а мир-система в целом. Что касается первой части настоящей монографии, то мир-системный подход, его проблематика и терминология, на наш взгляд, очень хорошо подходят для доказательства изложенных тезисов и решения поставленных в ней проблем (см. также: Гринин, Коротаев 2013; Гринин 2013а; 2013б; Grinin, Korotayev 2012а; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б).

Мир-системный подход зародился в 60–70-е гг. прошлого века благодаря работам Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина и Дж. Арриги (Бродель 1986–1992; Франк 2002; Арриги 2006; Валлерстайн 2001; 2006; Braudel 1973; 1981–1984; Amin 1970; 1976; 1994; 1997; 2010; Amin *et al.* 2006; Arrighi 1994; 1997; Frank 1979; 1990; 1993; 1998; Frank, Gills 1993; Wallerstein 1974; 1980; 1984; 1987; 1989; 1993; 2003; см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009).

В какой-то мере он предстал не просто в качестве оппонента цивилизационному подходу, он также представляет собой непосредственное развитие этого подхода, оказавшего очень значительное влияние на историософию и теоретическую историю в XX столетии и по-прежнему остающегося одним из ведущих направлений в теории истории. Среди достижений цивилизационного подхода в контексте нашего исследования особенно ценными можно считать два: 1) критику европоцентризма и всестороннее обоснование многолинейности развития социальной эволюции; 2) выход в теоретических построениях за пределы узконационального масштаба. Действительно, в XIX – начале XX в., до появления цивилизационного подхода, в качестве стандартной эволюционирующей единицы обычно рассматривалось отдельное общество (см. об этом, например: Bentley 1996b)⁵. Однако основоположники цивилизационного подхода поставили вполне правомерный вопрос о том, что история отдельного общества не может достаточно полно объяснить многие вещи. В частности, А. Тойнби писал, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество (под которым он подразумевал цивилизацию), а не

⁵ В XIX в. национально-государственный подход стал вытеснять широко принятый до этого (наряду с национальной историей, конечно) универсальный подход к истории, ведущий свое начало еще с античной традиции Геродота и Полибия. В частности, стоит напомнить, что в 70-е гг. XVIII в. вышла двухтомная «Всемирная история» А. Шлэцера, а в первой четверти следующего, XIX в. появилось первое издание многотомной истории Ф. Шлоссера, которую, как известно, в конце жизни использовал для своих хронологических выписок К. Маркс (см.: Илюшечкин 1986: 14). В философии истории также очень часто речь шла именно о всемирной истории как о естественном поле исследования (см., например, труды Дж. Вико [1940], И. Канта [1966], И. Г. Гердера [1977], наконец, Г. В. Ф. Гегеля [1935]). С ростом мощи отдельных государств и национализма, с укреплением школ национальной истории усилилось убеждение, что взгляд на историю как на всемирную, как на некую цельность является устаревшим (см., например: Милуков 1994 [1937]), что до сих пор дает о себе знать (см. об отношении к понятию всемирной истории, например: Pomper 1995; Geyer, Bright 1995; Bentley 1996a; 1996b).

его случайные изолированные фрагменты вроде национальных государств современного Запада или полисов греко-римского периода (Тойнби 1995: 24).

В историческом процессе в прошлом, равно как и в настоящее время, одновременно действуют самые разные, часто полярные, противоположные тенденции, например, к универсализации и дифференциации, к единообразию и усилению разнообразия, конвергенции и дивергенции (см. главу 4). Это вполне закономерно для столь сложных и масштабных процессов. Б. С. Ерасов прав, когда пишет, что антиномия мироведческих и цивилизационных исследований отражает различные измерения мировых процессов: «...мир един и разнообразен» (Ерасов 1998: 536).

Таким образом, совершенно невозможно с надлежащей глубиной анализировать ход исторического процесса, не используя различные методы, позволяющие исследовать надобщественные и надцивилизационные процессы. И хотя среди этих методов мир-системный является весьма продуктивным, его ни в коем случае нельзя рассматривать ни как единственный, ни как универсальный. Он имеет существенные недостатки, особенно в определенных своих модификациях, например в версии И. Валлерстайна (о слабых местах некоторых модификаций мир-системного подхода см. ряд материалов в книге Б. С. Ерасова [1998]⁶; см. также: Следзевский 2002)⁷. Иными словами, ни один метод анализа мы не считаем пригодным для решения всех проблем. Методы выбираются исходя из научных задач. Как справедливо указывал Г. Башляр (1987: 124), «метод образует единство с его применением». С другой стороны, в определенной степени также прав В. А. Попов, указывая, что методология существенно влияет на логику исследования (Попов 1990: 13).

Согласно И. Валлерстайну (Wallerstein 1974), современная мир-система формируется в так называемом «долгом шестнадцатом веке» (приблизительно 1450–1650 гг.). Однако до этого в мире существовало множество других мир-систем. Эти мир-системы И. Валлерстайн подразделяет на три типа: 1) мини-системы; 2) мир-экономики; 3) мир-империи. Мини-системы были характерны для первобытных обществ, основанных на присваивающем хозяйстве. Для аграрных (и в особенности для сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных) обществ характерны два других вида мир-систем: мир-экономики и мир-империи.

Мир-экономики представляют собой политически децентрализованные системы обществ, которые связаны между собой реальными экономическими связями (они могут совпадать с цивилизациями, но могут охватывать и более одной цивилизации или, наоборот, только часть территории одной цивилизации). При этом критерием реальности экономических связей между различными частями мир-системы, по И. Валлерстайну, является наличие между ними экономически значимых потоков «массовых товаров» (пшеницы, руды, хлопка, пеньки, орудий труда, предметов массового потребления и т. п.). Если продуктообмен между

⁶ Особенно главу XVII «Цивилизации и мировые системы», в которой, в частности, дан анализ взглядов исследователей, принадлежащих к разным интеллектуальным лагерям, таких как М. Мелко, С. Сандерсон, Т. Холл, В. Рудометов, Р. Робертсон.

⁷ Подробнее о достоинствах и недостатках мир-системного и цивилизационного подходов см.: Гринин, Коротаев 2009.

двумя регионами ограничивается только торговлей предметами роскоши, то, по И. Валлерстайну, у нас нет оснований говорить об их принадлежности к одной мир-системе вообще и мир-экономике в частности⁸.

Если мир-экономика оказывается политически централизованной в рамках единой империи, то речь, по И. Валлерстайну, идет уже не о мир-экономике, а о мир-империи. Мир-экономики в целом характеризуются бóльшим социально-экономическим динамизмом, но почти все докапиталистические мир-экономики рано или поздно трансформировались в мир-империи (последние также нередко претерпевали распад, им на смену могли приходиться мир-экономики, но это оказывалось лишь началом нового цикла, завершавшегося созданием очередной мир-империи на месте очередной мир-экономики).

По И. Валлерстайну, из этого правила было, по сути дела, лишь одно значимое исключение, подробно проанализированное им в его первой мир-системной монографии (Wallerstein 1974). В «долгом шестнадцатом веке» западноевропейская мир-экономика заблокировала ее намечавшееся превращение в единую мир-империю, испытала капиталистическую трансформацию, приведшую к появлению мир-экономики нового, капиталистического типа. Эта новая мир-система уже в «долгом шестнадцатом веке» подверглась стремительной экспансии и после некоторой фазы относительной стабилизации реально охватила собой весь мир в XIX в.

Помимо подхода Валлерстайна, существуют еще несколько подходов: А. Г. Франка, К. Чейз-Данна и Т. Холла и др. Все исследователи так или иначе согласны в том, что с XVI в. существует единая глобальная мир-система. Однако относительно предшествующего периода их взгляды радикально расходятся. К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) исходят из того, что начиная с V тыс. до н. э. на территории Евразии стали зарождаться различные многочисленные мир-системы, однако они постепенно интегрировались, и примерно с 200 г. до н. э. можно говорить о единой Афроевразийской мир-системе. Подход А. Г. Франка (Frank 1993; Frank, Gills 1993) несравненно более логичен, чем подход И. Валлерстайна. Он считал, что речь должна идти лишь об одной Мир-Системе (которую он предпочитал обозначать именно с использованием заглавных букв). При этом, по А. Г. Франку, Мир-Система зародилась за много тысяч лет до «долгого шестнадцатого века» на Ближнем Востоке. Эта мысль отражена уже в названии известной коллективной монографии, изданной под его и Б. Джиллса редакцией: «Мир-Система: 500 или 5000 лет?» (Frank, Gills 1993). Эта Мир-Система прошла через целую серию фаз расширения и сжатия, постепенно включая в себя все новые области нашей планеты, пока в XIX в. она не охватила собой весь мир. Подчеркнем, что XIX в., таким образом, стал не временем появления Мир-Системы, которая и до того существовала тысячи лет, а моментом ее кульминационного расширения.

⁸ Таким образом, И. Валлерстайн считал, что о формировании единой Мир-Системы можно говорить только тогда, когда начинается обмен массовыми товарами в трансконтинентальных масштабах. Соответственно возникновение трансконтинентальной торговли шелком (то есть престижным, а не массовым товаром) он, в отличие от К. Чейз-Данна и Т. Холла (см. дальше), отказывался рассматривать как критерий наличия единой Афроевразийской мир-системы.

В настоящей главе будут проанализированы процессы, которые способствовали возникновению и росту Афроевразийской мир-системы, поскольку ее следует рассматривать как прямую предшественницу современной планетарной Мир-Системы. Афроевразийская мир-система уже более двух тысяч лет назад оказалась соединенной из конца в конец торговыми связями, к завершению XIII в. н. э. достигла кульминационной стадии для докапиталистической эпохи (Abu-Lughod 1989), начиная с конца XV в. стала расширяться за счет других мир-систем и наконец в течение XVI–XIX вв. стала планетарной Мир-Системой⁹.

3. АФРОЕВРАЗИЙСКАЯ МИР-СИСТЕМА

Общая характеристика

Мы полагаем (см.: Гринин, Коротаев 2009), что до появления единой Мир-Системы существовали по крайней мере несколько мир-систем (Американская, Полинезийско-Меланезийская, Австралийская). Однако Афроевразийская мир-система с самого своего возникновения и на протяжении последующих тысячелетий постоянно лидировала, имела тенденцию к расширению, усложнению и более высокую скорость развития. Уже к началу I в. н. э. в ней проживало более 90 % населения мира (см., например: Durand 1977: 256), и далее этот процент имел общую тенденцию не к уменьшению, а к увеличению.

Мир-систему можно определить как обладающую системными характеристиками предельную совокупность социумов, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009: 9–10). При этом предельность понимается как такая граница, за которой если и есть контакты между обществами мир-системы и не входящими в нее социумами или их частями, то эти контакты не слишком существенны, то есть они даже по истечении значительного времени не ведут к серьезным изменениям в системе, подобно тому как путешествия скандинавов в Новый Свет и даже создание ими там своих поселений не привели ни к каким значимым изменениям ни в Америке, ни в Европе (см., например: Слезкин 1983: 16).

Однако это определение прежде всего относится к периоду, когда сосуществовало несколько мир-систем. Для современной единой Мир-Системы ее дефиниция оказывается более приближенной к понятиям «планетарная система», «глобальная система», «человечество как система». В любом случае в понятии «мир-система» необходимо учитывать оба аспекта: «мира», то есть масштабно-

⁹ Соответственно когда мы говорим об одной из мир-систем наряду с другими, то пишем термин со строчной буквы («мир-система»), а когда говорим о самой крупной или единственной мир-системе, то пишем обе части термина с прописных букв («Мир-Система»).

сти в пространстве и времени, и «системы», то есть особой значимости внутренних связей и взаимодействий (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009: 9ff.).

Важные особенности Афроевразийской мир-системы вытекали из ее масштаба и древности, что вело к непрерывности качественных трансформаций этой мир-системы за счет высокой скорости изменений при ощутимой преемственности в развитии. Необходимо также указать на следующее:

- специфику природно-географических условий. К числу последних относились, в частности: огромный пояс евразийских степей, что обеспечило высокую роль варварской кочевой периферии; значимая роль водных коммуникаций, благодаря которым возникли плотно взаимодействующие регионы, в чьих рамках перемещались самые разные группы товаров (Средиземное море, Балтийское море, путь «из варяг в греки», Индийский океан и др.);

- сверхсложность Афроевразийской мир-системы, которая определялась огромностью ее территории и концентрацией населения и значительно влияла на систему взаимосвязей ее элементов;

- автохтонный характер большей части ее технологических инноваций;

- высокую скорость изменений. Чем больше и разнообразнее мир-система, тем выше скорость ее развития (см., например: Kremer 1993; Korotayev *et al.* 2006; Markov, Korotayev 2007; Гринин 2011a; Гринин, Коротаев 2009; Korotayev 2007; 2008; 2009; 2012; 2014).

Краткий обзор основных событий эволюции Афроевразийской мир-системы

Для эволюции Афроевразийской мир-системы (Мир-Системы) мы также сделали свою периодизацию. Она в значительной мере совпадает с периодизацией глобализации, однако имеет и некоторые особенности. Очевидно, что рост мир-системы обеспечивал основу для роста уровней глобализации. Неполное совпадение объясняется разными принципами для периодизации глобализации и эволюции Мир-Системы.

В Табл. 13.3 вы видите связь между фазами исторической глобализации и фазами развития Афроевразийской мир-системы (в нашей интерпретации).

Таблица 13.3. Корреляция между ростом уровня глобализации и подъемом Афроевразийской мир-системы

Тип пространственных связей (уровень глобализации)	Период	Фазы развития Афроевразийской мир-системы
Локальные связи	До VII–VI тыс. до н. э.	
Локально-региональные связи	С VII–VI тыс. до второй половины IV тыс. до н. э.	Первая фаза: с 8–4-го тыс. до н. э. – формирование контуров и структуры ближневосточного центра Афроевразийской мир-системы

Окончание Табл. 13.3

Тип пространственных связей (уровень глобализации)	Период	Фазы развития Афроевразийской мир-системы
Регионально-континентальные связи	Со второй половины 4-го тыс. до первой половины 1-го тыс. до н. э.	Вторая и третья фазы: 3-е и 2-е тыс. до н. э. – развитие центров Афроевразийской мир-системы на протяжении бронзового века (вторая фаза). С I тыс. до 200 г. до н. э. – Афроевразийская мир-система как пояс расширяющихся империй и новых цивилизаций (третья фаза)
Трансконтинентальные связи	Со второй половины 1-го тыс. до н. э. до конца XV в. н. э.	Четвертая и пятая фазы: с 200 г. до н. э. до XIV в. н. э. – Афроевразийская мир-система интегрируется степной периферией. Апогей Афроевразийской мир-системы: мировые религии и мировая торговля
Межконтинентальные (океанические) связи	С конца XV в. до начала XIX в.	Шестая фаза: с XV по XVIII в. – трансформация Афроевразийской мир-системы в планетарную Мир-Систему
Глобальные связи	С начала XIX в. до 1960–1970-х гг.	Седьмая фаза: с начала XIX до последних десятилетий XX в. – индустриальная Мир-Система и зрелая глобализация
Планетарные связи	С последней трети XX в. до середины XXI в.	Последующие фазы: зрелая и интегрированная Мир-Система

Процессы объединения обществ начались десятки тысяч лет назад. Поэтому даже для первобытного мира говорить о полной разобщенности невозможно. Имеются многочисленные археологические, палеолингвистические и иные данные о культурно-информационных и материально-обменных контактах уже в верхнем палеолите – на достаточно больших пространствах, насчитывающих сотни и даже тысячи километров. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены в верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины – в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря и т. д. (см., например: Кларк 1953; Румянцев 1987: 170–171). О еще более обширных сетях взаимодействия в это время свидетельствует сам факт наличия археологических культур, многие из которых охватывали миллионы квадратных километров. Однако по-настоящему о процессах интеграции обществ, приведших к формированию Афроевразийской мир-системы, можно говорить только после начала аграрной революции.

В течение X–VIII тыс. до н. э. на Ближнем Востоке (в районе Плодородного полумесяца – Палестины, Сирии, Северной Месопотамии и Западного Ирана) появляются и распространяются земледелие и скотоводство, в результате чего уровень развития обществ и поселений повышается. В течение 8–4-го тыс. до н. э. между различными районами Передней и некоторых других регионов

Азии, Северной Африки и частично Европы устанавливаются достаточно эффективные информационные, культурные и даже торговые связи (см. ниже).

В IV–III тыс. до н. э. сначала в Южной Месопотамии, а затем и в других областях Ближнего Востока возникает множество городов. Появляется письменность. В это же время в Египте и Месопотамии осуществляется переход к широкомасштабному ирригационному земледелию и новым технологиям обработки почвы (об этих и других упомянутых ниже инновациях см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015). На этой базе формируются первые ранние государства и цивилизации (см., например: Гринин 2010; 2011а; Grinin, Korotayev 2012b). В это время достаточно синхронно начинают широко внедряться важнейшие технологические инновации: колесо, плуг, гончарный круг, упряжь. Появление меди и бронзы расширяет военные возможности, начинается борьба за гегемонию (о циклах борьбы за политическую гегемонию подробнее см.: Frank 1993; Frank, Gills 1993; Modelski, Thompson 1996; Thompson 1988; см. также: Гринин 2016б). Новые цивилизационные центры возникают за пределами Переднеазиатского центра (например, минойская и хараппская цивилизации).

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти (Смелзер 1994), возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ (Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011а; Grinin, Korotayev 2009а; Grinin 2009; 2012). При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными обществами, едва ли не древнее политики внутренней¹⁰. Но очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась какая-то система ранних государств, а произошло это лишь в начале III тыс. до н. э. В конце данного тысячелетия появились уже первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и перманентной борьбе за лидерство (Frank, Gills 1993; см. также: Chase-Dunn *et al.* 2010). Одна за другой сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Старовавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В те времена данный регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее значительную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской мир-системы были борьба между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина II тыс. до н. э.)¹¹; возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образова-

¹⁰ О войнах в примитивных обществах см., например: Keeley 1996.

¹¹ В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце II тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце II и первой половине I тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и по сию

ние коалиции против Ассирии (Египет, Нововавилонское царство, мидийцы), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). Борьба за гегемонию во многом способствовала развитию государственности и ее распространению, а также созданию государств нового типа (развитых государств; см.: Гринин 2010).

Политическую карту постоянно меняют нашествия кочевников (гутиев, амореев, гиксосов и др.). В 3-м тыс. до н. э. возникают и развиваются новые цивилизации (крито-микенская, индская [Мохенджо-Даро и Харappa]). Несколько позже, во 2-м тыс. до н. э., новый мир-системный центр появляется на Дальнем Востоке (первое китайское государство Шан-Инь). В целом в результате указанных процессов границы Мир-Системы колоссально расширяются. В течение 1-го тыс. до н. э. борьба за гегемонию выходит далеко за рамки Ближнего Востока. В греко-персидских войнах в V в. до н. э. впервые столкнулись Европа и Азия. Здесь кстати отметить, что длительное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов того или иного правителя, его величия. С греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, а позже – цивилизации и варварства (доктрина, нашедшая наивысшее идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры¹², но особенно в результате противостояния ислама и христианства. Среди политических идей нельзя не отметить разработку проблемы легитимности политического порядка в государстве, частично объясняющей внешнюю политику. Эти и другие принципы постепенно институционализируются, и в Новое время они начинают закладываться в основу политического порядка (см. подробнее в Главе 2; см. также: Гринин 2016).

С завоеваний Александра Македонского возникла идея мирового государства, которая время от времени вдохновляла завоевателей (последними из которых вплоть до Нового времени были Чингисхан и Бату-хан), принесла много страданий, но в то же время способствовала сближению цивилизаций и народов.

Поход Александра Македонского в конце IV в. до н. э. сокрушил первую в истории мировую державу (государство Ахеменидов) и создал (правда, ненадолго) еще более обширную, действительно Афроевразийскую империю, распо-

пору складывается практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

¹² Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан (Петрушевский 1977; Грантовский 1987; Адамба и др. 1987). Христианские правители начинают распространять христианство и преследовать еретиков; но особенно заметным это стало с VII в. и распространения ислама. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс влияния на формирование международного порядка. Он и сегодня властно напоминает о себе, хотя и не является первичным источником конфликта в мире после холодной войны, как нередко трактуют идеи С. Хантингтона (1994; 2003).

ложенную на трех континентах. Разделившаяся держава Александра Македонского создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания большинства из них Римом. В конце I тыс. до н. э. образуются новые крупные государства: Римская республика, Кушанская и Китайская империи (Цинь, потом Хань). Затем между Западным и Восточным концами Мир-Системы устанавливается новый, небывалый по длине торговый (Шелковый) путь.

Появление крупных держав и цивилизаций ведет к их противостоянию с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению наибольших территорий. Появляются, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых политий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы (см. об этом: Коротаев, Гринин 2008; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2013a; 2013b; 2014a).

В I-м тыс. до н. э. и начале I-го тыс. н. э. в связи с изменениями климата и в результате важных технических инноваций (седло, стремя и др.) формируется новый тип кочевых обществ, способных преодолевать на лошадях огромные расстояния и быстро превращаться в мобильную армию. В результате обширнейший массив евразийских степей стал кочевой периферией Мир-Системы.

В первые века нашей эры в итоге массовых переселений и военных вторжений народов варварской периферии этническая и культурная картина в Мир-Системе значительно изменилась. Западная Римская империя исчезла под ударами варваров. Еще ранее произошел коллапс империи Хань в Китае. В итоге бурных событий в Мир-Системе (в Европе, Африке и Азии) появляется множество новых государств, в том числе и имперского типа (Франкская, Византийская империи, государство Сасанидов, империя Гуптов в Индии, империя Тан в Китае), часть из которых (как тюркские каганаты) играла роль торговой связки между Востоком и Западом.

В I-м тыс. н. э. возникли и/или стали распространяться мировые религии (включая конфуцианство). Буддизм широко распространялся в различных регионах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии (включая Китай, Японию, Корею и Тибет). Конфуцианство стало преобладать в Восточной Азии и некоторых областях ЮВА. Христианство охватило всю Западную и Восточную Европу, Ближний Восток и Северную Африку. Наконец, с VII в. взрывным образом стал распространяться ислам, охвативший всю Переднюю Азию и часть Африки. Возник огромный Исламский халифат. Он быстро распался, однако оставил мощную систему взаимосвязей в исламском мире (см., например: Korotayev 2003; Korotayev *et al.* 1999; 2003).

Важнейшими мир-системными событиями стали крестовые походы XI–XIII вв., открывшие на многие века канал торговли пряностями из Индии в Европу. Образование небывалой по размерам Монгольской империи в XIII в. обеспечило приток важнейших инноваций в Европу¹³ и создало ранее невиданный по масштабам и эффективности торговый путь туда из Китая. Но, что более важно

¹³ Об этом см. подробнее в Главе 4; о китайских успехах в науке и технике см.: Еремеев 2014.

в свете темы следующей части монографии, именно монголы внесли, по выражению Ж. Ле Гоффа (2014), последний штрих в картину выстраивания европейского самосознания, противопоставляющего себя Востоку и восточным варварам.

Варварская полупериферия оказалась включенной в цивилизационную среду (конфуцианства и ислама), что способствовало мощному проникновению мир-системных связей далеко на север Евразии и вглубь Африки.

Важным событием также было включение Южной Азии в более тесные контакты с другими частями мир-системы за счет постепенного установления там власти мусульман и частичной исламизации населения. В XV в. в Передней Азии появляется новая политическая и военная сила – Османская империя, которая в начале XVI в. сменила в регионе власть египетских мамлюков. Турки «перекрыли» левантийскую торговлю пряностями и ускорили поиск морского пути в Индию.

Новые качественные изменения в Афроевразийской мир-системе были связаны с началом ВГО. В результате этих открытий она трансформировалась в планетарную капиталистическую Мир-Систему, что ознаменовало начало качественно новой фазы в истории глобализации.

Отметим также африканское направление расширения Мир-Системы. Северо-Восточная Африка (Египет) была одним из древнейших и важнейших регионов земледелия, цивилизации, периодами – одним из важных центров Мир-Системы (о связях Ближнего Востока, Египта и Африки начиная с глубокой древности см.: Manning 2014; 2016; Anderson 2016). В результате усилий сначала Египта, затем Карфагена и Рима Мир-Система постепенно продвигалась на юг и запад Африки. Не следует также сбрасывать со счетов эффект внутриафриканских миграций и диффузии инноваций (в результате которых культура железа стала знакомой почти на всем континенте). Благодаря распространению ислама и торговле арабских купцов в Индийском океане в Африке росло число мусульманских обществ, а контакты с внутренней Африкой расширялись. В результате открытия морского пути в Индию вокруг Африки и развития трансатлантической работорговли почти весь континент оказался связан с европейской экономикой. Но некоторые внутренние районы были окончательно включены в глобальные связи только в конце XIX в. и даже в XX в., то есть они инкорпорировались уже в глобальную Мир-Систему.

4. МИР-СИСТЕМНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СВЯЗИ

Системность и особенности процессов

Мир-системные процессы и трансформации могут быть намного лучше поняты, если принимать во внимание свойства систем. Системность объясняет синхронность или асинхронность некоторых процессов, наличие в мир-системе положительных и отрицательных обратных связей, прослеживающихся на протяжении длительного времени, например в демографических показателях. Мы полагаем, что особое внимание стоит уделить идее К. Чейз-Данна и Т. Холла, что благодаря мир-системам создаются не только межобщественные коммуникации, но це-

лая сеть таких взаимодействий. Такой уровень анализа является крайне важным для нашего понимания социального развития не только отдельных обществ и государств, но и мир-системы как целого (Chase-Dunn, Hall 1997: XI–XII). Изменения и трансформации в отдельных частях мир-системы могут тем или иным образом отразиться на ситуации в других ее частях за счет того, что можно назвать трансформацией импульсов. Последняя способна проявляться в самых различных формах, порой вызывая неожиданные последствия. Так, затруднение доставки пряностей в XV в. В Европу в результате турецких завоеваний было одной из важных причин поиска морского пути в Индию, что в итоге изменило весь уровень отношений в Мир-Системе. За счет системности процессы, начавшиеся в одном месте Мир-Системы, быстро распространяются на многие ее части. Классическим примером является распространение чумы в XIV в. Таким образом, в Мир-Системе проявляется фундаментальное качество системы, согласно которому целое не равно сумме его частей¹⁴.

Очень интересной формой проявления системных качеств выступают синхронные явления, происходящие в разных частях Мир-Системы. Например, отмечена синхрония в росте и уменьшении населения в крупнейших городах с 500 г. до н. э. до 1500 г. н. э. в Западной и Восточной Азии (Chase-Dunn, Manning 2002; Chase-Dunn *et al.* 2010). Подобная синхрония имеется и в отношении размеров территорий крупнейших империй (Hall *et al.* 2009). Т. Барфилд (Barfield 1989) доказывает, что большие конфедерации кочевников имели циклы роста и ослабления, синхронные соответственно с подъемами и падениями больших аграрно-ремесленных государств, на которые они совершали набеги. Эти циклы имеют гипотетический механизм системных связей между Восточной и Западной Азией (Barfield 1989). На синхронные явления указывают также исследователи бронзового века и предшествующих ему периодов (см. об этом, например: Frank 1993). К числу важных синхронных явлений в Мир-Системе можно отнести и такие феномены, как «осевое время» в I-м тыс. до н. э. (Ясперс 1994), совершение так называемой пороховой и военной революций (Downing 1992), что привело к формированию нового типа армий (Макнил 2008) и нового типа государственности в Европе и Азии в конце XV – XVI в. н. э. (см.: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2009; Grinin 2008a), что оказало колоссальное влияние на формирование современной Мир-Системы и процессы глобализации в целом.

При рассмотрении общих тенденций развития Афроевразийской мир-системы необходимо отметить три момента:

а) переход мир-системы на новый уровень вызывает эффект распространения (путем заимствования, модернизации, насильственной трансформации и интеграции и т. д.) новых явлений на территории, которые оказываются не готовы к самостоятельной трансформации в соответствующем направлении. Это наглядно видно во множестве процессов, которые обеспечивали развитие Афроевразийской мир-системы, в частности распространение государственности на

¹⁴ Эта идея также может быть передана с помощью термина «эмерджентность» (“emergence”), который в теории систем (и теории организации) означает степень несводимости свойств системы к свойствам элементов, из которых она состоит; свойство систем, обуславливающее появление новых характеристик и качеств, не присущих элементам, входящим в состав системы.

территории, еще не дозревшие до самостоятельного перехода к государству; насильственное перемещение народов; распространение мировых религий и т. п. Таким образом, процесс изменений существенно ускоряется;

б) рост Афроевразийской мир-системы обеспечивался угнетением определенных ее частей, и наоборот – расцвет тех или иных обществ приводил к временному снижению уровня развития мир-системы (как, например, было в первое время после монгольских завоеваний);

в) все процессы в Афроевразийской мир-системе были резко усилены миграциями, которые создали многочисленные и сложные связи между самыми разными частями мир-системы. Это характерно уже для ранних периодов (см., например: Березкин 2007: 91; Frank 1993). А. Г. Франк (Frank 1993) и другие исследователи даже говорят о «миграционных системах». Но наиболее мощные перемещения относятся к III–VII вв. н. э. Отметим также обмен информацией, который имел место в ранние периоды мир-системы на Ближнем Востоке (см. подробнее: Lamberg-Karlovsky, Sabloff 1979; Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Бондаренко 2006).

Важнейшие типы мир-системных связей

Переход мир-системы на каждый новый уровень развития был неизбежно связан с расширением и укреплением коммуникативных связей и сетей. К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) выделяют следующие основные типы мир-системных пространственных связей: обмен массовыми товарами, обмен престижными товарами, военно-политическое взаимодействие и информационный обмен. Но при этом они отмечают, что мировые религии были важными инновациями в информационной сети и представляли новые техники идеологической власти. Поэтому нам представляется, что в «информационном обмене» стоило бы выделить культурно-цивилизационное (идеологическое) взаимодействие в качестве особого типа связей, поскольку оно существенно отличается от обычных информационных потоков¹⁵. Культурно-идеологическая коммуникация была важнейшей для Афроевразийской мир-системы, по крайней мере в период ее зрелости. В частности, с VIII в. н. э. все ее цивилизованные территории (за исключением части Южной Азии) представляли собой активно взаимодействующие культурные ареалы мировых религий (о влиянии мировых религий на эволюцию Афроевразийской мир-системы см., например: Korotayev 2000; 2003; 2004; Гринин 1998; 2006в).

В самом конце 7-го тыс. до н. э. иссушение климата, по-видимому, привело к гибели культуру докерамического неолита, хотя не исключено, что сами ранне-неолитические земледельцы истощили экологические системы (см., например: Kuijt 2000). В любом случае этот кризис не привел к крушению нарождающуюся Мир-Систему, а, напротив, вероятно, заставил ряд групп мир-системного ядра переселиться в более благоприятные районы средиземноморского побережья, в то время как другие двинулись на север в лесостепные зоны, а оставшиеся,

¹⁵ Данное разделение имеет такой же смысл, как различие обмена престижными и массовыми товарами.

вполне возможно, перешли к полукочевому скотоводству (Ковэн 1989: 191). Начавшие просачиваться обратно в Палестину через полтысячи лет группы развивались здесь, уже будучи обогащенными новой культурой и технологией (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 82). Таким образом, зона Мир-Системы несколько расширилась, миграции способствовали увеличению размеров ареала высокой культурной сложности и обмену информацией, наметилось некоторое общественное разделение труда.

Развитие торговых связей. Уже в рамках зарождающейся Афроевразийской мир-системы (то есть в районе Плодородного полумесяца) имела место крупномасштабная по тем временам торговля, причем именно стратегическими и важными хозяйственными товарами. В частности, с Анатолийского плато обсидиан, пользовавшийся большим спросом для изготовления каменных орудий, широко распространялся по всему Ближнему Востоку, по крайней мере, уже в 7-м тыс. до н. э. Вероятно, также торговали продуктами питания, кожей и текстилем (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 87). Как бы мы ни оценивали хозяйственную важность такого обмена, несомненно, что система налаженного обмена информацией была достаточно интенсивной. Помимо трех главных ближневосточных центров (Загроса, Палестины и Анатолии) поддерживалась прямая или опосредованная связь с Северной Африкой и Туркменией (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 86, 95; о широких культурных связях этого региона, например, в 7-м тыс. до н. э., см. также в работе Н. О. Бадера [1989: 228, 233, 262]).

В работе Е. Н. Черных (Chernykh 1992) приводятся сведения о широкомасштабной торговле металлами в 5–4-м тыс. до н. э. Также имелся пояс обществ, удивительно сходных в уровне и характере культурной сложности, протянувшийся от Балкан до окрестностей края долины Инда (см., например: Peregrine, Ember 2001a; 2001b; Peregrine 2003). Еще больше свидетельств о широкомасштабной торговле в 3–2-м тыс. до н. э. (Wilkinson 1987; Frank 1993). В 1-м тыс. до н. э. торговля на дальние расстояния, включая морскую, получила еще большее развитие (Chase-Dunn, Hall 1997)¹⁶.

Глобальные коммуникации 1-го – начала 2-го тыс. н. э. Во второй половине 1-го тыс. н. э. в бассейне Индийского океана от восточного побережья Африки до Индонезии, Юго-Восточной Азии и Китая сложился прообраз будущей Мир-Системы, связанной океанами. В этой широкой международной торговле играли важную роль персидские, арабские, индийские и другие купцы. Важно отметить, что торговля в этом регионе не ограничивалась только предметами роскоши, а включала также много тяжелых и объемных грузов, таких как финики, строительные материалы, строевой лес и др. (Bentley 1996a; Chew 2014; 2016; Boussac *et al.* 2015).

¹⁶ Один только факт путешествия морским путем вокруг Африки в 600 г. до н. э. при фараоне Нехо II свидетельствует о прекрасном развитии коммуникаций.

В XIII–XIV вв. создается и функционирует мощный сухопутный торговый путь через территории монгольских государств, реально связавший после некоего перерыва основные зоны Мир-Системы. Эта мир-системная торговля, по мнению Дж. Абу-Луход (Abu-Lughod 1989), была существенно сложнее организована, имела больший объем и действовала с большей изощренностью, чем какая-либо другая, существовавшая ранее.

5. ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ

Дискуссия о времени возникновения Афроевразийской мир-системы

Как уже было сказано, по поводу времени формирования Афроевразийской мир-системы имеется множество точек зрения. Так, например, А. Г. Франк и У. Томпсон относят это начало к 4–3-му тыс. до н. э., Д. Вилкинсон и Ю. Е. Березкин – ко 2-му тыс. до н. э. Мы относим ее начало к намного более раннему периоду (Korotayev, Grinin 2006; 2012; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2012a; 2014c). К. Чейз-Данн и Т. Холл полагают, что она реально существовала только в конце 1-го тыс. до н. э.

Подходы к решению этого вопроса очень сильно зависят от того, какие критерии для определения мир-системы используются: массовых товаров (более жесткий критерий), престижных товаров (средний критерий), информационных потоков (мягкий критерий). Чем жестче подход, тем ближе к современности дата ее формирования. Но ситуация с датировками существенно меняется также в зависимости от взгляда на генезис этой мир-системы. Если предполагать, как Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997: 150), что к моменту открытия Шелкового пути имелись три главные независимые мир-системы (Западноазиатская, Китайская и Южноазиатская), которые затем инкорпорировались в одну мир-систему, то возникновение единой Афроевразийской мир-системы логично относить к концу 1-го тыс. н. э. Но если исходить из того (а для этого есть очень веские основания), что Западноазиатская мир-система была изначально технологически, социально и экономически лидирующей, более инновационной и именно ее рост дал наибольший вклад в процессы инкорпорации в рамках Афроевразии, то генезис Афроевразийской мир-системы удаляется в прошлое на тысячелетия¹⁷.

Но в любом случае, к какому бы времени ни относилось начало Афроевразийской мир-системы, ясно, что корни ее формирования лежат достаточно глубоко, достигая начала аграрной революции в X–VIII тыс. до н. э.

В этом длительном процессе ее генезиса, формирования и трансформации можно выделить несколько значимых этапов, которые также можно связать с масштабами контактов.

¹⁷ Стоит также учесть, что именно на Ближнем Востоке впервые состоялся переход к злаковому земледелию, широкомасштабному интенсивному (поливному) земледелию, городским поселениям, металлургии, многим военным инновациям, письменности, государству, империям.

Формирование контуров и структуры Ближневосточного региона, одного из главных центров будущей Афроевразийской мир-системы, относится примерно к периоду VIII–IV тыс. до н. э. Это время завершения первого этапа аграрной революции на Ближнем Востоке¹⁸. В данный период начались процессы формирования среднесложных ранних аграрных обществ и политий, местами и относительно сложных политий, а также поселений, которые в отношении их размера и структуры уже напоминали города (см., например: Kenyon 1981; Wenke 1990: 325; Schultz, Lavenda 1998: 214; см. также: Grinin, Korotayev 2011). Эти процессы сопровождались формированием сверхдальних по тем временам и достаточно постоянных информационно-обменных (в широком смысле слова) контактов.

В 5-м тыс. до н. э. в Южном Двуречье развивается убейдская культура. Позже из нее вырастает урукская, которая характерна наличием значительного числа достаточно крупных поселений. Сам город Урук в конце 4-го тыс. до н. э. представлял собой гигантский по тем временам городской центр, по некоторым данным, имевший площадь от 70 до 200 га, с населением от 20 до 40 тыс. человек (Bernbeck, Pollock 2005: 17; Algaze 2013: 74). В рамках убейдской и урукской культур в дальнейшем в значительной мере формируется материальная и социальная основа шумерской цивилизации.

В конце этого периода происходит городская революция (термин введен Г. Чайлдом, см.: Childe 1950; 1952: Ch. 7), которая означала, по мнению Ю. Березкина (2007), выход общества на качественно новый уровень сложности, демографической плотности и технической оснащенности. Возникают уже урбанизированные общества (см., например: Adams 1966; 1981; Bernbeck, Pollock 2005: 17; Pollock 2001: 45; Rothman 2004). В конце 4-го тыс. до н. э. появляются первые ранние государства и их аналоги (Гринин и др. 2006; Гринин 2011а; Grinin 2008а) и цивилизации. Но заметим, что сама возможность городской революции была подготовлена началом завершающей фазы аграрной революции (Гринин 2006а; Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а) и связанными с ней демографическими изменениями.

В целом в этот период масштабы связей можно оценить как локально-региональные, однако к концу периода они начинают перерастать в межрегиональные и регионально-континентальные.

Развитие центров Мир-Системы в бронзовом веке (3–2-е тыс. до н. э.)

Это был период развития интенсивного сельского хозяйства и ускоренного роста населения Мир-Системы. Процесс урбанизации происходил достаточно быстро во второй половине 4-го – первой половине 3-го тыс. до н. э., затем замедлился и оставался сравнительно медленным вплоть до начала 1-го тыс. до

¹⁸ Второй этап аграрной революции занял в пределах всей Афроевразийской мир-системы около трех тысячелетий (4–1-е тыс. до н. э.). Первоначально он был связан с формированием широко-масштабного ирригационного земледелия на Ближнем Востоке, а затем плужного пашенного (интенсивного) земледелия в зонах неполивного земледелия и твердых почв (см.: Гринин 2006а; 2007б; 2009; Гринин, Коротаев 2009: гл. 6; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а).

н. э. (см. Рис. 16.1; см. также: Коротаев 2007; Коротаев, Гринин 2007; Гринин, Коротаев 2009; Korotayev, Grinin 2006), что было во многом связано, говоря словами А. Л. Оппенгейма, с непрерывным противоборством анти- и проурбанистических тенденций.

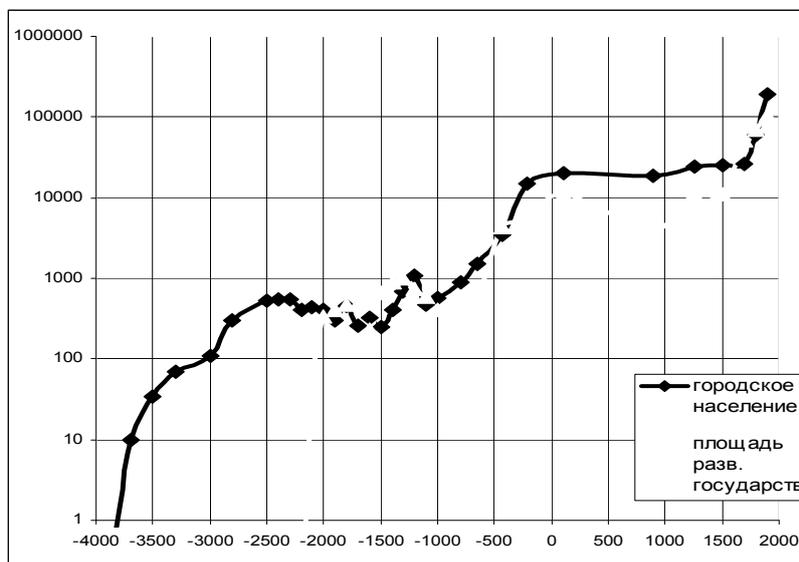

Рис. 13.1. Динамика численности городского населения мира (тыс. чел.) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), до 1900 г. (логарифмический масштаб)

Примечание. Данные для городского населения приведены для городов с числом обитателей > 10 тыс. чел. Источники данных: для городского населения – см.: Modelski 2003; Gruebler 2006; UN Population Division 2019. Дж. Модельски приводит свои оценки численности городского населения мира (для городов с не менее чем 10 000 обитателей) до 1000 г. до н. э., А. Грюблер – с 900 г. н. э. по 1950 г., Отдел народонаселения ООН – с 1950 г. Оценка численности городского населения мира за период 1000 г. до н. э. – 900 г. н. э. произведена нами на основе данных Т. Чэндлера (Chandler 1987) по численности городского населения мира, обитавшего в крупных городах (> 40 000 жителей)¹⁹. Динамика площади территории, которая контролировалась развитыми и зрелыми государствами и их аналогами, определена на основе баз данных Р. Таагерера (Taagerera 1968; 1978a; 1978b; 1979; 1997), базы данных Исторического атласа Евразии (<http://www.openhistory.net>) и Атласа мировой истории (O'Brien 1999).

Рис. 13.1 также хорошо отражает взаимосвязь между ростом урбанизации и ростом уровня государственности. Согласно нашей концепции (Гринин 2010; 2011a; Гринин, Коротаев 2007; 2009), государства на эволюционной лестнице можно разделить на ранние (то есть архаические), развитые и зрелые. См. об этом ниже в данной главе и в главе 4.

¹⁹ Еще одну базу данных по исторической динамике численности обитателей городов мира, подготовленную на основе одного из исторических атласов (McEvedy 1967), см.: Wilkinson 1987.

Не менее важным итогом этого периода является рост политической интеграции обществ, что было следствием очень сложных военно-политических и иных взаимодействий. Во-первых, происходил рост уровня сложности государственности: от городов и малых политий к крупным ранним и развитым государствам. Во-вторых, появились первые империи. Напомним, что в конце 3-го – 2-м тыс. до н. э. в Месопотамии сменяют друг друга Аккадское царство, государство III династии Ура, Старовавилонское царство, Ассирийская держава. В-третьих, процессы подъемов и упадка политической гегемонии отчетливо видны уже с 3-го тыс. до н. э. (Frank, Gills 1993; см. также: Chase-Dunn *et al.* 2010), но пока еще в масштабах Междуречья и Египта (см. выше).

Система торговли престижными товарами в рамках Переднеазиатского региона достигает высокого уровня и нередко поддерживается государствами. Через Персидский залив устанавливаются торговые связи с Южной Азией. В Восточную Азию из Западной проникают ключевые сельскохозяйственные технологии: злаки и виды крупного и мелкого рогатого скота, а также, возможно, металлургические, транспортные и военные технологии (см., например: Березкин 2007). Таким образом, в Южной Азии и на Дальнем Востоке формируются новые мир-системные центры, которые будут развиваться в течение всей последующей истории Афроевразийской мир-системы. Между всеми центрами существовали масштабные коммуникационные связи, но лидерство Переднеазиатского центра (в технологиях и политическом уровне) сохранялось достаточно долго.

Таким образом, масштабы стали не только межрегиональными, но вполне ясно наметились контуры трансконтинентальных связей.

Расширяющийся пояс империй и новых цивилизаций (1-е тыс. до н. э. – 200 г. до н. э.). Это время раннего железного века, и новые технологии принесли огромные изменения. Уже в первой половине 1-го тыс. до н. э. аграрная революция окончательно завершается за счет распространения технологии плужного неполивного земледелия с использованием орудий, имеющих железные рабочие части (см.: Kogotayev, Grinin 2006; 2012; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a). А на сформировавшейся сельскохозяйственной и производственной базе происходят огромные изменения в торговле, военно-политической сфере, начинается новый подъем урбанизации и государственности (появляется группа развитых государств; см. подробнее: Гринин 2010; Grinin 2008a; Гринин, Коротаяев 2009). В Афроевразийской мир-системе постоянно расширяется пояс империй: Новоавилонская, Мидийская, Персидская, Македонская (и ее наследники: государство Селевкидов, Греко-Бактрийское царство, Птолемеевский Египет и др.) – в центре; империя Маурьев – на юге Индии, Карфагенская держава – на западе. Конец периода знаменуется формированием крупных государств-империй на крайнем западе (Римская республика) и крайнем востоке (первое централизованное государство в Китае) Афроевразийской мир-системы. Устанавливаются торговые связи от Египта до Афганистана и долины Инда, и в целом вся территория оказывается связанной военно-политически. Это также формирование цивилизаций второго поколения («осевого времени», по К. Ясперсу). Происходит быстрое развитие всех мир-системных центров. Переднеазиатский центр окончательно интегрируется со средиземноморским миром, а европейские террито-

рии варварской периферии все активнее связываются с мир-системой военными, торговыми и культурными связями. В Южной Азии формируются новая цивилизация и первая мировая религия – буддизм. Торговые связи устанавливаются на территории, протянувшейся от Египта до Афганистана и долины Инда (см., например: Bentley 1996a). Создаются также новые политические структуры, включая первые крупные государства и империи.

Восточноазиатский центр Афроевразийской мир-системы также развивался очень быстро. Этот период стал свидетелем рождения собственной квази-религии этого центра – конфуцианства. В целом наблюдалось быстрое развитие всех мир-системных центров. Западноазиатский центр был в итоге инкорпорирован в Средиземноморский, тогда как варварские в то время территории европейской периферии стали более активно соединяться с этим мир-системным центром военными, торговыми и культурными связями.

Масштабы, сложность и плотность связей в рамках мир-системы продолжали расти, приобретая континентальные и трансконтинентальные масштабы.

Мир-система в период активизации варварской периферии (конец I-го тыс. до н. э. – начало VII в. н. э.). В этот период связи в мир-системе стали транс(над)континентальными и глобальными в вышеуказанном узком смысле слова.

Образование мировых империй в районе Ближнего и Среднего Востока как наиболее важной части ойкумены прекращается к нашей эре. Цивилизации расходятся на Запад и Восток, образуя на их дальних рубежах две наиболее крупные системы порядка: Римскую империю, которая становится образцом (Рах Романа), и Китай²⁰.

Рим и Китай в районе 200 г. до н. э. устанавливают относительно устойчивые торговые связи (престижными товарами) через знаменитый Шелковый путь, проходивший на протяжении длительного времени по территории кочевой периферии и полупериферии²¹. Таким образом, в этот период периферия как бы замкнула торговые связи в Мир-Системе. Рост Афроевразийской мир-системы длительное время происходил в значительной мере за счет расширения взаимодействия между цивилизациями и варварской периферией. Чем больше становилась организованная цивилизация (в виде крупных государств), тем активнее действовала и периферия. В указанный период данный процесс резко усилился, и в эпоху Великого переселения народов сама варварская периферия приобрела мир-системный масштаб и синхронность влияния. Распад Западной Римской империи, ослабление Восточной Римской империи, быстрое распространение христианства на западе Мир-Системы и новый подъем китайской империи на востоке подготовили Мир-Систему для серьезных геополитических изменений и ее перехода на новый уровень сложности. С другой стороны, рост населения

²⁰ Затем в первой половине I-го тыс. н. э. мы видим временный период крушения порядка и медленное создание нового (уже скорее на идеологических основаниях), как в Европе, так и на Среднем Востоке.

²¹ Этот путь просуществовал с перерывами в течение более полутора тысяч лет. В первые века нашей эры он проходил и по территории Кушанского царства, одного из самых крупных государств того времени.

Афроевразийской мир-системы в конце 1-го тыс. до н. э. до девятизначных цифр усилил уровень патогенной угрозы. Эта угроза реализовалась в Антониновой и Юстиниановой пандемиях, ставших причиной катастрофической депопуляции Афроевразийской мир-системы во втором и шестом столетиях н. э. Это в дополнение к стремительному натиску варваров в весьма значительной степени повлияло на замедление экономического роста в ней в течение 1-го тыс. н. э.

Апогей Афроевразийской мир-системы: мировые религии и мировая торговля (VII–XIV вв.). В этот период, во-первых, уровень развития мир-системных связей на аграрно-ремесленном базисе достигает предела своей сложности, а во-вторых, складываются важные предпосылки трансформации Афроевразийской мир-системы в капиталистическую и планетарную Мир-Систему.

В отношении первого момента особо отметим: а) формирование и развитие всех мировых религий. В определенном аспекте Мир-Система представляла собой контактирующие и соперничающие цивилизации третьего поколения, что создало прочные культурно-информационные связи между всеми центрами Мир-Системы, включая и находившуюся в предыдущий период в относительной изоляции Южную Азию; б) невиданный размах военно-политических контактов и рост уровня государственности.

В отношении второго момента следует выделить: а) формирование океанических торговых связей во второй половине 1-го тыс. н. э. в бассейне Индийского океана (см. выше); б) создание мощного сухопутного торгового пути через территории монгольских государств, реально связавшего Мир-Систему (см. выше); в) формирование в конце периода урбанизированной зоны от Северной Италии до Нидерландов, где преобладающей формой экономики становится тип товарного производства (см., например: Бернал 1956; Wallerstein 1974).

Уже к 1500 г. в Европе насчитывалось свыше 150 городов с населением в 10 тыс. и более человек (Blockmans 1989: 734). Очень высокий уровень урбанизации имел место в будущей Голландии, на территории которой уже в 1514 г. более половины населения жило в городах (Hart 1989: 664). Впрочем, такой же или даже более высокий уровень урбанизации наблюдался в Южных Нидерландах (Брюгге, Гент и Антверпен), еще выше – в Северной Италии в долине реки По и примыкающих областях, где находились Венеция, Милан и Генуя (Blockmans 1989: 734). Можно полагать, что рост городов в этот период был усилен политическими процессами начиная с XII–XIV вв., особенно становлением развитой государственности и связанным с этим появлением столиц развитых государств (см., например: Grinin 2008a; 2012; Гринин, Коротаев 2009: гл. 6), ростом городов всех типов, включая и сверхкрупные (об урбанизации в Европе и ее роли в переходе к капитализму см. в Главе 4; см. также: Grinin, Korotayev 2015: ch. 2).

Трансформация Афроевразийской мир-системы в планетарную Мир-Систему (XV–XVIII вв.)

Период XV – начала XVIII в. связан с начальной фазой промышленной революции (см.: Гринин 2007e; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a; Grinin, Korotayev 2015) и Великими географическими открытиями, что дало мощнейший толчок коренной трансформации Афроевразийской мир-системы (см.: Knowles 1937; Dietz 1927; Henderson 1961; Phyllis 1965; Cipolla 1976; Stearns 1993; 1998;

Lieberman 1972; Мокун 1985; 1993; More 2000; Grinin 2007; 2012; Grinin, Korotayev 2015; Сабо 1979; Кларк 2012; Аллен 2013; 2014; Pomeranz 2000; Голдстоун 2014; Гринин, Коротаев 2009: гл. 2; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a)²². Она начинает превращаться в планетарную и одновременно капиталистическую Мир-Систему уже по Валлерстайну (Wallerstein 1974), поскольку все активнее происходит обмен массовыми товарами. А некоторые территории (особенно в Новом Свете) полностью специализируются на их производстве. О тесной взаимосвязи в рамках сформировавшейся планетарной Мир-Системы в этот период свидетельствует и мощнейший эффект революции цен (первый столь крупного масштаба валютный кризис) в результате массового ввоза в Европу золота и серебра из Нового Света, затронувшей не только Европу, но и Ближний Восток, в частности Османскую империю (см. Главу 4).

Но в связи с тем, что в мире еще абсолютно преобладает аграрно-ремесленный принцип производства, одновременно идет развитие до предела некоторых прежних тенденций, особенно в неевропейских центрах Мир-Системы. Восточная Азия в целом и Китай в частности пока еще развиваются в основном по собственной траектории (см. Главу 4), демонстрируя несомненные успехи в государственном строительстве, культуре и выдающийся демографический рост.

В XVI–XVII вв. в Европе происходит так называемая военная революция (см., например: Duffy 1980; Downing 1992; Пенской 2005; см. также: Макнил 2008; Вейс 2000: 482 и далее; Гринин, Коротаев 2009: гл. 5; Grinin 2012), которая заключалась в создании регулярной наемной армии, вооруженной новейшим огнестрельным оружием и артиллерией, что потребовало реорганизации всей финансовой системы и управления. В результате усиления военной мощи европейских стран и других изменений начинается также процесс модернизации, прежде всего в военной сфере, части государственных и финансовых институтов, некоторых неевропейских государств (Османская империя, Иран, частично империя Моголов в Индии (Frank 1978; 1998; Agoston 2008; Andrade 2016), с одной стороны, и искусственное отгораживание от Европы прочих (Китай, Японии) – с другой (об этих процессах см. в Главе 2).

Дальнейшие этапы (конец XVIII – XX в.)

Великие географические открытия задали новые векторы процессу формирования мирового порядка. Во-первых, арена реально расширилась до глобальной.

²² А. И. Уткин (2003: 181) пишет: «Постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества. Но революционно быстрыми темпами это сближение осуществлялось лишь дважды», на рубеже XIX и XX вв. и в конце 1970-х гг. С первой фразой данной цитаты нельзя не согласиться. Но со второй, с какого бы времени ни отсчитывать глобализацию, согласиться нельзя. Вряд ли Великие географические открытия можно считать постепенным сближением, поскольку потребовалось всего несколько десятилетий, чтобы Новый Свет экономически включился в Мир-Систему (если иметь в виду поставки серебра оттуда. Для организации колониального сельского хозяйства потребовалось больше времени, но именно поток драгоценных металлов изменил Европу XVI в. в наибольшей степени). Эпоха открытий и изобретений XIX в. также привела к революционным информационным и экономическим сближениям континентов, в частности развитие подводных коммуникаций телеграфа в 1850–1880-е гг. колоссально способствовало движению мирового капитала и развитию мирового рынка акций.

Во-вторых, началось формирование и передел колониальных владений, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, в результате Великих географических открытий и военно-технологического рывка Европы начинает складываться новая структура Мир-Системы, происходит формирование ее центра и периферии, то есть модели, которая не утратила своего значения в глобальной политике до сих пор. Соответственно Европа превращается в ее торгово-капиталистический центр, а прежние мир-системные центры (сначала в Южной, а затем и в Восточной Азии) становятся эксплуатируемой периферией. Таким образом, понятие мир-системной периферии существенно трансформируется. Дальнейшее развитие Мир-Системы связано непосредственно с завершающей фазой промышленной революции (последняя треть XVIII – первая половина XIX в. [см. подробнее: Гринин 2007а; Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin, Korotayev 2015]). Особенно революционными в развитии мир-системных связей оказались изменения в транспорте и связи. Они способствовали фактическому превращению Мир-Системы, остававшейся все еще преимущественно информационной, в Мир-Систему, обменивающуюся от Атлантики до Тихого океана товарами и услугами, имеющую вместо непостоянных и фрагментарных мощные и постоянные информационные потоки. Мало того, эта Мир-Система стала основываться на международном разделении труда.

Дальнейшее развитие Мир-Системы в XX в. после мировых войн и деколонизации было связано с началом кибернетической (первоначально именуемой научно-технической) революции во второй половине века (см.: Grinin 2012; Grinin L. E., Grinin A. L. 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б). В итоге это вместе со множеством других процессов в последние десятилетия привело к быстрому нарастанию и качественному изменению глобализационных процессов, особенно глобальных финансовых потоков (см.: Grinin, Korotayev 2010а; 2010б; Korotayev *et al.* 2011). В результате мир оказался очень тесно связанным и зависимым от всех своих субъектов, что убедительно подтвердил глобальный финансовый кризис. С конца XX в. представление о том, что в мире началась глобализация (какое бы содержание в это понятие ни вкладывалось), стало общим убеждением.

Библиография

- Аллен Р. 2013. *Глобальная экономическая история: Краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Аллен Р. 2014. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.
- Ацамба Ф. М., Лапина З. Г., Мейер М. С. (Ред.) 1987. *История стран Азии и Африки в средние века*: в 2 ч. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Бадер Н. О. 1989. *Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии*. М.: Наука.
- Башляр Г. 1987. *Новый рационализм*. М.: Прогресс.

- Березкин Ю. Е. 2007.** О структуре истории: временные и пространственные составляющие. *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 88–98. М.: ЛКИ/УРСС.
- Бернал Дж. 1956.** *Наука в истории общества*. М.: Ин. лит-ра.
- Бондаренко Е. С. 2006.** Информационное поле неолита Ближнего Востока. *История и современность* 2: 47–66.
- Бродель Ф. 1986–1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв.*: в 3 т. М.: Прогресс.
- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.
- Валлерстайн И. 2006.** *Миросистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего.
- Вейс Г. 2000.** *История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь. Иллюстрированная энциклопедия*: в 3 т. Т. 3. *Новое время (XIV–XIX вв.)*. М.: Эксмо-Пресс.
- Вико Д. 1940.** *Основания новой науки об общей природе наций*. М.: Гослитиздат.
- Гегель Г. В. Ф. 1935.** *Соч.*: в 14 т. Т. 8. *Философия истории*. М.; Л.: Соцэкгиз.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Гердер И. Г. 1977.** *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука.
- Голдстоун Дж. 2014.** *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Грантовский Э. А. 1987.** Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура. *История стран Азии и Африки в Средние века*: в 2 ч. / Ред. Ф. М. Ацамба, З. Г. Лапина, М. С. Мейер. Ч. 1, с. 94–105. М.: Изд-во МГУ.
- Гринин Л. Е. 1998.** Формации и цивилизации. Гл. 6. Понятие цивилизации в рамках теории исторического процесса. *Философия и общество* 2: 5–89; 3: 5–54; 4: 5–69; 5: 5–49.
- Гринин Л. Е. 2006а.** *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2006б.** *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007в.** Производственные революции и периодизация истории. *Вестник Российской академии наук* 77(4): 309–315.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011а.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.

- Гринин Л. Е. 2011б. Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации* 1: 80–94.
- Гринин Л. Е. 2013а. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.
- Гринин Л. Е. 2013б. «Дракон» и «тигр»: модели развития и перспективы. *Историческая психология и социология истории* 1: 111–133.
- Гринин Л. Е. 2013в. Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2013г. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2016а. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016в. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.
- Гринин Л. Е. 2019. Исламизм и глобализация. *Век глобализации* 1: 18–34.
- Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (Ред.) 2006. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4: 3-34.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 49–101. М.: КомКнига/УРСС.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2020. *Восток и социальная эволюция*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель» (в печати).
- Ерасов Б. С. (Ред.) 1998. *Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
- Еремеев В. Е. 2014. *Наука и техника Китая в древности и средневековье*. М.: Вост. лит-ра.
- Зинькина Ю. В., Ильин И. В., Андреев А. И., Алешковский И. А., Коротаев А. В. 2016. *Историческая глобалистика*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; Изд-во Московского ун-та.

- Илюшечкин В. П. 1986.** *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука.
- Кант И. 1966.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. В: Кант И., Соч.: в 6 т. Т. 6, с. 7–23. М.: Мысль.
- Кларк Г. 2012.** *Прощай, нищета. Краткая экономическая история мира*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Кларк Дж. Г. Д. 1953.** *Доисторическая Европа*. М.: Ин. лит-ра.
- Ковэн Ж. 1989.** Доисторические истоки общества пастухов-кочевников в Леванте. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / Ред. В. М. Мэсон, с. 189–203. Алма-Ата: Наука.
- Коротаев А. В. 2007.** Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 21–39. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2007.** Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: сравнительный количественный анализ. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 102–141. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2008.** Компактная математическая модель влияния взаимодействия цивилизационного центра и варварской периферии на развитие Мир-Системы. *История и Математика: модели и теории* / Ред. Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 14–92. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны)*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992.** *Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика*. М.: Наука.
- Ле Гофф Ж. 2014.** *Рождение Европы*. СПб.: Александрия.
- Макнил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М.: Территория будущего.
- Милюков П. Н. 1994 [1937].** *Очерки по истории русской культуры*. Ч. 2. *Вера. Творчество. Образование*. М.: Прогресс-Культура.
- Новейший** словарь иностранных слов и выражений. 2001. Минск: АСТ; Харвест.
- Пантин В. И. 2003.** *Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении*. М.: Новый век.
- Пенской В. В. 2005.** Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия. *Новая и новейшая история* 2: 194–206.
- Петрушевский И. П. 1977.** Иран в средние века. *История Ирана* / Ред. М. С. Иванов, с. 121–194. М.: Изд-во МГУ.
- Попов В. А. 1990.** *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках*. М.: Наука.

- Румянцев А. М. 1987.** *Первобытный способ производства (политико-экономические очерки)*. М.: Наука.
- Сабо Е. Р. 1979.** *Революция машин. История промышленного переворота*. Будапешт: Корвина.
- Следзевский И. В. 2002.** Глобалистская метаистория: эпистемологические трудности. *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 62–82. М.: Наука.
- Слезкин Л. Ю. 1983.** Основание первых английских колоний в Северной Америке. *История США* / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Т. 1, с. 15–49. М.: Наука.
- Смелзер Н. 1994.** *Социология*. М.: Феникс.
- Тойнби А. Дж. 1995.** *Цивилизации перед судом истории*. СПб.: Ювента.
- Уткин А. И. 2003.** Глобализация. *Глобалистика: энциклопедия* / Ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Хантингтон С. 1994.** Столкновение цивилизаций. *Полис. Политические исследования* 1: 33–48.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004.** *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. М.: Праксис.
- Чумаков А. Н. 2011.** *Глобализация. Контуры целостного мира*. 2-е изд. М.: Проспект.
- Ясперс К. 1994.** *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.
- Abu-Lughod J. 1989.** *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. New York, NY: Oxford University Press.
- Adams R. 1966.** *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico*. Chicago: Aldine.
- Adams R. M. 1981.** *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press.
- Agoston G. 2008.** *Guns for the Sultan: Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Algaze G. 2013.** The End of Prehistory and the Uruk Period. *The Sumerian World* / Ed. H. Crawford. Ch. 4. London: Routledge.
- Amin S. 1970.** *Le Maghreb Modern*. Paris: Editions de Minuit.
- Amin S. 1976.** *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Amin S. 1994.** *Re-Reading the Postwar Period: An Intellectual Itinerary*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Amin S. 1997.** *Capitalism in an Age of Globalization*. London: Zed Books.
- Amin S. 2010.** *Global History – a View from the South*. Oxford: Pambazuka.
- Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. 2006.** *Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System*. Delhi: Aakar.

- Anderson E. N. 2016.** *Afroeurasian Systemic Connections*. Paper presented at the International Workshop “Systemic Boundaries” (March 5, 2016, University of California, Riverside).
- Andrade T. 2016.** *The Gunpowder Age: China, Military Innovation, and the Rise of the West in World History*. Princeton: Princeton University Press.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Arrighi G. 1997.** *Globalization, State Sovereignty, and the “Endless” Accumulation of Capital*. Paper delivered to the conference on “States and Sovereignty in the World Economy”, University of California, Irvine, 21–23 February.
- Barfield T. 1989.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge: Blackwell.
- Bayly, C. A. 2004.** *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Maiden; Oxford: Blackwell.
- Bentley J. H. 1996a.** Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History. *American Historical Review* 101(3): 749–770.
- Bentley J. H. 1996b.** *Shapes of World History in Twentieth Century Scholarship. Essays on Global and Comparative History*. Washington, DC: American Historical Association.
- Bentley J. H. 1999.** Asia in World History. *Education about Asia* 4: 5–9.
- Bernbeck R., Pollock S. 2005.** A Cultural-Historical Framework. *Archaeologies of the Middle East: Critical Perspectives* / Ed. by S. Pollock, R. Bernbeck, pp. 11–40. Oxford: Blackwell.
- Blockmans W. T. 1989.** Preindustrial Europe. *Theory and Society* 18(5): 733–755.
- Borsch S. J. 2005.** *The Black Death in Egypt and England*. Cairo: The American University of Cairo Press.
- Boussac M.-F., Salles J.-F., Yon J.-B. 2015.** *Ports of the Ancient Indian Ocean*. New Delhi: Primus Books.
- Braudel F. 1973.** *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. New York, NY: Harper and Row.
- Braudel F. 1981–1984.** *Civilization and Capitalism, 15th – 18th Century*. 3 vols. New York, NY: Harper and Row.
- Chandler T. 1987.** *Four Thousand Years of Urban Growth: An Historical Census*. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview.
- Chase-Dunn Ch., Inoue H. 2017.** Power and Size: Urban and Polity Size Swings and Changes in the Distribution of Power among States in Interstate Systems since the Bronze Age. *Social Evolution & History* 16(2): 52–75.
- Chase-Dunn C., Manning S. 2002.** City Systems and World-Systems: Four Millennia of City Growth and Decline. *Cross-Cultural Research* 36(4): 379–398.
- Chase-Dunn C., Niemeyer R., Alvarez A., Inoue H., Love J. 2010.** Cycles of Rise and Fall, Upsweeps and Collapses: Changes in the Scale of Settlements and Politics Since the Bronze Age. *History & Mathematics: Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. E. Grinin, P. Herrmann, A. V. Korotayev, A. Tausch, pp. 64–91. Volgograd: Uchitel.
- Chen Chun, Gong Xin 2018.** Erlitou and Xia: A Dispute between Chinese and Overseas Scholars. *Social Evolution & History* 17(2): 235–257.

- Chernykh E. N. 1992.** *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chew S. C. 2014.** The Southeast Asian Connection in the First Eurasian World Economy 200 BC – AD 500. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 82–109.
- Chew S. C. 2016.** *From the Nanhai to the Indian Ocean and Beyond: Southeast Asia in the Maritime 'Silk' Roads of the Eurasian World Economy 200 BC – AD 500*. Paper presented at the International Workshop “Systemic Boundaries” (March 5, 2016, University of California, Riverside).
- Childe V. G. 1950.** The Urban Revolution. *The Town Planning Review* 21(1): 3–17.
- Childe V. G. 1952.** *New Light on the Most Ancient East*. 4th ed. London: Routledge & Kegan Paul.
- Cipolla C. M. 1976.** Introduction. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 7–21. London; New York, NY: Harvester Press – Barnes & Noble.
- Conversi D. 2010.** The Limits of Cultural Globalisation? *Journal of Critical Globalisation Studies* 3: 36–59.
- Dietz F. 1927.** *The Industrial Revolution*. New York, NY: Holt.
- Dols M. W. 1977.** *The Black Death in the Middle East*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Downing B. 1992.** *The Military Revolution and Political Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Duffy M. (Ed.) 1980.** *The Military Revolution and the State 1500–1800*. Exeter: University of Exeter Publications.
- Durand J. D. 1977.** Historical Estimates of World Population. An Evaluation. *Population and Development Review* 3(3): 253–296.
- Foreman-Peck J. 1998.** *Historical Foundations of Globalization*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Frank A. G. 1978.** *World Accumulation 1492–1789*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Frank A. G. 1979.** *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Frank A. G. 1990.** A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review* 13(2): 155–248.
- Frank A. G. 1993.** The Bronze Age World System and its Cycles. *Current Anthropology* 34: 383–413.
- Frank A. G. 1998.** *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Frank A. G., Gills B. K. (Eds.) 1993.** *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Friedman T. L. 2005.** It's a Flat World, After All. *New York Times Magazine* 3–4. URL: http://www.nytimes.com/2005/04/03/magazine/its-a-flat-world-after-all.html?_r=0.
- Gellner E. 1988.** *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Basil Blackwell.
- Geyer M., Bright C. 1995.** World History in Global Age. *The American Historical Review* 100(4): 1034–1060.
- Grinin L. E. 2007.** Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-Mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2):75–120.

- Grinin L. E. 2008a.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2008b.** Transformation of Sovereignty and Globalization. *Hierarchy and Power in the History of Civilisations: Political Aspects of Modernity* / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev, pp. 191–224. Moscow: URSS, LIBROCOM.
- Grinin L. E. 2009.** The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2017.** On Systemic Integration in the World System since the Bronze Age. *Social Evolution & History* 16(2): 76–111.
- Grinin L. E. 2019a.** The Processes of Systemic Integration in the World System. *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2019b.** Revolutions in the Light of Historical Process. *Social Evolution & History* 18(2): 260–285.
- Grinin L. E., Grinin A. L. 2013.** Macroeolution of Technology. *Evolution: Development Within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 143–178. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016.** World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009a.** The Epoch of the Initial Politogenesis. *Social Evolution & History* 8(1): 52–91.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009b.** Social Macroeolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions. *World Futures* 65(7): 477–506.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Social Evolution & History*. Special Issue. *Chiefdoms: Theories, Problems, and Comparisons* 10(1): 276–335.
- Grinin L., Korotayev A. 2012a.** The Afroeurasian World-system: Genesis, Transformations, Characteristics. *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. J. Babones, Ch. Chase-Dunn, pp. 30–41. London; New York, NY: Routledge.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2012b.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013a.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 30–68. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013b.** The Origins of Globalization. *Globalization. Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin, pp. 1–29. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications.

- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, pp. 184–207. Budapest: Publisher house Arostotelész.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014c.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, pp. 119–140. Budapest: Publisher house Arostotelész.
- Grinin L., Korotayev A. 2014d.** Origins of Globalization in the Framework of the Afroeurasian World-System History. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 32–64.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer.
- Gruebler A. 2006.** *Urbanization as Core Process of Global Change: The Last 1000 Years and Next 100*. Paper presented at the International Seminar “Globalization as Evolutionary Process: Modeling, Simulating, and Forecasting Global Change”, International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA), Laxenburg, Austria, 06–08.04.2006.
- Hall T., Chase-Dunn C., Niemeyer R. 2009.** The Roles of Central Asian Middlemen and Marcher States in Afroeurasian World-System Synchrony. *The Rise of Asia and the Transformation of the World-System* / Ed. by G. Trinchur, pp. 69–82. Boulder, CO: Paradigm Press.
- Hart M. T. 1989.** Cities and Statemaking in the Dutch Republic, 1580–1680. *Theory and Society* 18(5): 663–687.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Henderson W. O. 1961.** *The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia, 1800–1914*. London: F. Cass.
- Hopkins A. G. 2002.** *Globalization in World History*. New York: Norton.
- Keeley L. 1996.** *War before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- Kenyon K. M. 1981.** *Excavations at Jericho*. Vol. 3. Jerusalem: British School of Archaeology.
- Knowles L. C. A. 1937.** *The Industrial and Commercial Revolutions in Great Britain during the Nineteenth Century*. London: Routledge; New York: Dutton.
- Korotayev A. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A. 2003.** Christianity and Democracy: A Cross-Cultural Study (Afterthoughts). *World Cultures* 13(2): 195–212.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective*. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Korotayev A. 2007.** Compact Mathematical Models of World System Development, and How They Can Help Us to Clarify Our Understanding of Globalization Processes. *Globalization*

- as Evolutionary Process: Modeling Global Change* / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson, pp. 133–160. London: Routledge.
- Korotayev A. 2008.** Globalization and Mathematical Modeling of Global Development *Hierarchy and Power in The History Of Civilizations: Political Aspects Of Modernity* / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev, pp. 225–240. Moscow: LIBROCOM/URSS.
- Korotayev A. 2009.** Compact Mathematical Models of the World System Development and Their Applicability to the Development of Local Solutions in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 103–116. Litchfield Park, AZ: ISCE Publishing.
- Korotayev A. 2012.** Globalization and Mathematical Modeling of Global Development. *Globalistics and Globalization Studies* / Ed. by L. Grinin, I. Ilyin, A. Korotayev, pp. 148–158. Moscow; Volgograd: Moscow State University – Uchitel.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.
- Korotayev A., Grinin L. 2006.** Urbanization and Political Development of the World System: A Comparative Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev, pp. 115–153. Moscow: URSS.
- Korotayev A., Grinin L. 2012.** Global Urbanization and Political Development of the World System. *Globalistics and Globalization Studies* / Ed. by L. Grinin, I. Ilyin, A. Korotayev, pp. 28–78. Moscow; Volgograd: Moscow University – Uchitel.
- Korotayev A. V. and Grinin L. E. 2019.** A Mathematical Model of Influence of the Interaction between Civilization Center and Barbarian Periphery on the World System Development // *History & Mathematics: Big History Aspects* Grinin L.E., Korotayev A.V. Yearbook. Edited by Leonid Grinin, Andrey Korotayev. Volgograd, 2019. pp. 142–225.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999.** Origins of Islam: Political-Anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung* 53(3–4): 243–276.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 2003.** Globalizing Trends in the Pre-Modern Islamic World and Modern Globalization. *Globalization and the Dialogue of Civilizations* / Ed. by M. `Ouda et. al., pp. 41–70. Cairo: Ain Shams University.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevoynov J., Malkov A. 2011.** Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Kuijt I. (Ed.). 2000.** *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation*. New York, NY: Kluwer.
- Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A. 1979.** *Ancient Civilizations. The Near East and Mesoamerica*. Menlo Park, CA: The Benjamin/Cummins.
- Lewis D., Moore K. 2009.** *The Origins of Globalization*. London: Routledge.

- Li Shuicheng 2018.** The Mace-head: A Significant Evidence of the Early Cultural Interaction between West and East. *Social Evolution & History* 17(2): 258–272.
- Lieberman S. (Ed.) 1972.** *Europe and the Industrial Revolution*. Cambridge, MA: Schenkman.
- Little D. 2014.** Nation, Region, and Globe Alternative Definitions of Place in World History. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 137–153.
- Manning P. 2014.** Africa's Place in Globalization: Africa, Eurasia, and Their Borderlands. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 65–81.
- Manning P. 2016.** *Africa and the Central System*. Paper presented at the International Workshop “Systemic Boundaries” (March 5, 2016, University of California, Riverside).
- Markov A. V., Korotayev A. V. 2007.** Phanerozoic Marine Biodiversity Follows a Hyperbolic Trend. *Palaeoworld* 16: 311–318.
- Mazlish B., Iriye A. (eds.) 2005.** *The Global History Reader*. New York, NY; London: Routledge.
- McEvedy C. 1967.** *Penguin Atlas of Ancient History*. New York, NY: Penguin.
- McNeill W. H. 1976.** *Plagues and Peoples*. New York: Monticello.
- Menard R. 1991.** Transport Costs and Long-Range Trade, 1300–1800: Was There a European “Transport Revolution” in the Early Modern Era? *Political Economy of Merchant Empires* / Ed. by J. D. Tracy, pp. 228–275. Cambridge: Cambridge University Press.
- Modelski G. 2003.** *World Cities: –3000 to 2000*. Washington: Faros 2000.
- Modelski G., Thompson W. R. 1996.** *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Mokyr J. (Ed.) 1993.** *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder, CO: Westview.
- Mokyr J. 1985.** *The Economics of the Industrial Revolution*. London: George Allen & Unwin.
- More C. 2000.** *Understanding the Industrial Revolution*. London: Routledge.
- Njoku C. I., Bondarenko D. M. 2018.** State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History* 17(1): 3–15.
- O’Brien P. K. (Ed.) 1999.** *Atlas of World History*. New York, NY: Oxford University Press.
- O’Rourke K. H., Williamson J. G. 1999.** *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- O’Rourke K. H., Williamson J. G. 2000.** *When did Globalization Begin?* NBER Working Paper 7632. Cambridge, MA: NBER.
- Peregrine P. 2003.** Atlas of Cultural Evolution. *World Cultures* 14: 2–88.
- Peregrine P., Ember M. (Eds.) 2001a.** *Encyclopedia of Prehistory*. 4: *Europe*. New York, NY: Kluwer.
- Peregrine P., Ember M. (Eds.) 2001b.** *Encyclopedia of Prehistory*. 8: *South and Southwest Asia*. New York, NY: Kluwer.
- Phyllis D. 1965.** *The First Industrial Revolution*. Cambridge, UK: University Press.
- Pollock S. 2001.** *Ancient Mesopotamia*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Pomeranz K. 2000.** *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pomper P. 1995.** World History and its Critics. *History and Theory* 34(2): 1–7.
- Rogers J. D. 2019.** The Complexity of Nomadic Empires. *Social Evolution & History* 18(2): 148–165.
- Rothman V. S. 2004.** Studying the Development of Complex Society: Mesopotamia in the Late Fifth and Fourth Millennia BC. *Journal of Archeological Research* 12(1): 75–119.
- Schultz E. A., Lavenda R. H. 1998.** *Anthropology. A Perspective on the Human Condition*. 2nd ed. Mountain View, CA: Mayfield.
- Seregin N. N. 2019.** Social Structure of the Early Medieval Türks in the Altai-Sayan Region: Archaeological Perspectives. *Social Evolution & History* 18(2): 133–147.
- Sharp P. 2008.** Why Globalization Might Have Started in the Eighteenth Century. *VoxEU* May 16.
- Stearns P. N. 1993.** Interpreting the Industrial Revolution. *Islamic and European Expansion. The Forging of a Global Order* / Ed. by M. Adams, pp. 199–242. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Stearns P. N. (Ed.) 1998.** *The Industrial Revolution in the World History*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview.
- Taagepera R. 1968.** Growth Curves of Empires. *General Systems* 13: 171–175.
- Taagepera R. 1978a.** Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 3000 to 600 B.C. *Social Science Research* 7: 180–96.
- Taagepera R. 1978b.** Size and Duration of Empires: Systematics of Size. *Social Science Research* 7: 108–27.
- Taagepera R. 1979.** Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. *Social Science History* 3: 115–138.
- Taagepera R. 1997.** Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia. *International Studies Quarterly* 41: 475–504.
- Thompson W. R. 1988.** *On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. 2019.** Social Complexity of the Pazyryk Culture in Altai, 550–200 BC. *Social Evolution & History* 18(2): 73–91.
- Tracy J. D. 1990.** Introduction. *The Rise of Merchant Empires* / Ed. by J. D. Tracy, pp. 1–13. Cambridge: Cambridge University Press.
- UN Population Division 2019.** *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Vasyutin S. A. 2019.** Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History* 18(2): 92–114.
- Wallerstein I. 1974.** *The Modern World-System*. Vol. I. *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century (Studies in Social Discontinuity)*. New York, NY: Academic Press.
- Wallerstein I. 1980.** *The Modern World-System*. Vol. II. *Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. New York: Academic Press.

- Wallerstein I. 1984.** Economic Cycles and Socialist Policies. *Futures* 16(6): 579–585.
- Wallerstein I. 1987.** World-systems Analysis. *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J. Turner, pp. 309–324. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. 1989.** *The Modern World-System*. Vol. III. *The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's*. San Diego: Academic Press.
- Wallerstein I. 1993.** World System vs. World-Systems. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* / Ed. by A. G. Frank, B. K. Gills, pp. 291–296. London: Routledge.
- Wallerstein I. 2003.** *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York, NY; London.
- Wang Xianhua 2019.** State and Empire in Early Mesopotamia. *Social Evolution & History* 18(1): 195–216.
- Wenke R. J. 1990.** *Patterns in Prehistory*. New York, NY; Oxford, UK: Oxford University Press.
- Wilkinson D. 1987.** Central Civilization. *Comparative Civilizations Review* 17: 31–59.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.

Глава 14. От раннего государства к зрелому. Динамика политической организации

Гринин Л. Е.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В главе будет представлена теория, которая раскрывает логику эволюции государства и государственности. Даются критерии для обозначения стадийных типов государств.

В рамках настоящей главы дана система дефиниций государства, в том числе базовое определение государства и определения, исходящие из него, соответственно раннего, развитого и зрелого государств. Под государством понимается категория, с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

В главе мы исходили из следующей идеи. Поскольку основной политической единицей Мир-Системы является государство, для анализа динамики ее политической организации необходимо некоторое уточнение теоретических взглядов на последовательность эволюционных типов государств. Но, несмотря на важность, теме эволюционной последовательности стадийных типов государственности в политической антропологии, к сожалению, уделяется недостаточно внимания. В западной науке на протяжении последних двух-трех десятилетий наиболее известной теорией такого рода остается схема Х. Й. М. Классена и П. Скальника, которые выделяют два главных стадийных типа государственности: *раннее* государство и *зрелое* государство. Но при приложении схемы «раннее – зрелое государство» к политическому развитию Мир-Системы (то есть основной части человечества) становится очевидным, что она явно неполная. Во-первых, если первые *зрелые* государства, согласно этой теории, возникли еще до нашей эры (Египет, Китай), как тогда классифицировать европейские государства XVIII–XIX вв., не говоря уже о современных? Будут ли они также зрелыми или уже *сверхзрелыми*? Во-вторых, очевидно, что европейские государства XIX в. сильно отличаются от сложных политически централизованных монархий поздней древности и Средневековья (которые сами уже явно превосходят ранние государства) также по ряду других характеристик, в частности по уровню и культуре управления, развитости права, характеру взаимоотношений между государством и обществом. В-третьих, было бы более чем странно допустить, что процессы модернизации в целом и промышленная революция XVIII–

XIX вв. в частности не вызвали сильных изменений в организации государства. Между тем схема «раннее – зрелое государство» никак не отражает эти перемены.

Таким образом, Х. Й. М. Классен и П. Скальник, задачей которых был анализ раннего государства, фактически не учли в своей схеме различия между доиндустриальными и индустриальными государствами, поэтому их «зрелое» государство относится в основном именно к типу *докапиталистических неиндустриальных* государств. Поэтому в настоящей главе мы предполагаем существенно дополнить и изменить концепцию *раннего – зрелого* государства, так как пришли к выводу о необходимости «вставить» между ними стадию *развитого* государства. Следовательно, необходимо выделить не две главные стадии развития государственности (то есть раннее и зрелое государства), а три:

а) *ранние*, еще недостаточно централизованные, часто с недоразвитой административно-политической структурой государства, политически организующие общества с недостаточно отчетливой социальной и классовой структурой;

б) *развитые*, то есть уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, Средневековья и Нового времени, политически организующие общества с ясно выраженным сословно-классовым делением;

в) *зрелые* государства эпохи индустриализма, политически организующие такие общества, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и наемных работников (или аналогичные им социальные группы социалистической «номенклатуры» и наемных работников), сформировались нации.

Для каждой стадии, естественно, можно выделить менее крупные этапы: *примитивное, типичное и переходное государства соответствующего типа*¹. В рамках этой главы базовые характеристики стадий государственности будут определяться по среднему этапу каждой стадии (то есть соответственно *типичного раннего, типичного развитого и типичного зрелого* государств). Дело в том, что на первом этапе (*примитивного* государства соответствующего типа) в политике еще очень много остатков и элементов предыдущей стадии, а на третьем этапе (*переходного* государства) многие институты уже «перезрели», плюс также появляются признаки государственности более высокого порядка сложности. Но хронология вступления в новую стадию государственности, напротив, будет указываться по первому (примитивному) этапу.

Ранние государства уже создали особую политическую организацию власти, отделенную от общества, систему аккумуляции ресурсов, организационные формы для внешнеполитической деятельности, возможность принуждать население к выполнению своей политической воли. Однако ранние государства часто не обладали полным набором или удовлетворительной степенью развитости таких, позже ставших универсальными, атрибутов государственности, как *профессиональный аппарат управления, система регулярного налогообложения, административное территориальное деление, а также письменное право и достаточно высокая степень централизации*. Дело в том, что организационные

¹ Такие названия этапам дали, следуя в целом традиции в отношении ранних государств Х. Й. М. Классена и П. Скальника, которые выделяли этапы зачаточного, типичного и переходного раннего государства.

и управленческие институты ранних государств имели весьма специфичные формы. Скажем, вместо регулярной армии – народное или феодальное ополчение; вместо профессиональных чиновников или судей могли быть землевладельцы, совмещающие функции администраторов и помещиков; налоговую систему нередко заменяли доходы от домена короля; вместо четкого деления на провинции имелся конгломерат областей с собственной формой власти и т. п. Вот почему мы считаем, что для раннего государства наличие таких признаков, как профессиональный аппарат, система налогов, территориальное деление, не является обязательным (см. главу 10). По нашему мнению, эти три признака являются обязательными для характеристики только следующего эволюционного типа государства – развитого.

Развитое государство было результатом длительного исторического развития и отбора, итогом многочисленных трансформаций, переворотов, распадов и собраний земель, в течение которых происходил отбор наиболее удачных вариантов соотношения государства и социально-этнических структур. Оно складывается в результате долгого развития самой техники управления и администрирования, расширения и профессионализации административных и иных структур, подгонки аппарата для решения определенных задач. Поэтому такое государство обязательно является централизованным и имеет все указанные выше атрибуты государства: профессиональный аппарат управления и подавления, систему регулярного налогообложения, административное территориальное деление и письменное право.

Развитое государство гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы в обществе. Оно не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества, но как бы конституирует эти особенности в политических и юридических институтах. В этом смысле его можно рассматривать как *сословно-корпоративное* государство. Например, на Руси и в Западной Европе такое государство с эффективной централизацией возникло на основе формирования сословного общества, сословной монархии, союза монарха с дворянством (и в отдельных случаях – с городами).

Зрелое государство, в нашем представлении, является уже результатом процессов модернизации, развития капитализма и промышленной (а также демографической) революции, то есть основывается на принципиально ином производственном базисе. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями и постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство. Исходя из сказанного, можно сделать очень важный вывод: *в древности и Средневековье не было зрелых государств, а только ранние и развитые*. Самые первые зрелые государства появляются в конце XVII – XVIII в., а их специфические черты достигают зримого проявления только в XIX в.

Отличия зрелого государства от ему предшествующих очень велики. Зрелое государство в организационном и правовом плане существенно превосходит развитое. Оно имеет качественно более развитые и специализированные институты управления, аппарат принуждения и контроля. Возникает определенная ав-

тономия государственного аппарата и армии, которые все более выступают как некий абстрактный механизм служения обществу. Обязательно имеется четкий механизм и прописанная процедура легитимной передачи или ротации власти (чего не хватало многим развитым государствам). Как правило, создаются конституции и системы разделения властей, возрастает роль права, особенно гражданского. В целом (за исключением некоторых тоталитарных и авторитарных государств) системы права и судопроизводства достигают в зрелых государствах такого развития и совершенства, что сравнивать их с предшествующими эпохами уже весьма сложно. В результате важнейшей функцией зрелого государства становится обеспечение не только социального, но и обычного правопорядка, на который в развитом государстве часто обращалось мало внимания. (О трансформации зрелого государства см. в главе 17.)

* * *

В рамках настоящей главы под *государством* понимается категория, с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

Это определение является основой, опираясь на которую, я даю систему определений стадийных типов государства (подробнее см.: Гринин 2001–2005; 2006а)².

1. О СТАДИЯХ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Некоторые ученые «с подозрением» относятся к выделению стадий в тех или иных процессах, нередко прямо противопоставляя понятия процесса и стадий как взаимоисключающие (см., например: Shanks, Tilley 1987; см. также: Marcus, Feinman 1998: 3; Штомпка 1996: 238). Однако можно согласиться с Робертом Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия (Carneiro 2000b), поскольку стадии являются непрерывными эпизодами продолжающегося процесса, а понятие процесса может служить для разработки понятия стадий (Goudsblom 1996). Процедура выделения стадий во временном процессе в широком смысле есть *периодизация*, а любая периодизация страдает односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью. «Однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс 1994: 52). Мало того, количество и значение таких натяжек можно резко уменьшить, поскольку эффективность периодизации напрямую связана с тем,

² Слово *категория* в качестве определяющего дополнительно подчеркивает, что государство – слишком сложный объект, чтобы охватить его единственной дефиницией, и неслучайно существуют сотни различных определений государства. По этой причине я попытался подойти к проблеме дефиниции государства путем создания взаимосвязанной системы определений.

насколько ее автор учитывает правила и особенности этой методологической процедуры (подробнее об этих процедурах см.: Гринин 1998: 15–28; 2003а: 67–78; 2003б: 219–223; 2006а; 2006б; см. также: Ершов 1984; Жигунин 1984; Шофман 1984). Исходя из этого, я считаю, что разделение процесса эволюции государства (и – шире – политогенеза) в исторической ретроспективе на стадии является весьма важной и полезной процедурой, если, конечно, не абсолютизировать такое деление (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а).

При анализе развития государственности в рамках исторического процесса обычно выделяют две главные стадии: **раннее** государство и **зрелое** государство. Несомненно, это деление разумно и продуктивно³. Однако Х. Й. М. Клаесен и П. Скальник ограничили свою схему развития государственности эволюцией только *докапиталистических неиндустриальных* государств (Claessen, Skalník 1978b: 5). Следовательно, концепция *раннего – зрелого* государства нуждается в важных дополнениях. Причины этому следующие:

1. Переход к новой стадии развития государства немаловажен без серьезных изменений в производстве. С другой стороны, революционные изменения в производстве сами раньше или позже требуют глубоких изменений в устройстве государства. Поэтому было бы более чем странно допустить, что промышленная революция XVIII–XIX вв. не вызвала сильных изменений в организации государства. Между тем схема *раннее – зрелое* государство никак не отражает эти перемены.

2. Если первые зрелые государства, согласно распространенным взглядам, возникли еще в глубокой древности (Египет) или на пороге нашей эры (Китай)⁴, как тогда классифицировать европейские государства XVIII–XIX вв., не говоря уже о современных? Будут ли они также зрелыми или уже сверхзрелыми?

3. Европейские государства XIX в. сильно отличаются от сложных политически централизованных монархий поздней древности и Средневековья (которые сами уже явно превосходят ранние государства) также по ряду других характеристик, в частности по уровню и культуре управления, развитости права, взаимоотношениям между государством и обществом. Недаром Макс Вебер говорил: «Вообще “государство” как политический *институт* с рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на “законы”, управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известно только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» (Вебер 1990: 47)⁵.

³ Неудивительно, что так много ученых прямо или косвенно поддержали этот подход, приняв участие в разработке проекта *раннего государства* (Claessen, Skalník 1978d; 1981; Claessen *et al.* 1985; Claessen, van de Velde 1987b; 1991; Claessen, Oosten 1996b).

⁴ Во всяком случае, в статьях тома «Раннее государство» (Claessen, Skalník 1978c) о Египте и Китае (Janssen 1978: 213; Pokora 1978: 198–199) раннему государству в Египте соответствует период Древнего царства (до 2150 г. до н. э.), а эпоха раннего государства в Китае трактуется как период до образования империи Цинь (до 221 г. до н. э.).

⁵ Отдельные авторы вообще считают, что о государстве, по большому счету, можно говорить лишь применительно к европейским странам Нового времени начиная с XV–XVI вв. (см., например: Белков 1995: 178–182). Э. Винсент (Vincent 1987) также говорит о *государствах*

Следовательно, учитывая указанные различия между индустриальными и доиндустриальными государствами (о чем далее будет подробно сказано), очевидно необходимость выделить не две, а три стадии развития государственности. А именно:

а) *ранние*, еще недостаточно централизованные государства, с неразвитой социальной и классовой, а часто и административно-политической структурой;

б) уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, Средневековья и Нового времени с ясно выраженным сословно-классовым делением;

в) государства эпохи капитализма, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и пролетариата, сформировались нации, распространилась представительная демократия. Точнее говоря, даже не капитализма, а индустриализма, поскольку в эту группу входят и индустриальные социалистические государства.

Поэтому я пришел к выводу о необходимости «вставить» между ранним и зрелым государством стадию **развитого государства**. Таким образом, получатся не две главные стадии развития государственности – раннее и зрелое государство, а три: **1) раннее государство; 2) развитое государство; 3) зрелое государство**. Соответственно я заново разработал концепцию эволюции государственности и по-новому сформулировал основные характеристики каждой из ее стадий.

В каждой стадии, естественно, можно выделить менее крупные этапы *начального, типичного и переходного государства*⁶. В рамках этой статьи базовые характеристики стадий государственности определяются по среднему этапу каждой стадии (то есть соответственно *типичного* раннего, *типичного* развитого и *типичного* зрелого государств). Дело в том, что на первом этапе (*начального* государства) в политике еще очень много остатков и элементов предыдущей стадии, а на третьем этапе (*переходного* государства) многие институты уже переэволюционировали, а также появляются признаки более высокой стадии государственности.

Основные различия между ранним, развитым и зрелым государствами:

Ранние государства очень сильно отличаются между собой по многим характеристикам, в частности по степени развитости централизации, управления, налоговой и судебной систем. Но если искать сходство в них с позиции, каковы в целом их отличия от государств более высокой стадии эволюции, то **раннее государство** – это всегда государство **неполное (организационно и социально)**. Такая «неполнота» касается взаимосвязи между государством и обществом. Здесь существовали разные варианты, но в каждом из них какие-то очень важные элементы государства и необходимые характеристики общества отсутствовали или были явно недоразвиты.

начиная лишь с XVI в. Есть и другие ученые, которые придерживаются сходной позиции (см. об этом в статье ван дер Влита в настоящем томе).

⁶ Такие названия этапам я дал, следуя традиции Классена и Скальника в отношении ранних государств, которые выделяли этапы зачаточного, типичного и переходного раннего государства (см.: Claessen, Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589).

В большинстве случаев указанная неполнота выражалась в самом прямом смысле, поскольку многие ранние государства часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. В первую очередь сказанное относится к таким атрибутам государственности, как *профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также степень централизации и письменное право*. Однако в некоторых ранних государствах (таких, например, как государства третьей династии Ура или Хаммурапи в Месопотамии) имелась противоположная диспропорция. Хотя аппарат управления и бюрократия здесь были весьма мощными, но они надстраивались над недостаточно развитым в социальном и этническом плане обществом. Поэтому в таком случае недоразвитым выглядело уже *общество* по сравнению с государством (об этом см. еще дальше).

Развитое государство выступает как государство **сформировавшееся и сложившееся**, имеющее практически все указанные выше атрибуты государства (в том числе профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление), и **централизованное**. Таким образом, многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными⁷.

Такой тип государства был уже результатом длительного исторического развития и отбора, которые доказали, что государство существенно прочнее, если его институты органично связаны с социальной структурой общества, если они одновременно и опираются на социальный порядок, и поддерживают его. Например, на Руси и в Западной Европе такое государство с эффективной централизацией возникло на основе формирования сословного общества, сословной монархии, союза монарха с дворянством (и в отдельных случаях с городами). Развитое государство гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы в обществе. Оно не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества, но как бы конституирует эти особенности в политических и юридических институтах. В этом смысле его можно рассматривать как **сословно-корпоративное** государство.

Естественно, что разные государства достигали начала этой стадии в разное время. Например, Китай – с момента образования первой централизованной империи Цинь, в конце III в. до н. э.; Римская империя – примерно в конце I в. н. э.; Византия – с момента возникновения. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII в.; Россия – во второй половине XVI в. Подробнее о хронологии см. далее.

Зрелое государство является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально иной производственный

⁷ Конечно, определение *развитое государство* весьма условно. Развитым его можно считать только в сопоставлении с еще более примитивным – ранним, а по отношению к более поздним формам государства оно предстает убогим. Так, по сравнению с «вотчинным» московским княжеством Ивана Калиты и его преемников Россия Ивана Грозного выглядит развитым государством. Но она не выдерживает никакого сравнения хотя бы с империей Петра I. Но и государство Петра I весьма примитивно по сравнению с Российской империей конца XIX в.

базис. Другие отличия зрелого государства от ему предшествующих также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями. Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию с определенными характеристиками (см., например: Weber 1947: 333–334), четкий механизм передачи или ротации власти. Естественно также, что зрелое государство имеет намного более развитый аппарат принуждения и контроля, в целом более развитые и специализированные институты управления.

Оно постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство, а на последних своих этапах – в то, что можно назвать социальным государством. Исходя из сказанного, можно сделать очень важный вывод, что **в древности и Средневековье не было зрелых государств, а только ранние и развитые**. Самые первые зрелые государства появляются в конце XVII – XVIII в. О хронологии вступления в эту стадию будет сказано дальше.

3. РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО

3.1. Некоторые характеристики раннего государства

Естественно, что я не ставил целью дать всестороннюю и полную характеристику каждого из трех стадийных типов государства. Здесь я останавливаюсь только на таких характеристиках, которые позволяют, на мой взгляд, точнее выделить критерии разделения процесса эволюции государства на эволюционные стадии. Что касается раннего государства, то некоторые свои взгляды на него я высказал в других статьях в этом томе (Гринин 2006г; 2006в), что позволяет мне опираться на них.

Прежде всего необходимо напомнить, что я делил все догосударственные социумы и полинии на две группы: *стадийно* догосударственные и *исторически* догосударственные (Гринин 2006в: 93–96). К первым я относил такие, которые при своих наличных характеристиках ни при каких условиях не могли стать даже самым примитивным государством. Ко вторым – такие, которые уже обладают необходимыми параметрами (величиной и степенью социокультурной сложности), поэтому при благоприятных условиях они могут стать государством. Однако, поскольку в этих обществах отсутствуют некоторые необходимые конкретные условия для формирования государства, они развиваются по собственным траекториям и становятся аналогами ранних государств.

Исходя из этого, следует отметить, что раннее государство отличается от *стадийно* догосударственных обществ совершенно определенными вещами, поскольку, чтобы стать государством:

1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее – несколько тысяч жителей). Хотя чаще требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек).

2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей).

3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация.

4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше (см., например: Carneiro 2000a: 186), что при археологических раскопках нередко выражается в трех-, четырехуровневой иерархии поселений (Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986) и в целом свидетельствует о наличии определенных политических традиций.

Однако, как я доказывал (Гринин 2006в), и многие аналоги отличаются от стадияльно догосударственных политий теми же самыми характеристиками. Поэтому я сформулировал, какими именно чертами и признаками раннее государство отличается от аналогов. Это:

1. Особые свойства верховной власти.
2. Новые принципы управления.
3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.
4. Редистрибуция власти, то есть способность перераспределять через центр властные полномочия⁸.

Исходя из сказанного, заключаем, что **раннее государство** – это категория, с помощью которой описывается **особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.**

Как легко заметит читатель, в данном определении я не указал, что для раннего государства обязательно наличие таких признаков, как аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление. Дело в том, что во многих, едва ли не в большинстве ранних государств они в полной мере не обнаруживаются (подробнее об этом см. далее). Но, на мой взгляд, это не только не является каким-то «недостатком» ранних государств, а, напротив, совершенно естественно. И те ранние государства, которые обладают всеми указанными признаками, скорее являются исключениями, выделяющимися среди ранних государств в сторону развитости, чем правилом. Поэтому, по моему мнению, эти три признака являются обязательными для характеристики только следующего эволюционного типа государства – развитого.

⁸ Эти четыре черты в том числе означают, что государство отличается от аналогов большей сложностью управленческой организации; большей преобразовательской активностью, способностью принуждать к выполнению своих требований и менять отношения и нормы, исходя из собственных задач и интересов; большей опорой на формальные, юридические, административные, то есть нетрадиционные основания; принципы, по которым люди привлекаются на службу государству, могут быть разными, но они никогда не ограничиваются только особым положением человека в системе родства (Гринин 2006г; 2006е).

3.2. Раннее государство как государство неполное

Государство как форма общества всегда отражает социальное и иное устройство последнего. Однако анализ черт, свойственных раннему государству, дает основания сказать, что в широком смысле слова оно является **неполным**. *Эта неполнота* в общем виде означает, что в системе взаимосвязей между государством и обществом имеются некие ограничители, которые препятствуют дальнейшей стадийной эволюции ранних государств. Данная ограниченность означает *такую связь между государством и обществом, которая ретроспективно (с точки зрения эволюционных возможностей системы) выглядит неадекватной по сравнению с тем, что мы видим на более высоких этапах развития аналогичных систем*. И неудивительно, что многие ранние государства так никогда и не становятся развитыми (см.: Claessen, van de Velde 1987a; 1991; Skalník 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995), а те, что становятся, обычно совершают такой переход с тяжелыми кризисами и катаклизмами, вызывающими глубокую перестройку всей системы⁹.

Указанная ограниченность проявляется по-разному. Иногда политическая форма раннего государства оказывалась не очень крепко связанной с обществом. В этих случаях государственной надстройке, образно говоря, почти все равно, кем она управляет. Возьмите Среднюю Азию, границы внутри которой в течение многих сотен лет никак не устанавливались, без конца меняясь в зависимости от чисто военных обстоятельств и удачливости очередного завоевателя (для Ближнего Востока в целом и Северной Африки это тоже очень характерно). Возьмите средневековую Европу XI–XIII вв., где огромные области с легкостью переходили от правителя к правителю, от державы к державе при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследства¹⁰.

Европа этого времени – пример политической системы со слабой административной структурой. Однако бывали случаи «непригнанности» и «неподогнанности» общества и государства друг к другу и когда политическая власть обладала развитым административным и бюрократическим аппаратом, который сравнительно легко накладывался на разные территории. Так было в Месопотамии, где государства часто меняли границы, то укрупнялись, то распадались, неоднократно происходила и смена династий. Но принципы государственности

⁹ В отношении, в частности, Египта и Китая Х. Й. М. Классен и П. Скальник указывают на период децентрализации и хаоса в их истории (соответственно между Древним и Средним царствами и до образования империи Цинь в III в. до н. э.) как на границу между стадиями раннего и зрелого (развитого) государств (Claessen, Skalník 1978a: 634).

¹⁰ Вот только один пример. В XII в. французский король Людовик VII с помощью династического брака с Алиенорой Аквитанской приобрел самое большое во Франции герцогство Аквитанию с графством Пуату. Но вскоре он потерял это владение в результате своего развода с Алиенорой. Несколько месяцев спустя она вышла замуж за Генриха Плантагенета (графа Анжу, которому во Франции также принадлежали графства Мэн и Турень и герцогство Нормандия). Соответственно и Аквитания теперь стала областью Генриха. Далее события развивались и вовсе интересно. Стоит напомнить, что после завоевания Англии в 1066 г. нормандским герцогом Вильгельмом родственные связи между английской и французской знатью сильно переплелись. В 1154 г. указанный Генрих Плантагенет волею случая стал английским королем. И все его французские земли (от Ла-Манша до Пиренеев) также перешли к Англии. Но формально он оставался вассалом французского короля (см.: Кириллова 1980: 216–217; Колесницкий 1980: 194; Люблинская 1972: 97).

при этом оставались в целом теми же. Бюрократия легко надстраивалась над любыми территориальными конфигурациями.

Но в некоторых ранних государствах указанная ограниченность, напротив, выражалась именно в том, что связь между государством и обществом была слишком тесной, то есть определенная государственная форма годилась только для конкретного социума. В результате она оказывалась неспособной к необходимым качественным трансформациям. Ярким примером является организация греческих полисов, не сумевших преобразоваться даже перед лицом потери независимости. «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное и в общем малоуспешное стремление к преодолению полиса: непрерывное в силу несоответствия однажды установленных полисных принципов... дальнейшему общественному прогрессу, а безуспешное ввиду того, что попытки преодоления полиса осуществлялись на полисной же основе» (Фролов 1979: 6). При этом наблюдается интересная картина. С одной стороны, греческие полисы так и не смогли самостоятельно объединиться в крупное государство именно из-за слишком тесной связи между гражданской общиной и формой государства. Но, с другой стороны, несбалансированность этих раннегосударственных образований весьма наглядно проявлялась в том, что в полисах были часты социальные перевороты и смена политического режима (от демократии к олигархии и наоборот), причем нередко совершаемые легитимно, путем смены лидеров и групп у власти, постоянным изменением законов и решений¹¹.

На основе приведенных выше и многих других фактов я выделил два основных типа несоответствий между политической и социальной структурами древних и средневековых государств.

Первый и более распространенный вариант – когда раннее государство является неполным в прямом смысле слова, поскольку слабо развитой оказывается его административная организация. Ведь ранние государства очень часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. При этом какие-то из этих признаков могли быть даже в весьма развитом виде, зато другие отсутствовали, а порой все признаки оказывались недоразвитыми. В первую очередь сказанное относится к таким атрибутам государственности, как профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права и письменной формы управления (приказы, распоряжения, отчеты, архивы и т. п.)¹².

¹¹ Такая социальная и политическая неустойчивость характерна не только для греческих полисов, но и для средневековых городов-государств средних веков в Италии. Недаром же говорили, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240).

¹² См. об этом: Гринин 2001–2005 (3/2002: 12–17). Также нередко в ранних государствах недостаточно выражено социальное расслоение (некоторые примеры таких государств см.: Маретина 1987; см. также: Куббель 1973: 232; Томановская 1973: 280). По поводу налогов весьма примечательно высказывание Альберта Труборста, который, отметив, что государства Африканского

Сказанное будет легче понять, если вспомнить, что в ряде ранних государств вместо территориального деления существовало родовое, общинное или иное¹³, а в других налоги были неотличимы от дани, подарков, временных займов и т. п. Весьма часто налоги носили нерегулярный характер, например, собирались только во время войны (длительное время так было в Древнем Риме). В некоторых случаях налоги на население могли и вовсе отсутствовать, поскольку у правительства имелись иные источники доходов, такие как монополии на определенный вид торговли (включая внешнюю) или на определенную деятельность (добыча соли, разработка полезных ископаемых); особые земли и территории, доходы с которых шли на содержание правителя (так, доходы с земель королевского домена в средневековой Европе нередко были главным источником государственных средств); регулярная дань и контрибуции с покоренных областей; принудительные платежи союзников (как, например, в Афинском морском союзе) и т. п. В частности, в Римской республике в ранний период очень важным источником доходов была плата за сдачу в аренду общественных земель (см.: Черник 1995: 5), а налоги носили экстраординарный характер. Далеко не всегда в ранних государствах (особенно в Древнем мире) имелась регулярная армия, поскольку правители обходились ополчением. Еще реже была там полиция¹⁴.

Довольно часто в ранних государствах был слабым административный и репрессивный аппарат. Иногда его слабость сочеталась с примитивностью социального расслоения, как, например, в варварских королевствах Европы в начале средних веков. Но бывало и так, что сословно-классовые отношения выражены достаточно четко, а административный аппарат – слабый или «небюрократический», как это можно видеть в Афинах, Риме и других государствах, где профессиональные администраторы либо отсутствовали вовсе (а должности замещались по очереди или по жребию), либо они не получали жалованья и избирались на короткий срок.

Часто такие «неполные» ранние государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами, сбором дани, повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Таким государством, например, длительное время была Древняя Русь, многие государства кочевников, ряд африканских государств. Нередко молодая держава вскармливает мощный слой новой знати, которая перестает считаться с породившим ее государством и начинает формировать под себя социальные процессы. Ярким примером является титулованная знать средневековой Европы, которая превращает надель за службу в частную собственность, закрепощает крестьян, лишает королей тяглецов и воинов и в конце концов делает королевства номинальными

Межозерья не создали полноценной налоговой системы, добавляет, что если бы они ее создали, это, возможно, было бы уже *концом* раннего государства (Grouwborst 1987: 136).

¹³ Массу примеров в этом плане дает Африка (см., например: Куббель 1988: 132 и др.). Но в то же время в этих государствах могли быть более развиты иные признаки, например налогообложение.

¹⁴ Неудивительно, что в отношении ранних государств данные о существовании полицейских сил очень скудны. Из двух десятков государств, рассматриваемых в книге Х. Й. М. Классена и П. Скальника, только в четырех случаях есть такие упоминания о полиции (Claessen 1978: 560).

понятиями. В чем-то похожие процессы шли и во многих других странах начиная с глубокой древности (см., например, о Китае эпохи Западного, а потом и Восточного Чжоу начиная с IX в. до н. э.: Васильев 1993: 187–189; см. также: Крюков 1974: 14–15). Неслучайно же есть сторонники теорий «вечного феодализма», наличия феодальной формации в древности.

И вовсе не удивительно, что часто именно этап *типичного* раннего государства оказывается периодом феодальной раздробленности. Поэтому не лишено смысла утверждение, что «политическая раздробленность в эпоху раннего феодализма – не признак слабости государства, а естественное в тех условиях его состояние: то был иерархизированный союз вассалов и сеньоров, опиравшийся на систему личных связей, преобладавшую в том обществе форму социальных отношений» (Гуревич 1970: 60).

В малых (а отчасти и средних) государствах уже из-за самих их размеров аппарат обычно был недостаточно развит и отделен от населения. Ведь в таких масштабах многие вопросы эффективно решались иными, чем государственный приказ или контроль, способами (например, частными лицами; путем прямого волеизъявления населения или участия родовых, профессиональных или социальных групп в каких-то делах). Здесь рост государственности был в первую очередь связан с необходимостью вести успешные войны, иногда организовывать внешнюю торговлю. Важной могла быть роль государственной власти в улаживании социальных конфликтов, как это было в Афинах и некоторых других греческих полисах, отчасти в раннем Риме (между плебеями и патрициями). В результате те или иные стороны и черты государственности усиливались, а другие отставали. Какие именно, зависело от особенностей политий. Спартанский, афинский, финикийский, а также – до определенного момента, пока они оставались малыми государствами – карфагенский и римский пути – это только некоторые из вариантов развития.

Крупные же ранние государства имперского типа, возникшие в результате завоеваний, неизбежно распадались или резко уменьшались в размерах. Редко империи оставались могущественными более ста лет подряд. Неоднократные взлеты и падения Ассирии в XIII–VII вв. до н. э. – наглядный пример этому (см.: Садаев 1979). Но даже когда государство было достаточно сильным в военном отношении, чтобы долго удерживать провинции в своей орбите, все равно обычно оно являлось недостаточно развитым, чтобы по-настоящему интегрировать различные свои части. Существовал дисбаланс между государственностью центра и окраинами (см. об этом: Thapar 1981: 411). А. В. Коротаев (Коротаев и др. 2000: 42–45; Korotayev *et al.* 2000: 23–24; см. также: Коротаев 2000а; 2000б) считает, что большинство империй представляли собой мультиполитии, то есть образования, имеющие собственно государство в центре и разного рода политии на периферии. И такие государства, как, например, Римская и Карфагенская республики, были не интегрированной системой, а скорее конгломератом земель. В них существовала система особых связей центра и каждого народа, каждой области или территории. При этом одни имели больше прав, другие –

меньше, третьи были почти равны победителям, зато с четвертыми обращались очень сурово¹⁵.

Второй вариант неполноты раннего государства противоположен первому и является более редким. В таких государствах имелся развитый бюрократический аппарат управления. Но он сосуществовал с недоразвитыми социальной структурой и этническими характеристиками, действовал в обществе без достаточно четкой социальной стратификации (то есть ярко выраженных классов или сословий, более-менее зрелых отношений собственности на землю). Мало того, именно чрезмерный административный аппарат мог препятствовать складыванию более развитой и устойчивой социальной системы.

Так было, скажем, в Шумере при третьей династии Ура (XXI в. до н. э.), где в результате государство, по выражению М. А. Виткина (1968: 434), принимает антиобщественную форму¹⁶, и в наследовавшем ему государстве Хаммурапи; в Египте времен Древнего царства; империи Инков¹⁷. Поэтому можно считать, что в этих государствах бюрократия – при всей ее организаторской значимости – в какой-то мере оказывается внешней надстройкой над обществом, подобно тому, как в других государствах над ним надстраивается военная знать со своими дружинами. Только методы эксплуатации и влияния на социум у этих элит разные.

Если слабые правительства порой не могли в достаточной степени мобилизовать силы страны, натываясь на своеволие знати и наместников, то здесь государство, напротив, задавливало общество, пытаясь перестроить его полностью под свои задачи. При этом оно брало на себя функции основного распорядителя благ, организатора и контролера производства и распределения. Такая чрезмерность государства возникала, прежде всего, в условиях натурального хозяйства, как это было, например, в империи Инков. Однако увлечение «учетом и контролем» могло иметь место и в обществах с определенным уровнем товарно-денежных отношений, если там преобладали натуральные государственные повинности. Ведь сбор, хранение, перевозка и распределение продуктов по сравнению с деньгами являются более трудным и громоздким делом.

¹⁵ Римляне определяли такую политику как принцип «разделяй и властвуй». Его придерживались и карфагеняне. При известных условиях он может быть достаточно эффективным. Но для нас важно отметить, что **в развитом государстве такой принцип построения в качестве главного уже сходит со сцены.** Развитое государство все сильнее стремится к централизации и унификации, хотя, конечно, особые отношения провинций и территорий с центром (королем) не уходят полностью и в нем.

¹⁶ В этом обществе социально господствующий класс начал формироваться на основе принадлежности к государственной службе, а низший соответственно складывался из работников государственных хозяйств (Дьяконов 2000: 64–65). Но в целом развитие шло в сторону превращения большинства населения в государственных рабов или крепостных (Васильев 1993: 91; Виткин 1968: 433–434; Тюменев 1956: 266–300). Это было эволюционно неперспективным и вызывало кризисные явления еще до нашествия амореев, под ударами которых это государство и пало.

¹⁷ См. об империи Инков: Березкин 1991; Зубрицкий 1966; 1975; Инка Гарсиласо де ла Вега 1974; Кузьмищев 1974; Naviland 1991: 408; о Древнем Египте: Перепелкин 1988; 2001; Виноградов 2000; Заблоцка 1989; Брестед, Тураев 2003; Жак 1992; о Месопотамии Дьяконов 1983: 370; Козырева 2000: 83; Оппенгейм 1990: 66, 67.

И чем больше отношений регулировалось, тем к большей системе контроля государство стремилось, подменяя вполне эффективные негосударственные традиционные (например, семейные, общинные, религиозные) и рыночные механизмы. Поэтому сами правители вовсе не считали, что государственный аппарат и его функции избыточны. Напротив, такое тотальное государство могло испытывать нужду во все новых контролерах и надсмотрщиках, полагая, что его проблемы порождены как раз недостаточным учетом. Так, например, один из царей третьей династии Ура в Месопотамии Шульги (2093–2046 до н. э.) личным указом велел брать в школы больше детей, в том числе из незнатных и нечиновных семей (см.: Емельянов 2003: 85–86), поскольку служащих следить за всем хронически не хватало. Неудивительно, что цари этой династии оставили больше всех письменных документов (глиняных табличек), на которых фиксировалось все, вплоть до голубя, поданного к столу.

Поэтому об избыточности таких отдельных ранних государств я говорю с точки зрения эволюции, поскольку эти модели в конце концов оказались неэффективными и зашли в тупик. Будущее развитие показало, что следить за всем – задача для государства непосильная. И не случайно, что с развитием рыночного хозяйства попытки создать «государственный коммунизм» прекращаются, хотя рецидивы тотального государственного контроля имели место и позже, например, в Птолемеевском Египте.

Могли быть и иные варианты, кроме двух описанных, поскольку несбалансированность раннегосударственных образований проявляется самым разным образом.

4. РАЗВИТОЕ ГОСУДАРСТВО

4.1. Предварительные замечания о методике анализа

Необходимо уточнить, что, когда идет речь об отличиях развитого государства от раннего, имеются в виду *минимально* обязательные признаки обоих типов. Например, если некоторые ранние государства могли базироваться на незерновом сельском хозяйстве, другие – существовать без товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, иные – без письменности, письменного права и судебной системы, третьи – без постоянных налогов или постоянного войска, четвертые – обходиться без централизации и профессиональных чиновников, то среди развитых государств такого уже быть не могло. В то же время мы едва ли найдем хотя бы одну черту развитых государств, которой не было бы ни в одном раннем государстве. Тем более в ранних государствах на последнем, переходном этапе, когда зарождаются многие черты будущей стадии (см. об этом также: Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; Claessen 1978: 589). Мало того, по каким-то отдельным показателям некоторые из ранних государств могут даже превосходить отдельные из развитых. Так, например, по уровню развития права Римская республика превосходила Индию XVI в.

Иными словами, отдельные ранние государства могли иметь некоторые из признаков развитых (письменность, профессиональный бюрократический и карательный аппарат, кодифицированное право и др.). Но ранние государства не обладают *всей системой* минимальных характеристик развитых государств

(о которой – дальше). А чтобы какое-то государство считалось развитым, оно должно обладать всей совокупностью таких признаков. Следовательно, необходимо сравнивать их по обладанию **полной системой минимальных характеристик**.

Это важно иметь в виду и по причине того, что в качестве критериев различий между ранними и развитыми (зрелыми в иной терминологии) государствами порой выделяют достаточно узкие и, образно говоря, конкретно-осязаемые отличия. В частности, Х. Й. М. Классен и П. Скальник выдвигали *изменения идеологии* в качестве важнейшего критерия (Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; см. также: Claessen, Oosten 1996: 1–23). Согласно их формулировкам, структура раннего государства базируется на концепции реципрокности (взаимности) и родственной близости к правителю¹⁸. Раннее государство существует, пока идеологические основания государства покоятся на этих идеях и представлениях. Однако чем больше оно развивается, тем слабее становится роль этих идеологических компонентов. Эффективный государственный аппарат постепенно делает ненужным обращение к сверхъестественным способностям правителя или постоянному исполнению его реципрокных обязательств. Постепенно «сакральная» легитимация власти (*sacral legitimation*) перерастает в «правовую» легитимацию (*'legalistic' legitimation*), основанную на законе, праве, установленном государственном порядке, что и обозначает границу между типами государств.

Действительно, смена идеологии – это важный момент, который может в ряде случаев быть показателем рубежа между эволюционными типами государств. Но все же легко найти примеры, к которым это неприменимо. Несомненно, что Римская республика, так же как и Афины, Спарта и другие гражданские общины, имела вполне развитую политическую идеологию, которая не нуждалась в обращении к «сверхъестественным способностям правителя» (см., например: Бочаров 1936: 87, 117, 120, 201; об идеологии итальянских республик см.: Дюби 1994: 206–211). И, как известно, многие ранние государства принимали буддизм, христианство, ислам еще на начальных этапах развития, не становясь от этого развитыми. Эти религии также в равной степени могли быть идеологией как ранних, так и развитых государств.

Как уже сказано, я стремился выделять главные черты при сравнении раннего и развитого государств именно по **среднему** этапу их развития (то есть *типичного* государства каждой стадии), по возможности оставляя без внимания остающуюся в них архаику или явления, свойственные более высокой стадии. Ведь, с одной стороны, на последних этапах каждой стадии государственности (*переходного* государства) появляются различные моменты, которые уже не характерны для нее. Это свидетельствует о подготовке к переходу к следующей

¹⁸ Первый момент (*реципрокности*) связан с идеей о том, что царь и народ взаимно необходимы друг другу. Правитель, а значит, и государство, нужны людям по многим причинам, в том числе для влияния на урожайность и другие природные силы с помощью сверхъестественной сакральной благодати царя. Последняя идея была особенно распространена во многих африканских государствах. Второй момент (*родственной близости*) означает, что право на участие во власти у человека тем сильнее, чем ближе он стоит в родственном ряду к правителю.

стадии. С другой стороны, на начальном этапе любой стадии государственности еще очень-очень много черт предыдущей стадии. Поэтому в зависимости от задачи можно делать упор как на сходствах и непрерывности процесса, так и на его узловых моментах. Например, Римская республика в период правления Октавиана Августа (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) переросла в империю. Логично взять этот период также за начало превращения Римского государства из раннего в развитое. При этом легко указать как на огромное сходство между поздней республикой и ранним принципатом, так и на важное различие между этими эпохами, которое затем будет все более и более давать о себе знать, то есть на зародившуюся императорскую власть. Но только в III в. н. э. Римская империя наглядно и ярко демонстрирует черты развитого государства: «...иерархическую систему сословий и наследственное прикрепление людей к их профессиям и статусам, разветвленный огромный полицейско-бюрократический аппарат, “теократическую” власть императора, обязательную для всех подданных государственную религию, санкционировавшую официальную идеологию» (Штаерман 1968: 659; см. также: Петрушевский 2003).

В ряде случаев о вступлении в начальный этап развитого государства можно говорить только ретроспективно, с учетом дальнейшей эволюции этого государства. Вот как, например, описывает такие изменения в отношении Ирана (III–IV вв. н. э.) В. Г. Луконин (1987: 141, 137): «Раннесасанидская монархия, в сущности, мало чем отличается от парфянской, однако изменившиеся условия способствуют постепенной централизации государства. На смену полису приходит “царский город”, на смену системе полунезависимых царств – единая государственная административная система, на смену религиозной терпимости парфянских царей и множеству религий – единая государственная религия – зороастризм», – а также: «Сасанидский период характерен постоянно растущей тенденцией к централизации».

4.2. Общая характеристика развитого государства

Прежде всего надо отметить, что развитое государство более органично обществу, точнее говоря, государство становится естественной его формой, хотя сам процесс притирки мог идти негладко и болезненно. Путь к этому был длительным и непростым, поскольку такое государство было итогом многочисленных трансформаций, переворотов, распадов и собраний земель, в течение которых происходил отбор наиболее удачных вариантов соотношения государства и социально-этнических структур. Чтобы оно появилось, с одной стороны, нужен был существенный прогресс в его политическом, административном и правовом устройстве, в идеологии. А с другой стороны, требовалось достижение необходимого уровня этнического, социального, экономического и культурного развития, в результате чего общество становится социально и этнически достаточно консолидированным.

Крайне существенно, что развитое государство не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества и закрепляет эти особенности в политических институтах, но и гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы.

Развитое государство выступает как государство централизованное и сформировавшееся, то есть имеющее все атрибуты государства. Такое государство складывается в результате долгого развития самой техники управления и администрирования, расширения и профессионализации административных и иных структур, подгонки аппарата для решения определенных задач. Поэтому многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными: профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права.

Естественно, что разные государства достигали стадии развитого государства в разное время¹⁹. Например, Египет – с Нового царства (примерно XVI в. до н. э.); Китай – в результате объединения его в первую централизованную империю Цинь в конце III в. до н. э.; Рим достиг этого уровня примерно в конце I в. н. э.; Византия сразу возникла как развитое государство (поскольку римские традиции здесь не прерывались); Иран – после упрочения Сасанидской династии III–IV вв. н. э.; Япония вступила в стадию развитого государства в начале XV в., когда сёгунам из династии Асикага удалось укрепить позиции центральной власти. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII в. при Филиппе IV Красивом, но Столетняя война задержала этот процесс. Испания становится развитым государством в конце XV в. (в результате объединения Кастилии и Арагона); Англия – также в конце XV в. (после войны Алой и Белой Роз и воцарения династии Тюдоров); Индия – через некоторое время после образования империи Моголов во второй половине XVI в. в период правления Акбара (1556–1605), который объединил под своей властью основную часть территории Индии и провел важные реформы государственного управления; Россия – во второй половине XVI в. во время царствования Ивана Грозного²⁰ (подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006a).

Исходя из сказанного, можно заключить, что **развитое государство – это категория, с помощью которой описывается форма политической организации цивилизованного общества (группы обществ); отделенная от населения централизованная организация власти, управления, принуждения и обеспечения социального порядка в виде системы специальных институтов, должностей (званий), органов, законов (правил), обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью изменять отношения и нормы.**

¹⁹ Даты далее указывают только на самое начало вхождения в стадию развитого государства, а эта стадия имеет большую длительность.

²⁰ См. соответственно о Египте: Виноградов 2000: 370–372; Перепелкин 2001: 259–280; Брестед, Тураев 2003; Васильев 1993: 110–111; Монтэ 1989: 167–168; о Китае: Крюков, Переломов 1983: 17–21; Переломов 1962; о Риме: Петрушевский 2003; Штаерман 1968; о Византии: Удальцова 1967; 1988; об Иране: Луконин 1987; Новосельцев 1995: 24, 31; Фрай 1972; Колесников 1987; о Японии: Толстогузов 1995; Кузнецов и др. 1988; о Франции: Люблинская 1972: 94–109; Цатурова 2002: 12–13; Най 1975: 138; Johnson 1955: 105–106; об Англии: Дмитриева 1993; об Индии: Ашрафян 1987; Антонова 1979.

4.3. Отличия развитого государства от раннего

Далее перечисляются сформированные мною *минимальные* признаки развитого государства в сравнении с ранним государством. Я стремился сделать эти характеристики более содержательными, поэтому фактически каждая такая характеристика состоит из целого ряда важных моментов:

а) Развитое государство имеет больше атрибутов государственности, которые к тому же более развиты.

В нем уже достаточно ясно и в системе прослеживаются все признаки государства: особый отделенный от населения аппарат управления и насилия; налоги; развитое территориальное административное деление. И помимо этого еще обязательно имеются письменное право, особая письменная культура управления, учета и контроля²¹. Такое государство не может довольствоваться ополчением, а обычно имеет постоянную армию. В нем имеется более развитая система повинностей. Архаические повинности и доходы (дань, подарки, полюдь, отработки, доходы от военного грабежа или контрибуций) исчезают или играют подчиненную роль, а налоги становятся более регулярными.

б) Развитое государство является сословно-корпоративным государством.

Социальная структура начинает изменяться в сторону того, чтобы быть представленной более крупными общественными группами, а не множеством мелких социальных слоев или социально-территориальных единиц (вроде независимых городов и храмов с особыми привилегиями). Налицо также этнически сложившиеся народности, а не племенной конгломерат или сосуществование массы мелких родственных народов. В результате общество становится социально достаточно консолидированным. Указанная консолидация сословий связана с уменьшением замкнутости и обособленности областей и территорий, с экономическим объединением общества, более плотными контактами представителей высших слоев между собой. Но нельзя не отметить и активность государства в этом отношении, которая заключается в юридическом оформлении сословий, а в целом – в том, чтобы сделать общество более жестким, устойчивым, уменьшить социальную мобильность или канализировать ее.

В свою очередь, государство и в устройстве, и в политике все более явно отражает особенности своего социального (и этнического) состава, активно влияя на социальную структуру общества и выступая посредником между сословиями и корпорациями. Также может идти процесс более четкого оформления системы титулов, рангов, а также чинов служащих (в последнем случае особенно там, где правящий класс совпадает с классом чиновников («государство-класс», по определению М. А. Чешкова [1967: 243–245])).

в) Развитое государство – это обязательно централизованное государство, в целом более устойчивое и крепкое, чем раннее.

²¹ Стоит заметить, что нередко в ранних государствах, даже если имелась письменность, далеко не все государственные акты имели письменный характер. Многие, а то и большинство актов оставались по-прежнему устными. Так было, например, по мнению Ж. Ле Гоффа (1992: 45), в империи Карла Великого во Франции.

Развитое государство не может быть политическим конгломератом, как это часто было в ранних государствах. Это уже не просто объединение территорий, которые распадаются, как только сила центра ослабла. Конечно, возможны распады и развитых государств, особенно на начальном этапе, когда только происходит процесс централизации. Но если дальнейшее развитие этого типа государства идет, оно обязательно связано с новой и часто более прочной централизацией на примерно той же территории. Это объясняется тем, что развитое государство формируется на определенной территории, исторически подготовленной в материальном и культурном плане к такому единству за счет общей культуры, идеологии, письменности, развития коммуникаций, торговли, определенной унификации, в том числе денег, мер, права и другого.

г) В развитом государстве более высокая хозяйственная база.

В частности, развитое государство, в отличие от раннего, не может возникнуть без зернового хозяйства, и тем более на основе скотоводства. В то время как ряд африканских государств возникал на базе сельского хозяйства, в котором зерновые культуры не играли преобладающей роли, а ведущими были иные: ямс, банан, маниок, земляные орехи и т. п. (см., например: Бондаренко 1995: 103). В развитом государстве не может отсутствовать внутренний рынок и господствовать натуральное хозяйство, какими были некоторые ранние государства (империя Инков, Египет Раннего царства). Требуется хотя бы некоторое развитие товарно-денежных отношений. Должна существовать не только специализация ремесел, но и намечаться хозяйственная специализация (пусть еще и слабая) районов, то есть формироваться единый хозяйственный организм в государстве²².

д) Если многие ранние государства существовали на основе варварских обществ, то **развитое государство обязательно оформляет общество уже цивилизованное**. Поэтому такое государство складывается только в районах достаточно продвинутых цивилизаций и часто на базе ведущего этноса.

е) **Развитое государство** существенно лучше, чем раннее, подходит под определение, что это **организация принуждения (насилия), созданная для того, чтобы высшие классы могли эксплуатировать и держать в повиновении низшие**. Во многих же ранних государствах эксплуатация не достигает высокого уровня (см., например: Trouwborst 1987: 131; Service 1975).

ж) **Наличие нового типа государственной идеологии и/или религии**. Вместо примитивных идей о царской власти (мифические предки, сверхъестественные качества царя и т. п.) возникает политическая идеология в широком смысле слова. Ярким примером может служить конфуцианство в Китае (Васильев 1983). Но, конечно, такая идеология очень часто имеет какой-то религиозный камуфляж, как, скажем, концепция XVI в. «Москва – третий Рим» (см.: Пайпс 1993: 306–307). В результате во многих развитых государствах, как это было, по мысли А. С. Мартынова (1982: 6–7), в Китае и других странах Восточной Азии,

²² О формировании такого рынка, например, в России, Китае, Японии, Англии см. соответственно: Преображенский 1967: 25–28; Хромов 1988: 148–152; Симоновская, Лапина 1987: 119; Гальперин 1958: 27; Кузнецов и др. 1988: 115; Винокуров 1993: 48; Лавровский, Барг 1958: 72.

государство становилось сакральным само по себе. Это нередко требовало союза государства с официальной церковью (см., например, в отношении некоторых европейских государств: Ле Руа Ладюри 2004: 8).

5. ЗРЕЛОЕ ГОСУДАРСТВО

5.1. Общая характеристика

Зрелое государство, в моей концепции, является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально иной производственный базис. Другие отличия зрелого государства от предшествующих ему типов также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями²³. Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию, четкий механизм и прописанную процедуру легитимной передачи власти. Как правило, создаются конституции и системы разделения властей, возрастает роль права, особенно гражданского. В целом (за исключением тоталитарных и авторитарных государств) системы права и судопроизводства достигают в зрелых государствах такого развития и совершенства, что сравнивать их с предшествующими эпохами сложно. В результате важнейшей функцией зрелого государства становится обеспечение не только социального, но и обычного правопорядка, на который в развитом государстве часто практически не обращалось внимания. В связи с ростом роли отношений собственности и утверждением равенства граждан перед законом, отменой сословных преимуществ зрелое государство постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство.

Исходя из сказанного, **зрелое государство** – это категория, с помощью которой описывается **органическая форма политической организации экономически развитого и культурного общества в виде системы бюрократических и иных специальных институтов, органов и законов, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь; это отделенная от населения организация власти, управления, обеспечения порядка, социального или иного неравенства, обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) развитым аппаратом принуждения и контроля; г) систематическим изменением отношений и норм.**

Стоит обратить внимание, что если развитое государство определено как *естественная* форма политической организации общества (то есть, хотя оно необходимо для поддержания социального порядка, все же, если бы не угроза нашествий, основное крестьянское население, в принципе, могло бы обойтись без государства и тем более без крупного государства), то зрелое государство – как *органическая* форма политической организации, то есть это форма, вне которой общество (и население) быть не может в принципе.

²³ Подробнее о теснейшей связи нации с государством см.: Геллнер 1991; Armstrong 1982; Фрейдзон 1999: 10–12; Гринин 1997б; 2003а: 201–203, 222–235.

При этом сама государственность становится как бы отделенной от конкретных людей. Если в монархиях в начальный период зрелого государства монарх, подобно Людовику XIV, еще мог заявить: «Государство – это Я!» – (и то в XVII, а не в начале XX в.), то в конституционных режимах это уже было просто невозможно. Возникает и определенная автономия аппарата и армии, которые все более выступают как некий абстрактный механизм служения обществу²⁴. Все это создает основу для формирования гражданского общества.

В плане взаимоотношений государства и общества, государства и личности я считаю, что необходимо говорить о появлении нового типа идеологии, которую в целом можно определить как **гражданскую**, поскольку она объясняла взаимоотношения человека и государства с точки зрения человека-гражданина, имеющего равные по закону права и обязанности, живущего в особом национально-государственном сообществе. Эта гражданская идеология в результате революций, реформ и распространения образования постепенно заменила сакрально-традиционную идеологию развитого государства с ее представлениями о святости монаршей власти и нерушимости сословного социального порядка. Наиболее универсальным видом гражданской идеологии можно считать **национализм**. Другими влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма были либерализм, демократизм, революционизм и реформизм. В более поздний период появляются империализм (как идеология), коммунизм, фашизм, антикоммунизм. В результате изменяются критерии достоинства государства. Теперь не пышность двора, а экономическое могущество нации, более справедливый социальный порядок, а затем и уровень жизни населения постепенно становятся критериями уровня государства, его прогрессивности.

В зрелом государстве институты управления, а также аппарат принуждения и контроля и более развиты, и более специализированы, тогда как в развитом государстве эти органы и институты далеко не всегда имели четко обозначенные функции. Напротив, как высшие, так и местные органы часто являлись многофункциональными и в то же время неопределенными по задачам²⁵. А бюрократия в истинном смысле этого слова в основном концентрировалась только в отдельных сферах, разных для разных стран (например, сборе налогов или судах), а в других областях жизни, особенно на уровне местного управления, могла отсутствовать (см., например, для Франции еще и XVIII в.: Малов 1994: 140). Даже в Китае чиновничий аппарат не проникал до самых низовых структур, и поэтому на местах функции чиновников в значительной мере ложились

²⁴ Даже в тоталитарных странах строгая идеология, «народная» правящая партия и другие институты формально существовали для блага народа и общества, что существенно сокращало личные возможности чиновников.

²⁵ Например, во Франции XVI в. (так же было в России и в других странах в аналогичные эпохи) существовал «узкий» совет короля, состав которого был неопределенным, а функции – весьма расплывчатыми. То же можно сказать и о представителях старой администрации – бальи, сенешалы, прево, губернаторы с «их чрезвычайно неопределенной административно-судебной и военно-административной компетенцией» (Сказкин 1972: 170, 171). «За пределами двора и правительства для классической монархии характерна лишь частичная, и порой слабо централизованная, система административного управления» (Ле Руа Ладюри 2004: 15). Положение начинает изменяться только в XVII в., особенно при Ришелье.

на плечи представителей ученого сословия *шэньши* (см., например: Никифоров 1977: 211–213).

Францию можно относить к зрелым государствам с конца XVII в. (период царствования Людовика XIV). Один только факт покажет объем изменений в управлении страной, произошедший к этому времени. К началу XVI в. во Франции насчитывалось около 8 тыс. чиновников, к середине XVII в. их численность возросла до 46 тыс. (Копосов 1993: 180). Англию можно считать зрелым государством с первых десятилетий XVIII в., то есть через некоторое время после «славной» революции, когда начала оформляться новая система государственного управления: конституционная монархия, двухпартийная система, однопартийное правительство. Пруссию – с конца XVIII в. К началу XIX в. «в военной, а также гражданской бюрократической администрации она создала эталоны для всей Европы» (Парсонс 1997: 100). Россию – с начала XIX в., то есть с реформ Александра I при участии М. М. Сперанского. Японию – с последней трети XIX в. (после «реформ Мэйдзи»). США становятся таким государством после эпохи, которая называется «джексоновской демократией» по имени президента Эндрю Джексона (1829–1837), когда там складывается двухпартийная система и отменяется избирательный ценз²⁶. (Подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006а.)

5.2. Основные черты зрелого государства

Я выделил следующие черты зрелых государств на среднем этапе этой стадии (*типичного* зрелого государства)²⁷:

а) это уже индустриальное или индустриализирующееся государство, в котором складывается единый хозяйственный организм, связанный удобными

²⁶ См. соответственно: Гордон, Поршневу 1972: 261–269; Rayner 1964: 42–44; Малов 1994: 142–150; Татаринова 1958; Кертман 1968: 131–135; Платонов 1994, ч. 2: 235–248; Кузнецов и др. 1988: 174–186; Топеха 1958: 181–312; Кордые 1939: 330–332; Адо 1986: 102–103; Харц 1993: 89–109; DiVacco *et al.* 1992: 27; Болховитинов 1983: 313; Козенко, Севостьянов 1994: 63; Графский 2001: 298, 416–420, 448.

²⁷ Например, в Англии в 1873 г. возникла первая национальная федерация предпринимательских союзов, в Германии в 70-е гг. XIX в. было создано 77 различных объединений предпринимателей (экономических союзов и союзов предпринимателей), а в 90-е гг. – уже 325 (Григорьева 2001: 25) Надо иметь в виду, что в ситуации достаточно ясного классового деления даже чисто экономические корпорации не могут оставаться политически нейтральными. В частности, профсоюзное движение по мере роста и усиления своей мощи «неизбежно стремится воздействовать на государство и на его экономическую и социальную политику» (Шлепнер 1959: 386). Поэтому я считаю, что будет точнее говорить о **зрелом государстве как о классово-корпоративном государстве**. Это будет тем более правильным, если учесть, что помимо демократических к зрелым относятся и тоталитарные государства XX в., где огромную роль играли именно государственные корпорации: партия, другие политические организации, министерства и ведомства, профсоюзы и т. п. Хотя они и были формально или неформально частью государства, тем не менее их роль (как и положение их членов) существенно разнилась в зависимости от важности корпорации. О тоталитаризме см., например: Кара-Мурза, Воскресенский 1989; Хейфиц 2003; Арндт 1996; Хайек 1992; Friedrich, Brzezinski 1956: 47; Дрabbкин, Комолова 1996. О синдицировании промышленности и профсоюзов в Италии, Германии и Японии в 30–40-е гг. XX в. см.: Филатов 1971: 92; см. также: Белоусов 2000; Комолова 1970: 94; Бущик 2002: 316–317; Грузицкий 2002: 335.

коммуникациями. При этом забота о его функционировании (транспорте, связи, внешних рынках) и развитии постепенно становится все более важной задачей государства. Важную роль также играют военные потребности;

б) это государство с достаточно высоким уровнем организации управления, развитой системой законов или государственных регламентаций (как это было в социалистических странах);

в) зрелое государство опирается на нацию (нации), поэтому может иметь место лишь в обществе с общей национальной (или наднациональной) культурой. Государство озабочено влиянием на эту культуру, включая контроль над языком, религией, образованием и т. п. Отсюда в государственной идеологии всегда присутствует национализм (или иная идеология превосходства жителей данного государства, например, их особой прогрессивности, революционности, религиозности, демократичности, историчности и т. п.);

г) это государство **классово-корпоративное**, в котором постепенно главную роль начинают играть промышленные классы (роль сословий постепенно сходит на нет, а роль отношений собственности или места в государственной системе / партии растет). Поскольку классовое деление является по преимуществу экономическим (см., например: Weber 1971; Вебер 2003), а не юридическим, необходимо наличие организаций и корпораций, которые выражают интересы отдельных частей и групп класса (иногда класса в целом). Это различные организации и политические партии как рабочих (см., например: Bergier 1976), так и буржуазии²⁸, а также других социальных слоев;

д) если в развитых государствах широкое распространение грамотности было редким явлением, а источники информации в виде книг оставались в руках верхних слоев, то в зрелых уже в XVIII–XIX вв. это становится доступным широким массам, возрастает роль средств массовой информации. Отсюда меняются формы, стили и направленность управления и контактов правительства с народом;

е) наконец, зрелое государство опирается на новые виды внутриобщественных связей:

- материальные связи – единый хозяйственный организм и единый рынок;
- культурные связи – единый культурно-информационный организм;
- национальные связи – осознание национального единства и появление новых символов этого единства: нация, интересы нации, высшие интересы;
- сплочение на базе идеологии: культ закона и конституции, нации (либо культ партии, идеи, вождя);
- сплочение на базе участия в общенациональных организациях и корпорациях (профсоюзы, партии, движения) и участия в выборах власти.

²⁸ В последние десятилетия XX в. в некоторых развитых странах нижний слой сжался до 5 %, верхняя элита также составляла менее 5 %, остальное – это ряд слоев, которые так или иначе можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89), тогда так к низшему классу в начале XIX в. можно было отнести до двух третей населения (см.: Там же).

5.3. Трансформация зрелого государства в XX в.

Стадия зрелого государства связана с формированием классов предпринимателей и наемных работников и созданием **классово-корпоративного государства**. Для развитых государств Европы этот процесс завершился примерно к концу XIX в. Я уже высказывал идею о том, что чем полнее устанавливается юридическое равенство в правах людей, тем сильнее начинают размываться социальные классы и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы: страты, слои и т. п. (см.: Гринин 1997а: 61–62). Именно так происходило в Европе в первой половине XX в. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, рост образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Маршалл 2005: 23). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 г. выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшими чертами этой новой социальной структуры стали:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89);
- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Там же: 91). Соответственно сильно выросла доля наемных служащих;
- рост значения социального законодательства и законы, ограничивающие поляризацию общества (такие как высокие подоходные налоги, налоги на наследство налоги и т. п.)²⁹;
- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, так сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики.

В течение XX в. социальная политика претерпевает очень сильные изменения. **Государство из классового постепенно становится социальным, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства.** Этот процесс начался в конце XIX в., более заметен стал в период после Первой и еще более – после Второй мировой войны³⁰. Фактически вся первая половина XX в. до окончания войны – это борьба вокруг важнейших социальных законов. Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономический кризис и другие. И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благо-

²⁹ В некоторых случаях первые такие законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Григорьева 2001: 23, Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX в. (см.: Пономарев 2003: 171).

денствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). Огромные перемены произошли в области перераспределения доходов. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Там же: 86–87) и социальной помощи менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении. В результате развития социальных программ налоговые изъятия существенно выросли по сравнению с периодом классического капитализма (до 50 и более процентов с личных доходов)³⁰.

Когда в 50–60-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран стали **государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления**, это, по сути, уже означало, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 60-х гг. XX в. начались очень большие изменения во всех сферах жизни, особенно в результате новой производственной (научно-технической) революции. В частности, стоит указать на увеличение роли различных социальных движений в западных странах, не имеющих классового характера (студенческие волнения, расовые движения, движения молодежи, женское, «зеленых», организации потребителей и т. п. движения). Классовые характеристики все более размываются, в том числе за счет так называемого распыления собственности (см., например: Dahrendorf 1976), а социальная структура все сильнее определяется не только владением собственностью, но и иными параметрами, включая образование и известность³¹. Все эти черты не являются уже, на мой взгляд, характерными для зрелого государства, так же как и огромные социальные гарантии населению.

Есть и другие, также уже несвойственные типичным зрелым государствам вещи. Среди них особенно показательным выступает совершенно новое и крайне важное явление – частичный отказ многих стран от суверенитета в плане определения своей внутренней налоговой, таможенной, карательной и социальной политики, права вести войны и т. п. в связи с добровольным вхождением в региональные и мировые организации, признанием приоритета мирового права над национальным (см. подробнее: Гринин 1999; 2004а; 2005). Стоит отметить и образование различных наднациональных организаций, рост их значения.

Таким образом, многие нынешние характеристики западных государств нельзя безоговорочно относить к зрелому государству. Поэтому думается, что с 60–70-х гг. XX в. США, ведущие европейские страны: Германию, Францию, страны Северной Европы и Бенилюкса (Японию и некоторые европейские стра-

³⁰ Они стали несколько понижаться только в 80-е годы XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 г. «потолок» личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций – с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

³¹ См., например: Парсонс 1997: 27; Бергер 1994; а также мой анализ современных социальных процессов, в частности о тех, кого я называю «людьми известности», см.: Гринин 1997а: 50; 2003а: 220–222; 2004б; 2004в.

ны – в 80–90-е гг.) – надо рассматривать уже как *переходные* зрелые государства, в которых вызревают некоторые черты будущих политических наднациональных, надгосударственных образований. А это значит, что в них уже налицо некоторые черты, которые вообще не характерны для государства как организации. Поэтому можно предполагать, что приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира (см. подробнее: Гринин 1999; 2003а: 159–165; 204–206; 234–235).

Библиография

- Адо А. В. 1986.** Франция. *Новая история стран Европы и Америки: Первый период* / Ред. А. В. Адо, с. 101–113. М.: Высшая школа.
- Антонова К. А. 1979.** Индия в средние века. *История Индии* / Ред. К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский, с. 166–244. М.: Мысль.
- Арендт Х. 1996.** *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Ашрафян К. З. 1987.** Феодалное государство и город в средневековой Индии (XIII – начало XVIII в.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян, с. 229–238. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».
- Баткин Л. М. 1970.** Период городских коммун. *История Италии: в 3 т. Т. 1* / Ред. С. Д. Сказкин, и др., с. 200–272. М.: Наука.
- Белков П. Л. 1995.** Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 178–182. М.: Вост. лит-ра РАН.
- Белоусов Л. С. 2000.** *Режим Муссолини и массы*. М.: изд-во МГУ.
- Бергер П. 1994.** *Капиталистическая революция*. М.: Прогресс, Универс.
- Березкин Ю. Е. 1991.** *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.
- Болховитинов Н. Н. 1983.** От «эры доброго согласия» к «джексоновской демократии» (1816–1841). *История США: в 4 т. Т. 1. 1607–1877* / Ред. Н. Н. Болховитинов, с. 288–323. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 1995.** *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бочаров К. И. 1936.** *Очерки истории военного искусства. Т. 1. Древний мир*. М.: Госвоениздат.
- Брестед Д., Тураев Б. 2003.** *История Древнего Египта*. Минск: Харвест.
- Бущик Г. П. 2002.** Экономическое развитие Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. *Экономическая история зарубежных стран* / Ред. В. И. Голубович, с. 301–320. Минск: Интерпрессервис.
- Васильев Л. С. 1983.** *История религий Востока* (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высшая школа.
- Васильев Л. С. 1993.** *История Востока: в 2 т. Т. 1*. М.: Высшая школа.
- Вебер М. 1990.** Предварительные замечания к Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd. I. Избранные произведения* / Ред. М. Вебер, с. 44–60. М.: Прогресс.

- Вебер М. 2003. [1925].** Класс, сословие, партии. *Личность, культура, общество*. Т. 5. Вып. 1–2 (15–16): 139–156.
- Виноградов И. В. 2000.** Новое царство в Египте и поздний Египет. *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности* / Ред. В. А. Якобсон, с. 370–432. М.: Изд. фирма «Восточная литература».
- Винокуров М. В. 1993.** Англия. *История Европы*: в 8 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени / Ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург, с. 40–50. М.: Наука.
- Виткин М. А. 1968.** Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 425–454. М.: Наука.
- Влит Э. Ч. Л. ван дер. 2006.** Полис: проблема государственности. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, с. 387–414. Волгоград: Учитель.
- Гальперин А. Л. 1958.** Эпоха позднего феодализма. 1640–1867. *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* / Ред. А. Л. Гальперин, с. 11–157. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Гордон Л. С., Поршнев Б. Ф. 1972.** Абсолютизм XVII века. *История Франции*. Т. 1 / Ред. А. З. Манфред, с. 235–284. М.: Наука.
- Графский В. Г. 2001.** *Всеобщая история государства и права*. М.: Норма.
- Гренвилл Дж. 1999.** *История XX века. Люди, события, факты*. М.: Аквариум.
- Григорьева И. В. 2001.** Введение. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 9–31. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гринин Л. Е. 1997а.** Формации и цивилизации. Гл. 4 Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.
- Гринин Л. Е. 1997б.** Формации и цивилизации. Гл. 4 (продолжение). Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 6: 5–46.
- Гринин Л. Е. 1998.** Формации и цивилизации. Гл. 5. *Философия и общество* 2: 5–89.
- Гринин Л. Е. 1999.** Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.
- Гринин Л. Е. 2001–2005.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29.
- Гринин Л. Е. 2003а.** *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2003б.** *Философия, социология и теория истории*. 3-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2004а.** *Глобализация и проблемы национального суверенитета*. Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004, с. 39–47. Бишкек: Дэна.
- Гринин Л. Е. 2004б.** «Люди известности» как феномен информационного общества. Материалы Третьей Международной конференции «Человек в современных фило-

- софских концепциях». Волгоград, 14–17 сентября 2004, с. 653–657. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Гринин Л. Е. 2004в.** Феномен информационного общества: «люди известности». *Философия и общество* 2: 5–23.
- Гринин Л. Е. 2005.** Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2006а.** *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006б.** Периодизация истории: теоретико-математический анализ. *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 53–80. М.: КомКнига, 2006.
- Гринин Л. Е. 2006в.** Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006г.** Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е. 2016а.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, С. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Грузицкий Ю. Л. 2002.** Экономическое развитие Японии в период между Первой и Второй мировыми войнами. *Экономическая история зарубежных стран* / Ред. В. И. Голубович, с. 321–337. Минск: Интерпрессервис.
- Гуревич А. Я. 1970.** *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.
- Джонсон Г. А. 1986.** Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. *Древние цивилизации Востока* (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума), с. 92–103. Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР.

- Дмитриева О. В. 1993. Англия. *История Европы*: в 8 т. Т. 3. *От Средневековья к Новому времени* / Ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург, с. 163–174. М.: Наука.
- Драбкин Я. С., Комолова Н. П. (Ред.). 1996. *Тоталитаризм в Европе XX века*. М.: Памятники исторической мысли.
- Дьяконов И. М. 1983. Старовавилонское царство Хаммурапи. *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. Месопотамия / Ред. И. М. Дьяконов, с. 361–370. М.: Наука.
- Дьяконов И. М. 2000. Переход к территориальному государству в Месопотамии. *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности* / Ред. В. А. Яacobсон, с. 57–66. М.: Вост. лит-ра.
- Дюби Ж. 1994. *Европа в средние века*. Смоленск: Полиграмма.
- Емельянов В. В. 2003. *Древний Шумер*. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение.
- Ершов Ю. Г. 1984. Принцип историзма в периодизации всемирной истории. *Ежегодник Философского общества СССР*: 270–277.
- Жак К. 1992. *Египет великих фараонов. История и легенда*. М.: Наука.
- Жигунин В. Д. 1984. Типология и функции периодизации. *Периодизация всемирной истории* / Ред. А. С. Шофман, с. 5–19. Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Заблоцка Ю. 1989. *История Ближнего Востока в древности (от первых поселений до персидского завоевания)*. М.: Наука.
- Зубрицкий Ю. А. 1966. Индейский вопрос в трудах Мариатеги. *Хосе Карлос Мариатеги* / Ред. А. Ф. Шульговский, с. 170–200. М.: Наука.
- Зубрицкий Ю. А. 1975. *Инки-кечуа. Основные этапы истории народа*. М.: Наука.
- Инка Гарсиласо де ла Вега. 1974. *История государства Инков*. Л.: Наука.
- Кара-Мурза А. А., Воскресенский А. К. (Ред.). 1989. *Тоталитаризм как исторический феномен*. М.: Философское общество СССР.
- Кертман Л. Е. 1968. *География, история и культура Англии*. М.: ВШ.
- Кириллова А. А. 1980. Англия в XI–XV вв. *История средних веков* / Ред. Н. Ф. Колесницкий, с. 213–232. М.: Просвещение.
- Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н. 1994. *История США*. Самара: Изд-во СИПКРО.
- Козырева Н. В. 2000. Старовавилонский период истории Месопотамии. *История Востока*: в 6 т. Т. 1. *Восток в древности* / Ред. В. А. Яacobсон, с. 78–92. М.: Вост. лит-ра.
- Колесников А. И. 1987. Государство и сословная структура общества сасанидского Ирана (III–VII вв.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян, с. 181–189. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».
- Колесницкий Н. Ф. 1980. Франция в XI–XV вв. *История средних веков* / Ред. Н. Ф. Колесницкий, с. 189–213. М.: Просвещение.
- Комолова Н. П. 1970. *Новейшая история Италии*. М.: Просвещение.
- Копосов Н. Е. 1993. Франция. *История Европы*: в 8 т. Т. 3. *От Средневековья к Новому времени* / Ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург, с. 174–187. М.: Наука.
- Кордые А. 1939. Дальний Восток. *История XIX века*. Т. 8 / Ред. Р. Лависс, с. 309–346. М.: ОГИЗ, Гос. соц.-экон. изд-во.

- Коротаев А. В. 2000а.** От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет.) *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 224–302. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН.
- Коротаев А. В. 2000б.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 265–291. М.: Логос.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Кочакова Н. Б. 1995.** Размышления по поводу раннего государства / Ред. В. А. Попов, с. 153–164.
- Крюков М. В. 1974.** Первобытнообщинный строй и зарождение классов и государства. *История Китая с древнейших времен до наших дней* / Ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев, с. 6–16. М.: Вост. лит-ра.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. 1983.** *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1973.** К вопросу о некоторых особенностях исторического развития обществ Западного Судана в Средние века. *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 232–239. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988.** *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. 1988.** *История Японии*. М.: Высшая школа.
- Кузьмищев В. А. 1974.** Инка Гарсиласо де ла Вега. *История государства Инков* / Ред. И. Гарсиласо де ла Вега, с. 683–711. Л.: Наука.
- Лавровский В. М., Барг М. А. 1958.** *Английская буржуазная революция*. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры.
- Ле Гофф Ж. 1992.** *Цивилизация средневекового Запада*. М.: Прогресс.
- Ле Руа Ладюри Э. 2004.** *История Франции*. М.: Международные отношения.
- Луконин В. Г. 1987.** *Древний и раннесредневековый Иран*. М.: Наука.
- Люблинская А. Д. 1972.** Расцвет феодализма (X–XIII века). *История Франции* / Ред. А. З. Манфред, т. 1, с. 69–114. М.: Наука.
- Малов В. Н. 1994.** Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. *История Европы: в 8 т. Т. 4. Европа Нового времени* / Ред. М. А. Барг, с. 138–179. М.: Наука.
- Маретина С. А. 1987.** Социальная стратификация и становление государств (на примере малых народов Индии). *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 158–177. М.: Наука.
- Мартынов А. С. 1982.** Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. *Буддизм, государство и общество* / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, с. 5–15. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».

- Маршалл Т. Х. 2005.** Природа классового конфликта. *Личность. Культура. Общество* 1(25): 18–26.
- Монтэ П. 1989.** *Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов.* М.: Наука.
- Никифоров В. Н. 1977.** *Восток и всемирная история.* М.: Наука.
- Новосельцев А. П. 1995.** Государство Сасанидов. *История Востока* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, т. 2, с. 23–34. М.: Вост. лит-ра.
- Оппенхейм А. 1990.** *Древняя Месопотамия.* М.: Наука.
- Пайпс Р. 1993.** *Россия при старом режиме.* М.: Независимая газета.
- Парсонс Т. 1997.** *Система современных обществ.* М.: Аспект Пресс.
- Патрушев А. И. 2001.** Германская империя в 1871–1890 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 63–83. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Переломов Л. С. 1962.** *Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае.* М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Перепелкин Ю. Я. 1988.** *Хозяйство староегипетских вельмож.* М.: Наука.
- Перепелкин Ю. Я. 2001.** *История Древнего Египта.* СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.
- Петрушевский Д. Н. 2003.** *Очерки из истории средневекового общества и государства.* М.: Книжная находка.
- Платонов С. Ф. 1994.** *Лекции по русской истории:* в 2 т. М.: Наука.
- Повалихина Т. И. 2002.** Экономическое могущество США в послевоенном мире. *Экономическая история зарубежных стран* / Ред. В. И. Голубович, с. 410–442. Минск: Интерпрессервис.
- Пономарев М. В. 2003.** Великобритания в 1900–1945 гг. *Новейшая история стран Европы и Америки XX век:* в 2 ч. Ч. 2 / Ред. А. М. Родригес, М. В. Пономарев, с. 168–211. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
- Преображенский А. А. 1967.** Социально-экономическое развитие Русского государства (40-е годы – конец XVII в.). *История СССР. Превращение России в великую державу. Народные движения* / Ред. Л. Г. Бескровный, т. 3, с. 15–33. М.: Наука.
- Садаев Д. С. 1979.** *История Ассирии.* М.: Наука.
- Симоновская Л. В., Лапина З. Г. 1987.** Китай в позднее Средневековье. *История стран Азии и Африки в средние века.* Ч. 2 / Ред. Ф. М. Ацамба, З. Г. Лапина, М. С. Мейер, с. 114–136. М.: Изд-во МГУ.
- Сказкин С. Д. 1972.** Франция первой половины XVI века. *История Франции* / Ред. А. З. Манфред, т. 1, с. 151–180. М.: Наука.
- Соловьев С. А., Евзеров Р. Я. 2001.** Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 267–299. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Татарина К. Н. 1958.** *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО.
- Толстогузов А. А. 1995.** Япония в XIII–XV вв. *История Востока:* в 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, с. 559–571. М.: Вост. лит-ра.

- Томановская О. С. 1973.** Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 273–283. М.: Наука.
- Топеха П. П. 1958.** Революция 1868 г. и буржуазные преобразования. Развитие японского капитализма и «движение за свободу и народные права». Формирование японского рабочего класса. *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* / Ред. А. Л. Гальперин, с. 181–312. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Тюменев А. И. 1956.** *Государственное хозяйство Древнего Шумера*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Удальцова З. В. 1967. (Ред.).** *История Византии*: в 3 т. Т. 1. М.: Наука.
- Удальцова З. В. 1988.** *Византийская культура*. М.: Наука.
- Филатов Г. С. 1971.** Усиление империалистических тенденций фашистской Италии. *История Италии* / Ред. С. И. Дорофеев, т. 3, с. 88–143. М.: Наука.
- Фишер В. 1999.** *Европа: экономика, общество и государство 1914–1980 г.* М.: Владос.
- Фрай Р. 1972.** *Наследие Ирана*. М.: Наука.
- Фрейдзон В. И. 1999.** *Нация до национального государства*. Дубна: Феникс.
- Фролов Э. Д. 1979.** Тема полиса в новейшей историографии античности (к постановке вопроса). *Античный полис* / Ред. Э. Д. Фролов, с. 3–7. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та.
- Хайек Ф. А. фон. 1992.** *Дорога к рабству*. М.: Экономика.
- Харц Л. 1993.** *Либеральная традиция в Америке*. М.: Изд. группа Прогресс – Прогресс Академия.
- Хейфиц М. 2003.** *Ханна Арендт судит XX век*. М.; Иерусалим: ДААТ-Знание.
- Хромов П. А. 1988.** *Экономическая история СССР. Первобытное общество и феодальные способы производства в России*. М.: Высшая школа.
- Цатурова С. К. 2002.** *Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети 15-го века*. М.: Логос.
- Черник Д. Г. 1995.** Возникновение и развитие налогообложения. *Налоги* / Ред. Д. Г. Черник, с. 3–34. М.: Финансы и статистика.
- Чешков М. А. 1967.** *Очерки истории феодального Вьетнама* (По материалам вьетнамских хроник XVIII–XIX вв.). М.: Наука.
- Шлепнер Б. С. 1959.** *Сто лет социальной истории Бельгии*. М.: Ин. лит-ра.
- Шофман А. С. 1984. (Ред.).** *Периодизация всемирной истории*. Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Штаерман Е. М. 1968.** Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 638–671. М.: Наука.
- Штомпка П. 1996.** *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.
- Ясперс К. 1994.** *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.
- Armstrong J. A. 1982.** *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: The University of Carolina Press.

- Bergier J.-F. 1976.** The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 397–451. London; New York: Harvester Press, Barnes & Noble.
- Carneiro R. L. 2000a.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Carneiro R. L. 2000b.** Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 52–58. Vladivostok: FEB RAS.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2017.** The Chiefdoms in Evolutionary Perspective. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 15–62. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 309–326. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chase-Dunn Ch., Inoue H. 2017.** Power and Size: Urban and Polity Size Swings and Changes in the Distribution of Power among States in Interstate Systems since the Bronze Age. *Social Evolution & History* 16(2): 52–75.
- Claessen H. J. M. 1978.** The Early State: A Structural Approach. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 533–596. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 2010.** On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2016.** The Emergence of Pristine States. *Social Evolution & History* 15(1): 3–57.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 109–128. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2018.** Sacred Kingship: Cases from Polynesia. *Social Evolution & History* 17(2): 3–26.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution & History* 7(1): 245–265.
- Claessen H. J. M., Oosten J. G. 1996. (Eds.).** *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978a.** Limits: Beginning and End of the Early State. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 619–636. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978b.** The Early State: Theories and Hypotheses *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 3–29. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978c.** The Early State: Models and Reality. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 637–650. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978d. (Eds.).** *The Early State*. The Hague: Mouton.

- Claessen H. J. M., Skalnić P. 1981. (Eds.).** *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de. 1987a.** Introduction. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 1–23. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de. 1987b. (Eds.).** *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de. 1991.** *Early State Economics*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de, Smith M. E. 1985. (Eds.).** *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Dahrendorf R. 1976.** Changes in the Class Structure of Industrial Societies. *Social Inequality* / Ed. by A. Beteille, pp. 93–121. Harmondsworth: Penguin Books.
- DiBacco Th. V., Mason L. C., Appy Ch. G. 1992.** *History of the United States*. Vol. 2. *Civil War to the Present*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 233–256. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. 1956.** *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 179–194. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Goudsblom J. 1996.** Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology. *The Course of Human History. Economic Growth, Social Process, and Civilization* / Ed. by J. Goudsblom, E. L. Jones, S. Mennel, pp. 15–30. New York; London: M. E. Sharpe.
- Gibson D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2015.** On the Models of the Early State Formation. *Conference Proceedings of the International Symposium on the Theories and Methods for the Studies of the Origin of States*. Shanghai, China, November 14–15, 2015, pp. 38–76. Shanghai: Research Centre on Ancient Civilizations.

- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 195–234. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 3–14. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 63–108. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 327–332. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and ‘Fragile States’: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Haviland W. A. 1991.** *Anthropology*. 6th ed. Fort Worth; Chicago etc.: Holt, Rinehart and Winston, Inc.
- Hay D. 1975.** *A General History of Europe. Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. London: Longman.
- He Nu 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.
- Janssen J. J. 1978.** The Earle State in Ancient Egypt. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 213–234. The Hague: Mouton.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. H. 1955.** *Europe in the Sixteenth Century. 1494–1598*. London.
- Korotayev A. V., Kradin N. N., Munck V. de, Lynsha V. A. 2000.** Alternatives of Social Evolution: Introductory Notes. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin et al., pp. 12–51. Vladivostok.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 155–178. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kradin N. N. 2019.** Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18(2): 3–34.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600–900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 129–154. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.

- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Marcus J., Feinman G. M. 1998.** Introduction. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus, pp. 3–13. Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Pokora T. 1978.** China. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 191–212. The Hague: Mouton.
- Rayner R. M. 1964.** *European History 1648–1789*. New York: David McKay. Company, Inc.
- Rogers J. D. 2019.** The Complexity of Nomadic Empires. *Social Evolution & History* 18(2): 148–165.
- Shanks M., Tilley C. 1987.** *Social Theory and Archaeology*. Cambridge: Polity Press.
- Shen Changyun. 2019.** ‘Bang’ as the Community Administrative Organization in the Chinese Early States. *Social Evolution & History* 18(1): 180–194.
- Shiffert P. A. 1987.** Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 39–53. Leiden; New York, 1987.
- Skalník P. 1996.** Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 84–98. Leiden: Brill.
- Skalnik P. 2017.** Chieftdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 257–309. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.
- Stocker T., Jianyi Xi’ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Thapar R. 1981.** The State as Empire. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 409–426. The Hague: Mouton.
- Tisdell C., Svizzero S. 2017.** Optimization Theories of the Transition from Foraging to Agriculture: A Critical Assessment and Proposed Alternatives. *Social Evolution & History* 16(1): 3–30.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. 2019.** Social Complexity of the Pazyrik Culture in Altai, 550–200 BC. *Social Evolution & History* 18(2): 73–91.
- Tishin V. V. 2019.** A Study of the Ancient Turks Family. *Social Evolution & History* 18(2): 115–132.
- Trouwborst A. A. 1987.** From Tribute to Taxation. On the Dynamics of the Early State. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 129–137. Leiden: Brill.
- Tymowski M. 1987.** The Early State and after in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to their Development. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 54–69. Leiden: Brill.
- Vasyutin S. A. 2019.** Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History* 18(2): 92–114.
- Vincent A. 1987.** *Theories of the State*. London: Blackwell.
- Wang Xianhua 2019.** State and Empire in Early Mesopotamia. *Social Evolution & History* 18(1): 195–216.

- Weber M. 1947.** *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.
- Weber M. 1971.** Class, Status, Party. *The Logic of Social Hierarchies* / Ed. by E. O. Laumann, P. M. Siegel, R. W. Hodge, pp. 67–82. Chicago: Markham Publishing Company.
- Wright H. T., Johnson G. 1975.** Populations, Exchange, and Early State Formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77: 267–289.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.
- Zherlitsina N. A., Sharova A. Yu., and Bondar N. I. 2018.** International Conference of Africanists ‘Africa and Africans in National, Regional and Global Dimensions’. *Social Evolution & History* 17(1): 192–201.

Глава 15. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем

Гринин Л. Е.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятие мирового порядка применительно к истории довольно аморфно. Когда вскоре после Первой мировой войны в связи с созданием Лиги Наций американский президент Вудро Вильсон использовал фразу «новый мировой порядок», надеясь, что удастся, наконец, создать систему международной безопасности и поддержания мира, политический порядок на Западе насчитывал уже не одну сотню лет. В отношении истории, разумеется, более точно говорить о международном порядке, поскольку европейский порядок далеко не сразу стал мировым. А до европейского зачатки международного порядка были в других регионах Мир-Системы (наиболее известным из которых является *Pax Romana*). Таким образом, как и в отношении глобализации, поиск истоков мирового порядка ведет в глубокую древность. Человечество прошло большой и драматический путь в плане выработки определенных международных правил и принципов сосуществования, который имеет смысл проанализировать с точки зрения того, как полученный опыт можно использовать для объяснения современного состояния и предвидения будущих трансформаций. Очевидно, что развитие глобализации не может не завершиться тем или иным вариантом институционализации отношений во внешнеполитической сфере, хотя путь к этому сложен и противоречив.

В главе будет рассмотрена эволюция мирового порядка, начиная с древности, основные факторы, принципы и идеи, лежащие в основе периодизации установления и смены этого порядка (предполагается связать это и с идеями, высказанными в главе 13). Будет рассмотрено, как формировался, развивался и начал ослабевать мировой порядок, основанный на американской гегемонии, анализируются истоки установления современного мирового порядка. Будет дан анализ характерных черт и методов, которые используют США для поддержания своих позиций в мире. Будет показано также, каким образом глобализация стала более выгодной для развивающихся стран, а не для развитых, а также как постепенно формировалось убеждение в неизбежности ослабления лидерских позиций США и формировании в будущем мирового порядка без абсолютного лидера. Будут даны характеристики современной ситуации в международных отношениях как обстановки, в которой началась реконфигурация Мир-Системы. Последнее должно означать наступление эпохи турбулентности и формирования новых коалиций. Это будет своего рода переходная эпоха к более устойчивому новому мировому порядку, установление которого будет нелегким делом.

В главе предполагается показать, в каком направлении и как этот новый порядок будет формироваться, каковы могут быть его принципы и возможные ме-

ханизмы установления, в частности развитие «экспертократии» на фоне упадка демократии.

Мы думаем, что именно глобализация, как бы к ней ни относились, станет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка. Но для более устойчивого порядка необходим некий консенсус и опора на принципы компромисса, такие как: «в одной лодке», «друзья – соперники», «не использовать недопустимые средства» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемого устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны быть оформлены в виде писанных или неписанных правил. Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов).

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов, новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Это:

1. Плюрализм политических режимов, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2. Отказ от насильственного навязывания институтов (в том числе и насаждения демократии).

3. Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций.

4. Жесткое ограничение и регламентация использования санкций. Введение санкций должно быть ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5. Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6. Гарантии государственных границ, ограничения всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни выступали. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7. Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти (Смелзер 1994), возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ (Гринин 2011; Grinin 2009; 2012a). При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными сообществами, едва ли не древнее политики внутренней¹. Но очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась какая-то система ранних государств, а произошло это лишь в начале 3-го тыс. до н. э. В конце 3-го тыс. до н. э. появились уже первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и о перманентной борьбе за лидерство (Frank, Gills 1993). Одна за одной сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии города Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Старовавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В те времена данный регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее крупную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской Мир-Системы были соперничество между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина 2-го тыс. до н. э.)², возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образование коалиции против Ассирии (из Египта, Нововавилонского царства, мидийцев), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). Эта первая мировая держава погибла в результате побед Александра Македонского, разделившаяся империя которого создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания их Римом. Борьба за гегемонию во многом способствовала развитию государственности и ее распространению, а также созданию государства нового типа (то есть развитых государств; см.: Гринин 2016).

Бурное формирование мировых империй в районе Ближнего и Среднего Востока, Европы и Китая к началу нашей эры на время прекращается, создав на дальних рубежах Афроевразийской Мир-Системы два наиболее крупных образования: Римскую империю, которая становится образцом *Pax Romana*, и китайские империи, переживающие периоды подъема и распада. Затем в I-м тыс. н. э. мы видим временный период крушения существующего порядка и медленное

¹ О войнах в примитивных обществах см., например: Keeley 1996.

² В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце 2-го тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце 2-го и первой половине 1-го тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и по сию пору складывается практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

создание нового (уже скорее на идеологических основах) и в Европе, и на Среднем Востоке.

Появляющиеся крупные державы и цивилизации вступают в борьбу с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению обширных территорий. Возникают, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых политий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы (см. об этом: Grinin, Korotayev 2013; 2014b).

К концу Средних веков и началу Великих географических открытий (когда началась мощная экспансия глобализации) политическая картина формирующейся Мир-Системы претерпела многократные изменения, объединения и распады. К этому времени уже сформировались некоторые идеи и принципы, а также тренды и паттерны, которые играли в дальнейшем важную роль в формировании мирового политического порядка. Во-первых, нельзя не заметить длительных периодов колебания, связанных то с установлением определенного баланса сил, то с нарушением этого баланса, ведущего к серьезным изменениям. Эти колебания прослеживаются и далее вплоть до современности. Генри Киссинджер, самый известный американский дипломат XX в., считает понятие баланса сил исключительно важным и уделяет ему очень большое внимание (Киссинджер 1997). Во-вторых, можно выделить некоторые факторы, которые особенно влияли на изменение баланса. Выше мы отмечали технологический фактор. Важную роль начал играть также фактор идеологический. Длительное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов и величия того или иного правителя. С периода Греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, а также идеологической модели борьбы между культурным центром и варварской периферией (доктрина, нашедшая последовательное идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры³, но особенно усиливается в результате противостояния ислама и христианства. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс влияния на формирование международного порядка (см. ниже). Он и сегодня властно напоминает о себе, хотя и не является первичным источником конфликта в мире после холодной войны, как нередко трактуют идеи С. Хантингтона (1994; 2003). Среди политических идей нельзя не отметить проблематику легитимности политического порядка в государстве; проблемы легитимации в свою очередь тесно связаны с формированием внутренней и внешней политики. Институционализация идеологических противостояний в Новое время становится важной основой политического порядка.

Великие географические открытия обозначили новые векторы в процессе формирования мирового порядка. Во-первых, арена реально расширилась до

³ Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан (Петрушевский 1977; Грантовский 1987). Христианские правители начинают распространять христианство, преследовать еретиков и т. д.

глобальной. Во-вторых, началось формирование особого типа колониализма как источника производственных накоплений метрополии, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, начинается формирование центра и периферии Мир-Системы, то есть модели, которая не утратила своего значения во внешней политике до сих пор.

II. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Международный порядок как некая система отношений и представлений о том, на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами и в целом в мире, стал формироваться в XVI в., когда начали зарождаться дипломатические отношения и просматриваться контуры системы «великих держав» в Европе, а также система колониальных империй⁴. Прообраз правовых принципов системы международных отношений наметился в результате Вестфальского мира 1648 г., завершившего опустошительную Тридцатилетнюю войну в Центральной Европе. Эти принципы развивались затем в течение более двух сотен лет (о Вестфальской системе см.: Parker 1997; Rayner 1964; Spruyt 2000). Особенно следует отметить принципы суверенитета и легитимности верховной власти, реализованные во внутренней политике, прежде всего в праве решения вопросов войны и мира (см.: Гринин 2008; 2009б). Принцип легитимности позднее выдвинулся на первый план в ходе Великой французской революции.

Тридцатилетняя война в значительной мере продолжала в общеевропейском масштабе традицию религиозных войн XVI в. Но в то же время она ввела во внешнюю политику два новых принципа, впоследствии широко использовавшихся: 1) поддержание международного баланса сил путем помощи более слабой коалиции против сильной; 2) приоритет национальных интересов перед иными (религиозными, идеологическими и т. п.). Оба этих принципа сформулировал и реализовывал кардинал Ришелье (Киссинджер 1997), который, несмотря на то, что Франция была католической державой, в итоге вступил в войну на стороне более слабой коалиции протестантских государств против угрожавшей мировой гегемонией империи Габсбургов (Дэвис 2005: 385–386). Именно в ослаблении Габсбургов, а также недопущении консолидации слабо интегрированных и разобщенных конфессионально германских государств Ришелье (как позже и Людовик XIV) видел национальный интерес Франции, позволявший ей эффективно влиять на общеевропейские дела. С учетом того, что сам Ришелье являлся католическим кардиналом, это был смелый шаг, который, однако, делал внешнюю политику еще более циничной, чем ранее. С этого времени мы наблюда-

⁴ Наполненный страстной идеологической борьбой XVI в. важен и в смысле формирования принципов современной дипломатии с прообразами постоянных послов и посольств, определенными правилами и защитой дипломатов (Сказкин 1940: 175–177; Дэвис 2005: 384). Формирование национальных государств, включившихся в постоянные войны, порою приобретавшие общеевропейский характер, имело своим следствием развитие форм современной дипломатии, в чем особо важную роль сыграли итальянские государства и государи, включая папу Льва X (Косминский 1940: 156–166; Сказкин 1940: 175).

даем тренд, когда формирование внешней политики европейских государств начинает строиться в русле определенных стратегем и принципов.

Об основных факторах, влияющих на формирование европейского/мирового порядка

Как уже было сказано, вопрос баланса сил в международной системе и его нарушения являются центральными для понимания и внешней политики тех или иных государств, и общей конфигурации европейских и мировых отношений. В частности, осознанная внешняя политика ряда государств (особенно Франции, а позже Англии) позволяла им путем целенаправленных действий формировать разнообразные военно-политические союзы, так или иначе выравнивая этот баланс в свою пользу⁵. Зная это, лучше понимаешь логику формирования данных порой причудливых союзов в течение XVIII и XIX вв., а также постоянные переходы их участников из одного лагеря в другой.

Конечно, этому способствовала особенность европейской геополитики того периода: множество государств, отсутствие явного гегемона и система великих держав. А, например, в Китае геополитический расклад был связан с тем, что это государство (Срединная империя) неизбежно занимало в регионе центральное место по всем параметрам, что препятствовало развитию современной дипломатии и формированию представлений о внешней политике как о сложной системе более или менее равных держав. Основные идеи китайской политической мысли концентрировались на том, как защитить государство, натравить варваров на варваров, обеспечить успешность походов против кочевников и т. п. Неудивительно, что европейскую систему позднее оказалось возможным частично перенести на общемировой уровень, а китайскую – нет.

Баланс сил между державами мог меняться в связи с самыми разными явлениями, включая внутренние мятежи, пресечение династий и т. п. Среди долгосрочных процессов необходимо отметить неравномерность в росте населения, территории, богатства, промышленности, торговли⁶. Но все это должно было конвертироваться в военную мощь. Пороховые и военные революции (Downing 1992) привели к формированию нового типа армий (Мак-Нил 2008), что также способствовало государственному строительству и формированию нового типа (зрелых) государств (см.: Гринин 2016; Grinin 2008). Совершенствование мореходства привело к торговой экспансии Голландии, а затем в результате военноморских побед в XVII в. эту эстафету подхватила Англия, надолго став «владычицей морей». Результат развития военной техники мы видим в успехах шведской армии в XVII в. прусской и российской – в XVIII в. Но в рамках нашего исследования особенно важно отметить технологические инновации, конвертиру-

⁵ В этом «выравнивании баланса» содержится смысл высказанного лордом Палмерстоном принципа: Англия не имеет вечных союзников и постоянных врагов. Вечны и постоянны только ее интересы» (*England has no eternal allies and perpetual enemies. Its interests are eternal and perpetual*).

⁶ Так, выход на авансцену в XVI в. Португалии и Испании был связан с их колониальными успехами и огромными богатствами, которые потекли в их казну, в то время как эти же открытия обрели итальянские торговые государства на постепенный упадок.

емые в военное преимущество, поскольку значимость этого фактора со временем нарастала. Так, Крымская война (1853–1856 гг.) была выиграна Францией и Англией у России именно в результате технологического превосходства.

По мере формирования массовых армий, а также полного перехода к индустриальному принципу производства исключительно важным фактором стала общая экономическая мощь государства и его обеспеченность ресурсами. Именно суммарное экономическое превосходство предопределило впоследствии победу коалиций над Германией в обеих мировых войнах. В современных условиях с появлением более точных экономических инструментов измерения сравнение экономической (и финансовой) силы дает возможность более оперативно фиксировать тенденции изменения баланса сил.

Наконец, хотя и нерегулярно, но довольно резко баланс сил мог нарушаться в результате смены идеологической парадигмы. И поскольку она также существенно меняла представления о легитимности власти и правомерности ее действий, это неизбежно вызывало обострение международных отношений и войны между идеологическими противниками. В XVI–XVII вв. мы видим результат этого нарушения в период Реформации, религиозных войн и затем в упорядочении разделения Европы на протестантскую и католическую. Новым идеологическим кризисом, подготовленным десятилетиями активной научно-общественной деятельности века Просвещения, стала Великая французская революция (в конце XVIII в.), подорвавшая святость монархии и аристократии. Итогом этого стала почти четвертьвековая череда бесконечных войн, коалиций, триумфа и падения Наполеоновской империи, упразднений и восстановлений монархий. Новый идеологический поворот начался уже после Первой мировой войны как результат глубокого кризиса мирового порядка, а после Второй мировой войны идеологический раздел (между социализмом и капитализмом) стал ведущей конструкцией нового мирового порядка.

Хотя этот факторный анализ установления и изменения мирового порядка явно неполон, тем не менее, даже опираясь на выявленные факторы, можно многое объяснить в причинах и результатах эволюции мирового порядка, а также попытаться применить этот анализ для прогнозирования контуров будущего мирового порядка.

От «концерта великих держав» к однополярному миру

Система великих держав действовала с XVII в. до середины XX в. Естественно, что состав этих государств менялся, и каждая такая смена была связана с заметным изменением сложившегося порядка. В XVII в. на место в ряду таких держав периодически претендовала Швеция, но в результате Северной войны с Россией она утратила свое значение, а Россия, напротив, вошла в состав великих держав. Различные европейские государства, особенно Франция, также активно пытались использовать для сохранения или изменения баланса сил Турцию, но полноценно в систему европейского мира она не вошла. В XVIII в. при Фридрихе II в этот «клуб» вошла Пруссия. После этого пул великих европейских держав почти на столетие стабилизировался (Франция, Англия, Пруссия, Австрия, Россия).

Текущие подвижки в балансе сил в Европе в XVIII в. происходили главным образом в связи: а) с удачными реформами государственного управления и реорганизацией армий (примерами чего являются Россия и Пруссия); б) ростом торговли и богатства; в) техноэкономическим подъемом (его продемонстрировала Англия в результате так называемой аграрной революции и завершающей фазы промышленной революции). В результате именно Англия во второй половине XVIII в. стала управлять балансом сил в Европе, объединяясь то с одним государством, то с другим, создавая и разрушая коалиции. В итоге это привело к исчезновению с карты Европы Польши, в полный упадок пришли прежние ведущие державы Испания и Португалия, эта же причина практически свела на нет роль Генуи и Венеции. А технологическое отставание Голландии, которая была лидером в XVII в. (Arrighi 1994), привело к серии ее поражений в войнах и утрате политической роли.

В этом столетии не было крупных идеологических переломов, но идея национального государства и национальных интересов все более укреплялась, хотя ей еще долго пришлось пробивать себе дорогу до всестороннего признания.

Существенной вехой на пути формирования принципов и форм контроля над международными отношениями стал Венский конгресс 1815 г. и возникший в результате его работы Священный союз монархов. Последние стремились сохранить в Европе статус-кво и совместно бороться с революциями. Этот новый идеологический поворот знаменовал возврат к принципу легитимности монаршей власти. Тогда же возникла концепция и достаточно эффективная система Европейского концерта (главным образом из перечисленных выше пяти великих держав), призванного поддерживать равновесие и баланс сил и не доводить проблемы до войн. Она предусматривала многостороннюю дипломатию и возможность регулярных международных конференций. Система просуществовала до Крымской войны 1853 г. (но в некоторых аспектах – и до 1914 г.). По мнению Киссинджера, этот Европейский концерт, который черпал свое вдохновение в принципах Вестфальского мира 1648 г. и был основан на идее равновесия сил, в известной мере является образцом для модели мирового порядка и сегодня (Киссинджер 1997; Kissinger 2014). Действительно, поскольку современный мир отходит от однополюсности, не исключено, что и будущая мировая система сформирует нечто вроде такого «концерта», например, нескольких ведущих союзов государств (см. ниже).

В связи с ростом колониальной активности с первой половины XIX в. в сферу мировой политики вовлекаются азиатские страны (Китай, Япония, Сиам и др.), одновременно образуется множество новых государств в Латинской Америке. Таким образом, начинает формироваться буквально *мировой порядок*; но главные события по-прежнему происходят в Европе.

Стремление к формированию обновленной легитимации власти являлось значимым фактором в европейской политике в течение 1815–1948 гг., порой идя вразрез с национальными интересами стран. Однако революционная волна 1848–1849 гг., индустриализация Европы и смена власти во Франции в итоге по-

дорвали эту идеологию, заменив ее на более откровенную и циничную. Последняя была связана с политическим лавированием в поисках новых комбинаций союзов, которые позволили бы приобрести те или иные выгоды вне зависимости от идеологической близости режимов или их взаимной антипатии. Позднее такую политику в Германии времен Бисмарка окрестили *Realpolitik*. Эта деидеологизация в определенной степени объясняет череду различных союзов и коалиций великих держав с 1870-х гг. до начала XX в., которые были, однако, не слишком устойчивыми. Главным инициатором таких союзов выступал немецкий канцлер О. Бисмарк, по общему признанию, непревзойденный мастер комбинаций и компромиссов.

В ходе Венского конгресса был создан Германский союз (вместо упраздненной Наполеоном Священной Римской империи германской нации). Хотя число немецких государств уменьшилось с трех сотен до четырех десятков, в целом Центральная Европа оставалась разобщенной. Но именно это считалось важнейшей составляющей баланса сил, а сохранение такого состояния Германии было важнейшей целью национальной политики Франции, Англии, а также всех остальных держав. Соперничество за влияние в этой части Германии определяло политику двух крупнейших немецких государств: Пруссии и Австрии.

Вот почему главным изменением в Европе в начале 1870-х гг. стало объединение Германии под властью Пруссии, произошедшее в результате нескольких победоносных для Пруссии войн (благодаря искусной политике Бисмарка и ошибкам Австрии и Франции). Это сразу же резко изменило баланс сил, так как в центре Европы образовалось государство, превосходившее по силе любую другую державу. Соответственно для Франции возникла острейшая необходимость найти себе союзника, поскольку после поражения во Франко-пруссской войне 1870–1871 гг. Германия продолжала быть угрозой для этой страны, а французы мечтали о реванше. Бисмарк, в свою очередь, опасался войны для Германии на два фронта, поэтому стремился заручиться союзом с Россией. Но после его отставки (1890 г.) противоречия между Россией и Австро-Венгерской империей на Балканах привели к тому, что Россия и Франция заключили союз против Германии (1892 г.), а затем появился договор между Францией и Англией (Антанта, 1904 г.)⁷. Военно-экономическое усиление Германии заставило Англию в соответствии со своей излюбленной стратегией присоединиться к менее мощной группировке, чтобы ослабить ведущую континентальную державу, какой стала объединенная Германия. Быстрое развитие промышленности европейских держав, взрыв технических инноваций, серьезные изменения в средствах войны – все это подталкивало соперников (особенно Германию) к тому, чтобы изменить баланс сил путем военной победы.

⁷ В конце XIX – начале XX в. причины для напряженности и конфликтов между державами в значительной степени были связаны с окончательным разделом мира на колониальные владения и сферы влияния. Несколько раз это ставило мир на грань войны. Но в 1903–1907 гг. споры между Францией и Англией, а также между Россией и Англией удалось урегулировать ради военного союза. Однако напряженность по поводу колоний и сфер влияния между Германией и Францией, Россией и Австро-Венгрией стала одной из важных причин Первой мировой войны.

От баланса сил к однополюсности

Так сформировались военно-политические союзы, Европа оказалась разделенной на два противостоящих блока. Первая мировая война стала итогом этих процессов, политическая карта мира и расклад сил в нем принципиально изменились. С включением в состав ведущих игроков Японии и США политика стала уже подлинно общемировой, даже появился первый всемирный орган, пытавшийся влиять (правда, не всегда результативно) на формирование новых принципов международных отношений, – Лига Наций.

Но мировой порядок после Первой мировой войны установился лишь на очень короткое время. Радикальные изменения, произошедшие в это время, включая появление СССР, развитие новых систем вооружения, грандиозный экономический кризис, нежелание Германии признавать наложенные на нее ограничения и другие причины привели к новому обострению отношений и новой войне.

Порядок, который установился после Второй мировой войны, имел существенные отличия от предыдущих вариантов мирового порядка. Во-первых, теперь имелись только две сильнейшие державы (США и СССР), то есть мир стал двуполосным, а затем и двублоковым (НАТО и Организация стран Варшавского договора). Во-вторых, он формировался по идеологическим основаниям. Подобные основания никогда прежде не лежали в основе мирового порядка. Также и создание устойчивых идеологических блоков произошло на мировой арене впервые. Не исключено, что именно идеологизация и обеспечила довольно длительное существование послевоенного мирового порядка.

Вообще говоря, в каком-то сложившемся и достаточно устойчивом виде мировой порядок, который так или иначе признавался и поддерживался ведущими силами, обычно держался максимум три-четыре десятилетия, а то и меньше. Система, существовавшая до Великой французской революции (1789 г.), действовала менее 30 лет. Она возникла после Семилетней войны (то есть после 1763 г.) и была уничтожена в 1790–1791 гг. Порядок, установившийся после Наполеоновских войн и Венского конгресса, был разрушен революциями 1848–1849 гг. и Крымской войной, то есть просуществовал менее тридцати пяти лет. Следующая система мирового порядка начала формироваться после образования Германской империи (1871 г.). Но она окончательно сложилась только в начале 1890-х гг. и была разрушена Первой мировой войной, просуществовав менее 20 лет. Версальский мир (1919 г.) был грубо нарушен Германией уже в 1935 г. Таким образом, мировой порядок после Второй мировой войны с 1945 по 1990 г., державшийся 45 лет, стал своего рода рекордом.

III. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Разворот к *Pax Americana* в конце XX в.

Распад социалистического блока и Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. разрушил прежний мировой двублоковый порядок. Поскольку после

краха СССР начал устанавливаться однополярный мир, то и представления о новом мировом порядке часто проецировались на убеждение в безраздельном господстве западных экономик, институтов и идей (см., например: Attali 1991), совершенствующих остальной мир. Более того, характеристики нового мирового порядка в ряде работ стали едва ли не синонимичны идее *Pax Americana* (см., например: Бжезинский 1998; Collins 2002: 118). Идеи Г. Киссинджера (Киссинджер 1997; 2002) о поиске новой системы равновесия сил были исключением, и это неудивительно. К тому времени США, в отличие от предшествующих мировых лидеров, сосредоточили в своих руках ключевые ресурсы лидерства: от технологических, финансовых и военных до научных и культурных. Это был первый (и, видимо, последний) случай в мировой истории.

Ниже сформулирован ряд характерных черт и методов современной американской внешней политики⁸ (подробнее см.: Гринин 2015).

1. Высокомерие сверхдержавы, злоупотребление силой в ущерб дипломатии, в том числе в отношении союзников. С 1945 г. США осуществили много войн и интервенций, но их частота существенно возросла в последние два десятилетия – с 1991 по 2011 г. (см., например: Хэрланд 2015; Ларисон 2015).

2. Использование так называемой «мягкой силы» (эвфемизм вмешательства во внутренние дела с помощью различных методов, действия через всякого рода НГО и НКО в координации с разведкой и спецорганами) для оказания влияния на правительства, законодателей, бизнес и пр. При необходимости – осуществление подрывной деятельности и переворотов, «цветных революций». Все более активное использование разведанных и электронной слежки для контроля над политиками стран-союзниц.

3. «Дипломатия доллара» через займы, помощь, влияние международных финансовых организаций, усилившаяся благодаря навязыванию определенных правил работы для национальных центральных банков.

4. Узкий прагматизм внешней политики, доходящий до того, что одни действия начинают противоречить другим, а главное – общим целям внешней политики и интересам страны, намерение добиться капитуляции противника и недостаточное стремление к компромиссам, которые могли бы обеспечить сотрудничество в будущем.

5. Идеология исключительности, навязывание собственных стандартов (в том числе в политическом и юридическом устройстве); чрезмерное влияние внутривнутриполитической борьбы на внешнюю политику.

Бесспорно, все эти практики имели место и ранее, но в последние двадцать лет они стали нагляднее и откровеннее, а их обоснование – намного слабее. События 11 сентября 2001 г. развеяли представление о том, что США недосягаемы для противника и могут наносить удары, не опасаясь возмездия. Этот момент стал поворотным пунктом в политике Соединенных Штатов, многие черты и методы их внешней и внутренней политики становятся гипертрофированными. США отказываются от собственных принципов свободы, начинают слежку за

⁸ Подобные черты, конечно, в той или иной степени имеют место и в политике других стран, но в не столь выраженном виде, как в США.

населением, а также за лидерами и населением других стран. Они окончательно теряют уважение к нормам международного права и принципу государственного суверенитета (Хэрланд 2015).

Глобализация и кризис однополярного мира

Как уже было сказано, международный баланс сил весьма существенно зависит от неравномерности экономического и технологического развития стран мира. За последние три-четыре десятилетия в этом плане именно глобализация постоянно и значительно влияла на изменение мирового порядка. Она способствовала разрушению установившегося послевоенного порядка и установлению полной гегемонии США. Но впоследствии вполне закономерно начались изменения баланса экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. Одной из главных причин, послуживших этому, стала так называемая деиндустриализация, то есть переход значительной части промышленности, экономики и технологии из развитых в развивающиеся страны⁹. В результате ослаб экономический рост в западных странах и возросла роль остального мира (развивающихся стран). То есть в целом, хотя это и звучит для многих непривычно, к настоящему моменту глобализация оказалась полезна развивающимся странам даже более, чем развитым.

В результате к началу глобального экономического кризиса 2008 г. представления о новом мировом порядке с западной гегемонией вошли в явное противоречие с реальными процессами. Ведь за эти менее чем двадцать лет (с 1991 г.) на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстро развивающихся стран (от Мексики до Малайзии и Эфиопии). Они продолжают расти (хотя и не без трудностей) и займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Таким образом, именно глобализация, которую США активно навязывали миру и в которой видят источник трудностей развивающихся государств, сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной. В этом заключается логика истории, которую, правда, все еще до конца не поняли: развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии (см.: Гринин 2013; 2015; Grinin, Korotayev 2014a; 2015).

Закат лидерства США и Запада. Возможен ли возврат?

Экономические кризисы начала XXI в. сделали процесс ослабления лидерских возможностей США достаточно явным. Однако о неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970–1980-х гг. (Kennedy 1987). С 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться (см., например: Arrighi 1994; 2007; Франк 2002;

⁹ Подробнее о том, как и почему глобализация изменила расклад в мире, см.: Гринин 2013; Grinin, Korotayev 2015.

Тодд 2004; Валлерстайн 2001; Капхен 2004; Buchanan 2002; Mandelbaum 2005; Мир... 2009; NIC 2012; см. также: Гринин 2009a; Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; 2015; Пантин, Лапкин 2006; 2014). Сначала такие прогнозы воспринимались скептически. Однако по мере нарастания негативных явлений в США и успехов азиатских стран идея о закате Соединенных Штатов представлялась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. С 2008 г. появляется все больше статей (причем некоторые вышли еще до начала глобального кризиса), в той или иной мере утверждавших мысль, что американское могущество сокращается, США перестают быть абсолютным гегемоном, однополярный мир трансформируется и т. п. (см., например: Милн 2008; Закария 2008; Haass 2008; Le Monde 2008). Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например: «Иллюзорность американского могущества» (Гринуэй 2008); «Конец американской эпохи?» (Кеннеди 2009); «Падение Америки создает опасные возможности для ее врагов» (Tisdall 2008); «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» (Грей 2008); «“Американский век” на закате» (Reid 2008). Такого рода статьи постоянно появлялись и появляются (см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015). Похоже, гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Рано или поздно Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится (см. ниже). Роль США и Запада сократится, а развивающихся стран (особенно крупных) – возрастет.

В 2008 г. Фарид Закария, известный политолог и редактор *Newsweek International*, писал, что у США есть два варианта. Они могут укрепить формирующийся миропорядок, сотрудничая с новыми «великими державами», поступившись частью своего могущества и привилегий, и согласиться с тем, что завтрашний мир будет отличаться разноголосицей и многообразием точек зрения. Или же они могут пассивно наблюдать за тем, как «взлет других» порождает рост национализма и раздробленности, который постепенно разорвет в клочья тот миропорядок, который США строили последние 60 лет (Закария 2008; 2009). Но он ошибался. США, едва восстановившись после кризиса, избрали третий вариант – подорвать мощь соперников и тем самым остаться на прежних позициях единственной сверхдержавы. Эти усилия США в последние несколько лет особенно усиливают турбулентность в мире. При этом цена, которую мир заплатит за их амбиции, Соединенные Штаты, по всей видимости, не волнует. И хотя все чаще раздаются призывы, что США следует более трезво взглянуть на истинную цену якобы добрых намерений, оторванных от реальности (ван ден Хейвел 2015), американцы их не слышат.

Все это значит, что новый мировой порядок установится со значительными трудностями. Однако рано или поздно он установится, и это уже будет не американский мир. Но вопрос о том, не может ли «закат» США в конечном счете обернуться их новым «восходом», конечно, остается открытым и дискуссионным, тем более что очень многие американцы не хотят мириться с таким положением вещей. К тому же некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Многие надеются на

некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдерживать соперников. Разного рода возможности поддержать лидерство Соединенных Штатов отмечают многие (см., например: Милн 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015; Тройо 2015). Насколько эти суждения обоснованы, мы рассмотрим ниже.

Необходимость нового порядка, проблемы переходного периода к нему и баланса сил

Бремя единственной сверхдержавы оказывается непосильным. Ей приходится считаться с тем, что ее воля сталкивается не просто с желаниями других наций, но уже с региональными, а то и мировыми интересами. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, немислимо неопределенно долго нести бремя сверхдержавы, вмешиваясь во все (Бьюкенен 2015). Неудивительно, что даже поддержание претензий на это становится непосильной задачей, а реакция на недостаток сил – все более нервной.

В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. Как говорит знаток великих держав П. Кеннеди, этот уход будет долгим (Кеннеди 2009; см. также: NIC 2008; Закария 2009). Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства (см., например: Барбер 2014; Закария 2009).

Действительно, ослабление лидерских функций США несет множество проблем. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России; но чаще всего речь идет о Китае). Тем не менее это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий.

Наши предположения о принципах нового мирового порядка опираются на следующие выводы. Во-первых, на смену США не может прийти новый гегемон, который бы обладал таким же набором лидерских преимуществ, каким сегодня обладают Соединенные Штаты. А следовательно, потеря США статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка. И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны (подробнее об этом см.: Grinin 2009; 2011; 2012a; 2012b; Grinin, Korotayev 2010b; 2011; 2015).

Во-вторых, ослабление лидерских возможностей Соединенных Штатов неизбежно и будет проявляться все заметнее при сохранении у США целого ряда преимуществ перед другими конкурентами в борьбе за лидерство (Бреммер 2015; Бирлинг 2015; Закария 2009). В-третьих, мир в определенной мере заинтересован в «мягком» лидерстве США, но никак не в диктаторе, задача которого – любыми методами подорвать мощь соперников. В-четвертых, для перехода к новому состоянию мира придется на ощупь искать и формировать принципы

и условия, создавать прецеденты и нужные комбинации. Следовательно, это будет трудный и долгий поиск. В-пятых, путь к новому мировому порядку связан с временным усилением турбулентности и конфликтности, нестабильности, борьбы различных версий нового порядка, то есть с наличием определенного мирового «беспорядка».

Таким образом, сегодня все отчетливее просматриваются тенденции к тому, что новый мировой порядок будет иным, миром без гегемона, хотя он и будет включать в себя те или иные центры силы и влияния, среди которых, возможно, важнейшим будут оставаться США. Но они могут претендовать только на звание «первого среди равных», а не на роль сверхдержавы и гегемона (NIS 2008; Закария 2009). Соответственно вырисовываются два сценария «ухода» США: 1) осмысленный и наиболее выгодный для них в долгосрочной перспективе путь строительства нового мирового порядка с максимальным сохранением своего влияния, но не диктата; 2) ожесточенная борьба США за сохранение статус-кво, включая всевозможные действия по подрыву и ослаблению соперников. Это будет неизбежно создавать постоянную напряженность и конфликтность. Пока создается впечатление, что США избирают второй путь (хотя очередной экономический кризис может заставить их свернуть на первый, правда, много времени и возможностей уже будет утрачено). Но даже при движении по второму пути США вынуждены будут все активнее искать союзников, формировать новые глобальные союзы (см. ниже). Так или иначе, именно борьба вокруг гегемонии США и позиция Америки в отношении крупных и быстрорастущих стран будет составлять главную интригу современных глобальных противоречий¹⁰.

Почему усиление «беспорядка» в известной мере если не неизбежно, то более вероятно, чем «мягкий» переход? Прежде всего потому, что движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов со стороны всех, особенно США. Однако мудрость всегда являлась дефицитным качеством в среде политических элит. Но есть и более глубокие причины. Радикальное изменение баланса экономических сил в мире, о котором мы говорили выше, создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматическое изменение и военно-политического баланса. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую. И дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Такое неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы назвали в свое время реконfigurацией Мир-Системы (см.: Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012).

Основные векторы этой реконfigurации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом – увеличение роли в мировой экономике и политике развивающихся стран. Проявляться процесс реконfigurации в разных странах

¹⁰ Основная неопределенность состоит в том, как власти США будут отвечать на сигналы, противоречащие их точке зрения, что справедливо отмечал в 2008 г. Джордж Сорос (2009).

и регионах может по-разному, часто непредсказуемо. При этом надо иметь в виду, что такое подтягивание политической составляющей глобализации к экономической происходит рывками и означает более или менее сильные политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах мира. Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке начиная с 2010 г., а также кризис на Украине именно как такие «реконfigurативные» кризисы, которые одновременно становятся и геополитическими, требующими изменения мирового порядка (Гринин и др. 2016). При этом становится все более вероятным возникновение серьезных и внезапных кризисов также в других регионах. Внезапность их может быть сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее пластичных участков земной коры на границах тектонических плит, такого же рода «реконfigurационные» кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». И Ближний Восток, и Украина относятся к таким регионам¹¹. Поэтому можно предположить, что особенно сильные изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат именно на таких «стыках».

Предшествующий формированию нового мирового порядка период «подтягивания» политической составляющей неизбежно втянет мир на определенное время (одно-два десятилетия) в турбулентную эпоху кризисов и усиления напряженности. Но экономическое развитие мира в этот период будет относительно слабым (Grinin 2009; Гринин 2012; Grinin, Korotayev 2012; 2014a; 2015), становясь амбивалентным фактором, не только дополнительно усиливающим напряженность, но и склоняющим страны к сотрудничеству.

IV. ПОЧЕМУ И КАК МИРОВОЙ ПОРЯДОК ДОЛЖЕН ИЗМЕНИТЬСЯ

Почему мировой порядок должен измениться?

Сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным. Второй – конкретный ход событий, предугадать который крайне сложно (здесь возможны временные и существенные победы США). И все же изменить ход событий радикально для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока представляется почти невероятным. Напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия, что мо-

¹¹ На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Синьцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где кризис возможен, некоторые его симптомы уже проявляются (но это не значит, что кризис обязательно разразится).

жет необратимо повлиять на изменение мирового порядка. Чтобы лучше аргументировать данные идеи, рассмотрим в динамике, как трансформируются основные преимущества, позволяющие сегодня поддерживать гегемонию Запада, а именно: финансовое, технологическое и экономическое превосходство¹².

Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, используемое в том числе и для обрушения экономики соперников. По объему оборота капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли не в той же степени, в какой ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана (2013), странам с такими валютами можно не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в какой-то степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечили именно финансовые технологии.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка (см., например: Сорос 2009). В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Но разрыв в финансовой сфере будет сокращаться и потому, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, и потому, что рано или поздно значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой неочевиден. Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), в конечном итоге приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом. А с этим, естественно, уменьшится и превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и будет уменьшаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое число ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые, соответственно, становятся носителями ин-

¹² **Военное превосходство** исключительно важно, оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Но все же военная сила в современных условиях – не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Тем более что тем или иным странам достаточно иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), и военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим мирами.

новационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающиеся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе вакансий недостаточно. Такие государства, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. КНР и другие продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся страны и частично поощрять в этих странах передовые научные исследования. И чем больше развивающиеся страны продвинулись в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (где издержки на персонал существенно меньше). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

На формирование нового баланса значительно влияет технологическая составляющая, прорыв к инновационной экономике. Мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. (см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015). И от того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют шансы удержать свое лидерство в мире. Но вполне вероятно, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего миров, в каких-либо ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира).

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть какие-либо новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. И тогда либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. То есть даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь значительным и фатальным, как случилось ранее.

Экономическое превосходство Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуры. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще достаточно долгое время. Дело в том, что в первых огромный рост производительности идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. А в западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сферы квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы

(особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах у очень значительной части населения уровень доходов относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем. Но в целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах обеспечит тренд на экономический рост, рост производительности и благосостояния их населения, хотя на это потребуется несколько десятилетий.

Соответственно экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра – уменьшаться.

Преимущества развивающихся стран

Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. С учетом его громадного населения это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения нашей планеты и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения планеты, пока мало затронуты стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. А в странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное стремление к росту, заработку, повышению квалификации. То есть резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из них уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии, а другие, такие как Бангладеш (166,3 млн), Индонезия (253,6 млн), Нигерия (177,3 млн), превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США (318 млн). Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. И население это будет заметными темпами расти далее.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах сокращается, где-то быстрее, а где-то медленнее. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей численность молодежи и трудовых ресурсов

будет увеличиваться, но далее количество детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, смогут также работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже истратили, зато во многих развивающихся странах будет наиболее благоприятное соотношение работающих и иждивенцев. А пожилых людей окажется не очень много¹³. Это будет способствовать росту душевного дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным «подтягивание» развивающихся экономик к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно большей, чем развитых. На этом фоне проблемы обеспечения пожилых и престарелых людей на Западе будут только возрастать (см.: Гринин, Коротаев 2015).

А в долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом, именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все заметнее определять баланс сил в мире и их влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды западного бизнеса (прежде всего ТНК) в условиях численно стагнирующего и стареющего населения собственных стран будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся количество потребителей в развивающихся странах. Будет продолжаться перенос разных форм экономической деятельности в эти страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий развивающихся государств это сделает неизбежным изменение баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и о том, что среди населения развитых стран растет доля выходцев или потомков выходцев из развивающихся стран. К этому времени их будет очень много, а их влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и связь со странами исхода возрастет¹⁴. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (наряду с культурными, технологическими и валютными вливаниями из развитых стран).

Переходный период и противоречивые тенденции

Такой период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций. Так, например, в условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отчуждаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна (Гринин 2005; 2008). Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, поскольку целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, идущей от США. Но эта борьба за сохранение вро-

¹³ Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что данная проблема при всей ее остроте будет в то же время способствовать активному развитию производства и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

¹⁴ В целом мы полагаем, что это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися (см. также: Бьюкенен 2015).

де бы старых институтов на самом деле означает борьбу уже за новый мировой порядок. Рассмотрим противоречия переходного периода на примере ТНК.

Создание новых транснациональных союзов. ТНК и метрополии

Сегодняшняя стратегия США, направленная на сохранение гегемонии, связана с созданием нескольких глобальных объединений, где Соединенные Штаты надеются доминировать и выгодно использовать ресурсы входящих в них государств себе на пользу. Это Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом (ТТИР); Транстихоокеанское партнерство (ТТР); договор по торговле услугами (Trade in Services Agreement, TISA). Переговоры по последнему ведутся в обстановке секретности. В октябре 2015 г. было объявлено о подписании соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Но его еще требуется ратифицировать. В отношении двух остальных пока много споров по условиям и есть сомнения в том, что их подписание вообще состоится. Тем не менее при поиске компромиссов рано или поздно они могут быть подписаны, объединив в этом случае страны, производящие от 1/2 до 2/3 мирового ВВП (соответственно по паритету покупательной способности или по номиналу). В этом случае США получают определенную, хотя и не слишком большую, выгоду. Однако мы согласны с выводами некоторых обозревателей (см., например: Hedges 2015), что эти соглашения более выгодны скорее ТНК США, чем американской экономике в целом. Американская экономика, напротив, может быть ослаблена расширением импорта и дальнейшим выводом производств из страны. Так что больше всего выиграют от этих партнерств, вероятно, такие быстрорастущие страны, как Вьетнам или Малайзия. Возможно также, что прав С. Глазьев (2015: ч. 2), говоря об ошибочности навязчивого стремления США к формированию Тихоокеанской и Трансатлантической зон преференциальной торговли и сотрудничества без участия стран БРИКС. Он считает, что США совершают ту же ошибку, что и предыдущий мировой лидер – Великобритания, которая в пору Великой депрессии стремилась защититься от американских товаров свою колониальную империю протекционистскими мерами.

Сказанное дает нам возможность продолжить тему роли ТНК в непреднамеренном ослаблении Запада и усилении развивающихся стран (происходящем помимо воли ТНК, просто потому, что они ищут наибольшую эффективность). По сути, в настоящее время ТНК нельзя уже рассматривать как принадлежащие только Западу. Во многом они являются частью экономики незападных стран. Происходит определенный «отрыв» этих гигантских корпораций от метрополии, в которой им тесно, и вопреки своей воле они все больше «льют воду на мельницу» развивающихся стран. Точно так же английские технологии и капиталы «оплодотворили» в XIX в. подъем США, Индии, Канады, Австралии, а сама Англия перестала быть мировым лидером.

Да, США и европейские страны по-прежнему могут юридически воздействовать на ТНК в определенных отношениях (особенно в плане подключения

к санкциям, соблюдения определенных правил, запретов на импорт технологий; подтасовывания статистики, использования рейтингов в политических целях, сотрудничества с разведкой). Но в подавляющем большинстве случаев они действуют свободно под влиянием тех импульсов, которые идут из разных секторов, рынков и движений. В связи с этим представляется, что с некоторого времени (в частности, с начала деиндустриализации и так называемой финансовой революции, то есть с 1980-х гг.) интересы ТНК и стран-метрополий постепенно расходятся. Как известно, корпорации имеют собственные цели (Гэлбрейт 1976), часто отличные от общенациональных. Полагаем, что чем активнее будут расти незападные экономики и создаваться глобальные экономические объединения развитых стран с развивающимися, тем заметнее будет расхождение между интересами ТНК и экономик их стран-метрополий. Другими словами, представляется, что ТНК будут все активнее уходить на рынки развивающихся стран, если экономические возможности последних будут сулить им большие прибыли. Тем более если топ-менеджмент таких корпораций будут во все большей степени составлять неамериканцы и неевропейцы.

Эпоха новых коалиций и контуры нового мирового порядка

Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс подтягивания политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Это движение, как мы видели, захватило даже США, хотя ранее они считали себя самодостаточными. Этот процесс активного создания различных союзов, комбинаций стран и их объединений мы назвали *эпохой новых коалиций* (см.: Гринин 2009б; 2012); он и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены курса для этой страны (что уже прослеживается в заявлениях некоторых кандидатов в президенты).

Возможно, наиболее ярким примером процесса создания новых коалиций является БРИКС, которая появилась первоначально как фантазия экономиста, а затем обрела черты реального союза. При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС. Это показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем при активизации привлечения в союзы новых членов комбинации могут быть самыми разнообразными. В то же время в результате на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут представляться химерическими или эфемерными, что способно дополнительно усилить общую турбулентность.

По мере осознания того, что начинает формироваться новый мировой порядок, усилится конкурентная борьба за то, кто станет направлять процесс его

формирования в мире и отдельных регионах. И тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. А это значит, что в самой концепции внешней политики постепенно, но очень неравномерно в ее практическом осуществлении откровенное преследование эгоистических интересов государств станет занимать меньше места, чем сегодня¹⁵. Сказанное звучит утопично, тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты в политике как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных решений постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут превратиться из временных в постоянные, тем самым начнется выработка эффективных институциональных форм нового миропорядка. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права и новые общие принципы мирового порядка. А страны, продолжающие в грубой форме отстаивать эгоистические национальные интересы, в конечном счете проиграют.

V. ИЗМЕНЕНИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, к выработке основных принципов нового мирового порядка. Рассмотрим некоторые из этих принципов, на основе которых, возможно, он будет выстроен.

Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы думаем, что именно глобализация, как бы к ней ни относились, станет экономической основой формирования нового мирового порядка. Но для более устойчивого порядка необходим некий консенсус и опора на принципы компромисса, такие как: «в

¹⁵ Характерный пример – позиция США по парниковым газам, когда они очень долго отказывались брать на себя какие-либо ограничения, а недавно объявили о готовности их принять, что, естественно, вызывает недовольство представителей бизнеса (и сопротивление законодателей). Но важна позиция, выраженная президентом Б. Обамой, – США должны быть лидерами в «зеленых» технологиях и оставить потомкам Землю чистой.

одной лодке», «друзья – соперники», «не использовать недопустимые средства» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемого устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны быть оформлены в виде писанных или неписанных правил. Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов). Здесь, разумеется, откроется простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться ответственность корпораций за их публичные действия. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже большой страны. Эти возможности должны быть ограничены соответствующей ответственностью (и уже ограничиваются, например, правилами ЕС). Но с другой стороны, ТНК могут получить некоторые дополнительные привилегии и права. Какие, пока неясно, но понятно, что вокруг этого будет вестись довольно длительная и напряженная борьба. Еще одним серьезнейшим пунктом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по-видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохраняются и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль на международном финансовом рынке и пр., а с другой – грядущие мощные финансовые потрясения неизбежно приведут к хотя бы частичному пересмотру роли доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых регулирующих органах. Представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций, представляющих интересы своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то – усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международного процесса, но уже будет вынуждено сосуществовать с другими субъектами – наднациональными и транснациональными; в) возникновение *смешанного характера «концерта» мировых игроков в виде* государств, их различных союзов, а возможно, и каких-то отдельных корпораций или организаций (подобно тому, как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получают определенные возможности влиять на ситуацию в мире, а тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, усилит стремление вступать в них, с другой – более тесно сплотит их членов изнутри.

Разумеется, встает вопрос о каких-либо новых мировых институтах, которые бы позволяли претворять новые принципы в жизнь. Хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они едва ли бу-

дут демонтированы. Скорее новые институты будут создаваться параллельно старым.

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов, с другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой могли бы эффективно участвовать все. Именно поэтому сокращение национального представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и от имени объединений).

Если новый порядок не будет ни однополюсным, ни двуполюсным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Что-то вроде G-х, то есть объединения трех – пяти – семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом обеспечивать и гарантировать новый порядок. Это могут быть, например, США вкупе с Тихоокеанским партнерством или каким-нибудь блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией. Либо последние три страны будут представлены также объединением БРИКС. Итоговый расклад сил может быть самым разным. То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов. Разумеется, всякого рода конфликты и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться будет проще. А чтобы порядок держался, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта ООН, но более эффективно оформленного, что-то вроде права вето с несколькими уровнями участия и разными правами).

О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов, новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Сформулируем их краткий перечень.

1) **Плюрализм политических режимов**, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) **Отказ от насильственного навязывания институтов** (в том числе и насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в условиях глобализации может оказаться ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания ее любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в многонацио-

нальных и многоконфессиональных регионах, где не сложились устойчивые нации и государства и сильно влияние религии). Борьба с бедностью, болезнями, высокой смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведут к значительному прогрессу в области семейных и иных отношений в микросообществах даже в регионах с сильным влиянием ислама. Для этого демократии не требуется, тем более что уже есть общепринятые декларации, которые ведут к улучшению общественного статуса женщин и детей.

3) Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций. Это означает: а) что социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях, легитимизируемых общепризнанными международными институтами.

4) Жесткое ограничение и регламентация использования санкций. Введение санкций должно быть жестко ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5) Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6) Гарантии государственных границ, ограничения всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, неизбежен некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных символических ресурсов этих объединений. Выскажем некоторые идеи о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым¹⁶, но в то же время посредством влияния на этих «более слабых» внешние силы могут влиять на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому принцип демократии скорее всего будет лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей пропорциональности или совмещения интересов его малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из наших предположений – рост роли экспертов и международных экспертных органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в деятельности рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то вроде *эксперткратии* (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, если выдвижение экспертов на основании их профессиональных заслуг станет прерогативой национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний), либо результатом публичного избрания из числа предварительно отобранных профессиональными сообществами специалистов. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов и решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы; законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество разного рода информационных технологий и т. п.). Важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, иметь возможность оперативного регулирования этих процессов. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать позиции цехов и гильдий позднего Средневековья.

¹⁶ При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребуются большая работа, чтобы найти формы, которые оптимизировали бы интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

Эксперты в отличие от политиков имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны в отличие от политиков. Эксперты разных наций (если они объединены единым профессиональным этосом) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

* * *

Таким образом, есть много оснований думать, что баланс сил в мире в целом в течение ближайших трех-четырех десятилетий существенно изменится в пользу стран, считающихся сегодня развивающимися, или их союзов. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия согласованных общих решений). И десятикратное превосходство в населении развивающихся стран над развитыми (какое появится примерно к 2050 г.) будет сложно игнорировать.

В целом впереди нас ждут сложные и беспокойные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. В то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка. Тем не менее на долгий период самой главной останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и общемировых интересов.

Библиография

- Барбер Л. 2014.** Генри Киссинджер: «США должны сохранить лидерство, чтобы сохранить мировой порядок» (“The Financial Times”, Великобритания). *ИноСМИ* 9 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20140909/222867679.html>.
- Бжезинский З. 1998.** *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.
- Бирлинг Ш. 2015.** Что нужно делать. *ИноСМИ* 19 ноября. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151119/234481311.html>.
- Бреммер И. 2015.** Чего мы ждем от США? *ИноСМИ* 16 июня. URL: <http://inosmi.ru/world/20150616/228614822.html>.
- Бьюкенен П. 2015.** Грядущее банкротство Америки. *ИноСМИ* 5 ноября. URL: <http://inosmi.ru/world/20151105/231200867.html>.
- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.
- Глазьев С. 2015.** Окно в Азию. *Военно-промышленный курьер*: в 3 ч. URL: <http://vpk-news.ru/articles/25975>; <http://vpk-news.ru/articles/26087>; <http://vpk-news.ru/articles/26190>.
- Грантовский Э. А. 1987.** Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура. *История стран Азии и Африки в Средние века* / Ред. Ф. М. Ацамба, З. Г. Лапина, М. С. Мейер, с. 94–105. М.: Изд-во МГУ.
- Грей Дж. 2008.** Величие Америки рухнуло и раскололось на куски. *ИноСМИ* 1 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html>.
- Гринин А. Л., Гринин, Л. Е. 2015.** Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество* 1: 17–47.

- Гринин Л. Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2008. Национальный суверенитет в век глобализации. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова, с. 104–128. М.: МГИМО-Университет.
- Гринин Л. Е. 2009а. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2009б. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2011. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012а. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2012б. Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса* / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, с. 1425–1432. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012в. Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 2: 77–106.
- Гринин Л. Е. 2013а. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.
- Гринин Л. Е. 2013б. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013в. Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2015. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 3–17.
- Гринин Л. Е. 2016а. *Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. Государство и исторический процесс*. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б. Модернизация и социально-политические кризисы. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг, с. 233–258. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2016в. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2017. Размышления о трансформациях мирового порядка. Ч. 2. Мировой порядок в будущем. *Credo New* 2(90).
- Гринин Л. Е. 2019а. Исламизм и глобализация. *Век глобализации* 1: 18–34.
- Гринин Л. Е. 2019б. Слабости Америки и президент Трамп. *История и современность* 3: 3–31.
- Гринин Л. Е. 2019в. Слабости и перспективы Америки и президент Трамп. *Философия и общество* 4 (в печати).
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019а. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4: 3–34.

- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019б.** Глобальное старение, темпы научно-технического прогресса и изменение современной модели потребления в XXI – начале XXII в. *Историческая психология и социология истории* 4 (в печати).
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015.** Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: наследие и современность. Ежегодник* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 107–132. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2020.** *Восток и социальная эволюция.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель» (в печати).
- Гринуэй Х. Д. С. 2008.** Иллюзорность американского могущества. *ИноСМИ* 22 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081022/244810.html>.
- Гэлбрейт Дж. К. 1976.** *Экономическая теория и цели общества.* М.: Прогресс.
- Дэвис Н. 2005.** *История Европы.* М.: АСТ, Транзиткнига.
- Закария Ф. 2008.** Будущее американского великодержавия. Ч. 1. *ИноСМИ* 1 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20080501/241108.html>; ч. 2. *ИноСМИ* 5 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20080505/241159.html>.
- Закария Ф. 2009.** *Постамериканский мир будущего.* М.: Европа.
- Капхен Ч. 2004.** *Закат Америки. Уже скоро.* М.: АСТ, Люкс.
- Кеннеди П. 2009.** Конец американской эпохи? (“The Times”, Великобритания). *Новости Украины. События в мире.* URL: <http://novinyu.su/smi-00000249.html>.
- Киссинджер Г. 1997.** *Дипломатия.* М.: Ладомир.
- Киссинджер Г. 2002.** *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века.* М.: Ладомир.
- Клэр М. 2015.** Галлюцинации в Вашингтоне. Отчаянное положение угасающей сверхдержавы. *ПолисМИ* 8 июня. URL: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1149-gallyutsinatsii-v-vashingtone.html>.
- Косминский Е. А. 1940.** Дипломатия периода укрепления феодальной монархии. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин и др., т. 1, с. 134–166. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз.
- Кругман П. 2013.** Развитые страны не могут обанкротиться. *Личный счет. Журнал о ваших деньгах* 31 октября. URL: <http://lcmmedia.com.ua/news/pol-krugman-razvityie-strany-ne-mogut-obankro-titsya-6278>.
- Ларисон Д. 2015.** Четверть века интервенций (“The American Conservative”, США). *ИноСМИ* 28 мая. URL: http://inosmi.ru/world/2015_0528/228266813.html.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего.
- Милл С. 2008.** Грузия – могила однополярного мира Америки. Вызывающее поведение России на Кавказе покончило с миропорядком Буша-старшего – вполне своевременно (“The Guardian”, Великобритания). *ИноСМИ* 28 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20080828/243620.html>.
- Мир** после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.

- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в.* Дубна: Феникс+.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2014.** *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития.* Дубна: Феникс+.
- Петрушевский И. П. 1977.** Иран при Сасанидах. Образование раннефеодального общества. *История Ирана* / Ред. М. С. Иванов, с. 107–120. М.: Изд-во МГУ.
- Сказкин С. Д. 1940.** Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI–XVIII веках. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин, т. 1, с. 171–185. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз.
- Смелзер Н. 1994.** *Социология.* М.: Феникс.
- Сорос Дж. 2009.** *Первая волна мирового финансового кризиса. Промежуточные итоги. Новая парадигма финансовых рынков.* М: Манн, Иванов и Фербер.
- Тодд Э. 2004.** *После империи. Pax Americana – начало конца.* М.: Международные отношения.
- Тройо М. 2015.** США – вновь развивающаяся держава. *ИноСМИ* 29 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20151029/231078067.html>.
- Уитни М. 2015.** Еще один идиотский план навредить России. Америка формирует стартовую площадку. *ПолисМИ* 23 апреля. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1110-eshchjo-odin-idiotskij-plan-navredit-rossii.html>.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации.* Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Хантингтон С. 1994.** Столкновение цивилизаций. *Полис. Политические исследования* 1: 33–48.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций.* М.: АСТ.
- Хейвел К. ван ден. 2015.** Пора подумать о цене западного вмешательства в кризис на Украине (“The Washington Post”, США). *ИноСМИ* 27 ноября. URL: <http://inosmi.ru/world/20141127/224524451.html>.
- Хэрланд Х. Н. 2015.** США злоупотребляют силой на Ближнем Востоке. *ИноСМИ* 3 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20141003/223404889.html>.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times.* London: Verso.
- Arrighi G. 2007.** *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century.* London: Verso.
- Attali J. 1991.** *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order.* New York, NY: Times Books.
- Buchanan P. J. 2002.** *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization.* New York: St. Martin's Press.
- Burnham J. 1941.** *The Managerial Revolution. What is Happening in the World.* New York: John Day Co.

- Chase-Dunn Ch., Inoue H. 2017.** Power and Size: Urban and Polity Size Swings and Changes in the Distribution of Power among States in Interstate Systems since the Bronze Age. *Social Evolution & History* 16(2): 52–75.
- Collins R. 2002.** Geopolitics in an Era of Internationalism. *Social Evolution & History* 1(1): 118–139.
- Downing B. M. 1992.** *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Frank A. G., Gills B. K. 1993. (Eds.).** *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.
- Grinin L. E. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.
- Grinin L. E. 2011.** Chinese Joker in the World Pack. *Journal of Globalization Studies* 2(2): 7–24.
- Grinin L. E. 2012a.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2012b.** New Foundations of International System, or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? *Journal of Globalization Studies* 3(1): 3–38.
- Grinin L. E. 2019.** Revolutions in the Light of Historical Process. *Social Evolution & History* 18(2): 260–285.
- Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016.** World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2012.** Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures. The Journal of Global Education* 68(7): 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013.** The Origins of Globalization. *Globalization: Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin, pp. 2–32. Litchfield Park: Emergent Publications.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Origins of Globalization in the Framework of the Afroeurasian World-System History. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 32–64.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York: Springer International Publishing.

- Haass R. N. 2008.** The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs* May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>.
- Hedges C. 2015.** The Most Brazen Corporate Power Grab in American History. *Truthdig* 6 November. URL: http://www.truthdig.com/report/item/the_most_brazen_corporate_power_grab_in_american_his.
- Keeley L. 1996.** *War before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- Kennedy P. 1987.** *The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Kissinger H. 2014.** *World Order*. New York: Penguin Press.
- Le Monde. 2008.** *Un monde multipolaire*. 24.09. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2008/09/24/un-monde-multipolaire_1098924_3232.html.
- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. New York: Public Affairs.
- NIC – National Intelligence Council. 2008.** *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: <http://www.aicpa.org/Research/CPAHorizons2025/GlobalForces/Downloadable Documents/GlobalTrends.pdf>.
- NIC – National Intelligence Council. 2012.** *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: <http://www.dni.gov/index.php/about/organization/global-trends-2030>.
- Parker G. 1997.** *The Thirty Years' War*. New York: Routledge.
- Rayner R. M. 1964.** *European History 1648–1789*. New York: David McKay Company, Inc.
- Reid T. 2008.** National Intelligence Council Report: Sun Setting on The American Century. *Common Dreams* 21 November. URL: <http://www.commondreams.org/news/2008/11/21/national-intelligence-council-report-sun-setting-american-century>.
- Spruyt H. 2000.** The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. *International Studies Review* 2(2): 65–92.
- Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. 2016.** Mind and Vision: Social Evolution and the Origins of the Political. *Social Evolution & History* 15(1): 126–163.
- Tisdall, S. 2008.** America's Fall is a Dangerous Opportunity for its Enemies. *The Guardian* 6 October. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2008/oct/06/tisdallbriefing.usa>.

Глава 16. Логико-математическое моделирование социальной самоорганизации и эволюции политических систем

Малков С. Ю.

Вводные замечания

В современную эпоху, когда компьютерные технологии и математическое моделирование стали катализаторами прогресса во многих областях научного знания, их использование в исторической науке остается еще очень ограниченным. По существу, математические методы активно используются лишь для статистической обработки и анализа социологических и исторических данных в клиометрических исследованиях. Математические модели, столь широко применяемые в естествознании, в исторических исследованиях являются относительной редкостью. Причина этого заключается в сложности моделирования социально-исторических процессов, слабой формализуемости многих понятий и факторов социальной эволюции. Тем не менее в последние десятилетия достигнуты существенные успехи в области создания моделей социальной истории. Имеющиеся к настоящему времени модели можно условно разделить на три группы:

1) модели-концепции, основанные на выявлении и анализе общих закономерностей и представлении их в виде когнитивных схем, описывающих логические связи между различными факторами, влияющими на социально-экономические, исторические процессы (Дж. Голдстоун, И. Валлерстайн, Н. С. Розов, Д. Норт и др.). Такие модели обладают высокой степенью обобщения, но имеют не математический, а чисто логический, концептуальный характер;

2) частные математические модели имитационного типа, посвященные описанию конкретных экономических процессов, исторических событий и явлений (Д. Медоуз, Дж. Форрестер, Ю. Н. Павловский, экономические «вычислимые модели общего равновесия» и др.). В подобных моделях основное внимание уделяется тщательному учету и описанию факторов и процессов, оказывающих влияние на рассматриваемые явления. Недостатком таких моделей является то, что они «привязаны» к конкретному социально-экономическому процессу или историческому событию, их применимость ограничена накладываемыми условиями и узким пространственно-временным интервалом. Прогностические модели основаны в основном на линейной экстраполяции существующих тенденций, не позволяют учитывать циклическую динамику, ловушки развития;

3) математические модели, являющиеся промежуточными между двумя указанными типами. Их задачей является выявление базовых закономерностей, характеризующих протекание рассматриваемых процессов, анализ процессов са-

моорганизации, учет нелинейных связей, способных приводить к резким изменениям состояния систем, к социально-экономическим и политическим фазовым переходам. Параметрический анализ таких моделей позволяет определять области устойчивости различных состояний, возможности и условия перехода из одних состояний в другие, возникновение ловушек развития.

В этой главе основное внимание будет уделено моделям последнего типа, поскольку они обладают способностью к обобщению и вместе с тем позволяют учесть конкретно-исторические условия и особенности. Основой создания таких моделей является математическое описание механизмов социальной самоорганизации и эволюции с учетом конкретных условий функционирования социальных систем. При создании моделей используются достижения синергетики, теории динамических систем. С позиций математического моделирования будет рассматриваться проблема соотношения устойчивости и изменчивости в процессе социальной эволюции, проявляющаяся, в частности, в возникновении устойчивых институциональных различий обществ, сохраняющихся на протяжении длительных периодов времени. При этом будут использованы методология синергетики (И. Пригожин, Г. Хакен, С. П. Курдюмов) и опыт математического моделирования возникновения и эволюции устойчивых структур в сложных нелинейных динамических системах разной природы. На этой основе будет предложена логико-математическая модель формирования социально-политических структур различного типа. Государство будет рассматриваться как динамическая система, состоящая из социальных подсистем, в которых идут свои процессы социальной самоорганизации. Задача государственного управления заключается в синхронизации подсистем, в обеспечении их согласованного функционирования. Главной целью государства и общества в целом является сохранение своей идентичности («выживание») и обеспечение устойчивого развития в условиях внешних и внутренних дестабилизирующих воздействий. С этой точки зрения задачей математического моделирования является изучение устойчивости функционирования государства в заданных внешних условиях (ресурсная база, природно-климатические условия, отношения с соседями и т. п.), а также исследование возможных механизмов его дестабилизации. Модели развития социальных систем (СС) будут построены с использованием динамических уравнений, что позволит, с одной стороны, описывать эволюцию СС в прошлом, а с другой – анализировать особенности современного развития и делать социально-экономический прогноз. Использование систем нелинейных дифференциальных уравнений для моделирования исторических процессов позволяет исследовать как переходные, так и стабильные состояния социальных систем. При этом стабильным состояниям (в том числе ловушкам развития) соответствуют устойчивые аттракторы в фазовом пространстве переменных системы. Изменение внешних и внутренних параметров (условий, влияющих на систему) может привести как к постепенному изменению характеристик аттрактора (к его смещению в фазовом пространстве), так и к полному его исчезновению (в частности, к гибели и распаду социальной системы). На основе анализа фазовых портретов систем дифференциальных уравнений, описываю-

щих динамику СС, специально будут рассматриваться «ловушки развития» (экономические, политические, социальные), тормозящие эволюционные процессы. Будут рассматриваться также критериальные соотношения параметров, позволяющие преодолеть указанные ловушки.

Важной проблемой является верификация моделей, описывающих социально-политические процессы. Верификация моделей обычно проводится путем моделирования прошедших событий, результат которых уже известен, и сравнения результатов моделирования с историческими данными. Ретро моделирование одновременно с решением проблемы верификации моделей представляет большой интерес в связи с исследованием альтернативных путей истории. Такие исследования можно проводить в частности посредством варьирования параметров моделей с одновременным анализом возникающих изменений фазовых портретов, областей устойчивости рассматриваемых социальных систем, появления бифуркационных состояний.

Данная методология является основой создания базовых логико-математических моделей, отражающих логику эволюции политических систем в ходе исторического процесса. Ее изложение, а также описание ряда базовых моделей будет приведено в данной главе.

* * *

С конца прошлого века под влиянием бурно развивавшейся синергетики (Эбеллинг и др. 2001; Капица и др. 1997) стали появляться работы, в которых социальные системы стали рассматриваться как динамические развивающиеся системы с присущей им внутренней неустойчивостью, появились такие научные направления, как синергетическая экономика, клиодинамика, социофизика (Занг 1999; Рун 1989; Маевский 1994; Нельсон, Уинтер 2000; Евстигнеева, Евстигнеев 2010; Чернавский и др. 2002; Романовский М., Романовский Ю. 2012; Турчин 2008).

К настоящему времени проведено много исследований, позволивших понять общие свойства социальных систем и, несмотря на частные различия, анализировать особенности их поведения в различных условиях в разные исторические эпохи. К этим особенностям, в частности, согласно (Малков 2005, 2009), относятся следующие.

1. Специфические особенности социальных систем (СС):

(i) многоэлементность СС, уязвимость элементов СС к внешним дестабилизирующим воздействиям. Для того чтобы выжить, элементам необходимо проявлять активность, затрачивать имеющуюся у них энергию, что требует постоянного пополнения имеющейся у них ресурсной базы;

(ii) стремление элементов максимизировать собственную функцию полезности, создать запасы ресурсов для обеспечения гарантий выживания;

(iii) ограниченность доступной к использованию ресурсной базы;

(iv) как следствие, антагонистичность (противоречивость) интересов элементов систем, обусловленная необходимостью борьбы за ограниченный ресурс. Возможность создания коалиций в борьбе за ресурс. Формирование отношений

«свой – свой», «свой – чужой», «чужой – чужой» и институтов, закрепляющих эти отношения;

(v) нелинейный характер взаимодействия элементов системы, характеризующийся *положительной обратной связью*: в конкурентной борьбе побеждает сильнейший (имеющий больше преимуществ), в результате чего становится еще сильнее (власть рождает власть, деньги делают деньги и т. п.). Нелинейный процесс увеличения преимуществ ограничен либо общим количеством ресурса, либо индивидуальными возможностями субъекта освоить и обработать приобретенный ресурс, а также способностью сохранить свои преимущества в условиях борьбы с конкурентами;

(vi) пороговый характер процессов: реальная отдача от усилий, приложенных для достижения какой-либо цели, возникает лишь тогда, когда усилия превысят определенное пороговое значение. До этого отдача от прилагаемых усилий практически отсутствует;

(vii) инерционность поведения субъектов, наличие некоторого временного запаздывания Δt реакции субъектов на изменение внешних условий;

(viii) способность элементов СС к осознанному целеполаганию и к рефлексии по поводу своих действий и действий других субъектов.

2. Нелинейный характер взаимодействия субъектов и ограниченность ресурсов (свойства (v) и (iii)) определяют специфику динамических процессов в СС: диалектику развития отражает не формула «тезис – антитезис – синтез», а формула «тезис – антитезис – временный компромисс». Противоречия перманентны. Они не «снимаются» в процессе развития СС, а существуют всегда, обеспечивая хаос на микроуровне. На макроуровне реализуется временный компромисс, обусловленный внешними условиями и имеющимися ресурсными ограничениями. Когда они меняются, динамическое равновесие нарушается, начинается новая борьба субъектов с выходом на новый компромиссный уровень. Имманентный характер конкуренции.

В СС противоречия – активное начало. Не будет противоречий – не будет и развития.

3. Общая тенденция социальной динамики: усугубление неравенства при появлении избыточного ресурса. При недостатке ресурса – объединение ради выживания и уменьшение неравенства (упрощение системы).

4. Общий принцип социальной динамики: хаос на микроуровне – порядок на макроуровне; пробуются все, что возможно (не запрещено какими-либо объективными законами), но закрепляется в виде социальных структур только то, что устойчиво к внешним и внутренним дестабилизирующим процессам и воздействиям.

5. Обеспечение устойчивости СС (необходимое для выживания системы) в условиях наличия перманентных противоречий между ее элементами (свойство (iv)) является нетривиальной задачей. СС путем проб и ошибок вырабатывают механизмы сдержек и противовесов, компенсации внутренних напряжений, позволяющие достичь устойчивости системы в целом. К таким механизмам относятся:

– идеологические и социально-психологические средства сдерживания агрессивных интенций: религиозные императивы, нормы нравственности и морали и т. п. (сдерживание хаоса);

– ограничение произвола действий элементов СС с помощью законов, нормативных установлений, требующих исполнения и направленных на сглаживание имеющихся противоречий (ограничение хаоса);

– прямое властное регулирование отношений между элементами, осуществляемое органами управления СС (управление хаосом).

Те СС, которым удастся выработать эффективную систему компенсации внутренних напряжений, выживают. Те СС, которым это не удастся, в конечном счете распадаются или гибнут в конкурентной борьбе с другими системами.

6. На разных стадиях своей эволюции СС обладает различной чувствительностью и уязвимостью к внешним воздействиям. Наиболее опасны преднамеренные внешние воздействия в кризисные периоды, когда система в значительной степени хаотизирована. В этом случае даже не слишком интенсивное внешнее воздействие может задать направление развития системы и повлиять на характер ее дальнейшей самоорганизации.

7. Для СС характерна возможность многовариантного развития, обусловленная тем, что у них имеется, как правило, не одно, а несколько квазиустойчивых состояний (аттракторов) со своими областями притяжения. Система через какое-то время окажется в одном из аттракторов (это свойство называется эквифинальностью), однако в котором из них – зависит от многих факторов и в значительной степени – от целенаправленной деятельности органа управления СС.

Базовым экономическим процессом является производство, перераспределение и потребление ресурсов, необходимых для выживания.

Проецирование вышеупомянутых особенностей СС на *экономические* процессы позволяет сформулировать следующее:

1) в социально-экономических системах (СЭС) всегда существуют ограничения на доступные к использованию экономические ресурсы (к которым относятся сырьевые, энергетические, производственные, трудовые ресурсы, платежеспособный спрос и т. п.);

2) производство – нелинейный процесс. Производственная функция (то есть зависимость количества производимой продукции от затраченных усилий и/или вложений) имеет следующие свойства: а) насыщаемость при увеличении затрат при неизменных технологиях производства (что связано с неизбежной ограниченностью ресурсов); б) пороговый характер (что связано с наличием так называемых постоянных издержек производства). Вид типичных производственных функций F представлен на рис. 16.1 (форма F определяется особенностями производства, используемыми технологиями, спецификой производственных отношений¹ [Клейнер 1986; Малков 2009; Малков и др. 2016]);

¹ При этом если для общества охотников и собирателей и для аграрного общества вид производственной функции относительно стабилен, то для индустриального общества вид производ-

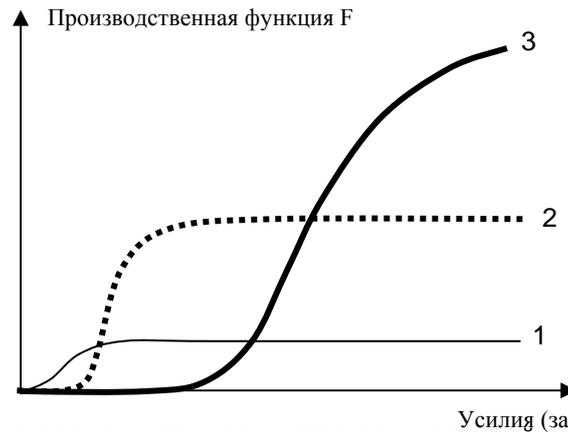

Рис. 16.1. Типовая зависимость количества производимой продукции от затраченных усилий (вложений в производство) у охотников и собирателей (1) и для аграрного (2) и индустриального (3) производства

При этом производственный сектор СЭС состоит из разнородных подсистем, отличающихся по отраслевому признаку, возрасту основного капитала и другим характеристикам. Отношения между подсистемами могут быть как кооперационными, так и конкурентными;

3) потребление – нелинейный процесс, характеризуемый: а) насыщаемостью спроса на товары и услуги, предназначенные для удовлетворения повседневных, физиологических потребностей; б) ненасыщаемостью спроса на элитные (престижные) товары и товары долговременного пользования, предназначенные для удовлетворения социальных потребностей;

4) перераспределение – нелинейный процесс с *обратной положительной связью*: чем больше экономическая или политическая (военная) сила, тем больше возможностей для неэквивалентного перераспределения произведенного продукта посредством налогов, принудительных изъятий, монопольных цен и т. п.

Максимизация индивидуальных *функций полезности* в этих условиях сталкивается со следующими проблемами:

1) перманентная нехватка ресурса на всех, что приводит к постоянной борьбе за ресурс (внутри социума и между социумами);

2) неравномерность распределения ресурса между индивидами и социальными группами, что приводит к социальной напряженности (показателем неравномерности является ЭСО – экономическая структура общества, то есть плотность распределения членов общества по имеющимся у них накоплениям (Чернавский и др. 1996; Чернавский и др. 2002); см. рис. 16.2).

ственной функции постоянно изменяется в силу изменения технологий и повышения производительности труда.

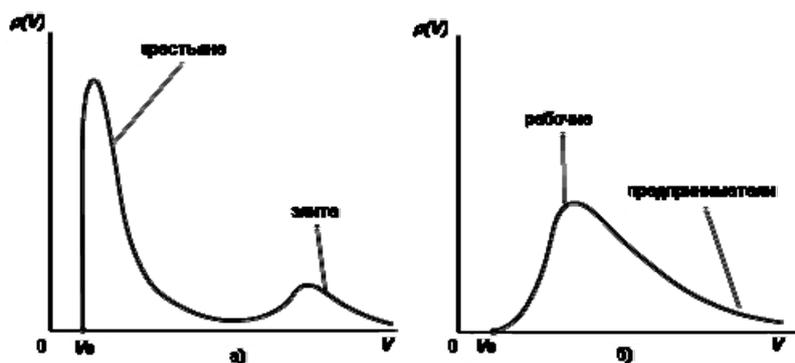

Рис. 16.2. Виды распределения членов общества по накоплениям $\rho(V)$: а) бимодальная структура (аграрное общество); б) унимодальная структура (развитое индустриальное общество) (V – накопления; V_B – уровень физического выживания)

Наличие положительных обратных связей является причиной того, что для социальных систем характерна *внутренняя неустойчивость*. Как же тем не менее добиться устойчивости СС к внешним и внутренним дестабилизирующим воздействиям? Для этого надо решить три основные проблемы:

А) обеспечить возможность *экономического выживания* (обеспечение материальных потребностей членов общества);

Б) обеспечить *социально-психологическую стабильность* при наличии антагонистических интересов элементов СС (снижение конфликтности внутри СС);

В) обеспечить *эффективное управление*. Поскольку СС – распределенная система, задачей управления является обеспечение согласованного функционирования всех ее подсистем. Условия эффективности:

– со стороны управляющих – умение управлять и наличие необходимых для осуществления управления средств;

– со стороны управляемых – согласие (желание) быть управляемыми в условиях социального расслоения.

В условиях внутренней неустойчивости СС основной функцией управления является *координация* взаимодействующих социально-экономических подсистем, своевременное снятие возникающих противоречий и диспропорций (Маевский, Малков 2013; Маевский и др. 2016).

В результате решения указанных проблем формируется структура общества, обладающая устойчивостью и имеющая шанс на выживание (о формировании устойчивых институциональных структур см.: Кирдина 2001, 2004; Малков 2009). Если эти проблемы не удастся решить, общество *погибает* (распадается).

Способы решения проблем устойчивости существенно зависят от заданных внешних условий (важнейшими из которых являются характеристики имеющегося ресурса) и от характеристик ресурсопользования (от формы и параметров производственной функции, от принципов и способов управления социально-экономическими процессами).

Исследование возможностей достижения устойчивости СС проводится на основе анализа и моделирования взаимодействий между различными социальными группами в рассматриваемом обществе. Для описания этих взаимодействий на макроэкономическом уровне может быть использован, например, следующий алгоритм (Чернавский и др. 2002; Малков 2005, 2009). В социальной системе выделяются главные подсистемы (социальные группы или институты), которые определяют особенности ее функционирования. В качестве основных характеристик для описания каждой из подсистем используются следующие: численность N_i рассматриваемой социальной группы и суммарные материальные накопления X_i членов группы. На основе решения дифференциальных уравнений, описывающих динамику данных величин, определяются зависимости $N_i = N_i(t)$, $X_i = X_i(t)$, $i = 1, \dots, k$ для выделенных подсистем. Эти зависимости являются результатом следующих внутри- и межгрупповых экономико-демографических процессов. Система уравнений, учитывающая эти процессы, может быть записана в виде:

$$\begin{cases} \dot{N}_i = N_i \cdot D_i(x_i) + \sum_{j=1}^k D'_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \sum_{j=1}^k D''_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) \\ \dot{X}_i = F_i(\bar{X}, \bar{N}, \bar{I}) - N_i \cdot Q_i(x_i) + \sum_{j=1}^k G_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \\ - \sum_{i=1}^k C_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - I_i(x_i, N_i) \end{cases} \quad (1)$$

$$D'_{ij} = -D'_{ji}, \quad D''_{ij} \geq 0, \quad G_{ij} = -G_{ji}, \quad F_i \geq 0, \quad Q_i \geq 0, \quad C_{ij} \geq 0, \quad I_i \geq 0; \quad i, j = \overline{1, k},$$

где точка над символом означает дифференцирование по времени;

$x_i = X_i/N_i$ – средние удельные накопления представителей i -й группы;

D_i – демографический коэффициент, представляющий собой разность между рождаемостью и смертностью (количественные характеристики которой зависят от социальных и экономических условий);

D'_{ij} – скорость перехода из группы j в группу i ;

D''_{ij} – смертность в группе i , обусловленная антагонистическим взаимодействием с группой j ;

F_i – функция производства, понимаемая как количество продукта, производимого членами социальной группы в единицу времени;

Q_i – функция индивидуального потребления;

G_{ij} – количество материальных благ, изымаемых тем или иным образом группой i у группы j или передаваемых из группы i в группу j (например, налоги, субсидии и т. п.);

C_{ij} – затраты группы i на управление группой j ;

I_i – затраты на производство материальных благ (инвестиции в производство).

В модели (1) используются усредненные величины. Усреднение проводится внутри каждой социальной группы для всех ее членов. При необходимости в модели можно учитывать разброс индивидуальных характеристик внутри социальных групп. Правила разбиения общества на группы зависят от решаемых в исследовании задач.

В зависимости от соотношений параметров система уравнений (1) может иметь или один, или несколько, или ни одного устойчивого состояния (аттрактора). Характеристики аттракторов позволяют судить о свойствах социальной системы и анализировать способы обеспечения ее устойчивости (в том числе способы координации взаимодействия социально-экономических подсистем).

Несмотря на то что описанный алгоритм ориентирован в основном на исследование экономико-демографических процессов, он реально позволяет изучать вопросы социально-психологической стабильности общества и эффективности систем управления, поскольку от этих факторов существенным образом зависят параметры системы (1) и ее устойчивость к дестабилизации (Малков 2002).

Исследование устойчивости СС к *внешним* дестабилизирующим воздействиям (со стороны других СС) проводится на основе анализа и моделирования конкурентной борьбы СС друг с другом, включающей в себя как экономическую, так и политическую (в том числе с использованием военной силы) борьбу. Базовая модель конкурентной борьбы изложена в работах (Чернавский и др. 2005; Малков, Кирилук 2013). Модель сформирована на основе формализации общих закономерностей, характеризующих взаимодействие политических, социально-экономических, социокультурных, информационных, биологических систем. В обобщенном виде она представляет собой систему дифференциальных уравнений, описывающих изменение соотношения сил различных акторов (от англ. *act* – действовать) в результате конкурентной борьбы:

$$\partial u_i / \partial t = \mathbf{G}_i(u_i, x, y) - \mathbf{A}_i(u_i, x, y) - \sum_{j \neq i} \mathbf{B}_{i,j}(u_i, u_j) + \mathbf{D}_i(u_i, x, y), \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N. \quad (2)$$

Здесь t – время; x, y – пространственные координаты; u_i – показатель, характеризующий силу (степень влияния, доминирования, экономической и военной мощи и т. п. (см.: Винокуров и др. 2013) i -го актора в момент времени t в точке пространства (x, y) , где x и y – пространственные координаты. Член $\mathbf{G}_i(u_i, x, y)$ описывает воспроизводство (возобновление) силы i -го актора. Член $\mathbf{A}_i(u_i, x, y)$ описывает снижение силы i -го актора вследствие естественных процессов (отрицательные обратные связи в социальной системе, ресурсные ограничения и т. п.) и внутривидовой борьбы (конкуренция подсистем i -го актора между собой). Член $\mathbf{B}_{i,j}(u_i, u_j)$ описывает конкурентную борьбу между акторами. Этот член отрицателен, поскольку в конкурентной борьбе акторы стремятся подавить друг друга. Член $\mathbf{D}_i(u_i, x, y)$ описывает распространение силы акторов в пространстве.

В зависимости от целей исследования система (2) может моделировать различные аспекты конкурентной борьбы социальных систем: экономические, военно-политические, идеологические и др.

Совокупность конкурирующих СС одного типа могут составлять мегасистему (цивилизацию), противостоящую другой мегасистеме (примерами могут

служить противостояние земледельческих и кочевых народов, христианских и мусульманских стран на протяжении длительных исторических периодов и т. п.). С другой стороны, социальные слои одной СС представляют собой подсистемы, находящиеся в конкурентных (вплоть до антагонистических) отношениях друг с другом. Таким образом, социальные системы при моделировании могут быть представлены в виде сложных структур, каждый уровень которых описывается базовыми динамическими уравнениями типа (1) или (2). Примеры моделей такого типа приведены в *Приложении*.

Проведенный в работе (Малков 2009) математический анализ динамики подобных систем показывает, что, как правило, в них достаточно быстро (по историческим меркам) устанавливается локальное динамическое равновесие между отдельными социальными компонентами, поддерживаемое механизмами самоорганизации и координации, обеспечивающими устойчивость этих равновесных состояний. Если сформированные и институционализированные² механизмы самоорганизации и координации становятся неэффективными в силу изменения внешних природных или внутренних (социальных, политических, экономических, технологических) факторов, то устойчивость исчезает, система дестабилизируется, переходит в кризисное состояние и может погибнуть. Важно, что, как показывают социологические исследования и математическое моделирование (Кирдина 2001, 2004; Малков 2009), при различных внешних условиях формируются различные типы устойчивых институциональных структур. Так, в условиях ограниченной ресурсной базы и при наличии серьезных внешних угроз (эти условия характерны, например, для аграрных обществ эпохи Средневековья) происходит смещение институциональных структур в сторону усиления патернализма, принципов *объединения слабых вокруг сильного* (так называемые Х-структуры). В условиях экономического роста и расширения ресурсной базы (например, вследствие появления новых технологий) происходит естественное смещение институциональных структур в сторону стимулирования экономической активности и конкуренции, индивидуализма, принципов *объединения слабых против сильного* (так называемые социальные Y-структуры). Характерные черты этих институциональных структур описаны в (Кирдина 2001, 2004; Малков 2009) и представлены в таблице 16.1.

Таблица 16.1. Отличительные особенности Х- и Y-типов социальных структур

Характеристика	Х-структура	Y-структура
Институциональные особенности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Регулируемая экономика. 2. Директивная централизованная система управления (вертикальные иерархии). 3. Примат коллективизма в социально-психологической сфере 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Либеральная рыночная экономика. 2. Адаптивная (демократическая) система управления (горизонтальные сети). 3. Примат индивидуализма в социально-психологической сфере

² То есть закрепленные законами, нормами, правилами.

Окончание Табл. 16.1

Характеристика	X-структура	Y-структура
Условия формирования	– серьезные внешние угрозы; – недостаток ресурсов (<i>игра с нулевой суммой</i>)	– отсутствие серьезных внешних угроз; – разнообразие ресурсов (<i>игра с положительной суммой</i>)
Характер конкуренции	конкуренция социумов (выживает сильнейший социум)	конкуренция индивидов (выживает сильнейший индивид)
Цель	<i>Безопасность</i> (выживание социума)	<i>Развитие</i> (повышение индивидуального благосостояния)
Способ достижения цели	объединение слабых вокруг сильного (сильная центральная власть)	объединение слабых против сильного (слабая центральная власть)
Приоритеты	– <i>кооперация</i> как принцип; – обеспечение единства общества; – улучшение управления	– <i>конкуренция</i> как принцип; – инициирование плюрализма, экономической активности
Этическая система	« <i>декларация добра</i> » (идеологическое единство)	« <i>запрет зла</i> » (свобода действий в рамках закона)
Угрозы системе	– потеря единства общества; – снижение эффективности власти, бюрократизм, коррупция	– монополизация власти; – имущественное расслоение
Объект защиты	социальная организация (государство)	индивидуальные права и свободы

Динамические модели описанного типа представлены, например, в работах (Чернавский и др. 2002; Маевский, Малков 2013; Маевский и др. 2016; Малков 2009).

Моделирование показывает (Малков 2009), что если производственные технологии и имеющаяся в распоряжении СС ресурсная база не изменяются (или изменяются медленно), то для СС характерна *циклическая* динамика, связанная прежде всего с демографическими циклами, детально описанными представителями структурно-демографической теории (Дж. Голдстоун, П. В. Турчин, С. А. Нефедов). Пример такой динамики представлен на рис. 20.3, где приведены данные по изменению численности населения Китая за период 700 г. до н. э. – 1850 г. н. э. На рис. 20.4 приведены расчеты по модели (Гушина, Малков 2014), описывающей данную ситуацию.

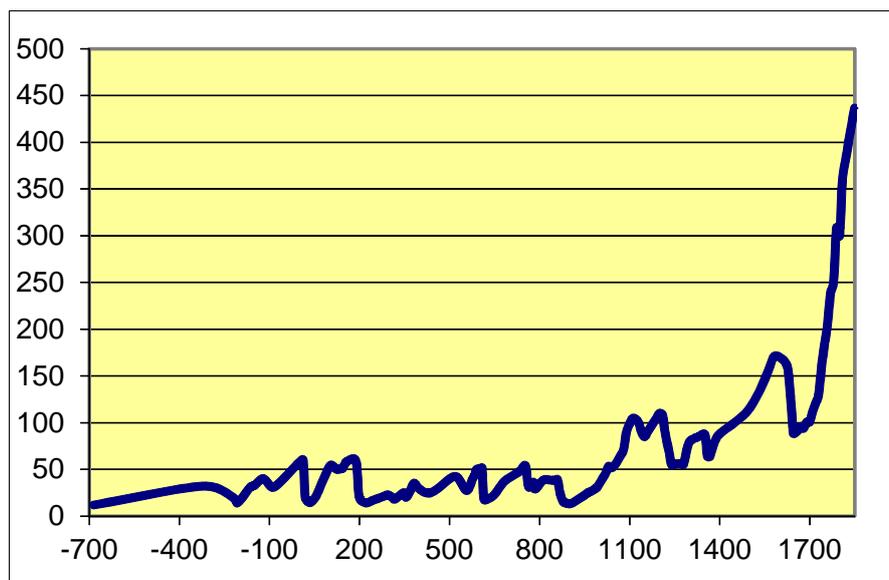

Рис. 16.3. Динамика численности населения Китая в период 700 г. до н. э. – 1850 г. н. э., млн чел. Источник: Коротаяев и др. 2007

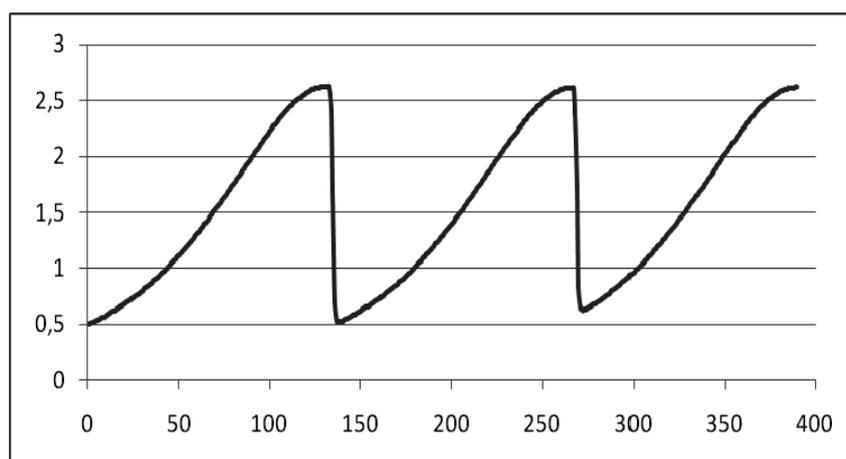

Рис. 16.4. Типовая динамика демографических характеристик в аграрных обществах в соответствии с моделью (Гущина, Малков 2014: 29–42)

Циклические изменения обусловлены тем, что в условиях неизменной ресурсной базы естественный рост населения рано или поздно приводит к относительной перенаселенности, демографическому «сжатию», снижению удельного потребления, обнищанию населения, оканчивающемуся социально-демографическим кризисом, войнами, миграциями, вспышками эпидемий и следующим за всем этим резким снижением численности населения. Затем ситуация успокаивается и цикл начинается снова. При этом предельная численность населения от

цикла к циклу изменяется незначительно и обусловлена демографической емкостью рассматриваемой территории (ее максимальной ресурсной базой).

Если рассматривать численность населения Земли в целом, то в эпохи, когда технологические изменения были незначительными, эта численность менялась слабо, поскольку циклические колебания населения в отдельных регионах асинхронны (в силу своего локального характера) и практически не накладывались друг на друга. По существу, единственным синхронизирующим фактором в истории были периодически происходившие глобальные климатические изменения, влиявшие на урожайность основных сельскохозяйственных культур (а значит, и на демографическую емкость густонаселенных территорий) (см. об этом: Малков 2009).

Однако, как показывают исторические данные, на протяжении человеческой истории несколько раз происходило резкое увеличение численности населения Земли, не связанное с климатическими изменениями (см. рис. 16.5).

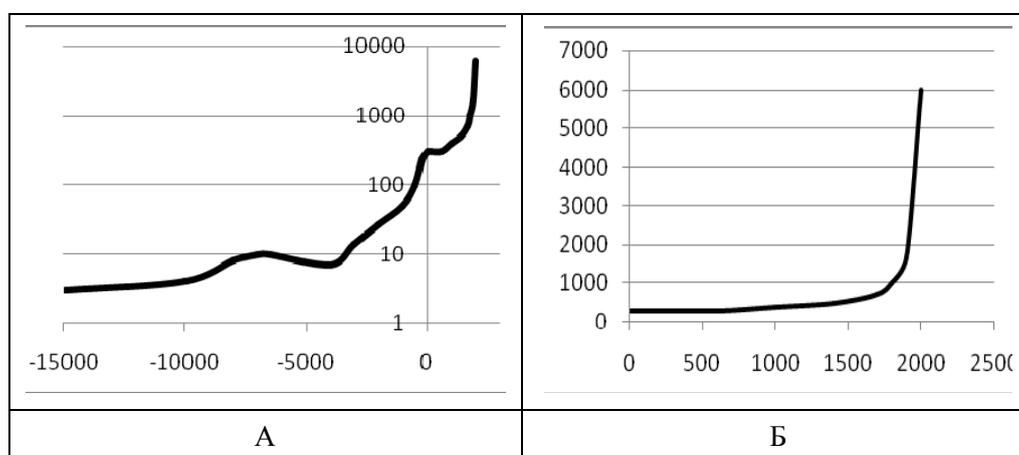

Рис. 16.5. Динамика численности населения Земли: А) за последние 17 тысяч лет (млн чел., ось ординат – в логарифмическом масштабе), Б) с начала нашей эры по 2000 год (млн чел., ось ординат – в натуральном масштабе). Источник: Коротаев и др. 2007; www.ggdc.net/maddison

Данные изменения были связаны с резким увеличением демографической емкости Земли вследствие технологических революций, значительно повышавших производительность труда. Основными из этих революций были:

- неолитическая (около 10 тыс. лет назад), связанная с возникновением *производящего хозяйства*, с переходом от общества охотников и собирателей к обществу земледельцев и животноводов;
- городская революция (5 тыс. лет назад), связанная с распространением *бронзовых* орудий (переход от неолита к бронзовому веку), с появлением ремесел, гончарных изделий, повозок на колесах;

– «осевое время»³ (2,5 тыс. лет назад), связанное с распространением *железных* орудий (переход к железному веку), давших резкий толчок в развитии земледелия, военного и строительного дела, наземного и морского транспорта⁴;

– промышленная революция (200 лет назад), в результате которой ручной труд стал заменяться машинным на основе использования научно-технических достижений.

В эпохи технологических революций происходил также опережающий рост численности городского населения⁵, поскольку города во все времена аккумулировали людей, использующих и продуцирующих передовые технологии, – ремесленников, торговцев, промышленных рабочих (рис. 16.6).

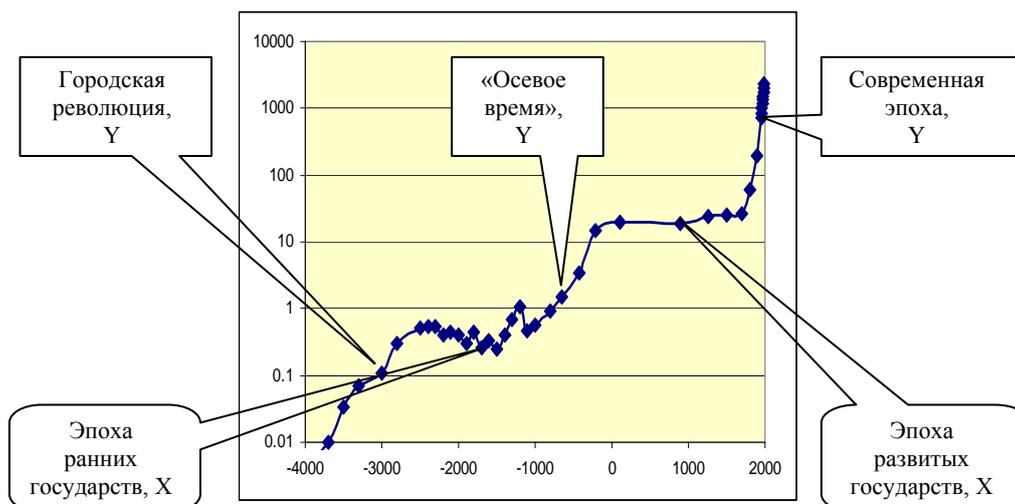

Рис. 16.6. Изменение численности городского населения мира в логарифмическом масштабе, млн чел. (для городов с населением более 10 000 чел.), на протяжении последних 6 тыс. лет. Источник данных: Коротаев 2007

Из графиков, представленных на рис. 16.5 и 16.6, видно, что «эпохи перемен», обусловленные технологическими революциями, включают в себя две стадии: стадию ускоренного экономического и демографического роста и стадию торможения с последующей стабилизацией экономико-демографических показателей. *Стадия роста* обусловлена лавинообразным процессом возникновения и распространения инноваций, составляющих ядро технологической революции. *Стадия торможения* обусловлена тем, что потенциал новых технологий постепенно ис-

³ Термин введен К. Ясперсом в работе (Ясперс 1994).

⁴ Здесь и далее термин «осевое время» мы будем использовать для более длительного исторического периода, чем это делал Ясперс, и будем применять этот термин не только для начала и середины глобального фазового перехода (VIII–II вв. до н. э.), но и для его завершающей стадии, включая позднюю Античность и переход к эпохе раннего Средневековья.

⁵ Речь идет об историческом периоде после городской революции.

черпывается, они из инновационных становятся рутинными и уже не способны обеспечить дальнейший рост. При этом, поскольку экономические процессы тесно переплетены с социально-политическими, на *стадии роста* процессы социальной самоорганизации способствуют формированию внутренне конкурентных Y-структур, в то время как на *стадии торможения* Y-структуры начинают постепенно трансформироваться в X-структуры, которые становятся доминирующими после окончания «эпох перемен» (более подробно об этом будет идти речь в главе 21).

Любопытно, что, как показывают эмпирические данные и математическое моделирование (Малков 2019), на *стадии роста* демографические характеристики с течением времени изменяются по закону, близкому к гиперболе, имеющему точку сингулярности⁶ в относительно недалеком будущем. Убыстряющиеся изменения порождают у людей предчувствие близости наступления чего-то экстраординарного, «конца света», мировой катастрофы и т. п. Такие эсхатологические настроения имели место в Римской империи в I в. н. э., присутствуют они и в наше время.

Действительно, между нашей эпохой и периодом окончания «осевого времени», периодом ослабления и заката Римской империи в первых веках нашей эры есть много параллелей. Но если тот период закончился тысячелетним Средневековьем с господством в политической сфере X-структур (наследственных монархий), то настанет ли Новое Средневековье по окончании современной «эпохи перемен» – пока неясно. Эту тему мы обсудим в главе 21.

Библиография

- Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. 2013.** Математическое макромоделирование геополитической мощи государства. *Стратегическая стабильность* 2(63): 60–66.
- Гушина Ю. А., Малков С. Ю. 2014.** К вопросу о моделировании демографических циклов и о выходе из мальтузианской ловушки. *История и математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 29–42. Волгоград: Учитель.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. 2010.** *Экономика как синергетическая система.* М.: ЛЕНАНД.
- Занг В.-Б. 1999.** *Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории.* М.: Мир.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. 1997.** *Синергетика и прогнозы будущего.* М.: Наука.
- Кирдина С. Г. 2001.** *Институциональные матрицы и развитие России.* Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Кирдина С. Г. 2004.** *X и Y-экономики: Институциональный анализ.* М.: Наука.
- Клейнер Г. Б. 1986.** *Производственные функции.* М.: Финансы и статистика.
- Коротаев А. В. 2007.** Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ. *История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига.

⁶ В математическом понимании сингулярность – это точка, в которой функция стремится к бесконечности.

- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-системы. *Демография, экономика, культура* / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: КомКнига.
- Маевский В. И. 1994.** Экономическая эволюция и экономическая генетика. *Вопросы экономики* 5: 4–21.
- Маевский В. И., Малков С. Ю. 2013.** *Новый взгляд на теорию воспроизводства*. М.: ИНФРА-М.
- Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А. А. 2016.** *Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение*: Монография. М.; СПб.: Нестор-История.
- Малков С. Ю. 2002.** Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2005.** Логико-математическое моделирование динамики социально-экономических систем (методический аспект). *История и синергетика: Методология исследования* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 17–43. М.: КомКнига/УРСС.
- Малков С. Ю. 2009.** *Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Малков С. Ю. 2019.** Режимы с обострением в истории человечества или воспоминания о будущем. *Компьютерные исследования и моделирование* 11(5): 931–947.
- Малков С. Ю., Давыдова О. И., Билюга С. Э. 2016.** Макроэкономическая производственная функция: эмпирический межстрановой анализ. *Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: экономические и политические процессы* / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 7–26. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Малков С. Ю., Кириллюк И. Л. 2013.** Моделирование динамики конкурирующих сообществ: варианты взаимодействия. *Информационные войны* 2(26): 49–56.
- Нельсон Р., Уинтер С. 2000.** *Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Фин-статинформ.
- Романовский М. Ю., Романовский Ю. М. 2012.** *Введение в эконофизику: статистические и динамические модели*. 2-е изд., испр. и доп. М., Ижевск: Ин-т компьютерных исследований.
- Турчин П. В. 2008.** *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. М.: УРСС.
- Чернавский Д. С., Пирогов Г. Г., Чернавская О. Д., Щербаков А. В., Сулаков Б. А. 1996.** Динамика экономической структуры общества (математическая модель). Известия вузов. *Прикладная нелинейная динамика* 4(3): 67.
- Чернавский Д. С., Старков Н. И., Щербаков А. В. 2002.** Динамическая модель поведения общества. Синергетический подход к экономике. *Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие* / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 239–291. М.: Наука.
- Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. 2005.** Геополитические процессы как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 103–116. М.: КомКнига/УРСС.
- Ясперс К. 1994.** *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.
- Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. 2001.** *Физика процессов эволюции. Синергетический подход*. М.: УРСС.
- Puu T. 1989.** *Nonlinear Economic Dynamics*. Berlin, Heidelberg.

ЧАСТЬ IV. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОГНОЗЫ

Глава 17. Изменения в институтах государства за последние 100–150 лет

Гринин Л. Е.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как мы будем говорить в главе 18, зрелые государства в Европе возникли в XVIII – первой половине XIX в. Промышленный принцип производства все более набирал силу. Он нуждался в том, чтобы была обеспечена стабильность в условиях быстрого роста экономики (и была оказана всемерная поддержка такому росту). Наилучшим образом этого удалось достичь в рамках нового – зрелого – типа государства. Зрелое государство – это классово-корпоративное государство, в котором сословные различия сходят на нет. Однако последнее происходило не так быстро и нередко в результате революций. И лишь постепенно представители крупной и средней буржуазии добились права активно участвовать в определении внутренней и внешней политики. Далее по мере роста влияния буржуазии началось превращение государства в «ночного сторожа» предпринимательства, а иногда даже в «исполнительный комитет» буржуазии. В такой роли оно пребывало примерно столетие (с 30-х гг. XIX в. до середины XX в.). Но этот период следует разделить на две части, рубежом между которыми явился конец XIX в.

Стадия зрелого государства связана с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. В данный период классовые конфликты в общественном развитии ряда стран стали занимать очень большое место. В результате функционирование фабричной промышленности и положение связанных с ней социальных групп перешли в сферу внимания правительства. При расширении демократии правительство хотя и явно сочувствовало имущим классам, но все же вынуждено было отказаться от принципа невмешательства в отношении капиталистов и рабочих. В результате во второй половине XIX – первой половине XX в. был достигнут определенный, хотя и не всегда устойчивый, компромисс между классами, возросло влияние рабочих партий и профсоюзов. Это привело к усилению корпоративной составляющей зрелого государства, где важную роль стали играть объединения и корпорации рабочих, предпринимателей, различных профессиональных и социальных групп. К числу корпораций надо отнести и крупнейшие объединения промышленников и банкиров – монополии.

С конца XIX в. в результате концентрации производства резко возросло влияние монополий и олигополий. Следствием стремления финансово-промыш-

ленной олигархии подмять под себя мелкий и даже средний бизнес стали особогорода конфликты между демократией и крупным капиталом. Поэтому государственная политика колебалась между интересами монополий и большинства населения как основного избирателя. (Ведь избирательное право теперь сильно расширилось.) Наиболее известный пример – антитрестовские законы в США.

Демократическое государство все чаще выступало арбитром в социальных спорах, следовательно, все более становилось надклассовой силой, а режимы авторитарного типа с частной собственностью обрекались на революции, которые, как представляется, стали особым способом трансформации и модернизации обществ в Новое и Новейшее время. Роль государства в регулировании экономики возрастала¹, тем более что экономическое соперничество передовых стран приобрело все более острые формы. Но в целом еще господствовала установка на то, чтобы не вмешиваться в естественный ход дел, которая, однако, трансформировалась в идею о том, что неприемлемо лишь вмешательство в бизнес, а прямая помощь государства предпринимателям вполне допустима и даже желательна. Так продолжалось до 30-х гг. XX в.

После Великой депрессии 20–30-х гг. XX в. и Второй мировой войны возникла ситуация, когда государство возвратилось, но уже на совсем новом этапе развития производства, к его регулированию и часто прямому вмешательству в него. Вместе с тем увеличилось и налоговое бремя. Кроме того, экономическое соревнование между странами стало носить идеологический характер, а темпы роста сделались важнейшим показателем успеха правительства. Для крупных корпораций, как отмечал Дж. К. Гэлбрейт, главной целью теперь была не столько максимальная прибыль, сколько максимальная устойчивость. В определенной мере это сблизило сам характер деятельности государства и корпораций, облегчило их сращивание в различных сферах, особенно военной и научно-исследовательских и конструкторско-опытных разработках (НИОКР). Ведь хотя наука в результате научно-информационной революции превратилась в важнейшую производительную силу, но финансируется она в первую очередь именно за счет государства, в фарватере которого часто идет и крупный бизнес. Еще одним исключительно важным фактором, определяющим направление развития производства, является новая социальная политика государства, нацеленная на поддержку аутсайдеров всякого рода и связанные с ней высокие налоговые изъятия. Например, с 1930 по середину 1970-х гг. доля социального страхования в ВВП увеличилась в европейских странах с 2,8 % до 13 % (Фишер 1999: 342).

В итоге в ведущих государствах Европы в первой половине XX века социальные классы стали «размываться» и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы: страты, слои и т.п. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, демографии и образовании.

¹ Недаром же 1920–30-е гг. Дж. Бернхейм определил как начало перехода от капиталистического или буржуазного общества к типу, который он назвал менеджерским (Burnham 1941: 71) и который позже назывался самыми разными именами – от нового индустриального до программируемого.

Важнейшими чертами этой новой социальной структуры стали:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности;

- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности. Соответственно сильно выросла доля наемных служащих;

- рост значения социального законодательства и законов, ограничивающих поляризацию общества (таких как высокие подоходные налоги и налоги на наследство и т. п.);

- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (хотя они были важны для низовых ячеек общества): гендерные, возрастные и профессионально-групповые характеристики. С этим выросла и роль социальных движений, не имеющих четкого классового характера (студенческие волнения, расовые движения, выступления молодежи, женское движение, акции «зеленых», организации потребителей и т. п.).

В течение XX в. социальная политика претерпевает очень сильные изменения. Государство из классового постепенно становится *социальным*, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих и социально незащищенных слоев населения, ограничивает рост неравенства. Этот процесс начался в конце XIX в., стал более заметным после Первой мировой, а еще более – после Второй мировой войны. Огромные перемены произошли в области перераспределения доходов. В результате развития социальных программ налоговые изъятия существенно выросли по сравнению с периодом классического капитализма.

С 60-х гг. XX в. начались очень большие изменения во всех сферах жизни, особенно в результате научно-информационной революции. В 60–70-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран объявили себя *государствами «всеобщего благоденствия»* и превратились в общества массового потребления, что, по сути, уже означало, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое. Но во что? Государство все более из классового становится организацией, в которая, с одной стороны, является важнейшим инструментом социальной политики общества и, социального обеспечения, страхования и регулирования. Так, в частности именно государство в конечном счете отвечает за здоровье населения, его благополучие, пенсии и т. д. Но с другой стороны, государство превратилось в организацию, в котором влияние тех или иных групп напрямую зависит от флуктуаций политического процесса (каждые выборы могут существенно менять внутренний курс).

Однако в 1980–1990-е годы в связи с ростом глобализации, переносом производств в развивающиеся страны и большей свободой для капиталов в перемещениях происходят новые изменения в государстве и его институтах. Идет процесс сокращения суверенных прав государств, передача их различным союзам и наднациональным изменениям. Одновременно идет подъем роли государства в развивающихся странах. Перенос производств (деиндустриализация) приводит

к развитых государствах к частичному размыванию и сокращению среднего класса.

1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗРЕЛОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Реальная классовая структура более подвижна, чем сословная (см., например: Маршалл 2005: 21). Но и она, как уже сказано, предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепляющих классовое неравенство. При анализе классовой структуры капитализма чаще обращают внимание именно на экономические различия классов и гораздо реже на момент политического и правового их неравенства. Однако если взять буржуазное общество XIX в., то легко увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших, в частности избирательный ценз. Так, например, в Англии в первой половине XVIII в. избирательным правом пользовались менее 250 тыс. человек, то есть меньше 5 % населения (Татаринова 1958: 238; Даль 2000: 28–29). Перед парламентской реформой 1832 г. право голоса в Англии имели менее 500 тыс. человек, а после реформы – чуть более 800 тыс. (Мещерякова 1986: 300). Парламентская реформа 1867 года расширила это число почти до 2,5 млн, однако в это время жили уже 30 млн. человек (Кертман 1968: 331), то есть правом голоса пользовались лишь 8 % населения. Даже в конце XIX в. право голоса в Великобритании имели только 29 % взрослого населения (Григорьева 2001а: 11; Даль 2000: 29). До революции 1848 г. число избирателей во Франции было ничтожным: всего 250 тыс. человек (Адо 1986б: 314). Неудивительно, что Алексис де Токвиль (1991) в своем исследовании демократии в США говорил о всеобщем избирательном праве для мужчин в этой стране как о ее исключительной особенности. Но и в Соединенных Штатах негры не имели избирательного права. Другим важным классовым барьером во всех странах была невозможность получения образования, почти во всех – ограничения в свободе объединений и ассоциаций, вплоть до применения уголовных наказаний за участие в них и в стачках, и тому подобные вещи, которые в течение XIX в. сократились или сошли на нет².

Однако в обществе, где экономически в юридическом смысле люди равны и существует свобода хозяйственной деятельности, где устойчивость социального строя базируется на быстро расширяющейся и модернизирующейся экономике, а для такого расширения требуется все больше грамотных и образованных людей, слишком долго такие политические и правовые барьеры между классами существовать не могли. И, по мере того как эти указанные выше «подпорки» убираются, а население обретает равные политические и иные права, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои). Именно так стало происходить в Европе, где с расшире-

² Вот любопытные цифры, которые показывают значимость такого рода барьеров. Из-за образовательного ценза в 1860-е гг. в Италии в выборах на Севере мог участвовать каждый 12-й житель, а на Юге только каждый 38-й (Григорьева 2001б: 166). Естественно, что политически Юг оказывался бесправным.

нием прав и свобод классовая структура сначала стала более зрелой, а потом стала размываться и заменяться другой. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, роста образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Wesolowski 1976; Маршалл 2005: 23; Миллс 1959). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 год выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшими чертами такой социальной структуры стали:

- формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89; см. также: Бунин, Назарова 1982: 204–209; Рамзес 1981: 248; Согрин 2003: 126)³;
- усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Фишер 1999: 91). Соответственно сильно выросла доля наемных служащих (см., например: Песчанский 1981: 231; Делиц 1983: 265; Дахин 1983: 212);
- рост значения социального законодательства и законы, ограничивающие поляризацию общества (такие как высокие налоги на наследство и т. п.)⁴;
- усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, так сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики (см., например: Согрин 2003: 133–135). Но эти характеристики уже, скорее, свидетельствовали о том, что зрелое государство переходит в свой третий этап (переходного государства), за которым маячила новая политическая форма.

В течение XX в. социальная политика претерпевает новые очень сильные изменения, в том числе и в области перераспределения доходов. Особенно заметен этот процесс стал в период после Первой и еще более после Второй мировой войны. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Фишер 1999: 86–87). Другой, тесно связанный с первым, но, может быть, еще более важный инструмент – социальная помощь менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении.

Неизбежность перехода государства к такой социальной политике определялась многими вещами. Но особенно важно указать, что зрелые государства с их демократическим режимом и постоянно изменяющимся производственным и техническим базисом, оказались в положении, при котором политическая и социальная системы не могли оставаться без изменений. Иначе в обществе

³ Уже в начале XX в. в промышленно развитых странах к нему относили себя примерно 10 % населения (Гаджиев 2003: 15).

⁴ В последние десятилетия XX в. в развитых странах нижний слой сжался – в разных странах – от 3 до 14 %, верхняя элита также составляла до 5–10 %, остальное – это ряд слоев, которые, так или иначе, можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89), тогда как к низшему классу в начале XIX в. можно было отнести до двух третей населения (см.: Фишер 1999: 89).

возникало очень большое напряжение и ему грозил революционный взрыв (и опыт революций, кстати, сильно способствовал такому изменению во взглядах государственных деятелей, подобных Бисмарку). Демократический строй так или иначе требует опоры на большинство избирателей, а поскольку большинство из них по своему социальному положению были наемными работниками, они, естественно, желали перераспределения доходов от буржуазии в свою пользу и социальных гарантий, которые могло дать только государство. Раньше или позже не одни, так другие политические силы должны были реализовать эти требования. Кроме того, следует учитывать, что почет и уважение высшим слоям дают не только их могущество, но и длительность пребывания их на вершине, а во многих странах (особенно в США), нувориши еще не успели освятить свое лидерство долгим сроком, слишком стремительно они поднялись на Олимп.

В некоторых случаях такие социальные законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17)⁵. Это была передовая в данном отношении страна. К 1900 г. страхованием на случай производственных травм в Германии был охвачен 71 % всех рабочих; системой пособий по болезни – 32 %, пенсионным обеспечением по старости (за счет взносов рабочих, предпринимателей и государства) – 53 % (Григорьева 2001а: 23). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX в. (см.: Пономарев 2003а: 171).

Но фактически вся первая половина XX в. – это борьба вокруг таких законов. Например, во Франции еще в 1936 году правительство Народного фронта ввело законы о 40-часовой рабочей неделе и двухнедельном отпуске. Сегодня отпуск во Франции достигает уже пяти недель (Смирнов 2000: 53). Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономической кризис и другие. «Правящим кругам пришлось отказаться от принципа, который ранее считался фундаментальным и суть которого заключалась в том, что улучшение материального положения масс должно достигаться благодаря их собственной предусмотрительности, а государство должно ограничиться созданием правовых и организационных рамок, вроде сберегательных касс или юридического признания обществ взаимопомощи. ... Они согласились с тем, чтобы государство пошло дальше и оказало помощь в борьбе с некоторыми угрожающими явлениями, как, например, с болезнью или старостью... допускали, что государство может расходовать на это государственные средства» (Шлепнер 1959: 254–255). И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благоденствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). В результате развития социальных программ государство вновь, по выражению Й. Шумпетера, стало «налоговым», так как налоговые изъятия существенно выросли по сравне-

⁵ Бисмарк вообще в отношении рабочего и социалистического движения действовал весьма неординарно. Например, он пытался ввести в уголовный кодекс статью о наказании за «разжигание классовой ненависти» (Патрушев 2001: 73).

нию с периодом классического капитализма⁶. Также появилось много чисто социальных налогов: отчисления на занятость, пенсии, здравоохранение, жилье и т. п. (см., например: Черник 1995: 255, 272–273).

В XX в. по мере возникновения социальных революций и конфликтов, роста роли государства в социальной помощи населению, а также формирования так называемого среднего класса зрелое, на своем последнем этапе, государство постепенно становится из чисто классового уже *социальным* государством, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства. А в 50–60-е гг. XX в. США и ряд европейских западных стран и вовсе взяли курс на то, чтобы стать государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления. Но это уже означало, по моему мнению, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. Этническая база зрелого государства, его национальная и культурная политика

Выше я говорил, что зрелое государство политически оформляет общество, которое уже имеет национальную структуру (в виде одной или нескольких наций). Также выше было отмечено, что существует тесная связь между переходом к индустриальному производству и его последствиями (урбанизацией, единым рынком, быстрым транспортом, почтой, ростом образования, культуры, значения прессы), с одной стороны, и формированием наций и национализмом – с другой (см., например: Геллнер 1997; см. также: Балибар, Валлерстайн 2003: 105). С этими моментами и связано возрастание влияния государства на этнические процессы. Я полагаю, что само формирование наций шло, как правило, в государственной форме (см. также: Балибар, Валлерстайн 2003: 112 и др.). Это означает, что нации были ведущими в государстве, либо имели какую-то автономию (подобно венграм в Австрийской и затем Австро-Венгерской империи), либо требовали в той или иной форме государственности, то есть ощущали себя угнетенными или неполноправными, но в первую очередь политически. Даже в белых английских доминионах, таких как Австралия, Новая Зеландия (не говоря уже о франкоязычной части Канады), под влиянием автономии и самоуправления стали формироваться новые нации. Нации стали складываться (хотя и не без трудностей) и в латиноамериканских странах именно под влиянием разделения прежде единых политически колоний на суверенные государства. Словом, со-

⁶ Налоговые изъятия достигали 40 и даже более процентов с прибыли и 50 и более процентов с личных доходов (см., например: Черник 1995: 269–270; 283, 284). Налоги стали несколько понижаться только в 80-е годы XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 году «потолок» личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

гласно Максу Веберу, национальный дух в смысле единства может быть усмотрен только в стремлении к собственному государству (см.: Хьюбнер 2001: 249).

Но если право наций на самоопределение в XIX в. пробивало себе путь очень тяжело и кроваво (можно вспомнить хотя бы историю ирландского национального движения), то вызревание наций в более современный период все сильнее определяется общепризнанными идеями права наций на самоопределение, административную или культурную автономию. Все влиятельнее становится политический принцип, «суть которого в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер 1991: 23).

Политика государства в области национально-культурного строительства далеко не сразу стала последовательной и осмысленной. Однако постепенно выстраивалась система, которая заключалась в том, что государство рассматривалось как национальный дом (по крайней мере, со стороны ведущей нации), а правительство – как управляющий делами нации комитет. Как суммировал эти взгляды Карл Поппер, высшая цель нации заключается в создании могущественного государства, которое может служить мощным инструментом ее самохранения (Поппер 1992, т. 2: 62–63).

Арнольд Джозеф Тойнби отмечал, что особенностью общественного сознания XIX в. было притязание считать свое общество закрытым универсумом (Тойнби 1991: 20). Соответственно успехи политики расценивались через призму национального величия (представления о котором, конечно, с течением времени менялись), военной и территориальной мощи, роста престижа на международной арене, а другие нации рассматривались как постоянные соперники и потенциальные военные противники. Вместе с этим возросли и попытки ассимиляции нетитульных наций, особенно в связи с требованием знания ведущего языка на государственной службе и для получения образования. В многонациональных государствах именно поэтому вопрос о национальных школах, газетах и позже радио- и телепрограммах был едва ли не самым острым⁷.

Государство начало уделять большое внимание воспитанию национального духа через школу, церковь, прессу, военную службу. Идея патриотизма стала пронизывать образование, значительную часть культуры и общественных наук, на развитие которых государство нередко щедро выдавало средства. История все сильнее становилась оружием идеологии и межгосударственной борьбы. Каждый народ стремится отыскать свои корни, показать их изначальное величие, в результате чего «гипноз “благородного происхождения” пробуждает... настоящую страсть к национальной истории, особенно к ее ранней стадии» (Элиаде 1995: 182).

В социалистических странах идея патриотизма также была одной из ведущих, однако отечество тут понималось более широко и конкретная национальность часто не играла столь важной роли.

⁷ Своеобразно пыталась решить вопрос ассимиляции Венгрия в своей части Австро-Венгерской империи в конце XIX – начале XX в., населенной помимо венгров румынами, хорватами, словенцами и другими славянскими и неславянскими народами. Например, в «Законе о равноправии национальностей» 1868 г. первая статья объявляла наличие в Венгрии «одной-единственной политической нации – единой неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали» (Исламов 2001: 142).

2.2. Роль идеологии в зрелом государстве

В общественном сознании постепенно происходят изменения в осмыслении роли государства и отношении к нему. Эти изменения можно выразить в следующих пунктах:

1) десакрализация власти. С государства повсеместно снимается покров сакральности в прямом смысле слова. Например, в Англии с принятием «Акта о престолонаследии» в 1701 г. парламент полностью разрывал с феодальной традицией и представлением о божественной природе королевской власти и провозглашал принцип «естественного права» (Кертман 1968: 134). В еще более резкой форме это делали американские основатели государства, французские и другие революционеры. Вообще революции очень сильно изменили идеологию и в данном отношении. А там, где государственная идеология противилась этому, порой помогали военные поражения. Так произошло в Японии, где императора заставили публично отречься от мифа о божественном происхождении правящей династии (Топеха 1978: 16–17);

2) расширение и конкретизация представлений о роли государства в жизни общества и взаимоотношениях с обществом. Эти идеи постепенно заменили сакрально-традиционную идеологию, характерную для развитого государства и примитивного зрелого, когда представления о святости монаршей власти и нерушимости сословного социального порядка были широко распространены. Затем эти отжившие представления были свергнуты в результате революций и глубоких общественных реформ и движений, а равно распространения грамотности и печатной продукции;

3) формирование разных идеологий, в центре которых в той или иной мере идеи об особой роли государства в жизни общества и каждого человека и ценности взаимоотношений между ними.

В плане взаимоотношений государства и общества, государства и личности правомерно говорить о появлении нового типа идеологии, которую в целом, я считаю, можно определить как **гражданскую**, поскольку она объясняла взаимоотношения человека и государства с точки зрения человека-гражданина, имеющего равные с другими по закону права и обязанности, живущего в особом национально-государственном сообществе. «Нация есть совокупность людей, общностью судьбы сплоченных в общность характера», – считал, например, известный исследователь национальных проблем австрийский социал-демократ Отто Бауэр (цит. по: Козинг 1978: 45).

Гражданская идеология представлена разными типами и концепциями, но, прежде всего, нужно указать на два главных направления в ней. Одно – либеральное – базировалось на том, что государство должно не вмешиваться в какие-то области частной жизни, а должно обеспечить возможности для различных правовых и интеллектуальных свобод (что в целом оформилось как концепции либерализма и гражданского общества). Соответственно все должно регулироваться согласно закону. И от этого Закон стал казаться теперь естественным, незыблемым, нерушимым. При этом во всех системах западного права имеется много общего, за которым «лежат общая политика и общие ценности» (Берман 1994: 40). Другое направление связано с представлением, что государство может

требовать от человека все и в то же время полностью заботиться о нем. Социалистические страны тому ярчайший пример. Но гражданский характер идеологии в тоталитарном государстве даже более очевиден, чем в либеральном обществе с его индивидуализмом. Не лишена верности мысль, что тоталитарные режимы – прежде всего режимы идеологические (Волков 1989: 17), а потому имеет место не только и не просто подчинение индивида власти, но подчинение его высшей цели, достижению которой подчинено и само государство (Козлова 1989: 223).

По мере укрепления этих идей во всех обществах начинается процесс придания святости принципам национального, народного или социального (классового) блага, государства и закона. Это выразилось в формировании национальных и государственных идеологий, которые в ряде случаев стали своего рода новыми светскими религиями (см., например: Берман 1994: 47; Гринин 1997–2001 [98/4: 28–69]; см. об этом также: Балибар, Валлерстайн 2003: 111–112). По формулировке Д. Белла, в течение XIX–XX вв. политика и идеология узурпировали религиозную форму (Bell 1960; 1979). Поэтому гражданская идеология подчеркивает также не просто формальные, но и неформальные эмоциональные отношения между человеком и государством-родиной как важнейшие.

Наиболее универсальным видом гражданской идеологии можно считать **национализм**. Другими влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма можно считать либерализм, демократизм, веру во всемогущество науки и разума, революционизм и реформизм. В более поздний период появляются империализм (как идеология)⁸, коммунизм, фашизм, антикоммунизм.

Огромную роль начинают играть создатели, распространители и хранители идеологии, то есть различные отряды интеллигенции и партийные активисты.

2.3. Закат зрелого государства и начало перехода к политическим образованиям нового типа

Итак, конец первого этапа и второй этап стадии зрелого государства (то есть *примитивного* и *типичного* зрелого государства) связаны с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. В развитых странах Европы эти процессы окончательно оформились примерно в конце XIX – начале XX в. Следующий период (примерно до конца 60–70-х гг. XX в. для США и ряда европейских западных стран) можно определить как время формирования нового типа социальной структуры, когда начинает преобладать средний класс. Это время, по моему мнению, можно рассматривать как завершение этапа *типичного* зрелого государства и вступление в этап *переходного* зрелого государства. В этот период

⁸ «Империалист чувствует глубокую гордость от созерцания великолепного наследия империи, завоеванной мужеством и энергией его предков. Распространение британских традиций на каждую расу принесет им неисчислимые выгоды в виде справедливых законов, умелой торговли, разумного управления», – писал, например, в 1899 г. один обозреватель (см.: Гренвилл 1999: 18). «Наш долг – использовать любую возможность, чтобы овладеть новыми территориями... Чем большей частью мира мы будем управлять, тем лучше будет для всего человечества», – говорил крупнейший теоретик и практик колониальных захватов Сесиль Родс (см.: Горохов 2001: 209).

идет **формирование социального государства (государства всеобщего благоденствия, общества массового потребления).**

С 60-х гг. XX в. начались очень большие изменения во всех сферах жизни. В частности, надо отметить распад колониальных империй, в результате чего число государств на политической карте мира выросло более чем в два раза. Это явилось мощнейшим изменением в судьбах всей планеты. Но еще более серьезные изменения были связаны с новой производственной (научно-технической) революцией, которая захватила весь мир и глубочайшим образом изменила производство (см. подробнее в третьей книге). Естественно, что эти изменения сильно повлияли на социальную структуру обществ, на законодательство, на распределение и прочее. Они еще не привели к полному изменению типа политической организации, но уже создали целый ряд глобальных изменений в ней, нехарактерных, как мне думается, для зрелого государства.

Укажу на ряд из них.

– Различные социальные движения, не имеющие классового характера в западных странах: расовые, молодежи, женское, «зеленых», организаций потребителей, студенческие волнения и тому подобные движения, которые стали играть все более важную роль (см., например, о расовом движении и «феминистской революции» в США: Согрин 2003: 133–135).

– Существенно изменяется и социальная структура, которая все сильнее определяется не только владением собственностью, но и иными параметрами, включая образование и известность⁹.

– Не является обязательным признаком зрелого государства столь активная забота о социальном обеспечении, как это характерно для современных государств «всеобщего благосостояния», где социальные гарантии стали огромными.

– Наконец, совершенно новое и крайне важное явление – частичный отказ от суверенитета (см. подробнее в третьей книге), образование множества наднациональных организаций, признание многими странами приоритета мирового права над национальным¹⁰. И эта тенденция к сокращению суверенитета, к признанию верховенства международного права над национальным и глобализация в разных аспектах, при возможных колебаниях и откатах, в целом, думается, будет нарастать. А значит, переход к новым политическим реалиям, в которых уже зрелое государство не будет вершиной эволюции, кажется вполне вероятным.

Таким образом, многие нынешние характеристики наиболее передовых государств нельзя безоговорочно относить к зрелому государству. С 60–70-х гг. XX в. США, ведущие европейские страны – Германию, Францию, страны Северной Европы и Бенилюкса, Японию и некоторые европейские страны в 80–90-е гг. надо рассматривать все более как *переходные* зрелые государства, в которых вызревают некоторые черты будущих политических наднациональных,

⁹ См., например: Парсонс 1997: 27; Бергер 1994; а также мой анализ современных социальных процессов, в частности процесса формирования нового социального элитарного слоя, который я называю «люди известности», см.: Гринин 1997–2001 [97/5: 50]; 2003а: 220–222; 2004б; 2004в.

¹⁰ Думается, крах колониализма не случайно совпал и с началом перехода к нового типа наднациональным образованиям (различным экономическим и политическим союзам), за которыми видится большое будущее. Только на базе такого быстрого роста числа государственных обществ и народов могло закрепиться движение к созданию наднациональных образований.

надгосударственных образований. А это значит, что в них уже налицо некоторые черты, которые вообще не характерны для государства как организации.

Можно говорить, что приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира (см. подробнее: Гринин 1998; 1999б; 2003а: 159–165; 204–206; 234–235). Однако это сложный, не столь быстрый и весьма не прямой путь.

Библиография

- Адо А. В. 1986б.** (Ред.). *Новая история стран Европы и Америки: Первый период*. М.: Высшая школа.
- Балибар Э., Валлерстайн И. 2003.** *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос-Альтера.
- Бергер П. 1994.** *Капиталистическая революция*. М.: Прогресс.
- Берман Г. Дж. 1994.** *Западная традиция права: эпоха формирования*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Бунин И. М., Назарова Н. Б. 1982.** Социально-классовая структура. *Франция* / Ред. Г. Г. Дилигенский, В. И. Кузнецов, с. 187–213. М.: Мысль.
- Волков Л. Б. 1989.** «Диктатура развития» или «квасимодернизация». *Тоталитаризм как исторический феномен* / Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский, с. 85–90. М.: Филос. общ-во СССР.
- Гаджиев К. С. 2003.** Основные тенденции развития стран Европы и Америки в 1900–1945 гг. *Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: в 2 ч. Ч. 1. 1900–1945* / Ред. А. М. Родригес, М. В. Пономарев, с. 9–37. М.: гуманитар. изд. центр ВЛАДОС.
- Геллнер Э. 1991.** *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Геллнер Э. 1997.** От родства к этничности. *Цивилизации*. / Ред. А. О. Чубарьян, Вып. 4, с. 95–102. М.: МАЛП.
- Горохов В. Н. 2001.** Международные отношения в 1871–1898 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 186–227. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гренвилл Дж. 1999.** *История XX века. Люди, события, факты*. М.: Аквариум.
- Григорьева И. В. 2001а.** Введение. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 9–31. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Григорьева И. В. 2001б.** Италия в 1870–1900 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 157–174. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гринин Л. Е. 1997–2001.** *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]
- Гринин Л. Е. 1998.** Проблема стабилизации образа жизни и перспективы развития человечества. *Человек в современных концепциях* / Ред. Н. В. Омельченко, с. 301–304. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Гринин Л. Е. 1999б.** Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник Московского университета*. Сер. 12. *Политические науки* 1: 17–27.

- Гринин Л. Е. 2003а.** *Производительные силы и исторический процесс.* 2-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2004б.** Глобализация и проблемы национального суверенитета. *Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004,* с. 39–47. Бишкек: Дэна.
- Гринин Л. Е. 2004в.** «Люди известности» как феномен информационного общества. *Материалы Третьей Международной конференции «Человек в современных философских концепциях»* (с. 653–657). Волгоград, 14–17 сентября 2004.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ..
- Гринин Л. Е. 2012а.** Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса /* РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, с. 1425–1432.. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Государство и социально-политический кризис в процессе модернизации. *Историческая психология и социология истории* 2: 77–106.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л.Е. 2016.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. URSS.
- Гринин Л. Е. 2016.** Модернизация и социально-политические кризисы. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн /* Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг, с. 233–258. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2017.** Размышления о трансформациях мирового порядка. Часть 2. Мировой порядок в будущем. *Credo New* 2(90).
- Гринин Л. Е. 2018.** Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Эволюция: паттерны эволюции /* Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 260–291. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2018.** США в эпоху Д. Трампа: слабости и перспективы Америки. *Историческая психология и социология истории* 2: 144–169.
- Гринин Л. Е. 2019.** Исламизм как историко-цивилизационный и социально-политический феномен. *Философия и общество* 2: 5–39.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019.** Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4 (в печати).
- Даль Р. 2000.** *О демократии.* М.: Аспект Пресс.
- Дахин В. Н. 1983.** Социально-классовая структура итальянского общества. *Италия /* Ред. Н. П. Васильков, К. Г. Холодковский, с. 207–227. М.: Мысль.
- Делиц П. 1983.** Социальная структура. *Федеративная Республика Германия /* Ред. В. Н. Шенаев, М. Шмидт, Д. Е. Мельников, с. 248–280. М.: Мысль.
- де Токвиль А. 1991.** *Демократия в Америке.* М.: Прогресс.

- Исламов Т. М. 2001.** Австро-Венгерская монархия в 1867–1900 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 133–156. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Кертман Л. Е. 1968.** *География, история и культура Англии.* М.: ВШ.
- Козинг А. 1978.** *Нация в истории и современности.* М.: Прогресс.
- Козлова Н. Н. 1989.** От авторитаризма к тоталитаризму: механизм перехода. *Тоталитаризм как исторический феномен* / Ред. А. А. Кара-Мурза, А. К. Воскресенский, с. 223–228. М.: Филос. общ-во СССР.
- Маршалл Т. Х. 2005.** Природа классового конфликта. *Личность. Культура. Общество* 25: 18–30.
- Мещерякова Н. М. 1986.** Англия (1815–1850). *Новая история стран Европы и Америки. Первый период* / Ред. А. В. Адо, с. 296–308. М.: Высшая школа.
- Миллс Р. 1959.** *Властвующая элита.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Пантин В. И., Малков С. Ю., Гринин Л. Е. 2018.** *Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ.* 2-е изд., доп. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2018.
- Парсонс Т. 1997.** *Система современных обществ.* М.: Аспект Пресс.
- Патрушев А. И. 2001.** Германская империя в 1871–1890 гг. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 63–83. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Песчанский В. В. 1981.** Социально-классовая структура. *Великобритания* / Ред. С. П. Мадзоевский, Е. С. Хесин, с. 213–240. М.: Мысль.
- Повалихина Т. И. 2002.** Экономическое могущество США в послевоенном мире. *Экономическая история зарубежных стран* / Ред. В. И. Голубович, с. 410–442. Минск: Интерпрессервис.
- Пономарев М. В. 2003а.** Великобритания в 1900–1945 гг. *Новейшая история стран Европы и Америки: XX век* / Ред. А. М. Родригес, В. М. Пономарев, ч. 1, с. 168–211. М.: ВЛАДОС.
- Поппер К. 1992.** *Открытое общество и его враги.* М.: Феникс.
- Рамзес В. Б. 1981.** Социально-классовая структура. *Япония* / Ред. Я. А. Певзнер, Д. В. Петров, В. Б. Рамзес, с. 229–271. М.: Мысль.
- Смирнов В. П. 2000.** Франция на исходе XX века. *ННИ* 2: 49–69.
- Соловьев С. А., Евзеров Р. Я. 2001.** Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США. *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870–1918 гг.* / Ред. И. В. Григорьева, с. 267–299. М.: Издательство Московского университета.
- Татаринова К. Н. 1958.** *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО.
- Тойнби А. Дж. 1991.** *Постижение истории.* М.: Прогресс.
- Топеха П. П. 1978.** Япония в период оккупации. *История Японии (1945–1975)* / Ред. В. А. Попов, с. 9–58. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».
- Фишер В. 1999.** *Европа: экономика, общество и государство: 1914–1980 гг.* М.: Владос.
- Хьюбнер К. 2001.** *Нация. От забвения к возрождению.* М.: Канон.

- Черник Д. Г. 1995.** (Ред.). *Налоги*. М.: Финансы и статистика.
- Шлеппер Б. С. 1959.** *Сто лет социальной истории Бельгии*. М.: Ин. лит-ра.
- Элиаде М. 1995.** *Аспекты мифа* / пер. с фр. М.: Инвест ППП.
- Bell D. 1960.** *The End of Ideology: on the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Illinois: The Free Press of Glencoe.
- Bell D. 1979.** *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York, NY: Basic Books.
- Burnhem J. 1941.** *The Managerial Revolution*. New York: Van Rees Press.
- Dahrendorf R. 1976.** Changes in the Class Structure of Industrial Societies. *Innovative Issues and Approaches in Social Sciences* 6(3): 117–203.
- Ezeanya O. C. P. 2018.** Stalemates to Democracy in Nigeria: The Paradoxes of Human Rights and Social Justice. *Social Evolution & History* 17(1): 140–159.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** Revolution and Democracy: Socio-Political Systems in the Context of Modernisation. *Central European Journal of International and Security Studies* 10(3): 118–139.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 3–14. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 327–332. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** The Inflationary and Deflationary Trends in the Global Economy in the Light of the Long Cycles' Theory. *Kondratieff Waves: Spectrum of Opinions* / Ed. by L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd, 2019.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and 'Fragile States': Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Ivanchenko O., Banshchikova A. 2018.** Urbanization and Mutual Help Groups: Contribution to Nation-Building in Tanzania. *Social Evolution & History* 17(1): 34–59.
- Wesolowski W. 1976.** The Notions of Strata and Class in Socialist Society. *Social Inequality* / Ed. by A. Beteille, p. 122–146. Harmondsworth: Penguin Books.

Глава 18. Вождества: вчера и сегодня

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Хотя на первый взгляд проблемы, связанные с анализом вождеств и других альтернативных форм политической организации догосударственной и раннегосударственной эпох, выглядят академическими, на самом деле они могут быть поняты и как весьма практические¹. Дело в том, что при внимательном и творческом подходе можно увидеть очень много сходств в тех древних и в нынешней эпохах. Внимательный глаз увидит, что некоторые характерные черты вождеств и ранних государств вполне проглядываются не только в обществах, еще не полностью разорвавших связь с племенными традициями. Черты вождеств и древних политий можно обнаружить и в чисто современных образованиях, особенно в террористических организациях массового типа. Роль руководителя (вождя) в них, неповторимое сочетание неформальных и формальных форм управления, особые формы структурирования по тем или иным признакам близости к руководителю и т. д. – анализ такого рода структур может быть облегчен, если использовать достижения политантропологических исследований.

Перед сегодняшним миром в какой-то мере стоят те же системные задачи, которые стояли и перед догосударственными обществами: укрупниться и интегрироваться, не потеряв при этом собственного лица и облика. И периоды складывания вождеств и государств, несомненно, позволят лучше понять некоторые сегодняшние процессы. Лучше понимая процессы прошлого, можно яснее разобраться в сегодняшних явлениях и найти способы смягчить негативные процессы ломки национальной культуры, традиций, самосознания, а также поставить современные тенденции на службу интересам отдельных обществ и человечества в целом.

Как мы не раз говорили (Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2017b), появление в свое время концепции вождеств (особая заслуга тут принадлежит Саллинзу и Сервису) дало сильный толчок для политантропологических исследований и существенно прояснило горизонт для множества исследований, которые смогли обнаружить определенные тенденции в казавшемся хаосе политических образований варварских обществ. Однако эта концепция, как и другие, описывающие ранние формы политической организации, представленные в настоящей монографии, способны многое объяснить не только в прошлом. Дело в том, что политическая структура крупных регионов и тем более мира никогда не бывает однородной и представленной только одним классом политиче-

¹ О сложностях применения концепции вождества и сложного вождества (см. об этом Claessen 2017; Earle 2017; Gibson 2011, 2012, 2017; Grinin, Korotayev 2012, 2017; Kradin 2017; Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2012, 2013; апологию концепции вождества см. Carneiro 2010, 2017; дискуссию о полезности концепта см. Carneiro 2010; Pauketat 2010).

ских образований. Так, древние империи (в том числе и такие как Римская или Византийская), наряду с достаточно продвинутыми формами управления в центре, могли иметь весьма архаичные формы управления на окраинах, в которых сочетались черты догосударственных образований, в том числе и вождеств. Современные государства Азии и Африки включают в себя множество социально-политических образований, сохраняющих (а где-то они проявляются в сильно гипертрофированном виде) признаки племенных образований, что является одной из причин появления так называемых недееспособных (несостоявшихся) государств. Для понимания этих современных (но архаичных) структур теории вождества, раннего государства или их аналогов (равно как и иные политантропологические теории) незаменимы. Но помимо формальных и признанных (хотя и сильно различающихся по уровню крепости и развития) политических структур, в десятках стран существуют и неформальные структуры, которые где-то соперничают, а где-то сотрудничают с властями. Еще одним уровнем, где могут помочь указанные теории, являются террористические организации, многие отношения в которых в той или иной степени напоминают отношения в вождествах или иных негосударственных структурах. Наконец, криминальные и мафиозные структуры существуют практически во всех странах мира. Указанные теории также способны несколько прояснить основы их организации.

Вот почему не стоит сосредотачиваться только на академических сторонах проблемы догосударственных и негосударственных политий, а есть смысл показать, как такие вождествоподобные, сетевые и иные сохраняют и развивают черты древних политий в себе. Таким образом, в современном мире, рядом с государствами, находясь в их составе или в оппозиции к ним, существует множество социально-политических организаций, в большей или меньшей степени обладающих чертами, схожими с древними примитивными политиями. Как и почему это возможно? Мы надеемся, в этой главе дать некоторые ответы.

Имеются работы, в которых дана широкая панорама существования вождеств и вождествоподобных образований в различных регионах, не говоря уже о таких организациях, как «Аль-Каида». Мы можем также улучшить терминологию для понимания таких политических группировок в их вариативности и большой сложности, при этом даже и в аспекте междисциплинарности.

Что можно сказать о характеристиках таких современных вождествоподобных образований? Современный глобализирующийся мир расширяет арену действий различных маргинальных, но весьма энергичных и агрессивных структур и организаций, действующих в противовес глобальной цивилизации и установленному порядку, в форме террористических актов, войны без правил или наркоторговли. Иногда они действуют по религиозным знаменам, а иногда – не прикрываются ничем.

Благодаря современным средствам коммуникации эти архаические силы могут сейчас демонстрировать свои силу и значимость, а также свои идеи. Чаще всего эти силы возникают и находят широкую поддержку в регионах, где слабы государственные структуры. Таким образом, как в древние времена распад государств вел к образованию структур так или иначе похожих на вождества, так и сегодня слабое государство порождает вождествоподобные структуры

(см. также главу 20). Большие зоны Ближнего и Среднего востока, где обитают современные племена – наиболее показательная в этом плане зона (см. еще ниже). Однако такие случаи мы можем также найти и в ряде других регионов (см. ниже).

Вождества – вне времени?

Хотя на первый взгляд проблемы, связанные с анализом вождеств и других альтернативных форм политической организации догосударственной и раннегосударственной эпох, могут показаться чисто академическими, но на самом деле могут иметь и практическое значение. В своей работе Патрик Чабал, Гэри М. Фейнман и Питер Скальник (Chabal, Feinman, Skalnik 2017) предоставляют довольно широкий обзор о существовании вождеств и вождествоподобных образований в различных регионах мира. Поскольку обзор был написан некоторое время назад, упоминания о таких организациях, как «Аль-Каида» отсутствуют. Однако этот пробел в значительной мере восполнен в статье Тимоти Эрла (Earle 2017). В данной главе мы бы хотели затронуть актуальные вопросы и сделать некоторые выводы.

При внимательном рассмотрении можно увидеть очень много сходств между древними и нынешними эпохами. Наблюдательный автор отметит, что некоторые характерные черты вождеств и ранних государств можно обнаружить у многих современных государствах (и не только в наименее развитых; см. подробнее: Гринин 2009; Hagesteijn 2008). Таких государств много и сейчас, а проблемы, возникающие в современных вождествах очень сложны и актуальны. Некоторые черты вождеств и других древних политий можно обнаружить и в современных системах, особенно в больших террористических организациях. Достижения политической антропологии могут быть использованы при анализе разных аспектов этих систем, например, роли руководителя (вождя) в них, уникальных сочетаний неформальных и формальных форм управления, особых форм структурирования по тем или иным признакам близости к руководителю и т. д.

По крайней мере, мы можем попробовать разработать язык для понимания подобных политических организаций во всем их разнообразии и многочисленных сложностях, который будет охватывать различные отрасли знаний. Что можно сказать о характеристиках современных вождествоподобных образований? Данный вопрос является предметом бурных споров. Для древних вождеств можно было использовать величину пороговой численности населения (см. Grinin 2004, 2009; Grinin, Korotayev 2009; Carneiro 2012a, 2012b). Однако в современном мире данный критерий представляется нецелесообразным, поскольку демографические пропорции численности населения и ограничения древнего мира давно исчезли. Поэтому за основу необходимо взять организационную и институциональную структуру.

Вождество представляет собой политическую структуру, возглавляемую вождем, чьи права признаются членами вождества на определенных основаниях, вытекающих из его наследственных или личных качеств. Существуют вождества, в которых статус вождя передается по наследству, а также такие, где ста-

тус вождя определяется его личными качествами и заслугами, позволяющими стать главой вождества. Стоит отметить, что государство в свою очередь может быть монархическим или демократическим. Но это разграничение не является абсолютным. В любом случае вождь должен обладать необходимыми личными качествами и навыками, чтобы вождество не распалось. В то время как государства с монархической формой правления могут избежать распада даже при слабых правителях.

Тем не менее, вождество – это значительно более стабильная организационная формация, чем политические группировки. Данная формация может существовать самостоятельно: смерть или исчезновение вождя, как правило, не приводит к исчезновению самого вождества. Таким образом, существует определенная институциональная структура, позволяющая сохранить вождества, даже если эта структура совершенно безнравственна или чрезвычайно жестока. Это довольно цинично выражено в известной формулировке «Мафия бессмертна». Наличие такой структуры делает вождество похожим на государство. Однако, в отличие от государства, для вождеств (и особенно для современных вождествоподобных образований) связь с территорией играет менее важную роль, чем для государства. Можно сказать, что для вождества, прежде всего, важен народ. Члены вождества не являются «невольниками», хотя правители зачастую хотят как можно сильнее ограничить их; архаические вождества часто объединялись по принципу принадлежности к определенному клану или родственной группе. В современных вождествоподобных образованиях это объединение часто достигается путем вербовки (криминальной, религиозной или политической). Государство обычно распространяет суверенитет на народ, проживающий на определенной территории.

Именно поэтому мы считаем, что такая организация, как ‘Аль-Каида’², имеет некоторые черты современного вождествоподобного образования. Она, прежде всего, стремится завоевать новые территории с целью расширения своей деятельности. В то же время, такая организация как ИГИЛ³ по своему типу кажется ближе к раннему государству, поскольку претендует на суверенитет над определенными территориями и подчинение их жителей (вождества и вождествоподобные образования скорее претендуют на власть над определенными людьми)⁴. Хотя, конечно, разграничение здесь не четко установлено, так как мафиозные структуры и другие подобные группировки часто претендуют на установление контроля над определенными территориями. Однако ранние государства (даже централизованные), как показывают различные исследования, были очень непрочными и неоднородными политиями (Tigar 1981; Grinin 2004). Зачастую те вождества, которые признавали суверенитет ранних государств, становились неотъемлемой частью их структуры. Таким образом, в рамках ИГИЛ представляется возможным обнаружить некоторые черты вождествоподобных образований. Но на данный момент данное суждение является гипотетическим, поскольку

² Данная террористическая организация запрещена на территории РФ.

³ Данная террористическая организация запрещена на территории РФ.

⁴ Кроме того, одним из главных источников силы ИГИЛ является его экономическая независимость (Zelin 2014).

ку об организации ИГИЛ мало что известно. Стоит также отметить, что ранние государства, относящиеся к империям (или претендующие на статус империи, что прослеживается в ИГИЛ) весьма часто характеризуются жестоким отношением к завоеванному населению (часто сопровождающимся демонстративной жестокостью). Также недостаточно известно о структуре такой печально известной террористической организации, как «Боко Харам»⁵ в Нигерии. Но по примерным оценкам, она, по всей видимости, довольно своеобразно сочетает в себе черты вождества и раннего государства (черты первого прослеживаются в организации и численности «рабочей силы», которая составляет по некоторым данным от 7 до 10 тысяч человек (Dögtie 2015), черты второго – в идеологии и целях).

В древние времена люди, жившие в вождествах, были практически лишены возможности жить за пределами вождеств. Что удерживает современных людей в зоне влияния вождествоподобных образований? Традиционные общества в большой мере держались на традициях. В современных вождествоподобных образованиях – помимо традиции – значительную роль играют факторы, связанные с удовлетворением базовых потребностей человека в материальных ресурсах, а также идеи самореализации. А когда государственная власть ослаблена, коррумпирована или не заинтересована в улучшении жизни народа, люди вполне могут попасть под влияние различных современных вождествоподобных образований. В современных обществах, даже самых архаичных, никогда не наблюдается безвластие – если государство не способно влиять на народ, то на него влияют другие силы (включая вождествоподобные образования). Здесь мы видим еще одно существенное различие между государством и вождествоподобными образованиями. В государстве можно обнаружить гораздо более заметные формальные методы управления и подходы, тогда как в вождествоподобных образованиях используются методы неформального и личностного характера, схожие с отношениями, существовавшими между королем и его окружением, между феодалом и его вассалами, между старшим и младшим. Неформальные отношения по сравнению с формальными чаще располагают к себе людей, и это еще одна причина исключительной жизнеспособности современных вождествоподобных образований.

Дерлугьян и Эрл отмечают, что «вождествоподобные образования, в которых главным компонентом выступает личная власть, периодически возникают в государствах и коммерческих организациях, политических партиях, мафиозных структурах, среди мятежников и художественных объединениях, а также находят свое отражение в мятежах. Современные государства были образованы за счет включения вождествоподобных образований в качестве внутренних органов власти. Тем не менее такие понятия, как “неопатримониализм”, “политические машины”, “олигархия”, каудилизм и господство лидеров, которыми можно охарактеризовать вождествоподобные образования, не представляют собой какого-то необычного явления. Они относятся к легко адаптируемой стратегии манипулирования в тех областях, где формальный (институциональный) кон-

⁵ Данная террористическая организация запрещена на территории РФ.

троль оказывается нецелесообразным или неподходящим» (Derluquian, Earle 2010: 51).

* * *

Современный глобализирующийся мир все чаще расширяет арену действия различных маргинальных, но очень решительных и агрессивно настроенных структур и организаций, действующих в противовес мировой цивилизации и установленному порядку, что выражается в форме террористических актов, войны без правил или наркоторговли. Иногда они действуют под религиозным знаменем, а временами и вовсе ничем не прикрываясь.

Благодаря современным средствам коммуникации эти архаичные силы могут сейчас демонстрировать свою силу и идеи. Чаще всего эти силы возникают и находят достаточно широкую поддержку в регионах, где государственные структуры слабы. Довольно пристальное внимание отводится уже упомянутой Зоне племен на Ближнем Востоке (где многие племена следует рассматривать как вождества, а не подлинные племена)⁶. Однако подобные примеры мы можем также найти в ряде регионов Латинской Америки, Африки южнее Сахары и в других районах. Таким образом, сохраняется конфликт между сложными государствами, с одной стороны, и архаическими вождествами или вождествоподобными структурами и раннегосударственными структурами – с другой.

Следовательно, глобализация усиливает взаимодействие между современными и архаичными структурами в мире. Непонимание или игнорирование природы таких конфликтов со стороны США и западных стран, часто сопровождаемое грубым и несанкционированным вмешательством в дела других стран и разрушение слабых государственных структур (как в Ливии) ведет к усилению этих противоречий. Это проявляется в террористических актах и жесткой идеологической конфронтации, откату назад в плане уровня жизни части населения, возврату к архаическим формам, а также к различным формам протеста. Мы считаем, что данный аспект имеет первостепенное значение.

Современный мир в некотором смысле стоит перед лицом тех же проблем, что стояли перед догосударственными обществами: как расти и интегрироваться без потери своей самобытности. Следует отметить, что в древние времена и средневековье происходил процесс, который также можно описать современным термином «глобализация», поскольку стремительные темпы трансформаций автономных территорий в огромные империи вполне можно истолковывать как проявления древних и средневековых процессов глобализации. На сегодняшний день мир переживает колоссальные, зачастую радикальные и резкие перемены. Какие перемены являются положительными, а какие отрицательными? Какие изменения стоит поддерживать, а каким следует противостоять? На эти вопросы нет простых ответов, но благодаря историческим аналогиям их можно найти. Понимание прошлого помогает лучше понять современные про-

⁶ О сходствах и различиях между племенами и вождествами см.: Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2017a; см. также: Коротаев 2006; Korotayev 2000, 2003, 2004. Тема сходства и различия современных квази-вождеств и квазиплеменных союзов выходит за рамки данного исследования, однако крайне важно проанализировать ситуации, которые мы наблюдаем сегодня в Ливии, Йемене и других странах, где власть государства заменяется негосударственными политическими связями.

цессы и найти более эффективные способы смягчения негативных тенденций и использовать силы пробуждающихся архаических обществ для их собственного блага и на пользу другим людям.

Библиография

- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса.* М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2012.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы постстарых систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Коротаев А. В. 2006.** *Социальная история Йемена.* М.: КомКнига/URSS.
- Carneiro R. 2010.** Pauketat's Chiefdoms and Other Archaeological Delusions: A Challenge to Social Evolution. *Social Evolution & History* 9(1): 135–165.
- Carneiro R. L. 2012a.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2012b.** Answers to Critiques. *Social Evolution & History* 11(2): 131–190.
- Carneiro R. L. 2017.** The Chiefdoms in Evolutionary Perspective. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 15–62. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G., Skalnik P. 2017.** Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. New York: Eliot Werner Publications.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 109–128. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Derluigiian G., Earle T. 2010.** Strong Chieftaincies Out of Weak States, or Elemental Power Unbound. *Comparative Social Research* 27: 51–76.
- Dörrie P. 2015.** How Big Is Boko Haram? Terror Group Probably has between 7,000 and 10,000 Fighters. *Medium.com* 2.2.2015. URL: <https://medium.com/war-is-boring/how-big-is-boko-haram-fac21c25807>.
- Earle T. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, and A. V. Korotayev. New York: Eliot Werner Publications.
- Gibson, D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson, D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 179–194. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.

- Grinin L. E. 2004.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009.** The Epoch of the Initial Politogenesis. *Social Evolution* 8(1): 52–91.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 3–14. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. New York: Eliot Werner Publications.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and ‘Fragile States’: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Korotayev A. V. 2000.** The Chiefdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st and 2nd Millennia AD) *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason, pp. 242–257. Vladivostok: FEB RAS.
- Korotayev A. 2003.** Penetration of Nomads to the Arabian South and Formation of Tribal Organization among the North-East Yemen Agricultural Population). *Nomadic Pathways in Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, Th. J. Barfield, pp. 114–122. Moscow: Institute for African Studies.
- Korotayev A. 2004.** The Chiefdom: Precursor of the Tribe? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 300–325. Volgograd: Uchitel.
- Pauketat T. R. 2010.** Carneiro’s Long Tirade. *Social Evolution & History* 9(1): 166–171.
- Trapar R. 1981.** The State as Empire. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 409–426. The Hague: Mouton.
- Zelin A. Y. 2014.** Colonial Caliphate: The Ambitions of the ‘Islamic State’. *Jihadology.net* July 8. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/colonial-caliphate-the-ambitions-of-the-islamic-state>.

Глава 19. Экономический рост и дестабилизация современных социально-политических систем и институтов

Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наши эмпирические тесты в общем и целом подтверждают обоснованность гипотезы Олсона – Хантингтона о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Согласно этой гипотезе, вплоть до определенного значения величины средних душевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его относительно высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данных рисков. Таким образом, для более высоких значений душевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная. Вместе с тем, наш анализ показал, что для разных индексов социально-политической дестабилизации данная криволинейная зависимость имеет достаточно разный характер. При этом выяснилось и наличие одного очень важного исключения. Мы показали, что между душевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается не криволинейная, а явно выраженная отрицательная корреляция; при этом особенно сильной оказалась отрицательная корреляция между этим индексом и логарифмом ВВП на душу населения. Как мы выяснили, это обстоятельство делает вышеуказанную криволинейную зависимость применительно к интегральному индексу заметно менее выразительной и вносит очень заметный вклад в формирование ее асимметричности (когда отрицательная корреляция между душевым ВВП и социально-политической нестабильностью среди более богатых стран выглядит заметно более сильной чем положительная корреляция для стран более бедных). Вместе с тем наш анализ показал, что для всех остальных индексов социально-политической дестабилизации мы наблюдаем именно постулируемую гипотезой Олсона – Хантингтона криволинейную перевернутую U-образную зависимость. При этом, скажем, применительно к таким индексам, как политические забастовки, массовые беспорядки, и антиправительственные демонстрации мы имеем дело с асимметрией, прямо противоположной той, что упоминалась выше – с такой асимметрией, когда положительная корреляция между ВВП и нестабильностью для более бедных стран оказывается заметно более сильной, чем отрицательная корреляция для более богатых стран. Особенно сильно эта асимметрия оказывается выраженной для такого важнейшего индекса

социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций.

* * *

К настоящему времени имеется заметное число работ, посвященных изучению влиянию уровня экономического развития стран мира (измеряемого через такие показатели как валовой национальный доход или валовой внутренний продукт на душу населения) на уровень социально-политической дестабилизации. При этом многие работы отталкиваются от вроде бы вполне правдоподобного предположения о том, что чем выше уровень экономического развития того или иного региона, тем меньше вероятность возникновения гражданского конфликта (см., например: Parvin 1973; Weede 1981; MacCulloch 2004; Miguel, Satyanath, Sergenti 2004; MacCulloch, Pezzini 2010; DiGiuseppe, Barry, Frank 2012; Chapman, Reinhardt 2013; Knutsen 2014); подробный анализ этих работ см. в наших предыдущих публикациях: Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017б). С другой стороны, как было показано еще в классических работах М. Олсона (Olson 1963) и С. Хантингтона (Huntington 1968; Хантингтон 2004), между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической дестабилизацией существует не отрицательная корреляция, а криволинейная обратная U-образная зависимость¹: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны ни с самыми низкими, ни с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения².

Уже М. Олсон (Olson 1963) сформулировал достаточно полный список факторов, обуславливающих положительную корреляцию между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социально-политических системах, который мы приведем в крайне удачном, на наш взгляд, пересказе С. Хантингтона:

«Быстрый экономический рост

1) разрушает традиционные общественные группировки (семью, класс, касту) и тем самым увеличивает «численность деклассированных индивидов... которые поэтому оказываются в обстоятельствах, благоприятных для зарождения революционного протеста» (Olson 1963: 532);

2) порождает нуворишей, плохо адаптирующихся к существующему строю и плохо им ассимилируемых, но при этом претендующих на политическое влияние и социальный статус, соизмеримые с их новым экономическим положением;

3) повышает социальную мобильность, что тоже подрывает общественные связи, в частности, способствует ускоренной миграции из сельских районов в города, и тем самым способствует росту отчуждения и политического экстремизма³;

¹ Сам Хантингтон говорил о «колоколообразной» (*bell-shaped*) зависимости (Huntington 1968: 43; Хантингтон 2004: 61).

² См. также, например: Урнов 2008.

³ Отметим, что наши собственные исследования подтвердили значимую роль стремительной урбанизации в генерировании дестабилизации в модернизирующихся обществах (Гринин, Коротаев 2009).

4) повышает число людей, чей уровень жизни снижается, и тем самым может увеличивать разрыв между богатыми и бедными;

5) у некоторой части людей ведет к абсолютному росту доходов, но не относительному, увеличивая этим их неудовлетворенность существующим строем;

6) требует общего ограничения потребления ради повышения капиталовложений, рождая этим общественное недовольство;

7) повышает грамотность, уровень образования, охват средствами массовой информации, что ведет к росту стремлений выше того уровня, на котором возможно их удовлетворение⁴;

8) обостряет региональные и этнические конфликты из-за распределения инвестиций и потребления;

9) расширяет возможности групповой организации и тем самым масштабы требований, предъявляемых группами правительству, до пределов, когда правительство оказывается неспособным их удовлетворять» (Хантингтон 2004: 66–67).

Мы выявили и несколько других факторов, обуславливающих наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах. Ряд этих факторов описан в нашей модели «ловушки на выходе из мальтузианской ловушки» (Коротаев, Гринин и др. 2010, 2011; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2010а, 2010б, 2011а, 2011б, 2011в, 2011г, 2012а; Коротаев 2012; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014), которая вербально может быть описана следующим образом⁵:

1) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки⁶ (которое по определению означает и рост душевого ВВП) практически по определению означает и снижение смертности, а значит, и резкое ускорение темпов роста населения (что уже само по себе может вести к определенному росту социально-политической напряженности).

2) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки сопровождается особенно сильным уменьшением младенческой и детской смертности. Все это ведет к резкому росту пропорции молодежи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности (так называемому «молодежному бугру»).

3) В результате наблюдается резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и ра-

⁴ Отметим, что наши собственные исследования подтвердили значимую роль роста образования в генерировании дестабилизации в модернизирующихся обществах (Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011в; Коротаев и др. 2012; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017б; Korotayev, Zinkina 2011; Grinin, Korotayev 2012).

⁵ Когнитивную схему модели см. ниже на Рис. 1.

⁶ О понятии «мальтузианская ловушка» см., например: Кларк 2012; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев, Малков 2008, 2010; Коротаев, Зинькина 2012а, 2013, 2014; Artzrouni, Komlos 1985; Clark 2007; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann, Prskawetz, Feichtinger 1998; Korotayev, Zinkina 2015).

дикализму, что уже само по себе выступает мощным фактором политической дестабилизации.

4) Быстрый рост общей численности молодежи требует кардинально увеличивать создание новых рабочих мест, что представляет очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы может иметь особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников («горючий материал») для всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений.

5) Выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения. Кроме того, вытеснение избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу и крайне посредственные (а зачастую и просто откровенно неудовлетворительные) жилищные условия.

6) Выход из мальтузианской ловушки в конечном счете достигается прежде всего за счет развития новых секторов и отмирания старых, за счет структурной перестройки, которая не может происходить полностью безболезненно. Во всех случаях старая традиционная квалификация работников утрачивает смысл, и, не имея новой современной квалификации, эти работники вынуждены наниматься на низкоквалифицированную работу (если им ее вообще удастся найти), что, конечно, не может не породить массового недовольства и служит серьезным фактором политической дестабилизации.

7) В города из деревни обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности очень мощное дестабилизирующее воздействие. Особенно быстро растет численность именно молодой наиболее радикально настроенной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/политических центрах.

8) Такая ситуация может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях достаточно стабильного экономического роста. С особо высокой вероятностью политические потрясения наступают, если власть теряет авторитет в результате, скажем, военного поражения или в условиях затяжного экономического кризиса, пришедшего на смену экономическому подъему (впрочем, события Арабской весны показали в очередной раз, что даже это особо не обязательно).

Были выявлены и иные факторы, обуславливающие наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах:

1) рост средних подушевых доходов в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию (Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk, Caldeira, Lewis-Beck 1987; Rueschemeyer, Stephens, Stephens 1992;

Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011), а значит и к определенной дестабилизации этих режимов. А так как в наших базах данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста также в определенной степени объясняет положительную корреляцию между средними доходами на душу населения и интенсивностью социально-политической дестабилизации для слабо- и среднеразвитых стран (Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а).

2) Переходы от последовательной автократии сразу же к консолидированной демократии крайне редки. Как правило, изначально движение в сторону демократии (особенно в экономически слаборазвитых странах) ведет к появлению не консолидированной демократии, а непоследовательно авторитарного или частично демократического – то есть промежуточного – режима. Соответственно, для стран с низкими значениями подушевого ВВП наблюдается достаточно сильная положительная корреляция между уровнем ВВП на душу населения и долей промежуточных режимов. Однако, как было показано уже давно, именно промежуточные политические режимы являются наиболее подверженными социально-политической дестабилизации. Так, еще в 1974 году Т. Р. Гурп (Gurr 1974) обратил внимание на то обстоятельство, что так называемые «полудемократии» являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима. Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих данные сведения о многих странах мира. Результатом подобных исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации. В соответствии с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными являются промежуточные режимы (Gates *et al.* 2000; Goldstone *et al.* 2000, 2010; Goldstone 2014; Mansfield, Snyder 1995; Marshall, Cole 2008; Ulfelder, Lustik 2007; Vreeland 2008). Подтвердили эту закономерность и исследования отечественных ученых (Гринин, Коротаев 2012, 2013, 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Малков и др. 2013; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев и др. 2016; Grinin, Korotayev 2012, 2014; Korotayev *et al.* 2013, 2014; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015). В средних и высоких интервалах подушевого ВВП наблюдается выраженная тенденция к вытеснению промежуточных режимов демократическими, а значит, повышенная доля наиболее политически нестабильных промежуточных режимов характерна для обществ со средними значениями ВВП, что является еще одним существенным фактором, обуславливающим наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации.

Таким образом, вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данного показателя. В результате для более высоких значений подушевого дохода характерна отрица-

тельная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная (Olson 1963; Huntington 1968: 39–50; Хантингтон 2004: 57–67). Проведенные нами ранее эмпирические тесты с использованием данных по ВВП на душу населения подтвердили наличие данной перевернутой U-образной зависимости (Коротаев, Исаяев, Васильев 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017б; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015).

Вместе с тем, как было показано нами ранее (Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017б), общая перевернутая U-образная корреляция между подушевым ВВП и суммарным уровнем социально-политической дестабилизации является достаточно невыразительной. Проведенная нами ранее прямолинейная проверка гипотезы о наличии криволинейной U-образной зависимости между ВВП на душу населения и интегральным уровнем социально-политической дестабилизации CNTS⁷ в общем и целом ее подтвердила, но корреляция оказалась хотя и в предсказанном направлении (то есть перевернутой U-образной), а также статистически значимой, но крайне слабой (см. Рис. 19.1):

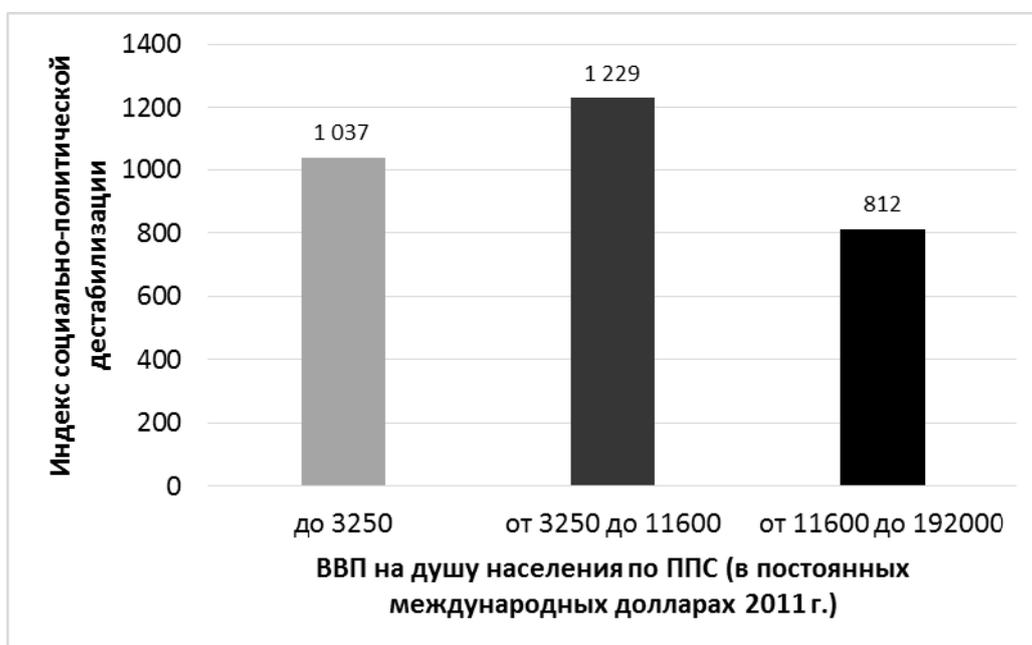

Рис. 19.1. Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации по тертилям ВВП на душу населения в долларах США по ППС за период 1960-2014 гг.⁸

Источник: Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017б.

⁷ Описание материалов и методики расчета данного индекса приводится в приложении к данной статье.

⁸ Примечание: $F = 5,109$, $p = 0,006$.

При этом U-образная зависимость получается достаточно асимметричной: отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации для второго и третьего тертиля заметно более выражена ($t = 2,617$, $p = 0,0045^9$), чем положительная корреляция для первого и второго тертиля ($t = 1,775$, $p = 0,038^{10}$). Близкие результаты дает и ANOVA-анализ. В целом, получилось, что если в наиболее экономически развитых обществах верхнего тертиля средний уровень социально-политической дестабилизации достаточно заметно (на 34 %) и однозначно значимо статистически меньше чем в среднеразвитых обществах срединного тертиля, то в среднеразвитых обществах срединного тертиля средний уровень социально-политической нестабильности оказывается в среднем лишь на 18,5 % выше, чем в наименее экономически развитых обществах нижнего тертиля. И последнее отличие оказывается лишь маргинально значимо статистически.

Так что же получается, что по сути своей Олсон и Хантингтон были неправы, когда они утверждали, что в модернизирующихся обществах экономический рост является мощным дестабилизирующим фактором? Получается, что на самом деле речь идет лишь о крайне слабеньком факторе, находящемся на грани статистической незначимости? Как мы увидим ниже, подобный вывод должен рассматриваться как в высшей степени преждевременный.

Тесты

Дело в том, что в некоторой степени использованный нами ранее интегральный индекс социально-политической дестабилизации CNTS является «средней температурой по больнице», так как разные его составляющие нередко оказываются разнонаправленными и за вялой общей динамикой индекса нередко скрывается очень даже выраженная динамика составляющих.

Начнем с того, что не все составляющие интегрального индекса U-образно коррелируют с подушевым ВВП, а у тех, что демонстрируют такую корреляцию, точка перегиба приходится на разные участки общего спектра подушевого ВВП.

Главным исключением здесь является переменная *domestic7* («Перевороты и попытки переворотов»¹¹), которая демонстрирует явно выраженную отрицательную корреляцию с подушевым ВВП (см. Рис. 19.2):

⁹ Односторонний тест значимости.

¹⁰ Односторонний тест значимости.

¹¹ Отметим, что в самой CNTS данная переменная обозначена как *Revolutions*. Однако при этом дается следующее определение: «Любое нелегальное или насильственное изменение верхушки правящей элиты, любая попытка такого изменения, или любое успешное или неуспешное вооруженное восстание, направленное на достижение независимости от центрального правительства» (Wilson 2017: 13). Нетрудно видеть, что данное определение охватывает не только и не столько собственно революции, сколько перевороты и попытки переворотов, а анализ конкретных событий, включенных в CNTS под этой рубрикой, явно показывает, что, число зафиксированных здесь переворотов и попыток переворотов здесь многократно превосходит число не только собственно революций, но и национально-освободительных восстаний/сепаратистских мятежей. Таким образом, динамика CNTS *domestic7* отражает прежде всего именно динамику переворотов и попыток переворотов.

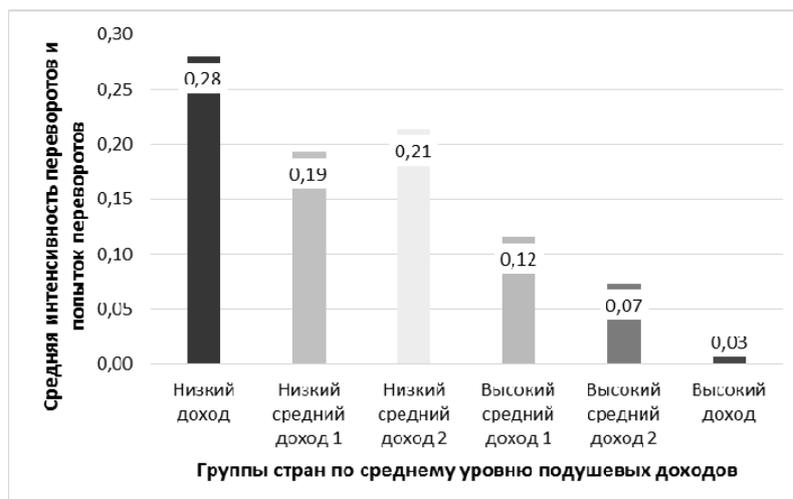

Рис. 19.2. Средняя интенсивность переворотов и попыток переворотов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Как мы видим, для данной переменной наблюдается явно выраженная тенденция к снижению ее интенсивности по мере роста подушевого ВВП. То, что речь здесь идет реально об откровенно сильной отрицательной корреляции становится явно при разбивке всех содержащихся в базе данных случаев не на секстили, а на децили (см. Рис. 19.3):

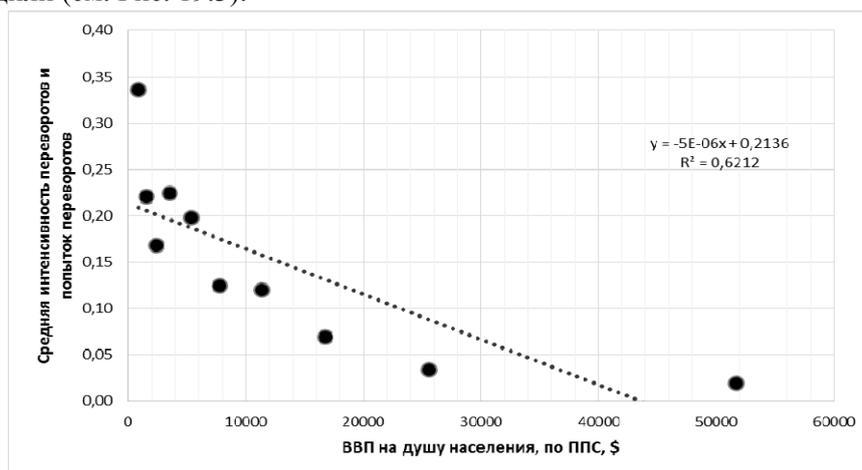
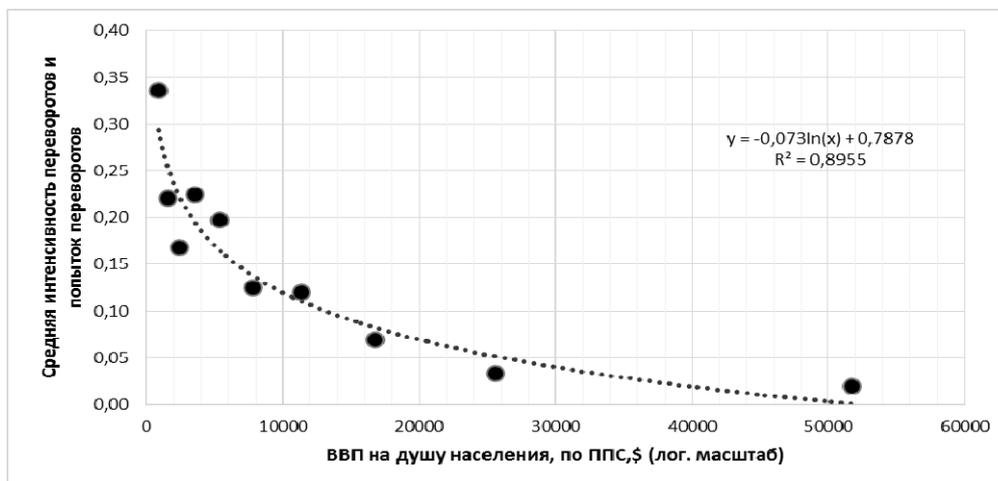

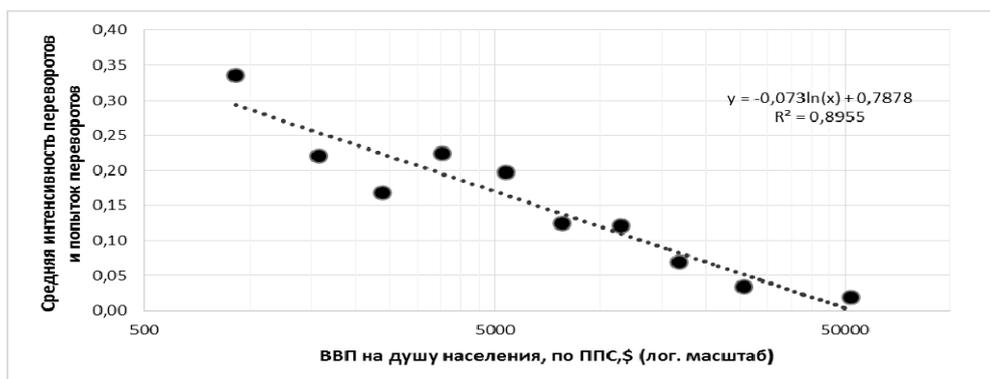
Рис. 19.3. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в долларах США по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)¹²

¹² Примечание: децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1294 долларов; 2-й дециль – от 1294 долларов США до 1932 долларов США; 3-й дециль – от 1932 долларов США до 2890 долларов США; 4-й дециль – от 2890 долларов США до 4324 долларов США; 5-й дециль – от 4324 долларов США до 6471 долларов США; 6-й дециль – от 6471 долларов США до 9337 долларов США; 7-й дециль – от 9337 долларов США до 13758 долларов США; 8-й дециль – от 13758 долларов США до 20479 долларов США; 9-й дециль – от 20479 долларов США до 32275 долларов США; 10-й дециль – более 32275 долларов США.

Как мы видим, между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью государственных переворотов и их попыток наблюдается откровенно сильная линейная отрицательная корреляция. Вместе с тем надо отметить, что линейная регрессия существенно занижает реальную силу отрицательной корреляции в данном случае, так как более внимательный анализ показывает, что интенсивность государственных переворотов реально коррелирует не с натуральным значением подушевого ВВП, а с его логарифмом (см. Рис. 19.4):

(а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

(б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 19.4. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в долларах США по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Мы, конечно, имеем здесь дело с исключительно интересной закономерностью. Действительно, представляется совсем не случайным, что в отличие от практически всех других форм социально-политической дестабилизации интенсивность государственных переворотов проявляет очень выраженную тенденцию к спаду по мере модернизации и экономического роста. Ведь перевороты пред-

ставляют собой исключительно архаическую форму социально-политической дестабилизации, широко засвидетельствованную уже в догосударственных обществах (см., например: Earle 1997), – в отличие от таких ее форм, как, скажем, политические забастовки или антиправительственные демонстрации, только возникающих по сути дела в процессе модернизации. Выявленная нами выше отрицательная корреляция безусловно заслуживает специального изучения, но это, к сожалению, выходит за рамки данной работы. Для нас же здесь существенно то обстоятельство, что данная отрицательная корреляция вносит очень существенный вклад в ослабление U-образного характера зависимости общего индекса социально-политической дестабилизации CNTS от душевого ВВП во многом из-за того, что при разработке методики подсчета интегрального индекса социально-политической дестабилизации создатели CNTS присвоили переворотам и попыткам переворотов максимальный вес – значительно больший, чем у любой другой составляющей дестабилизации. В результате, рассматриваемая нами отрицательная корреляция очень существенно понижает силу положительной корреляции в левой части спектра душевого ВВП и заметно увеличивает силу отрицательной корреляции в его правой части, что во многом и создает эффект явно выраженной асимметричности U-образной зависимости, когда положительная корреляция между душевым ВВП и интегральным индексом социально-политической дестабилизации CNTS для слабо- и средне-развитых обществ оказывается заметно слабее отрицательной корреляции для высокоразвитых обществ. При этом, как мы увидим ниже, для массовой социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» характер асимметрии оказывается прямо противоположным.

Дополнительную лепту здесь вносит такая составляющая интегрального индекса социально-политической дестабилизации, как «репрессии» (*domestic purges*) (см. Рис. 19.5):

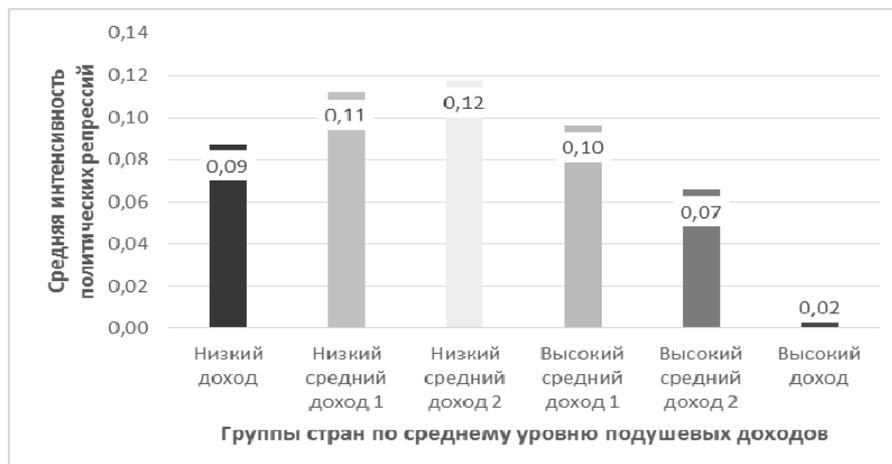

Рис. 5. Средняя интенсивность политических репрессий по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Как мы видим, для этого специфического индикатора социально-политической дестабилизации характерна очень слабая положительная корреляция в ин-

тервале более низких значений подушевого ВВП (вплоть до \$6500, то есть границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами), и довольно сильная отрицательная корреляция для более высоких значений, что, конечно, дополнительно ослабляет общую перевернутую U-образную корреляцию, значительно усиливая ее асимметрию и сдвигая ее в сторону общей отрицательной корреляции.

Однако для других индикаторов социально-политической дестабилизации положительная корреляция в левой части спектра выражена значительно сильнее.

Достаточно сильная положительная корреляция наблюдается для интервала вплоть до границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами (то есть примерно 6500 долларов) для политических убийств¹³ и «партизанских действий»/террористических актов¹⁴ (см. Рис. 19.6 и 19.7):

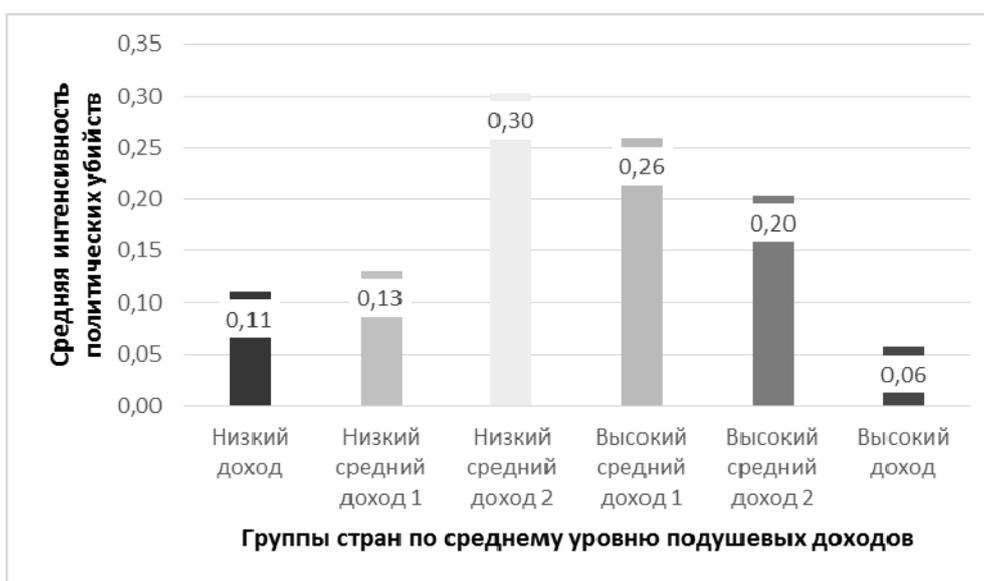

Рис. 19.6. Средняя интенсивность политических убийств по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

При этом, как мы видим, второй (и даже чуть более высокий) пик интенсивности «партизанских действий»/террористических актов приходится на второй интервал «высоких средних доходов» (12–23 тыс. долларов).

¹³ CNTS domestic 1 = *Assassinations*.

¹⁴ CNTS domestic 3 = *Guerrilla Warfare*.

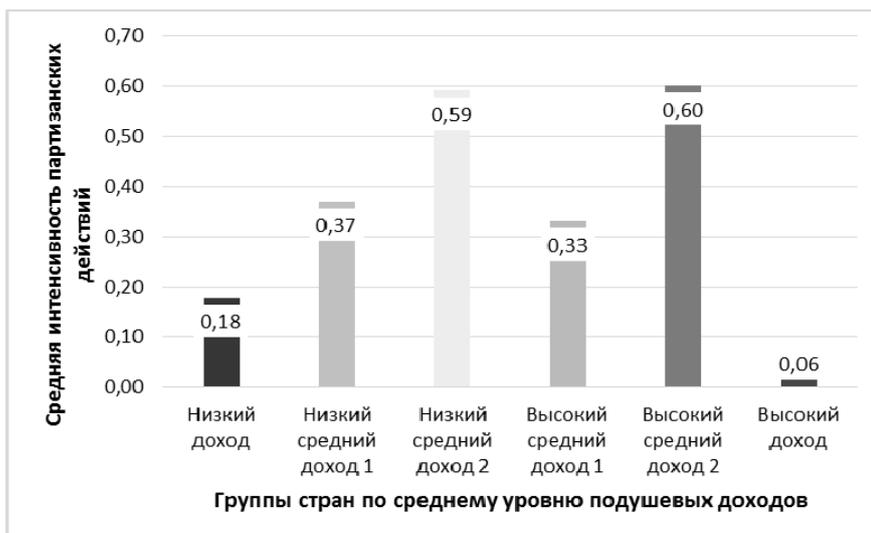

Рис. 19.7. Средняя интенсивность «партизанских действий»/террористических актов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Еще на более широком интервале прослеживается устойчивая положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических забастовок¹⁵ (при этом положительная корреляция в левой части спектра оказывается здесь заметно более выраженной, чем отрицательная в его правой части) (см. Рис. 19.8):

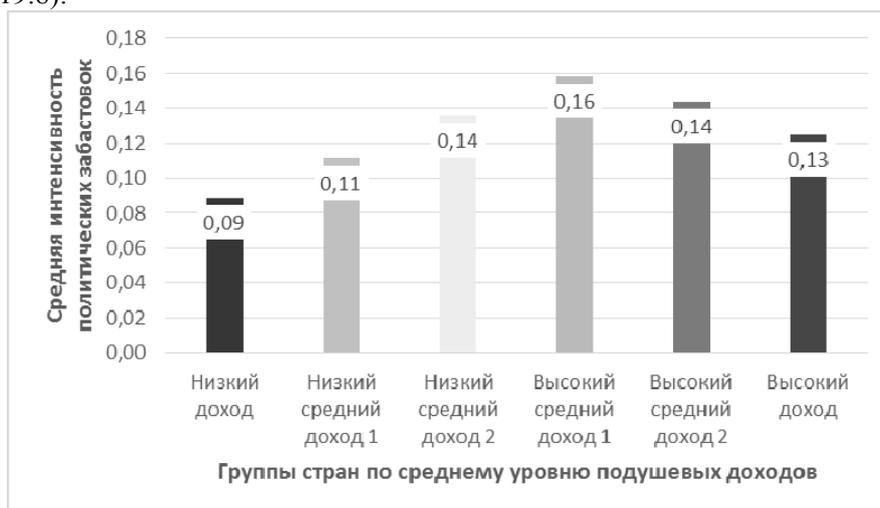

Рис. 19.8. Средняя интенсивность политических забастовок по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Наконец, для правительственных кризисов¹⁶, массовых беспорядков¹⁷ и антиправительственных демонстраций¹⁸ положительная корреляция прослеживается

¹⁵ CNTS domestic 2 = *General Strikes*.

¹⁶ CNTS domestic 4 = *Major Government Crises*.

вплоть до границы между «высокими средними» и «высокими» доходами (около 23 тыс. долларов) (см. Рис. 19.9–19.11):

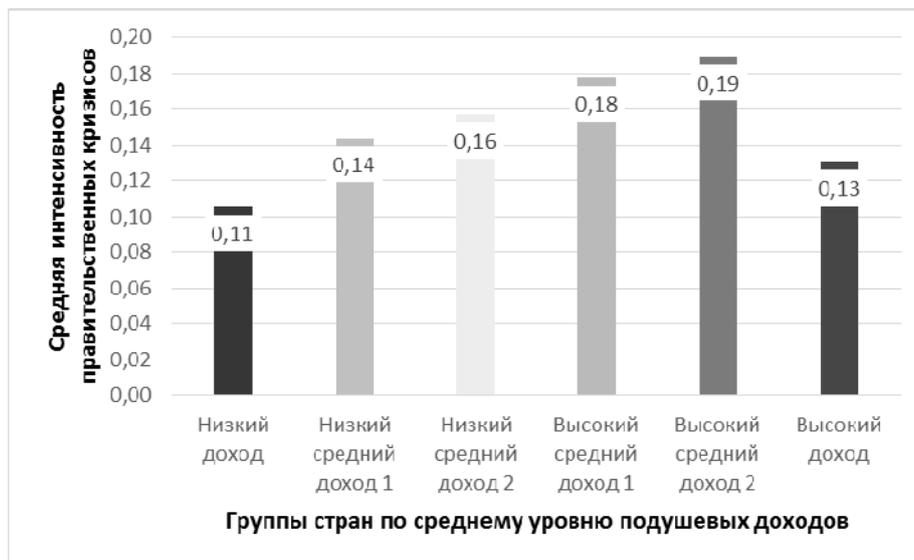

Рис. 19.9. Средняя интенсивность правительственных кризисов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

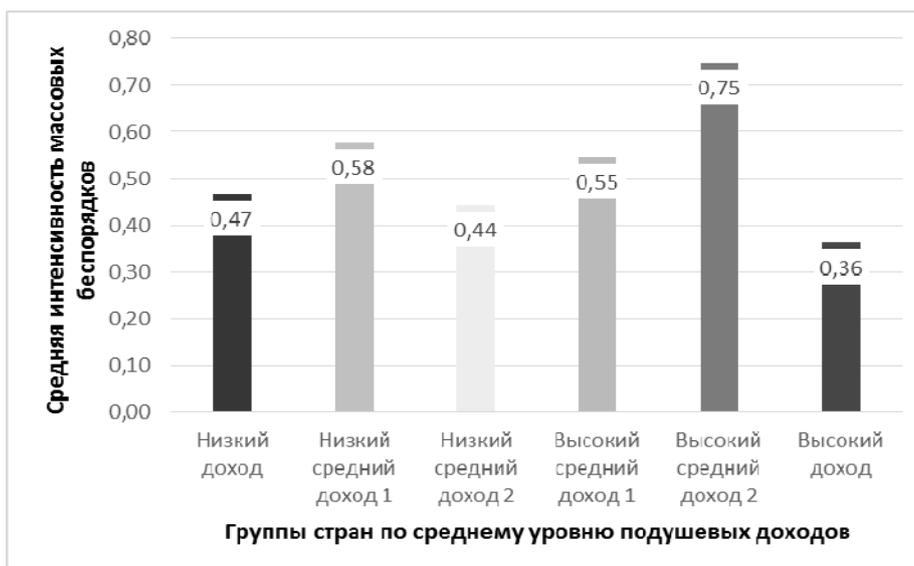

Рис. 19.10. Средняя интенсивность массовых беспорядков по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

¹⁷ CNTS domestic 6 = Riots.

¹⁸ CNTS domestic 8 = Anti-government Demonstrations.

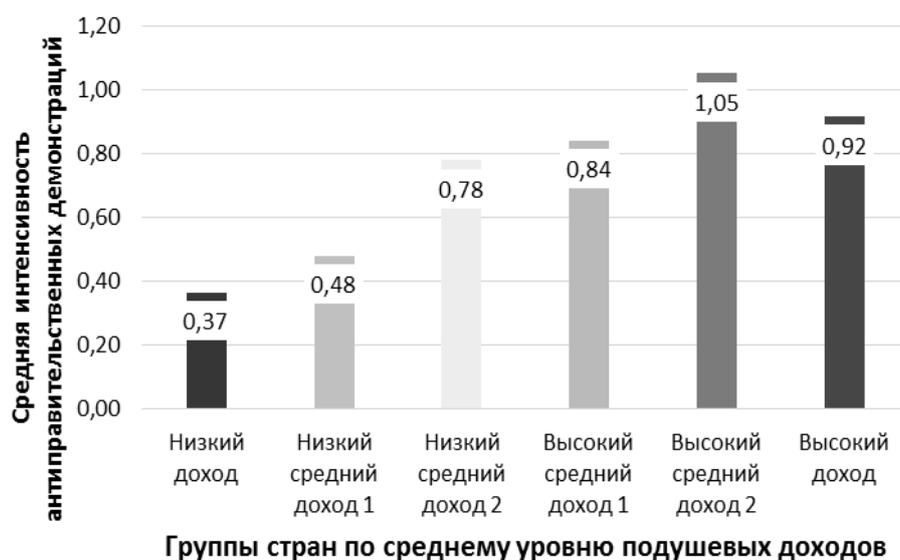
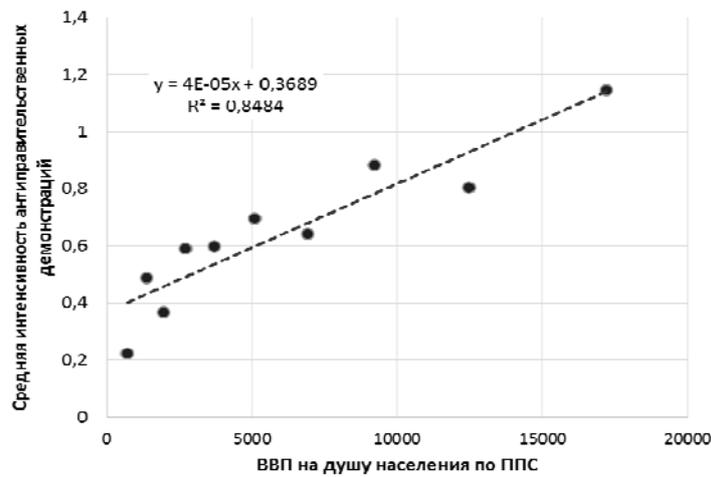

Рис. 19.11. Средняя интенсивность антиправительственных демонстраций по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

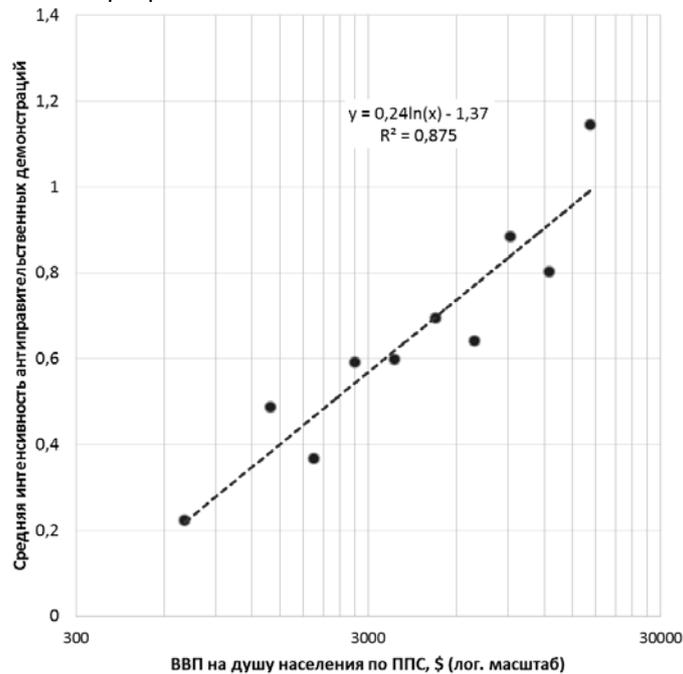
Отметим, что как было показано нами ранее (Коротаев, Билюга, Шишкина, 2016, 2017а, 2017б), в обширной зоне значений ВВП на душу населения (вплоть до 20 тыс. долларов 2014 года по ППС) корреляция между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций является откровенно сильной ($r = 0,921$, $R^2 = 0,848$) и безусловно статистически значимой ($p = 0,0002$) (см. Рис. 19.12а).

При этом, примечательно, что, как и в случае с отрицательной корреляцией с переворотами и попытками переворотов особенно высокой ($r = 0,935$, $R^2 = 0,875$) оказывается положительная корреляция между интенсивностью антиправительственных демонстраций и логарифмом ВВП на душу населения¹⁹ (см. Рис. 19.12а).

¹⁹ Примечательно, что сила положительной корреляции в данном случае оказалась вполне сопоставимой с силой обнаруженной нами выше отрицательной корреляцией применительно к переворотам и попыткам переворотов.

(а) с натуральной шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром линейной регрессии

(б) с натуральной шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром линейной регрессии

Рис. 19.12. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 тыс. долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными контурами (а) линейной и (б) логарифмической регрессии)²⁰

²⁰ Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

При этом в среднем интервале значений подушевого ВВП эта корреляция оказалась реально отсутствовавшей ($R^2 = 0,002$, $p = 0,916$), а в верхнем интервале мы предсказуемым образом имеем дело с отрицательной корреляцией; при этом данная корреляция хотя и значима статистически ($p = 0,037$), но довольно слаба ($R^2 = 0,343$) в особенности в сопоставлении с очень сильной положительной корреляцией в нижнем диапазоне значений подушевого ВВП (Коротаев, Билюга, Шишкина 2017б).

Заключение

Итак, наши эмпирические тесты в общем и целом подтверждают обоснованность гипотезы Олсона – Хантингтона о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данного показателя. Таким образом для более высоких значений подушевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная.

Вместе с тем, наш анализ показал, что для разных индексов социально-политической дестабилизации данная криволинейная зависимость имеет достаточно разный характер. При этом выяснилось и наличие одного очень важного исключения. Мы показали, что между подушевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается не криволинейная, а явно выраженная отрицательная корреляция; при этом особо сильной оказалась отрицательная корреляция между этим индексом и логарифмом ВВП на душу населения. Как мы выяснили, это обстоятельство делает вышеуказанную криволинейную зависимость применительно к интегральному индексу заметно менее выразительной и вносит очень заметный вклад в формирование ее асимметричности (когда отрицательная корреляция между подушевым ВВП и социально-политической нестабильностью среди более богатых стран выглядит заметно более сильной чем положительная корреляция для стран более бедных). Вместе с тем наш анализ показал, что для всех остальных индексов социально-политической дестабилизации мы наблюдаем именно постулируемую гипотезой Олсона – Хантингтона криволинейную перевернутую U-образную зависимость. При этом, скажем, применительно к таким индексам, как политические забастовки, массовые беспорядки, и антиправительственные демонстрации мы имеем дело с асимметрией, прямо противоположной той, что упоминалась выше – с такой асимметрией, когда положительная корреляция между ВВП и нестабильностью для более бедных стран оказывается заметно более сильной, чем отрицательная корреляция для более богатых стран. Особенно сильно эта асимметрия оказывается выраженной для такого важнейшего индекса социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Описание и методология Cross National Time Series (CNTS)

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2015; Wilson, 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных, для более чем 200 стран. База данных содержит годовые значения переменных, начиная с 1815 г. В базе данных исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, по военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations, domestic1*).
2. Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*).
3. Партизанские действия (*Guerrilla Warfare, domestic3*).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*).
5. Политические репрессии (*Purges, domestic5*).
6. Массовые беспорядки (*Riots, domestic6*).
7. «Революции²¹» (*Revolutions, domestic7*).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*).

В этом разделе представлены данные, начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations, domestic1*) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic2*) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Партизанским действиям» (*Guerrilla Warfare, domestic3*) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима.

²¹ В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises*, domestic4) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима – за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges*, domestic5) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots*, domestic6) относятся любые выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К «Революциям» (*Revolutions*, domestic7) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь речь в большинстве случаев идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например, в: Гринин, Исаев, Коротаев 2015), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную в данной статье.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимает участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (domestic9). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. таблицу 1).

Таблица 1. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	domestic1	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	domestic2	20
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	domestic3	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	domestic4	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	domestic5	20

Окончание Табл. 1

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу (1)).

$$domestic9 = \frac{25 domestic1 + 20 domestic2 + 100 domestic3 + 20 domestic4 + 20 domestic5 + 25 domestic6 + 150 domestic7 + 10 domestic8}{8} \cdot 100 \quad (1)$$

Описание и методология расчета независимых факторов

Погодовые значения ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в постоянных долларах 2011 года были использованы согласно базе данных Всемирного Банка (World Bank 2016a).

Для восстановления рядов данных с 1960 по 1990 г. был использован показатель роста ВВП на душу населения (World Bank 2016b). В итоге, для тестирования гипотез были использованы данные с 1960 по 2015 гг.

По значениям ВВП на душу населения по ППС были агрегированы группы стран по категориям доходов (на основе оптимизации методологии Всемирного Банка (World Bank 2016c, 2016d) к рассматриваемому показателю).

На 2016 фискальный год Всемирный банк выделял следующие группы стран по критерию средних уровней доходов на душу населения:

- страны/экономики с низкими доходами (*low-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения до 1045 долларов²²;
- страны/экономики низкого уровня среднего дохода (*lower middle-income economies/countries*) – с 1046 по 4125 долларов валового национального дохода на душу населения;
- страны/экономики высокого уровня среднего дохода (*upper middle-income economies/countries*) – с 4126 по 12735 долларов на душу населения;
- страны/экономики с высокими доходами (*high-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом на душу населения более 12 735 долларов (World Bank 2016d, 2016e).

²² Отметим, что при этом расчет ведется по специальной методике, известной как *Atlas method* (описание этой методики см.: World Bank 2016c).

Однако использование этой широко признанной классификации напрямую в нашем исследовании оказалось связано с двумя следующими проблемами:

1) в отличие от данных по ВВП, в базе данных Всемирного банка оказалось слишком большое количество невосстановимых пропусков для ВНД (в особенности для периода до 1980 г.); в силу этого в нашем случае оказалось более целесообразным взять за основу классификации данные не по подушевому ВНД, а по подушевому ВВП (которые нам удалось восстановить для подавляющего большинства стран на весь период 1960–2015 гг.);

2) деление стран мира по вышеупомянутой классификации Всемирного банка оказывается слишком неравномерным. Действительно, и на страны с высокими доходами, и на страны с низкими доходами, приходится примерно по миллиарду человек (что неплохо соответствует, с одной стороны, популярной в России идее «золотого миллиарда», а с другой – «нижнему миллиарду» (*the bottom billion*) П. Коллиера [Collier 2007]). На страны со средними доходами оказывается приходящимся все остальное население мира – около пяти миллиардов человек! Эта проблема была частично решена Всемирным банком путем разбивки стран со средними доходами на две категории – «страны с низкими средними доходами» и «страны с высокими средними доходами». Но и это решило вышеуказанную проблему лишь частично, ведь на каждую из двух последних категорий приходится больше населения, чем на страны с высокими и низкими доходами вместе взятыми.

Для решения этой проблемы страны (а точнее «страногоды») мира в период 1960–2015 были сгруппированы нами в следующие шесть секстилей по ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в постоянных долларах 2011 года):

Секстиль 1 – до 1 660 долларов.

Секстиль 2 – 1 660–3 280 долларов.

Секстиль 3 – 3 280–6 470 долларов.

Секстиль 4 – 6 470–12 100 долларов.

Секстиль 5 – 12 100–23 600 долларов.

Секстиль 6 – более 23 600 долларов.

При этом на 2014 год корреляция между выделенными нами секстилями и группами стран по доходам согласно классификации Всемирного банка оказалась выглядящей следующим образом (см. Табл. 2):

Таблица 2. Корреляция между двумя классификациями

		Выделяемые Всемирным банком группы стран по подушевому ВНД				Итого
		С низкими доходами	С низкими средними доходами	С высокими средними доходами	С высокими доходами	
Секстили стран по подушевому ВВП	1-й	17	0	0	0	17
	2-й	10	15	0	0	25
	3-й	0	16	5	0	21
	4-й	0	12	17	0	29
	5-й	0	0	26	10	36
	6-й	0	0	3	42	45
Итого		27	43	51	52	173

Как мы видим, между выделяемыми Всемирным банком группами стран по душевому ВНД и выделенными нами шестью секстилями стран по ВВП на душу населения наблюдается очень высокая корреляция (при подсчете ее силы при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена ее уровень достигает 0,924). В целом, все страны первого секстиля оказались принадлежащими к группе стран с низкими доходами по классификации Всемирного банка, большинство стран второго и третьего секстиля – к группе стран с низкими средними доходами, большинство стран четвертого и пятого секстиля – к группе стран с высокими средними доходами, а практически все страны шестого секстиля – к группе стран с высокими доходами.

Это позволило нам присвоить выделенным нам секстилям следующие обозначения, сохраняющие необходимую преемственность с широко принятыми обозначениями Всемирного банка:

- первый секстиль = страны с низкими доходами;
- второй секстиль = первая группа стран с низкими средними доходами;
- третий секстиль = вторая группа стран с низкими средними доходами;
- четвертый секстиль = первая группа стран с высокими средними доходами;
- пятый секстиль = вторая группа стран с высокими средними доходами;
- шестой секстиль = страны с высокими доходами.

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: Издательство ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: УРСС.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014. Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. *Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.
- Кларк, Г. 2012.** *Прощай, нищета. Краткая экономическая история мира.* М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко, с. 1483–1489. М.: РСО.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016.** ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* (в печати).
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования: кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 1 (в печати).
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б.** Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис* 2 (в печати).
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Крассанд/URSS.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010.** Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, с. 159–226. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010а.** К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, с. 65–80. М.: РГГУ.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010б.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп.* Т. 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012а.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенно-*

сти, перспективы / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев, с. 28–40. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012б.** Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-демографического развития Африки южнее Сахары. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 38: 77–79.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2013.** Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня* 4: 28–35.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2014.** О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 243–263. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и математика* 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 28–76. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.

- Урнов М. Ю. 2008. *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект-Пресс.
- Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2017. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 24.05.2016)
- Boix C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Brunk G. G., Caldeira G. A. & Lewis-Beck M. S. 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E. & Lewis-Beck M. S. 1994. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(4): 903–910.
- Chapman T., Reinhardt E. 2013. Global Credit Markets, Political Violence, and Politically Sustainable Risk Premia. *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations* 39(3): 316–342.
- Clark G. A. 2007. *Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collier P. 2007. *The Bottom Billion*. Oxford: Oxford University Press.
- Cutright P. 1963. National Political Development: Social and Economic Correlates *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by W. Polsby Nelson, A. Dentler Robert, Paul A. Smith. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.
- DiGiuseppe M. R., Barry C. M., Frank R. W. 2012. Good for the Money International Finance, State Capacity, and Internal Armed Conflict. *Journal of Peace Research* 49(3): 391–405.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. Democratic transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. 2000. Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800–1998. *Presented at the annual meeting of American Political Science Association*. Washington, D.C.
- Goldstone J. 2014. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Marshall M. G., Lustik M. B., Woodward M., Ulfelder J. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>.

- Goldstone J. 2014.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2014.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *Dialectics of Modernity - Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by Endre Kiss. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisher-house Arostotelész).
- Groves A. 2016.** Discuss and Evaluate the Relationship between Poverty and Terrorism. *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2008/01/04/discuss-and-evaluate-the-relationship-between-poverty-and-terrorism/>.
- Gurr T. R. 1974.** Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science* 68(December): 1482–504.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Jenkins J. C., Wallace M. 1996.** The Generalized Action Potential of Protest Movements: The New Class, Social Trends, and Political Exclusion Explanations. *Sociological Forum* 11(2): 183–207.
- Kiendrebeogo Y., Ianchovichina E. 2016.** *Who Supports Violent Extremism in Developing Countries? Analysis of Attitudes Based on Value Surveys*. Policy Research Working Paper. URL:http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2016/06/02/090224b08438a637/2_0/Rendered/PDF/Who0supports0v0sed0on0value0surveys.pdf.
- Knutsen C. H. 2014.** Income Growth and Revolutions. *Social Science Quarterly* 95(4): 920–937.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Korotayev A. 2009.** Compact Mathematical Models of the World System Development and Their Applicability to the Development of Local Solutions in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 103–116.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.

- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J. 2015.** East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 1–36.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- MacCulloch R. 2004.** The Impact of Income on the Taste for Revolt. *American Journal of Political Science* 48(4): 830–848.
- MacCulloch R., Pezzini S. 2010.** The Role of Freedom, Growth and Religion in the Taste for Revolution. *The Journal of Law & Economics* 53(2): 329–358.
- Mansfield E., Snyder J. 1995.** Democratization and the Danger of War. *International Security* 20(1): 5–38.
- Marshall M. G., Cole B. R. 2008.** *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies*. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association. APSA.
- Miguel E., Satyanath S., Sergenti E. 2004.** Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables Approach. *Journal of Political Economy* 112(4): 725–753.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Parvin M. 1973.** Economic Determinants of Political Unrest: An Econometric Approach. *Journal of Conflict Resolution* 17(2): 271–91.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Ulfelder J., Lustik M. 2007.** Modeling Transitions to and from Democracy. *Democratization* 14(April): 351–387.
- Vreeland J. R. 2008.** The Effect of Political Regime on Civil War. *Journal of Conflict Resolution* 52(3): 401–425.
- Weede E. 1981.** Income Inequality, Average Income, and Domestic Violence. *The Journal of Conflict Resolution* 25(4): 639–654.
- Wilson K. 2017.** *User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Data-banks International.

- World Bank. 2016a.** GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (accessed: 24.05.2016).
- World Bank. 2016b.** GDP per capita Growth (annual %). *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG>.
- World Bank. 2016c.** *World Bank Atlas Method*. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/378832-the-world-bank-atlas-method-detailed-methodology> (проверено: 24.05.2016).
- World Bank. 2016d.** *World Bank Country and Lending Groups*. URL <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (проверено: 23.10.2016).
- World Bank. 2016e.** *Historical Classification by Income in XLS Format*. URL: <http://data.worldbank.org/data/download/site-content/OGHIST.xls>.

Глава 20. Зависимость между длительностью существования государственности, политических институтов и опасностью нестабильности

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Билюга С. Э., Гринин А. Л., Быканова Д. А.

Вводные замечания

Хотя связь между устроенностью государства, его способностью противостоять дестабилизирующим воздействиям, с одной стороны, и возрастом государственности – с другой, кажется очевидной, тем не менее анализу такой связи в литературе уделено явно недостаточно внимания, а в работах, которые так или иначе затрагивают данные вопросы, анализ проводится несистематично, иногда между делом. Собственно, так обстоят дела в теории национально-государственного строительства (Nation Building); данная теория также связана с исследованиями в рамках теории социальной интеграции (Social Integration Theory). Это направление обозначилось в 1950-х гг., испытало подъемы в 1970-х и 1990–2000-х гг. Поскольку национальное строительство не могло игнорировать этнические аспекты, некоторые исследователи отмечали, что «все современные государства построены из древнего этнического материала» (Smith 1986: 147). Соответственно, более зрелому этносу легче создать государство.

В рамках этого и других направлений исследовалось само понятие национального государства. Высказывались идеи о том, что нации есть продукт индустриализации и модернизации и что вместе с формированием нации появляется и стремление иметь свое собственное государство (см., например: Gellner 1983; Геллнер 1991; см. также: Гринин 2010; Grinin 2008; 2011; 2012a). Соответственно, чем дольше опыт национального строительства, тем успешнее будет создание собственного государства. Но прямые выводы в отношении того, как влияет возраст государства на его устойчивость, эти авторы не делали.

В рамках анализа темы о недееспособных государствах, а также об успехах и неудачах США в национально-государственном строительстве некоторые исследователи также косвенно связывали возраст государственности и успешность такого строительства. Здесь можно отметить книгу под редакцией Ф. Фукуямы «Национально-государственное строительство: по ту сторону Афганистана и Ирака» (Fukuyama 2006). Сам Фукуяма пишет, что США имели значительно больший успех в помощи реконструкции разрушенных войной обществ, таких как послевоенные Япония и Германия, чем в строительстве государств «с чистого листа». Естественно, что это не случайно, а связано именно с тем, что государства с большим «стажем» государственности способны к успешному реформированию и перестройке значительно больше, чем новые государства (*Ibid.*). В любом случае национально-государственное строительство занимает много

времени. Отмечая это в своей рецензии на вышеупомянутую книгу под редакцией Фукуямы, Г. Дж. Икенберри (Ikenberry 2006a) также установил важный и сам по себе, и в рамках нашего исследования факт, что успешные случаи спонсированного США национально-государственного строительства, «по всей видимости, связаны с американским военным присутствием в соответствующих странах. Усилия на Кубе продолжались короткое время, менее десятилетия, и в конечном счете закончились провалом. Строительство демократического государства на Филиппинах было успешным, хотя прошло 50 лет, прежде чем США предоставили Филиппинам независимость, а потом еще почти 50 лет, прежде чем США окончательно вывели оттуда свои вооруженные силы» (*Ibid.*: 153; см. также: *Idem* 2006b). Таким образом, представители данного направления приходят к выводу, что для успешного национально-государственного строительства необходим твердый порядок в течение длительного времени.

Стоит также отметить исследование С. Хантингтона, сделанное им еще в 1968 г., Политический порядок в меняющихся обществах (Huntington 1968; Хантингтон 2004). Хотя он также прямо не анализирует зависимость между возрастом государственности и стабильностью, однако недвусмысленно подразумевает это, уже начиная свое исследование следующим утверждением: «Самым важным, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма управления, а степень управляемости. Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где этого всего недостает. И коммунистические тоталитарные государства, и либеральные страны Запада принадлежат к политическим системам высокой эффективности... Во всех этих отношениях (их) политические системы существенно отличаются от систем управления многих модернизирующихся стран Азии, Африки и Латинской Америки... (в которых присутствует) недостаточно эффективная, авторитетная, легитимная государственная власть» (Хантингтон 2004: 21–22). В качестве важного фактора, способствующего появлению эффективной государственной власти, Хантингтон (2004: 21) выделяет сильные, гибкие и прочные социальные институты, признание гражданами легитимности власти и эффективные бюрократии (а также и некоторые другие характеристики), что очевидно требует длительного существования государственности и восприятия жителями своего государства как единственно возможного вида политической организации на соответствующей территории (об этом см. ниже), что также может быть достигнуто только в результате длительности истории государственности.

Тем не менее, несмотря на такого рода косвенные заключения о прямой положительной связи между длительностью существования государства и его прочностью (и обратной отрицательной связи между возрастом государства и силой дестабилизационных процессов), практически нет исследований, в которых данная связь являлась бы главной темой.

И хотя данная тема проработана в научной литературе неожиданно слабо, работы, посвященные исследованию влияния возраста существования государства на некоторые связанные с его стабильностью факторы, все-таки имеются.

Особое внимание уделяется государственному опыту. Так, отмечается, что молодые государства обычно имеют меньшие фискальные возможности, чем государства более старые (Tilly 1992; Collier 2009). Вместе с тем указывается, что с увеличением возраста государства могут увеличиваться и размеры ренты, которую правящий аппарат государства получает с населения, что может вести к некоторому экономическому застою (Olson 1982). К тому же, по мнению некоторых авторов, несмотря на устоявшуюся бюрократическую инфраструктуру, более старые государства склонны быть более автократичными в условиях нестабильности и чрезмерного извлечения налогов (*Idem* 1993).

В процессе проверки связи между временем существования государства и уровнем душевого дохода С. П. Хариш и С. Пэйк обнаружили обратную U-образную зависимость между временем существования государства и ВВП на душу населения (Harish, Paik 2016). В свете наличия сильной корреляции между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью переворотов (Belkin, Schofer 2003; Bouzid 2011; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев и др. 2017: 59–63) это, казалось бы, позволяет предположить возможность наличия перевернутой U-образной зависимости между временем существования государства и интенсивностью переворотов и попыток переворотов¹.

С другой стороны, Ч. Кенни для выявления факторов, влияющих на уровень душевого дохода для стран ОЭСР, использовал в качестве одной из независимых регрессионных переменных возраст независимого существования государства; данная переменная оказалась статистически значимо положительно связанной с душевым доходом (Kenney 1999), что в свете высказанных выше соображений заставляет ожидать существование статистически значимой отрицательной корреляции между возрастом существования государства и как минимум интенсивностью государственных переворотов.

Как легко заметить, проведенные исследования совершенно недостаточны и к тому же противоречивы, что заставляет считать целесообразным проведение специального количественного исследования общего соотношения между возрастом государства и характерным для него уровнем социально-политической нестабильности.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически стабилизирующего влияния возраста государственности в качестве независимой переменной нами был рассчитан показатель времени существования государства.

За основу расчета была взята дата обретения независимости для каждого государства (см. Приложение) по историческому словарю “A Dictionary of World History” (3rd ed.), опубликованному издательством Оксфордского университета в 2015 г. Также для уточнения датировок привлекались «Советская историческая энциклопедия» (в 16 т., 1961–1976), справочники «Страны мира» за разные годы (см., например: Страны... 1986; 2005; 2017 и др.).

¹ Отметим сразу, что наши тесты эту гипотезу не подтвердили.

В качестве зависимой переменной был взят интегральный индекс социально-политической дестабилизации CNTS (база данных Cross National Time Series [Banks, Wilson 2017], переменная *domestic9*)².

В качестве основного метода нами был использован подецильный корреляционный анализ, так как простая параметрическая линейная регрессия в данном случае значительно занижает реальную силу зависимости. Дело в том, что простая параметрическая линейная МНК-регрессия исходит из допущения о нормальном распределении зависимой переменной (см., например: Hilbe 2011). Между тем для переменных, описывающих интенсивность социально-политической дестабилизации, характерно распределение, вызывающее отличное от нормального, с диспропорционально большим количеством нулевых значений. Поэтому в данном случае имеет смысл использовать для анализа агрегированные значения соответствующего показателя за соответствующие годы по децилям – среднее по всем странам-годам дециля значение агрегированного индекса социально-политической дестабилизации CNTS, что позволяет нормализовать распределение. Для нормализации распределения по возрасту государства нами использовался логарифм этого возраста.

Тест

Подецильный корреляционный анализ зависимости между логарифмом возраста государственности и агрегированным показателем социально-политической дестабилизации CNTS за период 1919–2015 гг. дает следующие результаты (см. Рис. 20.1).

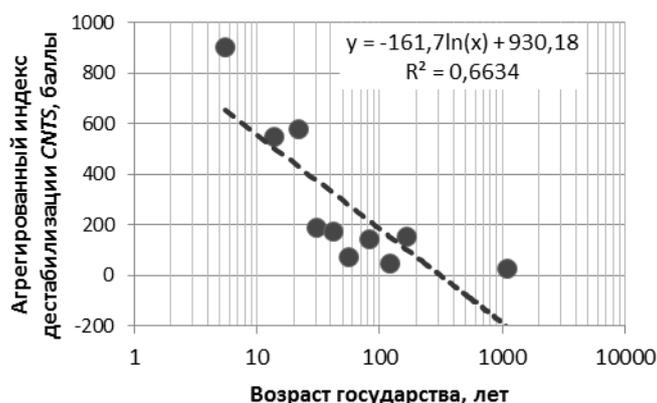

Рис. 20.1. Корреляция между логарифмом возраста государственности и средним значением агрегированного индекса социально-политической дестабилизации CNTS, нормализованного на миллион человек, на соответствующий год, 1919–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром логарифмической регрессии)³

Источники: Banks, Wilson 2017; A Dictionary... 2017.

Примечание. $R^2 = 0,66$, $r = 0,814$, $p = 0,004$.

² Описание и методологию Cross National Time Series (CNTS) см.: Хохлова и др. 2017: 37–82.

³ Децили по возрасту государственности включают следующие значения: 1-й дециль – до 9 лет; 2-й дециль – от 9 до 17 лет; 3-й дециль – от 17 до 25 лет; 4-й дециль – от 25 до 35 лет; 5-й дециль – от 35 до 47 лет; 6-й дециль – от 47 до 64 лет; 7-й дециль – от 64 до 99 лет; 8-й дециль – от 99 до 140 лет; 9-й дециль – от 140 до 205 лет; 10-й дециль – более 205 лет.

Как мы видим, наиболее высокое среднее значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS (более 900) характерно для 10 % самых молодых государств (то есть государств первого дециля, возраст существования менее 9 лет). Уже для государств второго и третьего децилей (возраст существования 9–25 лет) среднее значение индекса дестабилизации в среднем на треть с лишним меньше. Среднее же значение индекса социально-политической дестабилизации для государств четвертого дециля (25–35 лет) меньше, чем для самых молодых государств первого дециля, почти в 5 раз. Особо же низкие значения индекса социально-политической дестабилизации наблюдаются для самых старых государств (с возрастом существования более 200 лет) – среднее значение индекса нестабильности для них меньше, чем для самых молодых государств, более чем в 30 раз!

В целом при подецильном анализе корреляция между логарифмом возраста государственности и средним значением агрегированного индекса социально-политической дестабилизации оказывается сильной ($r = 0,81$) и безусловно статистически значимой ($p = 0,004$). В целом же логарифм возраста государственности объясняет порядка 66 % дисперсии агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям.

Отметим, что выраженным отклонением является девятый дециль стран с возрастом от 140 лет до 205 лет, среди которых мы наблюдаем заметно более высокий средний уровень интенсивности социально-политической дестабилизации, чем можно было бы ожидать, исходя из регрессионного уравнения. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что очень высокую долю в этой группе стран составляют государства Латинской Америки. А как известно, государственность в этих странах складывалась с рядом трудностей из-за отсутствия сложившихся наций и повсеместного распространения испанского языка, что делало границы между странами достаточно условными. Отметим, что в период колониализма Испании границы между будущими странами не устанавливались как государственные. А после войны за независимость они очень часто менялись в результате непрекращающихся войн. Кроме того, государственность в этих странах долгое время (вплоть до настоящего) складывалась с непропорционально высокой ролью военных слоев, что приводило к постоянным военным переворотам⁴. Развитию государственности также препятствовала слабая интеграция наций в странах этого континента с учетом пестрого расового и этнического состава населения, антагонизма между высшими креольскими слоями и большинством индейского населения; другой важной особенностью стал перманентный конфликт между пытавшимися установить демократический строй и военными, постоянно совершавшими перевороты. В отличие от стран Европы и Азии, где государственность сложилась на основе прочной легитимности монархического строя и признанности правящих династий, в Латинской Америке легитимизация

⁴ Так, за два десятилетия, прошедшие с окончания Второй мировой войны, успешные перевороты произошли в 17 из 20 латиноамериканских стран (конституционный строй сохранялся только в Мексике, Чили и Уругвае) (Хантингтон 2004: 23).

государственного строя проходила слабо, результатом чего стали разгул беззакония, коррупции и прерывание традиций. Таким образом, несмотря на формально достаточно длительную историю государственности в странах Латинской Америки, фактически государственность там в современном смысле слова сложилась относительно недавно.

Обсуждение

В целом полученный результат неплохо коррелирует с некоторыми результатами наших предыдущих исследований. В своих работах (см.: Гринин 2009, 2010, 2013а, 2013б, 2015а, 2015б; Grinin 2012b, 2013; Гринин, Коротаев 2016: гл. 2, 3) мы уже неоднократно касались важного обстоятельства, что для создания более или менее прочного государства необходим длительный опыт государственности и государственного строительства.

Мы рассматривали это в нескольких аспектах, используя различные общества в качестве примеров.

Во-первых, мы исследовали типологию государственности, придя к выводу, что наиболее прочная государственность представляет так называемое зрелое государство, соответствующее периоду индустриализации и модернизации (Гринин 2010). Однако молодые государства, тем более без истории государственности и населенные незрелыми этническими образованиями (это коррелирует с тем, что называется *трайбализмом*), не могут сразу создать такой тип государственности. Во многих отношениях эта государственность еще напоминает самый архаичный тип – раннее государство (см.: Он же 2011; Grinin 2008).

Соответственно, не все из этих государств обладают суверенитетом в общепризнанном плане. При этом существует целый ряд теорий, в которых различается «качество» суверенитета разных по уровню и степени самостоятельности стран, например, так называемых квазигосударств (Jackson 1990), слабых (*fragile states*, см.: Hagesteijn 2008), недееспособных (*failed states*, см.: Rotberg 2004), «дефектных», «неполных» государств и т. д. Мы показывали, что *failed states* – это либо страны молодой государственности, не имевшие традиций государственности, либо те, в которых она имела спорадически или не проникала глубоко в жизнь, образуя более или менее непрочную надстройку, а основная часть населения управлялась иными (негосударственными) формами. Таков, например, Афганистан. Можно согласиться с Р. Хагештейн (Hagesteijn 2008), что имеет смысл делать сравнения между *fragile states* и ранним государством, которое обычно есть только надстройка над обществом (см. подробнее: Grinin 2003, 2011, 2012а). Там, где традиции государственности сильнее, больше шансов преодолеть тяжелый кризис (такowymi оказались Эфиопия, Кампучия, Лаос). Также при анализе тех или иных обществ, сталкиваясь с их достаточной успешностью наряду с неудачами у соседей в плане прочности режима, нередко можно обнаружить, что эта прочность не случайна, а связана с более устойчивыми традициями государственности, чем у соседей. Возьмем, например, Марокко, которому удалось пройти период Арабской весны без потрясений. Можно выяс-

нить, что, во-первых, этому способствовал режим конституционной монархии, так как в Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой марокканских мусульман, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. А во-вторых, государственность в Марокко имеет более глубокие корни, чем, скажем, в Тунисе или Алжире, да и в целом традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными скрепами, удерживающими общество от дестабилизации (Ланда, Саватеев 2015: 162).

Проблемы молодых государств нередко связаны с недостаточной «пригнанностью» между обществом и государством. Это особенно характерно для молодых, недавно образовавшихся государств в районах, где и в целом государственность не была развита (например, в Африке южнее Сахары), в которых население мыслит себя в ином социальном пространстве (деревни, племени, небольшой этнической группы и т. п.). Мы пришли к выводу, что потребность в государственности (причем в определенной форме политического режима) должна стать имманентной общественному сознанию, являться частью ментальности, культуры и даже быта населения, что требует столетий государственных традиций (кстати, в Латинской Америке значительная часть населения, особенно индейского, длительное время не ощущала такой потребности). Границы должны превратиться, по выражению Ф. Ратцеля, в периферийные органы государства, а не оставаться искусственным рубежом, разделяющим территорию, населенную родственными племенами. В противном случае неизбежны неустойчивость, распад, перманентная кризисность. В этом плане нельзя не обратить внимание на то, что большинство ныне существующих стран (а в Тропической Африке – абсолютное большинство) имеют очень короткую – в пределах всего нескольких десятилетий – историю своей национальной независимости и соответственно суверенности. А установление прочной государственности, как известно, требует столетий, традиций и менталитета государственности.

Неудивительно, что в рейтингах недееспособности государств мира африканские страны стабильно занимают первые места (Fragile... 2015) (Рис. 20.2). Условия для системного кризиса могут сложиться, когда уровень техники и технологии (особенно военной) намного превышает уровень государственности. Это еще одна из причин формирования слабых или недееспособных государств.

Рис. 20.2. Карта недееспособных государств (failed states)

Источник: Fragile... 2015.

Примечание. Темным цветом закрашены недееспособные государства.

Во-вторых, мы рассматривали этот вопрос в связи с некоторыми типами кризисов в государствах (Гринин 2013а, 2013б; Grinin 2012b). В частности, нами было установлено, что кризисы в государстве связаны с ускоренным развитием в разных сферах в результате модернизации (Гринин 2013а; 2013б; Grinin 2013; см. также: Хантингтон 2004 и др.). На связь революций и модернизации указывал целый ряд исследователей (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Стародубровская, Мау 2004; Голдстоун 2015).

Учет этого аспекта важен уже потому, что в качестве рекомендаций для государственного строительства формулируется необходимость economic reconstruction and development (см., например: Dobbins *et al.* 2007), то есть фактически быстрого экономического развития (иначе экономику не реконструируешь и не разовьешь). В целом это совершенно правильно. Создать современное государство без современной экономики невозможно. Однако нельзя игнорировать то, что именно перед быстроразвивающимися обществами возникает опасность попасть в ловушку быстрой трансформации. Нельзя забывать, что в мире еще очень много государств, которые находятся в процессе модернизации или только приступают к ней. Следовательно, в процессе государственного строительства особое внимание должно быть уделено предотвращению таких диспропорций в социально-политической системе, которые способны ее взорвать, а значит, возникает необходимость поиска внутреннего консенсуса при сохранении вектора развития.

В-третьих, нами были исследованы в разной степени подробности связи между отсутствием (недостатком) традиций государственности и кризисами, в частности, на Ближнем Востоке (в Йемене, Ливии, Сирии [Гринин и др. 2016; Гринин, Коротаев 2016]), в некоторых других странах (Гринин и др. 2015),

а также на Украине (Гринин 2014, 2015а, 2015б). Что касается Украины, то очевидно, что для складывания государственности требуется время, двадцати лет самостоятельности для этого явно мало. Элите и нации нужны опыт, ясное осознание, что надо жить вместе, либо убеждение, что лучше разойтись. Наше исследование показало (Там же), что многие на первый взгляд странные, труднообъяснимые и откровенно негативные особенности внешней и внутренней политики современной независимой Украины в значительной степени обусловлены геополитическими и историческими особенностями формирования государства, менталитета и сложившимися традициями социально-политической психологии (Барабаш 2012). Очевидно также, что многие отрицательно воздействующие на стабильность государства геополитические и иные факторы прошлого несколько не потеряли своего значения сегодня. Их современное влияние важно для объяснения событий на Украине и прогнозирования.

При этом необходимо отметить, что, с одной стороны, украинское население, находясь в течение 250 лет под управлением России (и Австрии), приобрело устойчивые навыки жизни в рамках устроенного государства и выработало менталитет подчинения государственной дисциплине, а также сформировало многочисленные кадры чиновничества. Это определяет фундаментальные отличия украинской нации от множества молодых государств (и некоторых бывших территорий СССР, таких как Чечня, а также от молодых африканских и некоторых ближневосточных государств), население которых не имело ни опыта жизни в зрелом государстве, ни устойчивого понимания условий этой жизни. Однако, с другой стороны, Украина не имела сколько-нибудь длительного опыта самостоятельной государственности, что серьезно сказывается на поведении элиты (которая предпочитает опираться не на собственные силы, а на иностранные государства), особенно в отсутствие ясного внутри- и внешнеполитического курса.

В-четвертых, нельзя не обратить внимание на связь исследуемого вопроса с проблемами неустойчивости молодых демократических режимов (о слабостях молодых демократий см.: Арон 1993; Гринин, Коротаев 2014; Гринин и др. 2016; Коротаев, Слинько, Билюга 2016; Коротаев и др. 2016, 2017: 156–184; Slinko *et al.* 2017). Переход к демократии от монархии, автократии или другого режима всегда чреват серьезными социально-политическими потрясениями (см.: Арон 1993). Однако если переход к демократии осуществляется одновременно с созданием нового государства (как это было на Украине и во многих бывших колониях, а до этого в странах Латинской Америки), то риски неустойчивости удваиваются. Тем более что, говоря объективно, современный стандарт государственного режима (а именно демократического, со всеми свободами и всеобщим голосованием) фактически превышает достигнутый уровень экономического развития многих модернизирующихся стран. Стоит вспомнить, что западная демократия преодолела довольно длительный путь ограниченной демократии с жесткими избирательными цензами, пока не пришла (уже после процесса экономической модернизации и в основном по завершении демографического перехода) к режиму полной демократии. Но и при такой ситуации многие страны не избежали революций.

Заключение

Проведенный нами количественный анализ показал наличие достаточно сильной и статистически значимой корреляции между возрастом государства и уровнем социально-политической дестабилизации. Особенно высокий уровень социально-политической нестабильности характерен для совсем молодых государств с возрастом существования менее 9 лет. Уже переход в следующий интервал (9–25 лет) приводит к заметному уменьшению среднего уровня социально-политической нестабильности. Особенно заметное увеличение уровня стабильности государств происходит при переходе в интервал 25–35 лет. В целом же средний уровень социально-политической нестабильности для самых старых государств (с возрастом существования более 200 лет) оказывается в 30 с лишним раз меньше, чем для самых молодых государств (с возрастом существования менее 9 лет).

В заключение отметим, что, конечно же, возраст существования государства является очень специфическим модифицируемым параметром. Практически по определению его нельзя быстро увеличить. Для того чтобы государство вышло в относительно стабильную зону «более 200 лет», нужно именно более 200 лет. А вот уменьшить его можно очень быстро – для этого достаточно организовать успешное отделение территории от старого государства и создать на ней государство новое.

Таким образом, проведенный анализ показывает мощный потенциал социально-политической дестабилизации, заложенный в любого рода сепаратизме/борьбе за независимость. Если даже борьба за независимость ведется под совершенно справедливыми лозунгами, она все равно связана с мощными долгосрочными рисками социально-политической дестабилизации уже потому, что создание любого нового государства очень значительно повышает риски социально-политической дестабилизации на соответствующей территории на долгие годы вперед.

Приложение

База данных по возрасту государственности

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Австралия	1901	Независимость от Великобритании	Australia. A Dictionary... 2015
Австрия	1918	Первая республика	Austria. A Dictionary... 2015
Азербайджан	1991	Независимость от СССР	Azerbaijan. A Dictionary... 2015
Албания	1913	Независимость от Османской империи	Albania. A Dictionary... 2015
Алжир	1962	Независимость от Франции	Algeria. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Ангола	1975	Независимость от Португалии	Angola. A Dictionary... 2015
Андорра	803	Независимость от Арагонской короны	Andorra. A Dictionary... 2015
Антигуа и Барбуда	1981	Независимость от Великобритании	Antigua and Barbuda. A Dictionary... 2015
Аргентина	1816	Декларированная независимость от Испании	Argentina. A Dictionary... 2015
Армения	1990	Независимость от СССР	Armenia. A Dictionary... 2015
Аруба	1996	Автономия от Нидерландов	Aruba. A Dictionary... 2016
Афганистан	1919	Независимость от Великобритании	Afghanistan. A Dictionary... 2015
Багамские острова	1973	Независимость от Великобритании	Bahamas. A Dictionary... 2015
Бангладеш	1971	Независимость от Пакистана	Bangladesh. A Dictionary... 2015
Барбадос	1966	Независимость от Великобритании	Barbados. A Dictionary... 2015
Бахрейн	1971	Независимость от Великобритании	Bahrain. A Dictionary... 2015
Беларусь	1991	Независимость от СССР	Belarus. A Dictionary... 2015
Белиз	1981	Независимость от Великобритании	Belize. A Dictionary... 2015
Бельгия	1839	Признанная независимость от Нидерландов	Belgium. A Dictionary... 2015
Бенин	1960	Независимость от Франции	Benin. A Dictionary... 2015
Болгария	1908	Независимость от Османской империи	Bulgaria. A Dictionary... 2015
Боливия	1824	Признанная независимость от Испании	Bolivia, Plurinational State of. A Dictionary... 2015
Босния	1992	Независимость от Югославии	Bosnia and Herzegovina. A Dictionary... 2015
Ботсвана	1966	Независимость от Великобритании	Botswana. A Dictionary... 2015
Бразилия	1822	Признанная независимость от Португалии	Brazil. A Dictionary... 2015
Бруней-Даруссалам	1984	Независимость от Великобритании	Brunei Darussalam. A Dictionary... 2015
Буркина-Фасо	1960	Независимость от Франции	Burkina Faso. A Dictionary... 2015
Бурунди	1962	Независимость от Бельгии	Burundi. A Dictionary... 2015
Бутан	1907	Монархия под династией Вангчук	Bhutan. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Вануату	1980	Независимость от Франции и Великобритании	Vanuatu. A Dictionary... 2015
Ватикан	1929	Первое употребление в литературе	Holy See (Vatican City State). A Dictionary... 2015
Великобритания	1921	Создание государства	United Kingdom. A Dictionary... 2015
Венгрия	1867	Появление Венгерского княжества	Hungary. A Dictionary... 2015
Венда	1979	Номинальное независимое государство	Venda. A Dictionary... 2015
Венесуэла	1830	Признанная независимость от Колумбии	Venezuela, Bolivarian Republic of. A Dictionary... 2015
Восточный Тимор	2002	Восстановление независимости	Timor-Leste. A Dictionary... 2015
Вьетнам	1954	Женевские соглашения	Viet Nam. A Dictionary... 2015
Габон	1960	Независимость от Франции	Gabon. A Dictionary... 2015
Гаити	1820	Признанная независимость от Франции	Haiti. A Dictionary... 2015
Гайана	1966	Независимость от Великобритании	Guyana. A Dictionary... 2015
Гамбия	1965	Независимость от Великобритании	Gambia. A Dictionary... 2015
Гана	1957	Объявленная независимость от Великобритании	Ghana. A Dictionary... 2015
Гватемала	1821	Объявленная независимость от Испании	Guatemala. A Dictionary... 2015
Гвинея	1958	Независимость от Франции	Guinea. A Dictionary... 2015
Гвинея-Бисау	1974	Признанная независимость от Португалии	Guinea-Bissau. A Dictionary... 2015
Германия	1867	Объединение Германии	Germany. A Dictionary... 2015
Германская Демократическая Республика	1949	Разделение Германии	German Democratic Republic. A Dictionary... 2015
Гондурас	1838	Независимость от Первой Мексиканской империи	Honduras. A Dictionary... 2015
Гренада	1974	Независимость от Великобритании	Grenada. A Dictionary... 2015
Греция	1833	Признанная независимость от Османской империи	Greece. A Dictionary... 2015
Грузия	1991	Признанная независимость от СССР	Georgia. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Дания	1320	Объединение	Denmark. A Dictionary... 2015
Джибути	1977	Независимость от Франции	Djibouti. A Dictionary... 2015
Доминика	1978	Независимость от Великобритании	Dominica. A Dictionary... 2015
Доминиканская Республика	1924	Независимость от США	Dominican Republic. A Dictionary... 2015
Демократическая Республика Конго	1960	Независимость от Бельгии	Congo, the Democratic Republic of the. A Dictionary... 2015
Египет	1922	Независимость от Великобритании	Egypt. A Dictionary... 2015
Замбия	1964	Признанная независимость от Великобритании	Zambia. A Dictionary... 2015
Зимбабве	1980	Признанная независимость от Великобритании	Zimbabwe. A Dictionary... 2015
Израиль	1948	Признанная независимость	Israel. A Dictionary... 2015
Индия	1947	Независимость от Великобритании	India. A Dictionary... 2015
Индонезия	1945	Объявленная независимость от Нидерландов	Indonesia. A Dictionary... 2015
Иордания	1946	Мандатная территория	Jordan. A Dictionary... 2015
Ирак	1932	Независимость от Великобритании	Iraq. A Dictionary... 2015
Иран	550	Держава Ахеменидов	Iran, Islamic Republic of. A Dictionary... 2015
Ирландия	1921	Независимость от Великобритании	Ireland. A Dictionary... 2015
Исландия	1944	Выход из Датской монархии	Iceland. A Dictionary... 2015
Испания	1492	Создание государства	Spain. A Dictionary... 2015
Италия	1861	Объединение Италии	Italy. A Dictionary... 2015
Йемен	1967	Создание независимого государства	Yemen. A Dictionary... 2015
Кабо-Верде	1975	Независимость от Португалии	Cabo Verde. A Dictionary... 2015
Казахстан	1991	Признанная независимость от СССР	Kazakhstan. A Dictionary... 2015
Камбоджа	1953	Независимость от Франции	Cambodia. A Dictionary... 2015
Камерун	1960	Независимость от Франции	Cameroon. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Канада	1867	Канадская конфедерация	Canada. A Dictionary... 2015
Катар	1971	Независимость от Великобритании	Qatar. A Dictionary... 2015
Кения	1963	Независимость от Великобритании	Kenya. A Dictionary... 2015
Кипр	1959	Независимость от Великобритании	Cyprus. A Dictionary... 2015
Кипр: турецкий сектор	1983	Объявленная независимость от Кипра	Cyprus: Turkish Sector. A Dictionary... 2015
Киргизия	1991	Признанная независимость от СССР	Kyrgyzstan. A Dictionary... 2015
Кирибати	1979	Независимость от Великобритании	Kiribati. A Dictionary... 2015
Китай	2070 до н. э.	Первая доимператорская династия	China. A Dictionary... 2015
Колумбия	1819	Признанная независимость от Испании	Colombia. A Dictionary... 2015
Коморские острова	1975	Независимость от Франции	Comoros. A Dictionary... 2015
Конго	1960	Независимость от Франции	Congo. A Dictionary... 2015
Коста-Рика	1838	Признанная независимость от Испании	Costa Rica. A Dictionary... 2015
Кот-д'Ивуар	1960	Независимость от Франции	Cote d'Ivoire. A Dictionary... 2015
Корейская Народно-Демократическая Республика	1948	Создание государства	Korea, Democratic People's Republic of. A Dictionary... 2015
Корея, Республика	1948	Независимость от Японии	Korea, Republic of. A Dictionary... 2015
Косово	2008	Объявление независимости	Kosovo. A Dictionary... 2015
Куба	1902	Признанная независимость от Испании	Cuba. A Dictionary... 2015
Кувейт	1961	Независимость от Великобритании	Kuwait. A Dictionary... 2015
Лаосская Народно-Демократическая Республика	1953	Независимость от Франции	Lao People's Democratic Republic. A Dictionary... 2015
Латвия	1991	Признанная независимость от СССР	Latvia. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Лесото	1966	Независимость от Великобритании	Lesotho. A Dictionary... 2015
Либерия	1847	Признанная независимость	Liberia. A Dictionary... 2015
Ливан	1945	Независимость от Франции	Lebanon. A Dictionary... 2015
Ливия	1951	Освобождение от Британии и Франции	Libya. A Dictionary... 2015
Литва	1918	Объявление независимости от Германии	Lithuania. A Dictionary... 2015
Лихтенштейн	1866	Освобождение от Германии	Liechtenstein. A Dictionary... 2015
Люксембург	1815	Независимость от Нидерландов	Luxembourg. A Dictionary... 2015
Маврикий	1968	Независимость от Великобритании	Mauritius. A Dictionary... 2015
Мавритания	1960	Независимость от Франции	Mauritania. A Dictionary... 2015
Мадагаскар	1960	Независимость от Франции	Madagascar. A Dictionary... 2015
Македония	1993	Признанная независимость от Югославии	Macedonia, the former Yugoslav Republic of. A Dictionary... 2015
Малави	1964	Независимость от Великобритании	Malawi. A Dictionary... 2015
Малайзия	1963	Независимость государства	Malaysia. A Dictionary... 2015
Мали	1960	Независимость от Франции	Mali. A Dictionary... 2015
Мальдивы	1965	Независимость от Великобритании	Maldives. A Dictionary... 2015
Мальта	1964	Независимость от Великобритании	Malta. A Dictionary... 2015
Марокко	1956	Независимость государства	Morocco. A Dictionary... 2015
Маршалловы острова	1991	Независимость государства	Marshall Islands. A Dictionary... 2015
Мексика	1836	Признанная независимость от Испании	Mexico. A Dictionary... 2015
Микронезия	1986	Создание государства	Micronesia, Federated States of. A Dictionary... 2015
Мозамбик	1975	Независимость от Португалии	Mozambique. A Dictionary... 2015
Молдова	1991	Признанная независимость от СССР	Moldova, Republic of. A Dictionary... 2015
Монако	1861	Создание государства	Monaco. A Dictionary... 2015
Монголия	1911	Независимость от империи Цин	Mongolia. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Мьянма	1948	Независимость от Великобритании	Myanmar. A Dictionary... 2015
Намибия	1990	Независимость от Южной Африки	Namibia. A Dictionary... 2015
Народная Демократическая Республика Йемен	1967	Получение независимости	Yemen People's Republic of. A Dictionary... 2015
Науру	1968	Независимость от Великобритании	Nauru. A Dictionary... 2015
Непал	1769	Создание государства	Nepal. A Dictionary... 2015
Нигер	1960	Независимость от Франции	Niger. A Dictionary... 2015
Нигерия	1960	Признанная независимость от Великобритании	Nigeria. A Dictionary... 2015
Нидерландские Антильские острова	1954	Создание государства	Netherlands Antilles. A Dictionary... 2015
Нидерланды	1648	Создание государства	Netherlands. A Dictionary... 2015
Никарагуа	1838	Признанная независимость от Испании	Nicaragua. A Dictionary... 2015
Новая Зеландия	1907	Доминион Великобритании	New Zealand. A Dictionary... 2015
Норвегия	1807	Создание государства	Norway. A Dictionary... 2015
Объединенные Арабские Эмираты	1971	Независимость от Великобритании	United Arab Emirates. A Dictionary... 2015
Оман	130	Создание государства	Oman. A Dictionary... 2015
Пакистан	1947	Доминион Великобритании	Pakistan. A Dictionary... 2015
Палау	1994	Договор о свободной ассоциации с США	Palau. A Dictionary... 2015
Палестина, штат	1988	Объявление независимости	Palestine, State of. A Dictionary... 2015
Панама	1903	Независимость от Колумбии	Panama. A Dictionary... 2015
Папуа – Новая Гвинея	1975	Признанная независимость от Австралии	Papua New Guinea. A Dictionary... 2015
Парагвай	1811	Признанная независимость от Испании	Paraguay. A Dictionary... 2015
Перу	1821	Признанная независимость от Испании	Peru. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Польша	1987	Создание государства	Poland. A Dictionary... 2015
Португалия	1179	Признание государства	Portugal. A Dictionary... 2015
Российская Федерация	1991	Создание государства	Russian Federation. A Dictionary... 2015
Руанда	1962	Независимость от Бельгии	Rwanda. A Dictionary... 2015
Румыния	1878	Независимость от Османской империи	Romania. A Dictionary... 2015
Сальвадор	1903	Независимое государство	El Salvador. A Dictionary... 2015
Самоа	1962	Независимость от Новой Зеландии	Samoa. A Dictionary... 2015
Сан-Марино	1291	Независимость от Римской империи	San Marino. A Dictionary... 2015
Сан-Томе и Принсипи	1975	Независимость от Португалии	Sao Tome and Principe. A Dictionary... 2015
Саудовская Аравия	1932	Создание государства	Saudi Arabia. A Dictionary... 2015
Свазиленд	1968	Независимость от Великобритании	Swaziland. A Dictionary... 2015
Сенегал	1960	Независимость от Франции	Senegal. A Dictionary... 2015
Сент-Винсент и Гренадины	1979	Независимость от Великобритании	Saint Vincent and the Grenadines. A Dictionary... 2015
Сент-Китс и Невис	1983	Независимость от Великобритании	Saint Kitts and Nevis. A Dictionary... 2015
Сент-Люсия	1979	Независимость от Великобритании	Saint Lucia. A Dictionary... 2015
Сербия	1878	Создание княжества Сербского	Serbia. A Dictionary... 2015
Сейшельские острова	1976	Независимость от Великобритании	Seychelles. A Dictionary... 2015
Сингапур	1965	Независимость от Великобритании	Singapore. A Dictionary... 2015
Сирийская Арабская Республика	1941	Независимость от Франции	Syrian Arab Republic. A Dictionary... 2015
Сискей	1981	Номинальное национальное государство	Ciskei. A Dictionary... 2015
Словакия	1993	Независимость от Чехословакии	Slovakia. A Dictionary... 2015
Словения	1991	Независимость от Чехословакии	Slovenia. A Dictionary... 2015
Советский Союз	1922	Договор о создании СССР	Soviet Union. A Dictionary... 2015

Продолжение табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Соединенные Штаты	1783	Завершение отделения США от Великобритании	United States. A Dictionary... 2015
Соломоновы острова	1978	Независимость от Великобритании	Solomon Islands. A Dictionary... 2015
Сомали	1960	Независимость	Somalia. A Dictionary... 2015
Судан	1956	Независимость от Великобритании	Sudan. A Dictionary... 2015
Суринам	1975	Независимость от Нидерландов	Suriname. A Dictionary... 2015
Сьерра-Леоне	1961	Независимость от Великобритании	Sierra Leone. A Dictionary... 2015
Таджикистан	1991	Признанная независимость от СССР	Tajikistan. A Dictionary... 2015
Таиланд	1238	Создание государства	Thailand. A Dictionary... 2015
Тайвань	1949	Непризнанная независимость от КНР	Taiwan, Province of China. A Dictionary... 2015
Танзания	1967	Независимость от Великобритании	Tanzania, United Republic of. A Dictionary... 2015
Того	1960	Независимость от Франции	Togo. A Dictionary... 2015
Тонга	1970	Независимость от Великобритании	Tonga. A Dictionary... 2015
Транскей	1976	Создание государства	Transkei. A Dictionary... 2015
Тринидад и Тобаго	1962	Независимость от Великобритании	Trinidad and Tobago. A Dictionary... 2015
Тувалу	1978	Независимость от Великобритании	Tuvalu. A Dictionary... 2015
Тунис	1955	Независимость от Франции	Tunisia. A Dictionary... 2015
Туркменистан	1991	Признанная независимость от СССР	Turkmenistan. A Dictionary... 2015
Турция	1923	Наследие Османской империи	Turkey. A Dictionary... 2015
Уганда	1962	Независимость от Великобритании	Uganda. A Dictionary... 2015
Узбекистан	1991	Признанная независимость от СССР	Uzbekistan. A Dictionary... 2015
Украина	1991	Признанная независимость от СССР	Ukraine. A Dictionary... 2015
Уругвай	1828	Независимость от Бразилии	Uruguay. A Dictionary... 2015
Фиджи	1970	Независимость от Великобритании	Fiji. A Dictionary... 2015
Филиппины	1946	Независимость от США	Philippines. A Dictionary... 2015

Окончание табл.

Страна	Дата обретения независимости	Статус страны	Источник данных
Финляндия	1919	Признанная независимость от Российской империи	Finland. A Dictionary... 2015
Франция	1066	Объединение Франции	France. A Dictionary... 2015
Хорватия	1992	Независимость от Югославии	Croatia. A Dictionary... 2015
Хуситский Северный Йемен	2015	Взятие власти хуситами на Севере Йемена	Yemen North. A Dictionary... 2015
Центрально-Африканская Республика	1960	Независимость от Франции	Central African Republic. A Dictionary... 2015
Черногория	2006	Восстановление независимости от Югославии	Montenegro. A Dictionary... 2015
Швейцария	1848	Объединение государства	Switzerland. A Dictionary... 2015
Швеция	1523	Создание государства	Sweden. A Dictionary... 2015
Шри-Ланка	1948	Доминион Великобритании	Sri Lanka. A Dictionary... 2015
Чад	1960	Независимость от Франции	Chad. A Dictionary... 2015
Чили	1810	Признанная независимость от Испании	Chile. A Dictionary... 2015
Чешская Республика	1993	Независимость от Чехословакии	Czech Republic. A Dictionary... 2015
Чехословакия	1918	Независимость	Czechoslovakia. A Dictionary... 2015
Эквадор	1822	Признанная независимость от Испании	Ecuador. A Dictionary... 2015
Экваториальная Гвинея	1968	Независимость от Испании	Equatorial Guinea. A Dictionary... 2015
Эритрея	1993	Юридический статус государства	Eritrea. A Dictionary... 2015
Эстония	1918	Признанная независимость	Estonia. A Dictionary... 2015
Эфиопия	1941	Создание государства	Ethiopia. A Dictionary... 2015
Югославия	1929	Образование государства	Yugoslavia. A Dictionary... 2015
Южная Африка	1961	Независимость от Великобритании	South Africa. A Dictionary... 2015
Южный Судан	2011	Независимость от Судана	South Sudan. A Dictionary... 2015
Ямайка	1962	Независимость от Великобритании	Jamaica. A Dictionary... 2015
Япония	660	Создание государства	Japan. A Dictionary... 2015

Библиография

- Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст.
- Барабаш Б. 2012. Федерализация Украины: панацея или тупик? («Зеркало Недели», Украина). *ИноСМИ* 27 ноября. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20121127/202678003.html>.
- Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е. 2009. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2013а. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2013б. Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2014. Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 5–37.
- Гринин Л. Е. 2015а. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине. *Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі: матеріали IV міжнар. наук.-практ. конф.* М. Київ, 3–4 червня 2015 р. / Сост. Г. Дерлугьян, А. А. Мельниченко, П. В. Кутуев, А. О. Мігалуш, с. 34–35. Київ: Талком.
- Гринин Л. Е. 2015б. Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, с. 84–126. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2016. Модернизация и социально-политические кризисы / Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн // Под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Р. С. Гринберга, с. 233–258. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2017. Размышления о трансформациях мирового порядка. Часть 2. Мировой порядок в будущем. *Credo New* 2(90).
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015. Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. *Системный*

мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, с. 4–19. Волгоград: Учитель.

- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Билюга С. Э. 2016.** Тип режима и социально-политическая нестабильность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина, с. 282–325. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.
- Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. 2015.** Политический ислам в странах Северной Африки. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 126–180. М.: Ленанд.
- Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1961–1976.**
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.
- Страны мира: современный справочник / Сост. Т. Горячкина, И. Ярич. 2-е изд., перераб. и доп. 2017. М.: Славянский дом книги.**
- Страны мира: справочник для эрудитов и путешественников / Сост. С. Романцова. 2005. Харьков.**
- Страны мира: справочник. 1986. М.: Политиздат.**
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999.** *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Хохлова А. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина, с. 37–82. Волгоград: Учитель.
- A Dictionary of Contemporary World History. 2016.** 4th ed. Oxford: Oxford University Press. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191802997.001.0001/acref-9780191802997>.
- A Dictionary of World History. 2015.** 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199685691.001.0001/acref-9780199685691>.

- Banks A. S., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <https://www.cntsdata.com>.
- Belkin A., Schofer E. 2003.** Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution* 47(5): 594–620.
- Boix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(04): 809–828.
- Bouزيد B. 2011.** Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries. *International Journal of Peace Studies* 16(1): 53–79.
- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: an Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.
- Collier P. 2009.** The Political Economy of State Failure. *Oxford Review of Economic Policy* 25(2): 219–240.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith, pp. 569–582. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Dobbins J., Jones S. G., Crane K., DeGrasse B. C. 2007.** *The Beginner's Guide to Nation-building*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Fragile States Index. 2015.** *The Fund for Peace. Report* / Ed. by J. J. Messner. URL: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>.
- Fukuyama F. 2006. (Eds.).** *Nation-Building: Beyond Afghanistan and Iraq*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Grinin L. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1(1): 131–176.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012a.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2012b.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics* 3: 124–157.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E. 2019.** Revolutions in the Light of Historical Process. *Social Evolution & History* 18(2) 260–285.
- Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016.** World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.

- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and “Fragile States”: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Harish S. P., Paik C. 2016.** State and Development: A Historical Study of Europe from 0 AD to 2000 AD (No. 219). *Households in Conflict Network*.
- Hilbe J. 2011.** Negative Binomial Regression. New York: Cambridge University Press.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Ikenberry G. J. 2006a.** Nation-building: Beyond Afghanistan and Iraq by Francis Fukuyama. *Foreign Affairs* 85(3): 152–153.
- Ikenberry G. J. 2006b.** *Liberal Order and Imperial Ambition: Essays on American Power and International Order*. Cambridge: Polity.
- Ivanchenko O., and Banshchikova A. 2018.** Urbanization and Mutual Help Groups: Contribution to Nation-Building in Tanzania. *Social Evolution & History* 17(1): 34–59.
- Jackson R. H. 1990.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kenny C. 1999.** Why aren't Countries Rich? Weak States and Bad Neighbourhoods. *The Journal of Development Studies* 35(5): 26–47.
- Lipset S. M. 1959.** Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review* 53(1): 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Njoku C. I., Bondarenko D. M. 2018.** State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History* 17(1): 3–15.
- Njoku C. I. 2018.** Rethinking Nigeria's Conflicts of State Building and the Legal Imperatives Beyond Chinua Achebe's ‘There Was a Country: A Personal History of Biafra’. *Social Evolution & History* 17(1): 160–191.
- Olson M. 1982.** *The Rise and Decline of Nations*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Olson M. 1993.** Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review* 87(3): 567–576.
- Rotberg R. 2004. (Eds.).** *When States Fail: Causes and Consequences*. Harvard, NJ: Princeton University Press.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. 2017.** Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.
- Smith A. D. 1986.** *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell.
- Tilly C. 1992.** *Coercion, Capital and European States: AD 990–1992*. Wiley-Blackwell.

Глава 21. От мир-системы к мир-организму: результаты моделирования социально-политической эволюции

Малков С. Ю.

Вводные замечания

Важнейшей особенностью нашего времени является то, что в последние десятилетия происходит слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху, Запад начинает довольно быстро утрачивать неоспоримое лидерство. В ближайшие десятилетия мир ожидают сильные изменения:

– глобальный демографический переход (который в конечном итоге приведет к стабилизации численности населения Земли, но при этом будет сопровождаться серьезными социально-политическими потрясениями);

– радикальная перестройка современной экономической системы и экономических отношений (особенно в сфере финансов), ограничение экономического роста;

– радикальное изменение современной политической системы, переход к формированию системы глобального регулирования. Вопрос заключается в том, на каких основаниях будет осуществляться это регулирование. Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Специализация с усилением глобализации будет неуклонно повышаться. Биологическим аналогом полностью глобализованной системы является организм, где каждый орган выполняет свою, жизненно необходимую для организма функцию. В организме все органы одинаково важны и «заинтересованы» в эффективной работе друг друга, «дискриминация» отсутствует.

Мировая система исторически движется по направлению к созданию такого единого организма, работа которого будет согласовываться, регулироваться и контролироваться единым центром, который условно можно назвать мировым правительством. Вопрос лишь в том, как будет происходить данный глобальный переход от конкурирующих кластеров-государств к единому Мир-организму (являющемуся следующей стадией развития Мир-системы И. Валлерстайна).

Путей формирования Мир-организма может быть два.

Первый путь: нынешний экономический лидер США и его союзники – приверженцы либерально-рыночной парадигмы – выстраивают глобализацию под себя, руководствуясь принципами максимизации прибыли (своей) и «экономической эффективности». При этом положение Запада как бенифициара мирового развития сохраняется, страны периферии подстраиваются под потребности Запада, обслуживают его интересы. Оппозиция «Центр – Периферия» сохраняется и усугубляется, отношения между странами неравноправны.

Второй путь: «общественный договор» стран мира (глобальный консенсус) по поводу путей развития на основе согласованных целей и общих интересов с учетом мирового разделения труда.

В любом случае неизбежно кардинальное изменение мировой политической системы.

Таким образом, мир подошел к ситуации развилки. В этих условиях правильнее говорить не о прогнозировании будущего (спрогнозировать можно лишь наступление кризиса, но невозможно предсказать, как именно он будет преодолен), а о проектировании будущего. То, по какому пути пойдет мир, зависит от многих факторов. Именно в такие эпохи наиболее сильно проявляется нелинейность исторического развития, его зависимость от политической воли участников. Появляется возможность перехода в новое качественное состояние и – одновременно – возможность повлиять на этот переход. В связи с этим, речь должна идти о возможных путях дальнейшей эволюции и о мерах, способствующих развитию мира по той или иной траектории. Результаты моделирования позволят понять, какие условия необходимы для реализации второго пути формирования будущего Мир-организма.

* * *

В главе 16 были рассмотрены базовые процессы социальной самоорганизации в изменяющихся условиях и приведены соответствующие логико-математические модели. Было также показано, что историческая эволюция – это не плавный, а весьма неравномерный процесс, когда периоды относительной стабильности¹ сменяются периодами быстрых (по историческим меркам), кардинальных изменений, обусловленных технологическими революциями (см. рис. 16.5 и 16.6), в результате чего Мир-Система переходит в новое состояние. Как было показано в главе 16, основными из этих революций были:

- неолитическая революция (около 10 тыс. лет назад), связанная с возникновением *производящего хозяйства*;
- городская революция (5 тыс. лет назад), связанная с появлением и распространением *бронзовых орудий*;
- «осевое время»² (2,5 тыс. лет назад), связанное с распространением *железных орудий*;
- промышленная революция (200 лет назад), в результате которой ручной труд стал заменяться машинным на основе использования научно-технических достижений.

Глобальные структурные переходы, инициированные этими технологическими революциями, включают в себя следующие стадии (Малков и др. 2016; Малков 2016а; Малков, Максимов 2018).

¹ Имеется в виду относительная стабильность демографических и экономических параметров Мир-системы.

² Термин введен К. Ясперсом в работе (Ясперс 1994).

Стадия 1. Традиционное общество (до технологической революции).

Основу экономики на этой стадии составляют традиционные технологии. Социально-экономические и политические процессы имеют циклический характер, наблюдается доминирование институциональных структур X-типа (см. таблицу 16.1).

Стадия 2. Фазовый переход под влиянием технологических и социальных инноваций.

В каком-то из регионов мира появляются и внедряются инновационные технологии, резко повышающие производительность труда, открывающие новые возможности в экономической и военной сферах. Это нарушает относительное равновесие сил в Мир-Системе и запускает процесс модернизации, который постепенно расширяется и со временем охватывает всю систему. Данный процесс имеет следующие фазы:

Фаза 2.1. *Разделение* Мир-Системы на страны Центра (в которые входят общества, освоившие и внедрившие инновации) и страны Периферии (в которые входят общества, по-прежнему использующие традиционные технологии). В обществах Центра на фоне экономического роста формируются Y-институциональные структуры, основанные на внутренней конкуренции. В обществах Периферии по-прежнему доминируют X-институциональные структуры, основанные на кооперации в среде «своих» и на противопоставлении их «чужим» (см. таблицу в главе 20.1).

Фаза 2.2. *Дивергенция* (то есть экономический отрыв стран Центра от стран Периферии), установление странами Центра системы правил в экономике и политике, осуществление «глобализации» в интересах стран Центра (с целью использования ресурсов Периферии странами Центром для стимулирования своего развития).

Фаза 2.3. Развитие процесса *модернизации* в странах Периферии благодаря диффузии инноваций и передовых технологий из стран Центра.

Фаза 2.4. *Конвергенция*: подтягивание стран Периферии к странам Центра в результате модернизации их экономик; замедление развития и кризис стран Центра из-за исчерпания потенциала ведущих технологий.

Фаза 2.5. Структурный мир-системный *кризис*: утрата странами Центра лидирующих позиций с последующим разрушением установленной ими системы правил и господствующей идеологии. Как следствие – хаотизация экономических и политических взаимодействий, прогрессирующая регионализация, формирование конкурирующих политических блоков.

Стадия 3: Новое общество.

На этой стадии конкуренция между X- и Y-системами снимается за счет преобразований в идеологической и институциональной сферах, возникает общество нового типа.

Фаза 3.1. Формирование новой *идеологии*, позволяющей сдерживать конфронтацию в хаотизированном обществе и найти идеологический баланс X- и Y-элементов (так называемая синтезирующая X_Y-идеология, историческим примером которой является христианство, см.: Малков 2016а, 2016б).

Фаза 3.2. Формирование новых институтов, закрепляющих найденный баланс X- и Y-элементов (X_Y-институты). Территориальное расширение новой социальной системы на основе новых принципов (принимающее форму «глобализации»),

формирование новой идентификации «свой – чужой» (при этом понятие «чужой» выносится за пределы созданной социальной системы).

(При этом следует понимать, что жестких временных границ между отдельными стадиями и фазами нет. Как правило, процессы, определяющие специфику последующей фазы, зарождаются и начинают развиваться в предыдущей фазе. Поэтому временные интервалы фаз могут перекрывать друг друга.)

Каждая из «эпох перемен» запускает очередной виток «глобализации», поскольку новые технологии позволяют обеспечить связность (транспортную, информационную, торговую) территорий намного больших размеров, чем это было ранее:

- городская революция запустила процесс образования ранних государств, охватывающих территорию расселения нескольких племен;
- «осевое время» запустило процесс формирования обширных империй, поглощавших ранние государства;
- промышленная революция запустила процесс экономической и политической глобализации в масштабах всей планеты с формированием наднациональных институтов регулирования и управления.

Технологические революции и обусловленное ими улучшение транспортной, информационной, торговой связности территорий не только расширяли масштабы «глобализации», но и стимулировали изменение форм государственности. Остановимся на этом подробнее. Введем для удобства историческую периодизацию, связанную с разворачиванием упомянутых выше технологических революций. Маркером этого процесса является изменение численности городского населения мира, отраженное на рисунке 16.6. Следуя работе (Гринин и др. 2008), выделим три периода быстрого роста численности городского населения мира, соответствующих *стадии 2* глобальных структурных переходов:

(A1) вторая половина 4-го – первая половина 3-го тыс. до н. э. (городская революция);

(A2) 1-е тыс. до н. э. («осевое время»);

(A3) XIX–XXI вв. (промышленная революция и индустриальное общество);

а также четыре периода относительной стабильности численности городского населения мира:

(B0) период до середины 4-го тыс. до н. э. (когда городское население отсутствовало, поскольку города еще не появились);

(B1) середина 3-го тыс. до н. э. – конец 2-го тыс. до н. э.;

(B2) I–XVIII вв. н. э.;

(B3) XXII в. и далее, когда по прогнозам численность городского перестанет расти в связи с выходом урбанизации Мир-Системы на уровень насыщения, а также в связи со стабилизацией численности населения мира.

Рассмотренные ранее в данной книге стадийные типы государств соотносятся с данными периодами следующим образом:

- *предгосударственное* общество господствовало до периода B1. Это общество базируется на племенной структуре, основанием системы «свой – свой» являются родственные связи, в основе идеологии – тотемные верования (почита-

ние предков). Ареал общества включает в себя территорию, контролируемую племенем (союзом племен);

– *ранние государства* начали появляться с периода А1 и получили наибольшее распространение в период В1. Наличие бронзовых орудий, появление профессиональных воинов позволяло контролировать существенно большую территорию, перейти от объединения по родственному принципу к объединению по территориальному принципу. Для ранних государств характерны X-институты (см. таблицу 16.1), основой системы «свой – свой» становятся языческие религии³, задача которых – легитимировать власть. Центральная власть отделена от общества, но ресурсов у нее немного, поэтому она вынуждена опираться на местных племенных вождей. Взаимодействие центральной и местной власти носит личностный характер. При этом неспособность наладить отношения с местными племенными вождями неизбежно приводит к конфликтам, к ослаблению центральной власти и распаду раннего государства; в период В2 преобладали *развитые государства*. Повышение производительности труда, произошедшее в «осевое время», и увеличение прибавочного продукта позволило центральной власти преодолеть зависимость от местных вождей и элит, создать и содержать собственную армию, наладить сбор налогов, создать чиновничий аппарат для реализации управленческих функций. Произошел переход к сословной системе: важно, не к какому роду, а к какому сословию ты принадлежишь. Общество выстраивается по иерархическому принципу на основе X-институтов (см. таблицу 16.1). Легитимация сословной системы осуществляется посредством этических⁴ религий и идеологий (христианство, ислам, буддизм, конфуцианство и др.). На смену неформальным личным отношениям во взаимодействии центральной и местной власти приходит письменное право.

Таким образом, *раннее и развитое* государства – это результат социальной самоорганизации и формирования институциональных X-структур в периоды стабилизации В1 и В2, наступивших после завершения соответственно городской революции и «осевого времени».

С этой точки зрения *зрелое* государство – это результат социальной самоорганизации в период А3, то есть в период глобального фазового перехода, обусловленного промышленной революцией. Это период экономического роста и кардинальных социальных изменений, способствующих формированию внутренне конкурентных Y-структур с институтами демократии, парламентаризма, разделения властей. Аналогами периода А3 являются периоды А2 («осевое время») и А1 (городская революция). Действительно, в эти периоды тоже формировались внутренне конкурентные социальные Y-структуры: режимы античной демократии в полисах Древней Греции и в республиканском Риме (в период А2) и города-государства Месопотамии (в период А1). В связи с этим, по-видимому, данные политические структуры (древнегреческие полисы, Римскую республику, города-

³ В отличие от тотемных верований языческие религии «привязаны» не к конкретному роду, а к конкретной территории и ландшафту.

⁴ Этические религии, в отличие от языческих, не привязаны к конкретной территории, в них трактуются понятия добра, зла, долженствования и т. п.

государства Месопотамии) целесообразно рассматривать как государства особого типа, а не как аналоги ранних государств.

Исходя из всего этого, можно попытаться сделать анализ современной эпохи и дать прогноз на будущее. Итак, наиболее драматичной «эпохой перемен» является современная эпоха, о чем свидетельствует взрывной рост ключевых показателей развития в последние два столетия (см. рис. 16.5). При этом, как показано в (Садовничий и др. 2012), в последние десятилетия происходит слом тенденций, формировавшихся в период индустриального развития, Запад начинает утрачивать лидерство. Период экстенсивного роста в условиях расширения ресурсной базы (игра с положительной суммой) заканчивается. Мы сейчас находимся в фазе 2.4 (конвергенция) с постепенным переходом в фазу 2.5 (системный кризис).

Историческим аналогом современной эпохи является завершение «осевого времени»⁵. Сравнение последовательной смены фаз трансформаций в эти две эпохи представлено в таблице 21.1.

Таблица 21.1. Сопоставление современной эпохи и «осевого времени» (Малков, Максимов 2018).

Стадии развития	Характеристика стадии	«Осевое время» и его завершение	Современная эпоха
Стадия 1. Традиционное общество	1) Низкий экономический рост. 2) Традиционные технологии. 3) Доминирование институциональных структур X-типа	<i>Период: до V в. до н. э.</i> 1) Соседская община. 2) Патриархальное рабство. 3) Иерархичная социальная структура (цари, патриции – плебеи)	<i>Период: до XIX в.</i> 1) Аграрные государства. 2) Ручной труд. 3) Иерархическая социальная структура (наследственные монархии, сословия)
Стадия 2. Фазовый переход под влиянием технологических и социальных инноваций	1) Технологические инновации, резкий рост производительности труда. 2) Социальные инновации, лидерство Y-систем. 3) Процесс модернизации от Центра к Периферии Мир-Системы	<i>Период: V в. до н. э. – V в. н. э.</i> 1) Широкое распространение железных орудий. 2) Возникновение республиканского строя, его эволюция (с последующей трансформацией в имперское правление). 3) Расширение греческого и римского влияния	<i>Период: вторая половина XVIII в. – начало XXI в.</i> 1) Промышленная революция, замена ручного труда машинным. 2) Возникновение и эволюция демократических институтов. 3) Распространение технологических и социальных инноваций от Центра к Периферии

⁵ Под завершением «осевого времени» мы будем понимать исторический период до распада Западной Римской империи (окончание античной эпохи и переход к эпохе раннего Средневековья).

Продолжение Табл. 21.1

Фаза 2.1. Разделение на Центр и Периферию	Формирование Y-структур в инновационных обществах Центра при сохранении X-структур в обществах Периферии, использующих старые технологии	<i>Период: V в. до н. э. – IV в. до н. э.</i> 1) Формирование республиканского строя и Y-структур в Др. Греции и Др. Риме (общества Центра). 2) Успешная борьба обществ Центра с внешними угрозами, переход к игре с положительной суммой. 3) Начало внешней экспансии (экономической, военной)	<i>Период: вторая половина XVIII в. – начало XIX в.</i> 1) Технологические инновации в Англии, формирование Y-институтов 2) Ускорение экономического развития Англии 3) Начало внешней экономической экспансии Англии
Фаза 2.2. Дивергенция (экономический отрыв Центра от Периферии)	«Глобализация» в интересах Центра (использование ресурсов Периферии Центром в интересах своего развития). Появление новых идеологий	<i>Период: III в. до н. э. – I в. н. э.</i> 1) Усиление Римского государства, его экономический и демографический рост. 2) Внешняя военная экспансия, территориальный рост, приток рабов в качестве рабочей силы. 3) Возникновение христианства – религии бедных	<i>Период: первая половина XIX в. – первая половина XX в.</i> 1) Промышленная революция в странах Центра, развитие технологий, в экономике – игра с положительной суммой. 2) Внешняя экспансия, колониальная политика. 3) Возникновение и распространение коммунистических и социалистических идей – идеологии бедных
Фаза 2.3. Развитие процесса модернизации Периферии	Диффузия инноваций и технологий из Центра в периферийные регионы, появление проблем в странах Центра	<i>Период: I в. н. э. – II в. н. э.</i> 1) Создание Римской империи, достижение пределов территориального роста. 2) Смена стратегии расширения на стратегию удержания. 3) Экономическое развитие провинций. 4) Внедрение культа императора, распространение римского гражданства на жителей провинций	<i>Период: вторая половина XX в.</i> 1) Распад колониальных империй, формирование системы экономической зависимости развивающихся стран от стран Центра. 2) Перевод производств ТНК в развивающиеся страны. 3) Насаждение идеологии либерализма, свободного рынка, абстрактных «общечеловеческих ценностей»

Окончание Табл. 21.1

Фаза 2.4. Конвергенция (замедление развития и кризис стран Центра)	Подтягивание Периферии к Центру (в результате модернизации); замедление развития и кризис Центра (вследствие истощения потенциала ведущих технологий)	<i>Период: III в. н. э.</i> 1) Политический и экономический кризис в Римской империи. 2) Центробежные тенденции, сепаратистские государства в Галлии, Пальмире, Египте. 3) Торможение демографического роста в Римской империи 4) Усиление давления варваров	<i>Период: конец XX в. – начало XXI в.</i> 1) Торможение экономического роста Центра, ускоренное развитие Периферии. 2) Кризис глобализации. 3) Торможение роста населения и депопуляция в странах Запада, демографический рост на Периферии. 4) Миграционные потоки из Периферии в страны Запада
--	---	--	---

Таблица демонстрирует высокое сходство современной эпохи и периода V в. до н. э. – III в. н. э. (по существу, различаются лишь длительности отдельных фаз, что вполне естественно). Причем это структурное сходство наблюдается даже в деталях. Так, и в «осевое время», и в современную эпоху *стадия 2* глобального структурного перехода осуществлялась в два этапа: сначала ключевые трансформации по переходу от X- к Y-институтам происходили в относительно небольших странах островного типа (соответственно, в Древней Греции⁶ и в Англии), а затем масштабирование Y-институтов и их распространение по миру осуществлялось более крупными странами полуостровного типа (соответственно, Древним Римом и США) (Малков, Максимов 2018).

Это обусловлено тем, что переход от X- к Y-структурам сопряжен с резким повышением внутренней конфликтности (борьба плебса с аристократией и тиранами в древнегреческих полисах в VII–VI вв. до н. э.; борьба парламента с королевской властью в Англии в XVII в. и ранее). В этот период государства слабеют и могут стать легкой добычей агрессивных соседей. Поэтому необходима по крайней мере временная изоляция государства от внешнего мира, чтобы в результате внутренней борьбы установился конкурентный баланс сил, необходимый для формирования Y-институтов (разделение властей, политическая демократия, защита частной собственности и т. п.). И только потом уже конкуренция будет давать эффект в виде повышения культурной (искусство), научной, экономической активности и выхода на режим игры с положительной суммой в локальном регионе.

Но скоро выясняется, что экономических, военных, демографических ресурсов малых государств для глобального распространения Y-институтов недостаточно (масштаб имеет значение), и необходимо подключение более крупных стран, которые «капитализируют» и унифицируют Y-технологии, делают их мас-

⁶ Полисы Древней Греции, по существу, были изолированы по суше от других государств, поскольку Балканский полуостров отделен от материка труднопроходимыми горами.

совыми и начинают с их помощью внешнюю экспансию. Здесь необходимы прагматичность, приземленность, рациональность, расчетливость, примат материального над духовным (см. культурные особенности Древнего Рима и США). Со временем, однако, возможности новых технологий исчерпываются, игра с положительной суммой трансформируется в игру с нулевой суммой и постепенно происходит возвращение и усиление распределительных X-институтов, но на новом уровне исторического развития.

В таблице 21.2 в обобщенном виде отражена историческая эволюция (и последовательная институциональная трансформация) государств-лидеров во время глобальных фазовых переходов «осевого времени» (Древняя Греция, Древний Рим) и современной эпохи (Англия, США).

Таблица 21.2. Этапы исторического развития государств – лидеров «осевого времени» (Древняя Греция, Древний Рим) и современной эпохи (Англия, США)

Этапы исторического развития (трансформация X- и Y-структур)	Древняя Греция	Древний Рим	Англия	США
Предварительный период автономного (внутреннего) конкурентного развития (переход от X- к Y-структурам)	Борьба плебса с аристократией и тиранами (VII–VI вв. до н. э.)	Борьба плебеев с патрициями (V–IV вв. до н. э.)	Борьба парламента с королевской властью (XVII в. и ранее)	Борьба между Севером и Югом (середина XIX в. и ранее)
Этапы исторического развития (трансформация X- и Y-структур)	Древняя Греция	Древний Рим	Англия	США
Победа в войне с сильным внешним врагом, политический успех, выход на мировую арену в качестве лидера	Греко-персидские войны (первая половина V в. до н. э.)	Первая и вторая Пунические войны (III в. до н. э.)	Наполеоновские войны (начало XIX в.)	Вторая мировая война (середина XX в.)
Технологическое лидерство, экономическая экспансия, внутривнутриполитическая конкуренция (доминирование Y-институтов)	Торговая экспансия, расцвет демократий, Пелопоннесские войны (вторая половина V в. до н. э. – первая половина IV в. до н. э.)	Расцвет республики, гражданские войны (II в. до н. э. – первая половина I в. до н. э.)	Мировое экономическое лидерство (1 КЦ: первая половина XIX в.)	Мировое экономическое лидерство (4 КЦ: 1945–1982 гг.)

Окончание Табл. 21.2

Силовая внешняя экспансия, имперский период (постепенная трансформация от Y к X)	Завоевания Александра Македонского (вторая половина IV в. до н. э.)	Римская империя (принципат) (вторая половина I в. до н. э. – II в. н. э.)	Мировое доминирование, расцвет Британской империи (2 КЦ: вторая половина XIX в.)	Мировое доминирование, глобализация по-американски (5 КЦ: 1983–2016 гг.)
Торможение, попытки сохранить доминирование, геополитический закат (окончательная деградация Y-структур)	Диадочи, эллинистические монархии (конец IV в. до н. э. – первая половина II в. до н. э.)	Римская империя (кризис III в. н. э., доминат) (III–V вв. н. э.)	Закат Британской империи (3 КЦ: первая половина XX в.)	Уменьшение американского влияния (6 КЦ: 2017–??? гг.)

Примечание: КЦ – кондратьевский цикл.

Выше уже говорилось, что каждая «эпоха перемен» запускает новый виток «глобализации». Так, «осевое время» завершилось экономическим и политическим объединением пространства вокруг Средиземного моря в рамках Римской империи. В наше время современные технологии экономически и информационно объединили уже весь мир.

Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Специализация с усилением глобализации неуклонно повышается. Биологическим аналогом полностью глобализованной системы является организм, где каждый орган выполняет свою, жизненно необходимую для организма функцию. В организме все органы одинаково важны и «заинтересованы» в эффективной работе друг друга, «дискриминация» отсутствует.

Мировая система исторически движется по направлению к созданию такого единого организма, работа которого будет согласовываться, регулироваться и контролироваться единым центром. Вопрос лишь в том, как будет происходить данный глобальный переход от конкурирующих кластеров-государств к единому *Мир-организму* (являющемуся следующей стадией развития Мир-Системы И. Валлерстайна [Wallerstein 1984]).

Путей формирования Мир-организма может быть два.

Первый путь: нынешний экономический лидер США и его союзники – приверженцы либерально-рыночной парадигмы и Y-методов управления – выстраивают глобализацию под себя, руководствуясь принципами максимизации прибыли (своей) и экономической эффективности. При этом положение Запада как бенефициара мирового развития сохраняется, страны Периферии подстраиваются под потребности Запада, обслуживают его интересы. Оппозиция «Центр – Периферия» сохраняется и усугубляется, отношения между странами неравноправны.

Второй путь: «общественный договор» стран мира (глобальный консенсус) по поводу путей развития на основе согласованных целей и общих интересов с учетом мирового разделения труда. Этот путь основан на отказе от выбора

принципа максимизации прибыли в качестве системообразующего, на выстраивании новой системы международных экономических и политических отношений, максимальным образом учитывающих культурно-исторические особенности стран, их опыт и возможности при формировании единого социально-экономического мирового организма.

(При этом необходимо отметить, что первый путь аналогичен тому, по которому пошла Римская империя после кризиса III в. н. э.: доминат Диоклетиана – это возвращение жестких иерархических X-принципов управления в государство, которое первоначально развивалось как Y-система (см. таблицу 21.2). Переход от принципата к доминату (то есть переход от Y- к X-структурам в управлении государством) позволил продлить жизнь Западной Римской империи почти на два века; правда, потом все равно произошли коллапс и полное реструктурирование политической системы.)

Исторические аналогии делают возможным прогноз того, как в конечном итоге будут развиваться события в предстоящий исторический период и чем завершится современный глобальный фазовый переход (см. Табл. 21.3).

Таблица 21.3. Этапы завершения «осевого времени» и прогноз мирового развития в современную эпоху (продолжение Табл. 21.2)

Стадии развития	Характеристика стадии	Завершение «осевого времени»	Современная эпоха (прогноз)
Фаза 2.5. Структурный кризис	Утрата Центром лидерских позиций (разрушение системы правил, кризис идеологии, хаотизация экономических и политических взаимодействий, борьба всех со всеми, регионализация, формирование конкурирующих политических блоков)	<i>Период: IV в. н. э. – V в. н. э.</i> 1) Восстания в провинциях. 2) Кризис рабовладельчества. 3) Набеги варваров. 4) Депопуляция. 5) Переход от принципата к доминату, бюрократизация (усиление X-элементов). 6) Разделение империи на Западную и Восточную, падение Западной Римской империи	<i>Период: первая половина XXI в.</i> 1) Идеологический кризис Запада. 2) Экономические трудности, центробежные тенденции (Брексит, кризис ЕС и т. п.). 3) Снижение эффективности международных институтов (ООН, ВТО и т. д.)
Стадия 3. Формирование нового общества	Конкуренция между X- и Y-системами снимается за счет преобразований в идеологической и институциональной сферах, возникает общество нового типа на новом уровне глобализации	<i>Период: с IV в. н. э.</i> Конец Античности и рабовладельческого строя, формирование христианского мира, переход к Средневековью	<i>Период: с первой половины XXI в.</i> Переход от Мир-Системы конкурирующих государств к Мир-организму

Окончание Табл. 21.3

Фаза 3.1. Формирование новой X _Y -идеологии	Новая идеология необходима для сдерживания конфронтации в хаотизированном обществе и достижения баланса между X- и Y-элементами	<i>Период: IV в. н. э.</i> 1) Отказ от языческих религий, превращение христианства в государственную религию (Константин, 325 г.; Феодосий, 380 г.). 2) Прекращение деления населения Центра и Периферии на «свои – чужие» (христианизация Европы)	<i>Период: первая половина XXI в.</i> Запрос на идеологию нового глобального гуманизма (поверх существующих идеологий)
Фаза 3.2. Формирование новых институтов	Укрупнение и территориальное расширение социальной системы на основе новых принципов объединения социума и новой идеологии	<i>Период: с V в. н. э.</i> 1) Переход от Античности римского типа (экономическая основа – труд рабов) к Средним векам (экономическая основа – труд формально свободных крестьян). 2) Переход к доминированию институциональных структур X-типа (монархии). 3) Стабилизация численности населения Европы	<i>Период: вторая половина XXI в.</i> 1) Переход от конкурентных либерально-рыночных принципов к принципам кооперации и регулирования в масштабах всего мира. 2) Формирование новых институтов глобального регулирования, обеспечивающих переход от Мир-Системы к Мир-организму. 3) Стабилизация численности населения мира

Здесь важно иметь в виду, что глобальные структурные переходы, инициируемые технологическими революциями, формируют новую социальную реальность, порождают новые формы социальной организации и самоорганизации, ломающие прежние стереотипы и традиции. Эта ломка приводит к кризисам сознания, к психологической фрустрации, к необходимости замены прежних гуманитарных технологий, потерявших свою эффективность, на новые, более эффективные в сложившихся условиях (примером этого является появление мировых религий в «осевое время», пришедших на замену традиционным языческим религиям).

Какие именно новые гуманитарные технологии в конечном итоге станут доминирующими – заранее неизвестно. В эпохи перемен всегда возникают варианты развития (так, например, в эпоху раннего христианства существовало много его версий, которые идейно боролись друг с другом. В результате сформировалась каноническая версия христианства, утвержденная Вселенскими соборами, а все остальные версии были объявлены ересями).

Если на первых двух стадиях глобального перехода акцент смещен на материальное переустройство мира (на основе новых технологий), то на третьей ста-

дии акцент смещается на трансформацию человека и общества, их адаптацию к новым условиям.

Мы сейчас находимся на переходе от второй стадии к третьей, в фазе кризиса. Общество торжества технического прогресса становится обществом социальных рисков. Технологический оптимизм вытесняется гуманитарным пессимизмом. Человек вынужден меняться, но каким он в конечном итоге станет, пока неясно. Обострение гуманитарных проблем обусловлено следующим.

Начало современной «эпохи перемен» – промышленная революция XIX в. – запустила процесс замены ручного труда машинным. При этом машина лишь имитировала ручной труд, но делала все быстрее и производительнее; человек в принципе мог ее заменить, возврат к миру без машин в принципе был возможен.

На нынешней стадии современной «эпохи перемен» (цифровая революция XXI в.) происходит постепенная замена интеллектуального труда цифровыми технологиями, замена человеческого интеллекта искусственным интеллектом. При этом идет интенсивное внедрение технологических операций, которые человек сам без компьютера *не может* выполнить: человек уже не автономен, он зависим от реализованных в социальной системе цифровых технологий, возникает жесткий «эффект колее».

Как следствие: а) цифровые технологии постепенно уничтожают автономию человека, способствуют формированию жесткого организационно-производственного механизма, в котором человек утрачивает реальную свободу выбора (переход к обществу-организму); б) возникает сильная зависимость общества от цифровых платформ и их создателей; в) новый цифровой мир оказывает мощное психологическое давление на человека. Как адаптируется к этому давлению человеческая психика, пока неизвестно.

В этих условиях возможны различные траектории дальнейшего социогуманитарного развития (не зря некоторые ученые говорят о том, что вслед за формирующимся сейчас на основе NBIC-технологий шестым технологическим укладом неизбежно последует качественно новый – социогуманитарный [Альтернативная... 2010]). Наступает бифуркационное время: либо искусственный интеллект и информационные технологии станут эффективными «слугами» общества, повышающими качество жизни человека и степени его свободы, либо они (вернее, их создатели) станут жесткими «хозяевами», лишаящими человека автономности и права на реальный выбор.

Еще одной важной особенностью гуманитарной трансформации является то, что глобальные структурные переходы, инициируемые технологическими революциями, в конечном итоге приводят к необходимости появления новых идеологий интегрального типа, отвечающих запросам нового витка глобализации и позволяющих ввести население всей глобализованной территории в систему «свой – свой», снизить конфликтность и взаимное недоверие. Для европейского региона роль такой идеологии в прошлую «эпоху перемен» выполнило христианство⁷ (см. Табл. 21.3).

⁷ В Посланиях апостола Павла сказано: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, ... ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28, 29).

В чем специфика современной «эпохи перемен» и современного витка глобализации? Она в том, что технологическая революция начала XIX в. (замена ручного труда машинным) привела к коренной реструктуризации общества. В доиндустриальном X-обществе социальная структура была сословной, сформированной по иерархическому принципу. В ходе индустриальной трансформации начала развиваться капиталистическая Y-система и стала формироваться новая социальная структура с разделением общества не на сословия, а на классы предпринимателей (капиталистов) и наемных работников (пролетариат). Соответственно, основные противоречия в обществе сместились в область взаимодействия этих новых классов. При этом капитализм, первоначально развивавшийся внутри национальных границ, достаточно быстро перерос их, инициировав процессы глобализации (ярким примером наднациональных производственных структур являются транснациональные компании). Естественно, процессы экономической глобализации инициировали поиски новой идеологии, которая была бы адекватна ситуации расширения нового технологического уклада за пределы национальных границ.

К настоящему времени имели место две попытки создать интегральные идеологии, соответствующие запросам современного этапа глобализации. Первая попытка – *проект бедных*: коммунистическая идеология⁸, провозглашающая наднациональное объединение трудящихся всего мира («Пролетарии всех стран, соединитесь!») во имя построения справедливого общества без национальных границ (Коммунистический интернационал). Достигнув большой популярности в конце XIX в. и распространившись по всему миру, эта идеология в своей первоначальной версии оказалась неуспешной, поскольку не смогла согласовать интересы всего общества и, соединяя, разъединяла: стремясь объединить пролетариев разных стран, она противопоставляла их не-пролетариям⁹, порождая социальные антагонизмы.

Вторая попытка – *проект богатых*: идеи либеральной демократии¹⁰, примат индивидуализма, «общечеловеческих ценностей и свобод» и основанная на этих принципах транснациональная идеологическая унификация («конец истории» по Ф. Фукуяме [1995]). Либеральный проект тоже оказался неуспешным, поскольку он не учитывал местных культурных традиций, разрушал исторически сложившиеся механизмы социальной самоорганизации. Попытки насильственного внедрения «демократии» в страны третьего мира привели к хаотизации, насилию, гражданским войнам (в Ираке, Ливии, Сирии и др.). Переход к «демократии». В странах второго мира (то есть в странах бывшего социалистического ла-

⁸ Историческим аналогом этого *проекта бедных* являются возникшие во время завершения «осевого времени» эгалитаристские воззрения эссеев (Амусин 1983).

⁹ Одной из важнейших причин того, почему исходная (марксистская) версия коммунистической идеологии оказалась неадекватной реальной ситуации в мире в конце XX в., стало следующее: к этому времени доля промышленного пролетариата в населении развитых стран начала стремительно снижаться, уступая место занятым в сфере услуг.

¹⁰ Историческим аналогом *проекта богатых* являются предпринимавшиеся в эпоху Римской империи попытки ввести обязательную для всех провинций официальную религию на основе культа императора (Джарман 2012).

геря) порождал политическую дестабилизацию, а после нее – социальную апатию.

Что же сможет стать интегрирующей идеологией, завершающей процесс глобализации? Понятно, что эта идеология не будет иметь религиозную форму, иначе ей придется вступить в бой с существующими религиями и это приведет лишь к повышению конфликтности¹¹. Интегрирующая идеология должна иметь форму *этики*, устанавливающей примат коллективных ценностей и социальной солидарности. В истории уже были аналоги подобного типа этик: это и конфуцианская этика, и Великая Яса Чингисхана, и православная этика. Россия – это страна, без меча и огня объединившая бескрайние и разнородные евразийские пространства. Поэтому ее исторический опыт культурной интеграции обширных пространств имеет огромное мировое значение и будет все более востребован.

Библиография

- Альтернативная** глобализация: 7-й технологический уклад. 2010. URL: http://www.maib.ru/prognostication/finamfm/2010/01/29/finamfm_114.html.
- Амусин И. Д. 1983.** *Кумранская община*. Л.: Наука.
- Джарман О. А. 2012.** Культ императора в Древнем Риме и Италии в межзаветную и раннехристианскую эпоху. *Христианское чтение* 2: 56–118.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.) 2008.** *История и математика: Модели и теории*. М.: Изд-во ЛКИ.
- Малков С. Ю. 2016а.** Кризис глобализации и Россия. *История и современность* 1(23): 109–132.
- Малков С. Ю. 2016б.** Мировое развитие и российская идентичность. *Вестник российской нации* 4(49): 140–157.
- Малков С. Ю., Андреев А. И., Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков А. С. 2016.** *Россия в контексте мировой динамики: моделирование и прогноз*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Малков С. Ю., Максимов А. А. 2018.** Контуры грядущего миропорядка. *История и современность* 4(30): 3–29.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2012.** *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М.: ИСПИ РАН.
- Фукуяма Ф. 1995.** Конец истории? *Философия истории. Антология* / Сост. Ю. А. Кимелев. М.: Аспект Пресс.
- Ясперс К. 1994.** *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.
- Wallerstein I. 1984.** Economic Cycles and Socialist Policies. *Futures* 16(6): 579–585.

¹¹ Религии основаны на догматах и на безоговорочной вере в эти догматы. Поэтому невозможно быть приверженцем сразу нескольких религий, приходится выбирать что-то одно. В этом причина бескомпромиссности религиозных конфликтов и религиозных войн.

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. Методический подход и базовая модель

Опыт анализа и математического моделирования исторических процессов (см. например, Чернавский и др. 2002; Малков 2005; Малков 2009) показал эффективность использования следующего алгоритма формирования математических моделей. В социальной системе (СС) выделяются главные подсистемы (социальные группы или институты), которые определяют особенности ее функционирования. В качестве основных характеристик для описания каждой из подсистем используются следующие: численность N_i рассматриваемой социальной группы и суммарные материальные накопления X_i членов группы. На основе решения дифференциальных уравнений, описывающих динамику данных величин, определяются зависимости $N_i = N_i(t)$, $X_i = X_i(t)$, $i = 1, \dots, k$ для выделенных подсистем. Эти зависимости являются результатом экономических, демографических и социально-политических процессов. Система уравнений, учитывающая эти процессы, может быть записана в виде:

$$\left\{ \begin{array}{l} \dot{N}_i = N_i \cdot D_i(x_i) + \sum_{j=1}^k D'_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \sum_{j=1}^k D''_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) \\ \dot{X}_i = F_i(\vec{X}, \vec{N}, \vec{I}) - N_i \cdot Q_i(x_i) + \sum_{j=1}^k G_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - \\ \quad - \sum_{i=1}^k C_{ij}(N_i, x_i, N_j, x_j) - I_i(x_i, N_i) \end{array} \right. \quad (1)$$

$$D'_{ij} = -D'_{ji}, \quad D''_{ij} \geq 0, \quad G_{ij} = -G_{ji}, \quad F_i \geq 0, \quad Q_i \geq 0, \quad C_{ij} \geq 0, \quad I_i \geq 0; \quad i, j = \overline{1, k},$$

где точка над символом означает дифференцирование по времени;

$x_i = X_i/N_i$ – средние удельные накопления представителей i -й группы;

D_i – демографический коэффициент, представляющий собой разность между рождаемостью и смертностью (количественные характеристики которой зависят от социальных и экономических условий);

D'_{ij} – скорость перехода из группы j в группу i ;

D''_{ij} – смертность в группе i , обусловленная антагонистическим взаимодействием с группой j ;

F_i – функция производства, понимаемая как количество продукта, производимого членами социальной группы в единицу времени;

Q_i – функция индивидуального потребления;

G_{ij} – количество материальных благ, изымаемых тем или иным образом группой i у группы j или передаваемых из группы i в группу j (например, налоги, субсидии и т. п.);

C_{ij} – затраты группы i на управление группой j ;

I_i – затраты на производство материальных благ (инвестиции в производство).

В левой части уравнений – выражения для скоростей изменения величин $X_i(t)$ и $N_i(t)$, в правой – математическое описание процессов, влияющих на изменение этих величин. Такой способ описания экономико-демографической динамики соответствует методологии системной динамики, использовавшейся Дж. Форрестером, Д. Медоузом и их последователями при создании моделей для Римского клуба.

В модели (1) используются усредненные величины. Усреднение проводится внутри каждой социальной группы для всех ее членов. При необходимости в модели можно учитывать разброс индивидуальных характеристик внутри социальных групп. Правила разбиения общества на группы зависят от решаемых в исследовании задач.

Несмотря на то, что описанный алгоритм формально описывает экономико-демографические процессы, реально он позволяет изучать вопросы социально-политической стабильности, эффективности систем управления и социальных институтов, поскольку от этих факторов существенным образом зависят многие важные параметры системы (1)¹² и устойчивость СС к дестабилизации (Малков, 2002).

В зависимости от соотношений параметров система уравнений (1) может иметь или один, или несколько, или ни одного устойчивого состояния (аттрактора). Характеристики аттракторов позволяют судить о свойствах социальной системы и анализировать способы обеспечения ее устойчивости (в том числе, способы координации взаимодействия ее социально-экономических подсистем).

Исследование устойчивости СС к *внешним* дестабилизирующим воздействиям (со стороны других СС) проводится на основе анализа и моделирования конкурентной борьбы СС друг с другом, включающей в себя как экономическую, так и политическую (в том числе с использованием военной силы) борьбу. Базовая модель конкурентной борьбы изложена в работах (Чернавский и др. 2005; Малков, Кирилюк 2013). Модель сформирована на основе формализации общих закономерностей, характеризующих взаимодействие политических, социально-экономических, социокультурных, информационных, биологических систем. В обобщенном виде она представляет собой систему дифференциальных уравнений, описывающих изменение соотношения сил различных акторов (от английского *act* – действовать) в результате конкурентной борьбы:

$$\partial u_i / \partial t = G_i(u_i, x, y) - A_i(u_i, x, y) - \sum_{j \neq i} B_{i,j}(u_i, u_j) + D_i(u_i, x, y), \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N. \quad (2)$$

Здесь t – время; x, y – пространственные координаты; u_i – показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования, экономической и военной мощи и т. п.; см.: Винокуров и др. 2013) i -го актора в момент времени t в точке пространства (x, y) , где x и y – пространственные координаты. Член $G_i(u_i, x, y)$ описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го актора. Член $A_i(u_i, x, y)$

¹² Например, параметры, характеризующие перераспределение ресурсов между социальными группами, необходимые затраты на управление и т. п.

описывает снижение «силы» i -го актора вследствие естественных процессов (отрицательные обратные связи в социальной системе, ресурсные ограничения и т. п.) и внутривидовой борьбы (конкуренция подсистем i -го актора между собой). Член $B_{i,j}(u_i, u_j)$ описывает конкурентную борьбу между акторами. Этот член отрицателен, поскольку в конкурентной борьбе акторы стремятся подавить друг друга. Член $D_i(u_i, x, y)$ описывает распространение «силы» акторов в пространстве.

В зависимости от целей исследования система (2) может моделировать различные аспекты конкурентной борьбы социальных систем: экономические, военно-политические, идеологические и др.

Совокупность конкурирующих СС одного типа могут составлять мегасистему (цивилизацию), противостоящую другой мегасистеме (примерами могут служить противостояние земледельческих и кочевых народов, христианских и мусульманских стран на протяжении длительных исторических периодов и т. п.). С другой стороны, социальные слои одной СС представляют собой подсистемы, находящиеся в конкурентных (вплоть до антагонистических) отношениях друг с другом. Таким образом, социальные системы при моделировании могут быть представлены в виде сложных структур, каждый уровень которых описывается базовыми динамическими уравнениями типа (1) или (2).

Ниже модель (1)–(2) использована для описания функционирования общества в различных исторических ситуациях.

2. Модель общества с ограниченными ресурсами

Важным частным случаем является функционирование общества в условиях ограниченных ресурсов. Такая ситуация характерна для *аграрных* обществ. В таких обществах ресурсы ограничены плодородием земли и – главное – площадью обрабатываемых земель, которую контролирует рассматриваемое общество.

2.1. Описание математической модели

При моделировании аграрного общества будем считать, что его основными социальными группами являются, с одной стороны, сельскохозяйственные производители – крестьяне, а с другой стороны, военно-административная элита и землевладельцы, объединенные в одну группу, называемую далее «государство». Произведенный продукт расходуется на потребление как непосредственно (продукты питания), так и в преобразованной форме (ремесленная продукция, услуги и т. п.). «Государство» живет за счет налогов, при этом оно может расходовать определенные средства на стимулирование и повышение эффективности сельскохозяйственного производства (что сказывается на появлении зависимости производительности крестьян от экономического состояния государства), а также тратит определенные средства на удержание производителей в повиновении и на обеспечение внешней безопасности (охрана границ государства от агрессии соседей).

Будем считать, что в рассматриваемой социальной системе налоги земледельцев составляют фиксированную часть урожая, а производительность труда

постоянна. Будем считать также, что система замкнута, то есть такими явлениями, как иммиграция и эмиграция, изменение границ, войны с соседями, можно пренебречь на отрезке времени, на котором ведется моделирование (либо учесть с помощью экзогенно задаваемых параметров).

С учетом изложенных выше допущений модель (1) может быть преобразована в модель аграрного общества, основными акторами которой являются «государство» (военно-административная элита и землевладельцы) и земледельцы (крестьяне):

$$\begin{cases} \frac{dX}{dt} = \beta\gamma R(N)N - Q_X(X) - C(N, \frac{Y}{Y_0}) \\ \frac{dY}{dt} = \gamma R(N) - Q_Y(Y) - \beta\gamma R(N) \\ \frac{dN}{dt} = rN(1 - \frac{Y_0}{Y}) \end{cases}, \quad (3)$$

$$R(N) = \begin{cases} R_0, & N < N_0 - \text{область I} \\ R_0 \frac{N_0}{N}, & N \geq N_0 - \text{область II} \end{cases}, \quad (4)$$

где X – материальные накопления государства (элиты); Y – средние материальные накопления земледельцев; β – часть урожая, идущая на уплату налогов; $R(N)$ – площадь земли, обрабатываемой одним крестьянским хозяйством; C – функция затрат государства на управление (на обеспечение повиновения крестьян); N – численность крестьян в рассматриваемом регионе; $Q_X(X)$, $Q_Y(Y)$ – функции потребления государства и крестьян, соответственно показывающие, какое количество продукта потребляется ими в единицу времени (для упрощения можно считать, что потребление пропорционально накоплениям, то есть $Q_X(X) = \alpha_X X$, $Q_Y(Y) = \alpha_Y Y$, где α_X , α_Y – коэффициенты); Y_0 – уровень выживания (при этом уровне прекращается рост населения, смертность начинает превышать рождаемость); r – демографический коэффициент, характеризующий скорость роста населения в ситуации, когда ресурсные ограничения отсутствуют; γ – производительность труда; N_0 – численность населения, при которой обрабатывается вся пригодная земля; R_0 – максимальная площадь земли, которую способен обработать один крестьянин со своей семьей.

Первое уравнение системы (3) отражает динамику изменения совокупных накоплений элиты (государства): доходы – налоговые поступления, расходы – затраты на потребление и на управление. Второе уравнение системы (3) отражает динамику изменения накоплений крестьянских хозяйств: доходы – выращенный урожай на одно крестьянское хозяйство, расходы – затраты крестьянского хозяйства на потребление и налоги. Третье уравнение системы (3) отражает демографическую динамику земледельцев в зависимости от их благосостояния (уменьшение благосостояния отрицательно влияет на прирост населения и при снижении благосостояния до величины Y_0 демографический рост прекращается).

В модели расчет численности элиты не производится, поскольку считается, что она многократно меньше численности земледельцев и ее вкладом в демографические показатели можно пренебречь.

Уравнение (4) отражает ограниченность земельных ресурсов. Если при низкой плотности населения (область I) дефицита земель нет, то при высокой плотности населения (область II) сельскохозяйственных угодий не хватает и крестьянские наделы уменьшаются обратно пропорционально увеличению N .

Модель (1)–(2) использовалась для исследования состояний равновесия и анализа динамических состояний системы.

2.2. Локальное экономическое равновесие

Рассмотрим сначала ситуацию установления *экономического* равновесия в системе. Предположим, что при $Y \geq Y_0$ скорость демографических изменений значительно ниже скорости изменений накоплений X и Y . Следовательно, динамику системы можно рассмотреть как быстрое установление равновесных значений X и Y при постоянном N , рассматриваемом в качестве параметра, и медленном изменении N к своему равновесному значению, с соответствующим дрейфом X и Y .

Используя теорему Тихонова, можно систему (3) преобразовать в упрощенную систему (5), описывающую динамику «быстрых» переменных X , Y при заданном параметре численности населения $N = \text{const}$:

$$\begin{cases} \frac{dX}{dt} = \beta\gamma R(N)N - \alpha_x X - C(N, \frac{Y}{Y_0}) \\ \frac{dY}{dt} = \gamma(1 - \beta)R(N) - \alpha_y Y \end{cases} \quad (5)$$

Здесь для упрощения считается, что потребление пропорционально накоплениям, то есть $Q_X(X) = \alpha_x X$, $Q_Y(Y) = \alpha_y Y$, где α_x , α_y – коэффициенты.

Затраты на управление $C = C(N, Y/Y_0)$ можно представить в виде:

$$C(N, \frac{Y}{Y_0}) = \frac{cNY_0}{Y} \quad (6)$$

Это отражает тот факт, что при обнищании населения растет социальная напряженность и, как следствие, возрастают расходы, необходимые для поддержания порядка и управляемости.

На рисунках П21.1 и П21.2 отражена динамика изменения X и Y в соответствии с (5) для различных начальных данных. Видно, что при заданных значениях параметров система стремится к устойчивому равновесию.

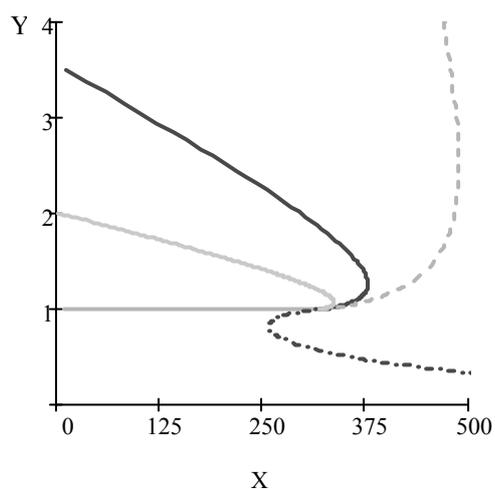

Рис. П21.1. Фазовые траектории системы (5) в координатах (Y, X)

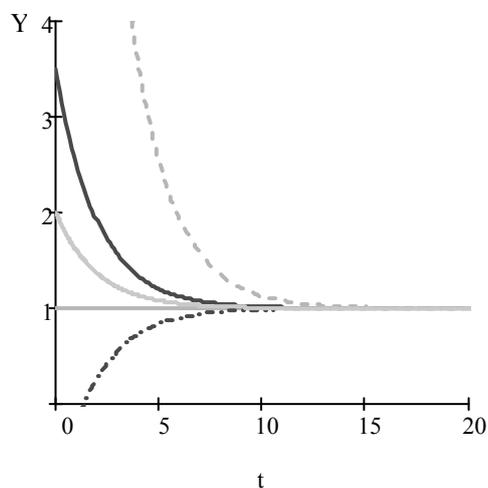

Рис. П21.2. Изменение величины средних накоплений земледельцев $Y(t)$ (для различных начальных значений)

Найдем точки равновесия системы (5). Приравняв правые части уравнений к нулю, получим для равновесных значений X^* , Y^* :

$$X^* = \frac{N}{\alpha_X} \left(\gamma \beta R(N) - \frac{c Y_0}{Y^*} \right), \quad (7)$$

$$X^* = \frac{N}{\alpha_X} \left(\gamma \beta R(N) - \frac{c Y_0 \alpha_Y}{\gamma(1-\beta)R(N)} \right), \quad (8)$$

$$Y^* = \frac{\gamma(1-\beta)R(N)}{\alpha_Y}. \quad (9)$$

Собственные значения якобиана линеаризованной в окрестности (X^*, Y^*) системы равны соответственно $\lambda_1 = -\alpha_X$, $\lambda_2 = -\alpha_Y$, то есть точка равновесия устойчива. Запишем отдельно выражения для X^* , Y^* в областях I ($N < N_0$) и II ($N \geq N_0$) соответственно.

В области I (при $N < N_0$) имеем:

$$X^* = \frac{N}{\alpha_X} \left(\gamma \beta R_0 - \frac{c Y_0 \alpha_Y}{\gamma(1-\beta)R_0} \right), \quad (7a)$$

$$Y^* = \frac{\gamma(1-\beta)R_0}{\alpha_Y}. \quad (8a)$$

В области II (при $N \geq N_0$) имеем:

$$X^* = \frac{1}{\alpha_X} \left(\gamma \beta R_0 N_0 - \frac{c Y_0 \alpha_Y}{\gamma(1-\beta)R_0 N_0} N^2 \right), \quad (7b)$$

$$Y^* = \frac{\gamma(1-\beta)R_0}{\alpha_Y} \frac{N_0}{N}. \quad (8b)$$

Из требования $X > 0$ следуют условия существования состояния равновесия системы (5):

$$\frac{\beta(1-\beta)}{c Y_0 \alpha_Y} (\gamma R(N))^2 > 1 \quad (9)$$

или

$$\begin{cases} \frac{\beta(1-\beta)(\gamma R_0)^2}{c Y_0 \alpha_Y} > 1 & \text{при } N < N_0 \\ \frac{\beta(1-\beta)}{c Y_0 \alpha_Y} \left(\gamma R_0 \frac{N_0}{N} \right)^2 > 1 & \text{при } N > N_0 \end{cases} \quad (9a)$$

b)

Логично считать, что «государство» будет стремиться установить такой уровень налогов β , при котором величина $X^*(\beta)$ будет максимальной. Оптимальная (с точки зрения «государства») величина β_{opt} находится из условия:

$$dX^*/d\beta = 0, \text{ откуда } \beta_{opt} = 1 - \frac{\sqrt{c Y_0 \alpha_Y}}{\gamma R(N)}. \quad (10)$$

При таком уровне налогов величины X^* , Y^* принимают значения:

$$\begin{aligned} X_{opt}^* &= \frac{N}{\alpha_X} \left(\gamma R(N) - 2\sqrt{c Y_0 \alpha_Y} \right) \\ Y_{opt}^* &= \sqrt{\frac{c Y_0}{\alpha_Y}} \end{aligned} \quad (11)$$

Условие устойчивости существования государства в терминах модели может быть записано как $X^* > 0$. Откуда на основании (9) и (11) можно утверждать, что государство легче образуется там, где:

- меньше затраты на управление ($c \rightarrow 0$);
- благоприятнее условия для сельскохозяйственного производства (γR_0 имеет высокое значение);
- ниже потребности населения (Y_0 и α_Y имеют низкое значение).

Из уравнения (7b) можно найти критическое значение численности населения N_C , при котором $X^* = 0$ (социальная система дестабилизируется):

$$N_C = \gamma R_0 N_0 \sqrt{\frac{\beta(1-\beta)}{c Y_0 \alpha_Y}}. \quad (12)$$

2.3. Общее экономико-демографическое равновесие

Учтем теперь, что численность населения N непостоянна, и точка (X^*, Y^*) дрейфует к глобальному равновесному положению (X^{**}, Y^{**}, N^{**}) (то есть к точке устойчивого равновесия системы (5)). Из третьего уравнения системы (3) получим дополнительное условие для координат точки равновесия: $Y^{**} = Y_0$.

При $Y_0 > \gamma(1-\beta)R_0/\alpha_Y$ точка равновесия отсутствует, поскольку при этом условии благосостояние крестьян оказывается ниже точки физического выживания и система стабильной быть не может.

При $Y_0 < \gamma(1-\beta)R_0/\alpha_Y$ ситуация следующая: если $N < N_0$ (то есть мы находимся в области I), то $dN/dt > 0$, численность населения непрерывно растет и система попадает в область II. В области II ($N \geq N_0$) из (7b, 8b) получаем:

$$X^{**} = \frac{\gamma R_0 N_0}{\alpha_X} \left(\beta - c \frac{(1-\beta)}{Y_0 \alpha_Y} \right), \quad (13)$$

$$Y^{**} = Y_0, \quad (14)$$

$$N^{**} = \gamma R_0 N_0 \frac{(1-\beta)}{Y_0 \alpha_Y}. \quad (15)$$

Условия существования государства следуют из условий $X^{**} > 0$, $N^{**} > N_0$, то есть:

$$\frac{Y_0 \alpha_Y}{c} \frac{\beta}{1-\beta} > 1, \quad (16)$$

$$\frac{\gamma R_0}{Y_0 \alpha_Y} (1-\beta) > 1, \quad (17)$$

откуда:

$$\frac{c}{Y_0 \alpha_Y + c} < \beta < 1 - \frac{Y_0 \alpha_Y}{\gamma R_0}. \quad (18)$$

Результаты соответствующих расчетов представлены на рис. П21.3.

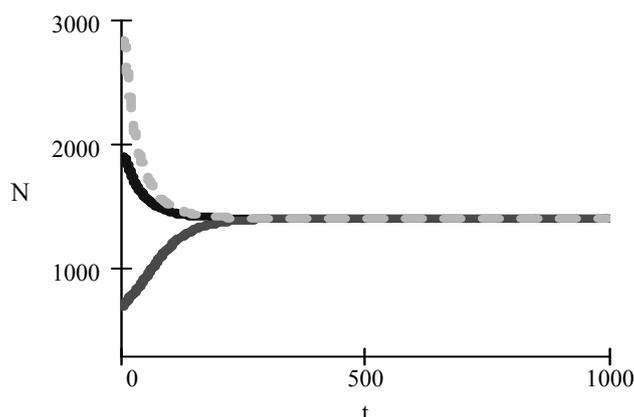

Рис. П21.3. Изменение численности населения $N(t)$ при различных начальных значениях

Итак, государство имеет возможность изменять ставку налога β в интервале от

$\frac{c}{Y_0\alpha_Y + c}$ до $1 - \frac{Y_0\alpha_Y}{\gamma R_0}$, причем нижняя граница интервала соответствует меньшим значениям X^{**} и большим значениям N^{**} и наоборот, верхняя граница – большим значениям X^{**} и меньшим N^{**} .

Главный вывод таков: в обществе с ограниченными ресурсами, если преобладает многодетная модель семьи (а в аграрном обществе многодетная модель семьи является естественной, поскольку крестьянские семьи заинтересованы в большом количестве рабочих рук), рано или поздно численность населения достигает равновесного уровня, определяемого демографической емкостью территории, и далее не растет. При этом уровень благосостояния земледельцев низкий и соответствует уровню выживания Y_0 . Такая ситуация называется «мальтузианской ловушкой».

2.4. Демографические циклы

Учтем то, что производительность труда γ , вообще говоря, не является постоянной величиной и, в частности, зависит от материальных возможностей земледельцев Y и влияния «государства» на хозяйственные процессы, что в рамках используемой модели должно выражаться в зависимости γ от Y и X : $\gamma = \gamma(X, Y)$. При этом в странах так называемого восточного типа γ гораздо более зависит от X , чем от Y , а в странах западного типа – наоборот. Это связано с тем, что в цивилизациях Востока, особенно в так называемых «речных цивилизациях», была высока роль государства в экономических процессах, прежде всего в организации общественных работ по мелиорации, рытью каналов и т. п. В западной цивилизации роль государства в экономике была невелика, оно практически не участвовало в развитии производительных сил. О повышении производительности труда заботилось не государство, а население. Соответственно, можно счи-

тать, что для Востока $\gamma = \gamma(X)$, для Запада $\gamma = \gamma(Y)$. Если в обществе есть демографический отток и идет постепенный рост γ , то это стабилизирует ситуацию и точка равновесия начинает дрейфовать.

Рассмотрим случай $\gamma = \gamma(X)$, характерный для стран Востока (прежде всего, для так называемых «речных цивилизаций»). В рамках модели будем считать, что логика изменения $\gamma(X)$ следующая. Если государство слабое ($X < X_1$), то оно не влияет на экономику, и γ определяется лишь возможностями земледельцев ($\gamma = \gamma_1$). При повышении X выше некоторого порога ($X > X_1$) государство имеет возможность часть своих ресурсов расходовать на проведение мелиоративных работ, организацию строительства каналов и т.п., что в конечном итоге приводит к увеличению средней производительности труда до $\gamma = \gamma_2$. В соответствии с этим можно принять, что зависимость производительности труда от X имеет следующий вид:

$$\gamma(X) = \begin{cases} \gamma_1, & 0 < X \leq X_1 \\ \frac{\gamma_2 - \gamma_1}{X_2 - X_1} X + \frac{\gamma_1 X_2 - \gamma_2 X_1}{X_2 - X_1}, & X_1 < X < X_2 \\ \gamma_2, & X \geq X_2 \end{cases} \quad (19)$$

В странах Запада государство слабо участвовало в экономической жизни, поэтому в рамках модели для западных стран можно считать $\gamma = \gamma(Y)$, при этом в периоды, когда технологического прогресса не было или он был слабый, можно считать $\gamma \approx const$ (в этом случае можно использовать формулу (19) при условии $\gamma_1 = \gamma_2$)¹³.

Демографический коэффициент r и коэффициент c , отражающий величину затрат государства на управление, в общем случае не являются постоянными величинами и зависят от состояния общества. Будем считать, что если средние материальные накопления земледельцев больше прожиточного минимума ($Y > Y_0$), то в обществе сохраняется социальная стабильность и коэффициенты r и c принимают значения r_2 и c_1 . При $Y < Y_0$ в обществе возникает кризисная ситуация, и демографический коэффициент r должен учитывать скорость аномальной убыли населения вследствие гражданских войн, эпидемий, массового голода и т.п. ($r = r_3 > r_2$), соответственно коэффициент c должен учитывать усиление неповиновения и сопротивления крестьян землевладельцам ($c = c_2 > c_1$). В соответствии с этим коэффициенты r и c можно представить в виде:

$$r(Y) = \begin{cases} r_2, & Y > Y_0 \\ r_3, & Y < Y_0 \end{cases}, \quad (20)$$

$$c(Y) = \begin{cases} c_1, & Y > Y_0 \\ c_2, & Y < Y_0 \end{cases}, \quad (21)$$

где $r_3 > r_2$, $c_2 > c_1$.

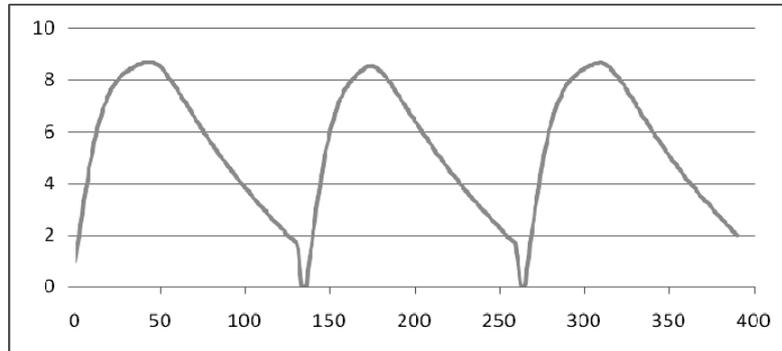
¹³ Случай, когда производительность труда изменяется вследствие технологического прогресса, будет рассмотрен позднее.

В модели также нужно учесть миграционные процессы, в частности тот факт, что в эпохи демографического сжатия (когда численность населения достигает уровня демографической емкости) сельское население начинает активно уезжать в другие местности и/или переезжать в города. Если принять, что ежегодно мигрирует доля r_1 сельского населения, то система уравнений (3) преобразуется к виду:

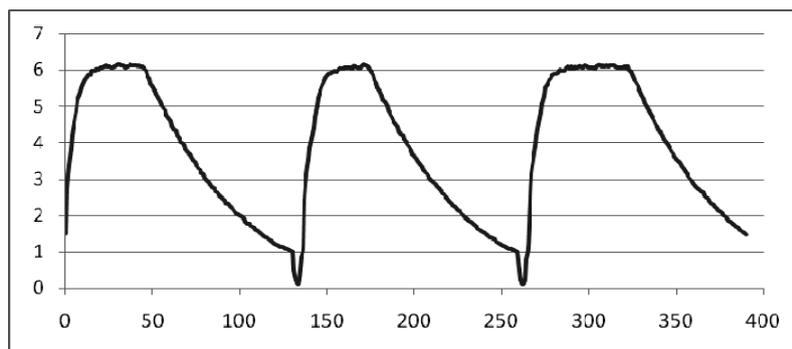
$$\begin{cases} \frac{dX}{dt} = \beta\gamma(X, Y)R(N)N - \alpha_X X - c(Y)N \frac{Y_0}{Y} \\ \frac{dY}{dt} = \gamma(X, Y)R(N) - \alpha_Y Y - \beta\gamma(X)R(N) \\ \frac{dN}{dt} = r(Y)N(1 - \frac{Y_0}{Y}) - r_1 N \end{cases} \quad (22)$$

Результаты численного моделирования показывают, что при определенном соотношении параметров социальная система, описываемая уравнениями (19)–(22), (4) становится неустойчивой и переходит в колебательный режим. Это означает, что в ней возникают социально-демографические циклы.

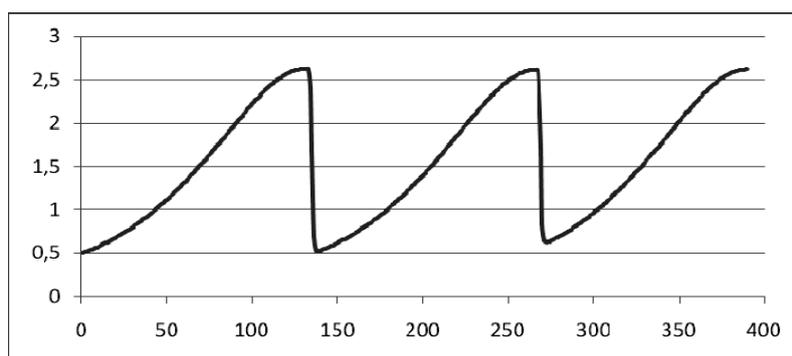
На рис. П21.4 представлены типовые результаты расчетов по модели (19)–(22), (4) с учетом зависимости $\gamma = \gamma(X, Y)$ в соответствии с (19) в отсутствие миграции в другие территории или в города, то есть $r_1 = 0$. Считается, что снабжение городов продуктами питания осуществляется за счет рыночного сектора экономики, а в сельской местности преобладает натуральное хозяйство. Насколько способен рыночный сектор прокормить растущее городское население в период демографического сжатия – особый вопрос, выходящий за рамки данной модели (этот вопрос рассматривается, например, в работах: Гринин и др. 2008; Гринин и др. 2009), соответствующая модель будет изложена в следующем разделе.

(а)

(б)

(в)

Рис. П21.4. Циклическая динамика изменения X (а), Y (б) и N (в) в соответствии с моделью (22) (по оси абсцисс – время в годах, значения по оси ординат – в относительных единицах)

Видно, что периоды относительной стабильности периодически сменяются социально-демографическими кризисами, характеризующимися депопуляцией, экономическим коллапсом, резким ослаблением государства. Такая динамика была характерна для многих государств древности. Наиболее ярким примером циклического развития является история Китая начиная со времени образования в нем империи в III в. до н. э. На рис. П21.5 приведены результаты моделирования демографической динамики в Китае в эпоху Мин (точки – исторические данные (Коротаяев и др. 2007), гладкая кривая – расчет по модели).

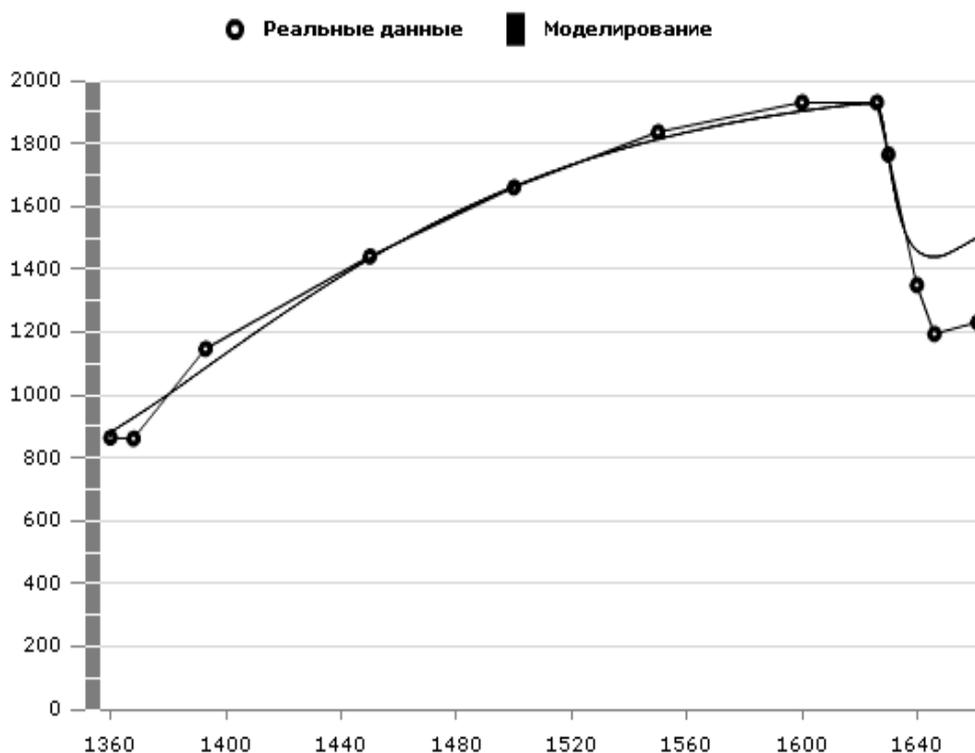
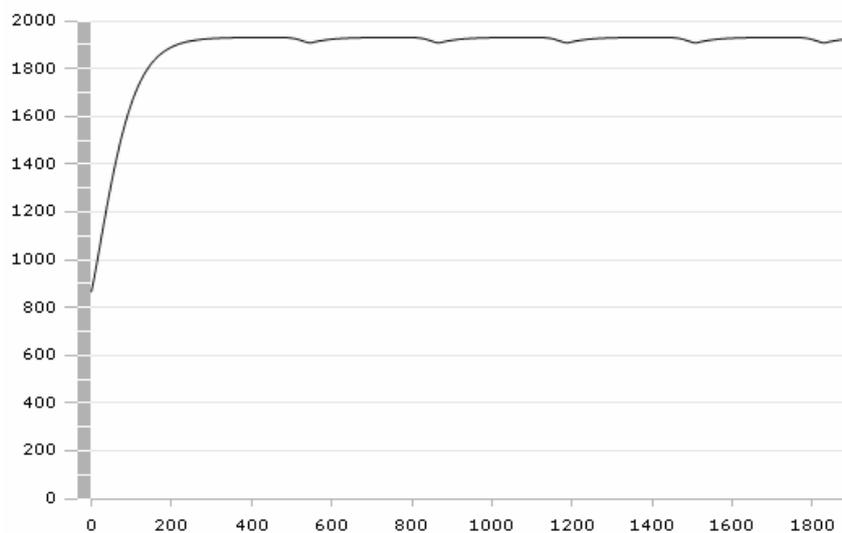

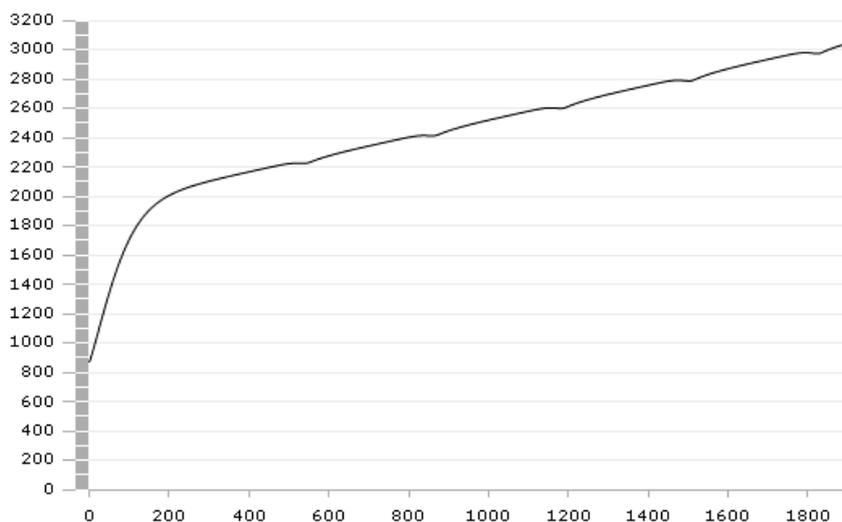
Рис. П21.5. Моделирование демографической динамики $N(t)$ в Китае в эпоху Мин (по оси абсцисс – годы; по оси ординат – численность населения в относительных единицах, одно деление соответствует 74 360 человек)

Видно, что соответствие расчетных и реальных данных достаточно хорошее.

Расчеты по модели показывают, что миграция, и с частности отток населения в города, стабилизирует демографическую ситуацию в сельской местности. На рис. П21.6 приведены результаты расчетов демографической динамики сельского населения (а) и общего населения (городского и сельского вместе) (б) при наличии оттока в города на уровне 0,03 % в год при тех же параметрах, при которых рассчитывались графики на рис. П21.5.

(а)

(б)

Рис. П21.6. Результаты расчета динамики сельского населения (а) и общего населения (вместе с городским) (б) при наличии оттока сельского населения в города

Видно, что демографические циклы прекращаются и начинается непрерывный демографический рост (при условии, что одновременно растет производительность труда в сельском хозяйстве [Гринин и др. 2008; Гринин и др. 2009]). Такая ситуация впервые реализовалась в Англии в XVIII в. (рис. П21.7, данные из: Нефедов 2005) и далее в течение XIX в. стала характерна для многих стран мира.

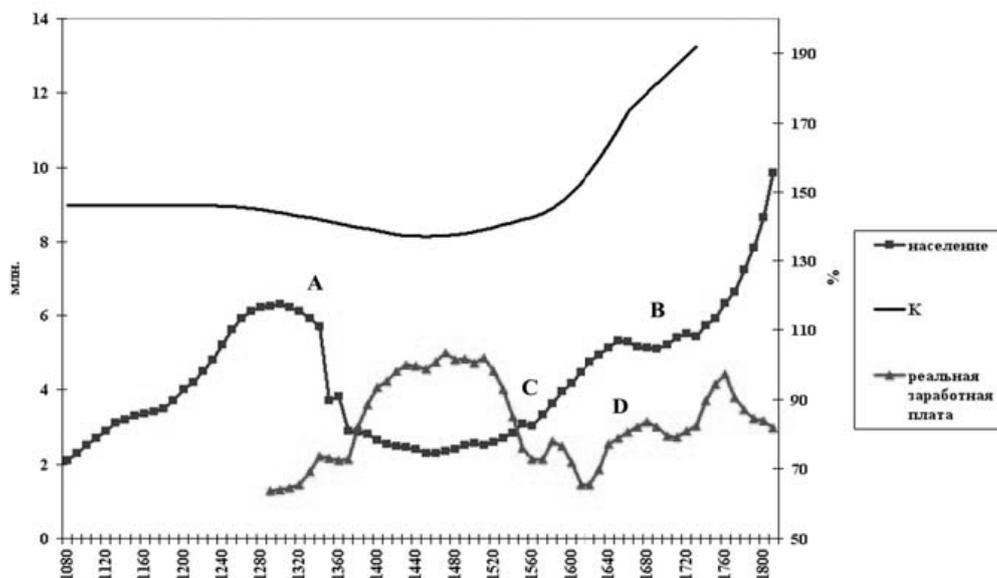

Рис. П21.7. Численность населения и уровень потребления в Англии XII–XVIII вв. (К – демографическая емкость территории) (Нефедов 2005)

Таким образом, разработанная модель может быть использована не только для анализа демографических циклов, но и при исследовании условий выхода аграрного общества из «мальтузианской ловушки» и перехода демографической динамики на траекторию демографического роста.

В заключение отметим, что в условиях ограниченного ресурса в обществе в результате социальной самоорганизации формируется институциональная система X-типа, основанная на распределительных принципах и жестком противопоставлении социальных групп по принципу «свой-свой», «свой-чужой» (об особенностях институциональных структур X-типа см. главу 16).

3. Модель общества с растущим ресурсом

Рассмотрим теперь ситуацию, когда производительность труда y растет в результате технологического прогресса. Такая ситуация характерна для *индустриальных* обществ. В этом случае, если по-прежнему в качестве основных социальных групп рассматривать управленческую элиту («государство») и остальное население, базовая система уравнений (1), на макроуровне описывающая экономико-демографическую динамику общества, преобразуется к виду:

$$\begin{cases} \frac{dX}{dt} = \beta F(\gamma)N - Q_X(X) - C(N, \frac{Y}{Y_0}) \\ \frac{dY}{dt} = F(\gamma) - Q_Y(Y) - \beta F(\gamma) \\ \frac{dN}{dt} = rN(1 - \frac{Y_0}{Y}) \end{cases}, \quad (23)$$

где X – бюджет государства; Y – средние материальные накопления членов общества; $F(\gamma)$ – средние доходы на душу населения (на макроуровне они пропорциональны ВВП на душу населения); β – часть доходов, идущая на уплату налогов; C – функция затрат государства на управление; N – численность населения; $Q_X(X)$, $Q_Y(Y)$ – функции потребления государства и населения, соответственно показывающие, какое количество продукта потребляется ими в единицу времени; Y_0 – уровень выживания (при этом уровне прекращается рост населения, смертность начинает превышать рождаемость); r – демографический коэффициент, характеризующий скорость роста населения в ситуации, когда ресурсные ограничения отсутствуют; γ – производительность труда.

Отличие от модели (3)–(4) в том, что в качестве ресурса выступает растущая функция $F(\gamma)$, зависящая от темпов технологического прогресса. Если эти темпы достаточно высокие, то $Y(t)$ становится неубывающей функцией от времени t и ограничения на демографический рост исчезают. В этом случае все переменные системы (23) начинают расти, устойчивого равновесного состояния нет. Темпы роста $X(t)$ и $Y(t)$ зависят от динамики повышения производительности труда $\gamma(t)$, которая определяется динамикой технологического прогресса и является внешней функцией по отношению к системе (23). Темпы роста $N(t)$ зависят как от динамики $Y(t)$, так и от изменения параметра r (например, в индустриальном обществе параметр r начинает стремиться к нулю, поскольку происходит переход от многодетной к малодетной модели семьи). В результате возможна ситуация, когда экономический рост продолжается, а демографический – прекращается (такая ситуация характерна для современного западного общества).

Ситуация долговременного экономического роста влияет на институциональное развитие. В условиях постоянного увеличивающегося ресурса в обществе в результате социальной самоорганизации формируется институциональная система Y -типа, основанная на внутренней конкуренции и индивидуализме (об особенностях институциональных структур Y -типа см. главу 16).

4. Модель глобальных фазовых переходов

Изложенные выше модели позволяют объяснить и описать долгосрочную глобальную динамику, о которой шла речь в главе 16. В этой главе показано, что исторический процесс на протяжении последних 10 тыс. лет проходил крайне неравномерно: эпохи медленного экономического и демографического развития периодически сменялись «эпохами перемен», которые были связаны с техноло-

гическими революциями и во время которых наблюдался чрезвычайно быстрый рост демографических и экономических характеристик (см. рис. 16.5 и 16.6 в основной части главы).

В эпохи медленного развития технологический рост был слабым, производительность труда менялась незначительно, поэтому общество находилось в «мальтузианской ловушке». Это ситуация описывается моделью (3)–(4), изложенной выше в разделе 2. В такие эпохи социальная самоорганизация приводила к формированию институциональных структур X-типа.

«Эпохи перемен» были связаны с технологическими революциями, описанными в главе 16. В эти эпохи шел быстрый экономический и демографический рост, что способствовало формированию институциональных структур Y-типа. Эта ситуация описывается моделью (23), изложенной выше в разделе 3. Как свидетельствуют исторические данные, особенностью этих эпох было то, что экономический и демографический рост шел в режиме с обострением, имеющем *точку сингулярности*¹⁴. При этом демографический рост на начальных стадиях роста с высокой точностью описывался гиперболической функцией:

$$N(t) = \frac{C}{t' - t}, \quad (24)$$

где C – константа; t' – точка сингулярности (момент времени в будущем, когда функция $N(t)$ превратится в бесконечность). Взрывной характер изменений породил у современников ожидания «конца света»: такие ожидания были у христиан в первом веке нашей эры, много говорят о приближающейся точке сингулярности и в наши дни (Малков, 2019). Причина такого характера демографических изменений заключается в специфическом характере роста производительности труда в эпохи технологических революций. Рассмотрим соответствующую математическую модель.

Базовым уравнением модели, описывающего демографическую динамику во время глобального фазового перехода (в «эпохи перемен») является третье уравнение системы (23), которое удобно записать в виде:

$$\frac{dN}{dt} = rN \left(1 - \frac{Y_0 N}{R(t)} \right), \quad (25)$$

где $R(t)$ – ресурсная база, зависящая от роста производительности труда. Динамика увеличения $R(t)$ в эпохи технологических революций может быть описана следующим образом. Пусть до технологической революции с помощью традиционных технологий¹⁵ был достигнут уровень ресурсного обеспечения R' . Пусть технологическая революция, начавшаяся в момент времени t_0 , в конечном счете подняла ресурсное обеспечение до уровня R'' , который затем остается относи-

¹⁴ Точка сингулярности – точка на числовой оси, в которой график функции уходит в бесконечность.

¹⁵ Предполагается, что инновационный потенциал традиционных технологий к этому времени уже исчерпан.

тельно стабильным до следующей технологической революции¹⁶. Тогда уравнение для роста ресурсной базы $R(t)$ с момента t_0 можно записать в виде:

$$\frac{dR}{dt} = f(N, R) \left(1 - \frac{R}{R''} \right), \quad (26)$$

где первый множитель в правой части отражает скорость роста технологических нововведений (изобретений), расширяющих ресурсную базу, второй множитель отражает последующее торможение роста $R(t)$ вследствие исчерпания возможностей технологической революции. Выражение для $f(N, R)$ по аналогии с (Kremer 1993; Коротаев и др. 2007) может быть записано в виде:

$$f(N, R) = kN(R - R'), \quad (27)$$

где k – постоянный коэффициент. Смысл выражения (27) следующий: скорость роста технологических нововведений пропорциональна количеству инноваторов (изобретателей), количество которых пропорционально N^{17} , а также уже имеющейся новой технологической базе (поскольку новые инновации и изобретения появляются как продолжение и развитие уже имеющихся). Таким образом, результирующее выражение для динамики $R(t)$ в эпоху технологической революции имеет вид:

$$\frac{dR}{dt} = kN(R - R') \left(1 - \frac{R}{R''} \right). \quad (28)$$

В результате совместного решения уравнений (25) и (28) определяются изменения $R(t)$ и $N(t)$ в эпохи перемен (типичные графики приведены на рисунке П21.8).

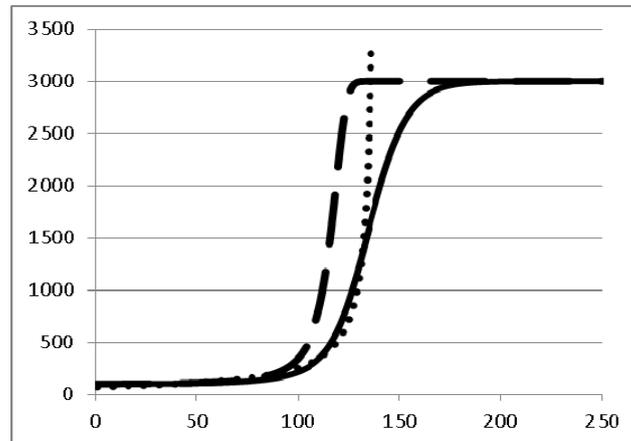

Рис. П21.8. Типовая динамика $N(t)$ (сплошная линия) и $R(t)$ (штриховая линия) в соответствии с уравнениями (25) и (28) (по оси абсцисс – годы; пунктирная линия – гипербола)

¹⁶ Считается, что ресурсная база пропорциональна освоенным технологиям.

¹⁷ Количество изобретателей хотя и составляет небольшой процент от численности населения, но тем не менее, чем больше N , тем больше изобретателей и, соответственно, тем больше изобретений.

Видно, что в ходе технологической революции $N(t)$ растет по закону, близкому к гиперболическому (гиперболическая зависимость с точкой сингулярности $t' = 138$ изображена на рис. П21.8 пунктирной линией). Серьезные отклонения $N(t)$ от гиперболического закона начинают наблюдаться лишь в близкой окрестности от точки сингулярности.

По окончании «эпохи перемен», когда инновационный потенциал технологической революции уже исчерпан, уровень производительности труда стабилизируется, экономический рост замедляется, демографический рост останавливается. Наступает новая эпоха медленного развития. После нее – новый технологический рывок, новая «эпоха перемен». И так далее.

5. Модель политогенеза

Базовая модель (1)–(2) позволяет кроме экономической и демографической динамики описать и процесс политогенеза.

В главе 21 проведен анализ стадильности в развитии политической структуры государств. Показано, что эта стадильность (*ранние, развитые, зрелые государства*) характерна как в целом для Мир-Системы, так и для различных ее регионов.

При этом неизбежно возникают вопросы:

1) Что обеспечивает устойчивость политической структуры и «удерживает» ее от кардинальных изменений на стадиях стабильного развития Мир-Системы?

2) Отчего, однако, в определенные моменты времени стабильность политических структур нарушается и происходит достаточно быстрый (по историческим меркам) переход к устойчивым структурам другого типа?

Использование научного арсенала синергетики и теории развивающихся систем (Капица и др. 1997; Малков 2002, 2004) позволяет естественным образом предложить следующую гипотезу для ответа на эти вопросы:

– устойчивость политических структур – следствие действия определенных механизмов *социальной самоорганизации*, обеспечивающих «возвращение» к устойчивым состояниям при вынужденных отклонениях от них в периоды социально-экономической и политической нестабильности;

– механизмы социальной самоорганизации зависят от *условий среды* (природной, социально-экономической, культурно-исторической);

– при значительных изменениях среды (или при снятии накладываемых ею ограничений вследствие технологических прорывов) происходит изменение механизмов социальной самоорганизации, что приводит к формированию устойчивых политических структур *другого* типа.

Задача заключается в том, чтобы выявить причины возникновения механизмов социальной самоорганизации, обеспечивающих устойчивость различных политических структур, понять, при каких условиях их эффективность оказывается высокой, а при каких – снижается ниже критического уровня и происходит смена одних механизмов на другие.

Рассмотрим эволюцию *ранних* и *развитых* государств, относящихся к докапиталистической эпохе. Анализ их отличий проведен в главе 21. В нем показано, что взаимоотношения центральной власти, местной элиты (особенно ее верхних эшелонов) и населения в *раннем* и *развитом* государствах существенно различны:

– в *раннем* государстве региональная (местная) элита, опираясь на собственные ресурсы, реально контролирует основную территорию, а население находится под ее контролем и/или юрисдикцией. Взаимоотношения населения и центра опосредуются элитой, она обладает определенным иммунитетом, центр не может без элиты организовать основные функции государства, поскольку государство еще не обладает необходимым аппаратом либо этот аппарат слаб. Это характерно для многих древних, средневековых ближневосточных и европейских, а также и других государств;

– в *развитом* государстве реальная власть центра существенно выше, элита гораздо сильнее интегрирована в государственную систему и связана с центром. *Развитое* государство по сравнению с *ранним* обладает более совершенным и многочисленным аппаратом управления. Однако достаточно системно этот аппарат представлен только в центре, а на местах он фрагментарен. Поэтому во многих случаях элита фактически становится частью аппарата на местах (прежде всего военного, но часто и административного, налогового, судебного, религиозного). Взаимоотношения центра и населения только частично опосредуются элитой, но частью осуществляются напрямую через формальный, официальный госаппарат на местах. При этом население все более надеется на центр как на защитника от местного произвола, что гораздо менее характерно для *раннего* государства.

Возникает вопрос: как и почему происходила трансформация государства от *раннего* к *развитому*, каковы особенности этой трансформации? Определенную ясность в решение этого вопроса может внести синергетика, математическое моделирование.

Математически опишем последовательные фазы интеграции отдельных территорий, управляемых местной элитой, в единое государство. Для описания взаимодействия местной элиты и населения воспользуемся базовой моделью (1)–(2). Для определенности и упрощения математических выкладок примем следующие допущения:

– рассматривается процесс интеграции в единое государство двух обществ (населяющих соседние территории и находящихся на догосударственной стадии развития), которые обозначаются в модели индексами $i = 1$ и 2 ;

– основным экономическим укладом обществ является аграрное производство при преобладании натурального хозяйства;

– элита живет за счет собираемых с населения податей;

– подавляющая часть населения является сельскохозяйственными производителями.

С учетом этих замечаний базовая модель взаимоотношений местной элиты и населения принимает следующий вид. Пусть численность населения i -й территории равна N_i . Тогда производство и перераспределение материальных благ в соответствующей социальной системе может быть описано следующей системой дифференциальных уравнений, описывающей изменение материальной обеспеченности местной элиты и населения:

$$dX_i/dt = K_i(X_i, Y_i) \cdot N_i - Q_{X_i}(X_i) - C_i(N_i, Y_i), \quad (29)$$

$$dY_i/dt = \gamma_i \cdot R_i - Q_{Y_i}(Y_i) - K_i(X_i, Y_i), \quad (30)$$

где материальные блага условно выражаются в единицах произведенного продукта:

X – объем материальных благ, имеющих у местной элиты;

Y – средние накопления, приходящиеся на душу податного населения;

$K(X, Y)$ – величина податей в пользу местной элиты (налоги, барщина, оброк и т. п.);

$Q_X(X)$ – функция потребления (траты на личные нужды) элиты;

$Q_Y(Y)$ – затраты на потребление производителей;

$\gamma \cdot R$ – производственная функция производителей (объем произведенного продукта в единицу времени);

R – коэффициент, характеризующий ресурсную базу производителей (количество и плодородие обрабатываемой земли);

γ – производительность труда производителей;

$C(N, Y)$ – функция затрат элиты на управление. Затраты на управление повышаются с увеличением площади владений (затраты на инфраструктуру, коммуникации, охрану границ и т. п.) и с увеличением количества податного населения N (осуществление полицейских функций).

Базовая модель (29)–(30) описывает *автономное* существование рассматриваемых социальных систем. Это начальная (*первая*) фаза, в течение которой взаимодействие между данными системами отсутствует либо они экономически и политически малозначимы.

Типичный вид фазовых траекторий для автономных систем (29)–(30) представлен на рис. П21.9, где $Y' = a_X/(a \cdot N)$, $Y'' = \gamma \cdot R/a_Y$.

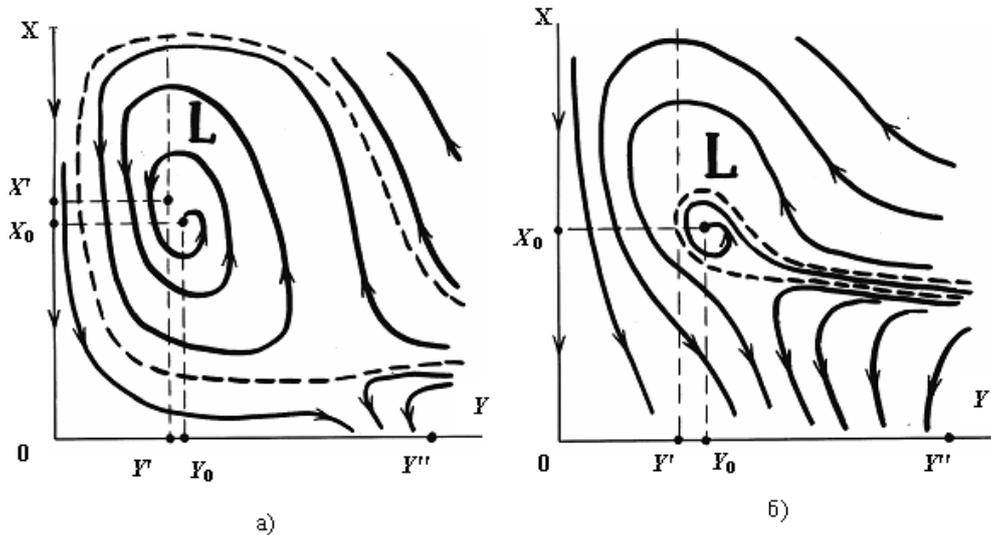

Рис. П21.9. Фазовый портрет автономных систем (29)–(30): а) низкие затраты на управление; б) высокие затраты на управление

При расчетах использовался простейший вид функций, входящих в уравнения (29) и (30): $Q_X(X) = a_X X$, $Q_Y(Y) = a_Y Y$, $K(X, Y) = \alpha \cdot X \cdot Y$, $C(N, Y) = (c_1/Y + c_2 \cdot Y) \cdot N^r$

(Малков 2002). Система имеет устойчивое состояние – точечный аттрактор типа «устойчивый фокус» с координатами X_0 и Y_0 и областью притяжения L , граница которой обозначена на рис. П21.9 пунктирной линией. Это означает, что, оказавшись в области L , система будет эволюционировать к устойчивому состоянию (X_0, Y_0) и через некоторое время установится равновесие, которое будет мало чувствительно к возмущениям.

Анализ модели показывает, что размер области устойчивости L зависит прежде всего от $K_i(X_i, Y_i)$ и $C_i(N_i, Y_i)$, то есть от объема собираемых налогов и затрат на управление (см. рис. П21.9а и П21.9б). При повышении налогов и затрат на управление устойчивость функционирования социальных систем снижается, что приводит к увеличению вероятности выхода из области устойчивости, дестабилизации и гибели социальной системы в случае нападения на нее агрессивных соседей, возникновения природных катаклизмов и т. п.

Следующая (*вторая*) фаза рассматриваемого интеграционного процесса наступает, когда социальные системы начинают активно взаимодействовать. В аграрных обществах с преобладанием натурального хозяйства это взаимодействие выражается прежде всего в *конкуренции*¹⁸ за территорию и природные ресурсы. Наиболее типичной формой конкуренции является война. Роль войн в жизни аграрных обществ огромна. По мнению ряда исследователей, например Р. Л. Карнейро (2006а, 2006б), именно войны при ограниченности ресурсов явились важнейшей причиной образования государства. Война – дело дорогое, она увеличивает затраты элиты, охраняющей свои владения, что, соответственно, приводит к увеличению налогового бремени на население. В базовой модели военные издержки должны быть учтены введением дополнительных членов в правую часть уравнения (29), где описываются расходы элиты. Если соперничают i -я и j -я социальные системы, то дополнительные расходы элиты в модели можно учесть выражением вида $b_{ij} \cdot X_i \cdot X_j$ (Иванилов и др. 1993). Базовая модель для первой социальной системы принимает вид:

$$dX_1/dt = K_1(X_1, Y_1) \cdot N_1 - Q_{X1}(X_1) - C_1(N_1, Y_1) - b_{12} \cdot X_1 \cdot X_2 - \sum b_{1j} \cdot X_1 \cdot X_j, \quad (31)$$

$$dY_1/dt = \gamma_1 \cdot R_1 - Q_{Y1}(Y_1) - K_1(X_1, Y_1), \quad (32)$$

а для второй социальной системы – следующий вид:

$$dX_2/dt = K_2(X_2, Y_2) \cdot N_2 - Q_{X2}(X_2) - C_2(N_2, Y_2) - b_{21} \cdot X_2 \cdot X_1 - \sum b_{2j} \cdot X_2 \cdot X_j, \quad (33)$$

$$dY_2/dt = \gamma_2 \cdot R_2 - Q_{Y2}(Y_2) - K_2(X_2, Y_2). \quad (34)$$

Здесь предпоследние члены в правых частях уравнений (31) и (34) отражают затраты первой и второй социальных систем на борьбу друг с другом, а последние члены – затраты этих систем на борьбу с остальными сопредельными социумами. Схематично эта ситуация отражена на рисунке П21.10.

¹⁸ Базовая модель конкуренции (2) описана выше в разделе 1.

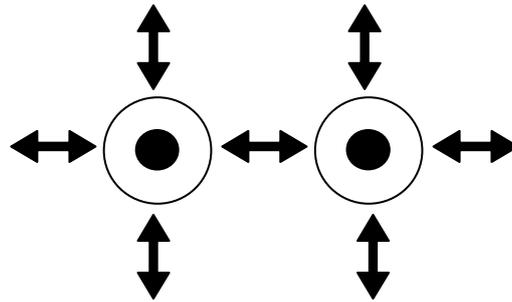

Рис. П21.10. Стадия конкуренции

На рисунке окружности обозначают социальные системы, светлые круги внутри окружностей – местную элиту, стрелки – конкурентное взаимодействие социальных систем.

Сравнение уравнений (31)–(34) с уравнениями (29)–(30) показывает, что в случае войны «всех против всех» увеличение военных затрат (и, следовательно, повышение налогов на населения, обусловленных военными нуждами) приводит к уменьшению областей притяжения L_1 и L_2 (см. рис. П21.9б) и, соответственно, к снижению устойчивости и «живучести» обеих рассматриваемых социальных систем.

Необходимость повышения социальной устойчивости и «живучести» заставляет местные элиты искать союзников для объединения сил и ресурсов в противостоянии внешним угрозам и для снижения собственных военных издержек. Этот процесс заканчивается установлением между социальными системами *конфедеративных* отношений, что знаменует переход процесса интеграции на следующую – *третью* – фазу. Примерами социальных организмов, находящихся на этой фазе интеграции, являются вожества, союзы племен и т. п. Члены конфедерации согласовывают внешнеполитические действия друг с другом, но во внутренней политике остаются независимыми. Базовая модель, описывающая эту фазу интеграции имеет вид:

$$dX_1/dt = K_1(X_1, Y_1) \cdot N_1 - Q_{X1}(X_1) - C_1(N_1, Y_1) - \sum b_{1j} \cdot X_1 \cdot X_j, \quad (35)$$

$$dY_1/dt = \gamma_1 \cdot R_1 - Q_{Y1}(Y_1) - K_1(X_1, Y_1), \quad (36)$$

/для первой социальной системы/

$$dX_2/dt = K_2(X_2, Y_2) \cdot N_2 - Q_{X2}(X_2) - C_2(N_2, Y_2) - \sum b_{2j} \cdot X_2 \cdot X_j, \quad (37)$$

$$dY_2/dt = \gamma_2 \cdot R_2 - Q_{Y2}(Y_2) - K_2(X_2, Y_2), \quad (38)$$

/для второй социальной системы/.

Эта ситуация схематично отражена на рис. П21.11.

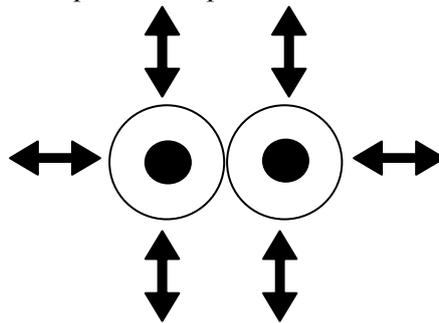

Рис. П21.11. Конфедеративная стадия

Отличие схемы на рис. П21.11 от схемы на рис. П21.10 заключается в отсутствии антагонистических конкурентных отношений между социальными системами, объединенными в конфедерацию.

При сравнении уравнений (35)–(38) с уравнениями (31)–(34) видно, что вследствие установления союзнических отношений внутри конфедерации затраты на отражение внешних угроз снижаются и, следовательно, устойчивость системы увеличивается.

Установление союзнических отношений и необходимость координации совместных действий требует образования объединенных (центральных) органов управления, сосредоточивающих в своих руках определенные властные полномочия (как правило, в периоды военных действий с внешними врагами и во время действия других форс-мажорных обстоятельств). Централизованное управление территориями возникает также в результате завоеваний, когда победитель подчиняет своей воле элиты завоеванных территорий (представители элиты, оказывающие сопротивление, уничтожаются). В любом случае возникновение центральных органов управления вынуждает местные элиты делиться с ними ресурсами и властью. Реальное управление на местах, взаимодействие с населением, сбор налогов остается по-прежнему в ведении местных элит. Объем полномочий и властных функций, передаваемых наверх центральной власти, может в зависимости от конкретной ситуации достаточно сильно варьироваться. Ущемление материальных и политических интересов местных элит, принуждение к подчинению центральной власти в определенных вопросах компенсируется установлением большего уровня внешней безопасности (центральная власть берет на себя ответственность за военную охрану территорий) и большими возможностями для внешней экспансии, получения военной добычи и прочих выгод.

В результате устанавливается некоторый компромисс между центральной властью и местными элитами, принимающий форму *раннего государства* (по Л. Е. Гринину) и определяющий суть следующей – *четвертой* – фазы интеграционного процесса. Базовая модель, описывающая эту фазу интеграции, имеет вид:

$$dZ/dt = G_{X1}(X_1, Z) + G_{X2}(X_2, Z) - Q_Z(Z) - C_Z(X_1, X_2, Z) - \sum b_{Zj} \cdot Z \cdot X_j, \quad (39)$$

$$dX_1/dt = K_1(X_1, Y_1) \cdot N_1 - Q_{X1}(X_1) - G_{X1}(X_1, Z) - C'_{11}(N_1, Y_1) - \sum b'_{1j} \cdot X_1 \cdot X_j, \quad (40)$$

$$dY_1/dt = \gamma_1 \cdot R_1 - Q_{Y1}(Y_1) - K_1(X_1, Y_1), \quad (41)$$

$$dX_2/dt = K_2(X_2, Y_2) \cdot N_2 - Q_{X2}(X_2) - G_{X2}(X_2, Z) - C'_{22}(N_2, Y_2) - \sum b'_{2j} \cdot X_2 \cdot X_j, \quad (42)$$

$$dY_2/dt = \gamma_2 \cdot R_2 - Q_{Y2}(Y_2) - K_2(X_2, Y_2), \quad (43)$$

где в дополнение к предыдущим обозначениям:

Z – объем материальных благ и ресурсов, концентрирующихся в распоряжении центральной власти;

$G_{Xi}(X_i, Z)$ – величина ресурсов, изымаемых центральной властью у местных элит;

$Q_Z(Z)$ – функция затрат на свои нужды (функция потребления);

$C_Z(X_1, X_2, Z)$ – функция затрат центральной власти на управление (включают в себя прежде всего затраты на обеспечение лояльности местных элит);

$\sum b_{zj} \cdot Z \cdot X_j$ – затраты центральной власти на борьбу с сопредельными государствами;

штрих «'» в уравнениях (40) и (42) у функций затрат местных элит на управление и ведение войн означает относительное уменьшение этих затрат по сравнению с ситуацией, характерной для *конфедеративной* фазы интеграции (см. (35) и (37)).

Эта ситуация схематично отражена на рисунке П21.12.

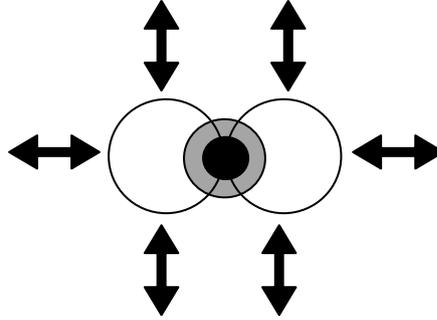

Рис. П21.12. Стадия *раннего* государства

На рисунке центральная власть обозначена темным кружком внутри более светлого круга, обозначающего элиту.

Важно, что на этой ступени интеграции появляется центральная власть, обладающая однако «неполными» (по Л. Е. Гринину) функциями и осуществляющая взаимоотношения с населением не напрямую, а лишь через посредство местных элит.

Следующая – *пятая* – фаза интеграции связана с усилением связей между центральными органами власти и населением. Эту фазу условно можно назвать *федеративной*. Центральная власть начинает брать на себя все больший объем функций: охрана границ и военная организация, развитие транспортной инфраструктуры и внутренней торговли, налаживание денежного хозяйства, унификация законодательства, обеспечение правопорядка и т. п. Это в определенной степени облегчает жизнь местной элите, снимает с нее часть забот, но, с другой стороны, это же снимает с нее и часть полномочий, уменьшает ее политический и экономический вес, повышает авторитет и силу центральной власти. Базовая модель, описывающая эту фазу интеграции, принимает вид:

$$dZ/dt = G_{X1}(X_1, Z) + G_{X2}(X_2, Z) + G_{Y1}(Y_1, Z) + G_{Y2}(Y_2, Z) - Q_Z(Z) - C_Z(X_1, X_2, N_1, N_2, Z) - \sum b_{zj} \cdot Z \cdot X_j, \quad (44)$$

$$dX_1/dt = K'_1(X_1, Y_1) \cdot N_1 - Q_{X1}(X_1) - G_{X1}(X_1, Z) - C'_1(N_1, Y_1) - \sum b'_{1j} \cdot X_1 \cdot X_j, \quad (45)$$

$$dY_1/dt = \gamma_1 \cdot R_1 - Q_{Y1}(Y_1) - K'_1(X_1, Y_1) - G_{Y1}(Y_1, Z), \quad (46)$$

$$dX_2/dt = K'_2(X_2, Y_2) \cdot N_2 - Q_{X2}(X_2) - G_{X2}(X_2, Z) - C'_2(N_2, Y_2) - \sum b'_{2j} \cdot X_2 \cdot X_j, \quad (47)$$

$$dY_2/dt = \gamma_2 \cdot R_2 - Q_{Y2}(Y_2) - K'_2(X_2, Y_2) - G_{Y2}(Y_2, Z), \quad (48)$$

где в дополнение к предыдущим обозначениям:

$G_{Yi}(Y, Z)$ – налоги с населения, собираемые центральной властью;
 $C_Z(X_1, X_2, N_1, N_2, Z)$ – функция затрат центральной власти на управление, развитие инфраструктуры, поддержание правопорядка и т. п.;
 штрих «'» в уравнениях (45)–(48) означает относительное уменьшение соответствующих затрат по сравнению с ситуацией, характерной для *раннего* государства (см. (39)–(43)).

Эта ситуация схематично отражена на рисунке П21.13.

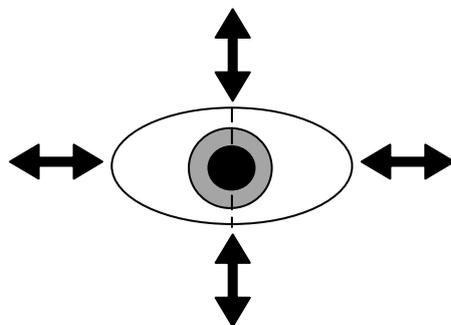

Рис. П21.13. Федеративная стадия

Отличие схемы на рисунке П21.13 от схемы на рисунке П21.12 заключается в том, что она отражает фактическое объединение двух социальных систем в одно государство с единой центральной властью.

Расширение функций центральной власти ведет к расширению сети ее административных органов на местах. Часть налогов, ранее собираемых местной элитой, начинает собираться непосредственно фискальными органами центральной власти для осуществления общегосударственных функций. Тем самым центр устанавливает прямые связи с населением, посредническая роль местной элиты уменьшается. При этом у населения появляется возможность апеллировать к центральной власти в случае злоупотреблений местных элит. Реальная власть элит на местах становится меньше, усиливается сменяемость местных администраторов и управленцев, что подрывает возможности сепаратизма. Центральная власть стремится создать собственное, постоянное, не связанное с элитой войско, а военные функции местной элиты решительно ограничиваются. Возникает ситуация неустойчивого равновесия между центральной и местной властью, чреватая – в зависимости от конкретных условий – усилением как центробежных (с переходом на предыдущую фазу интеграции), так и центростремительных (с переходом на следующую фазу интеграции) тенденций.

Следующая – *шестая* – фаза интеграции – это *развитое* государство (по Л. Е. Грину). Центр берет на себя осуществление государственных функций в полном объеме, происходит унификация в правовой сфере, местные элиты трансформируются в единое сословие и становятся фактически частью государственного аппарата, центральная власть непосредственно взаимодействует с населением через свои административные органы на местах. Государство становится единым социальным организмом.

Базовая модель, описывающая *развитое* государство, имеет следующий вид:

$$dZ/dt = G_Y(Y, Z) - G_X(X, Z) - Q_Z(Z) - C_Z(N_1, N_2, Z) - \sum b_{Zj} \cdot Z \cdot X_j, \quad (49)$$

$$dX/dt = K'(X, Y) \cdot N + G_X(X, Z) - Q_X(X) - C'(N, Y), \quad (50)$$

$$dY/dt = \gamma \cdot R - Q_Y(Y) - K'(X, Y) - G_Y(Y, Z). \quad (51)$$

Здесь $X = X_1 + X_2$, $Y_1 = Y_1 + Y_2$, $N = N_1 + N_2$, что отражает формирование сословий. Структура общества упрощается, становится более прозрачной, что улучшает управляемость. Местные особенности постепенно нивелируются. Общество достигает высокого уровня интеграции. Эта ситуация схематично отражена на рисунке П21.14.

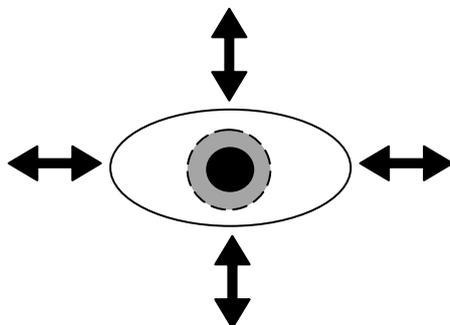

Рис. П21.14. Стадия развитого государства

На рисунке снижение самостоятельной политической роли местных элит отражено с помощью пунктирной линии, отделяющей ее от населения.

Таким образом, рассмотренным выше последовательным фазам формирования централизованных государств из автономных догосударственных образований соответствуют различные структуры социальной самоорганизации, что отражается в различии описывающих их базовых моделей:

- 1) фаза *автономного* существования – уравнения (29)–(30);
- 2) фаза *конкуренции* – уравнения (31)–(34);
- 3) фаза *конфедеративных* отношений – уравнения (35)–(38);
- 4) фаза *раннего* государства – уравнения (39)–(43);
- 5) фаза *федеративных* отношений – уравнения (44)–(48);
- 6) фаза *развитого* государства – уравнения (49)–(51).

Анализ базовых моделей интеграционных процессов показывает, что переход от *раннего* к *развитому* государству проходит через фазу, которая была названа *федеративной*. Это неустойчивая фаза, характеризующаяся борьбой центристских и центробежных тенденций. Источником центробежных тенденций всегда была местная элита, стремившаяся к независимости и автономности. Объединение местных элит под началом центральной власти было возможно лишь перед лицом общих внешних угроз. Как только внешние угрозы ослабевали и необходимость в координации действий под началом центральных органов управления отпадала, местные элиты брали курс на сепаратизм и автономию. В этом они находили поддержку у населения, для которого далекая центральная власть (тем более, если она имела другую веру, язык, культуру) ассоциировалась лишь с дополнительными налогами. Сильная фрагментация этнического и культурного пространства наряду с господством натурального хозяйства способствовала поддержке сепаратистских устремлений местных элит. Поэтому до определенного времени преодолеть фазу *раннего* государства было очень сложно и за объединительными процессами неизбежно следовали разъединительные. Этим обусловлена длительная стабилизация данной фазы интеграции в Мир-Системе.

Ситуация могла измениться лишь при условии *изменения социальной среды*. А именно, среда должна была стать более связной, менее фрагментарной, менее склонной к сепаратизму. Такая трансформация социальной среды произошла в I тыс. до н. э. К. Ясперс (1994) назвал это время *осевым*. Все началось с изобретения и освоения технологии массового изготовления железного оружия и новой технологии ведения войн на основе многочисленных армий. Результатом стало образование обширных империй, удерживаемых от распада силой. Однако укрупнение социальных пространств, поначалу сугубо силовое, способствовало усилению также и межэтнических контактов, развитию торговли. Возникла потребность в развитии средств коммуникаций, связи, унификации денежных систем, в появлении межнациональных (а не только локальных, племенных) религий и идеологий. В течение I тыс. до н. э. множественные технические и культурные достижения привели к появлению коммуникационных, экономических, культурных сетей на пространстве Евразии, к расширению представлений о мире, преодолению локальности восприятия. Таким образом, в I-м тыс. до н. э. изменилась социальная среда, население почувствовало пользу от интеграционных процессов и сепаратистские настроения местных элит перестали пользоваться абсолютной поддержкой. Более того, в центральной власти население стало видеть противовес всевластию и произволу местной элиты. Трансформация социальной среды обусловила *фазовый переход* в новое устойчивое состояние с господством *развитого* государства, с сильной центральной властью и с преобладанием центристских тенденций. Теперь типичными становятся не случаи распада империй на конгломерат мелких государств, как это было в предыдущую историческую эпоху, а случаи воссоединения культурных пространств после периодов политических смут и внешних завоеваний (как это можно наблюдать, скажем, в истории Китая или России).

Из рис. 21.5 и 21.6 видно, что *фазовый переход* «осевого времени» – не уникальное событие в истории: аналогичный процесс глобальной политической неустойчивости начался в Мир-Системе в XVII–XIX вв. и продолжается до настоящего времени. Этой фазе развития соответствует *зрелое* государство (по классификации Л. Е. Гринина). В *зрелом* государстве административно-бюрократический аппарат становится уже вполне системным, поэтому центр осуществляет взаимоотношения с населением в основном с помощью этого аппарата. В зрелом государстве точнее говорить уже не столько о взаимоотношениях *центра*, элиты и народа, сколько о взаимоотношениях *государства*, элиты и населения. Взаимоотношения между государством и населением – прямые, непосредственные как через госаппарат (например, налоговые и судебные органы), так и посредством участия населения в выборах. Взаимоотношения же между государством и элитой становятся, если можно так сказать, гражданскими. Это означает, с одной стороны, что элита, то есть представители крупного землевладения, бизнеса, финансов и верхушка интеллектуалов, уже перестает выполнять функции государственной структуры, полностью перешедшие в руки официального аппарата (то есть элита становится частью общества, но не государства). Однако, с другой стороны, преимущества и положение элиты особо охраняются государством. Все это способствует формированию и функционированию гражданского общества.

Схематично это изменение ситуации (полный переход функций управления в ведение государственного аппарата) отражен на рисунке П21.15.

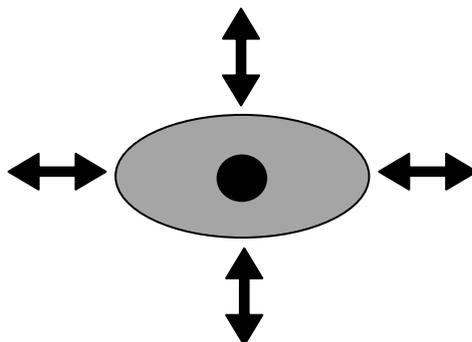

Рис. П21.15. Стадия зрелого государства

Эти трансформации произошли по историческим меркам очень быстро. И не успело *зрелое* государство окрепнуть, как стали появляться и стремительно усиливаться новые, наднациональные и надгосударственные образования (международные организации, транснациональные корпорации и т. п.), де-факто, отбирающие у традиционных национальных государств их функции. По-видимому, так называемое *зрелое* государство есть лишь переходная форма к новому, пока еще неизвестному типу общества, которое формируется в ходе процессов глобализации.

Библиография

- Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. 2013.** Математическое макро моделирование геополитической мощи государства. *Стратегическая стабильность* 2(63): 60–66.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008.** Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории: Математическое моделирование исторических процессов* / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009.** Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки. *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Иванилов В. Ю., Огарышев В. Ф., Павловский Ю. Н. 1993.** *Имитация конфликтов*. М.: ВЦ РАН.
- Карнейро Р. Л. 2006а.** Было ли вожество сгустком идей. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 211–228. Волгоград: Учитель.

- Карнейро Р. Л. 2006б.** Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 55–70. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-системы. Демография, экономика, культура* / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: КомКнига.
- Малков С. Ю. 2002.** Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2019.** Режимы с обострением в истории человечества или воспоминания о будущем. *Компьютерные исследования и моделирование* 11(5): 931–947.
- Малков С. Ю., Кирилюк И. Л. 2013.** Моделирование динамики конкурирующих сообществ: варианты взаимодействия. *Информационные войны* 2(26): 49–56.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. 2005.** Геополитические процессы как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 103–116. М.: КомКнига/УРСС.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.